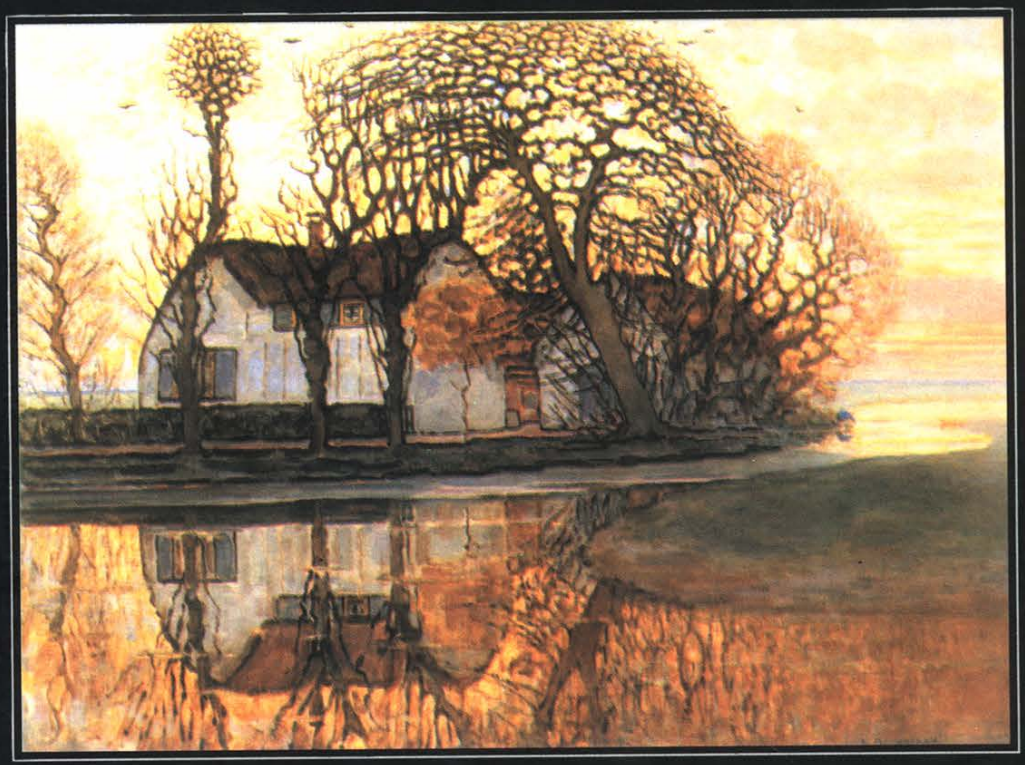
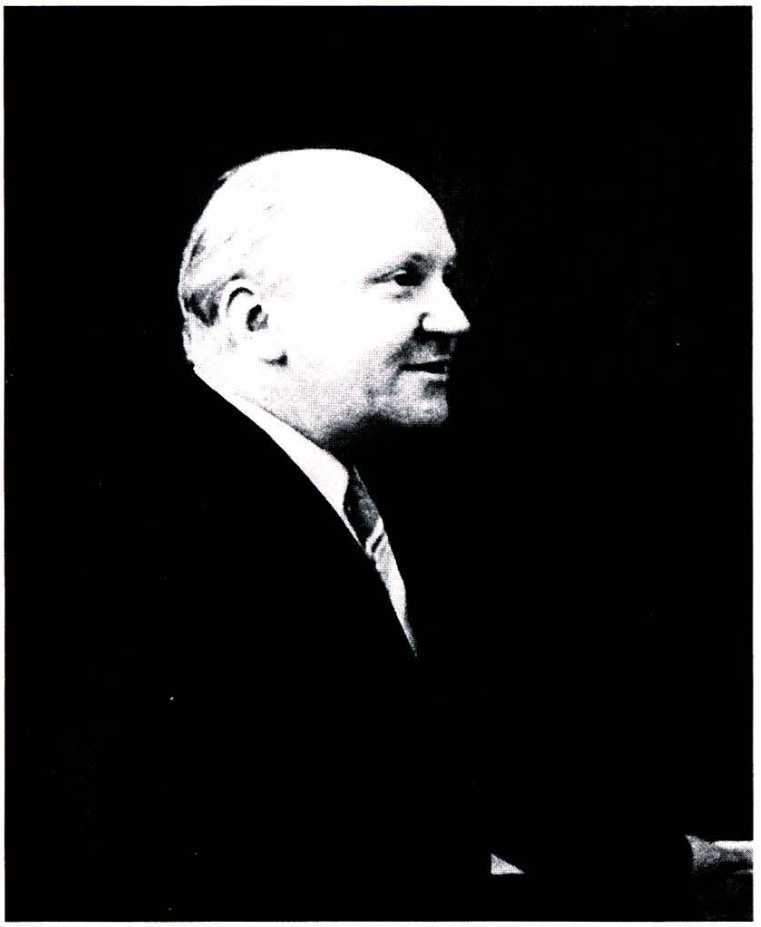
4
Ж
-41

ЖИЗНЬ ЯЗЫКА

Сборник к 80-летию Михаила Викторовича Панова

М. В. Панов на лекции в МГУ

Фото Л. Л. Касаткина

STUDIA PHILOLOGICA

ИРЯ
институт русского языка
им. в. в. виноградова
www.ruslang.ru

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА им. В. В. ВИНОГРАДОВА

ЖИЗНЬ ЯЗЫКА

СБОРНИК СТАТЕЙ К 80-ЛЕТИЮ МИХАИЛА ВИКТОРОВИЧА ПАНОВА

Ответственный редактор
доктор филологических наук С. М. Кузьмина

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ
Москва
2001

4
Ж-71
БИБЛИОТЕКА
ИН-ТА РУССКОГО ЯЗЫКА
РАН
90751

ББК 81.2Рус
Ж 71

Издание осуществлено при поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(РГНФ)
проект 00-04-16047

Редколлегия:
док. филол. наук Е. А. Земская,
док. филол. наук Е. В. Красильникова,
док. филол. наук С. М. Кузьмина

Составитель:
канд. филол. наук *Л. А. Капанадзе*

Секретарь редколлегии:
А. В. Занадворова

Ж 71 Жизнь языка: Сб. ст. к 80-летию М. В. Панова / Сост. Л. А. Капанадзе. Отв. ред. С. М. Кузьмина. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – 544 с. – Вклейка: 8 с. после 480 с. – (Studia philologica).

ISBN 5-7859-0216-8

Сборник включает разделы: «Грамматика. Лексика» (среди других рассматриваются явления роста аналитизма, нейтрализации в морфологии и синтаксисе); «Фонетика» (литературный язык и диалекты); «Речевая коммуникация» (устная и письменная формы); «Поэтика» (авангард, О. Мандельштам, Н. Заболоцкий, В. Хлебников, М. Пришвин и др.); «Орфография» (исторические вопросы и современное состояние). В разделе «Школа» затрагиваются актуальные проблемы преподавания русского языка. Сборник завершают воспоминания и рассказы М. В. Панова о Мосгорпединституте, его учителях и коллегах.

ББК 81.2Рус

В оформлении обложки использована иллюстрация:
Пит Мондриан. «Деревенский дом в Дуйвендрехте» (ок. 1916).

Outside Russia, apart from the Publishing House itself (fax: 095 246-20-20 c/o M153, E-mail: koshelev.ad@mtu-net.ru), the Danish bookseller G·E·C GAD (fax: 45 86 20 9102, E-mail: slavic@gad.dk) has exclusive rights for sales of this book.

Право на продажу этой книги за пределами России, кроме издательства «Языки славянской культуры», имеет только датская книготорговая фирма G·E·C GAD.

ISBN 5-7859-0216-8

© Авторы, 2001

Содержание

Вводное слово (*Л. А. Капанадзе*) 9

Грамматика. Лексика

Ю. Д. Апресян
Глагол *заставлять*: семантический класс, синонимия, многозначность 13
Л. Н. Булатова
Изучая диалектную морфологию 28
Е. А. Брызгунова
Полифункциональные слова как проблема русских и русско-иноязычных словарей 35
М. Я. Гловинская
Язык эмиграции как свидетельство о неустойчивых участках языка метрополии 42
О. П. Ермакова
О некоторых явлениях нейтрализации в морфологии 60
Е. А. Земская
Речь эмигрантов как свидетельство роста аналитизма в русском языке. 68
Е. В. Клобуков
Аналитические глаголы в русском языке 77
Ю. П. Князев
Синтаксическая деривация и части речи 88
О. А. Крылова
О нейтрализации в синтаксисе 93
И. И. Макеева
Грамматика и лексикография 98
В. З. Санников
Еще раз о союзе *раз* 109
Эр. Хан-Пира
Конвой и эскорт 117
Е. Н. Ширяев
Предложения характеризации с делексикализованными глаголами 124

Фонетика

С. Ф. Барышева
«Эканье» и «иканье» в речи артистов Малого театра конца XIX — первой трети XX века. 133

Е. Л. Бархударова
Структурная организация фонемы в свете концепции М. В. Панова о двух типах фонетических систем 139
С. Н. Борунова
Взгляд на проблему побочного ударения в современном русском языке (лексикографический аспект). . . . 145
Стефан Гжибовский
Типологическая устойчивость мягкостной корреляции в русском консонантизме 149
К. В. Горшкова
Почему так интересен «ять» для диалектологов, лингвогеографов, историков 160
М. Л. Каленчук
Об устойчивости орфоэпического навыка 165
Л. Л. Касаткин
Два типа сигнификативно слабых позиций и некоторые согласные суперфонемы русского литературного языка 172
Р. Ф. Касаткина
Синтаксис в плену фонетики (о фонетических ограничениях на функционирование некоторых синтаксических конструкций в южнорусских говорах). 184
Л. П. Крысин
Новые аналитические прилагательные и явление хиатуса 189
Р. И. Лихтман
К вопросу о произносительных стилях русского литературного языка 197
Д. М. Савинов
Развитие предударного вокализма в одном тульском говоре . . . 211

Речевая коммуникация

Е. И. Голанова
Языковая личность в ситуации беседы (О некоторых особенностях устного общения М. М. Бахтина) . . 219
В. Е. Гольдин
Ассоциативный эксперимент как речевая игра 226
А. В. Занадворова
Цитата в семейной речи. 234
Н. Йот
Две забавные мелочи 241
Л. А. Капанадзе
Структура и тенденции развития электронных жанров 246
М. В. Китайгородская, Н. Н. Розанова
Малые письменные жанры в городском общении: на пути к диалогу 256

М. А. Кронгауз
Изменения в современном речевом этикете 263
А. А. Плетнева
Социолингвистика и проблемы истории
русского языка XVIII—XIX веков 269
О. Б. Сиротинина
О стилистических приемах современной публицистики,
которые могут приводить к коммуникативной неудаче 280

Поэтика

И. А. Букринская, О. Е. Кармакова
Диалектное слово и народный менталитет
в художественном тексте 289
В. П. Григорьев
Взлеты и падения авангарда 301
Е. И. Диброва
Антонимический композит как
структурно-содержательная единица текста 312
Г. Н. Иванова-Лукьянова
Авторская заданность тембра в художественном тексте 323
Н. А. Кожевникова
О звуковых повторах в прозаическом тексте. 329
Е. В. Красильникова
Движение (Н. Заболоцкий) 337
Г. С. Куликова, Г. Г. Полищук
Звучащая речь в художественном тексте 342
Н. Н. Перцова
Пространство ранней прозы В. Хлебникова. 350
М. И. Яшуничкина
Лингвокультурологическая проблематика
в произведениях О. Мандельштама 355
Вл. Новиков
Две заметки о феномене М. В. П. 362
Елена Сморгунова
«Целебное действие звуков»
(частные заметки о стихах Михаила Панова) 367

* * *

Ольга Седакова
Лимерики (Из жизни замечательных людей) 380

Орфография

Б. З. Букчина
Орфография некоторых образований,
производных от географических названий 387

Б. З. Букчина, Л. К. Челъцова
Орфографическая комиссия 1963—1964 годов 391
Л. Н. Булатова
Ирина Сергеевна Ильинская как пропагандист и популяризатор идей Московской лингвистической школы . . . 395
Т. М. Григорьева
Новая жизнь старой орфографии 399
С. М. Кузьмина
Об умягчении нравов русской орфографии (к проблеме вариативности написаний) 406
В. В. Лопатин
Беглость гласных как орфографическая проблема (из комментариев к новому своду правил правописания) 412
А. В. Суперанская
Юго-западное влияние на орфографию Московской Руси в XVII веке (на материале имен личных) 421

Школа

П. С. Жедек
Фонология и школьная методика преподавания орфографии . . 431
Л. Б. Парубченко
Ученый, учитель, художник 441
О. В. Синёва
«Злостностность» безграмотности современных Вов Бутузовых (или О роли текста на уроках русского языка) . . 464

* * *

Е. Г. Бирбраер, Н. А. Иванова
Наш школьный учитель 473
Л. А. Шкатова
Слово об Учителе 476

* * *

Беседы с Михаилом Викторовичем Пановым. 483
А. А. Реформатский. Из беседы с В. Д. Дувакиным 525

Список трудов М. В. Панова 535

Михаилу Викторовичу Панову —
ученому, учителю, доблестному воину

Вводное слово

Этот сборник статей мы посвящаем 80-летию Михаила Викторовича Панова, профессора, доктора филологических наук, учителя, поэта. Спектр научных интересов юбиляра необычайно широк: это и теоретическая лингвистика, и русская фонетика, и грамматика, и прагматика языка, и поэтика. По каждому из этих направлений М. В. Пановым написаны научные монографии, учебники для высшей школы, многочисленные статьи. Книги Панова — на каждой филологической полке.

Талант оригинального исследователя М. В. Панов соединяет с талантом популяризатора науки. Школьный учитель в первой своей профессии (или — второй, если считать первой профессию артиллериста, командира батареи в Великой Отечественной войне), он создает блестящий и дерзкий учебник русского языка для средней школы, объединив вокруг себя группу ученых-энтузиастов. Столь редко встречающийся среди кабинетных ученых дар организатора позволил Михаилу Викторовичу создать научные коллективы, которые работали — и работают по сию пору — над проблемами социологии русского языка, коллоквиалистики, стилистики, орфографии. Данные «массового обследования» только-только входили в научный обиход, а под редакцией М. В. Панова уже выпускается четырехтомная монография «Русский язык и советское общество» (1968). Им сформулированы принципы социолингвистического исследования языка, показана роль антиномий в развитии языка, выявлены основные тенденции в развитии грамматического строя русского языка, описано соотношение разговорной и книжной речи, исследованы фонетические изменения и их причины.

М. В. Панов — знаток поэзии и сам поэт. В 1998 г. издана его книга «Тишина. Снег», получившая высокую оценку критики (в настоящем сборнике помещена обширная рецензия В. И. Новикова).

Сборник многопланов. Его разделы — «Грамматика. Лексика», «Фонетика», «Речевая коммуникация», «Поэтика», «Орфография», «Школа» — охватывают лишь часть той проблематики, что интересовала — и продолжает интересовать — юбиляра на его долгом и плодотворном пути. Во всех разделах в цитатах, "в сшибке" научных идей, в отсылках показана живая сопричастность М. В. Панова миру современной лингвистики, одним из творцов которого он является.

Л. А. Капанадзе

Б. З. Букчина, Л. К. Челъцова
Орфографическая комиссия 1963—1964 годов 391
Л. Н. Булатова
Ирина Сергеевна Ильинская как пропагандист и популяризатор идей Московской лингвистической школы . . . 395
Т. М. Григорьева
Новая жизнь старой орфографии 399
С. М. Кузьмина
Об умягчении нравов русской орфографии (к проблеме вариативности написаний) 406
В. В. Лопатин
Беглость гласных как орфографическая проблема (из комментариев к новому своду правил правописания) 412
А. В. Суперанская
Юго-западное влияние на орфографию Московской Руси в XVII веке (на материале имен личных) 421

Школа

П. С. Жедек
Фонология и школьная методика преподавания орфографии . . 431
Л. Б. Парубченко
Ученый, учитель, художник 441
О. В. Синёва
«Злостностность» безграмотности современных Вов Бутузовых (или О роли текста на уроках русского языка) . . 464

* * *

Е. Г. Бирбраер, Н. А. Иванова
Наш школьный учитель 473
Л. А. Шкатова
Слово об Учителе 476

* * *

Беседы с Михаилом Викторовичем Пановым. 483
А. А. Реформатский. Из беседы с В. Д. Дувакиным 525

Список трудов М. В. Панова 535

Михаилу Викторовичу Панову —
ученому, учителю, доблестному воину

Вводное слово

Этот сборник статей мы посвящаем 80-летию Михаила Викторовича Панова, профессора, доктора филологических наук, учителя, поэта. Спектр научных интересов юбиляра необычайно широк: это и теоретическая лингвистика, и русская фонетика, и грамматика, и прагматика языка, и поэтика. По каждому из этих направлений М. В. Пановым написаны научные монографии, учебники для высшей школы, многочисленные статьи. Книги Панова — на каждой филологической полке.

Талант оригинального исследователя М. В. Панов соединяет с талантом популяризатора науки. Школьный учитель в первой своей профессии (или — второй, если считать первой профессию артиллериста, командира батареи в Великой Отечественной войне), он создает блестящий и дерзкий учебник русского языка для средней школы, объединив вокруг себя группу ученых-энтузиастов. Столь редко встречающийся среди кабинетных ученых дар организатора позволил Михаилу Викторовичу создать научные коллективы, которые работали — и работают по сию пору — над проблемами социологии русского языка, коллоквиалистики, стилистики, орфографии. Данные «массового обследования» только-только входили в научный обиход, а под редакцией М. В. Панова уже выпускается четырехтомная монография «Русский язык и советское общество» (1968). Им сформулированы принципы социолингвистического исследования языка, показана роль антиномий в развитии языка, выявлены основные тенденции в развитии грамматического строя русского языка, описано соотношение разговорной и книжной речи, исследованы фонетические изменения и их причины.

М. В. Панов — знаток поэзии и сам поэт. В 1998 г. издана его книга «Тишина. Снег», получившая высокую оценку критики (в настоящем сборнике помещена обширная рецензия В. И. Новикова).

Сборник многопланов. Его разделы — «Грамматика. Лексика», «Фонетика», «Речевая коммуникация», «Поэтика», «Орфография», «Школа» — охватывают лишь часть той проблематики, что интересовала — и продолжает интересовать — юбиляра на его долгом и плодотворном пути. Во всех разделах в цитатах, "в сшибке" научных идей, в отсылках показана живая сопричастность М. В. Панова миру современной лингвистики, одним из творцов которого он является.

Л. А. Капанадзе

ГРАММАТИКА. ЛЕКСИКА

Ю. Д. Апресян
Москва

ГЛАГОЛ *ЗАСТАВЛЯТЬ*: СЕМАНТИЧЕСКИЙ КЛАСС, СИНОНИМИЯ, МНОГОЗНАЧНОСТЬ[1]

Михаилу Викторовичу Панову к восьмидесятилетию

0. Вводные замечания

Данная работа написана по материалам словарной статьи, подготовленной мною для третьего выпуска «Нового объяснительного словаря синонимов русского языка».

В работе рассматривается синонимический ряд глагольных лексем *заставлять 1*, *вынуждать 1*, *принуждать 1* и уходящ. *понуждать 1*, представление о которых дают следующие примеры: *Выстрелив два раза в воздух, полицейский заставил его остановиться*; *Своим тридцатым ходом (тонкими маневрами) чемпион мира вынудил претендента разменять ферзей и добился ничьей*; *Их никто не принуждал к ночному путешествию*; *Это шайка стяжателей, понуждающая рабочих воровать*.

В данный ряд входят еще три синонима: обиходн. уходящ. *неволить*, устар. *приневоливать* и перен. *насиловать 2*. Ср. *Кто ж тебя неволил детский сад заводить!* (Ю. Трифонов, В грибную осень); *Я не буду приневоливать тебя к работе нашей* (Вольнов, БАС); *Она в спорте с детства привыкла себя насиловать, заставлять делать то, что не хочется* (А. Маринина, Мужские игры). Они носят более периферийный характер и в дальнейшем не рассматриваются.

Общее значение ряда можно сформулировать следующим образом: *X заставляет (вынуждает, ...) Y-а сделать P* = 'человек X воздействует на Y-а так, чтобы человек Y, который не хочет делать P, не мог этого не сделать'.

---

[1] Данная работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (грант № 99-04-00420а) и РФФИ (гранты № 96-15-98605 и № 00-15-98866). Первоначальный вариант работы был обсужден на рабочем семинаре сектора теоретической семантики Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН. Всем участникам обсуждения — В. Ю. Апресян, Е. Э. Бабаевой, О. Ю. Богуславской, И. В. Галактионовой, М. Я. Гловинской, С. А. Григорьевой, Б. Л. Иомдину, Т. В. Крыловой, И. Б. Левонтиной, А. В. Птенцовой, А. В. Санникову и Е. В. Урысон — я выражаю признательность за ценные критические замечания.

1. Место ряда в лексико-семантической системе языка

Данный ряд примыкает к большому классу глаголов с общим значением п о б у ж д е н и я к действию. Это значение выражается многими синонимическими рядами и отдельными лексемами русского языка, главными из которых являются сам глагол *побуждать* и следующие пять рядов синонимов: 1) *склонять 3, подталкивать 3, толкать 4*; 2) *убеждать 2, уговаривать, уламывать, агитировать 2*; 3) *призывать 3, взывать 2*; 4) *подговаривать, подстрекать, подбивать 7*; 5) *провоцировать 2, подзуживать, подначивать*.

Глагол *побуждать* (ср. *Мы не осмеливаемся побуждать заключенных к бунту* (С. Довлатов, Ремесло)) выражает общее для всего этого класса значение: *X побуждает Y-а к P* = 'желая, чтобы Y сделал P, и считая, что действие R может быть причиной того, что Y сделает P, X делает R'. *Побуждать* не обладает никакой смысловой спецификой по сравнению с синонимами перечисленных пяти рядов и в любом контексте может употребляться вместо любого из них — с утратой каких-то смысловых нюансов, но без нарушения правильности высказывания.

В отличие от глагола *побуждать*, синонимы пяти перечисленных рядов обнаруживают существенную семантическую специфику и противопоставляются как друг другу, так и рассматриваемому ряду синонимов. Различительными для них оказываются следующие смысловые признаки: 1) категоричность — некатегоричность побуждения; 2) его эффективность — неэффективность; 3) способ его осуществления (речевой акт — неречевое действие); 4) структура самого акта побуждения (одноактное действие — сложное действие, складывающееся из ряда более простых актов); 5) характер действия, к которому субъект побуждает адресата; 6) оценка действия, к которому побуждается адресат, и связанная с этим оценка самого акта побуждения.

Пять перечисленных выше рядов предполагают н е к а т е г о р и ч е с к о е побуждение к действию, не требующее его обязательного выполнения и допускающее в о з р а ж е н и я адресата или его п о л е м и к у с субъектом. Ср. *Мать Голендуха печально покачала головой и ничего не сказала, но было ясно, что на продажу* [*Свиных Овражков*] *склонить ее невозможно* (А. Н. Толстой, БАС); *Федору Ивановичу не удалось убедить его остаться; но наговорился он с ним досыта* (Тургенев, МАС); *Игорь ходил в демисезонном пальто, и Валерия Константиновна надеялась уговорить его купить зимнее — не заставить, конечно (это было невозможно), а именно уговорить* (В. Каверин, Косой дождь); *Кто настаивал? Кто толкнул меня? Не я ль тебя отговаривала? Не ты ль меня уламывал?* (В. Тендряков, Поденка — век короткий); *Выйдя из тюрьмы, она снова стала призывать болгарский народ на борьбу с фашистами* (В. Кожевников, БАС); *Можно было отказаться, как отказались другие, кого Кунгура подбивал на кражу, но — Ваньке захотелось отличиться* (Ю. Гончаров, По своей воле); *Жуков винит во всем Сталина: «Он твердо сказал, что, если мы не будем провоцировать немцев на войну, — войны не будет»* (Новый мир, 8, 1998).

В отличие от этого, все синонимы рассматриваемого ряда, кроме *понуждать*, обозначают такое категорическое побуждение к действию, которое, по замыслу субъекта, должно исключить возможность его невыполнения. Ср. следующий контрастный пример: *Хватит его уговаривать — его надо заставить переписать отчет*. Ср. также *Ломая нежелание дочери заниматься музыкой, все-таки заставила ее учиться на фортепьяно и кончить музыкальную школу* (Ю. Гончаров, Инженер Климов); *Чем фантастичнее обвинение, тем жесточе должно быть следствие, чтобы вынудить признание* (А. Солженицын, Архипелаг ГУЛАГ); *Принуждать людей к изучению того, что они знать не желают, ничего путного дать не может* (Уппсальский корпус). Часто они указывают на специальные средства давления, с помощью которых субъект добивается исполнения своей воли. Ср. *Сотрудники армейской контрразведки вынуждали его сына сознаться в совершении умышленного преступления, обещая смягчить наказание* (ИТАР-ТАСС Экспресс, 1996, вып. 34); *Но американцы встретили их вооруженной стеной и принудили сдаться в советские руки* (А. Солженицын, Архипелаг ГУЛАГ).

Глаголы *призывать* и *взывать* в обеих видовых формах могут обозначать неэффективное воздействие на объект; ср. *Он призвал сограждан взяться за оружие, но никто на его призыв не откликнулся*; *Она тщетно взывала к их совести*.

В отличие от этого, большинство синонимов всех остальных перечисленных выше рядов, включая и рассматриваемый ряд, в форме СОВ обозначают достижение желательного для субъекта результата, т. е. эффективное воздействие на объект. Ср. *Он склонил меня к принятию этого предложения*; *На преступление его толкнула жена*; *Она убедила ⟨уговорила⟩ мужа поменять квартиру*; *Дети подговорили его залезть в чужой сад*; *Меня спровоцировали на ссору с соседями*; *Следователь заставил ⟨вынудил, принудил⟩ его дать ложные показания*. Более того, форма НЕСОВ в многократном, общефактическом и других подобных значениях тоже может обозначать эффективное воздействие на объект. Ср. *Каждый раз приходится склонять Душу к выпивке, но она от нее не пьянеет* (Ю. Алешковский, Рука (Повествование палача)); *Мельник все время его останавливал и заставлял снова и снова возвращаться к обстоятельствам получения пленок* (А. Маринина, Мужские игры); *Миттеран-президент упорно называл Ширака «премьер-министром», как бы подчеркивая дистанцию между ними и вынуждая последнего обращаться к нему со словами «господин президент»* (ИТАР-ТАСС Экспресс, 1996, вып. 21). Значение неэффективного воздействия на объект возможно преимущественно в актуально-длительном и других процессных значениях формы НЕСОВ. Ср. *Он склонял меня к принятию этого предложения*; *Она убеждала ⟨уговаривала⟩ мужа поменять квартиру*; *Дети подговаривали его залезть в чужой сад*; *Меня провоцировали на ссору с соседями*; *Следователь заставлял ⟨вынуждал, принуждал⟩ его дать ложные показания (но так ничего и не добился)*.

Большинство глаголов пяти перечисленных рядов обозначают только речевые действия. Ср. *Ермолов успел склонить шаха к уступкам*

(Д. Давыдов, МАС); — *Но-но, не балуй, — я те дам, дьявол, бодаться, — шепотом уламывала [корову] хозяйка* (Б. Пастернак, Доктор Живаго); *Один из выступавших в мою пользу призвал собравшихся учесть ошибки прошлого и заботиться о писателях, пока они живы* (В. Войнович, Иванькиада); *А немец еще и подзуживает: — Ай, ловкий! Ну и голова же! А ну, шваркни еще по университету* (А. Аверченко, Чертово колесо). В отличие от этого, синонимы рассматриваемого ряда, особенно в форме СОВ, могут обозначать и неречевые действия; ср. *Он сделал молниеносный выпад и заставил (вынудил, принудил) меня отступить на шаг.*

Синонимы ряда *убеждать, уговаривать, уламывать* и *агитировать* обозначают сложное действие, состоящее из нескольких более простых актов, каждый из которых предполагает предъявление адресату нового аргумента в пользу того, чтобы он сделал что-то. При этом все синонимы, за исключением *агитировать*, обычно указывают на попытку субъекта сломить внутреннее сопротивление адресата. Ср. [*Баранов*] *начал переписку со Львом Толстым. Он убеждал его бросить занятия философией и написать предсмертную вещь, равную «Анне Карениной»* (Паустовский, БАС); *Какой-то человек со следами былой обеспеченности в лице и в одежде долго уговаривал ее уступить ему белые [грибы] по восьми рублей* (М. Ганина, Бестолочь); *Ведь я вас полчаса уже уламываю* (М. Булгаков, Мастер и Маргарита); *Он называет себя «моржом» и все время агитирует нас заняться этим милым спортом* (В. Аксенов, Апельсины из Марокко).

Синонимы всех остальных рядов, включая и рассматриваемый, нейтральны по этому признаку, т. е. могут обозначать как одноактные действия, так и сложные действия, состоящие из нескольких более простых актов.

Глаголы ряда *призывать, взывать* в неиронических употреблениях обозначают побуждение к серьезному или масштабному действию. Ср. *Станиславский призвал актера жить на сцене, жить, ища большую правду и передавая ее зрителям* (А. Н. Толстой, МАС); *Все равно, что думают о них теперь; через несколько лет, очень немного лет, к ним будут взывать: «спасите нас!»* (Н. Г. Чернышевский, Что делать?). При этом обычно субъект апеллирует к этическим или иным социальным ценностям как непосредственному стимулу для действия; ср. *Плакаты призывали граждан молодой Советской страны ликвидировать кулачество как класс* (В. Тендряков, Ночь после выпуска). Все остальные ряды синонимов, включая и рассматриваемый, нейтральны по обоим этим признакам.

Синонимы ряда *подговаривать, подстрекать* и *подбивать* обозначают побуждение к действию, которое говорящий или какой-то из участников ситуации оценивает отрицательно, в связи с чем сам акт побуждения тоже получает отрицательную оценку. Ср. *Тот помолчал, потом тихо спросил по-арамейски: — Так это ты подговаривал народ разрушить ершалаимский храм?* (М. Булгаков, Мастер и Маргарита); *И деревню я к бунту подстрекал, и я вдову убил* (Б. Пастернак, Доктор Живаго); *Первые двое, вздумавшие подбивать народ на бунт против кесаря, взяты с боем римскою властью* (М. Булгаков, Мастер и Маргарита).

К этому ряду примыкают и синонимы последнего ряда — *провоцировать, подзуживать* и *подначивать*. В их значение тоже входит о т р и ц а т е л ь н а я оценка того действия, к которому побуждается объект, и, тем самым, отрицательная оценка самого акта побуждения. Помимо этого глаголы данной группы либо предполагают (*подзуживать*), либо не исключают (*провоцировать, подначивать*), что объект или адресат этих действий может с а м х о т е т ь сделать то, к чему его побуждают, но от чего он удерживается. Ср. *Учтите, вас провоцируют на незаконные действия* (В. Войнович, Иванькиада); *А травит ее шайка злодеев, и подзуживает эту шайку некий волшебник Черномор* (М. Булгаков, Театральный роман); *Он лишь похохатывал, слушая, что о нем говорят, подначивая говорить посильней, пооткровенней* (В. Распутин, Прощание с Матерой).

2. Синонимия глагола *заставлять 1*

2.1. Семантические признаки для ряда *заставлять 1*

Синонимы сходствуют и различаются по следующим смысловым признакам:

1) указание на намеренность действия субъекта (обязательно для *понуждать*, может отсутствовать в случае *заставлять* и *вынуждать*);

2) характер воздействия на объект (*понуждать* предполагает непосредственное, часто физически наблюдаемое, воздействие на объект; *заставлять* и *принуждать* допускают такое воздействие, а для *вынуждать* оно нехарактерно);

3) степень насилия над волей объекта (наибольшая в случае *вынуждать*, значительная в случае *принуждать*, наименьшая в случае *понуждать*);

4) возможность неэффективного воздействия на объект (наибольшая для *понуждать*);

5) тип объекта (*заставлять*, в отличие от других синонимов ряда, допускает в качестве объекта неодушевленный предмет);

6) возможность совпадения субъекта и объекта воздействия (*заставлять* и *принуждать* допускают такое совпадение; *вынуждают* преимущественно других людей, *понуждают* только других людей);

7) характер ситуации, реализации которой добивается субъект (*заставлять* и — в меньшей мере — *принуждать*, в отличие от двух других синонимов, могут обозначать побуждение к переходу в определенное ментальное или эмоциональное состояние; для *вынуждать* характерно побуждение к сложным действиям, занятиям или деятельности; целью *понуждать* часто является перемещение объекта в нужном направлении);

8) фокус внимания (*вынуждать*, в отличие от всех остальных синонимов ряда, даже в форме НЕСОВ фокусирует внимание на результате воздействия);

9) способность употребляться в пересказывательном режиме для описания замысла художника, по воле которого его персонажи совершают те или иные действия (есть у *заставлять*, отсутствует у *понуждать*).

БИБЛИО... ИН-ТА РУСС...

90751

2.2. Семантические сходства и различия между синонимами

Наиболее общее значение в данном ряду имеет глагол *заставлять*. Он является стандартным обозначением канонического акта принуждения, т. е. намеренного воздействия на объект, которое преодолевает его возможное сопротивление и является непосредственной причиной того, что объект выполняет нужное субъекту действие. Ср. *Бабушкин сын Костька ---, хоть и моложе меня, оказывал упорное сопротивление матери, заставлявшей его делать уроки* (В. Астафьев, Без приюта); *Его все охотники знали: мучил охотничьими билетами и заставлял платить взносы* (В. Шукшин, Охота жить). При этом нужный субъекту результат иногда достигается за счет применения им силы или даже насилия. Ср. *Когда-то, очень давно, я их разучивала, сидя у рояля с бантом в косе, мечтая о воле, о дворе, --- а меня заставляли играть, заставляли* (И. Грекова, Вдовий пароход); *И, уходя, он заставил ее, несмотря на ее возражения, слезы и даже что-то вроде драки, принять от него банковский чек на десять тысяч* (Б. Пастернак, Доктор Живаго).

Смысловая специфика глагола *заставлять* связана с тем, что у него, в силу широты его значения, лучше, чем у других синонимов ряда, развиты периферийные и ослабленные употребления, в которых он утрачивает некоторые указанные выше компоненты канонического значения принуждения.

1) Для *заставлять* характерны интерпретационные по своей природе употребления, в которых он обозначает ненамеренное воздействие на объект. Ср. *Спускалась она торопливо, как бы стараясь наверстать то время, какое заставила прожить в опасности заодно с собой голодных товарищей* (Е. Воробьев, Небо в блокаде); *Утешительный обман Горького стал для нее [Палей] источником возобновившегося страдания: известие о смерти сына Горький заставил ее пережить дважды* (В. Ходасевич, Горький). Такое значение особенно характерно для контекстов диалога, когда говорящий расценивает какие-то слова или действия собеседника как провокацию или стимул к определенным действиям, хотя собеседник на самом деле может и не иметь этого в виду. Ср. *Вы заставляете меня говорить резче, чем мне бы хотелось*; *Не заставляйте меня лгать (лукавить)*. Здесь речь идет не о принуждении, а о том, что субъект своими действиями невольно ставит другого человека перед необходимостью сделать что-то, чего по доброй воле он не сделал бы. В этом употреблении *заставлять 1* смещается в сторону *заставлять 2*.

В таких контекстах, помимо *заставлять*, относительно свободно употребляется только *вынуждать*.

2) Объектом воздействия в случае *заставлять*, в отличие от всех прочих синонимов ряда, может быть не только живое существо, но и неодушевленный предмет — часть тела, растение, космический объект, механизм или его часть и т. п. Поскольку предметы суверенной волей не наделены, в таких употреблениях снимается идея насилия

над волей объекта. Ср. *Садовник умелой обрезкой [яблони] может заставить ее пробудиться, и тогда на гладком месте вдруг выстреливает новый побег* (В. Дудинцев, Белые одежды); *Не в его власти было, конечно, погасить Солнце или снять с неба Луну, но удалить с небосвода какую-нибудь незнаменитую звездочку он мог, а мог заставить ее светить людям чуть поярче* (А. Битов, Преподаватель симметрии); *В своих догадках он все время топтался вокруг колеса, — и продолжал искать новые и новые способы — как заставить колесо постоянно вертеться* (В. Шукшин, Упорный). Еще одна важная особенность таких употреблений состоит в том, что в них *заставлять* обозначает только эффективное воздействие на объект.

3) Для *заставлять* возможно совпадение субъекта и объекта воздействия. Ср. *Она умела заставить себя делать то, что необходимо, но сейчас, проползая по десять шагов, она останавливалась, мелко дрожали руки* (М. Гапина, Бестолочь); *Он шел в страшном волнении, из гордости заставляя себя идти спокойно и неторопливо* (Б. Пастернак, Доктор Живаго). Такое употребление характерно еще для *принуждать* (см. ниже), стоит на грани нормы для *вынуждать* и исключено для *понуждать*; ср. неправильность **Она умела понуждать себя делать то, что нужно.*

4) *Заставлять* описывает более широкий по сравнению с другими синонимами спектр ситуаций, реализации которых добивается субъект. Такими ситуациями могут быть не только действия, но и некоторые эмоциональные, ментальные, моральные и социальные состояния (иногда со сдвигом в сторону *заставлять 2*). Ср. *заставить кого-л. страдать* (*мучиться, сомневаться*); — *Ну что же, вы добились своего, — жестко сказал Павлов, — заставили и меня поверить в эту птицу* (Ю. Нагибин, Зеленая птица с красной головой); *Действительно выдающихся [писателей] он любил --- или заставлял себя любить* (В. Ходасевич, Горький). Такие употребления характерны, кроме того, для *принуждать*, но не для *вынуждать* и *понуждать* (см. ниже).

5) *Заставлять* возможен в контекстах, когда субъект воздействия хочет побудить другого человека сделать то, что ему, по мнению субъекта, может быть приятно или полезно, и когда, следовательно, идея насилия над его волей снимается. Ср. *Кухарка хотела уступить ей продранный стул, она ласково ее поблагодарила, заставила остаться на своем месте, села на скамью в другой угол* (И. Бунин, Сверчок); *Я просто заставлю ее улыбнуться, будто ничего не было* (В. Дудинцев, Белые одежды). Для синонимов *вынуждать*, *принуждать* и *понуждать* такие ослабленные употребления нехарактерны.

6) *Заставлять*, в отличие от прочих синонимов ряда, возможен в ситуациях, когда субъект тонко провоцирует объект на совершение какого-то неконтролируемого действия. Ср. [*Молотов*] *был очень осторожен, и заставить его проговориться было невозможно* (Ю. Домбровский, Факультет ненужных вещей); *В каждом его движении было спокойное, сознательное хамство, которым он нарочно дразнил партнеров, застав-*

ляя их нервничать и — проигрывать (В. Ходасевич, Московский литературно-художественный кружок).

7) Наконец, *заставлять* обладает способностью употребляться в п е р е с к а з ы в а т е л ь н о м режиме для описания замысла художника, по воле которого его п е р с о н а ж и, а не реальные люди совершают те или иные действия. Ср. *Он [писатель] заставляет нашего рабочего человека ползать под прилавками пивных, наделяет его самыми примитивными мыслями* (С. Довлатов, Ремесло); *Точно так же истинный художник никогда, разумеется, не заставит героя совершить поступок, которого тот совершить «не хочет»* (В. Ходасевич, О Мережковском). Для остальных синонимов ряда такие употребления нехарактерны или невозможны.

Ближе всего к доминанте ряда — синонимы *вынуждать* и *принуждать*. Оба глагола тоже могут служить обозначением канонического акта принуждения, т. е. намеренного воздействия на объект, которое преодолевает его возможное сопротивление и является непосредственной причиной того, что объект выполняет нужное субъекту действие. Ср. *[Мучители-чекисты] — вынудили его дать ложные показания* (Н. Хрущев, Время. Люди. Власть. Воспоминания); *Я стал принуждать натурщицу удовлетворить мою природную надобность* (В. Шинкарев, Папуас из Гондураса).

Каждый из них сближается с доминантой и одновременно противопоставляется ей еще по нескольким признакам, разным для *вынуждать* и *принуждать*.

Вынуждать, подобно *заставлять*, допускает и н т е р п р е т а ц и о н н ы е употребления (особенно в д и а л о г е), в которых он обозначает н е н а м е р е н н о е воздействие на объект. Ср. — *Не вынуждайте меня объяснять вам очевидные вещи, — профессор снова начал раздражаться* (А. Маринина, Мужские игры); — *Тряпка вы после этого, а не следователь! Никогда не осмеливался бранить вас, а теперь вы меня вынуждаете!* (А. П. Чехов, Шведская спичка). Для *принуждать* такие употребления нехарактерны, а для *понуждать* — невозможны.

Главное отличие *вынуждать* от *заставлять* и других синонимов ряда состоит в том, что само вынуждение носит, как правило, нефизический и, следовательно, н е н а б л ю д а е м ы й характер. Можно видеть, например, как один человек *заставляет* или *принуждает* другого сесть, давя ему на плечи руками; можно видеть, как человек кнутом или шпорами *понуждает* лошадь бежать быстрее; но нельзя видеть, как один *вынуждает* другого что-то сделать. Тем самым глагол *вынуждать* ставит в фокус внимания не само воздействие, а его р е з у л ь т а т. Этим объясняется невозможность его употребления в актуально-длительном значении НЕСОВ; ср. сомнительность *?Я видел, как он вынуждал сына делать уроки* при вполне допустимом *Я видел, как он заставлял сына делать уроки*.

Механизм вынуждения состоит в том, что субъект использует эффективные, но к о с в е н н ы е средства давления на объект, добиваясь того, чтобы тот сам п о н я л, что у него не остается другого выхода, как

подчиниться воле субъекта. Ср. *Что им надо? Зачем они вопят, вынуждая бисировать моего приятеля?* (Архив «Независимой газеты», далее НГ). Иными словами, глагол *вынуждать* обозначает насилие не только над поведением, но и над самой природой объекта. Поэтому он предпочитается в ситуациях, когда объекту не просто не хочется, а претит делать то, к чему его принуждают. Отсюда вытекает особый характер действий, которых субъект добивается от объекта. В типичных случаях это не простые физические акты (*есть кашу, смотреть в окно, говорить громче* и т. п.), а достаточно сложные действия, деятельности, занятия. Ср. *Нас вынуждают думать только о деньгах, изменяя самим себе, тем принципам, что всегда отличали российскую интеллигенцию* (Архив НГ); *Опять эта вздорная женщина вынуждает его заниматься бесполезным делом* (А. Рыбаков, Дети Арбата). Поэтому в контекстах типа *Ну зачем же такую красивую девушку заставлять по такой жаре что-то искать* (Ю. Домбровский, Факультет ненужных вещей), *Годунов-Чердынцев, --- поставив ногу на скамью, играл с фокстерьером, заставляя его прыгать* (В. Набоков, Круг) замена *заставлять* на *вынуждать* была бы неуместна.

Глагол *принуждать*, подобно доминанте ряда, свободно используется в ситуации совпадения субъекта и объекта воздействия. Ср. *Но отступить он тоже не мог и принудил себя поднять глаза* (Л. Зорин, Крапивница); *Он стиснул зубы и принудил себя рассуждать чисто логически* (А. и Б. Стругацкие, Обитаемый остров). В этом отношении он противопоставлен синонимам *вынуждать* и *понуждать*, для которых такие употребления нехарактерны.

Кроме того, *принуждать*, подобно *заставлять* и в отличие от *вынуждать* и *понуждать*, описывает более широкий спектр ситуаций, реализации которых добивается субъект. Такими ситуациями могут быть не только действия, деятельности и занятия, но и некоторые эмоциональные, ментальные, моральные и социальные состояния (иногда со сдвигом в сторону *принуждать* 2). Ср. *Он принуждал себя оставаться спокойным, глядя на крепкие загорелые руки, на молодую грудь, поднимавшуюся и опускавшуюся под тонкой материей* (В. Каверин, Двухчасовая прогулка); *Чтобы скрыть неудачу, надо было всеми средствами устрашения отучить людей судить и думать и принудить их видеть несуществующее* (Б. Пастернак, Доктор Живаго); *Раньше принуждали к несвободе, теперь — принуждают к свободе* (Архив НГ). Для *вынуждать* и *понуждать* такие употребления сомнительны или вовсе невозможны; ср. ?*Он вынуждал* ⟨**понуждал*⟩ *меня верить в это* ⟨*любить Блока, сомневаться в существовании Бога*⟩; ?*Их вынуждали* ⟨**понуждали*⟩ *к несвободе.*

Главное отличие *принуждать* от *заставлять* состоит в том, что *принуждать* всегда предполагает более грубое воздействие на другого человека, граничащее с насилием над ним; ср. *И второй момент: реформу навязывают, — не спросив у людей согласия, к ней принуждают* (Архив НГ); *Хан напустил на Романа татар, которые стали принуждать его к своей вере* (С. М. Соловьев, История России с древнейших времен). В этом отно-

шении глагол *принуждать* сближается с *вынуждать*. Однако и от *вынуждать* он отличается тем, что может описывать физическое воздействие на другого человека, часто предполагающее преодоление его физического сопротивления. Ср. *Вы же прекрасно знаете, что дети ваши ушли от вас по собственному желанию, никто их не принуждал, никто не тащил за шиворот* (А. и Б. Стругацкие, Гадкие лебеди).

Понуждать отличается от прочих синонимов ряда прежде всего тем, что не предполагает насилия над волей или телом другого человека и в целом выражает более слабое значение 'пытаться заставить', близкое к 'побуждать'. Поэтому в форме НЕСОВ он чаще описывает ситуации, когда воздействие на другого человека оказалось неэффективным, причем это характерно не только для процессных, но и для непроцессных значений (узуальных, многократных и т. п.). Ср. *Ему, Фоме, предстоит величайший подвиг, — для которого он и на свет призван и к совершению которого понуждает его какой-то человек с крыльями, являющийся ему по ночам* (Ф. М. Достоевский, Село Степанчиково и его обитатели); *С Игорем вместе были в плену сын тысяцкого и конюший его, оба они понуждали князя принять предложение Лавора* ---; *Игорь все медлил* (С. М. Соловьев, История России с древнейших времен). Между тем *заставлять, вынуждать* и *принуждать* в большинстве употреблений формы НЕСОВ обозначают эффективное воздействие на объект; см. примеры выше.

Кроме того, *понуждать* предпочитается в тех случаях, когда желательным результатом воздействия является перемещение объекта в нужном субъекту направлении. Ср. *Даниил хотел непременно взять город, но поляки не шли биться, несмотря на то, что Конрад, любя русский бой, понуждал их идти вместе с Русью* (С. М. Соловьев, История России с древнейших времен); *Рюрик начал слать* [*послов*] *к Святославу, понуждая его продолжать поход* (там же). Ср. также неправильность фраз типа **понуждать кого-л. остановиться* — в таких случаях предпочтение отдается синонимам *заставлять, вынуждать* и *принуждать*.

В условиях, когда имеет место непосредственное, намеренное и эффективное побуждение объекта к выполнению нежелательного для него действия, возможна частичная взаимозамена синонимов. Ср. *Хорошо бы всех этих художников и поэтов согнать в учебные лагеря, отобрать у них кисти и гусиные перья, заставить пройти краткосрочные курсы и вынудить строить для солдат — новые у-конвейеры* (А. и Б. Стругацкие, Далекая радуга); *Потом: слово «черт» надо принудить снова писать через «о», а какую-нибудь букву вообще упразднить, только надо подумать какую* (Вен. Ерофеев, Москва–Петушки); [*Марина*] *уверенно обхватывает ладонью мой солдатский затылок, понуждает меня склонить голову к своим коленям* (А. Дмитриев, Закрытая книга).

Если взглянуть на весь рассмотренный материал с точки зрения соотношения прототипического значения лексемы и ее периферии, можно будет отметить одну интересную закономерность. У доминанты ряда нет

смысловой специфики в области прототипа, но есть большая прагматическая специфика на периферии: существует такой класс ситуаций, который обслуживается преимущественно или исключительно доминантой (ср., например, пересказывательную функцию *заставлять*). У этой закономерности есть и другая сторона: чем дальше от доминанты данный синоним, тем больше его смысловая специфика и тем в меньшей мере он способен обслуживать прагматическую периферию. Есть основания думать, что обе закономерности имеют общий характер, т. е. определяют структуру всех синонимических рядов и — шире — лексико-семантических классов.

2.3. Формы

У синонимов *вынуждать*, *принуждать* и *понуждать* в узусе плохо представлена форма 1-Л ЕД БУД СОВ (т. е. *вынужу*, *принужу*, *понужу*).

В свою очередь, у глагола *заставлять* в узусе отсутствуют все формы СТРАД (хотя ни семантических, ни морфонологических противопоказаний к этому нет), между тем как у остальных трех синонимов есть, по крайней мере, форма СТРАД ПРИЧ НЕСОВ; ср. *Вынуждаемый (принуждаемый, понуждаемый) к отказу от сотрудничества со своим учителем, он решил вообще уйти с работы.* Другие формы СТРАД и у этих глаголов в узусе не представлены; формы *вынужден(ный)* и *принужден(ный)* в современном языке функционируют скорее как прилагательные.

2.4. Конструкции

Все синонимы ряда управляют формой ИНФ со значением с о д е р ж а н и я побуждения; см. примеры выше.

Синонимы *принуждать* и *понуждать* управляют предложно-именной группой *к* + ДАТ в том же значении: *Если хочешь идти налево, Веничка, иди налево, я тебя не принуждаю ни к чему* (Вен. Ерофеев, Москва–Петушки); *Мощные силы понуждают к единообразию, ритуализму, принятию одной или другой стороны в разделенном мире* (Ю. Щеглов, Романы И. Ильфа и Е. Петрова). Для *вынуждать* эта конструкция допустима, хотя и менее характерна; ср. *Я сам вынудил его к предательству* (С. Довлатов, Ремесло). Для глагола *заставлять* она полностью исключена.

Глагол *вынуждать*, в отличие от прочих синонимов ряда, управляет, кроме того, формой ВИН в значении содержания побуждения; ср. *Однако простодушное Средневековье, чтобы вынудить желаемое признание, шло на драматические картинные средства: дыбу, колесо, жаровню, ерша, посадку на кол* (А. Солженицын, Архипелаг ГУЛАГ).

Все синонимы ряда управляют именной группой в форме ТВОР в значении с п о с о б а воздействия на объект или того п о б о ч н о г о действия, которое непосредственно приводит к искомому результату. Ср. *В детстве силой заставляли ходить в английскую группу* (Ю. Трифонов, Предварительные итоги); *Пытался он этим рассказом вынудить еще одно согласие у своей женской любви* (А. Битов, Пушкинский дом); *Города — обыкновенно принуждали к сдаче голодом или хитростию* (С. М. Соловьев, История Рос-

сии с древнейших времен); *Французы — разорением и грабежами думают к миру их понудить* (Е. Тарле, Нашествие Наполеона на Россию).

При всех синонимах ту же роль может выполнять деепричастный оборот; ср. *Направив на толпу ружья, солдаты заставили (вынудили, принудили) ее отступить*; *Князь понуждал своих союзников присоединиться к нему, обещая легкую победу.*

Синонимы *заставлять* и *принуждать* могут употребляться в абсолютивной конструкции; ср. *Не люблю заставлять (принуждать)*. Для двух других синонимов ряда она нехарактерна.

Все синонимы ряда, за исключением *вынуждать*, свободно употребляются в своем прототипическом значении в отрицательных предложениях. Ср. *Да я тебя и не заставляю совершать зло, говорит дьявол, я просто думаю, что ты о нем неправильного мнения* (Ф. Искандер, Кролики и удавы); — *Мы ведь тебя не принуждаем, — сказал Ерофейцев* (В. Аксенов, Апельсины из Марокко); *Не мучь, не трогай, / Не понуждай и не зови: / Когда-нибудь придет он, строгий, / Кристально-ясный час любви* (А. Блок, Снежный собор). Глагол *вынуждать* сочетается с отрицанием преимущественно в интерпретационных употреблениях (см. примеры выше) и в форме ПОВЕЛ; ср. *Не вынуждай меня применять силу.*

Глагол *понуждать*, в отличие от прочих синонимов ряда, допускает редупликацию: *Ели исправно... А тетушка между тем все понуждала и понуждала: — Ешьте, дружки* (Салтыков-Щедрин, БАС).

2.5. Сочетаемость

Все синонимы ряда сочетаются с названием отдельного человека в роли субъекта и объекта действия (см. примеры выше).

Все синонимы, за исключением *понуждать*, сочетаются с названием организации, страны или иной совокупности людей в роли субъекта и объекта действия. Ср. *Это тоже была мафия, только уже другая, которая, наоборот, хотела заставить ее отказаться от расследования* (А. Маринина, Мужские игры); *Теперь немцы выполнили свои цели на Западе, вынудили Францию капитулировать, создали там прогерманское правительство во главе с Петэном* (Н. Хрущев, Время. Люди. Власть. Воспоминания); *В Испании — крестьяне, без помощи испанской армии, сами окружали и принуждали к сдаче французские полки* (Е. Тарле, Наполеон) [субъект]; *Он выждал некоторое время, зная, что никакою силой нельзя заставить умолкнуть толпу, пока она не выдохнет все, что накопилось у нее внутри, и не смолкнет сама* (М. Булгаков, Мастер и Маргарита); *Он вынудил бастующих выйти на работу для установки кинокамер на городских улицах и системы радиовещания в зале заседания съезда* (ИТАР-ТАСС Экспресс, 1996, вып. 34); *Не было у них устава, который бы все согласились исполнять, не было власти, которая бы принудила ослушников к исполнению принятого устава* (С. М. Соловьев, История России с древнейших времен) [объект].

Глагол *заставлять*, имеющий наиболее широкое значение, свободно сочетается также с названиями животных в роли субъекта и объекта.

Ср. *Птица --- отличалась непостоянством привычек: то заставляла близнецов долго ждать себя, --- то надолго дарила им свое общество* (Ю. Нагибин, Зеленая птица с красной головой). Для других синонимов такие сочетания нехарактерны.

Для глагола *заставлять* характерны слабо метафорические сочетания с названиями частей тела, органов человека, продуктов его деятельности, механизмов и их частей, природных объектов и других автономных сущностей или сущностей, мыслимых как автономные, в роли объекта. Ср. *Он заставил свои пальцы разжаться*; *Подняв взгляд выше и заставив его скользить по серой, проницаемой далеко вглубь стене весеннего леса, вы вспомните историю человечества от Месопотамии --- до первых космодромов* (В. Аксенов, Пора, мой друг, пора); *В первой его книге внимательный читатель различит следы упорного труда, желания во что бы то ни стало подчинить себе стих, заставить слова выражать именно то, что надо* (В. Ходасевич, Русская поэзия. Обзор); *Кто знает, сколько надо времени, чтоб приспособить эту дикую и бедную лесную землицу под хлеб, заставить ее делать то, что ей не надо* (В. Распутин, Прощание с Матерой); *В доме он водил Таньку по комнатам, заставлял для нее играть часы* (И. Бунин, Танька). Для других синонимов ряда такие сочетания нехарактерны или невозможны.

Наконец, глагол *заставлять* входит в состав разного рода фразем, а также диалогических формул и клише, включая вопросительные, типа (*не*) *заставить себя ждать*, *Не заставляй меня повторять*, *Кто тебя заставляет?* и т. п.

3. Многозначность, ослабленные значения и употребления глаголов

У всех четырех глаголов есть близкие к рассмотренным лексемы *заставлять 2*, *вынуждать 2*, *принуждать 2* и *понуждать 2*, которые имеют значение 'быть причиной того, что человек Y, который не хочет делать P, не может этого не сделать'. Оно реализуется в конструкции с подлежащим, обозначающим не человека, а неодушевленный объект— явление, событие, действие, состояние и т. п. Ср. *Авария во втором цехе заставила (вынудила) меня отложить поездку*; *Мысль об этом загадочном бессмертии заставила его похолодеть на солнцепеке* (М. Булгаков, Мастер и Маргарита); *Таковы обстоятельства, вынудившие меня, не дожидаясь старости, взяться за эту книгу* (А. Дмитриев, Закрытая книга); *Магистр по их следам вторгнулся в русские владения, опустошил их, но болезнь принудила его возвратиться* (С. М. Соловьев, История России с древнейших времен); *Что же понуждает писателя к его подчас мучительному, но прекрасному труду? Прежде всего зов сердца* (Паустовский, БАС).

Необходимо обратить внимание на то, что для глаголов *заставлять* и *вынуждать* возможны промежуточные между двумя рассмотренными парами лексем употребления, особенно в контекстах, где в роли субъекта действия выступает человек, действующий непреднамеренно. Ср. *Музыкант заставляет страдать человеческие души, а сам ничего* (Л. Петрушевская, Лестничная клетка); *Он носился по комнатам, прячась*

за мебель и за портьеры и заставляя меня его отыскивать, — и готов был длить забаву до бесконечности, хотя у меня уже ноги подкашивались от утомления (В. Ходасевич, Младенчество); *Тем самым они просто вынуждали сажать и их!* (А. Солженицын, Архипелаг ГУЛАГ). См. также примеры в разделе 3.

Такие промежуточные употребления представляют большой дополнительный интерес, потому что являются бесспорным свидетельством в пользу разграничения значений типа 'заставлять 1' и 'заставлять 2'. Дело в том, что, взятые вне контекста, они допускают две разные интерпретации — намеренную и ненамеренную. Ср. неоднозначность (двусмысленность) фраз типа *Он заставил меня заниматься языками*: либо давил на меня с этой целью (*заставлять 1*), либо совершенно непреднамеренно увлек меня своим собственным примером, разговорами о пользе лингвистических знаний и т. п. (*заставлять 2*). В первом случае *он* обозначает агенса, каузатора, т. е. целесообразно действующего субъекта. Во втором случае *он* является метонимическим обозначением причины, а именно того его поступка, состояния или свойства, которое вызывает описываемое действие или состояние объекта.

Как легко видеть, переход от значения 'заставлять 1' к 'заставлять 2' происходит за счет семантической альтернации вида 'человек' ⇒ 'неодушевленный объект' в сфере первой (субъектной) валентности рассматриваемых предикатов. Результатом является ослабленное значение, в словарном толковании которого оказывается снятой идея намеренного воздействия на волю другого человека, присутствующая в исходном значении всех четырех глаголов.

Помимо первой валентности, аналогичная семантическая альтернация возможна и в сфере второй валентности, т. е. валентности объекта воздействия. Однако, в отличие от только что рассмотренного случая, замена компонента 'человек' компонентом 'неодушевленный объект' в сфере второй валентности порождает не новую лексему (новое лексическое значение), а ослабленное употребление той же самой лексемы. Такие ослабленные употребления присущи обеим лексемам глагола *заставлять* (т. е. *заставлять 1* и *заставлять 2*) и лексеме *вынуждать 2*. Проиллюстрируем их.

Ослабленное употребление лексемы *заставлять 1*: 'человек X воздействует на предмет Y-а так, чтобы он функционировал в соответствии с целями X-а'. Снимается идея насилия над чьей-то волей, поскольку неодушевленный предмет суверенной волей не обладает. Ср. приведенный выше пример *В доме он водил Таньку по комнатам, заставлял для нее играть часы* (И. Бунин, Танька).

Ослабленное употребление лексем *заставлять 2* и *вынуждать 2*: *Тяжесть висящей на цепочке гири заставляет часы работать* (В. Пелевин, Омон Ра); *Электрическое поле* [*магнитной волны*] *периодически меняется — осциллирует — и вынуждает колебаться с такой же частотой электронное об-*

лако, окружающее атом (Уппсальский корпус). В таких употреблениях значение *заставлять 2* и — в меньшей мере — *вынуждать 2* ослабляется до чисто причинного, потому что в них тоже снимается идея насилия над волей объекта.

Таким образом, механизмы ослабления значений внутри лексем *заставлять 1*, с одной стороны, и *заставлять 2*, *вынуждать 2* — с другой, обнаруживают интересный и не лишенный стройности параллелизм.

Другие лексемы рассмотренных глаголов (ср., например, лексему *понуждать 3* = 'погонять, понукать', как в примере *18 пар тощих, малорослых волов, понуждаемых толпою полунагих осетинцев, насилу тащили легкую венскую коляску* (А. С. Пушкин, Путешествие в Арзрум во время похода 1829 года)) представляют меньший интерес и подробно не обсуждаются.

Л. Н. Булатова
Москва

ИЗУЧАЯ ДИАЛЕКТНУЮ МОРФОЛОГИЮ

Мне представляется плодотворной мысль М. В. Панова, что преподавание языковедческих дисциплин, предметом которых является русский язык в его различных разновидностях и разных временных рамках, должно решать, помимо изучения конкретных языковых систем, одну общую сверхзадачу: воспитывать у студентов лингвистическое мышление и любовь к русскому языку, основанную на понимании разумности его устройства, многообразия путей его развития, гибкости и способности языковой системы к самонастройке[1].

Интерес, который представляет в этом аспекте изучение русской диалектной морфологии, состоит в возможности показать на материале разных, но близких друг другу морфологических систем общее в различном (структурная общность в разном материальном воплощении) и различное во внешне сходном (своеобразное использование диалектной системой одинаковых с другими системами средств), проследить общие закономерности в осуществлении морфологических процессов. В этой статье автор приводит примеры такого подхода.

I. Единство в многообразии

1. Одни процессы в различном исполнении

Значительное единство морфологических систем русских говоров заключается не только в том, что диалектные различия выделяются на фоне общих черт, настолько существенных, что носители разных диалектов легко понимают друг друга. Единство состоит также и в том, что многие из самих диалектных различий — это разные проявления одних и тех же грамматических тенденций.

---

[1] Предлагаемая статья была написана для сборника, в котором, по замыслу М. В. Панова, предполагалось рассмотреть тему воспитания у студентов любви к русскому языку на материале разных лингвистических дисциплин. Но по некоторым причинам сборник не состоялся. Ограничение темы статьи диалектной морфологией объясняется тем, что для того же сборника были написаны еще две статьи (И. А. Букринской и О. Е. Кармаковой), касающиеся преподавания других разделов диалектологии.

Общей тенденцией в морфологии русского диалектного языка является стандартизация выражения одних и тех же грамматических значений (преодоление или сокращение грамматической синонимии). Таковы, например, тенденции к сближению типов склонения существительных женского рода, к объединению парадигм существительных множественного числа в один тип, к устранению нерегулярных словоизменительных моделей имен и глаголов под влиянием регулярных. В рамках этих общих тенденций в разных говорах происходили (и происходят) свои процессы, результатом которых является многообразие диалектных вариантов отдельных форм и словоизменительных типов в целом.

Наиболее простым и наглядным примером является многообразие форм существительных, принадлежавших ранее к основам на согласные и на -ŭ. Так, например, существительные на -**тен* представлены в говорах вариантами *имё* (род. *и́мя*), *и́мя* (род. *и́ми*), *и́менъ, и́менье, именб* (не считая реликтов прежней нерегулярной модели склонения). По образному выражению О. Е. Кармаковой, «стремясь к регулярности склонения, слова на *-мя* пробуют себя в различных типах парадигм, но в какой именно парадигме реализуется это стремление... зависит от системы конкретного говора» [Кармакова 1985: 118—119].

Еще большее диалектное разнообразие демонстрируют модели склонения существительных *мать* и *дочь* [Образование севернорусского наречия... 1970: 69—74].

Разрушение нерегулярных типов словоизменения наблюдается и в морфологии глагола (переход глаголов из нерегулярных формообразовательных разрядов в регулярные [Русская диалектология 1989: § 97—98].

В системе склонения существительных разрушение нерегулярных типов склонения является частным проявлением тенденции к объединению склонения существительных по признаку рода. Эта тенденция отражена и во взаимоотношениях I и III типов склонения в русских говорах. Во многих диалектных системах эти типы гораздо ближе друг к другу, чем в литературном языке, и различаются не больше, чем отдельные разновидности во II типе склонения. В говорах, где близость I и III типа склонения является наиболее тесной, они имеют одинаковые окончания в родительном, дательном, предложном и творительном падежах. А вот конкретные окончания, общие для I и III типов склонения, в разных группах говоров различны.

Например, в вологодской группе говоров общим окончанием родительного падежа является окончание -⟨и⟩, а в дательном и предложном падежах — окончание -⟨е⟩ (*к жене́, к рабо́те, к дере́вне* и *к ло́шаде* или *к лошади́, к крова́те, к со́ле; о жене́, на рабо́те, в дере́вне* и *на ло́шаде* или *на лошади́, в крова́те, о со́ле*). А в говорах ладого-тихвинской группы и в западных окающих среднерусских говорах все эти падежные формы оканчиваются на -⟨и⟩ (*с головы́, земли́, из дере́вни* и *с ло́шади, без со́ли; к голове́, земли́, дере́вни* и *к ло́шади, со́ли; на голове́, на земли́, в дере́вни* и *на ло́шади* или *на*

лошади́, о сёли). Таким образом, на северо-востоке «победителем», объединителем стал как бы I тип склонения, а на западе и северо-западе — III тип.

О «победителях» при объединении I и III типа склонения говорится условно. Не обязательно появление у этих существительных одинаковых окончаний вызвано прямым воздействием тенденции к объединению существительных женского рода в один тип. В разных говорах (и для разных падежей) причина появления одинаковых окончаний могла быть разной, но общие окончания были поддержаны этой тенденцией и с синхронной точки зрения представляют собой общие структурные черты в разнообразных проявлениях.

Актуальность категории рода для организации системы существительных подтверждается интересным и пока мало изученным явлением. В некоторых южнорусских говорах в пределах I типа склонения выделяется группа существительных мужского рода, которая имеет в творительном падеже окончание *-ом* (*дёдушком, Ва́нем*) при окончаниях I типа склонения в остальных падежах (*у дёдушки, Ва́ни; к дёдушке, Ва́не; позвал дёдушку, Ва́ню*). Соблазнительно считать, что в этих говорах существительные женского и мужского рода независимо от типа склонения противопоставлены по форме творительного падежа. Но мне не встречались говоры, где это разграничение проводится последовательно. По моим наблюдениям, в I типе склонения окончание *-ом* отмечается у существительных с суффиксами *-ушк-, -ишк-, -к-* и в уменьшительных именах (*Ваня, Илюша*) (ср. [Шульга 1983]). Но в любом случае эти факты очень симптоматичны.

2. Особое здание из обычных материалов

Разумеется, своеобразие диалектных систем состоит не только в различной реализации общих грамматических тенденций русского языка. Возможно, еще интереснее для студентов будет узнать о тех диалектных различиях, которые возникли потому, что говоры по-разному распорядились своим наследством: например, приспособили те или иные формы, чтобы выразить значения, для которых в других говорах нет специальных грамматических средств. Так, на северо-западе России сложилась категория перфекта, обозначающего состояние предмета, вызванное предшествующим действием, при помощи специальных грамматических форм, противопоставленных по этому признаку спрягаемым формам глагола. Например: если нужно сказать об отсутствии человека, который уехал, то говорится *он уéхатчи* (а в иных говорах *у него уéхано*); а если нужно просто отметить в той или иной связи факт отъезда, то скажут *он уехал* (например: *он получил письмо, собрался и уехал* или *он уехал на машине, а не на лошади* и т. п.). Если сказано *каша сва́рена*, это значит, что она и сейчас есть в готовом виде, а если *сварúла кашу*, то неизвестно, есть ли она или ее уже съели. Так не только в говорах, где есть категория перфекта, но и в других говорах, а также в литературном языке. Но для нас перфектное значение у кратких причастий является побочным, ситуативным, а грамматическим их значением, выраженным в противопоставлении форм за-

лога, является страдательное значение. Поэтому они образуются только от переходных глаголов. В говорах, где перфект является грамматической категорией, складываются иные отношения и становится возможным и оправданным употребление таких форм, как *спáно* (*здесь у медведя спáно*), *выéхано* (*Видишь поворот: с лесу выéхано*) и т. п. [Булатова 1975].

II. Зеленый и красный свет на путях морфологических преобразований

1. Фонетическая система открывает зеленый свет морфологическим преобразованиям

Как бы ни отвечала потребностям развития морфологической системы новая грамматическая тенденция, ей не дано все ломать и перестраивать в соответствии со своими требованиями: на пути ее реализации встает сопротивление консервативных сил языкового узуса. И это хорошо, потому что ничем не сдерживаемые изменения грамматической системы привели бы к сдвигам, которые сильно затруднили бы общение людей между собой (особенно людей разных поколений). Естественно, что изменения возникают прежде всего там, где охранительные силы слабее. А их ослабление в том или ином звене морфологической системы очень часто связано с фонетическими условиями. Слабое положение фонемы в грамматическом аффиксе открывает зеленый свет для фонологической перестройки этого аффикса в соответствии с потребностями современной морфологической системы. Морфология русских говоров дает возможность осветить эту связь фонетического и морфологического уровней языка на множестве примеров (см., например: [Бромлей 1973, Булатова 1991, Букринская 1987]). Рассмотрим один из них.

Во многих акающих говорах (главным образом, в говорах юго-восточной зоны) распространены окончания I типа склонения у существительных среднего рода с ударением на основе (*из стáды, к стáде, гонят стáду, со стáдой*). Чаще всего такие окончания отмечаются в винительном падеже; в ряде говоров — только в винительном падеже (если не считать отдельных существительных, целиком перешедших в женский род).

Что полезного для морфологической системы в такой экспансии окончаний I типа склонения? Она позволяет избегать омонимии именительного и винительного падежей у существительных типа *стáдо, сéно, пóле*. Вот почему во многих случаях вытеснение прежнего окончания окончанием I типа склонения и ограничивается только винительным падежом.

То, что окончания I типа склонения отмечаются у существительных с безударными окончаниями, причем в акающих говорах, выдает фонетическую подоплеку этого явления: спровоцировало его совпадение ⟨о⟩ и ⟨а⟩ в заударном положении, благодаря которому безударные окончания у существительных среднего рода II типа склонения звучат так же, как и у существительных I типа склонения. Но это совпадение — только фонетическая предпосылка, которая могла вызвать фонологические последст-

вия, а могла и не вызвать их: совпадение осталось бы проявлением позиционных чередований. В говорах, о которых мы говорим, на почве совпадения позиционных вариантов ⟨о⟩ и ⟨а⟩ произошла невидимая фонологическая перестройка: *стáд*⟨о⟩ → *стáд*⟨а⟩. Звучание окончания не изменилось, но конечный [а] (или [ъ]) принадлежал уже фонеме ⟨а⟩, а не ⟨о⟩, и эта фонологическая перестройка открыла возможность для усвоения существительными данной группы окончания -*у* в винительном падеже, а вслед за ним в ряде случаев (в системе некоторых говоров или в отдельных словах) и в других падежах. По этому результату мы и можем судить о фонологической перестройке окончания именительного падежа.

Окончания I типа склонения у существительных среднего рода за рамки слов с ударением на основе, как правило, не выходят. *Взял ведрý, на всю селý* — такое встречается лишь в единичных случаях, а *ведрá, селá* в именительном падеже, по-видимому, вообще не встречается. А вот у прилагательных среднего рода в этих же говорах дело обстоит иначе: прилагательные при существительных среднего рода в именительном и винительном падежах могут иметь окончания женского типа и под ударением: *большая ведрó, вся селó* и *большýя (большýю) ведрó, всю селó*. Так сложился особый тип склонения прилагательных среднего рода: в прямых падежах — такие же окончания, как у прилагательных женского рода, а в остальных падежах — такие же, как в мужском роде (независимо от ударности или безударности окончаний).

Чем объясняется такое различие между существительными среднего рода и прилагательными того же рода? Я думаю, оно связано с тем, что форма *селý* (вин. падеж), а особенно подразумеваемая ею форма *селá* (им. падеж) были бы слишком необычны, слишком резко бы отличались от прежних форм и того, что есть в окружающих говорах, чтобы консервативные силы языка допустили такую замену. А формы типа *большая, вся* и *большую, всю* сами по себе никакого новшества не представляют — новшеством является только их сочетаемость с существительными среднего рода, а это уже легче «переварить» системе.

Здесь был приведен очень простой пример, но, правильно поданный, он о многом может сообщить студенту: 1) о связи фонетического и морфологического уровней, об одном из типичных механизмов этой связи; 2) о том, что нет жесткой детерминированности в развитии морфологической системы (не во всех акающих говорах произошла или происходит дифференциация окончаний именительного и винительного падежей у существительных среднего рода с безударными окончаниями); 3) о различных пределах одних и тех же морфологических процессов в разных классах парадигм (в данном случае — у прилагательных и существительных).

2. Осторожнее: не навредить!

Изменения, связанные с осуществлением актуальной грамматической тенденции, могут в каких-то случаях грозить нарушением законо-

мерностей, нужных системе. Система стремится не допустить или ограничить такие изменения.

Так, распространение окончания *-а* в им. падеже форм мн. числа, образованных от существительных жен. рода (*лошадя́, деревня́*), отвечает сразу трем актуальным тенденциям: 1) объединению парадигм мн. числа независимо от рода существительных в ед. числе; 2) противопоставлению парадигм ед. и мн. числа по месту ударения (если в ед. числе эти существительные имеют ударение на основе); 3) разграничению значений расчлененного (*-и*) и нерасчлененного множества (*-а́*). Тем не менее даже в восточной группе южного наречия, где такие новообразования наиболее распространены, они отмечаются в одних говорах исключительно, а в других говорах преимущественно при нулевом окончании в им. падеже [Букринская 1985; ДАРЯ 1989: карта № 31]. Ограничения, налагаемые на подобные образования от существительных I типа склонения, вызваны, по-видимому, тем, что такие образования нарушают общий закон системы склонения существительных: соотносительные парадигмы ед. и мн. числа не могут иметь одинаковых окончаний в одном и том же падеже. Особенно плохо, если при этом совпадает и место ударения (*гря́да, день́га́, зима́* и т. п.). Тем не менее такие формы мн. числа хотя и редко, но употребляются: пересиливает потребность в экспрессивном обозначении нерасчлененного множества.

Пример из глагольного словоизменения. И в северном, и в южном наречиях есть говоры, где в части глагольных словоформ со значением 3 лица (реже в любых словоформах с этим значением) отсутствует на конце *т*. Не буду касаться происхождения форм без *т*, не вполне установленного, но вот что обращает на себя внимание. Сложилось несколько типов соотношений форм с *т* и без *т* (см., например: [Образование севернорусского наречия 1970: 124—125]), в зависимости от числовой формы (например, *он несё*, но *они несу́т*), типа спряжения (*они несу́т*, но *они сидя́т*) или места ударения (*он хо́дя*, но *он сиди́т*). При этом отсутствие *т* в тех случаях, когда это приводит к омонимии (*он сиди́ и сиди́!*; *они несу́, зна́ю* и *я несу́, зна́ю*), распространено значительно реже, чем в других случаях. Формы 3 лица типа *говоря́* не приводят к грамматической омонимии, так как деепричастия на *-а* в русских говорах не употребляются.

Автор старался на простых и доступных примерах показать, как можно дать студентам представление о разумности устройства диалектных морфологических систем русского языка. Но преподаватель может привести и другие примеры, более близкие и интересные для него самого. Самое важное — передать студентам свою любовь к предмету.

Литература

Бромлей С. В. Противопоставленность I и II спряжений в русских говорах и литературном языке // Исследования по русской диалектологии. М., 1973.

Букринская И. А. О соотношении окончаний *-а* и *-и (ъі)* в именительном падеже множественного числа существительных (на материале одного южнорусского говора) // Диалектография русского языка. М., 1985.

Букринская И. А. Форма именительного падежа множественного числа существительных среднего рода в русских говорах // Русские диалекты. Лингвогеографический аспект. М., 1987.

Булатова Л. Н. Перфектные формы в одном русском говоре Карельской АССР (к вопросу о грамматических значениях причастий в функции сказуемого в русских говорах) // Русские говоры. М., 1975.

Булатова Л. Н. Фонетические и морфологические факторы возникновения окончания *-о*[х] в родительном и *-а*[ф] в предложном падеже у существительных множественного числа // Современные русские говоры. М., 1991.

ДАРЯ 1989 — Диалектологический атлас русского языка. Вып. II. М., 1989.

Кармакова О. Е. Словоизменение существительных среднего рода на **-тен* в русских говорах // Диалектография русского языка. М., 1985.

Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров. М., 1970.

Русская диалектология / Под ред. Л. Л. Касаткина. М., 1989.

Шульга М. В. К истории творительного типа *старостом* в русских говорах // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. 1983. № 6.

Е. А. Брызгунова
Москва

ПОЛИФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ СЛОВА КАК ПРОБЛЕМА РУССКИХ И РУССКО-ИНОЯЗЫЧНЫХ СЛОВАРЕЙ

В русских толковых и русско-иноязычных словарях все-таки недостаточно систематизировано представление полифункциональных слов, которые конкретизируются в составе предложения как знаменательные и служебные (*где, еще, какой, когда, куда, лучше, надо же, один, пока, просто, прямо, сколько, скорее, так, такой, там, тоже, только* и др.) или как разные частицы и их сочетания (*вот, вот бы, ну, ну и, хоть бы* и др.).

Полифункциональные слова отличаются от многозначных. Последние конкретизируют свое значение в контексте словосочетания (*тонкий вкус, тонкий слух*; *стол находок, стол справок* и т. п.) и многоаспектно отражаются в словарях. Полифункциональные же слова конкретизируются в составе предложения/высказывания при взаимодействии синтаксиса, лексики, интонации и контекста. Роль каждого из средств может быть разной.

Лексико-грамматический состав может быть достаточным для конкретизации полифункционального слова и вызывать нужную интонацию: тип интонационной конструкции, место центра ИК (интонационной конструкции), членение на ИК[1]. Так, в следующих предложениях слово *лучше* выражает предпочтительность и поэтому интонационно не выделено: *Лучше иди гулять! Только мешаешь мне! Лучше выпиши «Известия»* (интонационный центр на словах *гулять*, *«Известия»*). Именно такие предло-

[1] Поскольку в дальнейший анализ материала включается интонация, целесообразно кратко напомнить основные типы интонационных конструкций русского языка [РГ 1980, 2: 100]. Каждая из семи интонационных конструкций имеет интонационно центр, который может быть расположен в начале, середине, конце конструкции. На гласном центра в ИК-1 тон понижается; в ИК-2 тон понижается и усиливается словесное ударение; в ИК-3 тон резко повышается и на следующем слоге понижается; в ИК-4 — нисходяще-восходящее движение тона до конца конструкции; в ИК-5 — два центра: тон повышается, затем понижается, образуется как бы двускатная мелодическая крыша; в ИК-6 тон повышается и держится до конца конструкции; в ИК-7 повышение тона заканчивается смычкой голосовых связок.

жения/высказывания с однозначным лексико-грамматическим составом иллюстрируют полифункциональные слова в современных словарях. Однако лексико-грамматический состав может допускать более одного значения. Так, в следующих предложениях значение компаратива и предпочтительности в слове *лучше* различается с помощью его интонационной выделенности/невыделенности: *Лучше ровняй грядки! — Лучше ровняй грядки! Копать я сам буду!* (разное место центра ИК-2). Образуются оппозиции предложений с многозначным, полифункциональным лексико-грамматическим составом, и именно эти структуры, широко употребительные в устной речи, не учитываются в русских и, соответственно, в русско-иноязычных словарях. Это один из многочисленных пунктов коммуникативного анализа, учитывающего многомерные связи синтаксиса—лексики—интонации—контекста, ситуации речи. Но поскольку полифункциональные слова выделены в словарях в отдельные статьи, есть необходимость обратить внимание на существующую проблему.

На сегодняшний день полифункциональные слова наиболее полно, с точки зрения автора статьи, отражены в книге Н. Ю. Шведовой «Очерки по синтаксису русской разговорной речи» [Шведова 1960]. Исследование проведено на материале русской диалогической речи, отраженной в художественной литературе XIX—XX вв. Характерной особенностью материала является преобладание таких высказываний/предложений, в которых есть лексико-грамматические показатели конкретизации полифункционального слова. Прежде всего это грамматическое несогласование слов, например при выражении несогласия с помощью местоименного слова в функции частицы (примеры Н. Ю. Шведовой):

Станут потом говорить: упал, дескать, малый в воду... А какое упал? (Тургенев, Бежин луг);

Жива? — Где уж жива! Высоко бросилась-то! (А. Островский, Гроза).

Н. Ю. Шведова выделяет предложения с грамматически согласуемыми словами, отмечая при этом их немногочисленность, например:

— *Неприятности могут быть, — сказал Лукашин.*

— *Какие неприятности! В этом же нет ничего общественно вредного!* (В. Панова, Кружилиха).

Грамматически согласуемые слова Н. Ю. Шведова отмечает и в предложениях типа: *Какой тут талант! Какие там честные слова!* Однако в этих предложениях *тут, там* семантически не согласованы со словами *талант, честные слова*. Таким образом, семантико-синтаксическая несогласованность слов является одним из ярких средств выражения однозначности предложения/высказывания, в котором полифункциональные слова (*где, какой, куда, сколько*) употребляются как частицы.

Далее осложним анализ материала введением интонационных структур. Лексико-синтаксическая однозначность предложения/высказывания формируется разными средствами. Существенную роль играет семантика опорного слова, связанного по смыслу с полифункциональным

словом, например в высказывании ***Вот скука! Вот удача!*** Частица *вот* сочетается со словом, включающим оценочную сему. В предложениях с *Вот и...* выражено указание на ожидаемое или неизбежное, закономерное: *Вот и **автобус*** (ИК-1). — *Вот и **лето прошло**. Вот и **пришлось ехать** туда* (ИК-1). Архисемой предложений с *Вот тебе и...* является 'несоответствие ожидаемого и реального'. Ожидаемыми, как правило, бывают общепринятые представления о норме, например: отличники, спортсмены, врачи должны уметь делать то-то и то-то. Отсюда: *Вот тебе и **отличник!** Простую задачу не смог решить* (на слове ***отличник*** — центр ИК-1 — нейтральная интонация или ИК-4 — оттенки удивления, недовольства). Аналогично: *Вот так **отличник!*** (ИК-1, ИК-4); ***Какой** он отличник!* (на слове *какой* — центр ИК-7, ИК-2, ИК-6 с неярким повышением тона, выражающие оттенки несогласия, пренебрежения, недоумения).

Продолжаем иллюстрацию того, как формируется лексико-синтаксическая однозначность предложения/высказывания. Сочетания междометий и частиц со словами, семантика которых включает оценочную сему или сему интенсивности, всегда выражают общее значение 'очень'. Например: *Ух (ох) и **море сегодня холодное!*** (= очень холодное); *Ух (ох) и **наелся** же этот кот!* (=очень наелся). В подобных предложениях возможны все типы ИК, передающие тончайшие эмоционально-стилистические оттенки. ИК-1 ослабит экспрессию синтаксического фразеологизма, ИК-2 и ИК-5 по нарастающей передадут активизацию эмоционального состояния говорящего, ИК-3 акцентирует мгновенность и живость ощущения, восприятия, ИК-4 передаст оттенки удивления, размышления, ИК-6 — умеренное удивление, ИК-7 внесет оттенок, который можно было бы передать словами: «Что поделаешь, это, несомненно, так» (компонент независимости от воли субъекта). С помощью интонационной синонимии эта оценка может быть выражена с большей эмоционально-смысловой расчлененностью, например: *Ух и **море сегодня** / **холодное!*** В первой синтагме с центром на слове *море* могут быть произнесены разные типы ИК, во второй синтагме наиболее типичными будут ИК-4, ИК-6, ИК-7. Приведенные примеры иллюстрируют случаи наиболее разветвленной интонационной синонимии. Однако такое интонационное многоцветье обусловлено лексико-синтаксической однозначностью предложения.

Надо сказать, что предложения/высказывания с лексико-синтаксической однозначностью, как правило, имеют закрепленную интонационную структуру и границы интонационной синонимии. Но выражаемые интонацией тонкие различия находятся в пределах общего значения. Так, в оценочных предложениях слово *вот* интонационно всегда выделено, как правило, центром ИК-3 или ИК-6 (возможны также ИК-5, ИК-7). В оценочном предложении ***Вот скука!*** частица *вот* выделена интонационным центром ИК-3 или ИК-6. Но перенесение интонационного центра возможно лишь при изменении значения, когда *вот* становится синонимом выделительных оборотов типа *А вот что касается.., то..*; сравним: ***Вот скука!*** и ***Вот скука / ей незнакома*** (*скука* обычно будет выделено центром ИК-3).

Таким образом, предложения/высказывания с лексико-синтаксической однозначностью допускают интонационную синонимию, но она регламентирована и служит средством различения оттенков в пределах общего единого значения. Вопрос о лексико-синтаксической однозначности был выделен потому, что именно на этом материале, как уже говорилось, конкретизируется значение полифункциональных слов и всего предложения/высказывания в современных словарях.

За пределами русских и русско-иноязычных словарей остаются предложения/высказывания с лексико-синтаксической многозначностью, образующие оппозиции, члены которых могут различаться с помощью интонационных средств. Но интонационные средства не всегда оказываются достаточными, и тогда конкретизация достигается с помощью контекста.

В рассматриваемой проблематике общим условием образования лексико-синтаксической многозначности является возможность более одной семантической связи опорного и полифункционального слова. Эти связи разнообразны. Приведем иллюстрации.

В русском языке частотны сочетания частицы *вот* и местоименных слов *кто, что, чей, какой, где, почему, когда* и др. Такие сочетания образуют оппозиции, члены которых различаются местом центра ИК-2. Общей ситуацией, порождающей такие структуры, является какое-либо затруднение при поиске информации и получении информации; сравним:

*Вот какой у него номер телефона? — **Вот** какой у него номер телефона!*

*Вот как это переводится? — **Вот** как это переводится!*

*Вот откуда он нам звонил? — **Вот** откуда он нам звонил!*

В вопросе *вот* является усилительной частицей, а в повествовательном восклицательном предложении *вот* — местоименное наречие.

В русских словарях подробно рассматриваются *вот, где* и др. В книжной речи наблюдается стремление к однозначности, например: *Так вот где таилась погибель моя! Мне смертию кость угрожала* (А. С. Пушкин, Песнь о вещем Олеге). Аналогично введение частицы *так* в высказывания устной речи: *Так вот почему он не ответил!*

Остановимся более подробно на некоторых словарных статьях. В Большом толковом словаре [БТС 1998] в один ряд включаются сочетания «*вот* + местоименные слова» и «*вот* + наречия». Те и другие примеры толкуются как употребляемые «для уточнения и усиления значения последующего слова или высказывания в целом: *Вот что я тебе скажу. — Вот по какому поводу мы собрались. — Вот здесь он стоял*» и др. [БТС 1998: 153]. Как видно из примеров, в словаре отсутствует толкование материала с лексико-синтаксической многозначностью. Аналогичная картина наблюдается в словаре русского языка под редакцией А. П. Евгеньевой, а также в словаре С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой [Ожегов, Шведова 1992: 99].

В дальнейшем изложении анализ лексикографического представления полифункциональных слов проводится на материале цитированных толковых словарей. Основное внимание будет обращено на лексико-син-

таксическую многозначность, условия ее формирования и различения. Как правило, этот материал отсутствует в словарях.

В оценочных предложениях с частицей *вот* (*Вот **книга**; Вот **статья**; Вот **сметана*** — ИК-1 с центром на знаменательных словах, семантика которых включает предметность; формируется указательность) необходимо учесть следующее: в ситуации затруднения центр ИК-2 выделяется словом *вот*: ***Вот** книга. А ты ее **искал**.*

Далее необходимо отметить, что слова *книга, статья, сметана* не содержат оценочную сему, но потенциально способны включаться в оценочные отношения. С помощью интонации (центр ИК-3 или ИК-6 — на слове *вот*) будет выражена оценка, но ее положительное или отрицательное содержание может конкретизироваться только с помощью контекста: *Вот статья! Не могу **оторваться** — **Вот** статья! **Ничего** не **поймешь**.* В тех же случаях, когда семантика слова не включает предметного значения, выражается только оценка: ***Вот** погода! Специально для нас — **Вот** погода! Все наши **планы** испортила.*

Далее остановимся на предложениях с *вот бы*, в которых возможно значение желательности: ***Вот** бы Павел приехал*! (*вот* выделено центром ИК-3 — собственно желательность, центром ИК-6 — оттенок мечтательности). Средствами интонации можно выразить противопоставление условий, осуществление желательности: *Вот бы **Павел** / **приехал***; (ИК-3 с центром на *Павел*, ИК-1 с центром на *приехал*). Аналогично: *Вот бы **трактором** / **вспахать** это поле.*

Все словари объясняют сочетание частиц *вот еще* как выражение несогласия (*вот* выделено центром ИК-2, или ИК-3, или ИК-4 — оттенки удивления, или ИК-7 — оттенки пренебрежения). В этих высказываниях оба слова являются частицами, но могут употребляться и как наречные слова, выражая значение указательности и добавочности. Сравним: ***Смотри** / **вот еще**. **Вот еще**. **Еще*** (ИК-4); *Ой, сколько здесь **грибов**!*

Полифункциональное слово еще наиболее ярко проявляется в предложениях с *когда* и в высказываниях с *еще как*, сравним: *Когда он **еще** придет?* (*еще* выделяется, ='еще раз'; *еще* выделено центром ИК-2 или ИК-4 при выражении оттенка сопоставления). И: ***Когда** он еще придет*! (когда выделено центром ИК-7, одна из ярких возможностей этой интонации).

Высказывания *Еще как!* (на слове *как* — центр ИК-2 с удлинением гласного) являются одним из вариантов слова «да» в ответной реплике и выражают высокую степень проявления признака. Например: *А разве она **шьет**? — Еще как!* (=да, шьет, и при этом очень хорошо). Кроме того, *еще как*, с центром ИК-4 на *еще*, будет выражать сопоставительный вопрос, например:

— *Говорим по-разному: и спасибо, и благодарю.*

— ***Еще как?*** (ИК-4) = *А **еще как**? = А **как еще**?* (ИК-4).

— ***Еще как?*** (ИК-3 с центром на *еще*, повторение вопроса при ответе).

— *Еще говорим: дай Бог тебе здоровья!*

Конечно, в рамках статьи трудно перечислить все употребления полифункционального слова в условиях лексико-синтаксической многозначности. Но думается, что проводимый анализ свидетельствует о необходимости сближения и, в то же время, различения материала книжной и живой разговорной речи.

Кратко рассмотрим лексико-синтаксическую многозначность предложений с частицами *ну, ну и*. В этих условиях необходимо обратить внимание на такие значения предложений, как опасение и несущественность, высокая степень признака, интенсивности и несущественность, например: ***Ну** уедет! Что тогда? Ну* выделено центром ИК-3, *уедет* может выражать нежелательность действия, отсюда — значение опасения. Сравним: *Ну уедет. И что?* (*уедет* выделено центром ИК-1 или ИК-4 — оттенок вызова, значение несущественности). Далее. ***Ну** обидится*! (=очень обидится, действие нежелательное; центр ИК-3 на *ну*, опасение); аналогично: *Ну и **обидится**!* (=очень обидится, центр ИК-3 на глаголе, опасение). Сравним значение несущественности: *Ну **обидится**. = Ну и обидится. Это нас не касается* (центр ИК-1 на *обидится*).

Известно, что полифункциональное слово *лучше* может выражать значение компаратива и предпочтительности. При этом возможна лексико-синтаксическая многозначность предложения, сравним: *Лучше читай! Через каждое слово ошибаешься* (центр ИК-2 на *лучше*, компаратив). И: *Лучше **читай**! **Хватит** смотреть телевизор* (центр ИК-2 на *читай*, предпочтительность). При анализе этих предложений существенно учесть и роль интонации и семантику слова *читать* или *читай*. Глагол *читать* не имеет оценочной семы, но может включаться в оценочные отношения: *читать хорошо, плохо, лучше, хуже*. В то же время глагол читать может входить в тематический ряд слов, объединяемый общим смысловым признаком «вид занятий». Этим и обосновывается лексико-семантическая многозначность предложений, в данном случае в области волеизъявления.

Анализ может быть продолжен. В основе анализа — определение смысловых связей опорного и полифункционального слова. Материал оппозиций предложений с лексико-синтаксической многозначностью большей частью отсутствует в русских и тем более в русско-иноязычных словарях, что создает особые трудности для переводчиков и иностранцев, изучающих русский язык.

Перечислимость, локальность, регулярность семантических связей полифункционального и знаменательного опорного слова в составе предложения, очерченность интонационных закономерностей предложения и его связей с контекстом создают реальную возможность уточнения словарных статей, посвященных полифункциональным словам. Информативными могут быть оппозиции предложений/высказываний, в которых шрифтом показаны интонационно выделенные слова, косой чертой — интонационное членение, точкой, вопросительным и восклицательным знаками — коммуникативные типы предложений, например: *Вот где*

*вход? — **Вот** где вход! **Вот** бы Павел приехал! — Вот бы **Павел** / приехал!* Детализация описания возможна с помощью минимального контекста и обозначения направления тона, например: *Ну̀ обидится? Что тогда? — Ну обѝдится. И что?*

Литература

Брызгунова Е. А. Слово *да* и его варианты // *Брызгунова Е. А.* Вводный фонетико-разговорный курс русского языка: Звуковое приложение на кассете. 1-е изд. М., 1982; 2-е изд. М., 1986.

Брызгунова Е. А. Русская звучащая речь как проблема русских и русско-иноязычных словарей // IX Международный конгресс МАПРЯЛ: Тезисы докладов. Братислава, 1999. С. 35—36.

БТС 1998 — Большой толковый словарь / Под ред. А. С. Кузнецова. СПб., 1998.

Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь современного русского литературного языка. М., 1992.

Путеводитель по дискурсивным словам русского языка / Сост. А. Н. Баранов и др. М., 1998.

РГ 1980 — Русская грамматика: В 2 т. М., 1980.

Словарь 1981 — Толковый словарь современного русского литературного языка: В 4 т. / Под ред. А. П. Евгеньевой. М., 1981.

Шведова Н. Ю. Очерки по синтаксису русской разговорной речи. М., 1960.

М. Я. Гловинская
Москва

ЯЗЫК ЭМИГРАЦИИ КАК СВИДЕТЕЛЬСТВО О НЕУСТОЙЧИВЫХ УЧАСТКАХ ЯЗЫКА МЕТРОПОЛИИ

(на материале русского языка)

Изучение языка эмиграции показывает, что необходимо различать в качестве разных объектов язык эмигрантов 1-го поколения, т. е. людей, покинувших родину с полностью усвоенным языком, и язык последующих поколений, т. е. людей, родившихся за границей. В первом случае мы можем говорить об **изменениях**, которые претерпевает усвоенный на родине язык в условиях языкового и социокультурного шока эмиграции. Во втором случае проблема состоит в том, как **усваивается** русский язык в иноязычном окружении.

Статья основана на письменных данных языка 1-го поколения всех четырех волн эмиграции в разных странах, т. е. посвящена изменениям в родном языке. Больше всего материала содержалось в неопубликованных текстах (тем самым не прошедших редакторскую обработку) — мемуарах и частной переписке (авторы — хорошо владеющие литературным языком)[1]. Из разных волн наиболее богатый языковой улов дают 1-я

---

[1] Они хранятся в библиотеке-фонде «Русское зарубежье», куда были переданы А. И. Солженицыным. Он получил их в ответ на опубликованный в 1975 г. в «Русской мысли» и обращенный к старым эмигрантам призыв присылать свои воспоминания и ответы на его вопросы, где отражалась бы истинная история России. Эти ответы различны по объему — от писем в несколько страниц до обширных жизнеописаний. Трудно переоценить роль этих документов не только для истории и культуры России, но и для изучения языковых процессов в эмиграции.

Использовались также опубликованные материалы, эмигрантская пресса, художественная литература, в меньшей мере — записи устной речи (см. Список источников). В России предметом изучения был более широкий круг источников — материал черпался не только из письменных источников, но и из обширных записей устной разговорной и публичной речи. Анализу подвергался язык людей с высшим образованием (либо его эквивалентом для женщин до революции — Смольный институт, Высшие женские медицинские курсы и т. д.). В основном это уроженцы Москвы и Петербурга или люди, прожившие там длительное время. Примеры из языка уроженцев других мест носят единичный характер и используются только в тех случаях, когда не могут быть интерпретированы как проявление региональных особенностей. Это

(т. е. послереволюционная) и 2-я, т. е. относящаяся к периоду Второй мировой войны, поскольку эти люди пробыли в эмиграции долгое время, притом «за железным занавесом».

Оказалось, что неустойчивые участки в языке эмиграции 1-го поколения бывают трех типов.

Ошибки на «идиоматичных» участках языка

Об идиоматичных участках языка мы будем говорить в тех случаях, когда поведение языковых единиц регулируется не общими правилами, а индивидуальными, имеющими, тем самым, идиоматичный характер. Применительно к фонетике М. В. Панов называл такие случаи «закоулками фонетической системы». Но такие закоулки есть на любом уровне. Именно на таких участках в первую очередь на русский язык может влиять язык окружения, и ошибки возникают вследствие такого влияния. Приведу несколько примеров.

К таким участкам относится, например, фразеологически связанная лексическая сочетаемость, для описания которой удобно воспользоваться аппаратом лексических функций, предложенным А. К. Жолковским и И. А. Мельчуком. Лексическая функция, грубо говоря,— это такой достаточно общий смысл, который при разных словах выражается по-разному, идиоматично [Мельчук 1974]. Приведу в качестве примера функцию Real. Это глагол, с помощью которого выражается идея использования данного предмета по назначению. Например, для слова *ванна* или *душ* — *принимать*, *баня* — *мыться в бане*, *троллейбус* — *ехать на троллейбусе*. В русском языке нет единого способа оформлять идею использования транспортного средства. На *метро*, *троллейбус*, *поезд* мы *садимся* и *едем*, а *такси* — *берем*. В языке еще 1-й волны во Франции под влиянием французского языка мгновенно возникло *брать метро* и под. вместо *садиться*, *ехать на метро*. Это выражение постоянно подвергалось осмеянию со стороны самих эмигрантов, ср., например: «В Москве нанимали извозчика, западнее его стали "брать", а в Париже мы уже "берем" целое метро» [Осоргин 1932/1988: 46]. Тем не менее оно сохраняется до настоящего времени и по-прежнему служит мишенью для ревнителей чистоты эмигрантской речи.

Примеры нарушения в выражении Real'а при слове *курсы* встречаются во всех волнах.

А мой муж Б. Н. Третьяков — ***проделал ускоренные курсы в 3 месяца*** (1-я волна, О. Третьякова-Апухтина, 16). Правильно было бы *прошел курсы в 3 месяца*. У 3-й и 4-й волн в англоязычном и франкоязычном окружении

ограничение было введено ради однородности материала. Тексты 1-й волны эмиграции, как правило, написаны в старой орфографии, причем в неопубликованных воспоминаниях она сохраняется непоследовательно. По техническим причинам мы не могли сохранять старую орфографию, все же остальные орфографические и пунктуационные особенности авторов оставлены без изменений.

распространено *взять курс* вместо *слушать курс*: *В прошлом семестре я взяла курс по общему синтаксису.*

А вот пример индивидуального нарушения в выражении Real'a у писателя 1-й волны: *Кабина* [телефонная] *была маленькая, и из-за дальнозоркости ему трудно было* ***составить*** *номер.* ***Составил*** *его по памяти* (Е. Яконовский, Солнце задворок. 1954). Это — калька с французского (ср. *composer un numéro*) вместо *набрать номер.*

Примером нарушения идиоматичного правила в морфологии может служить распределение существительных по классам singularia и pluralia tantum. Это распределение специфично для разных языков, а внутри одного языка достаточно лексикализовано; ср. возможность МНОЖ *холода, морозы, стужи* при отсутствии МНОЖ **жары*[2], **знои*. Поэтому в речи эмиграции этот участок языка оказывается неустойчивым, и в форме множественного числа встречаются существительные класса singularia tantum или существительные, у которых форма множественного хотя и существует в системе, однако в узусе реально не употребляется. Ср. примеры:

1-Я ВОЛНА ЭМИГРАЦИИ (ФРАНЦИЯ, ШВЕЙЦАРИЯ, США)

«Вещи», которые я намеревалась привезти из Москвы, были ***одежды*** *и обувь, которую так трудно было раздобыть в Крыму* (Л. Васильчикова, 442). Форма МНОЖ *одежды* возможна в русском языке в случае, если речь идет о том, что надето на многих конкретных людях (*в толпе все были в пестрых одеждах*), или об элементах, частях того, что надето на одном конкретном человеке: *снял в алтаре свои парчовые одежды и вошел в храм* (А. Куприн, Анафема). В своем родовом собирательном значении слово *одежда* употребляется только в единственном числе. Ср. франц. *les habits, vêtements*, англ. *clothers.*

Современная молодежь следует за модой слепо как в одежде, так в ***спортах*** *и в привычках* (Л. Васильчикова, 154). Ср. англ. *sports*, франц. *sports d'hiver* — зимние разновидности спорта. Правильно было бы сказать *в видах спорта.*

Я осталась на вокзале. Люди сидели ***на багажах*** (А. Барам, 5). Ср. франц. *petits bagages, bagages à main, gros bagages.*

Мы, гимназистки, шили мешки для ***посылок*** *пакетов на фронт и раненым* (Т. Баскевич, 1). Сохранение глагольного управления указывает на то, что это действие, но в таком случае отглагольное существительное не имеет множественного числа.

2-Я ВОЛНА (АРГЕНТИНА)

Однако, его размышления по вопросам государственным (...) *по моему мнению не достигают высоты, сравнимой с его литературными* ***анализами*** (Наша страна, 28 февр. 1998, 2; В. Беляев, Еще о русской национальной

[2] Правда, в XIX в. форма *жары* еще употреблялась; ср. у С. Т. Аксакова: *Горячие щи, от которых русский человек не откажется в самые палящие жары, дедушка хлебал деревянной ложкой* (Семейная хроника). БАС дает эту форму, но Словарь Ушакова в явном виде указывает на отсутствие множественного числа у слова *жара*.

идее). *Поэтому США будут всячески поддерживать любые* ***сепаратизмы****; самоедский и чукотский, если удастся их создать* (Наша страна, 4 июля 1998, 5; Вл. Рудинский, Под давлением).

3-Я ВОЛНА (ЧЕХИЯ)

Мои информации о Люсе кончаются тем моментом, когда у нее была одна дочка (частное письмо, русская, замужем за чехом, более 35 лет в Чехии; 1999). Это слово в форме МНОЖ отмечается также в речи русских в Австрии, обследованных Х. Пфандлем (4-я волна).

Ошибки такого рода носят разрушительный для языка характер, они являются специфическими для эмиграции.

Ошибки на развивающихся участках языка

Однако наибольший интерес представляют ошибки другого типа, «перспективные», которые повторяются в речи эмигрантов первого поколения, независимо от языка окружения, и лежат в том же самом русле, что и многочисленные ошибки в речи метрополии. Они указывают на те участки языка, которые претерпевают изменения, вызванные внутренним развитием языка, и свидетельствуют об определенной языковой тенденции. В языке эмиграции языковые тенденции родного языка могут проявляться даже раньше и отчетливее, чем в языке метрополии.

В статье будут рассмотрены три примера такого рода—один из области фонетики и два из области грамматики.

1. Начну с одного фонетического явления, которое отразилось в письменных текстах эмигрантов 1-й и 2-й волн. Речь идет о предлогах с беглым *о* перед сочетанием согласных (типа *в/во*, *к/ко* и т. д.). В текстах встретилось употребление этих предлогов с огласовкой в случаях, когда по нормам современного литературного языка следовало бы употребить предлоги в «консонантном» варианте. Ср.:

1-Я ВОЛНА

Вместо кутящей Московской молодежи на них теперь разъезжали пришедшие ***ко власти*** *«Товарищи»* (Л. Васильчикова, 470. 1937 г.); (...) *все в этом доме было увлекательно и поражало контрастом, который он представлял ка* (sic!) ***грубой*** *пошлости и вопиющему невежеству большевистской Москвы* (Л. Васильчикова, 476. 1937 г.).

2-Я ВОЛНА (примеры из эмигрантской газеты «Наша страна», организованной и издаваемой в Буэнос-Айресе представителями 2-й волны; они же—основные авторы): *присосавшиеся* ***ко власти*** (Наша страна, 24 окт. 1998); *Навряд ли большевикам удастся вернуться* ***ко власти*** (там же, Е. Веденеева); (...) *нынешние власти движутся* ***ко смычке*** *и единению с нею* (Наша страна, 29 авг. 1998; В. Р.); *Надо быть справедливым даже* ***ко врагам*** (Наша страна, 28 февр. 1998, 2; Вл. Рудинский, Не для полемики); *Всегда, в таких случаях, возникает мысль, что автор-то так или иначе связан* ***со братством*** *вольных каменщиков* (Наша страна, 6 июня 1998, 4; А. Рахманов, Языковые уродства).

Встретился даже случай употребления предлога с огласовкой при отсутствии сочетания согласных в начале словоформы:

Прошель черезъ сад ко дому[3] (Л. Васильчикова, 433. 1-я волна. 1937 г.). При этом рукой автора *къ* исправлен на *ко*, что в явном виде отражает его неуверенность и колебания.

Рефлексия возникает у данного автора и в случае, когда возможны оба варианта; ср. *Те, кто сами не прошли через это ужасное время, не поймут, как безо всяких внешних признаков начинаешь подсознательно ощущать сгущение атмосферы* (Л. Васильчикова, 482). И здесь *безъ* исправлен рукой автора на *безо*.

Неуверенность при выборе варианта возникает у говорящих именно тогда, когда старый вариант достаточно расшатан, а новый еще не укрепился окончательно.

Почему вдруг в языке эмиграции появляются ошибки на этом участке?

Этому способствует, во-первых, прихотливый, идиоматичный характер употребления вариантов с *о* в русском языке (см. об этом [Еськова 2000]). Например, произносится *ко льву*, но *к львице*, *во ржи*, но *в ржании* и т. д.

Во-вторых, закономерности употребления этих вариантов в самом русском языке носят не вполне установившийся характер, в ряде случаев допускается вариативность произношения. Так, в речи одного и того же лица можно встретить *без всяких — безо всяких*, *от всей души — ото всей души*, *над всем этим* и *надо всем этим* и т. д. Иногда одни предпочитают какие-то варианты с огласовкой, другие — без нее; ср., например, замечание М. В. Панова: «...говорится обычно не *к вдове*, *под вздутием*, *от взвода*, а *ко вдове*, *подо вздутием*, *ото взвода*» [Панов 1967: 87]; и в то же время распространенное произношение предлогов с этими словами без *о*.

В-третьих, по сравнению с языком XIX в. замечено движение в сторону распространения варианта с *о*: так, в [Еськова 2000] приводятся нормативные для литературы XIX в. и невозможные в современном языке сочетания типа *в вздоре*, *в влияниях*; *с слабыми*, *с слугами*, *с смертью*, *с священником*, *с стряпчим*, *с здоровьем*, *с своим* и т. д. В современном языке для подобных случаев действует строго фонетически обусловленный выбор варианта предлога с *о* [там же].

Язык эмиграции опережает язык метрополии в продвижении к вокализации предлогов. Помимо приведенных выше примеров, об этом говорит и бóльшая незыблемость уже установившихся норм с гласными для эмигрантов, нежели для живущих в России. Ср. следующее полемическое замечание: *Например, он* [*В. Новиков*] *считает, что надо говорить не со щербиной, а с щербиной. Нам кажется, что эта последняя комбинация — абсолютно неудобопроизносима!* ((Наша страна, 6 июня 1998, 4; А. Рахманов, Языковые уродства.) Полемика ведется со статьей В. Новикова «Ноблесс оближ» в «Новом мире», 1998, 1).

[3] Для ясности, в порядке исключения, оставляем в этой фразе старую орфографию, не вполне последовательно сохраняемую здесь автором.

В то же время беглый опрос в Москве примерно 10-ти информантов, находящихся «под рукой», показал, что один из них (фонетист) говорит только без огласовки, как и В. Новиков, некоторые — только с огласовкой, отвергая консонантный вариант, как автор статьи в газете, большинство же произносит с гласным, но считает вполне приемлемым и консонантный вариант[4].

Все данные в совокупности, несмотря на свою немногочисленность, ясно указывают, что этот участок языка является неустойчивым, а направление изменений состоит в распространении вариантов с гласным. В принципе формирование единообразного произношения предлогов уменьшает их фонетическую зависимость от последующего слова, укрепляет их самостоятельность и, тем самым, может рассматриваться как одно из проявлений аналитизма.

2. Ослабление формального противопоставления падежей

Тенденция к такому ослаблению действует давно в русском языке — об этом говорят многие хорошо известные факты (утрата звательного падежа и др., фактическое слияние родительного и партитивного, расширение класса неизменяемых существительных, рост употребительности нулевой флексии в формах РОД МН МУЖ (*несколько грамм, ватт*; *башкир, грузин, гусар, партизан*; *баклажан, помидор*). Этот процесс ведет к формальной унификации ИМ ЕД МУЖ и РОД МН МУЖ). Все эти явления рассматривались как тенденция к аналитизму еще в [РЯСО 3: 44 и сл.]; см. также до этого [Панов 1962, 1963].

В последние десятилетия активно взаимодействуют РОД и ПРЕДЛ. Это взаимодействие выражается в путанице флексий РОД и ПРЕДЛ (чаще всего множественного числа существительных 2-го склонения). В публичной и бытовой речи у людей, хорошо владеющих литературной нормой, часто встречаются оговорки типа *в правоохранительных органов, в экономических реформов, о российских художественных фильмов, закон о выборов*, с одной стороны, и *одного из высокопоставленных российских офицерах, на Сахалине без осадках* — с другой.

Данное явление, давно известное в говорах, впервые было зафиксировано для литературного языка в 70-е годы нашего столетия [Касаткин 1987: 45—46].

Подробный разбор этого явления и массовые примеры путаницы флексий РОД и ПРЕДЛ см. [Гловинская 1996; 1997]; сейчас напомню существо дела. Важно, что это не просто оговорки, которые возможны в любой устной речи, но массовые однотипные ошибки носителей литературной нормы.

---

[4] У 2-й волны это явление отмечено нами в испаноязычном окружении, что, возможно, неслучайно. Испанский язык в целом избегает скопления согласных, и не исключено, что в предпочтении вокализованного варианта проявляется влияние языка окружения. Это никак не опровергает тезиса о внутренней языковой обусловленности данного явления, просто его проявлению могут способствовать и внешние факторы.

Путаница флексий происходит в первую очередь при наличии определенных условий. **Синтаксически** наиболее благоприятной позицией для мены флексий является контекст сочетаний существительного с прилагательными, т. е. соседство с именами, формально уже не различающими во множественном числе эти два падежа. **Фонетически** наиболее благоприятным условием является безударность флексий предложного и родительного падежей, когда флексии имеют максимальную фонетическую близость — [ъх] и [ъф]. Это случаи типа *о **нелегальных контактов**; о **персональных циклов** известных музыкантов*; *о **других переговоров** и пятьдесят **нобелевских лауреатах**; расхищение **военных складах**; за исключением лишь **некоторых регионах**.*

Процесс начался с этих позиций, и вначале казалось, что он имеет фонетическую природу, но единого фонетического объяснения дать ему было невозможно: в одних случаях имело место уподобление флексии прилагательного (*при отсутствии **американских самолетах***), а в других — прямо наоборот — расподобление (*об **американских самолетов***).

Процесс расширяется буквально на глазах, широко захватывая и другие флексии (*о **ведущих деятелей**, о **дальнейших событий***), и изолированные существительные, вне сочетаний с прилагательными (ср. *о **принципов** формирования Совета Федерации*; *речь идет о **журналистов***; *на **участков** и в Кубке **кубках**, **вне иллюстрациях***), и даже ударные окончания: *И тут я столько наслушалась рассказов о **колдунов***. С конца 90-х годов он начинает переходить и на существительные 1-го склонения, вначале в единственном числе (*концепция новой военной **реформе**; для участников нашей **программе**; в случае круглой календарной **дате**; от **литературе** к историческим личностям*; *части логической **схеме** и о новой Настасье **Филипповны***; *о налоговой **реформы***), а в самое последнее время — и во множественном (*Речь идет об искусстве и новых **книжечек** издательства «Белфакс»*[5]). О привыкании к подобным оговоркам говорит тот факт, что ошибающиеся перестали их замечать и исправлять, как это было в 80-е и первую половину 90-х годов.

Отметим соотношение устных и письменных ошибок такого рода. Устные исчисляются десятками и даже сотнями, письменные — единицами. На фоне современной устной вакханалии нам встретилось всего пять письменных примеров (и то одна ошибка из них была замечена автором и исправлена)[6]. Наверное, где-то притаились и другие примеры, но они

---

[5] Этот пример отмечен в выступлении журналиста по радио «Эхо Москвы» 15.1.1998.

[6] Приведем имеющиеся у нас примеры из печатных изданий: *Во всех привлекаемых для рассмотрения в синхронном плане диалектов или языков* (*Толстой Н. И.* Из опыта типологии славянского словарного состава // Вопросы языкознания. 1963. № 1, цит. по [Клепикова 1968]); *Эта мелкая бытовая деталь, о которой он читал в десятках детективных романах, убедила его, что злодейство было умышленным* (Свидетели обвинения // Антология зарубежного детектива. М., 1989. Вып. 2); *Он заказал Пастернаку стихотворный панегирик Сталину и опубликовал его в новогоднем номере редактировавшейся им газете «Известия»* (*Вакселберг А.* Лиля Брик. М.; Смоленск, 1999. С. 300). В этих случаях ошиб-

все равно остаются единичными. Это говорит о более веском статусе письменной ошибки. Несколько письменных ошибок свидетельствуют о таком же размахе хода процесса, как и многие десятки устных.

Язык эмиграции и здесь носит опережающий характер. В текстах 1-й волны эмиграции подобные письменные ошибки встречаются начиная с 30-х годов, притом в самом раннем примере (РОД вместо ПРЕДЛ) выступает уже существительное 1-го склонения. Ср. у автора, которого невозможно заподозрить в просторечном влиянии:

У Графини Капнист, коренной одесситке («ять» на конце), *в доме был постой Германских офицеров* (Л. Васильчикова, 444. 1937 г.);

Особенно памятен мне разговор, когда дошли слухи о крупных ***успехов*** *Армии Колчака* (С. Васильев, Добровольчество, 3а. 1-я волна. 1946 г.);

Постараюсь передать, что мне кажется интересным о событиях и действующих лиц с наиболее возможной правдивостью и точностию (М. Гарденин. 1-я волна. 70-е годы).

Встречаются и примеры ПРЕДЛ вместо РОД:

Сообщение между Архангельском и Мурманском (sic!) *происходило при помощи двух специальных полуледокольных* ***судах*** (М. Гарденин, 19);

После прихода к власти ***большевиках*** (...) (М. Гарденин, 22);

Наметив по частям способ наиболее правильной и целесообразной ***разборке*** *миноносцев* (...) (М. Гарденин, 19);

(...) *для* (...) *постройки Большой* ***Гостинице*** (sic!), *дававшей возможность прямого и быстрого сообщения с Америкой* (М. Гарденин, 23).

Каким же временем следует датировать возникновение этого процесса? В говорах (южных и некоторых среднерусских) подобные факты, хотя и в другой связи, отмечались уже давно; ср. *девки думают* ***об ребят, об стариков не заботились***; ***об уроков беспокоятся***; ***при господ палочки не возьмешь***; ***при людей скажу*** [Кузьмина, Немченко 1964: 182—183].

Данные истории русского языка показывают, что это явление в русском языке возникло много веков назад. В скрупулезном исследовании Х. Кайперта [Keipert 1968: 100—129] дается сводка подобных ошибок по памятникам XVI, XVII и XVIII вв.

В качестве возможного источника данного явления Х. Кайперт называет южнославянское влияние (болгарского и сербского языков), предполагая в качестве связующего звена между южнославянскими и русским/церковнославянским языками сочинения Максима Грека, который приехал в Москву в 1518 г. [там же: 106]. Однако интенсивная вспышка этого процесса в русском языке XX столетия, а также его распространенность в говорах заставляют по-новому взглянуть на старые факты. В част-

---

лись двое — и автор, и редактор. Ср. также из записей Л. Л. Касаткина: *в* ***западных южнорусских говоров*** (доктор филологических наук написал в статье и сразу заметил ошибку); *в* ***наших материалов*** (доктор филологических наук написал в статье, соавтор заметил ошибку).

ности, можно усомниться в случайном характере появления первых единичных описок такого рода еще до Максима Грека в двух рукописях XV в. [там же: 118]. Скорее всего, мы имеем дело с независимым, параллельным развитием языков. Можно видеть в этом единую общерусскую тенденцию, направляющую в настоящее время и говоры, и литературный язык.

Таким образом, засвидетельствовано существование этого явления в XV, XVI, XVII, XVIII и XX столетиях. Как видим, XIX век образует лакуну, причем неизвестно, перерыв ли это в самом процессе или только в фиксации данных (рукописное наследие XIX века как источник истории языка практически не изучено). К сожалению, в литературе по истории русского языка недостаточно количественных данных, чтобы можно было судить о динамике этого явления. Обращает на себя внимание своеобразие данного процесса: он носит тлеющий характер, то усиливаясь, то затухая на какое-то время, но никак не достигая уровня вариантов, а оставаясь все время на уровне описок и оговорок.

3. Функционирование видо-временных форм

В отличие от других участков русского языка, изменения которых в XX в. были зафиксированы в целом ряде работ (см., например: [РЯСО 1—4]), в области функционирования видов и времен каких-либо инноваций не отмечалось. Речь шла обычно об изменениях, касающихся формальной стороны видообразования (ср., например: [Авилова 1964; Мучник 1968: 96—104]).

Между тем в русском языке прошедшего столетия и в России, и в эмиграции можно заметить тенденцию к расширению сферы употребления формы совершенного вида. Это происходит по двум направлениям: 1) выражение идеи кратности; 2) выражение идеи длительности. В обоих случаях встречается употребление формы СОВ в запретных для нее конструкциях.

Форма СОВ ПРОШ в контексте неопределенной кратности

Форма СОВ ПРОШ в русском языке, в отличие от западнославянских языков, может выражать только определенную кратность (при которой события поддаются счету[7]); ср. нормальность *Он прочел эту книгу пять ⟨несколько⟩ раз* при невозможности **Иногда он пришел не в духе*; **Время от времени он прочел какой-нибудь захватывающий детектив*; **Он всегда поздравил меня с праздниками*; **Он никогда не забыл принести мне цветы*.

Между тем в письменных текстах различных жанров и в устной публичной речи как в России, так и в эмиграции встречаются нарушения общего правила о несочетаемости формы СОВ ПРОШ с обстоятельствами неопределенной кратности: глагол в форме СОВ оказывается в контексте обстоятельств типа *никогда, редко, ежегодно* и под.

[7] Подробнее см. [Храковский 1989: 13—14, 21; Барентсен 1992; 1994].

Больше всего нарушений относится к контекстам с *никогда*, поскольку именно сочетания с *никогда*, в отличие от прочих показателей неопределенной кратности, бывают допустимы в принципе. Для *никогда* такие сочетания становятся возможными при усилении отрицания; ср. *Он никогда сына и пальцем не тронул* [Широкова 1971: 297]; ср. также *Он никогда в жизни не забыл принести мне цветы на день рождения*; *Он никогда не прочел ни одной книги*; *Он никогда никому ничего не сказал об этом*. Поэтому из всех нарушений этот тип находится ближе всего к норме.

Приводимые ниже фразы с *никогда* можно исправить несколькими способами: 1) усилить отрицание, например, заменить *никогда* на *никогда в жизни*, *никогда ни единым словом* и др., сохраняя при этом глагол в форме СОВ; 2) заменить *никогда* на *ни разу*, согласовав тем самым обстоятельство с формой СОВ по смыслу 'определенная кратность'; 3) заменить форму СОВ формой НЕСОВ соответствующего глагола, согласовав тем самым глагольную форму с обстоятельством по смыслу 'неопределенная кратность'.

Вот несколько примеров из текстов, написанных в России в разные годы.

Первые два примера близки к норме: ⟨...⟩ *в водовороте служебном, соприкасаясь с вопросами народности и вероисповедности* ⟨...⟩, *он* ***никогда не отказался от своих принципов, никогда не пожертвовал требованиями человечности в угоду чиновничьего кодекса*** (С. Волконский, Мои воспоминания. Родина, 66. Написано в Москве в 1918 г.); *Помню* ***никогда так ясно не испытанное ощущение клетки*** (С. Волконский, Мои воспоминания. Странствия, 295. Написано в Москве в 1918 г.).

В следующих примерах нарушение выглядит более заметным: *Но те два человека, которые меня любили, — я* ***в них не обманулся никогда*** (В. Розанов, Опавшие листья: короб первый. Избранное. München, 1970. С. 128. Впервые опубликовано в 1913 г.); *Она знала мое «направление»* (*отрицательное*) *и* ***никогда меня не осудила*** (там же, 147); ⟨...⟩ *у него, кроме дяди Курта, не было друга, он еще* ***никогда не полюбил даже ни одну девушку*** (А. Цветаева, Сказка о скрипаче Ягье Эфенди, 267. Рассказы 1980—1990 гг.). В последней фразе неправильность усугубляется дополнительной ошибкой — вместо РОД *ни одной девушки* употреблен ВИН.

Примеры из языка эмиграции:

В консерватории никогда никто не спросил меня об отце (Н. Берберова, Аккомпаниаторша, 6. 1934 г.). Эта фраза многими информантами оценивается как нормальная, но «немного странная».

Два следующих примера представляют собой явное нарушение нормы: *Форум представляет из себя такую путаницу исторических эпох, что я* ***никогда не сумела его воспроизвести в своем изображении*** (Л. Васильчикова, 218); ⟨...⟩ *была потребность в знакомой даме, особе средних лет, которую он* ***никогда мне не показал*** (Н. Берберова, Черная болезнь, 280. 1958 г.).

Формы СОВ ПРОШ в контексте других обстоятельственных показателей неопределенной кратности воспринимаются как намного более грубые ошибки, чем в контексте *никогда*.

Примеры ошибок в речи лиц, живущих в России, сделанные в разные годы:

Должен сказать, что ***редко*** *я с такой любовью* ***отнесся*** *к предстоящему выступлению, как к этому* (С. Волконский, Мои воспоминания. Родина, 296. Написано в 1918 г.); *Около двух тысяч человек* ***ежегодно покусано*** *собаками* (ТВ, Тема, 20.10.92); ***Были случаи, когда*** *в течение 20-ых 30-ых гг. эти теории начала века* ***развились*** *нацистами и близкими им учеными* (выступление Р. Якобсона по французскому ТВ, пер. Д. Кротовой в [Якобсон 1996: 203]); *Еще сравнительно недавно этот порядок существовал, и, если милиции* ***бывало посчастливилось*** *отловить работающего пенсионера, скрывшего это обстоятельство от властей, его привлекали к уголовной ответственности* (Известия, 05.02.97); *Однако подслушивание до сих пор не было узаконено. Поэтому* ***если*** *хозяин случайно* ***застукал*** *детектива в своей квартире, он мог привлечь его к суду* (Известия, 24.01.97)[8]; ***Время от времени*** *с Иваном Шуром* ***удалось*** *выйти на связь* (НТВ, Сегодня, 18.11.2000, М. Осокин).

Приведем примеры из языка эмиграции, где в контексте обстоятельств неопределенной кратности вместо НЕСОВ ошибочно употреблен СОВ ПРОШ:

Надо прибавить к этому гостей, товарищей сыновей, кузин, подруг дочерей (...) ***и заехавших иногда*** *приятелей графа и графини* (И. Репин, О графе Льве Николаевиче Толстом, 15. 1921 г.); *Это у меня* ***отняло три часа каждый день*** (Н. Берберова, Аккомпаниаторша, 8. 1934 г.); ***Я нет-нет да и вспомнил*** *об этом, глядя на председателя Думы* (Радио «Свобода», ведущий А. Стреляный, 09.12.94).

Источником ошибки в этих примерах является семантическое противоречие между идеей определенной кратности, содержащейся в форме СОВ, и идеей неопределенной кратности, содержащейся в обстоятельстве.

На неслучайный характер этих ошибок указывает тот факт, что они относятся в первую очередь к слабому звену аспектуальной оппозиции. Большинство глаголов, употребленных в форме СОВ ПРОШ в рассмотренных неправильных контекстах, относится к классу так называемых «моментальных» глаголов, т. е. таких, которые в форме НЕСОВ ПРОШ не имеют актуально-длительного значения и могут обозначать только результативное — единичное или (чаще) повторяющееся действие. Таковы глаголы *отказаться* (*от принципов*), *пожертвовать* (*требованиями*), *обмануться*, *осудить*, *испытать* (*ощущение клетки*), *спросить* (*о чем-то*), *суметь*, *показать* (*даму*), *отнестись* (*с любовью*), *покусать*, *заехать* (*в гости*), *вспомнить* (о неконтролируемом, непроизвольном действии), *давать* (*срок*),

[8] Здесь следовало бы употребить либо потенциальную форму НЕСОВ *застукивал*, либо близкий по смыслу глагол *заставал*. Неправильное употребление формы СОВ ПРОШ в контексте союза *если* возникает при описании реально существовавших ситуаций, как в данном случае. При обозначении же ирреального действия употребление СОВ ПРОШ в формально почти таком же контексте вполне нормально; ср. *Если вы застукали детектива в своей квартире, можете подавать на него в суд.*

удаться, прийтись (*пришлось*). Именно в таких парах формы НЕСОВ и СОВ минимально противопоставлены друг другу в чисто аспектуальном отношении, с точки зрения отражения идей процесса и результата. Оба члена видовой пары равно результативны (и только результативны). Их главное различие сводится к противопоставлению «кратное, повторяющееся результативное действие» (НЕСОВ) — «единичное результативное действие» (СОВ). Поэтому, будучи употреблены в контексте обстоятельств, указывающих на повторяющееся действие, высказывания с формами СОВ ПРОШ таких глаголов минимально отличаются по смыслу от аналогичных высказываний с НЕСОВ ПРОШ.

Однако наличие слабого звена в семантическом противопоставлении видов — это еще не сама причина изменений в употреблении формы СОВ. Изменения в этом случае происходят на более широком семантическом пространстве и касаются вообще способа выражения идеи повторения — в самом глаголе или при нем, контекстуальными средствами. Можно думать, что в русском языке ослабевает первое и усиливается второе. Об этом говорит, в частности, почти полное исчезновение из употребления так называемых многократных глаголов (*живывать, лавливать, ночевывать, пивать, плакивать, ревливать, саживаться* и под.). Реально в языке сохраняются всего несколько многократных глаголов — *бывать, говаривать, едать, сиживать, видывать* и некоторые другие. Впрочем, в языке эмиграции 1-й волны встретилась ошибка, состоящая в замене уже и многократного *бывать* глаголом *быть* (хотя в контексте перфективного причастия последний может быть понят только как однократный); ср. *Ни в одном другом театре зритель не был так перенесен в атмосферу играемой пьесы* (Л. Васильчикова, 145).

Язык эмиграции дает и другие косвенные подтверждения того, что способность основы глагола выражать кратность ослабевает. Так, у русских эмигрантов в Австрии (19—27-летних, проживших в Австрии от 7 до 20 лет) была отмечена тенденция заменять моторно-кратные глаголы моторно-некратными [Pfandl 1997: 13—24]. Ср. ⟨...⟩ *я люблю в Лондон тоже ехать* (*вместо ездить*) / ⟨...⟩ *мне Лондон нравится* (S. 21). Эта тенденция поддерживается ситуацией языкового контакта, поскольку в немецком языке подобное различие глаголов движения отсутствует (S. 24). Однако готовность данного участка к влиянию языка окружения связана с его внутренней неустойчивостью в самой языковой системе.

Таким образом, наметившееся изменение в способе выражения кратности приводит к появлению форм СОВ на месте форм НЕСОВ. Поскольку центр тяжести в выражении кратности переносится с основы глагола на контекст (в первую очередь на обстоятельства), то перестает быть важным, глагол какого вида употреблен при этих обстоятельствах (как в чешском, польском и других языках; ср. [Eckert 1985]). Согласование по типу кратности глагола и обстоятельства перестает строго соблюдаться, и в контексте неопределенно-кратных обстоятельств появляются оба вида.

В целом тенденция к усилению роли обстоятельств и ослаблению роли самих глаголов при выражении кратности свидетельствует о продол-

жающемся росте элементов аналитизма в системе языка (граммема вида выражает идею кратности фузионно, одновременно с другими характеристиками глагольной формы, а обстоятельство — отдельно от глагола).

Форма СОВ в контексте длительной конструкции

Употребление формы СОВ ПРОШ в составе так называемой длительной конструкции допускается только у глаголов с семантической валентностью на длительную именную группу, например у глаголов пердуративного, делимитативного, завершительного и других подобных способов действия [Всеволодова 1983; Апресян 1995: 591—592]; ср. *прожить десять лет в деревне, проваляться все утро в постели.* Для тех глаголов СОВ, у которых такой семантической валентности нет, употребление в контексте длительной именной группы с точки зрения норм современного языка является ошибкой.

Другим славянским языкам и здесь свойственна более широкая сочетаемость формы СОВ ПРОШ; ср. в чешском *celý rok se neukázal* 'он целый год не показывался (букв. не показался)', *celý týdem se neobjevil* 'он целую неделю не появлялся' [Широкова 1971: 298]; *długo nic nie napisał* 'он долго ничего не писал (букв. не написал)' [Ананьева 1993: 78].

Нарушения данного запрета в русском языке появились еще в прошлом веке.

*Потугин молча, **долго посмотрел** на Ирину и согласился* (И. Тургенев, Дым); *Обвив его шею рукой, она **прижалась** губами к его рту так долго и так крепко, что у студента захватило дыхание* (А. Куприн, Яма); *Если бы ты умер, я бы **долго заплакала*** (А. Платонов, Чевенгур; пример из [Ананьева 1993: 79])[9].

Подобные ошибки встречаются и в предложных длительных конструкциях; ср. два примера из радиоречи конца 90-х годов XX столетия:

*Государство **в течение долгого времени не смогло** защитить своих людей; Он **оказался в плену в течение двух месяцев**.*

Много случаев употребления формы СОВ ПРОШ в запретной длительной конструкции дает первое поколение всех волн эмиграции.

1-Я ВОЛНА

*Вечером старый граф, **переговорив** о чем-то очень **долго** и таинственно с моей матерью, стал прощаться* (Н. Тэффи, Лешачка. Сб. «Ведьма», Париж, 1936); *Только запад — вот уже **более двух веков** — **вовлек** нас в свой водоворот, оторвав от тихих берегов и соблазнив обещаниями истины и свободы* (Г. Федотов, Древо на камне // Континент, 1993, № 74, 221. Впервые опубликовано в Париже в 1937 г.); *Но надо же, наконец, **начать** жить, пролог и так слишком **долго затянулся*** (Н. Берберова, Чайковский, 69); *Если я так **долго остановилась** на личности Николая I, то это потому, что он мне представляется одной из тех исторических фигур, которым дан превратный облик* (Л. Васильчикова, 185); *Он **остался некоторое время**, потом вышел и пошел домой*

[9] Если бы пример из Платонова был единственным, его можно было бы отнести к типичному для этого автора приему создания языковой неправильности, но наряду с ошибками других авторов мы рассматриваем его как подтверждение соответствующей тенденции.

(А. Барам, 10); *Дорогой Верун, прости, что не ответила столько времени на твои 2 письма* (Письмо В. Зайцевой к В. Буниной, 20 июля 1928 г. // Б. Зайцев, Другая Вера // Новый журнал, Нью-Йорк, № 96, 102).

2-Я ВОЛНА

Она порывисто повернулась, густо, до слез покраснела и долго и внимательно посмотрела на Ирикова (С. Максимов, Голубое молчание, 18).

3-Я ВОЛНА

Три года я с Говорухи франка не получил (В. Максимов, Там вдали за рекой // Континент, 1991, № 68, 136).

Данное явление пока чересчур аморфно, чтобы можно было сформулировать закономерности его протекания. Однако имеющийся материал позволил нам в качестве гипотезы высказать предположение, что в первую очередь длительная конструкция будет захватывать формы СОВ глаголов, имеющих слабо выраженную или прагматически обусловленную семантику срока (подробнее см. [Гловинская 2000]). Язык эмиграции в этом случае представляет более продвинутый этап, чем язык в самой России.

Ошибки на универсально слабых участках языка

Характеризуя языковые нарушения у афатиков, Якобсон писал, что при аграмматической афазии «порядок слов становится хаотичным; узы грамматического сочинения и подчинения, будь то согласование или управление, распадаются. Как и можно ожидать, слова, наделенные чисто грамматическими функциями, — союзы, предлоги, местоимения, артикли исчезают первыми» [Якобсон 1996а: 42].

Названные им участки языка оказываются неустойчивыми и в языке эмиграции. Так, изменения в области управления глаголов, в употреблении предлогов характерны для языков разных диаспор (ср., например: [Język polski... 1997: 355—367]). Наблюдения над письменным языком русской эмиграции позволили обнаружить также ошибки и в коммуникативной структуре предложения (порядке слов), и в употреблении местоимений, союзов. Приведу образцы таких нарушений.

ПОРЯДОК СЛОВ И КОММУНИКАТИВНОЕ ЧЛЕНЕНИЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

С моим маленьким чемоданом меня привезли те люди, у которых я была (А. Барам, 6. 1-я волна). Помимо неправильного размещения атрибутивной группы в препозиции к определяемому *меня*, здесь имеется ошибка в коммуникативной организации высказывания — некорректный вынос в тему нетематической именной группы. Наиболее естественно было бы: *Те люди, у которых я была, привезли меня с моим маленьким чемоданом.*

НЕКОРРЕКТНОЕ ОПУЩЕНИЕ МЕСТОИМЕНИЯ

В моей мастерской было до 15 мастериц, молодые болгарки, которые учились в швейных школах, но сами ничего выдумать не могли, все было на мне. И когда набралась сумма, через два года смогли уехать во Францию (О. Третьякова-Алухтина, 15. 1-я волна). Опущено подлежащее (мы), не совпадающее с подлежащим (и вообще предметом речи — *болгарки*) в предшествующем

предложении; глагол в форме ПРОШ тоже не подсказывает нужного лица. В результате возникает неправильное понимание, что уехали молодые болгарки, в то время как речь идет об авторе и его семье.

Союзы

Область союзов оказалась весьма склонной к разрушению и подверженной влиянию языка окружения.

Так, типичная ошибка в употреблении союза в речи эмигрантов 1-й волны — *что* вместо *когда* (ср. франц. *maintenant que.., chaque fois que...*):

*Теперь, **что** наше русское прошлое потеряно навсегда, я оглядываюсь на Москву и все ея особенности с большой нежностью* (Л. Васильчикова, 237); *Каждый раз, **что** я ее видела в одежде монахини, меня это неприятно поражало* (там же, 297); *И теперь недавно — **что** я собираюсь умирать (мне исполнилось 90 лет), я послала эти реликвии жене Сергея* (О. Третьякова-Апухтина, 9).

Особой эрозии подвергаются составные союзы.

Вместо *не столько...сколько*: *Я вспоминаю эту прекрасную прогулку **не так** в связи с ея целью, **как из-за** изумительных природных красот кубанского предгорья* (Н. Баскевич, 2. 1-я волна).

Вместо *оттого...что*: *Тихонин чувствовал, что для этого горца, здесь (...), в ожидании выхода опасного зверя, особенно опасного, **что** с ним были детеныши, он, городской, незагорелый, нерешительный человек, абсолютно ничего не значит* (А. Гефтер, Форменное пальто. «Возрождение», Paris, тетрадь тридцать вторая, март-апрель 1954, 67. 1-я волна).

Вместо *поскольку...то*: *А **потому что** я это ношу в себе и ни с кем об этом не говорю, так жизнь научила, **то** тяжело* (частное электронное письмо, русская, замужем за чехом, 35 лет в Чехословакии, 1999 г. 3-я волна).

Вместо *в то время как*: *Самое обидное, что приходится учиться **во время того, как** мама одиноко сидит в моей комнате и ждет меня на каждой перемене и после окончания уроков* (письмо из Израиля, девушка 18-ти лет, 3 года в Израиле, 1998 г. 4-я волна).

* * *

Итак, язык эмиграции первого поколения всех волн ясно указывает, какие участки родного языка являются неустойчивыми при языковых контактах. Это, во-первых, идиоматичные участки, на которых не действуют общие правила; во-вторых, развивающиеся участки языковой системы и, наконец, универсально слабые участки, связанные не с параметрами данной конкретной языковой системы, а с объективной сложностью, о чем свидетельствует их уязвимость также и при аграмматической афазии независимо от конкретного языка.

Если ошибки на идиоматичных и универсально слабых участках носят разрушительный характер и являются специфическими для эмиграции, то ошибки на развивающихся участках лежат в том же русле, что и ошибки и инновации метрополии, и служат важным свидетельством при

изучении языковых процессов. С одной стороны, они подтверждают неслучайный характер самих процессов, с другой — позволяют уточнить их хронологические рамки, поскольку обычно имеют опережающий характер[10].

Список основных цитируемых источников (помимо охарактеризованных в тексте)

Барам А. Воспоминания. Архив «Русское зарубежье». Москва. Шифр Е-175. (Родилась примерно в 1908—1909 гг. Написано в 1977 г. в Германии.)

Баскевич Н. О Сорокине и Пашкевиче. Архив «Русское зарубежье». Москва. Шифр А-60. (Написано в 1976 г. в США.)

Берберова Н. Рассказы в изгнании. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1994.

Васильев С. Добровольчество. Архив «Русское зарубежье». Москва. Шифр А-66. (С 1918 г. — в Добрармии. Написано в 1946 г. в Мюнхене. В эмиграции — с 1920 г.)

Васильчикова Л. — Записки кн. Лидии Леонидовны Васильчиковой (рожд. Вяземской). Архив «Русское зарубежье». Москва. Шифр Е-153. (Родилась примерно в 1886—1887 гг. Написано в 1937 г. в Швейцарии. В эмиграции — с 1919 г.)

Волконский С. М. Мои воспоминания: В 2 т. Т. 1: Лавры. Странствия; Т. 2: Родина. М.: Искусство, 1992. (Внук декабриста. Написано в Москве в 1918 г. Публикуется по изданию: Князь Сергей Волконский. Мои воспоминания. Т. 1—2. Берлин, 1923—1924.)

Гарденин М. Ф. Воспоминания. Архив «Русское зарубежье». Москва. Шифр Е-63. (Родился в 1887 г. в Уфе и закончил там классическую гимназию, затем Морское инженерное училище в Кронштадте. Написано в 1970-е годы в Брюсселе.)

Репин И. О графе Льве Николаевиче Толстом: (Мои личные впечатления и воспоминания) // Литература русского зарубежья: Антология: В 6 т. Т. 1, кн. 2 (1920—1925). М.: Книга, 1990. (Впервые опубликовано в «Современных записках» (1921, № 3). Репин с 1900 г. жил в Куоккале, после 1917 г. (до 1940-го) принадлежавшей Финляндии.)

Розанов В. Избранное / Neimanis A. Buchvertrieb und Verlag. München, 1970.

Третьякова-Апухтина О. А. Воспоминания. Архив «Русское зарубежье». Москва. Шифр Е-76. (Родилась в Петербургском округе в 1887 г. В 1907 г. окончила Смольный. Написано, когда ей было 90 лет.)

[10] Почему язык эмиграции имеет опережающий характер? В литературе обращалось внимание на то, что в периоды социальных потрясений в языке фиксируется большее число инноваций и изменений, чем в спокойные консервативные годы [Селищев 1928; РЯСО 3: 9—15], тенденции в такие периоды как бы вырываются наружу. Эмиграция — это психологический, социальный, языковой и культурный шок. При шоке стихийное начало может брать верх над управляемым, консервативным.

Цветаева А. Неисчерпаемое. М.: Отечество, 1992. (Сб. рассказов 1980—1990 гг.)

Литература

Авилова Н. С. Развитие видовых соотношений глагола // Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX в. Глагол, наречие, предлоги, союзы / Ред. В. В. Виноградов, Н. Ю. Шведова. М., 1964.

Ананьева Н. Е. Функционирование форм прошедшего времени совершенного вида со значением повторяемости в польском языке (в сопоставлении с русским) // Badania nad czasownikiem w językach słowiańskich. Исследования по глаголу в славянских языках. Варшава, 1993.

Апресян Ю. Д. Русская длительная конструкция: пределы ее формального описания // Избранные труды. М., 1995. Т. 2. Интегральное описание языка и системная лексикография.

Барентсен А. Об обстоятельствах ограниченной кратности действия в русском языке. Ч. 1 // Studies in Russian Linguistics. Amsterdam, 1992. Vol. 17.

Барентсен А. Об обстоятельствах ограниченной кратности действия в русском языке. Ч. 2 // Dutch Contributions to the Eleventh International Congress of Slavists, Bratislava. Linguistics. Amsterdam, 1994. Vol. 22.

Всеволодова М. В. Категория именной темпоральности и закономерности ее речевой реализации. М., 1983.

Гловинская М. Я. Активные процессы в грамматике (на материале инноваций и массовых языковых ошибок) // Русский язык конца XX столетия / Ред. Е. А. Земская. М., 1996.

Гловинская М. Я. Изменения в морфологии и синтаксисе // Najnowsze dzieje języków słowiańskich. Русский язык / Red. naukowy E. Širjaev. Opole, 1997.

Гловинская М. Я. Новое в функционировании видо-временных форм (на материале языка метрополии и эмиграции) // Sprachwandel in der Slavia. Die Slavischen Sprachen an der Schwelle des 21. Jahrhunderts. Ein Internacionales Handbuch / Hrsg. Zybatov. L. Frankfurt am Mein, 2000.

Гловинская М. Я. Общие и специфические процессы в языке метрополии и эмиграции // Язык русского зарубежья / Ред. Е. А. Земская (в печати).

Есъкова Н. А. Предлоги с беглым *О* в русском языке. Попытка лексикографического отражения // Слово в тексте и словаре. М., 2000.

Касаткин Л. Л. Разновидности фонетических гиперизмов в русских диалектах // Русские диалекты. Лингвогеографический аспект. М., 1987.

Клепикова Г. П. Из опытов картографирования славянской лексики // Материалы и исследования по общеславянскому лингвистическому атласу. М., 1968.

Кузьмина И. Б., Немченко Е. В. Синтаксис // Русская диалектология / Ред. Р. И. Аванесов, В. Г. Орлова. М., 1964.

Мельчук И. А. Опыт теории лингвистических моделей «Смысл ⇔ Текст». М., 1974.

Мучник И. П. Рост элементов аналитизма в предикативных аналитических единицах // Русский язык и советское общество. Морфология и синтаксис современного русского литературного языка / Ред. М. В. Панов. М., 1968.

Осоргин М. А. Слова и выражения // Русская речь. 1988. № 6.

Панов М. В. Словоизменение // Русский язык и советское общество. Алма-Ата, 1962.

Панов М. В. О некоторых общих тенденциях в развитии русского литературного языка XX в. // Вопросы языкознания. 1963. № 1.

Панов М. В. Русская фонетика. М., 1967.

РЯСО 1 — Русский язык и советское общество. Лексика современного русского литературного языка / Ред. М. В. Панов. М., 1968.

РЯСО 2 — Русский язык и советское общество. Фонетика современного русского литературного языка / Ред. М. В. Панов. М., 1968.

РЯСО 3 — Русский язык и советское общество. Морфология и синтаксис современного русского литературного языка / Ред. М. В. Панов. М., 1968.

РЯСО 4 — Русский язык и советское общество. Словообразование современного русского литературного языка / Ред. М. В. Панов. М., 1968.

Селищев А. М. Язык революционной эпохи: из наблюдений над русским языком последних лет (1917—1926). 2-е изд. М., 1928.

Храковский В. С. Семантические типы множества ситуаций и их естественная классификация // Типология итеративных конструкций / Ред. В. С. Храковский. Л., 1989.

Широкова А. Г. Некоторые замечания о функциональных границах вида в русском и чешском языках // Исследования по славянскому языкознанию. Сб. в честь 60-летия проф. С. Б. Бернштейна. М., 1971.

Якобсон Р. Два полюса афатических нарушений и два полюса языка // *Якобсон Р.* Язык и бессознательное. М.: Гнозис, 1996а. (Впервые опубликовано в качестве второй части книги «Foundaments of Language» (Hague, 1956)).

Якобсон Р. Язык и бессознательное. М.: Гнозис, 1996б.

Eckert E. Aspect in Repetitive Context in Russian and Chech // The Scope of Slavic Aspect / Flier M. S. and Timberlake A. (ed.). Columbus, Ohio, 1985. P. 169—180.

Język polski poza granicami kraju / Red. Naukowy St. Dubisz. Opole, 1997.

Keipert H. Beiträge zur Textgeschichte und Nominalmorphologie des «Vremennik Ivana Timofeeva». Bonn, 1968.

Pfandl H. Abweichungen im Gebrauch der Verben der Fortbewegung bei in Österreich lebenden Sprecher(inne)n mit russischer Erstsprache und frühem Ausreisealter // Mitteilungen für die Lehrer slawischer Fremdsprachen. 1997, 73/6. S. 13—27.

О. П. Ермакова
Калуга

О НЕКОТОРЫХ ЯВЛЕНИЯХ НЕЙТРАЛИЗАЦИИ В МОРФОЛОГИИ

Занимаясь изучением позиционной морфологии, М. В. Панов не раз обращался к понятию нейтрализации, см. [Панов 1998; 1999]. В книге 1999 г. им выделены и рассмотрены разные типы нейтрализации в морфологии с позиций Московской фонологической школы. Автор данной статьи предпринял попытку описания некоторых типов нейтрализации в морфологии, также руководствуясь «московской» трактовкой этого понятия.

Нейтрализация в морфологии, как показывают исследования М. В. Панова, может быть на уровне грамматической формы, грамматического значения (нередко и того и другого одновременно) и на уровне частей речи.

В этой статье будут в основном рассмотрены случаи нейтрализации в сфере грамматической семантики и частей речи.

Известно (что отмечает в своей книге и М. В. Панов), что родительный приименный при существительных nom. act. от переходных глаголов — *обман, чтение, перевод* и т. д. — регулярно может заключать в себе и субъектное, и объектное значение: *обман жрецов, чтение Пастернака, перевод Тютчева* и т. п. Другие падежные формы, обремененные многими значениями, также могут оказаться в позиции, когда форма равно допускает два значения: например, *записан депутатом* ('его записал депутат' — 'его записали как депутата'). Ср. возможность комического прочтения известных строчек: *Я горячим рожден патриотом*; *Покойником в церковной книге уж был давно записан он...* Позиция нейтрализации этого типа может быть только при страдательном причастии (очевидно, и только кратком).

Винительный времени и винительный прямого объекта могут не различаться в позиции после переходных глаголов с приставкой *про-*: *прогулять, проспать, проболтать, пропеть* и т. п., допускающих реализацию значений 'провести какое-то время гуляя (болтая и т. п.)' и 'гуляя (болтая и т. д.), лишиться чего-н., пропустить что-н.': *прогулять обед*; *проболтать лекцию*; *проспать заседание*. Ср.: *Попрыгунья Стрекоза лето красное пропела.*

В данном случае позиция нейтрализации обусловлена чисто лексически: в такой позиции возможны лишь существительные, называющие нечто, длящееся во времени, и глаголы только с отмеченными двумя значениями.

Субъектное и объектное значение может совмещаться также при употреблении адъективных местоименных словоформ *мой, твой, его, ее, их* с nom. act. от переходных глаголов. Ср.: *Мое воспитание (твое, его, ее, их) им дорого обошлось* = 'меня (тебя, его, ее, их) воспитывали' — 'я (ты, он, она, они) воспитывал(и)'.

Отнесение возрастного состояния, выраженного формой творительного падежа, с равным основанием к субъекту или к объекту наблюдается в конструкциях типа *я знал ее ребенком*: 'когда я был ребенком' — 'когда она была ребенком'. Такое возможно при переходных глаголах *знать, слышать, видеть, встретить, запомнить, полюбить* и др. и при некоторых названиях лиц по возрасту — *девочкой, крошкой, юной девушкой, старушкой, мальчиком, юношей, стариком*. В случае выраженного в предикативе пола лица — *девочка, мальчик* и т. д. — нейтрализация возникает при совпадении пола субъекта и объекта: *я знала ее девочкой; он встретил его уже стариком*; но *он знал ее девочкой* — уже не позиция нейтрализации.

Таким образом, нейтрализация двух разных грамматических значений, содержащихся в одной грамматической форме, может быть обусловлена лексически, грамматически и лексико-словообразовательно.

Нейтрализация на уровне частей речи связана с существованием сильной и слабой синтаксической позиции у разных частей речи. Все это случаи частеречной транспозиции: прилагательное — субстантиват, существительное — наречие, существительное — предлог. Возможно, есть и другие, но в этой статье ограничимся только названными.

Прилагательное — субстантиват

Известно, что субстантиваты, мотивированные качественными прилагательными, могут употребляться в предикативной функции, где они соперничают с собственно прилагательными: *Самой дорогой для него была дочь* — прилагательное, и *самым дорогим для него была дочь* — субстантиват. Различителем оказывается согласовательный характер предикатива. Поэтому в конструкции типа *это воспоминание для него самое дорогое* предикатив может с равным основанием рассматриваться как прилагательное и как субстантиват, поскольку может восходить к конструкции *это воспоминание для него — самое дорогое из всех других воспоминаний*, где *самое дорогое* — прилагательное, или к предложению типа *это воспоминание — самое дорогое, что было у него в жизни* (субстантиват).

Аналогично: *Объяснение с отцом было самое неприятное из всех неприятных объяснений* и *Объяснение с отцом было самое неприятное из того, что мне пришлось пережить*. Ср. также: *Он больной* — что может соответствовать прилагательному: *Он больной, а ты здоровый* — и субстантивату: *Он больной, а ты врач...*

Таким образом, позиция предиката может быть позицией нейтрализации для качественных прилагательных и мотивированных ими субстантиватов. Но именно **может быть**, потому что, как показывают примеры, это бывает не всегда.

Замечу, что только субстантиваты, мотивированные качественными прилагательными, «вступают в единоборство» со своими мотивирующими в позиции сказуемого.

Предикативное употребление субстантиватов *рулевой, часовой, военный, участковый* может иметь только одно толкование — в функции сказуемого субстантиват, а не относительное прилагательное. Это связано с двумя факторами: субстантиваты, мотивированные относительными прилагательными, чаще всего — универбаты; *рулевой* — 'рулевой матрос', *участковый* — 'врач' или 'милиционер' и т. д. Да и предикативность относительных прилагательных, как известно, крайне ограничена.

Итак, предикативная позиция создает условия для нейтрализации качественных прилагательных и мотивированных ими субстантиватов.

Существительное — наречие

Общепризнано, что отсубстантивные наречия не всегда легко отграничиваются от соотносительных с ними существительных. Это отмечается и в «Грамматике — 70», и в «Грамматике — 80». Различаются эти словоформы тем (мы это знаем еще из школы), что существительное способно иметь определение или управляемое слово, а наречие такой способностью не обладает. Реально же — в конкретном тексте — разграничение основано на фактическом наличии этих распространителей у существительного. Поэтому *румяным вечером, тихим утром, поздней ночью* и т. п. рассматриваются как существительные, а *утром, вечером* в тех же контекстах и без изменения семантики — в обстоятельственной функции — как наречия.

Если первое понятно, то второе не вполне: в сочетании с определением или другим распространителем словоформа однозначно может быть только существительным, но почему при отсутствии распространителей она непременно наречие?

Существительное может, но не обязано иметь распространители, в частности определение. Не обязано доказывать свою субстантивность. Кроме того, уже отмечалось, что семантика некоторых падежных и предложно-падежных словоформ не приемлет определений, хотя такие словоформы вовсе не становятся от этого наречиями. Так, как правило, не допускает определения существительное в целевых конструкциях с предлогами *в* и *на*: *приехал на лечение; отдал на сохранение; взял на воспитание; сказал в утешение* и т. п.; в причинных — с предлогами *с, по, из*: *не пришел по болезни; поссорились по недоразумению, не купил из экономии*; аналогично ведут себя и конструкции со значением ограничения — *близки по духу* и т. п. В целом ряде случаев чуждаются определений и словоформы с предлогом *без*: *книга без переплета, чашка без ручки, пальто без пуговиц* и т. п. (см. [Ермакова 1971]).

Не приходится отрицать и то, что в конкретных письменных текстах мы руководствуемся орфографией, магия которой тут несомненна. Но вот примеры различных написаний, которые никак не могут нас ориентировать:

На берегу пустынных волн стоял он, дум великих полн, и ***вдаль*** *глядел...*

Там часто я бродил уединенный и ***в даль*** *глядел...*

В дали *дремучий бор качают ветры...*

Вдали *... пестрели и цвели луга...* (Пушкин).

Если признать, что существуют грамматические омонимы — *в даль* и *вдаль*, то они должны различаться позиционно. Но сильная позиция возможна только для существительного, например в сочетании *всматриваться в даль*, где субстантивная природа словоформы обусловлена сильноуправляющим глаголом. В обстоятельственной позиции нередко наблюдается нейтрализация различительных признаков наречия и существительного: *смотреть в* [*даль*], *уходить в* [*даль*] и т. п.

Аналогично, на мой взгляд, могут получить двоякое истолкование *в* [*дали*], *из*[*дали*], *на* [*верх*], *в* [*верху*], *на* [*век*] и др.

Поскольку подавляющее большинство грамматических трудов и словарей утверждает существование в русском языке грамматических омонимов — падежных (или предложно-падежных) словоформ и отсубстантивных наречий, то можно считать, что обстоятельственная позиция, при отсутствии распространителей словоформ, является позицией нейтрализации (мне самой, правда, представляется, что в любой позиции словоформы *утром* (*вечером* и т. п.), *в даль*, *вдали* и т. д. — это существительные).

Итак, обстоятельственная функция может быть позицией нейтрализации для оппозиции существительное — отсубстантивное наречие. Разумеется, речь идет о явлениях чистой конверсии[1]. Это ни в какой мере не относится к явлениям лексикализации формы, как в случае *залп — залпом (выпить)*, где метафоризация затронула лишь одну форму творительного падежа и тем самым ее семантически обособила.

Существительное — предлог

Ко вторичным предлогам многие исследователи и авторы учебных пособий и различного рода справочников относят словоформы *во время, с целью, по причине, в отношении*, см. [Черкасова 1955; 1967; Бондаренко 1961; Рогожникова 1983; Розенталь, Теленкова 1976; Современный русский язык 1981 и др.].

В состав этих словоформ входят существительные (возможно, уже только генетические), называющие определенные логические концепты, соответствующие значениям предлогов: *время, причина, цель* и т. д.

[1] Отчасти идею нейтрализации существительного и наречия в некоторых словоформах выразил А. А. Потебня, хотя такого понятия и термина у него нет: «"*За утра*" может быть, смотря по пониманию говорящего, дополнением и существительным или обстоятельством и наречием» [Потебня 1958: 127].

Несмотря на то что отнесение этих словоформ к предлогам в настоящее время является почти общепризнанным, возникает вопрос: так ли уж бесспорны основания для этого решения?

Уже отмечалось (да это и очевидно), что, в отличие от вторичных предлогов типа *благодаря, ввиду, в силу* и др., которые обособились от своих «прародителей» семантически, словоформы типа *во время* никаких семантических изменений не претерпели. Если предложное сочетание *в виду* с течением времени приобрело отвлеченное значение причины [Черкасова 1955: 104—108], то словоформы *во время, по причине, в целях* и под. соответствующие отвлеченные значения имели изначально, будучи существительными.

Какие признаки этих словоформ позволяют относить их к предлогам?

В качестве признаков предлогов у данных словоформ отмечаются: двусторонняя синтаксическая связь (с глаголами, с одной стороны, и с существительными — с другой) и невозможность функционирования в роли самостоятельных членов предложения.

Достаточно ли этого для зачисления тех или иных языковых единиц в предлоги?

Образованию вторичных предлогов, в том числе отыменных, посвящено обстоятельное исследование, в котором проанализирован огромный материал [Черкасова 1967].

Но некоторые исходные положения этой работы, как мне теперь представляется, требуют уточнения. Это, в частности, положение о том, что предлог отличается от существительного двусторонними связями, для существительного же характерна односторонняя: «либо с предшествующим, либо с последующим словом» [Черкасова 1967: 18].

Разумеется, существительное, в отличие от предлога, не обязано иметь двустороннюю связь[2], это не входит в его функции, но, как известно, существительное может быть не только зависимым словом (в первую очередь по отношению к глаголу).

Важной синтаксической особенностью существительного является его способность иметь при себе, кроме согласованного определения, и зависимый родительный падеж другого существительного. Другие падежные формы присоединяются к существительному по потребностям коммуникации, но зависимость родительного беспредложного — категориальное свойство существительного, этим оно (как и адъективными определителями) отличается от местоименного существительного (см. [Щерба 1915: 83]).

Естественно, что, попадая в зависимое положение, существительное может реализовать и свои права как главного слова и тем самым осущест-

[2] О сомнительности критериев квалификации словоформы *в отношении* то как предлога, то как существительного (*в отношении чего-то*, но *в этом отношении*) писал Д. Н. Шмелев (см. [Шмелев 1961: 500]).

вляет двустороннюю связь. Для этого ему не нужно обладать отвлеченным значением, иметь в семантике «элемент релятивности». Примеры неисчислимы. Их можно было бы и не приводить, но некоторые все же приведу. Ср.: *Мы вышли из дома лесника (подошли к дому лесника, остановились за домом лесника* и т. д.). Не будет иметь двусторонней связи только Им. п. *Дом лесника оказался поблизости.* Ср. также: *Встретился с братом жены; купил учебник истории; открыл магазин канцтоваров; продал дом отца; повторил судьбу матери* и т. д.

Эти факты общеизвестны, хочу только лишний раз обратить внимание на то, что двусторонняя связь — с глаголом, с одной стороны, и с управляемым существительным, с другой стороны, — никак не может быть различительным признаком предлога при сопоставлении его с существительным (а не наречием).

Неспособность к самостоятельному синтаксическому функционированию тоже не может быть надежным критерием препозициональности словоформы при отграничении ее от существительного: целый ряд существительных, называющих отвлеченные категории или параметрические понятия, не могут функционировать в качестве членов предложения без сопроводителей. Ср. существительные *свойство, цвет, размер, рост, вес, цена, высота, длина, форма* и др., которые лишь в определенных позициях могут обходиться без зависимых слов: обычно в высказываниях, содержащих истолкование понятия. Ср.: *Цвет* — это 'свойство света вызывать определенные зрительные ощущения в соответствии со спектральным составом отражаемого или испускаемого излучения'. Но в других условиях их несамодостаточность требует конкретизатора. Ср. невозможность *он был* (...) *роста, имел* (...) *размер* (*цену, свойство*) и т. д.

То же относится и к словам *время, причина, цель, отношение* и под. Поэтому нельзя сказать: *это началось со времени... (во время* и т. д.). А в сочетании *в это время все и началось, это произошло во время правления Петра* субстантивные словоформы функционируют только вместе с распространителями. Таким образом, и этот признак сам по себе не работает в каждом случае на разграничение предлогов и существительных.

Но, может быть, мы имеем дело с таким обособлением предложно-падежной формы существительных *время* и под., когда только именно эта форма, и только она одна, употребляется для выражения двусторонней связи, а остальные формы утратились или не могут иметь двустороннюю связь?

В этом отношении очень показательны словоформы существительного *время*. Почему-то для зачисления в предлоги предпочтение отдано только словоформе *во время*. Но ведь совершенно аналогично ведут себя и другие предложно-падежные формы этого существительного. Ср.: *это произошло во время правления Петра; это началось со времени правления Петра, до времени правления Петра; это относится ко времени правления Петра; это приходится на время правления Петра; это наблюдается со времен правления Петра, идет еще из времен правления Петра.*

Возникает вопрос: почему же эти предложно-падежные словоформы не включаются в состав предлогов? Но тогда, может быть, некоторые предлоги изменяются? Думается, у нас нет оснований считать, что словоформа *во время* «перешла в предлог».

Что же это в таком случае? Возможно, это синкретичная словоформа? Но синкретизм, в нашем понимании, предполагает сочетание ярко выраженных свойств, характерных для разных объектов. Такой, например, словоформой, сочетающей в себе признаки прилагательного и существительного, является относительное местоимение *который*: словоизменительные, согласовательные категории рода и числа, как у прилагательных, управляемая или независимая форма падежа; синтаксические функции, типичные для существительного.

Но в случае типа *во время*, как отмечалось, признаки предлога вполне могут быть свойственны и существительному.

Решение может быть предположительно такое: перед нами случаи нейтрализации различий существительного и предлога. Для нейтрализации, как известно, нужна позиция (о семантической и формальной нейтрализации в морфологии см.: [Булыгина 1969: 315, Панов 1998: 282—284]).

Такой (слабой) позицией для слов, лексические значения которых соответствуют семантике предлогов, является позиция с двусторонними синтаксическими связями.

Очевидно, что в некоторых случаях мы можем говорить о сильной позиции для рассматриваемых словоформ. Таковой, на наш взгляд, можно считать конструкцию с согласованным определением при сохранении двусторонних синтаксических связей. Например: *Он жил в это смутное время правления Петра*. В сильной позиции, как и ожидалось, перед нами существительное.

Аналогично, на наш взгляд, можно говорить о нейтрализации оппозиции существительное—предлог в конструкциях *бежали в направлении леса; не пришел по причине болезни; приехал с целью изучения языка* и т. п.

Итак, нейтрализация в морфологии наблюдается в сфере частей речи, грамматических форм и грамматических значений.

Позиции нейтрализации различны:

1) синтаксическая позиция (функция)—функция предиката и обстоятельства;

2) синтаксическая сочетаемость—двусторонняя синтаксическая зависимость словоформы;

3) лексико-словообразовательные особенности словоформ.

В заключение хочу подчеркнуть, что рассмотренные в статье случаи нейтрализации неоднородны.

Одни—представляют собой бесспорные факты системы языка. Другие, скорее, отражают существующую систему научной трактовки явлений, поскольку само существование некоторых грамматических омони-

мов, а следовательно, и явления нейтрализации, зависят от точки зрения. Так, не всем представляется бесспорным существование омонимов в словоформах *в [даль], в [дали]* и т. п., *во время, с целью, в направлении* и т. п.

В таких случаях введение понятия нейтрализации может быть одним из подходов к объяснению спорных вопросов.

Литература

Бондаренко В. С. Предлоги в современном русском языке. М., 1961.

Булыгина Т. В. О нейтрализации синтаксических оппозиций // Единицы разных уровней грамматического строя языка и их взаимодействие. М., 1969.

Ермакова О. П. О синтаксической совместимости определения и предложно-падежных форм существительных // Вопросы синтаксиса русского языка. Калуга, 1971.

Краткая русская грамматика / Под ред. Н. Ю. Шведовой, В. В. Лопатина. М., 1989.

Панов М. В. Трансформы и нейтрализация // Лики языка. М., 1998.

Панов М. В. Позиционная морфология русского языка. М., 1999.

Потебня А. А. Из записок по русской грамматике. Т. I—II. М., 1958.

Рогожникова Р. П. Словарь сочетаний, эквивалентных слову. М., 1983.

Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. Словарь-справочник лингвистических терминов. М., 1976.

Современный русский язык: В 3 ч. / Под. ред. Л. Ю. Максимова. М., 1981. Ч. 2.

Черкасова Е. Т. К изучению образования русских отыменных предлогов // Исследования по грамматике русского литературного языка. М., 1955.

Черкасова Е. Т. Переход полнозначных слов в предлоги. М., 1967.

Шмелев Д. Н. К вопросу о «производных» служебных частях речи и междометиях // Изв. АН СССР. Отд-ние лит. и яз. 1961. Т. XX. Вып. 6.

Щерба Л. В. Восточнолужицкое наречие. Пг., 1915.

Е. А. Земская
Москва

РЕЧЬ ЭМИГРАНТОВ КАК СВИДЕТЕЛЬСТВО РОСТА АНАЛИТИЗМА В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

> Аналитические тенденции в синтаксическом строе русского языка углубляются.
>
> *В. В. Виноградов*

> ...Создана почва для широкого приема в язык неизменяемых заимствованных слов, о существительности которых свидетельствует окружение, т. е. аффиксы других слов в предложении.
>
> *М. В. Панов*

Вопрос о росте аналитизма в структуре русского языка неоднократно привлекал к себе внимание М. В. Панова, см., например: [Панов 1984]. Итоги рассмотрению этой проблематики подведены в его монографии 1999 г. [Панов 1999].

В настоящей статье рост аналитизма в русском языке исследуется на специфическом материале: речь эмигрантов разных волн, разного возраста и профессий, живущих в разных странах. Статья основана на данных, собранных мною (магнитофонные и ручные записи устной речи, в меньшей мере — материал бытовой письменности: записки, объявления, реклама, частная переписка) в 90-е годы XX в. Материалы других авторов использовались лишь в отдельных случаях, и это всегда указывается.

Рост аналитизма обнаруживается в русском языке на разных участках языковой системы, см., например: [Земская 1984; 1997; Ильина 1996; Гловинская 1996; 1997]. В этой статье я рассмотрю — с разной степенью подробности — две точки роста аналитизма в речи русской эмиграции.

1. Функционирование заимствованных слов разных частей речи

В речи эмигрантов содержится большое количество иноязычных слов, заимствованных из языка страны обитания. Это естественно и общеизвестно. Основной массив этих слов составляют имена существительные, количество слов других частей речи невелико.

Наиболее значительная часть моего материала — заимствования из английского языка; они даются без особых указаний. Заимствования из других языков отмечаются: французский, немецкий.

Существительное

Иноязычные существительные в разной степени подвергаются грамматическому оформлению по законам русского языка. Так, существительные с исходом на согласные обычно склоняются, как слова мужского рода типа *дом*: *Wielshire, Sunset* (названия улицы) — *ехать по* ***Вилширу, по Сансету***; *freeway* — *свернуть с* ***фривея***; *highway* — *ехать по* ***хайвею***; *sale* — *купить в / на* ***сейле***; *carpet* (ковер) — *чистка* ***карпета***; *mail-box* (почтовый ящик) — *возьмите в моем* ***mail-box'e***; *appointment* (встреча) — *у него два* ***аппоинтмента***; *bill* (счет) — *надо платить* ***по биллу***; *block* (квартал) — *два* ***блока*** *отсюда*; *campus* — *на* ***кампусе***; *living* (гостиная) — *в* ***ливинге***; *colledge* (колледж) — *в* ***каледже***; *frame* (рамка) — *для* ***фрейма***; *message* (сообщение) — *вам три* ***мэссаджа***; *staff* (служащие) — *этот вход только для* ***стафа***; *transfer* (талоны на пересадку) — *два* ***трансфера***; *welfare* (пособие) — *жить* ***на вэлфере***; *workshope* (мастерская) — *в* ***воркшопах***; *liping, shoping, parking* — *учусь* ***тайпингу***, *не найти* ***паркинга***; *train* (поезд) — *поехать* ***на трэне***. Формы множественного числа легко образуются: *всякие* ***адвертайзы*** (объявления, рекламы); *апартаменты, гринкарты, кредиткарты, фудстэмпы*.

Аббревиатуры, как и в русском разговорном языке, могут и склоняться, и не склоняться. Например, SSI (эсэсай) — Social Security Incom (вид государственного пособия) — употребляется и как несклоняемое, и как склоняемое слово: *Я жила* ***на эсэсай*** */ пенсия была бы в два раза больше //*; *...резиденты, которые сидят* ***на эсэсаях***...

Особых замечаний требуют существительные, называющие лиц женского пола. Они, как правило, даже если имеют исход на согласный, вызывают согласование по женскому роду: ***эта*** *нёрс* (*nurs* — сиделка, медсестра; см.: [Andrews 1990]).

Некоторые исследователи отмечают, что ряд неодушевленных существительных, имеющих в английском языке исход на согласный, иногда получают в русской речи окончание *-а* и тогда склоняются, как слова женского рода: *car* — *кара*, *farm* — *фарма* [Benson 1960; 166] — под влиянием родового оформления соответствующих русских слов (*car* — машина, отсюда женский род; *farm* — ферма, отсюда женский род). Мои материалы таких фактов не отражают.

Слова с исходом на *-а* в английском языке — *enigma* (загадка), *camera* (фотоаппарат) и под. — склоняются, как русские существительные женского рода (типа *стена*). Например: *Она такая энигма! Как это сказать по-русски?*; *Вы взяли* ***камеру?***

Существительные с исходом на гласные *i, u, o* функционируют как несклоняемые существительные среднего рода, что вполне естественно и соответствует нормам грамматики русского языка: *джакузи, авеню* (*эвеню*),

disability (нетрудоспособность), *personality* (личность), *emergency* (непредвиденный случай, крайняя необходимость), *salary* (заработная плата).

Некоторые иллюстрации: *Я была на* ***disability*** *//; Полезем в* ***джакузи?***; *Саша дал мне ваш телефон на случай* ***эмерджэнси*** *//; У вас ведь профессорское* ***salary?***

Как правило, подобные слова требуют от зависимых слов согласования в среднем роде (см. примеры выше). Однако это бывает не всегда. Встречается и согласование по другому роду, что обычно объясняется влиянием рода соответствующего по семантике слова русского языка. Так, слово *view* (вид) отмечено как существительное мужского рода: *Ой, какой* ***вью!***; *Квартиры* ***с вью*** *дороже стоят //;* ***Вью*** *цепится //.*

Слово *emergency* употребляется с зависимыми словами женского рода: *Боюсь, что* ***эта эмерджэнси*** *и наступила //* (ср. *необходимость*).

Рассмотренные виды склонения/несклонения заимствованных существительных в русской речи эмигрантов соответствуют общим законам русской грамматики и потому не требуют пояснений. Но кроме этих ясных случаев имеются такие, которые идут вразрез с правилами русской грамматики. Так, не все существительные с исходом на согласный склоняются.

В число несклоняемых входят слова с суффиксом *-tion*: *connection, conversation, application* и др. под. Почему? Можно предположить, что исход подобных слов «слишком иноязычен» (*коннекшэн, аппликэйшэн...*), и это мешает его соединению с русскими флексиями.

Есть и другие разряды несклоняемых существительных с исходом на согласный, например выступающие в устойчивых сочетаниях *body-shop, dead-line, day-free, public school, high school* и др. Во всяком случае, формы типа *в бодишопе, в пабликскуле* мне не встречались. Однако слова *фривей, хайвей* свободно склоняются. Вот некоторые иллюстрации неизменяемости слов с исходом на согласный по падежам и числам: *Я хожу только* ***на conversation*** *//;* — А где вы работаете? — ***В body-shop*** *// Как это перевести? — Ремонт кузовов //; Он поступил в Институт без больших денег / и никаких* ***коннекшэн*** *//; Она учится* ***в public school*** *//; Вы все* ***application*** *приготовили?*

Примеры из французского: *carnet* (записная книжка), *avis* (мнение), *demi* (полкружки пива), *gaga* (выживший из ума), *disponibilité* (полная свобода), *menu* (меню), *mémento* (записная книжка, блокнот). Подобные слова имеют по законам французского языка ударение на конечном слоге и обычно сохраняют французское произношение (нет редукции безударных гласных). Как правило, они функционируют как несклоняемые существительные среднего рода. Использование другого рода — редкость: ***Такой маленький*** *мементо.*

Количество несклоняемых существительных сдерживается активностью русского словообразования. От основ многих иноязычных несклоняемых субстантивов и прилагательных образуются разнообразные производные — женские корреляты, уменьшительные и увеличительные образования, отвлеченные слова и др., которые включают русские суффиксы и флексии и таким образом интегрируются в систему русского языка:

slice (ломтик) — *слайсик*, *чермен* — *черменство*; *truck* (грузовик) — *трачище*, *boss* (хозяин) — *боссиха*, *baby* — *байбик* [Kouzmin 1973]; *small box* — *боксечка*, *girlfriend* — *френтка*, *children* — *чилдренята*, ср. *котята* [Benson 1960]; *smart* (проницательный, острый) — *сматность*; *вэлфер* (род пособия) — *вэлферщик*; *to use* (использовать) — *юзер*.

[Голубева-Монаткина 1998] дает такие примеры из французского: *bistro* — *бистряк*, *бистрячок*; *бебешка* (от *bébé* — ребенок); *кафетьерша* (хозяйка кафе); *инфирмьерка* (сестра милосердия, от *infirmière*); *синдриешка* (шутл. пепельница; от *cendrier*).

Прилагательное

Заимствованных прилагательных в речи эмигрантов значительно меньше. С формальной точки зрения их можно разделить на два класса:

а) заимствованные без грамматического оформления, в том виде, как они существуют в языке-источнике. Естественно, что они пополняют класс аналитических (т. е. несклоняемых) прилагательных;

б) образованные по законам русского языка от иноязычных основ с помощью русских суффиксов и флексий.

Приведу примеры.

а) Этот тип прилагательных более многочисленный: *dear*, *darling*, *friendly*, *smart*, *second-hand*, *free* (в знач. 'бесплатный' и 'свободный'), *junior* (младший), *senior* (старший), *fireproof* (огнеупорный). [Benson 1960] дает также: хороший — *гут* (good), громкий — *клауди* (cloudy), счастливый — *локи* (lucky).

Иллюстрации: *Мне кофе без сахара / **darling**!*; *Мне нравится ваша мама // — Да / она очень **friendly** //*; *Я обычно покупаю **second-hand** //* (об одежде, т. е. не новую, поношенную); *Эта гостиница **совсем fire-proof*** (огнеупорный, безопасный для пожара); *Мне нравятся американцы / они **очень friendly** // Как это сказать по-русски? —* Дружелюбные //.

Прилагательное *smart* часто используется для передачи многочисленных положительных оценок человека — сообразительный, остроумный, энергичный, быстрый, изящный. Интеллигентная женщина (в США живет 10 лет) говорит о своих взрослых детях: *Моя Галка / **очень smart** // А Леня / **не такой smart** //*.

Интересно, что она тут же свободно образует от этого прилагательного отвлеченные существительные на *-ость*: *И эта **сматность** ей мешает //* (поясняет) *Завидуют //*.

Подчеркнем, что эти неизменяемые слова ведут себя как настоящие прилагательные, легко сочетаются со словами типа *очень*, *совсем*, *такой*, подчеркивающими степень качества.

б) Производство «нормальных», т. е. склоняемых, прилагательных не столь активно. В этих случаях используются наиболее продуктивные суффиксы прилагательных *-н-*, *-ск-*, *-ов-*, которые присоединяются к основам иноязычных существительных. Так, от основы *volunteer* (доброволец) соз-

дается прилагательное *волонтирский*, от *bedroom* (спальня) — *одно-, двух-, трехбедрумный*. Вот примеры: *У него* ***волонтирская*** *работа / занятия по английскому //; У них* ***двухбедрумная*** *квартира //.*

От французского *ramolli* (слабоумный) — *рамольный*: *Они знают / что я* ***рамольная*** *//.*

Глагол

Глагол резко противопоставлен именам. М. В. Панов пишет: «Грамматические значения у существительного обладают всеобщностью. У него нет категорий, присущих только ему. Род, число, падеж — эти категории широко распространены у разных классов слов и вне существительного (...) Напротив, у глаголов их основные значения — наклонение, лицо, вид — глубоко специфичны. Они собственность только глаголов (...) Специфичность же существительного не выражена ярко. Вернее: ярко выражена его неспециализированность» [Панов 1999: 166].

Глагол — это такая часть речи, которая в русском языке не может существовать без формальных показателей своей глагольности. Глагол служит синтаксической основой высказывания, ему подчиняются имена. Вследствие этого глагол с заимствованной основой не может быть «голым», он должен иметь формальные показатели своей глагольности. Поэтому глаголы, рождающиеся в речи эмигрантов от заимствованных основ, конструируются по образцу русских глаголов продуктивных классов на *-ать/-ают, -ить/-ат, -овать/-уют*. Так создаются глаголы-гибриды (иноязычная основа + русские грамматические показатели): *биллать* (от *bill* — счет), *и(э)нджоить* (от *to enjoy* — наслаждаться, получать удовольствие), *шопиться, шапать* (от *to shop* с американским произношением — покупать), *юзать* (от *to use* — использовать), *драйвать* (от *to drive* — вести машину), *апрувать* (от *to approve* — одобрить), *пропейджить* (от *to pager* — передать по пейджеру), *афордать* (от *to afford* — позволять себе), *рентовать* (от *to rent* — арендовать), *волонтировать* (работать бесплатно, от *volunteer* — доброволец; тот, кто работает бесплатно), *поланчевать* и *поланчать* (от *to lunch* — съесть ланч). [Benson 1960] дает: *билдовать* и *забилдовать* (от *to build* — строить), *колапаснуться* (от *to collapse* — обвалиться, потерпеть крах).

Вот некоторые иллюстрации из писем к родным эмигранта четвертой волны: *Я пока не могу* ***афордать*** *этот кар*; *Кстати, вы это вполне можете* ***афордать***...; *Можете меня* ***юзать****, сколько хотите*; *Меня* ***поюзали*** *(не в секс-плане)*; *Я сейчас два раза в неделю* ***волонтирую*** *в госпитале*; *Я* ***рентую*** *у Сашки комнату для переговоров*; *К. учит названия органов, чтобы* ***«биллать»*** *пациентов*; *Купил новый драндулет, т. к. без этого было невмоготу. Old mobil 1991 года... в хорошем состоянии.* ***Инджою*** (наслаждаюсь); *Они мне прислали final proof* (корректуру) *// И я* ***апрувал*** *//* (одобрил).

А вот примеры из записей устной речи: *Мы там по дороге* ***поланчуем*** *//; — Я не могу Володе дозвониться // — Сейчас попробую его* ***пропейджить*** */ найти как-нибудь //* (дозвониться по пейджеру).

Свободно образуются и причастия: *юзанный, рентованный*. Как сообщает один информант, «слово *юзанный* в большом ходу (русский эквивалент "б/у" — бывший в употреблении)»; *рентованные квартиры*; *юзанный* и *неюзанный кар* (подержанная и новая машина).

В речи эмигрантов, живущих в Германии, можно услышать: *Она путцит у богатых немцев* // (*putzen* — чистить, прибирать); *Ты еще не мельдовался?* (*sich melden* — зарегистрироваться); *Он нас бламирует* (позорит; от *Blam* — стыд, позор).

Несколько примеров, записанных Н. И. Голубевой-Монаткиной во Франции: *саксиданить*; *сольдировать* — продавать по сниженным ценам (*solder*); *оккультировать* — скрывать (*occulter*); *предоминировать* — преобладать (*prédominer*), см.: [Голубева-Монаткина 1998].

Необходимо отметить, что глаголы на *-овать*, *-ировать* наименее противоречат языковому сознанию русского человека, так как они соответствуют законам построения русского слова. В русском литературном языке глаголы от заимствованных основ разного происхождения, как правило, имеют исход на *-овать*, *-ировать*, *-изировать* (см. [Авилова 1967]), тогда как глаголы на *-ать*, *-ить*, включающие иноязычный корень, единичны.

Важно подчеркнуть, что основной массив рассмотренных глаголов почерпнут из речи эмигрантов четвертой волны. Эмигранты первой волны, как правило, глаголов-гибридов не производят. В моих материалах их всего два: *Она путцит у богатых немцев*; *Мы там по дороге поланчуем*. Знаменательно, что один из двух глаголов-гибридов, зафиксированных в речи потомков эмигрантов первой волны (третье поколение!), — это глагол на *-овать*, т. е. тип, активный в производстве глаголов от заимствованных основ. Я слышала несколько раз словоформу *поланчуем* в речи человека, русский язык которого превосходен.

Не следует думать, однако, что в речи эмигрантов глагол совсем лишен черт аналитизма. Он допускает аналитизм в производстве форм будущего времени. Некоторые исследователи отмечают, что формы с *буду* в речи эмигрантов более распространены, чем простые формы будущего времени. Наши материалы, однако, не содержат таких данных.

2. Наименования родственных отношений

Выделяю эту группу лексики в особый раздел, так как в ней идет борьба между русской, французской и английской языковыми стихиями и обнаруживается своеобразный рост аналитизма: замена русских однословных наименований свойства́ и родства словосочетаниями.

Наименования ближайших родственников обычно передаются русскими словами: *мама, папа, отец, мать, брат, сестра, бабушка, дедушка, тетя, дядя*. Однако в названиях родственных отношений сильно и французское влияние. Лица старшего возраста постоянно употребляют несклоняемое слово *мамá* (не *мáма* или *мать*). По моим наблюдениям, все-таки отца реже называют *папá*, но обычно *отец* или *пáпа*.

Сводных сестер и братьев часто называют *полусестра* и *полубрат* (калька с французского *demi-sœur* и *demi-frère*), а двоюродных сестер и братьев — французскими заимствованиями *кузина*, *кузен*.

Для названия отношений по мужу или жене широко используются французские слова *belle-mère, belle-sœur, beau-père, beau-frère*; с ними конкурируют английские наименования типа *mother-in-law, father-in-law, sister-in-law, brother-in-law*.

Что касается русских наименований свойства́ (отношений по жене и мужу), то многие из них забыты. Можно услышать лишь *теща*, *свекровь*, *зять*, *невестка*. Странно, но коррелятивные по роду слова *тесть*, *свекор* менее употребительны. А номинации *деверь*, *золовка*, *сноха*, *свояченица* мне не довелось услышать ни разу за время моих многочисленных встреч и бесед с эмигрантами разных волн.

Необходимо отметить, что и в России эти и подобные слова многие горожане уже не употребляют и не знают. Обычно они говорят *брат мужа, сестра мужа, жена брата моего мужа* и т. п. Однословные номинации быстро выходят из речи современного носителя литературного языка. Более употребительны они в речи носителей диалектов и отчасти городского просторечия. Круг этих слов сужается, хотя недавние предки моих информантов широко их употребляли. Об этом свидетельствуют многие данные, в том числе язык персонажей художественной литературы. В романе Л. Толстого «Война и мир» и герои, и автор постоянно употребляют слова *деверь, свояченица, золовка, шурин* и др. под. В замене однословных наименований свойства и родства словосочетаниями обнаруживается рост аналитизма в системе русского языка.

Выводы:

1. В речи эмигрантов борются две тенденции. Одна — ослабить русское словоизменение, прежде всего склонение, другая — сохранить его. Первой тенденции благоприятствует вовлечение в речь русской диаспоры большего числа неизменяемых заимствований — имен существительных и прилагательных, чем это наблюдается в русской речи в России.

Вторую тенденцию поддерживают формообразование (прежде всего глаголов) и словообразование слов всех частей речи. Сильный словообразовательный механизм русского языка порождает на базе иноязычных основ имена и глаголы, включающие суффиксы, приставки и флексии, т. е. оформленные по законам русской грамматики (*поланчуем*, *вэлферщик*, *черменство*, *сматность*, *волонтирский* и др.).

2. Контраст имя/глагол, свойственный русскому языку вообще, более резко проявляется в речи русской эмиграции благодаря тому, что в ней имеется значительное число заимствований из языка страны обитания — несклоняемых имен существительных и прилагательных, поддерживающих рост аналитизма, тогда как глаголы всегда сохраняют формы спряжения.

3. Речь русских эмигрантов, как и литературный разговорный язык и городское просторечие, принадлежит некодифицированным сферам

городской устной речи. Между ними наблюдается определенное сходство, проявляющееся в том, что в этих сферах отсутствуют некоторые особенности литературного узуса, а именно те, которые обладают невысокой частотностью и нарушают строгую последовательность строения системы языка. С этой точки зрения подобные явления могут рассматриваться как периферийные. Имеются в виду такие, например, факты, как замены склоняемой прилагательной формой *ихний* несклоняемого *их*, стоящего особняком в ряду притяжательных прилагательных *мой, твой, наш, ваш*. Эмигранты, как правило, говорят *ихний*, «солидаризируясь» в этом отношении с «просторечниками». Об особенностях, общих для речи эмигрантов и «просторечников», см. подробнее: [Земская 2000].

Однако между речью эмигрантов и просторечием имеются и резкие различия: эмигранты вводят в свою речь неузуальные для России несклоняемые существительные и прилагательные, тогда как «просторечники» склоняют слова, укоренившиеся в литературной норме как неизменяемые (*без пальта, куды польта вешать, кина не будет* и т. п.).

4. Изучение речи русской диаспоры подтверждает мнение М. В. Панова об общих закономерностях, характеризующих движение системы русского языка: «В языке в каждую эпоху необходим определенный средний уровень информации, которую несут знаки: в фонетике — звуки и сочетания звуков, в грамматике — значимые единицы — морфемы и слова. (...) в области грамматики — имена выполняют роль понижателей, глаголы — повышателей уровня информации. И это последовательно, в целом ряде идущих друг за другом изменений» [Панов 1999: 268].

Литература

Авилова Н. С. Слова интернационального происхождения в русском литературном языке нового времени (глаголы с заимствованной основой). М., 1967.

Виноградов В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М., 1947.

Гловинская М. Я. Активные процессы в грамматике (на материале инноваций и массовых языковых ошибок) // Русский язык конца XX столетия (1985—1995). М., 1996.

Гловинская М. Я. Изменения в морфологии и синтаксисе // Najnowsze dzieje języków slowiańskich. Русский язык / Red. E. N. Širjaev. Opole, 1997.

Голубева-Монаткина Н. И. О староэмигрантской речи (к типологии современной русской речи Дальнего Зарубежья) // Русистика сегодня. 1998. № 1/2.

Земская Е. А. Черты аналитизма в морфологии разговорной речи // Русская разговорная речь. Фонетика. Морфология. Лексика. Жест. М., 1984.

Земская Е. А. Активные тенденции словопроизводства // Najnowsze dzieje języków slowiańskich. Русский язык / Red. E. N. Širjaev. Opole, 1997.

Земская Е. А. Речевой портрет эмигрантки первой волны (к вопросу об объяснительной силе естественной морфологии) // Русский язык сегодня / Отв. ред. Л. П. Крысин. М., 2000.

Ильина Н. Е. Рост аналитизма в морфологии // Русский язык конца XX столетия (1985—1995). М., 1996.

Костомаров В. Г. Языковой вкус эпохи. М., 1994.

Панов М. В. Аналитические и синтетические языки // Энциклопедический словарь юного филолога. М., 1984.

Панов М. В. Позиционная морфология русского языка. М., 1999.

Andrews D. R. A semantic categorization of some borrowings from English in the Third-Wave Russian // Topics in Colloquial Russian / Ed. M. N. Mills. Series XII. Vol. II. N. Y.: Peter Lang, 1990.

Benson M. American-Russian Speech // American Speech. 1960, oct. Vol. XXXV, № 3.

Kouzmin L. The morphological integration of English lexical items in the Russian speech of bilingual migrants living in Australia // Melbourne Slavonic Studies. 1973. № 8.

Е. В. Клобуков
Москва

АНАЛИТИЧЕСКИЕ ГЛАГОЛЫ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

1. «Плывет. Куда ж нам плыть?..», или Об аналитической тенденции в морфологии

Одной из грамматических сенсаций 60-х годов ушедшего в историю XX столетия было обоснование существования в русском языке особой части речи — аналитических прилагательных типа *авиа, радио-, хаки* [Русский язык... 1968]. Была установлена не некая экзотическая группа неизменяемых слов в рамках прилагательного (о таких неизменяемых писал еще Шахматов), а именно особая часть речи, в грамматическом плане принципиально отличающаяся от «обычных» прилагательных типа *новый, веселый*. Формирование особой части речи, реализующей свои грамматические свойства лишь в контексте, обоснованно рассматривалось как одно из ярких проявлений общей тенденции к усилению в русской морфологической системе признаков, свойственных языкам аналитического строя [там же: 11—18].

Как же реагирует на этот грамматический «дрейф» в направлении к аналитизму русский глагол? Обсуждению этого вопроса и посвящена данная статья.

М. В. Панов таким образом определил место глагольного слова в системе частей речи: «Глагол простирается посередине русского языка» [Панов 1999: 126]. Означает ли это, что центральная, стержневая роль русского глагола должна пониматься как особая у с т о й ч и в о с т ь глагола по отношению к изменениям, как его способность сохранять в неприкосновенности «исконные» для языков флективного типа синтетические черты?

Языковые данные, казалось бы, свидетельствуют в пользу именно такой интерпретации процитированного только что афоризма. «...Глагол почти полностью свободен от неизменяемых, независимых от контекста форм» [Панов 1999: 126].

Все верно. Но в формулировке этих очень справедливых по своей сути выводов использовано одно характерное словечко: *п о ч т и*. А ведь именно на фоне и при поддержке таких «почти», т. е. явлений малозаметных, до какой-то поры статистически нерегулярных, обычно и возникают ростки нового, со временем радикально изменяющего исходную систему...

Попытаемся бегло очертить круг проявлений аналитизма в сфере русского глагола. Занятие, прямо скажем, не из легких — уж слишком пестры и разнородны эти проявления... Как-то сам собой приходит на ум озорной, фантастически ирреальный на общем суховатом, мягко говоря, фоне языка лингвистики 60-х годов эпиграф *Из мелкой сволочи вербую рать* (А. Пушкин), который был подобран М. В. Пановым для знаменитой статьи об аналитических прилагательных [Панов 1971]. Почти через 30 лет после публикации статьи автор счел необходимым объяснить выбор именно этих слов в качестве эпиграфа: «Это — не в обиду новобранцам, аналит-прилагательным, это указание на разномастность их происхождения. Происхождение у них разное, иногда темное, неясное. Однако для современного русского языка несущественно, откуда они. Существенно — где: они — в новом грамматическом классе» [Панов 1999: 153].

Удивительно ли, что возникает естественное желание с этих же позиций посмотреть и на глагольную лексику, попытаться найти и там аналитических «новобранцев». Правда, я немного усложню задачу и в рамках устанавливаемой и анализируемой, с позволения сказать, аналитической глагольной «сволочи» (в хорошем, как говорят в таких случаях, смысле) постараюсь отделить «новобранцев» от «самозванцев», т. е. разграничить собственно аналитические глаголы как часть речи и квазиглаголы — мимикрирующую под глагол вовсе не глагольную по своим грамматическим характеристикам лексику.

Условимся считать типичными представителями грамматического класса глаголов такие слова, которые: 1) имеют вполне определенное частеречное значение, или, по Панову, свою «грамматическую идею»: «...глагол все обозначаемое освещает как действие. Такая у него страсть: все рассматривать как действие» [Панов 1999: 117]; 2) могут быть в контексте заменены одной из форм местоименного глагола *что делать* или *что сделать* (об этих глаголах см.: [Панов 1966: 75]); 3) имеют характерную для глагола грамматическую синтагматику — могут управлять именными формами (*рассказывал сказки, возьми книгу*); 4) не имеют полных грамматических омонимов в других частях речи, т. е. таких соответствий, которые бы существовали в языке на правах прототипических представителей противопоставленных глаголу частей речи.

Если слово удовлетворяет всем этим критериям, то оно воспринимается языковым сознанием как глагол, даже если у него нет характерных для глагола словоизменительных форм; это самостоятельная лексема, самодостаточный языковой объект, требующий фиксации в словаре и грамматического описания.

2. «Все это было, было, было...», или Грамматические предпосылки появления класса аналитических глагольных лексем в русском языке

Ничто не возникает на пустом месте. Аналитические прилагательные появились потому, что в парадигме обычных прилагательных уже были аналитические вкрапления — компаративы типа *старше, покрепче*. В строе

русского глагола также давно уже сложился целый ряд аналитических явлений, которые и подготовили почву для становления грамматического класса неизменяемых глаголов. Перечислим аналитические свойства, присущие стандартному русскому глаголу:

а) наличие в словоизменительной парадигме глагола полифункциональных аналитических «островков» в виде инфинитива [Панов 1999: 128—129] и деепричастия;

б) существование неизменяемой формы настоящего времени особого безличного глагола *нет* [Панов 1999: 127], ср. в той же парадигме «нормальные» формы *не было, не будет*;

в) наличие в парадигме глагола *быть* формы презенса *есть* с не выраженными в словоизменении глагола показателями числа и лица (*я, ты, он, мы, вы, они — есть*);

г) нейтрализация спрягаемых форм всех прочих глаголов по признакам рода (*он идет, она идет*) или лица (*я шел, ты шел, он шел*), разрешимая лишь в контексте;

д) транспозиция спрягаемых форм по признаку наклонения: *Иди!* — императив; *Ты сидишь, а я/мы и д и!* — императив в значении сослагательного наклонения; *Уйди!* — императив; *А он/они и у й д и!* — императив в значении индикатива (по В. В. Виноградову, прошедшее время «мгновенно-произвольного действия» [Виноградов 1972: 434]); в обоих случаях наблюдается разрешимая лишь в контексте нейтрализация показателей числа и лица;

е) особенности реализации одной из важнейших глагольных категорий — категории вида — в так называемых двувидовых глаголах типа *женить, исследовать*, грамматическая характеристика которых проясняется лишь в контексте; при этом отмечается существенное увеличение в русском языке наших дней «удельного веса» двувидовых глаголов [Русский язык... 1968: 96—104].

Кроме того, рост аналитизма в морфологии глагола обычно связывается с некоторыми явлениями упрощения морфонологии глагольных основ типа *махать, метать* и вторичных имперфективов типа *причмокивать, урезонивать* (Русский язык, 1968: 136—137; Русский язык, 1974: 199—207; Русский язык, 1996: 336—343).

Уже этого перечня проявлений аналитизма в грамматике русского глагола достаточно, чтобы сделать вывод о том, что «срединная» часть речи русского языка весьма активно реагирует на общие тенденции развития грамматического строя.

Итак, многое в поведении русского глагола наводит на мысли о его склонности к реализации своих значений с прямой опорой на контекст. Но окончательный вывод о том, что ничто «аналитическое» глаголу не чуждо, можно сделать лишь после установления класса аналитических глагольных лексем. Такие попытки имели место, и не всегда они были удачными.

3. «Татьяна а х!..», или Что не является аналитическим глаголом в собственном смысле

«Для меня, — писал Л. В. Щерба, — *ах* относится к Татьяне и является глаголом, а вовсе не междометием» [Щерба 1987: 82]. Вопрос, однако, не так-то прост. В пушкинском контексте (*Татьяна ах!..*) междометие, действительно, выступает в типичной для глагола позиции (хотя становится ли оно от этого глаголом?..). Но в другом — не пушкинском, а щербовском контексте (*Для меня ах относится к Татьяне...*) — то же междометие замещает совсем иную позицию, характерную для существительного в роли подлежащего, сочетающегося с простым глагольным сказуемым *относится*.

Значит, логично было бы различать грамматические классы слов (части речи) и их о с о б ы е у п о т р е б л е н и я в позициях, характерных для других грамматических классов слов (других частей речи). Этот вопрос детально и убедительно рассмотрен в монографии [Панов 1999] на примере «взаимопроникновения» наречий и прилагательных. Универсальность ситуации *qui pro quo* — не основание для грамматической путаницы, как, впрочем, и для любой другой путаницы: если в доме полы моет Катя, а вчера в порядке исключения это сделал дедушка — не будем же мы его впредь величать Катей!..

Итак, какие слова не стоит, на мой взгляд, относить к классу аналитических глаголов?

1) Э м о ц и о н а л ь н ы е (не императивные и не этикетные — о них речь пойдет ниже) м е ж д о м е т и я типа *ох!, ой!, ай-яй-яй...* в позиции предиката. Пример уже обсуждался: *Татьяна ах!*, дополнительные комментарии тут излишни. Многие части речи могут ad hoc заменить в подходящем контексте почти любую часть речи. Поэтому к чему нам различать три лексемы: $ах_1$ — междометие, $ах_2$ — глагол и $ах_3$ — существительное (см. выше)? Здесь одно и то же междометие в разных синтаксических позициях.

2) З в у к о п о д р а ж а н и я типа *кар, дзинь, кап* в типичной для глагола позиции: *Кап... кап-кап... кап... кап-кап-кап... Теперь уже везде капель: Под сосенкой — к а п - к а п ... Под елочкой — к а п - к а п ...* (И. Шмелев, Мартовская капель); *Впрочем, я при Давиде Ойстрахе / Тоже — п ш и к* (А. Галич, Воспоминание об Одессе). Слова, имитирующие неречевые звуковые проявления окружающей среды, могут выступать в функции разных частей речи[1], не становясь при этом их полноправными представителями: нет никакой необходимости фиксировать в словарях $кап\text{-}кап_1$ — звукоподражание, $кап\text{-}кап_2$ — глагол и $кап\text{-}кап_3$ — существительное.

Слова с экспрессивной функцией (*ах*) и с ономатопоэтической функцией (*кап-кап*) в роли предиката — это еще не аналитические глаголы.

[1] Ср. использование того же звукоподражания уже в функции существительного, причем в том же тексте: *Засыпая, всё слышу я, как шуршит по железке за оконцем, постукивает мягко — это весеннее, обещающее кап-кап...*

Наличие у междометий и звукоподражаний подобных предикатных («вместоглагольных») употреблений — это лишь одна из предпосылок становления аналитических глаголов как особой части речи (наряду с прочими, перечисленными ранее).

4. «...Тихохонько Медведя т о л к ногой...», или Проблема «глагольных междометий»

Из сказанного выше становится ясно, что значительная часть так называемых «глагольных междометий» вряд ли может быть отнесена к аналитическим глаголам, хотя эти неизменяемые словечки и могут иногда замещать типично глагольные позиции в предложении.

Другое дело — «глагольные междометия» иного типа, а именно отглагольные дериваты типа *прыг* (← *прыгнуть*), *толк* (← *толкнуть*), *хвать*, *верть* и т. п. Группа давно известная, хотя и непродуктивная. С этих аналитических отглагольных дериватов обычно начинается (да ими фактически и завершается) рассмотрение вопроса об аналитических глаголах. Проблема, однако, в том, что многие грамматисты считают эти односложные предикаты, являющиеся коррелятами спрягаемых глаголов типа *прыгать*, *толкать*, словоизменительными формами данных глаголов [Пешковский 1956; Виноградов 1972; Панов 1999 и др.].

Как мне кажется, тут еще много неясного. Например, в парах типа *толкать—толк* не реализуется главный, по Якобсону, признак грамматических соотношений — признак о б я з а т е л ь н о с т и: *прыгать — прыг*, но *читать — ?*, *писать — ?*, *делать — ?*. Избирательность, прихотливость соотношения однокоренных слов характеризует данное явление, скорее, как словообразовательное. Таким образом, перед нами, вероятнее всего, вполне самостоятельные в грамматическом отношении отглагольные аналитические глаголы [Шарафутдинов 1997]. Тем не менее сама потенциальная возможность включения лексем типа *прыг* в словоизменительную парадигму делает невозможным рассмотрение подобных отглагольных предикатных слов в качестве ц е н т р а л ь н о г о разряда аналитических глаголов.

И уж конечно, по отношению к глаголам типа *прыг* вряд ли правомерен сам термин «глагольное междометие»: междометие в ы р а ж а е т эмоцию, не называя ее. Дериваты типа *прыг* н а з ы в а ю т вполне конкретные действия. Что касается экспрессивности и неизменяемости, то этими свойствами обладают и многие наречия (*подленько*, разг. *потрясно*), и частицы (*точь-в-точь*; *прямо*, разг. *прям!*), и модальные слова (*кроме шуток*, *смешно сказать*). А сколько в языке экспрессивных глаголов (*взбеленитьсл*, *застукать*, *расчихвостить* и т. п.)? Так что междометие тут ни при чем.

5. «Ужели с л о в о найдено?», или Какие лексемы образуют ядро грамматического класса аналитических глаголов

Существует несколько разрядов неизменяемых лексем, которые удовлетворяют всем требованиям, предъявляемым к глаголам и в то же время не дают оснований для их отнесения к каким-либо другим частям

речи. Они и составят ядро грамматического класса аналитических глаголов. Правда, чисто внешне они мало похожи на обычные глаголы. Зато в плане грамматических свойств это, бесспорно, аналитические глаголы.

I. Первыми должны быть упомянуты л е к с е м ы т и п а *т ю - т ю, н и г у - г у, н и б у м - б у м* и др. Почему первыми? По двум причинам: 1) им нет точного формально-смыслового соответствия (омонимов) в рамках других частей речи; 2) они (в отличие от лексем типа *прыг, толк*) не производны от глаголов, т. е. ни при каких обстоятельствах не могут быть истолкованы как морфологические формы обычных глаголов. Поэтому они и составляют ядро класса аналитических глаголов.

Дефисное написание многих из таких слов (*тю-тю*) или даже использование при их графическом отображении пробелов (*ни гу-гу*) — дань орфографической традиции. Конечно же, это целостные слова, с единым словесным ударением, с единым лексическим значением, с коммуникативной и смысловой несамостоятельностью (субморфным статусом) чисто графически выделяемых сегментов типа **тю*, **гу*, **бум* и т. п. Приведем примеры использования аналитических глаголов в речи.

Ни гу-гу — 'молчать': *35 лет н и г у - г у* (заголовок журнальной статьи). *Жители голландского городка Гельдроп Лео и Иоганна Фельдкамп — родные брат и сестра — молчат на протяжении вот уже 35 лет* (МК 24.08.1998); *Август 1968 г. В Праге наши танки утюжат улицы. А у нас вступительные экзамены. Пишем сочинение: «Образ советского журналиста в литературе и кино». Про танки н и г у - г у* (МК 13.05.1993); *Мы ждем и ждем гостей нежданных, / И в ожиданье — / Ни гу-гу!* (А. Галич, Опыт отчаяния); *Есть вещи, о которых никому / Я н и г у - г у, и это очень сладко...* (В. Вишневский).

Ни мур-мур — 'не разговаривать': *И сама кутается в байковый платок и ни мур-мур больше* (М. Зощенко, Аристократка).

Ни бум-бум — 'не понимать ничего': *Ну он в этом просто н и б у м - б у м, совсем в этих делах не разбирается* (разг.); *А я стою и н и б у м - б у м. / А вы — б у м - б у м?* (А. Галич, Баллада о прибавочной стоимости). Эта глагольная лексема не имеет на синхронном срезе формально-смысловых связей с звукоподражанием *бум*[2], представляет собой вполне самостоятельный аналитический глагол.

Во всех перечисленных аналитических глаголах приставка *ни* — непременная часть основы (лексемы типа **гу-гу* невозможны), а в приведенном только что отрывке из стихотворения Галича (*А вы — б у м - б у м?*) устранение префикса *ни* служит целям языковой игры с окказиональным дериватом, образованным методом депрефиксации.

Ни-ни — 'вести себя в соответствии с нормами морали и обычаями (не употреблять спиртных напитков, не вступать в добрачные половые связи и

[2] Ср.: «В этом году, в мае, когда мы отмечали юбилей на Ленинских горах, это, видимо, было его [Р. Быкова] последнее публичное выступление. Я встал перед ним на колени в знак уважения, а он вдруг — б у м, и передо мной на колени... Человек мгновенной реакции» (МК 9.10.1998).

т. п.)': *К счастью, дебоши сменялись периодами раскаяния — столь смиренного и глубокого, что, посмотрев на просветленный лик дяди Феди, самый отвязный скептик хотел верить, что больше дядя Федя — н и - н и! (МК 18.03.2000); В Америке, впрочем, возникает довольно массовая полурелигиозная молодежная организация под названием «Истинная любовь ждет»: ее члены пропагандируют древний лозунг «До свадьбы — н и - н и»* (МК-Бульвар, № 14, 2000).

Скок-поскок — 'стремительно бежать': *И снова — с к о к - п о с к о к на митинг* (МК 11.04.1992). Глагол относится к ядерной группе аналитических глаголов, поскольку (в отличие от *прыг, толк*) не может быть рассмотрен в качестве особой словоизменительной формы спрягаемого глагола — такого сложносоставного глагола (вроде **скакать-поскакать*, тем более **скóкать-поскóкать*) просто не существует.

Тю-тю — 'исчезнуть': *Денежки — т ю - т ю... Не получили «гуманитарные» 450 рублей ученики московских школ...* (Куранты 5.06.1992); *В России полторы сотни ядерных подводных лодок. Демонтировать их не могут. Денежки т ю - т ю . А всякие неожиданности с плавучими реакторами происходят* (МК 28.09.1996); *Вы пришли, а автомобиль т ю - т ю* (АиФ, 1995, № 3); *А что зубы подчистую — т ю - т ю, / Так, верно, спьяну обломал об кутью!* (А. Галич, Фантазии на русские темы...). И вновь несколько слов в защиту лексической самостоятельности аналитического глагола. В южных диалектах встречается междометие *тю*, используемое для выражения «удивления, недоумения, разочарования» (БАС, т. 15, стб. 1211)[3]. Не производна ли глагольная лексема *тю-тю* от этого *тю*? Исторически — более чем вероятно. Но с точки зрения синхронии диалектизм *тю* вряд ли может рассматриваться как строевой элемент для аналитического глагола *тю-тю*, принадлежащего разговорной речи как подсистеме русского л и т е р а т у р н о г о языка (*А деньги наши после девальвации тю-тю*). Устанавливать здесь отношения синхронной производности не позволяет не только смысловая невыводимость *тю-тю* непосредственно из междометия *тю*, но и очевидная диалектная маркированность междометия — стилевое расхождение такого рода исключает наличие отношений синхронной производности[4].

Цоп — 'хватать': — *Ежели, говорю, вам охота скушать одно пирожное, то не стесняйтесь. Я заплачу. — Мерси, говорит. И вдруг подходит развратной походкой к блюду и ц о п с кремом и жрет* (М. Зощенко, Аристократка).

Аналитические глаголы рассмотренного разряда полифункциональны, они могут в контексте соответствовать инфинитиву и разным спрягаемым (но не причастным или деепричастным!) формам обычных глаголов. Иными словами, они практически сопоставимы в функциональном

---

[3] Ср. пример из БАС: [Елисатов:] *А у меня для вас сахарцу семь пудиков имеется.* — [Дунька:] *Почем?* — [Елисатов:] *Миллион двести.* — [Дунька:] *Т ю! Да я вчерась по семьсот тысяч брала* (К. Тренев, Любовь Яровая).

[4] О критерии стилистической маркированности/немаркированности лексем при установлении словообразовательной производности см. [Земская 1997: 356].

плане с глаголами, обладающими полной парадигмой спряжения. Жаль, что такие лексемы обычно не рассматриваются в качестве самостоятельных объектов лексикографического описания (не становятся заглавными словами словарных статей) даже в самых полных словарях русского языка[5]. Хотя ничего удивительного здесь нет: почему лексикография должна опережать теоретическое осмысление статуса таких слов грамматистами?

II. Аналитические производные глаголы из «детского» языка (используются при общении детей или же взрослых с детьми): *спатеньки, лежатеньки, баиньки, гулятеньки, гуленьки; обознатушки, перепрятушки* (и по аналогии: *обобратушки* — в газетах о банковской ситуации августа 1998 г.). В детской речи эти глаголы используются в разных функциях (*Тата уже спатеньки* = спала); в речи же взрослых, обращенной к детям, — как правило, в качестве замены только форм инфинитива (*А собирается ли наша Тата спатеньки?* [6]), т. е. как лексема с ограничениями на условия употребления (аналогом чему у обычных глаголов будет дефектная словоизменительная парадигма).

III. В системе русских междометий по традиции выделяется группа так называемых «императивных междометий» типа *на!, тс-с!, брысь, кис-кис* и т. п. Эти слова, разумеется, в грамматическом плане не имеют ничего общего с собственно междометиями: они не выражают эмоций, а называют вполне определенные действия, причем представляемые во вполне определенной модальности — императиве[7]. С грамматической точки зрения — перед нами аналитический глагол с системными ограничениями функционирования, в контексте выражается лишь граммема волеизъявления. Уникальна ли столь ярко выраженная дефектность функционирования в современной русской морфологии? Отнюдь нет. А. А. Зализняк отмечает дефектные словоизменительные парадигмы, представленные у существительных *щец, дровец, дрожжец* лишь формой Р. п. мн.ч. [Зализняк 1977].

Приведем несколько примеров употребления в речи таких, фигурально выражаясь, глагольных аналитических «щец»: *Ш а, паникёры! Не так страшен грипп, как его малюют* (МК 30.01.1999); — *Никто никогда не говорил мне: «Давай наедем на этого. А т у!» — Как же вам удалось остаться в стороне от кампании "А т у Чубайса!"»?* (МК 1.04.1998); *После Америки он (Кирьяков) вернулся — уже к Романцеву. И через два года вновь вдрызг разругался с национальной командой: «Поди прочь! — И вдогонку: — А т у его, рвача!..»*

---

[5] Много интересных примеров использования аналитических глаголов и их эквивалентов — междометий и звукоподражаний — в позиции предиката рассмотрено в исследованиях [Швец 1976; Земская 1979: 99—100; Шарафутдинов 1997].

[6] Эти образования с уменьшительно-оценочными суффиксами рассмотрены в исследовании [Красильникова 1982: 45] как эффективное средство реализации в высказывании контактоустанавливающей интенции говорящего по отношению к адресату речи.

[7] Все точки над *i* расставляет, естественно, рядовой носитель языка: — *...Назовите повелительное наклонение глагола* молчать. — *Ш а!* (Анекдоты наших читателей. Вып. 3. М., 1994).

(МК 1.09.1998). Последние примеры показывают, что аналитические императивы живут веками, и форма *ату* 'бери, лови, хватай' из языка охотников — современников Крылова и Пушкина легко перекочевала в молодежную публицистику наших дней и не требует перевода. Перечень аналитических глаголов такого типа обширен, постоянно пополняется новыми словами[8].

IV. «Этикетные междометия» типа *до свидания, спасибо, пожалуйста, пока* и т. п., которые обычно ничуть не экспрессивны и поэтому также не имеют ничего общего с собственно междометиями, являясь на самом деле перформативными аналитическими глаголами, «речевыми действиями», используемыми для установления/поддержания/прерывания речевого контакта и с иными целями в соответствии с правилами речевого этикета.

В отличие от рассмотренных ранее разрядов аналитических глаголов, лексемы типа *спасибо* в большинстве своем стилистически нейтральны, не принадлежат исключительно разговорной речи, хотя имеются среди них и такие слова, которые неуместны в книжной речи: *Опер Сёма кричит: Спасибочки! / Словно: — Пли!* (А. Галич, Воспоминание об Одессе). Ср. также заимствованный аналитический перформатив *мерси* в контексте, имитирующем разговорную речь: *Как живете, караси?/ — Хорошо живем, мерси!* (А. Галич, Желание славы).

Функционально такие аналитические лексемы, как и аналитические императивы типа *на!*, ущербны; в прямом своем употреблении эти перформативы информируют только о речевом действии 1-го л. ед. ч. в настоящем времени: *Спасибо* 'Я благодарю тебя/вас за что-л.', *Пока* 'Я прощаюсь с тобой/вами' и т. п. Грамматическая глагольность «этикетных междометий» доказывается просто: в традиционных перечнях таких «междометий» наряду с неизменяемыми словами типа *спасибо* — явно глагольные изменяемые формы перформативов *здравствуй(те), благодарю, благодарствуй(те), прости(те)* [Русская грамматика 1980, 1: 734]. Дополнительные аргументы в пользу безусловной глагольности слова *спасибо* приводили Н. И. Толстой и Д. С. Лихачев[9].

---

[8] Интересен, в частности, пример окказионального отсубстантивного образования замены глагольного аналитического императива, свидетельствующий о продуктивности класса подобных глаголов: *Карликовый абрикосовый пудель Чак отчаянно со мной заигрывает и рвется на колени. Хозяин строго изрекает: «Чак, фу тбол!». Животное реагирует неожиданно – тихо ложится рядышком. Видя мое недоумение, Фатюшин объясняет: «Он, когда молодой был, резвый, не давал спокойно футбол смотреть. Я один раз на него рявкнул: "Фу тбол!" Мол, отвали. С тех пор он эту команду знает»* (МК 29.03.1997).

[9] «...Когда однажды ... один гимназист сказал учителю природоведения ... "большое спасибо", тот на него накричал: "Спасибо не может быть ни большим ни маленьким! Спасибо — это *Спаси Бог!*" Я с удовольствием недавно прочитал в воспоминаниях Д. С. Лихачева о том, как он и его близкие друзья в 20-е годы в Соловках определяли степень интеллигентности по тому же признаку "большое спасибо"...» [Толстой 1998: 359].

6. «Всё хорошо в природе...»[10], или Гармония синтетических и аналитических элементов в системе частей речи

Глагол — не только конструктивный центр предложения. Это и конструктивный центр морфологической системы, одновременно хранитель традиций (система флексий) и инициатор изменений (см. выше о системе аналитических свойств у спрягаемых глаголов и о целом классе аналитических глаголов, достаточно пестром и разнородном, но вполне «глагольном» по своему грамматическому поведению). Значит, глагол действительно находится «п о с е р е д и н е» системы частей речи — в том смысле, что, будучи центральной частью речи, отражает основные тенденции развития грамматического строя современного русского языка.

В настоящее время в русском языке есть обширные сферы бесспорного грамматического синтетизма: склоняемые существительные, прилагательные, числительные, спрягаемые глаголы. Одновременно существуют и целые «материки» аналитизма: это и наречия, которые «неизменяемы из принципа» [Панов 1999: 126], т. е. по самой своей природе аналитичны; принципиально неизменяемы также служебные и модальные слова, собственно междометия и звукоподражания. Но есть также грамматические классы слов, которые не изменяются «не из принципа», а в силу действия определенных тенденций языкового развития. Таковы, в частности, бегло охарактеризованные выше аналитические глаголы.

Литература

Виноградов В. В. Русский язык (грамматическое учение о слове). 2-е изд. М., 1972.

Зализняк А. А. Грамматический словарь русского языка. М., 1977.

Земская Е. А. Русская разговорная речь: лингвистический анализ и проблемы обучения. М., 1979.

Земская Е. А. Словообразование // Современный русский язык / Под ред. В. А. Белошапковой. 3-е изд. М., 1997.

Красильникова Е. В. О соотношении языковых уровней в системе русской разговорной речи // Проблемы структурной лингвистики. 1980. М., 1982.

Панов М. В. Русский язык // Языки народов СССР. Т. I: Индоевропейские языки. М., 1966.

Панов М. В. Об аналитических прилагательных // Фонетика. Фонология. Грамматика. К 70-летию А. А. Реформатского. М., 1971.

Панов М. В. Позиционная морфология русского языка. М., 1999.

Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. 7-е изд. М., 1956.

[10] В названии заключительного раздела статьи использовано начало одного стихотворения из поэтического сборника: *Панов М.* Тишина. Снег. М., 1998. С. 106.

Русская грамматика / Под ред. Н. Ю. Шведовой и др. Т. 1. М., 1980.

Русский язык и советское общество: Морфология и синтаксис современного русского литературного языка. Социолого-лингвистическое исследование / Под ред. М. В. Панова. М., 1968.

Русский язык конца XX столетия (1985—1995) / Отв. ред. Е. А. Земская. М., 1996.

Русский язык по данным массового обследования. Опыт социально-лингвистического исследования / Под ред. Л. П. Крысина. М., 1974.

Толстой Н. И. Воспоминания о русском языке // Лики языка. К 45-летию научной деятельности Е. А. Земской. М., 1998.

Шарафутдинов Д. Р. Аналитические глаголы в современном русском языке: к вопросу о глагольных междометиях // Русская глагольная лексика: пересекаемость парадигм. Екатеринбург, 1997.

Швец Р. Д. Глагольно-междометные формы в восточнославянских языках. Киев; Одесса, 1976.

Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974.

Ю. П. Князев
Новгород

СИНТАКСИЧЕСКАЯ ДЕРИВАЦИЯ И ЧАСТИ РЕЧИ

Синтаксическая деривация, при которой слово, сохраняя свое лексическое значение, приобретает способность выступать в изначально несвойственных ему синтаксических функциях, может в целом рассматриваться как «своего рода подделывание обозначений, принадлежащих к одной части речи, под обозначения из другого грамматического класса» [Урысон 1996: 32]. Многочисленность и разнообразие синтаксических дериватов является основным источником расхождений между предлагавшимися в разное время классификациями слов по частям речи, включая описанную в «Позиционной морфологии русского языка» М. В. Панова, и многих других проблем теории частей речи.

Общеизвестной чертой существительных является их семантическая неоднородность. «Существительные обозначают не только предметы, но и действия (игра, ходьба, езда), состояния (болезнь, покой, сон), процессы (разговор, рисование), свойства и качества предметов (длина, красота, чернота) и отношения между предметами (родство, неравенство, подчиненность)» [Уфимцева 1974: 91]. Легко заметить, что все без исключения непредметные существительные в приведенной цитате являются синтаксическими дериватами глаголов или прилагательных. Примечательно, что эти же существительные, как правило, одновременно характеризуются и неполным набором субстантивных грамматических признаков, у них обычно отсутствует словоизменение по числу, а имеющиеся у некоторых из них формы множественного числа (ср. *бега*, *красоты*) имеют не чисто квантитативное значение. С другой стороны, многие отглагольные существительные сохраняют некоторые грамматические свойства исходной части речи и, подобно глаголам несовершенного вида, свободно сочетаются с фазовыми глаголами, несовместимыми с предметными существительными: *Игра началась*; *Разговор продолжается*; *Война закончилась*.

Сходные различия наблюдаются между качественными и относительными прилагательными. Относительное прилагательное, классический пример синтаксического деривата, по своей природе является производным и обозначает признак предмета через его отношение к тому, что названо «производящей основой»: «...прилагательное *автомобильный*

имеет то же лексическое значение, что и существительное *автомобиль*, но выражает его не в виде значения предмета, а в виде значения признака» [Земская 1973: 185]. В то же время относительные прилагательные, помимо адъективного склонения, не имеют никаких других специфических признаков. В остальном же они характеризуются только негативно: отсутствием кратких форм и степеней сравнения. Можно сказать, что грамматическая дефектность относительных прилагательных по сравнению с качественными — это их «память» о неадъективном происхождении; приобретая внешние (деклинационные) приметы прилагательного, относительные прилагательные еще не становятся прилагательными «в полной мере».

Из сказанного можно сделать вывод о том, что семантика частей речи формируется из двух относительно независимых взаимодействующих компонентов. Первый из них — онтологический — это предметы или признаки в самой реальной действительности. Второй компонент — это представление (репрезентация) онтологического компонента в виде предмета или признака.

У прототипических представителей той или иной части речи онтологический компонент и его репрезентация совпадают или соответствуют друг другу. Для существительных таким прототипическим разрядом, безусловно, являются слова, которые обозначают чувственно воспринимаемые конкретные физические тела, имеющие четкие пространственные границы, — предметы в буквальном смысле слова: дом, стол, карандаш и т. п. Именно они обладают полным набором морфологических и синтаксических признаков существительного как части речи. У прилагательных же прототипический разряд, безусловно, составляют качественные прилагательные, обозначающие атрибутивный признак непосредственно и характеризующиеся целым рядом свойственных только им грамматических и иных признаков, по которым они противопоставляются относительным прилагательным.

Что же касается синтаксических дериватов, то они, напротив, характеризуются несовпадением этих двух компонентов. То же относится и к таким производным словам, у которых синтаксическая деривация сочетается с лексической. Так, оценочные существительные типа *умница*, *смельчак*, *лжец*, *глупец*, *хвастун* — в полном соответствии с признаковым значением мотивирующих слов — выступают практически только в позиции сказуемого: *Ты лжец*; *Он смельчак*. Вместе с тем их употребление в самой типичной для существительного позиции — позиции подлежащего — затруднено: предложения типа *Лжец вошел в комнату*, *Смельчак стоит у окна* если и возможны, то лишь в особых условиях [Вольф 1985: 153—157].

Впрочем, такое положение не является вполне устойчивым, и существует явная тенденция к уподоблению репрезентационного компонента онтологическому. Этот единый механизм лежит в основе таких разных по своим непосредственным проявлениям процессов, как приобретение

абстрактными существительными форм множественного числа, а относительными прилагательными — качественных значений (*железные нервы, наблюдательный человек*), адъективации причастий, сопровождающейся утратой глагольных категорий вида, времени и залога (*блестящие способности*), адвербиализации деепричастий (*читать лежа*).

В тех случаях, когда синтаксическая деривация действует в пределах одной части речи, говорят о категории репрезентации или формах словоизменительной транспозиции [Смирницкий 1959: 245—248; Русская грамматика 1979: 205—215; 332—350; Буланин 1983: 100—111; Поливанова 1990: 61—62]. Чаще всего эти понятия используются для истолкования соотношения личных и неличных форм глагола. Применительно к английскому глаголу А. И. Смирницкий называл категорией репрезентации «категорию, которая представляет процесс в разных вариациях — как чистый процесс или же как процесс, осложненный другими (предметными или "признаковыми") моментами» [Смирницкий 1959: 247]. Благодаря наличию нескольких репрезентаций (личных форм, инфинитива, деепричастия, причастий) глагол оказывается такой частью речи, которая «может фигурировать (в той или иной из своих форм) в любой синтаксической позиции, выполнять в предложении любую синтаксическую функцию, сохраняя при этом такую существенную характеристику, как способность "по-глагольному" управлять подчиненными синтаксическими элементами (различными типами дополнений и обстоятельств)» [Сильницкий 1990: 125].

Аналогичные принципы использовались (или могли бы использоваться) для описания соотношения полных и кратких форм прилагательного, личных и притяжательных местоимений; количественных и порядковых числительных, а возможно, и каких-то иных явлений.

При этом, конечно, нужно иметь в виду, что, поскольку синтаксическая деривация может быть и словообразовательной, и словоизменительной, вопрос о том, является ли тот или иной синтаксический дериват формой исходного слова или самостоятельным словом другой части речи, должен решаться, с одной стороны, на основе тех или иных общих принципов разграничения словообразования и словоизменения, а с другой стороны, с учетом индивидуальных особенностей каждой рассматриваемой формы в отдельности.

Так, например, качественные наречия на *-о* единодушно рассматриваются как один из самых ярких примеров синтаксической деривации наречия от прилагательного. На этом основании формы положительной степени наречий на *-о* неоднократно предлагалось включить в состав парадигмы прилагательного в качестве его адвербиальной репрезентации [Ревзин 1973: 48—40; Русская грамматика 1979: 332—341; Поливанова 1990: 58—59; Панов 1999: 141—142]. Между тем вопрос об их соотношении совсем не так уж ясен.

Действительно, со словообразовательной точки зрения — эти наречия, безусловно, образуются от прилагательных: *быстрый > быстро; весе-*

лый > *весело*. Однако между синтаксическими конструкциями, в которых выступают качественные прилагательные и соотносительные с ними наречия, направление деривации противоположно — семантически исходной среди них является как раз адвербиально-глагольная конструкция: *быстро бежит* > *быстрый бег*; *весело поет* > *веселое пение*. Ср. также пример Ю. Д. Апресяна: *Ткань была ослепительно белой* > *Белизна ткани была ослепительна* [Апресян 1974: 164]. Скорее всего, именно это противоречие — не отмеченное в литературе, но, видимо, подсознательно учитываемое, является одной из причин того, что идея включения качественных наречий на *-о* в состав форм прилагательного не нашла широкой поддержки.

Иного рода трудности возникают при установлении частеречного статуса русских причастий. Как правило, для всех четырех разрядов причастий предлагается единое решение этого вопроса. Между тем они в этом отношении неоднородны.

У действительных причастий настоящего и прошедшего времени практически абсолютная регулярность образования сочетается со способностью выражать те же видо-временные значения, что и соответствующие личные формы глагола, и с отсутствием предикативных кратких форм. Используя выражение М. В. Панова [Панов 1999: 119], можно сказать, что они «позиционно размежеваны» с личными формами, совпадая с ними по значению. Все это свидетельствует о том, что действительные причастия по праву называются *причастиями*, т. е. формами атрибутивно-адъективной репрезентации глагольного признака: их функция состоит именно в том, чтобы «транспонировать глагольное содержание в синтаксические позиции, которые по преимуществу занимают формы, неглагольные по основному своему характеру» [Русская грамматика 1979: 205].

Иначе обстоит дело с причастиями на *-н*, *-т* [Князев 1989: 83—94; 1998: 201—205]. Они выступают не только в атрибутивной полной, но и в предикативной краткой форме, причем в разговорной речи полные их формы, в отличие от кратких, практически не употребляются. Существенно также, что причастия на *-н*, *-т* некоторых глаголов употребляются только в краткой форме: *приказать* — *приказано, покончить* — *покончено*.

Таким образом, несмотря на формальное тождество полных и кратких форм у прилагательных и у причастий на *-н*, *-т*, их соотношение различно. У прилагательных, для которых атрибутивная функция, выполняемая полными формами, является первичной, краткие формы могут рассматриваться как способ словоизменительной предикативной транспозиции прилагательного — его перевода в позицию сказуемого. Что же касается причастий на *-н*, *-т*, то для них, наоборот, именно краткие, а не полные формы целесообразно рассматривать в качестве грамматически исходных. По существу, полные формы на *-н*, *-т* выступают по отношению к кратким в той же роли адъективных репрезентантов глагольного признака, что и действительные причастия по отношению к личным формам глагола; ср. параллелизм между следующими парами форм: *мальчик гуляет* — *гуляющий мальчик; дверь закрыта* — *закрытая дверь*.

Следовательно, для кратких форм на *-н*, *-т*, состоящих из глагольной основы и адъективных суффиксов, термин «причастие» отражает только их морфологическое строение. Фактически же это особые личные формы, которые, учитывая их функции, можно назвать «пассивно-перфектными» — с той, однако, необходимой оговоркой, что грамматическое содержание форм на *-н*, *-т* выходит далеко за рамки и пассивности, и перфектности.

Литература

Апресян Ю. Д. Лексическая семантика. М., 1974.

Буланин Л. Л. Структура русского глагола как части речи и его грамматические категории // Спорные вопросы русского языкознания. Л., 1983.

Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. М., 1985.

Земская Е. А. Современный русский язык. Словообразование. М., 1973.

Князев Ю. П. Конструкции с русскими причастиями на *-н*, *-т* в семантической классификации предикатов // Вопросы языкознания. 1989. № 6.

Князев Ю. П. Параметры для типологии вида и русский вид // Типология вида: проблемы, поиски, решения. М., 1998.

Панов М. В. Позиционная морфология русского языка. М., 1999.

Поливанова А. К. Опыт построения грамматической классификации русских лексем // Язык логики и логика языка. М., 1990.

Ревзин И. И. Понятие парадигмы и некоторые спорные вопросы грамматики славянских языков // Структурно-типологические исследования в области грамматики славянских языков. М., 1973.

Русская грамматика. Praha, 1979. Т. I.

Сильницкий Г. Г. Понятие восходящей и нисходящей валентности и их роль в дифференциации неличных форм глагола // Типология и грамматика. М., 1990.

Смирницкий А. И. Морфология английского языка. М., 1959.

Урысон Е. В. Синтаксическая деривация и «наивная» картина мира // Вопросы языкознания. 1996. № 4. С. 25—38.

Уфимцева А. А. Типы словесных знаков. М., 1974.

О. А. Крылова
Москва

О НЕЙТРАЛИЗАЦИИ В СИНТАКСИСЕ

В работе Михаила Викторовича Панова «Позиционная морфология...» [Панов 1999] убедительно показано, что морфологические категории вполне могут быть определены «фонологически», т. е. исходя из понятий, выработанных фонологией. Такой «перенос» возможен благодаря изоморфизму, существующему между устройством фонологического и морфологического уровней структуры языка.

Естественно поставить вопрос: а существует ли возможность такого «переноса» на уровень синтаксиса? В свое время М. В. Панов прочел в МГУ им. М. В. Ломоносова спецкурс «Позиционный синтаксис», в котором показал, что понятие позиции «работает» и при определении таких синтаксических категорий, как члены предложения. В нашей статье мы попытаемся показать, что изоморфизм устройства синтаксического и фонологического уровней языковой структуры может найти и другое выражение. «Фонетика, изучая свои особые закономерности, создает модели языковых соотношений» [Панов 1967: 3]. Исходя из этого, предполагаем, что обнаруженное в фонетике и фонологии явление **нейтрализации** должно иметь место и в синтаксисе.

Сначала определим, что можно считать нейтрализацией в синтаксисе. Определение нейтрализации дается только для характеристики «поведения» фонем: «Совпадение двух или нескольких фонем в определенной позиции называется нейтрализацией. В позиции нейтрализации две или несколько фонем реализуются одним и тем же звуком. Например: в позиции перед [ж]... фонемы ⟨с⟩ и ⟨з⟩ реализуются звуком [ж]: *с Женей — без Жени*» [Панов 1979: 113]. Естественно, что такая, буквально понимаемая нейтрализация в синтаксисе отсутствует: речь может идти о других, а именно — синтаксических — единицах. Но и эта поправка недостаточна. Вряд ли мы найдем *совпадение* двух или нескольких синтаксических единиц (словосочетаний, простых или сложных предложений) в одной единице в определенной синтаксической позиции. Очевидно, следует обратиться к другой, более широкой, трактовке нейтрализации, которую, впрочем, находим и в фонетике. Так, когда М. В. Панов рассматривает проблемы звучания поэтической речи, он пишет уже не о совпадении фо-

нем, а о «нейтрализации релевантных — нерелевантных различий фонем». Здесь подчеркнута не внешняя (перцептивная) сторона нейтрализации (совпадение единиц), а внутренняя сторона явления нейтрализации: преодоление различий между единицами или их свойствами, снятие этих различий. Отсюда переход от нейтрализации фонем к «нейтрализации языка и речи», «нейтрализации обозначаемого и обозначающего», «нейтрализации нормативности — ненормативности», «нейтрализации синхронности — диахронности» [Панов 1979: 227—242]. Так понимаемая нейтрализация, безусловно, имеет место и на уровне синтаксиса. Подтвердим сказанное следующими наблюдениями.

Сочетание имени в начальной форме именительного падежа со спрягаемой формой глагола (*Дождь перестал; Дети учатся; Сады цветут* и т. д.) традиционно считается **предикативным**: здесь сочетанием словоформ передаются объективномодальные и временны́е значения, формирующие предикативность [Шведова 1967; 1978; Русская грамматика 1980: 85]. Такие предикативные сочетания словоформ включаются в предложение, выполняющее в речи определенное коммуникативное назначение, **двояким образом.**

I. Так, что граница между предикативно сочетающимися словоформами проходит там же, где проходит граница между компонентами актуального членения, т. е. темой и ремой. При этом:

а) первый компонент сочетания (имя в именительном падеже — подлежащее) функционирует в роли темы, а второй (глагольный) — в роли ремы; например (здесь и далее тема и рема разделяются знаком //; рема выделяется шрифтом): *Буря // **утихла**; Ребенок // **засыпает**; Добыча // **ускользнула из рук*** (в последнем примере ремой является не одиночный, а «развернутый» глагол);

б) наоборот, второй, глагольный, компонент (одиночный глагол или развернутый, с присловными распространителями) является темой, а первый, именной, выступает в роли ремы: [*Послышались голоса. Он прислушался: свои или чужие?*] *Говорили // **немцы*** (А. Фадеев); *Рассказал о случившемся // **старый боцман*** (К. Паустовский).

II. Второй способ включения предикативного сочетания словоформ в предложение принципиально иной: обе словоформы вместе функционируют в роли одного компонента актуального членения:

а) и подлежащее, и глагол-сказуемое выступают в роли темы; например: *Она училась // **ни хорошо, ни плохо**, [как все]* (А. Фадеев); *Старый Гриммеров лакей (...) жил // **замкнуто*** (А. Фадеев); [*...дверь открыл совершенно незнакомый человек с широкоскулым землистым лицом...*] *Человек, очевидно, открыл дверь // **совершенно машинально...*** (А. Фадеев); *Рудин говорил // **горячо, умно, дельно*** (И. Тургенев); *Умер Власов // **от грыжи*** (М. Горький). Функционируя в роли темы, сочетания словоформ *она училась, старый Гриммеров лакей жил, человек открыл дверь, Рудин говорил, умер Власов* не сообщают сами по себе каких-либо фактов, существенных для акта коммуникации;

не для этих сообщений сформированы предложения — напротив, в коммуникативном фокусе находится *характеристика* этих фактов, передаваемая словоформами *ни хорошо, ни плохо; замкнуто; совершенно машинально; горячо, умно, дельно; от грыжи*.. Эти словоформы несут основную информацию, и только их соединение как рематических компонентов с тематическими создает предложение, выполняющее в речи определенное коммуникативное задание говорящего. Эти рематические компоненты отчленены от глагола в том смысле, что в данных предложениях они не служат вместе с глаголом единой номинацией действия, они не образуют с глаголом целостного словосочетания, как, например, в предложениях: *В этом доме долгие годы **замкнуто жил** одинокий старик; Незнакомый человек **совершенно машинально открыл** дверь* и под. Такую коммуникативно отчлененную от глагола словоформу мы считаем детерминантом [Крылова 1976; 1992]. Таким образом, граница между предикативно сочетающимися словоформами и граница между компонентами актуального членения в таких предложениях не совпадают;

б) и подлежащее, и глагол-сказуемое выполняют вместе роль ремы. Это имеет место в так называемых нерасчлененных предложениях с нулевой темой: ***Идет дождь; Звенит звонок; Ярко светило июльское солнце***. Такие предложения имеют общефактическое значение, констатируют наличие факта, события как целого, без вычленения каких-либо его сторон [Распопов 1961]. Они служат ответом на латентные вопросы: «Что происходит?», «Что произошло?», «Что случилось?», «Что имеет место?» и под.

Нас будет интересовать случай II, так как именно при этом способе включения предикативного сочетания словоформ в предложение наблюдается нейтрализация предикативного значения. В чем это проявляется?

Во-первых, в том, что предикативное значение свойственно коммуникативной единице, но в составе текста сочетания типа *Рудин говорил*, как мы отметили выше, сами по себе коммуникативной роли не выполняют, они выполняют ее лишь в соединении с ремой. Не случайно в реальной речевой ситуации невозможен «диалог», где на заданные вопросы: «Отчего умер Власов?», «Как она училась?», «Как говорил Рудин?» — будут даны ответы одними «предикативными» сочетаниями: *Умер Власов; Она училась; Рудин говорил* и т. п. Коммуникативный сбой объясняется тем, что подобные «ответы» не содержат ремы. Но если это так, то очевидно, что сочетание данных словоформ лишилось того, что формирует коммуникативную единицу, а именно: предикативного значения, предикативности.

Во-вторых, нейтрализация предикативного значения в сочетании подлежащее + сказуемое, функционирующем в роли темы, подтверждается возможностью синонимической замены такого сочетания непредикативным подчинительным словосочетанием. Экспериментальные предложения, образующиеся в результате такой синонимической замены, будут иметь в тексте тот же самый смысл, что и исходные; ср.: *Речь Рудина*

была умной; Причина смерти Власова — грыжа; Ее учеба была ни плохой, ни хорошей и под. (Возможность синонимической замены может быть ограничена не синтаксическими причинами, а причинами лексико-словообразовательного и стилистического характера.)

В-третьих, те категории синтаксического наклонения, передающие объективномодальные значения реальности/ирреальности и синтаксического времени, которые «работают» на формирование предикативности, оказываются при соединении подлежащего и сказуемого в функции темы «не задействованными»: эти значения проявляются не при соединении спрягаемого глагола с именем, а при соединении именно **ремы с темой**. Докажем это на примере того члена синтаксической парадигмы, который выражает объективномодальное значение условия: *Если бы Рудин говорил // **умно, горячо, дельно,** [он убедил бы своих слушателей]; Если бы она училась // **ни хорошо, ни плохо,** [она была бы как все]; Если бы Власов умер // **от грыжи,** [симптомы были бы другими]* и т. д. Приведенные примеры отчетливо обнаруживают, что значение ирреальности связано не с обозначением действия (и значит, оно возникает не при соединении глагола с именем), а с обозначением признака этого действия: Рудин говорил, но не горячо, не умно, не дельно; она училась, но не средне и т. д.

Тогда, утверждая, что предикативным здесь является не сочетание подлежащего и сказуемого, а ремы с темой, мы должны указать и средство выражения этого значения: этим средством является **категория утвердительной/отрицательной модальности**. Именно на рему распространяется латентное отрицание. «Синтаксические отношения, связанные с выражением утверждения или отрицания, с направленным на окружающую действительность сообщением, называются предикативными — в широком смысле этого слова. Они типичны для предложения», — писал В. В. Виноградов [Грамматика русского языка 1954: 12]. «Нулевой категорией к категории отрицания служит категория утверждения, не имеющая, как и большая часть нулевых категорий, собственных средств выражения» [Панфилов 1982: 39]. Распространяясь на любой компонент предложения, латентное отрицание актуализирует его как рему и вместе с категориями объективной модальности и синтаксического времени оформляет сочетание темы с ремой как предикативное. Если при этом тема и рема совпадают с компонентами структурной схемы, то потенциальная предикативность, для выражения которой достаточно было морфологических глагольных категорий наклонения и времени, оказывается реализованной, а если такого совпадения нет, то потенциальное предикативное значение компонентов структурной схемы нейтрализуется. Таким образом, предикативное отношение между подлежащим и сказуемым — только частный, хотя и типичный случай предикативных тема-ремных отношений. Он имеет место при совпадении границы между предикативно сочетающимися словоформами с границей между компонентами актуального членения предложения. Такие тему и рему мы предлагаем называть **морфологизованными**. Значит, подлежащее и сказуемое — это мор-

фологизованные тема и рема. А при несовпадении указанных границ имеют место **неморфологизованные** тема и рема.

Итак, изучение предложения в коммуникативно-синтаксическом аспекте позволяет рассмотреть природу предложения, в частности его предикативное значение, с позиционной точки зрения. При таком взгляде обнаруживается, что присущее грамматической основе (структурной схеме) предложения предикативное значение может реализоваться в предложении как коммуникативной единице, а может быть нейтрализовано.

Литература

Грамматика русского языка. Т. II. Синтаксис. Ч. 2. М., 1954.

Крылова О. А. Детерминанты в аспекте коммуникативного синтаксиса // Вопросы языкознания. 1976. № 2.

Крылова О. А. Коммуникативный синтаксис русского языка. М., 1992.

Панов М. В. Русская фонетика. М., 1967.

Панов М. В. Современный русский язык. Фонетика. М., 1979.

Панов М. В. Позиционная морфология русского языка. М., 1999.

Панфилов В. З. Отрицание и его роль в конструировании структуры простого предложения // Вопросы языкознания. 1982. № 2.

Распопов И. П. Актуальное членение предложения. Уфа, 1961.

Русская грамматика. Т. II. Синтаксис. М., 1980.

Шведова Н. Ю. Парадигматика простого предложения в современном русском языке: опыт типологии // Русский язык. Грамматические исследования. М., 1967.

Шведова Н. Ю. Синтаксическое время // Филологические науки. 1978. № 3.

И. И. Макеева
Москва

ГРАММАТИКА И ЛЕКСИКОГРАФИЯ[1]

В словарях разных типов, в которых в качестве объекта описания выступает русский язык разных периодов (древнерусский, язык XVIII в., современный русский), обязательным элементом является грамматическая характеристика слова. В способах подачи и объемах соответствующей информации словари демонстрируют различий больше, чем сходства[2].

В разных словарях указание на частеречную принадлежность получают разные группы слов. Обычно это местоимение, предлог, союз, частица, имя числительное. При именах существительных оно может быть заменено обозначением рода. Лексемы, принадлежащие глагольному классу, либо имеют соответствующую помету *гл.* (Словарь древнерусского языка XI—XIV вв., далее СДЯ XI—XIV вв.), либо она отсутствует совсем (Словарь русского языка XI—XVII вв., далее СлРЯ XI—XVII вв.; Словарь русского языка XVIII в., далее Сл. XVIII в.). В последнем случае функцию грамматической характеристики в какой-то мере выполняют опорные формы слова. То же касается имен прилагательных.

Значительные различия наблюдаются при подаче в словарях глаголов и параметров их характеристик. Коррелятивные пары глаголов совершенного и несовершенного вида разрабатываются в разных словарных статьях (СДЯ XI—XIV вв. и СлРЯ XI—XVII вв.) или в одной статье (Сл. XVIII в.). Соответственно, в тех же словарях указание на вид глагола дается эксплицитно, через толкование, или вводится необходимая помета.

Не во всех словарях даются опорные формы слов. Они отсутствуют в СлРЯ XI—XVII вв. (за редким исключением глаголов со сложной парадигмой) и последовательно представлены в СДЯ XI—XIV вв. и Сл. XVIII в. Для имен существительных это форма родительного падежа ед. ч., для глаголов — формы 1 и 3 лица настоящего или настоящего-будущего времени.

Создатели словарей единодушны, пожалуй, в следующем. Если существительное употребляется только в форме мн. ч., то заголовочной явля-

---

[1] Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, грант № 98-04-06268 «Исторический словарь современного русского языка».

[2] Подробную информацию о структуре словарной статьи и входящих в нее пометах можно получить из инструкций соответствующих словарей.

ется форма именительного падежа того же числа, которая получает помету *мн.* Если во мн. ч. слово употребляется лишь в одном из значений, помета *мн.* приводится при нем. Но в отношении употребления конкретных слов в форме ед. ч. или мн. ч. создатели словарей имеют разное мнение. Для примера можно привести существительное *изгребь* 'пакля, очёски, грубые льняные волокна', которое в СДЯ XI—XIV вв. помещено в словарной статье именно с таким заголовочным словом, т. е. в форме ед. ч. [СДЯ XI—XIV вв. 1990: 497]. Напротив, в СлРЯ XI—XVII вв. заголовочное слово имеет форму мн. ч. *изгреби* с соответствующей пометой *мн.* [СлРЯ XI—XVII вв. 1979: 143].

Общим для разных словарей является также помета *безл.* при соответствующем значении или при глаголе в целом.

Обычно в словарях указывается синтаксическая сочетаемость слов. У глаголов при помощи местоименных вопросительных слов (без знака вопроса) показывается сильное управление. Обозначаются также особые синтаксические условия реализации значения, когда слово, а именно глагол, употребляется с инфинитивом или с придаточным предложением.

Все эти сведения приводятся в словарной статье после заголовочного слова или порядкового номера значения перед его толкованием/определением.

Создаваемый в настоящее время «Исторический словарь современного русского языка» (далее ИС) в качестве предмета лексикографического описания имеет развитие значений слов, входящих в актуальный словарный состав современного русского языка. То есть в нем представлена история слова со времени его фиксации в русском языке, которая для многих лексем имела место уже в XI в., до настоящего момента. Подробнее об этом и о структуре словарной статьи см. [О проекте 1997].

Поскольку основным объектом описания в ИС являются изменения в семантической структуре слов, грамматическая информация дается в нем в минимальном объеме. В словаре отсутствуют частеречные пометы, указание на вид глагола (что не противоречит лексикографической практике). Эксплицитно оно присутствует в толковании/определении значений. Не приводятся также опорные формы слов разных частей речи, если только они непосредственно не связаны с историей слов.

Последнему условию отвечают грамматические изменения, происходившие в некоторых глаголах на протяжении их существования в русском языке. Именно такая грамматическая информация должна быть отнесена к тому минимуму, без которого невозможно показать историю слова на всем протяжении его существования, особенно если эта история многовековая. Грамматические сведения связывают воедино прошлое и настоящее таких лексем, без чего у носителя современного русского языка, в деталях не знакомого с грамматическим строем древне- и старорусского языка, картина истории слова не будет целостной и достоверной.

Преобразования, происходившие в некоторых глаголах, можно подразделить на три типа, в соответствии с чем и группируются лексемы. В

первую группу входят слова, у которых имела место смена инфинитива, происходившая у каждого конкретного глагола в свое время. Вторую группу составляют глаголы, у которых сменились личные формы, а также личные формы были соотнесены с другим инфинитивом. У глаголов, объединенных в третью группу, наиболее редкую, грамматические преобразования оказываются непосредственно связанными с семантикой, поскольку в этих случаях происходила утрата/замена собственно лексем со свойственной им семантической структурой. Анализу каждой из этих трех групп посвящена данная статья.

Смена инфинитива почти не была связана с семантическими преобразованиями и фактически представляла собой чисто грамматическое явление. Однако вынесение в качестве заголовочного слова именно инфинитива, причем в словарях разных периодов и различных типов, делает необходимым включение подобной информации в ИС. Речь идет о довольно разнообразной по типологии изменений группе, в которую входят среди прочих: **плоути — плыти**, **слоути — слыти**, **роути — роувѣти**, **чоути — чоуати**, **грети — грести**, **мьнѣти(сѧ) — мьнити(сѧ)** и др., где первый инфинитив является древнейшим, а второй сменил его в процессе языковой эволюции и известен в современном русском языке (*плыть, слыть, реветь, чуять, грести, мнить и мниться*).

Из праславянского языка был унаследован глагол *dyxati [ЭССЯ 1978: 199], продолжением которого в древне- и старорусском языке был глагол **дъıхати**, впоследствии сохранившийся лишь в диалектах (ворон., орл. и др.) с разной семантикой. Уже в памятниках старославянского языка наблюдалось колебание в презентных формах: **дъıшєти** и **дъıхаıши** при исходном **дъıхати**, **дъıхак-** [Вайан 1952: 299, 302; Цейтлин 1994: 202]. Этот инфинитив сохраняется довольно долго — по XVIII столетие включительно: *дабы здорово дыхать* (Труды Вольного экономического общества, ч. 50, 109) [Сл. XVIII в. 1992: 52]. Однако в этот же период уже широко представлен инфинитив *дышать*, который и закрепился в современном русском литературном языке. Ср.: *с полчаса не дышаль* (Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, 1675 г., списки XVIII—XIX вв., 234). Таким образом, семантические преобразования в глаголе, определяющим для которых было появление переносных значений ('обнаруживать, проявлять что-л.', 'стремиться к чему-л.' и др.), сопровождались грамматическими изменениями: произошла замена инфинитива при устранении дублетных презентных форм.

У глагола **роути — ревѣти** новая новая форма инфинитива фиксируется в XVI—XVII вв. с одновременным сохранением старой, исходной формы. Выравнивание происходит, видимо, под влиянием основы настоящего времени, которая при этом не меняется: (лев) **искаше поклонитися старцу и не обрѣташе того начать роути и тужити** (Пролог старопечатный, 1643 г., 16 об.); **ревѣти же сущее есть вѣлугамъ и львом** (Толкование на Псалтирь Брунона Вирцбургского, пер. Дим. Герасимова, 1535 г., список

XVII в., 24); рѣкꙋ гремящꙋ и ревꙋщꙋ (Отразительное писание о новоизобретенном пути самоубийственных смертей, 1691 г., 63).

Замена инфинитива произошла также в глаголах типа мьнѣти(сѧ). Такова была древняя форма, впоследствии замененная более поздней и известной в современном русском языке *мнить(ся)*, в которой -i- обусловлено презентной основой [ЭССЯ 1994: 115]. Формы типа мнѣша, мнѣхомсѧ (изыде [ж] лот и гл҃а к зѧтем своим... и мнѣша играюще к ним зѧта є[г] (Быт., XIX, 14, Геннадиевская Библия 1499 г.); мнѣхомсѧ (Палея историческая сокращенная, XVI в., 34)) свидетельствуют о сохранении искомого инфинитива.

В древнерусских памятниках письменности, как и в старорусских, последовательно представлены инфинитивы плоꙋти, слоꙋти с соответствующей основой настоящего времени плове-, слове-: елико же кораблкмъ мощи плоꙋти сквозѣ рѣвеницѫ (XIII Слов Григория Богослова, XI в., 261); водою пловꙋчи, что со вдовою живꙋчи (П. Симони, Старинные сборники русских пословиц, XVII в., 85); ѿ всѣхъ слоꙋти доброꙋ (Пандекты Никона Черногорца, XIV в., сл. 3); бѫшеть бо оу нихъ воевода титъ, вездѣ словѣи моужьствомъ, на ратѣхъ и на ловѣхъ (Ипатьевская летопись, 6790 г., список ок. 1425 г.).

По указанному времени создания памятников русской письменности видно, что исходные формы сохраняются довольно долго. Однако достаточно рано как принадлежность русских церковнославянских памятников фиксируются формы типа приплꙑвъшоу, прослꙑти [Вайан 1952: 339]. Ср. наличие в источниках XV—XVI вв.[3] нового инфинитива плꙑти с одновременным преобразованием в основе настоящего времени плꙑв-: по персомы дождꙋ плꙑти ('течь'; Житие Иоанна Златоуста, XV в. по списку Великих Миней Четиих, XVI в., ноябрь 13—15, 1104); Волга плꙑт⟨ь⟩ долго, а Дунай широко (П. Симони, Старинные сборники русских пословиц, XVII в., 87); плꙑвꙋчи водою, тꙋ твою госꙋдареꙋ грамотꙋ потопили въ водѣ (Донские дела, 1641 г. // Русская историческая библиотека, т. 24, 243). Следует отметить, что П. Я. Черных относит появление презентной основы *слыв-* к XVIII в., а соответствующие формы инфинитива — ко времени несколько более раннему [Черных 1993: 177].

Глагол грети также был унаследован из праславянского лексического фонда: праслав. *grebti [ЭССЯ 1980: 109—110]. В старославянском языке выступал инфинитив грѣти, основа настоящего времени гребе- с регулярным выпадением губной перед *т* в инфинитиве. В восточнославянской письменности засвидетельствован и этот инфинитив, и другой — грести по типу нести, пасти [Вайан 1952: 329]: и видѣ насадъ кдинъ гребꙋщь...

---

[3] Хотя здесь и далее приведены даты фиксации глагольных форм в памятниках русской письменности, они носят весьма относительный характер, поскольку пока обследованы не все источники. При дальнейшей работе указанная хронология может быть более или менее скорректирована.

р[ч̑]є борисъ брате глѣбе. повели грести да поможе[м] сроднику своєму (Лаврентьевская летопись, 1263 г., список 1377 г.). Оба инфинитива употребляются параллельно. Ср. в одном контексте в «Чудесах» Николая Мирликийского (Чудо о спасении Димитрия) в составе разных памятников: внезапоу вѣтръ сильнъ въста... и хотѣхоу къ краю грети (Собрание чудес Николая Мирликийского, ркп. ГИМ, Хлуд. № 215, XIII в., л. 2); ...и хотѧхоуть къ краю грести (Сборник слов и поучений, ркп. РГБ, Тр.-Серг. № 9, конец XIV в., л. 201 об.). Каких-либо семантических различий в употреблении старой и новой формы инфинитива не отмечено, хотя сам глагол менял свою семантику: с течением времени были утрачены значения 'погребать, хоронить' и 'чесать, расчесывать'. С XVI в. новый инфинитив был уже вполне обычен; в XVIII столетии старый инфинитив грети уже не фиксируется [Сл. XVIII в. 1989: 230]. В XVII—XVIII вв. встречались формы грести и гребсти с восстановленным губным согласным: Сѣно грѣсть и в сарай возить (Новой лексикон на французском, немецком.., пер. Сергея Волчкова, 1755—1764 гг., ч. 1, 983); Стали они тогда грести сильно веслами всѣми (В. Тредиаковский, Тилемахида). В русских диалектах (пск.) известна форма *гребти*.

Таким образом, замена инфинитива у глаголов имела место обычно под влиянием презентной основы.

Вторая группа грамматических изменений — это преобразования в формах глаголов. Они могли происходить в некоторых формах при сохранении большинства из них или их части и самого инфинитива.

Примером подобных изменений может служить глагол бѣжати. Форма инфинитива остается неизменной на протяжении нескольких веков (если, конечно, не иметь в виду конечную гласную). В древне- и старорусском языках личными формами глагола были бѣжоу, бѣжиши, бѣжить.., бѣжать (3 л. мн. ч.); повелит. наклонение бѣжи: ли родомь ксмь тать. или блуденъ. да не бѣжю азъ оного (Сборник, ГИМ, Хлуд. № 30д, XIV в., 103); по чюжемь же не нд[о]уть нъ бѣжать ѿ него ꙗко не вѣдм[т] чюжего гла[с] (Пандекты Никона Черногорца, 1296 г., 38 об.); аще и въ єгупє[т] бежить самовольство[м] бѣжи с ни[м] (16 Слов Григория Богослова с толкованиями Никиты Ираклийского, XIV в., 12 об.). В дальнейшем формы 1 лица ед. ч. и 3 лица мн. ч., а также повелительного наклонения были заменены известными в современном русском литературном языке *бегу, бегут, беги*. В XVIII в. бѣжоу, бѣжат были уже выходящими из употребления; форма бѣжи употреблялась, как кажется, наравне с бѣги: Господа ради Всевидящаго, бѣжи от неправдъ (И. Посошков, Завещание отеческое, 1719 или 1720 г.). Сохранение старых форм (от приставочных глаголов) было возможно и в более позднее время: *За нею, теперь, очевидно, был на очереди мой труп, на который сбежатся те же волки* (Н. С. Лесков, На краю света);... *а я не пойду, пока она вскрикнет и упадет, а тогда я и вбежу, и водой ее сбрызну, и платье отпущу* (Н. С. Лесков, Захудалый род).

Из праславянского лексического фонда были унаследованы глаголы *goniti и *gъnati [ЭССЯ 1980: 23, 196]. Судьба их в русском языке была

различной: первый — **гонити** — в литературном языке был утрачен, сохранившись в диалектах (арх., волог., перм. и др. — 'гнать кого-л.' и др.). Второй глагол — **гънати**, совр. *гнать*, — в настоящее время выступает как парный к *гонять*, обозначая направленное движение.

В истории русского языка, как и в старославянском языке, **гонити** и **гънати** имели практически идентичную семантику: 'быстро передвигаться', 'гнать, преследовать кого-л.' с рядом вторичных переносных значений.

Основа настоящего времени у глагола **гънати** в значительной степени отличалась от основы инфинитива: **женѫ, женеши**. Эти формы в памятниках восточнославянской письменности сохраняются довольно долго, по XVII столетие включительно: **свое спасенне женущии** (Отразительное писание о новоизобретенном пути самоубийственных смертей, 1691 г., 7). Они представлены также в списках XVIII в. более ранних (XVII в.) источников. Однако существовавшая система **гънати — женеши..., гонити — гониши...** оказывается неустойчивой прежде всего за счет форм типа **женеши**, которые начинают утрачиваться первыми и как живые в XVIII в. уже не употребляются. Инфинитив **гонити** в произведениях XVIII столетия еще фиксируется, но эта форма как таковая встречается редко, чаще употребляются личные формы, которые начинают соотноситься с глаголом *гнать*. Вслед за **женѫ, женеши** утрачивается и **гонити**.

Схожий процесс происходил при смене личных форм глагола **доѫти**, имевшего презентную основу **дъме-**. Современные личные формы возникли под влиянием основы инфинитива и однократного глагола **доѫноѫти**. Они фиксируются в XVII в.: **ожегся на молокѣ и на воду дуетъ** (П. Симони, Старинные сборники русских пословиц, XVII в., 131). В это же время еще были, по-видимому, живы и старые формы. Об их сохранении в народно-разговорном языке может свидетельствовать употребление в деловых источниках XVII в.

Таким образом, стремление к грамматической унификации привело к утрате прежних форм, что, впрочем, непосредственно не коснулось семантических изменений.

Перераспределение личных форм имело место также сразу у трех глаголов — **дати, даѭати, давати**. Современная форма инфинитива *дать* и относимые к ней формы (*дам, дашь...*) и *давать (даю, даешь...)* пришли на смену триаде, известной в исторический период. Глагол совершенного вида **дати** имел формы настоящего времени **дамь, даси, дасть...**, будучи нетематическим; глагол несовершенного вида **даѭати** — **даю, даеши..**; глагол несовершенного вида **давати** — **даваю, даваешн...** и т. д. Имевшая место контаминация привела к перераспределению форм. Инфинитив **даѭати** и личные формы **даси, дасте** и др., ощущавшиеся как славянизмы, были утрачены, хотя их следы сохранялись довольно долго. Форма *даю* в настоящее время в литературном языке отнесена к инфинитиву *давать*, а его исконная **даваю** в русском языке XVIII в. еще употреблялась наряду с новой, впоследствии же была утрачена. В XVIII в. в живом языке формы

2 лица ед. ч. даси и повелительного наклонения даждь от дати уже фактически вышли из употребления, заменившись, соответственно, *дашь* и *дай*. Форма *дая* встречается у Тредиаковского и Ломоносова; в стилистических целях в художественной литературе могла использоваться и форма 2—3 лица повелительного наклонения даждь: **Так ты, Монархиня, сияешь в концы державы твоея, Когда по онымъ протекаешь, Отраду, радость, жизнь дая** (М. Ломоносов, Собрание разных сочинений в стихах и прозе, 1757, ч. 1, 104); **[Зефир] оживляет все — судно, дая бѣг оному** (В. Тредиаковский, Тилемахида); **Не даждь сна, от днесь любезнѣ очима** (Памятники русской школьной драмы XVIII в., 170). Семантика глаголов, если не считать видовых различий, имела незначительные расхождения, особенно на фоне многозначности лексем. Экскурс в грамматику устанавливает межсловные связи, взаимодействие лексем, которое имело место в других случаях и на семантическом уровне, где происходила дифференциация семантики слов, тождественных или близких в своих значениях.

Смена личных форм глагола при сохранении инфинитива, точнее, появление параллельных форм, семантически отличных от исходных, представлено в глаголе **болѣти**, личными формами которого были **болю, болить.., болять**. При этом субъектом выступал человек, а объект был выражен формой творительного падежа: **акъı очима болящи** (Сборник, ГИМ, Хлуд. № 30д, XIV в., 104); **азъ имамь .д. м(с)ци валяюся. и боля утробою** (Сборник слов и поучений, ркп. РГБ, Тр.-Серг. № 9, конец XIV в., л. 166 об.). То же при глаголе в переносном значении: **патриарх болитъ душею** (Сказание Авраамия Палицына, 1620 г., 548). Помимо основного значения 'болеть, быть больным', глагол имел переносные — 'мучиться, страдать духовно' и др.

С XIII в. в качестве субъекта обозначаемого глаголом состояния начинает фиксироваться предмет — часть тела человека: **якоже оудъ болящь вся творять яко да сп(с)ть кго** (Пролог, XIII в., 3 об.); **нача утроба его болѣти** (Чудеса Арсения епископа Тверского, ркп. РГБ, Унд. № 1224, XVII в., 91). На фоне этого в XVI в. была засвидетельствована известная в современном русском литературном языке форма *болеет* при субъекте-человеке: **болеетъ ли кто в васъ** (В. Г. Дружинин, Несколько неизвестных литературных памятников из сборника XVI в., 42). Наряду с инновациями по XVII в. включительно продолжает встречаться **болѣти** (чем), при котором позицию дополнения занимает название части тела человека (при употреблении в той же позиции названия болезни: **иже огнемъ злѣ болять и брашна не приимаютъ** (Пчела, XIII в., список XIV—XV вв., 108 об)). В XVIII в. еще возможно употребление исходной личной формы *болятъ* при субъекте — человеке или животном: **Здѣсь скудость имѣем в плотникахъ, потому что зело болѣли и болят, а многия и померли** (Письма и бумаги имп. Петра Великого, нач. XVIII в., т. 2, 129); **лошадь... болитъ** (Регула об лошадях, XVIII в., 46). То же у глагола в переносном значении: **о смерти... адмирала... сердечно болю и горко плачю** (Письма и бумаги имп. Петра Великого, нач. XVIII в., т. 4, 992). Аналогично инновацион-

ная форма *болеет* могла быть употреблена при субъекте — названии части тела человека [Сл. XVIII в. 1985: 99]. Однако все больше и больше прослеживается грамматическая и семантическая дифференциация форм при едином инфинитиве *болеть*: *болеет* для 'болеть, быть больным', *болит* (только в формах 3 лица ед. и мн. ч.) 'вызывать ощущение боли'. То же касается и переносного значения 'испытывать душевную боль'.

Сохранение и употребление старой личной формы глагола возможно и в более позднее время, фактически в современном русском языке. Ср.: *Панычи знали, что Вишневский никогда не болел, а такие если заболят, то к смерти* (Н. С. Лесков, Старинные психопаты).

Таким образом, рассмотренные в этой группе грамматические изменения могут не иметь связей с семантическими изменениями в слове, но иногда оказываются непосредственно связанными с семантической структурой слова.

Грамматические изменения, включенные в третью группу, по сути являются не собственно грамматическими, а лексико-грамматическими в том смысле, что здесь одно слово начинает выступать вместо другого.

В древнерусской письменности, как и в старославянском языке, был засвидетельствован глагол **бости, бодѫ..**, древнейшим значением которого было 'колоть', а на его основе появилось 'бодать' и вторичное переносное 'уязвлять, терзать, мучить': **сѣславъ же рече къ бърнови нѣчьто ма на головѣ бодеть** (Сказание о Борисе и Глебе, XI в., по списку Успенского сборника XII—XIII вв., 20—21); **ѡлень ма ѡдинъ болъ** (Лаврентьевская летопись, 1096 г., список 1377 г., 82 об.); **ѡного сила бодѫщи дш̑ю мою непрестанно** (Сборник житий и слов, ркп. ГПБ, Соф. № 1365, 7 об.). Глагол еще употреблялся в XVIII в.: **Бости обаче тя никак не престану** (Стефанотокос, 1724 г., 254). Впоследствии **бости** в литературном языке был утрачен, а в русских говорах сохранился: *бости* 'бодаться' (Ср. Урал), *бости* 'бодать' (Смол., говоры Прибалтики).

Одновременно с **бости** существовал глагол **бадати, бадаю**, имевший единственное значение и слабо засвидетельствованный в русской письменности: **хощете ма оубити нюдѣи. нъ оузьрите въ негоже бадакте христа безаконьнии** (Триодь, XIII в.); **рожномъ бадающимь ослъ** (Великие Минеи Четии, дек. 6—17, XVI в., 1036). В дальнейшем в глаголе **бадати** под влиянием **бости** был представлен корневой вокализм -о- (*бодать*), что фиксируется в XVIII в.: [**телята**] **бодают сиχ терпѣливъıχ матерей** (Труды Вольного экономического общества, ч. 36, 16)[4].

С появлением новой формы намечается некоторое распределение значений: *бости* по-прежнему значит 'колоть', 'бодать' и 'уязвлять, терзать, мучить', а *бодать* — лишь 'бодать'. С утратой *бости* и его личных форм были утрачены и соответствующие значения. В современном русском литературном языке известен лишь один глагол *бодать*, семантиче-

[4] Подробнее об *о-* и *а*-вокализме см.: [ЭССЯ 1974: 121].

ски и формально отличный от своих предшественников, известных в истории русского языка.

Еще одним примером лексико-грамматических изменений может послужить история глагола гоусти.

По древне- и старорусским памятникам письменности был известен глагол гоусти, имевший формы гоудоу.., гоудоуть; его древнейшим значением, засвидетельствованным лишь в старорусском языке, было 'звучать, издавать звук'. Вторичным, но ставшим основным было значение 'играть на струнном инструменте': кто... можеть оуказати. ли предъставити о сихъ. ако повелѣно бъı[с] хр[с]ьıаномъ гоусти и плѧсати (Пандекты Никона Черногорца, XIV в., 1666); ннии гоудоуть. ннии бають кмоу (Сборник слов и поучений, ркп. РГБ, Тр.-Серг. № 12, XII—XIII вв., 4). В дальнейшем глагол сохраняется в русских диалектах (арх., пск., смол., курск., орл.) в значениях 'гудеть', 'шуметь (о дожде, воде)' и др., т. е. семантика диалектного слова иная, чем была в русской письменности; ср. также укр. *густи* 'гудеть', 'жужжать' [ЭССЯ 1980: 85].

Одновременно в древнерусском языке существовал глагол гоудити, гоужоу.., гоудять с иной семантикой — 'хулить, поносить': ишаıъ ıазъıкомь льстивомь чстьнаѧ гоужаше иконъı (Житие Феодора Студита по Выголексинскому сборнику XII в., 103—103 об.); и пѣти себе. и гоудити свои невъниманиѥ (Устав студийский церковный и монастырский, ркп. ГИМ, Син. № 330, XII—XIII вв., 214 об.—215). Такая семантика рассматривается как вторичная производная от значения 'издавать звук', которое было исходным, хотя некоторые отделяют этот глагол [ЭССЯ 1980: 167; Фасмер 1986: 470—471]. При этом инфинитив гоудѣти в русской письменности, как кажется, не был засвидетельствован.

В русских говорах инфинитив *гу́дить*, личные формы (*гужу, гудю*), сохранился с разной семантикой, в том числе и известной в истории русского языка: *гу́дить* 'осуждать, хулить, порицать' (смол., курск., орл.), *гуди́ть* 'соблазнять, обманывать' (новг.), а также *гуди́ть* 'лить с шумом, гулом (о дожде)' (ряз.) [СРНГ 1972: 202].

В русском языке XVIII в. гоусти уже не фиксируется; *гудить* известен в значении 'играть на струнном инструменте'. В этот же период фиксируется форма *гудет*, видимо, народно-разговорная по своему характеру и соотносящаяся с новым инфинитивом гоудѣть, семантически дифференцированным и обозначавшим низкий протяжный звук: *Пчела бунчит, бурчит, гудет* (Э. Вейсман, Немецко-латинский и русский лексикон, 1731 г., 97); *и гул глухой в глуши гудет* (Г. Р. Державин, Сочинения, 1808, ч. 1, 151). Именно этот инфинитив впоследствии закрепился в литературном языке, унаследовав старые личные формы *гудит, гудят*. Семантической точкой пересечения *гудеть* и *гудить* в XVIII в. было значение, передававшее звучание гудка — народного струнного музыкального инструмента [Сл. XVIII в. 1991: 8—9].

В русских говорах инфинитиву *гудеть* соответствуют личные формы *гужу, гуду* и *гудю, гудешь* и *гудишь*; семантика глагола территориально раз-

нится: 'плакать навзрыд' (ворон., орл., курск., брян.), 'выть, завывать' (перм., калуж.), 'бурчать, ворчать' (терск.), 'злословить' (брян.), 'дудеть, играть' (урал.), а также 'лить, течь с силой' (ряз., тул.) [СРНГ 1972: 201].

Из праславянского лексического фонда был унаследован глагол *ristati, и.-е. корень со значениями 'течь, струиться', 'устремляться', 'приводить в движение' (ср. *рину́ть(ся), реять*) [Черных 1993: 131; Фасмер 1987: 484, 480, 485—486]. В памятниках старославянского языка глагол ристати (презентная основа риште-) был известен в значении 'бежать' [Цейтлин 1994: 582]. В восточнославянской письменности ристати фиксируется с XI в. (Изборник Святослава 1076 г., л. 78 об.). В XVII в. вместо обычной рищютъ засвидетельствована форма 3 лица мн. ч. ристаютъ (Симеон Полоцкий, Орел российский, 1667 г., 57).

В современном русском языке этот глагол не сохранился, но известен другой — *рыскать*, с аналогичной презентной основой и личными формами *рыщу, рыщешь...* наряду с формами *рыскаю, рыскаешь*. Инфинитив рꙑскати (Орлов А., Исторические и поэтические повести об Азове, XVII в., список XVII—XVIII вв., 186) и соотносимые с ним формы типа рꙑскаѵу (Житие преп. Даниила, Переяславского чудотворца, XVI в., 58) в восточнославянской письменности фиксируются в XVI—XVII вв. как единичные, а в XVIII столетии уже значительно чаще. При этом производное существительное рысканик фиксируется с XIII в. [СлРЯ XI—XVII вв. 1997: 165]. Начальное *ры-* возникло на русской почве [Черных 1993: 131; Фасмер 1987: 530] и фиксируется не только у рꙑскати, но и у ристати: рꙑстаѵу (Казанский летописец, 161, XVI в., список XVII в.); тритꙑсячники же рꙑстаѵу и совахуся на всѣ страны (Повесть о Царьграде Нестора-Искандера, XV в., список XVI в., 36).

Можно предположить относительную древность глагола рꙑскати при отсутствии соответствующих письменных фиксаций или рассматривать его как относительно новое образование, какое-то время сосуществовавшее наряду с ристати, а затем вытеснившее его. В любом случае история обоих слов связана как грамматически, так и семантически: древнейшее значение 'идти/ходить, бежать/бегать, мчаться' и развившееся на его основе 'ехать/ездить' фиксируются у обоих глаголов. Два других вторичных значения — 'устремляться' и 'находиться в состоянии смятения' — отмечаются редко, и не представляется возможным отнести их с вероятностью к какому-либо одному глаголу. Более поздние значения 'отклоняться от курса' (известно с XVII в.) и 'перебегать с одного предмета на другой в поисках чего-л., стараясь заметить' (известно в совр. русском языке) с субъектом-предметом — суда и глаза соответственно — фиксируются уже только у *рыскати*.

Таким образом, грамматическая информация оказывается актуальной для семантических исследований независимо от того, связана она непосредственно с семантикой или нет. Даже в случае отсутствия непосредственной связи грамматические изменения являются частью истории слова.

В создаваемом в настоящее время «Историческом словаре современного русского языка» структура словарной статьи, состоящей из преамбулы и расположенных в соответствии с генетическим принципом значений, позволяет включать грамматическую информацию в форме и объеме, необходимом для каждого конкретного случая.

Литература

Вайан А. Руководство по старославянскому языку. М., 1952.

О проекте 1997 — *Бабаева Е. Э., Журавлев А. Ф., Макеева И. И.* О проекте «Исторического словаря современного русского языка» // Вопросы языкознания. 1997. № 2. С. 34—46.

СДЯ XI—XIV вв. 1990 — Словарь древнерусского языка (XI—XIV вв.). М., 1990. Т. 3.

СлРЯ XI—XVII вв. 1979 — Словарь русского языка XI—XVII вв. М: Наука, 1979. Вып. 6.

СлРЯ XI—XVII вв. 1997 — Словарь русского языка XI—XVII вв. М., 1997. Вып. 22.

Сл. XVIII в. 1985 — Словарь русского языка XVIII в. Л., 1985. Вып. 2.

Сл. XVIII в. 1989 — Словарь русского языка XVIII в. Л., 1989. Вып. 5.

Сл. XVIII в. 1991 — Словарь русского языка XVIII в. Л., 1991. Вып. 6.

Сл. XVIII в. 1992 — Словарь русского языка XVIII в. Л., 1992. Вып. 7.

СРНГ 1972 — Словарь русских народных говоров. Л., 1972. Вып. 7.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., 1986. Т. 1.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., 1987. Т. 3.

Цейтлин 1994 — Старославянский словарь / Под ред. Р. М. Цейтлин, Р. Вечерки и Э. Благовой. М., 1994.

Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. М., 1993. Т. 2.

ЭССЯ 1974 — Этимологический словарь славянских языков. М., 1974. Вып. 1.

ЭССЯ 1978 — Этимологический словарь славянских языков. М., 1978. Вып. 5.

ЭССЯ 1980 — Этимологический словарь славянских языков. М., 1980. Вып. 7.

ЭССЯ 1994 — Этимологический словарь славянских языков. М., 1994. Вып. 21.

В. З. Санников
Москва

ЕЩЕ РАЗ О СОЮЗЕ *РАЗ*[1]

Вводные замечания

Этот «периферийный» союз достаточно интересен. Не случайно Л. Н. Иорданская посвятила ему отдельную большую статью [Иорданская 1988]. Я существенно опираюсь на эту статью, хотя акценты у меня и у автора этой интересной работы совершенно разные. Л. Н. Иорданская рассматривает союз *раз* в аспекте общей проблемы иллокутивного употребления языковых единиц. Вслед за другими учеными, она говорит об иллокутивном употреблении, когда союз «выражает отношение между смыслом придаточного предложения и актом речи, соответствующим главному предложению» [Иорданская 1988: 239; см. также Падучева 1985: 46—47]. Ср. следующий пример:

(1) *Если ты захочешь есть, в холодильнике есть мясо* (пример Дж. Остина).

Ср. также шутку:

Жена. *Если тебе ночью захочется воды, то вон на столе стакан молока.* Муж. *Гм!.. А если тебе ночью захочется вина, то вон под столом жестянка с керосином* (В. Вересаев, Невыдуманные рассказы о прошлом).

Очевидно, что в (1) собеседники оговаривают условием не наличие мяса в холодильнике, молока на столе или керосина под столом (и то, и другое, и третье, безусловно, есть!), а свой совет. Пафос статьи Л. Н. Иорданской — показать широкое распространение этого явления, и союз *раз* интересует автора главным образом как яркое проявление этого феномена: по мнению Иорданской, это союз по преимуществу иллокутивный (см. [Иорданская 1988]). Чрезвычайно сложный и интересный вопрос об иллокутивном употреблении языковых единиц требует особого рассмотрения на широком материале, и в данной работе мы не будем его касаться. Нас интересует собственно значение и

[1] Работа выполнена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект 96-04-06093).

особенности употребления союза *раз*. При этом выявляется еще один аспект исследования: наблюдение над употреблением подчинительных союзов (в частности союза *раз*) выявляет связь разных, казалось бы, далеко разошедшихся значений одного слова. Союз *раз* далеко оторвался от соответствующих «основных» единиц, и наблюдение над его значением и употреблением интересно в общетеоретическом плане: оно указывает один из путей возникновения новых значений языковых единиц и выявляет громадную роль прагматических факторов и конкретных употреблений, «расшатывающих» значение языковой единицы и приводящих нередко к созданию новых значений этой единицы, иногда резко отличающихся от исходного. Особенно важно при этом, что эти вторичные значения не «порывают полностью» с основными, исходными значениями, но сохраняют некоторые их компоненты, пусть в модифицированном виде. Приступая к изучению значения союза *раз*, мы собирались оставаться строго в пределах синхронии, однако в ходе исследования обнаружилось, что объяснение загадочности этого союза, отмечаемой многими учеными, объяснение странности в его употреблениях нужно искать в его истории. Зная «биографию» и «родственные связи» языковой единицы, легче описать ее значение и можно даже предсказать некоторые особенности ее функционирования. (Не следует, впрочем, забывать предостережение Анны Вежбицкой от злоупотребления этимологией при изучении значения современных слов, поскольку она (этимология) «может не только снабжать нас полезными отмычками, раскрывающими толкование слова, но и сбивать с толку, предлагая ложные ключи» [Вежбицкая 1996: 83].)

Казалось бы, не только по синтаксической функции, но и по значению союз *раз* (***Раз** в сердце завелась любовь, надо ее вон* (А. Чехов, Чайка)) резко отличается от своих «предков» — существительного *раз* (*раз, два, три...*; *пять раз*) и наречия *раз* (*Иду я раз по Тверской...*). Можно, однако, восстановить «мостики», ведущие от одного значения к другому и нашедшие отражение в значении союза *раз* и особенностях его употребления.

От существительного непосредственно к союзу?

Прямой переход существительного *раз* в союз представляется маловероятным, поскольку предложения с существительным *раз* (даже сложные) по синтаксической структуре и по значению резко отличаются от предложений с союзом *раз*, ср. (2) и (3):

(2) *Я пять раз приходил к ним, но она уходила из дому*;

(3) *Раз я приходил к ним, она уходила из дому.*

Есть, однако, употребления с существительным *раз*, сближающиеся по значению с союзными конструкциями, — ср. (3), где *раз* — это, бесспорно, союз, со следующим близким по смыслу предложением с существительным *раз*:

(4) *Всякий раз, как я приходил к ним, она уходила из дому.*

Возможно, путь от существительного *раз* к союзу шел от конструкций типа (2) к типичным подчинительным типа (3) — через «промежуточную станцию» — конструкции типа (4).

От существительного — через наречие — к союзу?

Вероятнее, однако, предположение, что путь от существительного *раз* к союзу шел через наречие *раз*. Отправной точкой были, возможно, сложные предложения с обстоятельственными группами *один раз* в первой части, типа: *Кто один раз увидел Италию, он любит ее всю жизнь*. Следующим шагом могло быть естественное опущение избыточного числительного *один* и преобразование существительного в наречие: *Кто раз увидел Италию, он любит ее всю жизнь*. Последующее изменение порядка слов (*Раз кто-то увидел Италию, он любит ее всю жизнь*) резко меняет грамматический статус языковой единицы — в сферу действия *раз* включается (кроме глагола) также и подлежащее! Важно, что для этого изменения порядка не нужно было «совершать революцию»: были глагольные конструкции, где наречие *раз* могло стоять п е р е д г л а г о л о м, даже иногда в начале предложения. Это конструкции с деепричастным или причастным оборотом, а также бессоюзные сложные предложения, в состав которых входило наречие *раз*, ср.:

(5) ***Раз начавши разговор, он уж не прекращал его*** (А. Чехов, Степь, IV);

(6) *Хребет невысокого кряжа был покрыт не густым, но высоким лесом, и, **раз** взобравшись туда, идти было удобно* (Н. Миклухо-Маклай, Путешествия, по карт. БАС);

(7) ***Раз** порванные отношения не возобновлялись* (Н. Чернышевский, по: [Ушаков 1996]);

(8) ***Раз** украл, навек вором стал* (= 'один раз, однажды') [Даль 1978—1980];

(9) ***Раз** прихожу в институт, иду в аудиторию.*

Возможно, именно бессоюзные конструкции типа (8), между частями которых существовала синтаксически не выраженная причинно-следственная зависимость, явились первым шагом по пути преобразования бессоюзных конструкций с наречием *раз* в подчинительные с союзом *раз*: наречие *раз*, начинавшее сложное бессоюзное предложение, приобретало синтаксическую функцию подчинительного союза. Показательно, что (8) допускает разное осмысление: первое — «далевское», в соответствии с которым перед нами бессоюзное предложение с существительным *раз* или с наречием *раз* (= 'один раз, однажды'), и другое, тоже допустимое: мы имеем дело со сложноподчиненным предложением с союзом *раз* в причинном значении ('поскольку украл'). В подобных употреблениях единица *раз* становилась, наряду с лексическим составом, дополнительным выразителем причинно-следственных отношений между частями, которые формально (синтаксически) не выражались ранее; она приобретала функцию подчинительного союза. После этого стали возможными и такие конструкции, где со-

юз *раз* был единственным выразителем причинно-следственной зависимости между частями сложного предложения, конструкции типа *Раз он живет в Москве, я поселюсь в Петербурге* (при опущении союза *раз* эта зависимость утрачивается, ср.: *Он живет в Москве, (а) я поселюсь в Петербурге*).

Произошло «размежевание» омонимов и в отношении их места в предложении: наречие *раз* располагается, как правило, после своего хозяина — глагола (хотя возможна и препозиция), союз *раз* — в абсолютном начале придаточного предложения.

Толкование союза *раз*

Мы не случайно остановились на возможных путях возникновения рассматриваемого союза. Дело в том, что его происхождение наложило отпечаток на его значение. В значении существительного *раз* и наречия *раз* имеется общий компонент — указание на минимальное количество, единичность, случайность, ср.: *Раз, два, три, четыре; Пять раз; Ни разу; Принудьте себя, сделайте... раз в жизни доброе дело* (А. Чехов, Жена); *Он разом нашелся* — «вдруг, мгновенно» [Даль 1978—1980]; *Раз встречаю я его на Невском проспекте*; ср. также просторечное *Дал ему раза* («Ударил его (один раз!)»). И вот это указание сохраняется, пусть модифицированное, и в союзе *раз*. Рассмотрим следующий пример:

(10) *Раз она выпивает, я на ней не женюсь.*

В придаточном X описывается явление, явившееся для говорящего неожиданным открытием, изменившим его первоначальные матримониальные намерения (легко заметить, что при замене союза *раз* союзами *если, поскольку, потому что* этот компонент значения утрачивается). В (10) наряду с неожиданностью (унаследованной союзом *раз* от его «предков» — существительного и наречия) естественно присутствует представление о другой возможности, не реализовавшейся, но имевшей большую вероятность, — отсутствие у невесты пагубной склонности к спиртному.

Таким образом, хотя союз *раз* описывает (подобно причинным союзам) реальные события, однако в его значении отчетливо ощущается представление о двух возможностях (что характерно для условных конструкций!).

Этим объясняется «странность» союза *раз*, приведшая к тому, что одни исследователи относят союз к условным (см. [Пешковский 1928: 555, 557; Грамматика 1960: 321; Ушаков 1996; МАС]), а другие — к причинным [Грамматика 1980: 581—582]). Впрочем, хотя в [Грамматика 1980] союз отнесен к причинным, там делается не вполне соответствующее этой классификации, но очень верное, в сущности, замечание: «Придаточная часть, вводимая союзом *раз*, передает информацию о реализующемся или реализованном условии» [Грамматика 1980: 581]. Л. Н. Иорданская доказывает, что союз *раз* не выражает ни условное, ни причинное значения и не включает в его толкование ни указание на причинность, ни указание на условие. Ее толкование рассматриваемо-

го союза (предполагающее два разных значения — неиллокутивное и иллокутивное) имеет следующий вид [Иорданская 1988: 264]:

1. *Раз 1 Y, X* = Говорящий считает, что в ситуации Y, которая имеет место, совершенно естественно то, что имеет место ситуация X;

2. *Раз 2 Y, X* = Говорящий считает, что в ситуации Y, которая имеет место, совершенно естественно то, что говорящий делает высказывание «X».

Мы считаем, что союз *раз* занимает промежуточное положение, имеет и условное, и причинное значения («условно-причинный», точнее — «причинный с оттенком условного»), поскольку в его значение входят компоненты обоих типов союзов — как условных, так и причинных. Следует отметить, что специфика союза *раз* этим не ограничивается: в его значение входят некоторые важные, не отмеченные ранее, компоненты. Мы можем предложить следующее, сугубо предварительное, толкование союза *раз:*

Раз X, (то) Y = '1) Было возможно X и было возможно Z, существенно отличное от X-а или даже противоположное ему;

2) Вероятность X-а существенно ниже вероятности Z-а;

3) Вопреки ожиданиям, имеет место X;

4) В ситуации X естественен Y'.

Комментарии к толкованию

1. Даже там, где союз *раз* употребляется, казалось бы, в чисто причинном значении, ощущается представление о другой возможности, неосуществившейся, но более вероятной. Его отличие от «чисто причинных» союзов малоощутимо, но, мне кажется, оно есть. Рассмотрим несколько примеров (попытавшись отвлечься от стилистических различий между союзами *поскольку* и *раз*):

(11)... *если мы родились — ничего не поделаешь, надо немножко пожить.* (Вен. Ерофеев, Москва—Петушки).

В (11) речь идет о реальном событии, но здесь отчетливо ощущается представление о другой возможности («мы могли бы и не родиться»). При подстановке в (11) союза *поскольку* это представление стирается, между тем как союз *раз* сохраняет (пусть менее отчетливо, чем *если*) это указание на вторую возможность.

Еще примеры:

(12) *Поскольку его пригласили, он придет на это заседание;*

(13) *Раз его пригласили, он придет на это заседание.*

В (13) присутствует, по моему мнению, смысл 'могли не пригласить', почти неощутимый (или, во всяком случае, менее ощутимый) во фразе (12).

Иногда этот «условный» компонент смысла усиливается, и тогда союз *раз* употребляется, как будет показано ниже (см. пункт 5), в чисто условном значении.

2. Второй компонент толкования отличает союз *раз* и от причинных, и от условных союзов. Это трансформированное указание на единичность, случайность, неожиданность события X, унаследованное союзом *раз* от его «предков» — существительного *раз* и наречия *раз*. Рассмотрим следующий пример:

(14) *Раз пришел, садись.*

Вторая возможность (н е п р и х о д гостя) не только отчетливо ощутима, но и оценивается говорящим как более вероятная, более естественная, а реальное событие (приход гостя) оценивается хозяином как менее естественное, неожиданное. Отсюда возникновение дополнительного прагматического компонента значения (прозрачный намек гостю, что он мог бы и не приходить).

3. Мы сознаем, что в нашем толковании первый элемент ('вопреки ожиданиям') компонента 3 — избыточен: он, в сущности, дублирует компонент 2; этим дублированием мы хотели подчеркнуть важность этого компонента значения.

4. Основная часть третьего компонента значения придаточного с *раз* ('имеет место X') определяется в работах Е. В. Падучевой и Л. Н. Иорданской как п р е з у м п ц и я, или п р е с у п п о з и ц и я (суждение, в отношении которого говорящий не допускает, что его истинность может быть отвергнута) и как с о о б щ е н и е о д а н н о м (находящемся в общем поле зрения говорящего и слушающего) (см. [Падучева 1977: 117; Падучева 1985: 113—115; Иорданская 1988: 251—258]). Это положение справедливо. Проиллюстрируем его следующим примером:

(15) *Замка ломать не пришлось, поскольку его не было, в скобе торчала одна палка* (В. Белов, Коч, по карт. БАС);

(16) *Замка ломать не пришлось, раз его не было.*

В отличие от (15), где не только главное, но и придаточное содержит новое, неизвестное слушающему, во фразе (16) содержание придаточного, вводимого союзом *раз*, презумптивно, известно слушающему (поэтому продолжение *в скобе торчала одна палка* в (16) выглядело бы странно).

Раз говорит о р е а л ь н ы х с о б ы т и я х, поэтому нежелательно: ?*Раз взобраться на холм, можно видеть окрестности,* нужно: *Если взобраться на холм, можно видеть окрестности.* Язык — формалист: запрещая инфинитивные предложения с союзом *раз*, он допускает употребление союза *раз* в неопределенно-личных предложениях (имеющих, в сущности, то же значение, но оформленных как личные): *Раз взобрался на холм, можешь видеть окрестности.*

5. Промежуточный характер союза *раз* («условно-причинный») обусловил возможность употреблений, где этот союз имеет условное значение и вводит указание не на событие, действительно имевшее место, а на событие в о з м о ж н о е, ср.:

(17) *Раз человек ошибся, он не гарантирован от ошибок и в дальнейшем*;

(18) *Раз я кого-то полюбил, я всё для него сделаю.*

Поэтому причинные союзы (*поскольку, так как*) выглядели бы здесь странно, между тем как замена союза *раз* условным союзом *если* вполне возможна, ср.:

(17а) *Если человек ошибся, он не гарантирован от ошибок и в дальнейшем*;

(18а) *Если я кого-то полюбил, я всё для него сделаю.*

В связи с этим представляется излишне категоричным следующее замечание Л. Н. Иорданской: «Придаточное с *раз* всегда обозначает факт, имеющий место в действительности, и никогда не обозначает факт, представленный как возможность» [Иорданская 1988: 248].

Мы не считаем, однако, возможным выделять особое («чисто условное») значение союза *раз*, поскольку эта модификация происходит в строго определенных условиях — в случае генерализованной референции или при описании узуальных (повторяющихся) ситуаций.

6. Главное предложение указывает на событие, естественное в ситуации, описываемой придаточным с раз.

С этим компонентом смысла мы уже сталкивались при рассмотрении русских союзов (сочинительных): одни союзы указывают на нормальный ход событий или нормальное сочетание событий (ср.: *Он пошел в булочную и купил хлеба; Морозы бывают, и сильные; Маша красивая и умная; Маша некрасивая и глупая*), другие — на ненормальный ход событий или ненормальное сочетание событий (ср.: *Он пошел в булочную, но не купил хлеба; Морозы бывают, но небольшие; Маша красивая, но глупая*). Замена союзов выглядит, как правило, странно: *Он пошел в булочную, но купил хлеба; Морозы бывают, и небольшие; Морозы бывают, но большие; Маша красивая, но умная; Маша некрасивая, но глупая* (см. [Санников 1986; 1987б; 1989]).

Союз *раз* указывает на нормальный ход событий или нормальное сочетание событий, ср.:

(19) *Раз человек ошибся, он не может исправиться.*

Естественным признается в языке развитие событий в том направлении, которое намечено в первой части сложного предложения (см. [Санников 1989]), т. е. в приведенном примере (19) признается естественность (даже, может быть, неотвратимость) дальнейших ошибок. Иное развитие событий союзом *раз* не предполагается (ср. странную фразу *Раз человек ошибся, он может исправиться*). В этом отношении союз *раз* существенно отличается от союза *если*, который не содержит этого компонента смысла и потому допускает противоположные продолжения, ср.:

(20а) *Если человек ошибся, он не может исправиться*;

(20б) *Если человек ошибся, он (еще) может исправиться.*

Литература

БАС — Словарь современного русского литературного языка. Т. I—XVII. М.; Л., 1950—1965; 2-е изд. Т. I—VI (А—З). М., 1991—1994.

Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М., 1996.

Виноградов В. В. Русский язык (грамматическое учение о слове). 2-е изд. М., 1972.

Грамматика 1960 — Грамматика русского языка. М.: Изд-во АН СССР, 1960. Т. II, ч. 2.

Грамматика 1970 — Грамматика современного русского литературного языка. М., 1970.

Грамматика 1980 — Русская грамматика. М., 1980. Т. I—II.

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. М.: Русский язык, 1978—1980.

Иорданская Л. Н. Семантика русского союза *РАЗ* (в сравнении с некоторыми другими русскими союзами) // Russian Linguistics 1988, 12.

МАС — Словарь русского языка. В 4-х т. 2-е изд. М., 1981—1984.

Ожегов С. И. Словарь русского языка. 22-е изд. М., 1990.

Падучева Е. В. Понятие презумпции в лингвистической семантике // Семиотика и информатика. Вып. 8. М., 1977.

Падучева Е. В. Высказывание и его соотнесенность с действительностью. М., 1985.

Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. 3-е изд. М.; Л., 1928.

Санников В. З. Значение союза *но*: нарушение нормального положения вещей // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. М., 1986. № 5.

Санников В. З. Прагматика неопределенных утверждений // Научно-техническая информация. М., 1987а. Сер. 2. № 9.

Санников В. З. Смысловой компонент 'норма' в значении русских сочинительных союзов // Вопросы кибернетики. М., 1987б.

Санников В. З. Русские сочинительные конструкции: Семантика. Прагматика. Синтаксис. М., 1989.

Ушаков 1996 — Толковый словарь русского языка / Под ред. Д. Н. Ушакова. М.: Терра, 1996.

Le groupe λ—1. Car, parce que, puisque // Revue Romane. 1975. № 10.

Эр. Хан-Пира
Москва

КОНВОЙ И *ЭСКОРТ*

Сколько значений у слов *конвой* и *эскорт* в современном русском языке? Есть ли смысловые отличия у этих слов?

Конвой (по «Толковому словарю живого великорусского языка» В. И. Даля; далее — Даль) — «воинский отряд для охраны на пути торговых судов; охрана, оберег, прикрытие. // Караул при арестанте». *Конвойный* (как прилагательное): «к конвою относящийся», а как существительное: «солдат, назначенный в конвой». *Конвоировать* (кого, что): «провожать на ходу, для почести или охраны; оберегать, охранять или прикрывать; стеречь, беречь на пути арестанта». Там же читаем: «*Конвоир*, м. конвой, особ. военное судно, для проводки и защиты купеческих судов».

Итак, по Далю *конвой* трехзначен: 1) «воинский отряд» (находящийся на движущихся торговых судах?); 2) «караул при арестанте»; 3) военное судно сопровождения торговых судов (оно же *конвоир*).

Уже «Толковый словарь русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова (далее ТСУ) уточняет Даля. Караул (включая тюремный, почетный — любой) нельзя назвать *конвоем*. Матрос Железняков верно назвал группу вооруженных людей в Таврическом дворце *караулом*, сообщив Учредительному собранию, что караул устал. Конвой выполняет свою функцию в движении. В лексическом значении этого слова есть сема «движение». Это движущаяся охрана движущегося объекта. *Конвой* по ТСУ двузначен: «отряд из нескольких вооруженных человек, сопровождающих кого-н. для охраны от нападения или для воспрепятствования побегу» и «отряд военных судов, охраняющих коммерческие суда во время войны». Последнее, возможно, отражает опыт Первой мировой войны. И *конвоир* в ТСУ двузначен: «лицо, принадлежащее конвою» и «судно из состава морского конвоя (мор.)». Отмечу непоследовательность составителей: в статье *Конвой* второе значение зачисляется в «оттенок значения», а в статье *Конвоир* — два самостоятельных значения.

«Словарь современного русского литературного языка» (далее БАС), в свою очередь, уточняет ТСУ и дополняет его: 1) толкование первого значения слова *конвой* уточняется указанием, что конвой охраняет не только кого-либо, но и что-либо (к сожалению, опустив признак сопрово-

ждения, БАС уводит из толкования сему «движение»); 2) БАС второе значение слова *конвой* не выдает за оттенок; 3) отражая опыт Второй мировой войны, БАС заменяет в толковании второго значения упоминание коммерческих судов упоминанием транспортов и торговых судов. *Конвоир* в БАС тоже двузначен: «1. Человек, сопровождающий кого- или что-нибудь для охраны или предупреждения побега. 2. Судно, охраняющее другие суда».

В 4-томном «Словаре русского языка» (далее МАС) *конвой* двузначен. Первое значение раскрыто почти по БАС. Толкуя второе, МАС добавляет к охраняющим судам и самолеты: «группа кораблей или самолетов». Тут, правда, точнее было бы вместо *или* употребить *и/или*. *Конвоир* в МАС двузначен. Первое значение показано по БАС, а второе изъяснено так: «Охранное судно или самолет, сопровождающие отдельный корабль, группу судов».

«Большой толковый словарь русского языка» (далее БТС) толкует *конвой* как слово с теми же двумя значениями, что и МАС, однако *конвоир* для БТС — однозначное слово: «человек, сопровождающий кого-что-л. для охраны и предупреждения побега».

«Толковый словарь русского языка» С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой (далее СОШ) толкует *конвой* как однозначное слово. Рядом с примером употребления (*Вести под конвоем*) стоит: «*Морской* к. (корабли, охраняющие транспортные и торговые суда)».

«Современный словарь иностранных слов» (далее ССИС) обнаруживает в словах *конвой* и *конвоир* два значения и следует в их раскрытии за МАС. «Толковый словарь иноязычных слов» Л. П. Крысина (далее ТСИС) воспроизводит толкование СОШ.

Ни один лингвистический словарь не заметил другого существующего значения у слова *конвой*. В «Советском энциклопедическом словаре» (далее СЭС) находим: «отряд из военных транспортов и торговых судов и охраняющих их боевых кораблей, создаваемый на время переходов морем». СЭС это значение показывает как второе, а первое формулирует так: «воинское подразделение (часть), предназначенное для охраны транспорта, пленных и др.». Что разумеют здесь под воинским подразделением: только ли сухопутное или еще и военно-морское, военно-воздушное? Однако вернемся ко второму значению, отмеченному СЭС. Как оно возникло? Видимо, оно синекдохического происхождения: целое (движущиеся охраняющие суда и движущиеся охраняемые в их целокупности) обозначено названием части.

Обратимся теперь к «Военному энциклопедическому словарю» (далее ВЭС). *Конвой* — это «воинское подразделение (команда, отдельный военнослужащий), назнач. для охраны и сопровождения военнопленных, а также находящихся под следствием и судом или осужденных» (с. 349). Это толкование повторяет то, что находим в «Советской военной энциклопедии» (далее СВЭ), вышедшей за несколько лет до ВЭС. При этом

СВЭ сообщает: «В русской армии конвой назначался также для охраны и сопровождения лиц высшего командного состава, штабов, курьеров, следовавших с особо важными поручениями» (с. 208). Добавлю: в царской армии существовало на постоянной основе подразделение, называвшееся *Собственный Его Императорского величества конвой.*

Есть в ВЭС (как и в СВЭ) *морской конвой*: «специальное формирование из торговых, вспомогательных судов и кораблей охранения, создаваемое для обеспечения безопасности перехода судов морем» (с. 349). При том понимании термина *конвой*, которое есть в ВЭС и СВЭ, непонятно, почему совокупность охраняемых и охраняющих морских судов названа *конвоем*. Очевидно, «корабли охранения» — это тоже *конвой* в его другом, не показанном в ВЭС и СВЭ, значении. А называние «специального формирования» *конвоем* — результат синекдохического переноса, не замеченного авторами словарных статей в этих двух энциклопедиях. Отметим: то, что в ВЭС и СВЭ именуют *кораблями охранения*, в ТСУ, БАС, МАС, ССИС называют *конвоем*, а в СОШ — *морским конвоем*.

Итак, у слова *конвой* словарями регистрируются три значения (третье фиксируют СЭС, ВЭС, СВЭ). Но есть еще значение, не отмеченное ни одним словарем. В печати, по радио, в воспоминаниях ветеранов, служивших в годы войны на торговых и транспортных судах, эти охраняемые суда тоже назывались *конвоями*. Ветераны вспоминали, как конвои стояли под загрузкой в портах Великобритании и под выгрузкой и загрузкой в северных портах СССР. Да и ВЭС, рассказывая о трагической судьбе 35 транспортов, оставленных в открытом море без «кораблей охранения» (из-за неоправданного решения британского адмиралтейства), называет их *конвоем*.

Думаю, что две цитаты из посланий Рузвельта и Черчилля Сталину (в переводе с английского) могут подтвердить наличие такого метонимического значения. Рузвельт и Черчилль: «Конвои в Россию в сопровождении весьма крупных сил эскадренных миноносцев будут отправляться до самой последней минуты перед началом "оверлорда"». (9.03.44; Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны 1941—1945, т. 2. М., 1983, с. 36).

Черчилль: «Осенью прошлого года я дал указание об отправке в Ваши северные порты цикла конвоев, состоящего из четырех конвоев, в каждый из которых войдет 35 британских и американских судов, причем позднее я смог добавить к первоначальной программе еще два дополнительных полуконвоя в составе 20-ти судов каждый, доведя таким образом общее количество отправляемых судов до 180 единиц, которые, как предполагалось, должны были перевезти 1 миллион дедвейтных тонн груза. Отправка конвоев этого цикла теперь завершена...» (3.05.44; там же, с. 91). (Попутно заметим, что *конвоем* никогда не называли совокупность конвоирующих и конвоируемых людей, т. е. здесь синекдоха не работала, не работал и метонимический перенос: конвоируемых людей не именовали *конвоем*.)

В последние годы *конвоем* стали называть неохраняемые движущиеся объекты. Например: «Российский гуманитарный конвой впервые появился в Югославии зимой 93-го... Путь конвоя проходил через районы боевых действий... Командиру русского конвоя... враждующие стороны выписали охранную грамоту. Даже через "чекпойнты" в горах (заградительные посты) русские проходили в считанные часы, а иным конвоям приходилось стоять сутками» (Аргументы и факты, 1999, № 19). В новостной программе НТВ (19.06.99) сообщалось, что по правилам, существующим для гуманитарных конвоев, они движутся без военной охраны. «Гуманитарный конвой международной организации "Врачи мира" попал под бомбежку...» (Известия, 06.05.99). Это сообщение было озаглавлено: «Медицинский гуманитарный конвой попал под бомбы». Радио России сообщало (03.05.99): «...гуманитарный конвой в Югославию...», а НТВ (27.04.99): «...гуманитарный конвой из Белоруссии...».

Гуманитарными конвоями называют колонны автомашин с гуманитарной помощью и даже самолеты с нею (как, например, в программе НТВ «Герой дня», 16.06.99). Могут так называть и совокупность морских или речных судов с тем же грузом. Итак, *конвой* в этом значении — это «совокупность движущихся неохраняемых транспортных средств, перевозящих гуманитарную помощь». Возможно, в этом значении *конвой* обрел статус омонима к слову *конвой* в прежних значениях. Сочетание слова *конвой* с прилагательным *гуманитарный*, видимо, вызвано необходимостью различения омонимов.

Перейдем к слову *эскорт*. По Далю, это «конвой, прикрытие, военные провожатые». В ТСУ с пометой «воен.»: «Военный конвой, охрана», а *эскортировать*: «Приставлять к кому-чему-н. эскорт для сопровождения, сопровождать кого-что-н. эскортом. *Э. транспорт оружия*». В БАС *эскорт* — «конвой, охрана, сопровождающие кого-, что-либо». Приведен пример из дневника Н. Г. Чернышевского: «...повезли тех, которые сидели в крепости, с эскортом на Семеновский плац...» *Эскортировать* — «сопровождать кого-что-либо как эскорт». Среди примеров цитата из фединского «Похищения Европы»: «[Филипп] провожает Клавдию на пароход, который эскортирует судно с гробом». В МАС *эскорт* — «военный конвой, охрана, сопровождающая кого-, что-л.». *Эскортировать* снабжено пометой *«воен.»* и истолковано как «сопровождать эскортом». В СОШ *эскорт* имеет помету «спец.» и толкуется как в МАС. Примеры употребления: *«морской, воздушный э. Почетный э.»* (последний пример есть и в ТСУ, БАС, МАС). *Эскортировать* в СОШ получает помету «книжн.» и толкуется как в МАС. Пример употребления: «Э. караван судов». БТС толкует *эскорт* по БАС и тоже без всяких помет. Примеры употребления: *«Почетный э. Военный э. Конный э. Э. мотоциклистов. Э. президента»*. *Эскортировать* БТС толкует как МАС (впрочем, все словари следуют здесь за ТСУ). В ССИС *эскорт* — «военный конвой, охрана, прикрытие, сопровождение». В этом словаре имеет свое толкование *почетный эскорт* — «воинское подразделение, используемое для сопровождения глав государств или других госу-

дарственных деятелей и для отдания воинских почестей при погребении военнослужащих». ТСИС следует за толкованием в МАС и СОШ, но в отличие от последнего не снабжает пометами ни *эскорт*, ни *эскортировать*. В СЭС *эскорт* — «воен. конвой, охрана, сопровождение. В ВМФ специально назнач. силы для охранения транспортных судов на переходе морем; возд. Э. — для сопровождения самолетов командования; почетный Э. — для сопровождения почетных гостей, при погребении военнослужащих». В СВЭ *эскорт* — «воинское подразделение (группа самолетов, кораблей), назнач. для сопровождения, охраны (прикрытие)». Содержащееся в скобках может быть понято двояко: как состав воинского подразделения или как другие виды эскорта. В ВЭС *эскорт* — «группа кораблей, самолетов, воинское подразделение, назнач. для охранения (прикрытия) и сопровождения». Здесь двусмысленность, допущенная СВЭ, устранена.

Отметим, что все упомянутые словари определяют *эскорт* через *конвой*, кроме СВЭ и ВЭС. Заметим, что словари, определяющие *эскорт* через *конвой*, добавляют: *военный*, кроме БАС и БТС. Значит, согласно Далю, ТСУ, МАС, СОШ, ССИС, ТСИС, СЭС, сочетание *военный эскорт* — плеоназм, тавтология, а согласно БАС, БТС — нет (в БТС среди примеров употребления есть *военный эскорт*). Поэтому журналист, написавший в «Известиях» (26.05.99) об отказе братьев Хачилаевых «от российского военного эскорта», и устроители выставки фламандских живописцев в Музее изобразительных искусств, переведшие название картины Себастьяна Вранкса как «Путешествие с военным эскортом» и повторившие это сочетание в пояснительной табличке («...путешествие в сопровождении военного эскорта»), по одним словарям, впали в грех тавтологичности, а по другим — нет.

Обратим внимание на то, что ни в лингвистических словарях, ни в энциклопедиях *эскорт* не толкуется как совокупность охраняющих и охраняемых объектов. Такого значения нет у этого слова не только в русском, но и в английском и французском языках. Следовательно, в этих языках *эскорт* не имеет (в отличие от *конвоя*) синекдохического значения.

Как и *конвой*, *эскорт* в лексическом составе имеет сему «движение». Это тоже движущийся объект, охраняющий движущиеся объекты.

В слове *конвой* вряд ли обоснованно принимать за разные значения то, что признается таковыми в ТСУ, БАС, МАС, ССИС, БТС. Не важно, из кого или из чего состоит движущийся охраняющий объект, и не важно, из кого или из чего состоит движущийся охраняемый объект, а важно, что оба объекта в движении и функция первого заключается в охране, сбережении, прикрытии другого. Второе значение у этого слова есть. Оно специальное, терминологическое, возникшее в результате синекдохического переноса названия: «совокупность охраняющих военных кораблей и/или самолетов и охраняемых транспортных и торговых судов».

На присутствии ныне в слове *конвой* того метонимического значения, о котором я говорил и которое бытовало в речи ветеранов, настаивать не стану. Что до возникшего в последние годы (возможно, как семантиче-

ская калька) значения «движущиеся неохраняемые транспортные средства с гуманитарной помощью» — то это, несомненно, самостоятельное значение, которое можно рассматривать либо как третье значение слова *конвой*, либо как значение омонима к слову *конвой*. В пользу последнего допущения свидетельствует выход слова *конвой* в этом значении из смыслового поля «охрана».

По-моему, БАС и БТС верно сделали, убрав из толкования слова *эскорт* признак «военный»: эскорт может состоять из милиционеров, полицейских (которые не имеют отношения к армии, не считаются военнослужащими, ср. толкование слова *военный* в словарях), из частной вооруженной охраны.

В толковании слова *эскорт* во всех упомянутых словарях (кроме СВЭ и ВЭС) присутствует *конвой*. При этом *эскорт* синонимичен слову *конвой* (в 1-м значении), но *конвой* имеет и другие значения, в которых его не заменяет *эскорт*.

В русском языке второй половины XX в. нет сочетания *почетный конвой* (хотя Даль, толкуя *конвоировать*, записал как одну из целей этого действия — «для почести»). Мы не скажем: «Конвой королевы Великобритании». Мы повторяем, не желая модернизировать название, *конвой императора*, когда говорим о казаках, сопровождавших карету Александра II в день его гибели. Современным носителем русского языка это воспринимается как архаика, а может восприниматься и как странность: подконвойный император. Возможно, здесь свою роль сыграл социально-психологический фактор: столько было конвоев (и даже спецконвоев, упомянутых А. И. Солженицыным в «Архипелаге ГУЛАГ») и конвоируемых с 17-го года, что в языковом сознании носителей языка, когда речь идет о людях, *конвой* ассоциируется прежде всего с этой его функцией. Таким образом, сегодня *конвой* (в 1-м значении) не во всех контекстах может заменить *эскорт*, ну вот хоть в таком: «Обычно меры безопасности при охране арбитров минимальны, но на встречах, скажем, "Ромы" и "Лацио" судей сопровождают эскорты» (Известия, 24.07.99).

Литература

Большой толковый словарь русского языка. СПб., 1998.

Военный энциклопедический словарь. М., 1983.

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. СПб., 1905. Т. II, IV.

Крысин Л. П. Толковый словарь иноязычных слов. М., 1998.

Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1997.

Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. М.; Л., 1956. Т. 5; 1965. Т. 17.

Словарь русского языка: В 4 т. 2-е изд. М., 1982. Т. 2; 1984. Т. 4.

Советская военная энциклопедия. М., 1977. Т. 4. 1980. Т. 8.

Советский энциклопедический словарь. М., 1979.

Современный словарь иностранных слов. М., 1992.

Толковый словарь русского языка / Под ред. Д. Н. Ушакова. М., 1935. Т. I; 1940. Т. II.

Е. Н. Ширяев
Москва

ПРЕДЛОЖЕНИЯ ХАРАКТЕРИЗАЦИИ С ДЕЛЕКСИКАЛИЗОВАННЫМИ ГЛАГОЛАМИ

Объектом исследования в этой статье являются предикативные конструкции (предложения), подобные выделенной в таком сложном предложении (они могут выступать и в тексте как предложения): *На сельских улицах пахло гарью: это лежала зола на дороге, которую не разгребали куры, потому что их поели* (А. Платонов). Выделить в предикативной конструкции *Это лежала зола на дороге* формальную структурную схему с ее распространителями и квалифицировать эту структурную схему непросто, хотя, на первый взгляд такая синтаксическая структура весьма прозрачна. Сразу же напрашивается следующее решение: в основе данной предикативной конструкции лежит глагольная схема с простым глагольным сказуемым *лежала* и номинативным подлежащим *зола*. Однако такой «разбор» предикативной конструкции не позволяет, как кажется, удовлетворительно интерпретировать синтаксическую роль местоимения *это*. Оно по своей форме является именительным падежом и занимает инициальное положение в конструкции, что делает его похожим на подлежащее, но эта синтаксическая роль уже отдана существительному *зола*. Видеть местоимение *это* компонентом с объектным значением очевидным образом невозможно. Выход из этих противоречий может быть найден с учетом такого семантико-синтаксического явления, как делексикализация в определенных условиях глагола и приобретение им вследствие этого особых синтаксических функций.

Понятие делексикализованного глагола было широко использовано при исследовании семантико-синтаксической структуры бытийного предложения в [Арутюнова, Ширяев 1983: 26—40]. Позволим себе напомнить некоторые положения на этот счет. Первичной (или, как ее еще называют, изосемической) структурой бытийного предложения является следующая: локализатор (в широком значении этого слова, ср. *в саду, у меня, в его мыслях*) — бытийный глагол-предикат (*есть* во всех его формах, в том числе нулевой и отрицательной — *нет*) — имя бытующего предмета: *В саду есть яблони; У меня дача; В его мыслях есть рациональное зерно; У них нет машины.* На месте бытийного глагола-предиката *есть* могут употреблять-

ся многие другие полнозначные глаголы, функции которых намного шире, чем выражение бытия, и, более того, функция выражения бытия не является для этих глаголов первичной. В бытийных предложениях такие глаголы употребляются тогда, когда они делексикализуются. Делексикализация — это утрата глаголом в строго определенном лексико-семантическом окружении ряда сем и активизация за счет этого других компонентов значения. В бытийном предложении *В центре Костромы стоит пожарная каланча* семантика имени бытующего предмета *каланча* выключает глагол *стоит* из таких противопоставлений, как *стоять—лежать*, *стоять—ходить* и под., и, следовательно, нейтрализует в глаголе *стоять* соответствующие семы. Происходит это по той совершенно очевидной причине, что *каланча* не может ни *ходить*, ни *лежать*. В результате этого на первый план в данных семантических условиях делексикализации у глагола *стоять* «остается» только бытийное значение. В основе явления делексикализации лежит то, что В. Г. Гак называет семантическим согласованием, рассуждая следующим образом: «*Шкаф* обычно занимает вертикальное положение. В предложении *Возле стены стоял шкаф* следует видеть семантическое согласование, так как семантема глагола выражает то, что говорящим заранее известно об обычном положении данного предмета. Одну и ту же информацию получают дважды. В предложении *Возле стены находился шкаф* согласования нет, что никак не отражается на содержании высказывания. Однако если речь идет о таком положении предмета, которое заранее предвидеть невозможно (т. е. о необычном положении предмета либо о предмете, который по природе может занимать разные положения), то в высказывании нет семантического согласования, и устранение семы ведет к обобщению описания, т. е. к изменению содержания высказывания. Например, фразы *Старый шкаф лежал у стены* или *Девушка стояла на берегу реки* не могут быть преобразованы в высказывания *Старый шкаф находился у стены* или *Девушка была на берегу реки* без искажения содержания» [Гак 1972: 380—381].

Делексикализация глагола осуществляется за счет лексической семантики тех компонентов, которые входят в структуру данного предложения, выполняя в нем определенные синтаксические функции. В бытийных предложениях это может быть либо имя бытующего предмета, обозначающее такую реалию, которая в любом месте занимает всегда одно положение: *дом*, например, всегда *стоит*, и это позволяет строить бытийные предложения типа *В центре города стоят высотные дома*, *На окраине города стоят новые коттеджи*, *По берегам реки стояли старые избы*; либо локализатор, обозначающий такое место, в котором предметы могут занимать только одно положение: на *вешалке*, например, все предметы *висят*, отсюда бытийные предложения типа *На вешалке висели пальто и шляпы*; либо делексикализация глагола определяется именем бытующего предмета и локализатором одновременно, например: *На веревке висят простыни* и *В шкафу на полке лежат простыни*.

Предложение *На сельских улицах пахло гарью: это лежала зола на дороге* принадлежит к логико-грамматическому типу предложений характеризи-

ции, первичным способом выражения которого являются либо предложения с глагольным сказуемым (*Он читает лекции в университете*), либо с именным (*Он был профессором университета*). Отличительным свойством предложений с именным сказуемым является наличие в них либо глагола-связки *быть*, в том числе и в нулевой форме: *Он профессор университета*, либо ее эквивалента: *Он является профессором университета*. Функция этих компонентов именного сказуемого — выражение предикативных значений времени и наклонения, лексическое значение именного сказуемого передается его присвязочной именной частью. Глагольным или именным является сказуемое в предложении *Это зола лежала на дорогах*? Если подлежащим считать существительное *зола*, то сказуемым следует считать глагол *лежала* и, следовательно, признать в данном предложении глагольное сказуемое. Однако, как кажется, есть основания характеризовать глагол *лежать* в данных семантических условиях его употребления как делексикализованный, подобный тому, который выступает в бытийном предложении типа *На аллеях парка лежат желтые листья*. Это объясняется тем, что реалия, переданная существительным *зола*, на дороге может только лежать. И именно поэтому данное предложение мало чем по смыслу отличается от предложения *Это была зола на дорогах*, синтаксическая сущность которого вполне очевидна: *Это* — подлежащее-местоимение, *была зола* — именное сказуемое со связкой *была*. При такой трактовке семантико-синтаксической структуры данного предложения снимается вопрос о синтаксическом статусе местоимения *это*, которому ничто не мешает приписать статус подлежащего. Аналогичным образом могут анализироваться такие предложения, как *На побережье шумели сосны. Это дул ветер с моря* (*ветер* с моря обычно *дует*, что и позволяет данный глагол рассматривать как делексикализованный); *В трех шагах стало ничего не видно. Это опустился обычный для здешних мест туман*.

Кроме делексикализованных в семантико-синтаксической структуре предложения возможны неполностью делексикализованные глаголы. Такие глаголы также были выявлены при анализе бытийных предложений. В определенных лексико-семантических условиях глагол может сохранять свое лексическое значение, однако оно таково, что не мешает данному глаголу выполнить бытийную функцию, причем эта функция оказывается у глагола на первом плане. В предложении *В Москве в Останкино возвышается телевизионная башня* утверждается бытие *телебашни*. И, хотя сема «возвышаемости» полностью сохраняется в этом глаголе, она не делает данное предложение характеризующим, предложение осмысляется или, по крайней мере, может быть осмыслено как бытийное. Происходит это потому, что возвышаемость любой телебашни, а тем более Останкинской, над другими строениями — вполне очевидное ее качество, и именно поэтому приведенное предложение может служить ответом на прямой бытийный вопрос: *У вас есть в городе телебашня? — Да, у нас на окраине города возвышается телебашня*. В пользу такой интерпретации данного предложения свидетельствует и порядок слов, и актуальное членение предло-

жения: именно в бытийных предложениях локализатор располагается при нейтральном актуальном членении на первом месте и является темой высказывания, а имя бытующего предмета как рематический компонент располагается в конце высказывания. Для того чтобы сделать предложение характеризующим, служащим ответом, например, на такой вопрос: *У вас в городе телебашня возвышается или она подавлена более высокими сооружениями?* — наиболее подходящим было бы предложение с таким порядком слов: *Телебашня у нас, конечно же, возвышается, выше ее ничего нет.*

В предложениях характеризации неполная делексикализация глагола с утратой им функции характеризующего компонента встречается достаточно часто. Рассмотрим некоторые примеры с такой неполной делексикализацией, чтобы выяснить условия, в которых она происходит.

(1) *...Что это? — Пожар?.. Нет, это восходит луна* (И. Тургенев).

Решающую роль в неполной делексикализации глагола *восходит* в (1) играет семантика существительного *луна*, для которой фазы восхода (а также стояния и захода) вполне обычны и тривиальны. Свою роль в делексикализации глагола играет и контекст: восходящая луна часто бывает похожа на пожар. Неполная делексикализация глагола определяет тождество данного предложения с типично именным *Что это? Пожар? — Нет, это луна.*

(2) *Нам было очень нужно узнать, что это — тетерева бормочут или так кажется. Тут я пыхнул дымом из трубки, и, оказалось, чуть-чуть тянуло с севера. Мы стали слушать на север и вдруг сразу все поняли — то внизу, совсем близко от нас, переливалась вода, напирая на мостик, пела, как тетерев* (М. Пришвин).

В (2) как именные можно рассматривать структуры *...это тетерева бормочут* и *...то внизу, совсем близко от нас, переливалась вода.* Бормотание для тетеревов и переливание для текущей воды — характерные признаки этих реалий, и в данном контексте глаголы получают неполную делексикализацию.

Возможны такие случаи, когда неполная делексикализация глагола целиком определяется предшествующим контекстом:

(3) *Расставя широко ноги, Егорушка подошел к столу и сел на скамью около чьей-то головы. Голова задвигалась, пустила носом струю воздуха, пожевала и успокоилась. От головы вдоль стены тянулся бугор, покрытый овчинным тулупом. Это спала какая-то баба* (А. Чехов).

Контекст, предшествующий предложению *Это спала баба*, не оставляет сомнения, что речь идет именно о спящем человеке. И поэтому глагол *спала* допускает в данном контексте замену на связку *быть* (*Это была баба*). Приведем еще несколько аналогичных примеров.

(4) *У вас клюет... Это, должно быть, большая клюет* (А. Чехов).

Прямой повтор глагола *клевать* явно свидетельствует о его делексикализации во втором предложении и возможности замены связкой: *Это, должно быть, большая (рыба).*

(5) *Вдруг со дна челнока поднялся невидимый нам хозяин, взял весло и повел челнок против волн.*

Мы чуть не вскрикнули от радости, что в этом мире появился человек, и хотя мы знали, что это просто изможденный рыбак уснул в челноке, но не все ли равно... (М. Пришвин), ср.: *Это был просто изможденный рыбак.*

(6) — *Что такое? — спросил его Дымов.*

— *Человек какой-то идет, — ответил Вася.*

— *Где ты его видишь?*

— *Во-он он. Чуть-чуть белеется...*

Там, куда смотрел Вася, не было видно ничего, кроме потемок, все прислушались, но шагов не было слышно.

— *По шляху он идет? — спросил Дымов.*

— *Не, полем... Сюда идет.*

Прошла минута в молчании.

— *А может, это по степи гуляет купец, что тут похоронен, — сказал Дымов.*

Все покосились на крест, переглянулись и вдруг засмеялись: стыдно стало за свой страх.

— *Зачем ему гулять? — сказал Пантелей. — Это только те по ночам ходят, кого земля не принимает* (А. Чехов).

В (6) есть два предложения, которые могут быть преобразованы в именные: *Это был купец, что тут похоронен* и *Это те, кого земля не принимает*. Нетрудно видеть, что такие преобразования заставляют убрать обстоятельственные компоненты *по степи* (*гуляет*) и *по ночам* (*ходят*). Однако это не может, как кажется, служить препятствием для того, чтобы рассматривать выделенные предложения из текста (6) как именные с не полностью делексикализованными глаголами, поскольку им не чужды обстоятельственные компоненты, просто они должны быть переведены из приглагольной позиции в позицию существительного — именного члена сказуемого, ср.: *Это был купец, что похоронен тут, в степи* и *Это были только те, кто по ночам ходит и кого земля не принимает.*

Как уже было сказано, искать особую интерпретацию всех приведенных предложений заставляет наличие в них местоимения *это*. Возможны, вероятно, и такие контексты, в которых и предложения без местоимения *это* могут интерпретироваться как предложения с именным сказуемым. Вот характерный пример:

(7) *Но что это? Ветер внезапно налетел и промчался; воздух дрогнул кругом: уж не гром ли? Вы выходите из оврага... что за свинцовая полоса на небосклоне? Зной ли густеет? туча ли надвигается?.. Но вот слабо сверкнула молния... Э, да это гроза!* (И. Тургенев)

Вопрос-зачин в (7) *Но что это?* явно позволяет последующие вопросительные предложения *Зной ли густеет? Туча ли надвигается?* рассматривать как именные. Для такого решения есть два аргумента. Во-первых, эти предложения легко допускают в свой состав местоимение *это*: *Зной ли это густеет*; *Туча ли это надвигается*. Во-вторых, данные предложения входят в один вопросительный перечислительный ряд с бесспорно именным предложением *Что за свинцовая полоса на небе?*

Таким образом, считаем возможным среди предложений характеризации с именным сказуемым (именных предложений) выделить особую их модификацию со связкой — делексикализованным (полностью или не полностью) глаголом. Делексикализация может осуществляться за счет семантики именного компонента при поддержке контекста или только на основе контекста.

Синтаксическая структура с подлежащим *это* и именным сказуемым с делексикализованным глаголом-связкой с чисто семантической точки зрения может быть интерпретирована следующим образом. За подлежащим *это* скрывается свернутая пропозиция, которая в развернутом виде представлена в предшествующем тексте. Покажем это на нашем исходном примере: *На сельских улицах пахло гарью: это лежала зола на дорогах*, где *это* = **на сельских улицах пахло гарью**. В этом случае семантика рассматриваемой синтаксической структуры может быть представлена так: **то, что на сельских улицах пахло гарью, было следствием того, что на дорогах лежала зола**. Аналогичные интерпретации могут быть предложены и для других рассмотренных примеров. Для (1): **то, что похоже на пожар, свидетельствует о том, что восходит луна**; для (2): **то, что было похоже на бормотание тетеревов, свидетельствовало о том, что переливалась вода**; для (3): **то, что голова задвигалась, пустила носом струю воздуха, пожевала и успокоилась, то, что от головы вдоль скамьи тянулся бугор, покрытый овчинным тулупом, свидетельствовало о том, что это спала баба**. Примеры (4)—(7) интерпретируются так же.

Литература

Арутюнова Н. Д., Ширяев Е. Н. Русское предложение. Бытийный тип: структура и значение. М., 1983.

Гак В. Г. К проблеме семантической синтагматики // Проблемы структурной лингвистики. 1971. М., 1972.

ФОНЕТИКА

С. Ф. Барышева
Москва

«ЭКАНЬЕ» И «ИКАНЬЕ» В РЕЧИ АРТИСТОВ МАЛОГО ТЕАТРА КОНЦА XIX — ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX века

Орфоэпическая ситуация конца XIX—начала XX в. замечательна тем, что именно в этот период происходят два важнейших изменения в русской фонетической системе: в области согласных—изживание позиционной мягкости согласных в позиции перед мягкими согласными, а в области гласных—переход от эканья к иканью. При эканье в первом предударном слоге после мягких согласных различаются гласные верхнего (⟨и⟩) и неверхнего подъема (⟨а⟩, ⟨о⟩, ⟨э⟩): на месте ⟨и⟩ звучит [и], а на месте ⟨а, о, э⟩—[э"] (звук средне-переднего ряда, ясно отличающийся от [и]). При иканье же эти четыре гласных не различаются, нейтрализуясь в одном и том же звуке [и"] (звук переднего ряда, близкий к [и]).

На рубеже XIX—XX вв. начинается процесс смены эканья на иканье. Отметим, что этот процесс касался гласного в первом предударном слоге; во всех других безударных слогах новая, икающая, норма уже господствовала.

В речи артистов Малого театра конца XIX—первой трети XX в. старая (экающая) и новая (икающая) нормы сосуществуют, но в разных соотношениях у разных артистов. Проследим состояние этой нормы в речи артистов разных поколений, отнеся к «первому» поколению Г. Н. Федотову и М. Н. Ермолову, ко «второму»—А. А. Яблочкину, Е. Д. Турчанинову, Н. К. Яковлева, В. Н. Рыжову, А. А. Остужева, П. М. Садовского, к «третьему»—В. Н. Пашенную и Е. Н. Гоголеву. При этом попытаемся определить закономерности выбора произносительного варианта, т. е. круг языковых и внеязыковых факторов, влияющих на этот выбор.

1. Роль фонетических факторов: качество гласной фонемы и твердость/мягкость следующего согласного

Г. Н. Федотова, по словам артиста Малого театра М. Ф. Ленина, категорически не принимала нового, икающего, произношения. Она говорила: «Прикрасные цветы... Откуда у них "прикрасы"—не знаю. Цветы прекрасны! А когда я слышу "кристьяне", то не могу понять—то ли они крестьяне, то ли христиане» [Ленин 1959: 68]. Но в ее сценической речи,

как это видно из чтения монолога Василисы Мелентьевой (из пьесы А. Н. Островского «Василиса Мелентьева»), этот новый — икающий — вариант вовсе не редкость: [и̯ijo'],-[в'и]*ликого*,-[л'и^{э}]*ти*,-к[р' и^{э}/ э^{э}]*сты*. Видно, что новое произношение встречается в позиции перед мягким согласным.

Примеры экающего произношения артистки: *в*_[т'ӭ]*бя*, [т'ӭ]*бе*, [н'э]_*рабскою ногою*, *ц*[в'ӭ]*тными*, *ц*[в'э^{э}]*тное*, *в К*[р'э^{э}]*мле*, [н'э]_*спорь*, [jэ^{э}]*го*, *пог*[л'э^{э}]*дят*.

У **М. Н. Ермоловой** новый вариант представлен шире, чем у Г. Н. Федотовой: в зафиксированных словах перед мягкими согласными он звучит чаще, чем старый. Ср.: [в'ӭн']*чало*, *для*_[с'э^{э}]*бя*; *но* [г'и^{э}]*перь*, *вст*[р'и^{э}]*чаю*, [н'и^{э}]*меет*, даже в книжном, нечастотном слове — [д'и^{э}]*сциу* (впрочем, возможно, здесь проявила себя действующая в начале XX в. тенденция межслоговой ассимиляции гласных). Так же на месте фонемы ⟨а⟩: *ле*[д'и^{э}]*ной*. Перед твердыми согласными вероятность появления обоих вариантов, по-видимому, была одинакова. Ср.: [д'э^{э}]*ржавную*, [jэ^{э}]*го*, *п*[р'э^{э}]*д*_*Вами*, [с'э^{э}]*рдитый*, [м'э^{э}]*ртвит*. Но: [с'и^{э}]*стра*, [л'и^{э}]*жу*, [г'и^{э}]*жущую*, [н'и^{э}]_*стойте*, *об*[л'и^{э}]*гчите* (Ф. Шиллер, Мария Стюарт).

В имеющихся записях сценической речи **А. А. Яблочкиной** при реализации фонем ⟨о⟩ и ⟨э⟩ старая и новая нормы сосуществуют, причем если в позиции перед твердыми согласными соотношение вариантов примерно одинаковое, то в позиции перед мягкими согласными перевес явно на стороне новой, икающей, нормы (иканье представлено в 72% всех слов). На месте фонемы ⟨а⟩[1] появляются три звука: [э^{э}], [и^{э}], [а]. Например, *по*[и^{э}]*сница*, [ч'э^{э}]*са* (*часа*) (А. Корнейчук, Крылья), *по пус*[т'и^{э}]*кам* (А. Н. Островский, Лес) и др. Записи несценической речи артистки (выступления, воспоминания) в целом показывают такое же распределение вариантов, как и в театральной речи: перед твердыми согласными появление обоих вариантов равновероятно; перед мягкими согласными вероятность появления варианта [и^{э}] намного больше (среди всех зафиксированных слов — 85%). Фонема ⟨а⟩ в несценической речи артистки реализовалась в наших записях только в звуке [и^{э}]: *пос*[в'и^{э}]*щенные* (рассказ об экспозиции музея), *с*[в'и^{э}]*тней*, *пот*[р'и^{э}]*сающее*, *пот*[р'и^{э}]*сали* (воспоминания о М. Н. Ермоловой).

Фонемы ⟨о,э⟩ в сценической речи **Е. Д. Турчаниновой** реализуются как в гласных звуках [э^{э}] и [э], так и в гласном звуке [и^{э}]. Здесь так же, как и у предыдущих артистов, прослеживается зависимость появления того или иного звука от качества следующего согласного: в позиции перед твердым согласным старая (экающая) норма более устойчива, появляясь в 55% слов; перед мягкими согласными — лишь в 30%. Фонема ⟨а⟩ перед мягкими согласными также чаще реализуется звуком [и^{э}]. Ср.: *не дог*[л'э^{э}]*дела* (А. Н. Островский, Правда хорошо, а счастье лучше), но: *дво*-[р'и^{э}]*нин*, *к*[н'и^{э}]*гинечка*, *г*[л'и^{э}]*дит*, *в*[з'и^{э}]*ла* (А. С. Пушкин, Русалочка). Не-

[1] Случаи, когда в литературном языке констатируется гиперфонема, рассматриваются в зависимости от буквенного обозначения гиперфонемы: в описание фонемы ⟨о, э⟩ включены все случаи с буквой Е, в описание фонемы ⟨а⟩ — все случаи с буквами А или Я.

сценическая речь артистки показывает несколько бо́льшую расшатанность старой нормы: на месте фонем ⟨э⟩ и ⟨о⟩ перед твердыми согласными она сохраняется в 45% слов, перед мягкими — лишь в 5%. Фонема ⟨а⟩ реализуется в звуке [и°]: [т'и°]*желые*, *пот*[р'и°]*ающе* (воспоминания о М. Н. Ермоловой).

Соотношение старой и новой нормы в речи **Н. К. Яковлева** в целом такое же, как и у рассмотренных выше артистов: перед твердыми согласными это соотношение примерно равное (с небольшим перевесом в сторону эканья, на долю которого приходится 60% проанализированных слов); перед мягкими согласными экающая норма отмечена лишь у 33% слов.

У **В. Н. Рыжовой** не прослеживается зависимость между появлением старого и нового вариантов произношения и твердостью/мягкостью следующего согласного: в обоих случаях иканье наблюдалось в пределах 53—54% от общего числа произнесений. Фонема ⟨а⟩ чаще реализовалась в звуке [и°]. Отмечено несколько случаев появления на месте этой фонемы звука [ä], все — при замедленном темпе: [л'ä]*гушечье*, *во*[д'ä]*ной* (К. Паустовский, Наш современник). Звучание гласного в описываемой позиции в собственной речи В. Н. Рыжовой: «Дорогие друзья! [с'и°]годня мне исполнилось де[в'э]носто два года. И я хочу записать сцену из "Горя от ума" с сыном и внучкой Таней. Я хочу пос[в'и°]тить эту запись мо[э]му дорогому, го[р'э°]чо любимому Малому [т'и°]атру».

А. А. Остужев на месте фонем ⟨о, э⟩ в первом предударном слоге после мягких согласных перед твердыми чаще произносит звуки [э] и [э°] — а именно в 70% всех слов. Менее устойчиво эканье в позиции перед мягкими согласными, где оно представлено в 55% случаев. Но вместе с тем это самый высокий показатель экающего произношения из всех анализируемых нами произношений артистов Малого театра. Фонема ⟨а⟩ реализуется не только звуками [э°] и [и°] (при этом перед мягкими согласными чаще появляется последний), но и звуками [ä], [á]: *г*[л'ä]*деть* (А. С. Пушкин, Скупой рыцарь), [п'á]*тою* (М. Ю. Лермонтов, Смерть поэта).

У **П. М. Садовского** в имеющихся записях старая (экающая) норма более устойчива опять-таки перед твердыми согласными (41% всех произнесений), менее — перед мягкими (27%). В целом же, как видим, данная норма в речи П. М. Садовского, по-видимому, была значительно расшатана. Распределение вариантов [и°] и [э°] на месте фонемы ⟨а⟩ примерно равное и не зависит ощутимо от твердости/мягкости следующего согласного.

Записи **В. Н. Пашенной** показывают довольно сильную расшатанность старомосковского (экающего) произношения: на месте фонем ⟨о, э⟩ перед твердыми согласными процент эканья составляет 31% от общего числа произнесений, а перед мягкими он еще меньше — 12%.

Примерно такое же соотношение старой и новой норм в разных фонетических позициях и в сценической речи **Е. Н. Гоголевой**: перед твердыми согласными эканье представлено в 35%, перед мягкими — в 22%. Фонема ⟨а⟩ реализуется в двух вариантах: [и°] и [э°], причем перед мягкими согласными во всех словах встретилась только новая (икающая) норма.

Таким образом, прослеживается явная зависимость распределения эканья и иканья от качества следующего согласного, а именно его твердости или мягкости: процент эканья перед твердыми согласными всегда выше, чем перед мягкими согласными, причем в большинстве случаев эта разница значительна. Кроме того, анализ сценической речи артистов Малого театра подтверждает вывод Р. И. Лихтман о том, что «для сценической речи характерна особая реализация фонемы ⟨а⟩: 1) в отличие от ⟨о⟩ и ⟨э⟩ она почти не реализуется в звуке |э|, 2) в качестве ее варианта иногда может выступать звук |а|»[2] [Лихтман: 1986, 69]. Действительно, приоритет варианта [и^{э}] при реализации ⟨а⟩ отмечен у А. А. Яблочкиной, Е. Д. Турчаниновой, В. Н. Рыжовой, В. Н. Пашенной и Е. Н. Гоголевой. Но такое явное преобладание наблюдается не всегда: у Н. К. Яковлева и П. М. Садовского соотношение вариантов [и^{э}] и [э^{э}], реализующих фонему ⟨а⟩, примерно равное, а у А. А. Остужева — чаще, хотя и не намного, фонема ⟨а⟩ реализуется в старом — экающем — варианте. Отметим в связи с этим, что у А. А. Остужева прочнее, чем у других артистов, удерживался старый вариант и на месте фонем ⟨о, э⟩. Фонема ⟨а⟩ реализовывалась в звуке [ä] в речи А. А. Яблочкиной, В. Н. Рыжовой, А. А. Остужева (примеры см. выше).

2. Роль темпа произнесения

В речи практически всех артистов прослеживается тесная связь между произношением предударного гласного и темпом произнесения текста или отдельного слова. Мы рассмотрели три разновидности темпа: замедленный, средний, быстрый. При каждом темпе произнесения экающая и икающая нормы сосуществуют, но распределение их неодинаково при разных темпах речи. За исключением данных Е. Д. Турчаниновой, процент употребления старого (экающего) варианта последовательно уменьшается по мере возрастания темпа произнесения.

3. Другим фактором, стимулирующим появление варианта [э^{э}] (э), является **смысловое подчеркивание, акцентирование слова, его выделение, эмоциональность, экспрессивность произнесения**. Анализ материала показал, что процент иканья при отсутствии акцентного выделения[3] слова выше, чем при его наличии, практически у всех артистов. Исключением явилось произношение М. Н. Ермоловой, у которой произнесение без подчеркивания слова во фразе уменьшает процент употребления иканья. Возможно, это случайный результат чтения небольшого отрывка — при большем языковом материале соотношение двух произносительных норм могло бы оказаться другим.

4. Роль ритмической организации текста

Действие данного фактора можно проследить на речи А. А. Остужева, у которого в стопном ритмическом стихе на эканье приходится 71%

---

[2] |э| — звуки [э] и [э^{э}], |а| — звуки [ä], [ä].

[3] Термин «акцентное выделение слова» используется в трактовке Т. М. Николаевой [Николаева 1982: 3].

всех случаев, в дольнике — 67%, в прозаических текстах — 57%. Таким образом, в речи А. А. Остужева наблюдается снижение экающего произношения по мере уменьшения ритмичности текста.

5. Анализ сценической речи В. Н. Пашенной выявил еще один фактор, влияющий на варьирование описываемой произносительной нормы. Это сам **характер роли, т. е. особенности характера, мировоззрения того или иного персонажа, которые отражаются в его речи**. Правда, варьирование эканья и иканья в зависимости от характера роли проявляется у В. Н. Пашенной только в позиции гласного перед твердым согласным. Перед мягкими согласными, независимо от изображаемого лица, артистка последовательно «йкает». Покажем разное распределение вариантов в позиции перед твердыми согласными в разных ролях артистки. В роли Евгении из пьесы А. Н. Островского «На бойком месте», где артистка изображает бойкую, живую женщину, в описываемой позиции в 100% случаев звучит новая (икающая) норма. В роли Вассы Железновой соотношение вариантов примерно одинаковое. В роли же Мурзавецкой (А. Н. Островский, Волки и овцы) вариант [э"] (э) явно преобладает, он звучит в 68% слов. Характеры двух последних героинь отличаются силой, властностью; речь их размеренна, неторопliва. Звучание гласных полновеснее, отсюда и их бо́льшая открытость. По-видимому, эканье и иканье в этих случаях можно обозначить как характерологическую произносительную черту данных персонажей.

6. Роль стилистической окраски слова

Имеющийся у нас произносительный материал не обнаруживает закрепленности эканья за словами книжными, терминологическими, а иканья — за словами бытовыми, обиходными. У одного и того же артиста, иногда при исполнении одной и той же роли, наблюдается варьирование двух произносительных норм в одном и том же «обиходном» слове. Например: Е. Д. Турчанинова: *при*[б'э"]*гал* и [б'и']*гу* (А. С. Пушкин, Русалка); Н. К. Яковлев: [н'э"]*лъзя* и [н'и']*лъзя*; [н'э"]*много* и [н'и']*много* и др. (А. Н. Островский, Бедность — не порок); А. А. Остужев: [м'ё]*ня* и [м'и']*ня*; *в*[с'и']*гда* и *в*[с'э"]*гда*; *п*[л' ё]*чо* и *за п*[л'и']*чом*, [и̯э"во] и [и̯и']*во*] (Л. Н. Толстой, Хаджи-Мурат); П. М. Садовский: *у*_[т'э"]*бя*, [т'ё]*бя* и *у*_[т'и']*бя* (А. Н. Островский, Лес).

Выводы

Соотношение произносительных вариантов:

1) в общелитературном и сценическом произношении гласного в первом предударном слоге после мягких согласных был гласный [э"]. Новый вариант [и'], как отмечали фонетисты начала XX в., слышался в основном в речи молодого поколения, но, по-видимому, новый (йкающий) вариант имел более широкие границы употребления. Об этом свидетельствует и сценическая (образцовая) речь уже «первого» поколения артистов Малого театра; Г. Н. Федотова, последовательно произносящая [э"] (э) в позиции перед твердым согласным, довольно часто (в половине за-

фиксированных слов) употребляет новую норму перед мягкими согласными. А в записях М. Н. Ермоловой уже варьируется произношение не только перед мягкими согласными (где чаще звучит новый вариант), но и в позиции перед твердыми согласными;

2) в речи артистов разных поколений:

— из артистов «первого» поколения наиболее последовательна в экающем произношении Г. Н. Федотова, чем М. Н. Ермолова;

— из артистов «второго» поколения наиболее последовательно соблюдали данную старомосковскую норму А. А. Остужев и В. Н. Рыжова. При этом все артисты показали большую устойчивость старой нормы перед твердыми согласными, где на экающий вариант в целом приходится от 50 до 60% всех произнесений. Перед мягкими согласными он появляется уже от 30 до 50% всех случаев;

3) в сценическом и несценическом произношении:

и у А. А. Яблочкиной, и у Е. Д. Турчаниновой наблюдается более частая реализация гласной фонемы в звуке [и^э] в несценической речи, и особенно явно это различие наблюдается в позиции перед мягкими согласными.

Увеличение случаев экающего произношения в сценической речи может быть объяснено несколькими причинами:

а) для сценической речи характерен полный стиль произношения и, соответственно, несколько бóльшая полнота образования гласных;

б) возможно, на увеличении вариантов [э"] (э) в сценическом произношении сказалось стремление артистов быть более последовательными в соблюдении данной нормы, чем это присуще их собственной, несценической речи.

Литература

Ленин М. Ф. 50 лет в театре. Театральные мемуары. М., 1959.

Лихтман Р. И. О безударных гласных в сценическом произношении. М., 1986.

Николаева Т. М. Семантика акцентного выделения. М., 1982.

Е. Л. Бархударова
Москва

СТРУКТУРНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ФОНЕМЫ В СВЕТЕ КОНЦЕПЦИИ М. В. ПАНОВА О ДВУХ ТИПАХ ФОНЕТИЧЕСКИХ СИСТЕМ

В статье М. В. Панова «О двух типах фонетических систем» изложены методологические принципы структурного анализа звукового строя языка. Рассматривая соотношение парадигматического и синтагматического планов в фонетической системе, М. В. Панов указывает, что оно может быть различным в различных языках, а также в одном и том же языке в различные периоды: «...в одни эпохи изменения фонетической системы определяются синтагматическими закономерностями, в другие — верховодит парадигматика» [Панов 1977: 20].

Опираясь на это положение, М. В. Панов разделяет все языки по особенностям их звукового строя на преимущественно парадигматические и преимущественно синтагматические. Звуковая система языков первого типа характеризуется преобладанием парадигматических закономерностей, а звуковая система языков второго типа — преобладанием закономерностей синтагматических [Панов 1977]. Разумеется, преобладание той или иной закономерности не означает ее абсолютного господства: именно поэтому при определении характера звукового строя языка добавляется слово *преимущественно*.

М. В. Панов объясняет обозначенное им типологическое разграничение языков действием в языке одновременно двух тенденций: тенденции к отождествлению и тенденции к разграничению единиц. «Парадигматика определяется необходимостью отождествлять единицы, синтагматика — необходимостью их разграничивать» [Панов 1977: 23]. При этом одна из закономерностей является основной, решающей, а вторая — побочной, второстепенной [там же: 24]. Однако действуют они всегда вместе. Очевидно, что сосуществование двух разнонаправленных закономерностей в любой фонетической системе исключает возможность ее однозначной оценки.

Анализ звукового строя языков с различным соотношением парадигматики и синтагматики подтверждает неправомерность абсолютизации

роли парадигматических или синтагматических закономерностей в фонетической системе. Безусловно, в преимущественно парадигматических и преимущественно синтагматических языках разную роль играют два различных типа чередований, обозначенных в книге Р. И. Аванесова «Фонетика современного русского литературного языка» [Аванесов 1956].

Как известно, Р. И. Аванесов предлагал различать параллельный и пересекающийся типы позиционной мены звуков, отмечая, что первый тип не связан с нейтрализацией и определяет лишь не приводящее к ней позиционное варьирование, а второй — связан с нейтрализацией, когда две или несколько фонем совпадают в звучании. Р. И. Аванесов указывал, что фонетическим системам некоторых языков «преимущественно свойственны чередования первого типа, в значительной же части языков в той или иной степени имеют место оба эти типа позиционных чередований, образуя более сложную фонетическую систему» [Аванесов 1956: 23]. Деление языков на преимущественно парадигматические и преимущественно синтагматические позволяет уточнить это положение: параллельный тип присущ всем фонетическим системам, пересекающийся тип — малозначим для систем преимущественно синтагматического характера и играет важную роль в системах преимущественно парадигматического характера.

Наличие большого количества звуковых чередований пересекающегося типа в русском языке очевидно и определяет как его преимущественно парадигматический характер, так и парадигматическое устройство русских фонем, которое нашло отражение в учении Р. И. Аванесова о фонемном ряде [Аванесов 1956], концепции парадигмо-фонемы, выдвинутой М. В. Пановым [Панов 1967], и концептуальном понятии парадигмы фонемы, разработанном К. В. Горшковой [Горшкова 1980]. Использование последнего понятия позволяет описать звуковой строй языка в парадигматическом и синтагматическом планах без противопоставления на одном фонемном уровне двух единиц: фонемного ряда и сильной и слабой фонем [Аванесов 1956], парадигмо-фонемы и синтагмо-фонемы [Панов 1967].

Парадигма фонемы представляет собой «иерархически организованную систему единиц, связанных отношением позиционной мены в пределах морфемы» [Горшкова 1980: 80]. Она состоит из нескольких членов, главного и неглавных, сильного и слабых.

Например, парадигму фонемы ⟨б⟩ образуют сильный член парадигмы ⟨⟨б⟩⟩, который связан с появлением фонемы в абсолютно сильных позициях (*грибы* [грибы́]), и слабые члены парадигмы ⟨⟨$б_1$⟩⟩, ⟨⟨$п_2$⟩⟩, ⟨⟨$п_3$⟩⟩, которые соответственно выступают в позициях: 1) сильных по глухости-звонкости, но слабых по твердости-мягкости (*грибной* [гр'ибно́й], *грибник* [гр'ибни́к]); 2) сильных по твердости-мягкости, но слабых по глухости-звонкости (*гриб* [гри́п]); 3) слабых как по твердости-мягкости, так и по глухости-звонкости (*грибковый* [гр'ипко́въй]). В области русского консонантизма анализ парадигм фонем предполагает учет их нейтрализации, прежде всего, по глухости-звонкости и твердости-мягкости, что определяет типологические особенности парадигм русских согласных.

В общее описание парадигматического устройства согласных фонем русского языка должен быть также включен материал, связанный с их нейтрализацией по месту и способу образования (ср. *вы*[с]*окий* — *вы*[ш:]*ий*, *нахо*[д']*ить* — *нахо*[ч':]*ивый*). Особо необходимо рассмотреть явление нейтрализации согласных с нулем (ср. *францу*[з]*ы* — *францу*[ск']*ий*). В целом исследование показывает, что парадигматическое устройство имеют все согласные фонемы и их парадигмы насчитывают от двух до семи членов [Бархударова 1999].

В области русского вокализма анализ парадигм фонем связан с учетом нейтрализации гласных в результате их редукции. Парадигматическое описание русского вокализма, так же как и парадигматическое описание русского консонантизма, определяет почти все его основные структурные черты.

Незначительная роль позиционной мены звуков пересекающегося типа в фонетических системах преимущественно синтагматического характера не означает полного отсутствия такой мены. Существование позиционной мены звуков, приводящей к нейтрализации, делает возможным описание парадигм некоторых фонем в языках синтагматического звукового строя, к числу которых относятся, например, испанский, английский и венгерский языки.

Так, приводящая к нейтрализации позиционная мена носовых согласных по месту образования в испанском языке отражает устройство парадигм испанских носовых сонорных ⟨m⟩ и ⟨n⟩: соответственно ⟨⟨m⟩⟩//⟨⟨n_1⟩⟩ (*presu*[m]*ir* '*предполагать*' — *presu*[n]*cion* '*предположение*') и ⟨⟨n⟩⟩//⟨⟨n_1⟩⟩ (*u*[n] *árbol* '*дерево*' — *u*[m] *vaso* '*стакан*'). Связанная с нейтрализацией позиционная мена [z]//[s] (*borders* ['bɔ:dəz] '*границы*' — *books* [buks] '*книги*') и [d]//[t] (*lived* [lĭvd] '*жил*' — *finished* ['fĭnĭʃt] '*кончил*') в английском языке позволяет утверждать наличие парадигматического устройства у английских фонем ⟨s⟩, ⟨z⟩, ⟨t⟩, ⟨d⟩.

В несколько большей степени звуковые чередования, приводящие к нейтрализации, определяют черты венгерского консонантизма. Парадигмы ряда венгерских фонем содержат по три члена. К числу таких фонем относятся, например, ⟨s⟩ и ⟨z⟩, устройство парадигм которых может быть обозначено следующим образом: ⟨⟨s⟩⟩ // ⟨⟨s_1⟩⟩ // ⟨⟨$ʃ_2$⟩⟩ и ⟨⟨z⟩⟩ // ⟨⟨s_1⟩⟩ // ⟨⟨$ʃ_2$⟩⟩. Наличие слабых членов в составе парадигм данных фонем обусловлено нейтрализациями 1) по глухости-звонкости: *né*[z]*ni* '*смотреть*' — *né*[s]*tük* '*мы смотрели*'; 2) по месту образования: *bányá*[s] '*шахтер*' — *bányá*[ʃʃ]*ag* '*шахтерское дело*', *há*[z] '*дом*' — *há*[ʃʃ]*ot* '*ряд домов*'.

Таким образом, в фонетических системах преимущественно синтагматического характера есть закономерности, которые не могут быть рассмотрены в рамках чисто синтагматического описания. Для их правильного освещения необходим парадигматический анализ, который дает возможность утверждать, что парадигматическое устройство фонем имеет место не только в языках со звуковым строем преимущественно парадигматического характера.

Вместе с тем следует отметить, что, в отличие от систем с главенствующей ролью парадигматики, в системах, где основную роль играет синтагматика, парадигматическое устройство обычно характеризует небольшое количество фонем, а иногда о наличии парадигм у фонем можно говорить лишь в единичных случаях. Парадигмы фонем насчитывают небольшое число членов и довольно редко представлены в границах конкретных морфем.

Отсутствие парадигм, а также их ограниченность компенсируются в системах преимущественно синтагматического характера запретами на сочетаемость определенных фонем или на употребление некоторых фонем в конкретных позициях. Так, например, в испанском языке губная носовая ⟨m⟩, среднеязычная носовая ⟨ñ⟩ и среднеязычная боковая ⟨λ⟩ невозможны в абсолютном конце слова. В английском языке ограниченную дистрибуцию имеют многие фонемы, в том числе ⟨h⟩, ⟨r⟩, ⟨j⟩, ⟨w⟩, ⟨ŋ⟩. В венгерском языке также немало случаев синтагматической обусловленности употребления фонем.

Следует подчеркнуть, что фонетическая невозможность сочетания звуков и фонологическая невозможность сочетания фонем — явления совершенно разного порядка. В русском языке невозможно сочетание звуков [з] и [к], но возможно сочетание фонем ⟨з⟩ и ⟨к⟩, например в словоформе *ска*⟨зк⟩*а*. В английском языке невозможно как сочетание звуков [h] и [l], так и сочетание фонем ⟨h⟩ и ⟨l⟩, в связи с чем носители английского языка на начальном этапе обучения русскому языку произносят такие слова, как *хлеб*, со звуком [k]: [k]**леб*. (Звездочка указывает на ошибочный вариант произношения.)

Подобно тому как преимущественно синтагматический характер фонетической системы не исключает возможности парадигм у некоторых фонем, преимущественно парадигматический характер фонетической системы не означает запрета на синтагматические закономерности, которые не могут быть проанализированы в рамках парадигматического описания. Несмотря на то что звуковой строй русского языка является преимущественно парадигматическим, для некоторых русских фонем характерна ограниченная сочетаемость, обусловленная их «чисто» синтагматическими свойствами, не соотносимыми с устройством их парадигмы.

Так, например, в русском языке не сочетаются не только звуки [л'] и [л], но и фонемы ⟨л'⟩ и ⟨л⟩. Только твердые губные фонемы возможны в позиции перед [ш]: мягкие губные фонемы не употребляются в этой позиции (ср. *ле*[в]*ый* — *ле*[фш]*а*, *поги*[б]*ать* — *поги*[пш]*ий*). В этих случаях нет позиционной мены звуков пересекающегося типа и поэтому несочетаемость звуков отражает несочетаемость фонем.

Показательным представляется анализ возможности сочетания фонем ⟨р⟩ и ⟨р'⟩ в современном русском литературном языке. Фонетическая невозможность сочетания звуков, являющихся основными представителями соответствующих фонем, очевидна, поскольку твердые дрожащие не сочетаются с мягкими [Панов 1967: 99]. Вместе с тем достаточно долго

в русском языке не было словоформ, в которых фонемы ⟨р⟩ и ⟨р'⟩ находились бы рядом. Следовательно, их сочетаемость была ограниченной.

В настоящее время появились основания рассматривать такие примеры, как *контрреволюция* и *контрреформация*, не в качестве сочетания слов, а в качестве единого слова. Для того чтобы представить себе изменения, которые в этом направлении произошли в фонетической системе, следует сравнить рекомендации «Орфоэпического словаря русского языка» (под ред. Р. И. Аванесова) [Орфоэпический словарь 1987] и «Словаря трудностей русского произношения» М. Л. Каленчук и Р. Ф. Касаткиной [Каленчук, Касаткина 1997]. Если в первом словаре в упомянутых примерах допускается только произношение [рр'], то в соответствии с указаниями второго словаря разрешается сосуществование вариантов: *конт*[рр']*еволюция* и *конт*[р']*еволюция*, *конт*[рр']*еформация* и *конт*[р']*еформация*.

Очевидно, что произношение [рр'] однозначно свидетельствует о стыке слов, поскольку позиция для дрожащих перед последующими дрожащими — слабая по твердости-мягкости [Панов 1967: 99]. На стыке же слов допускается любое сочетание звуков, кроме сочетания, невозможность которого определяется запретами в позициях абсолютного конца и абсолютного начала слова.

Произношение [р'], напротив, позволяет рассматривать каждый из указанных примеров как одно слово, в котором фонема ⟨р⟩ (ср. *конт*[р]*удар*) в позиции перед [р'] реализуется нулем звука. Сочетание фонем ⟨рр'⟩ из запрещенного становится разрешенным в рамках фонетического слова, а парадигма фонемы ⟨р⟩ приобретает новый член, выступающий в позиции, где эта фонема нейтрализуется с нулем.

Разбор таких примеров, как *контрреволюция* и *контрреформация*, позволяет показать, что синтагматическая обусловленность употребления фонемы и парадигматическое устройство фонемы соотносимы. Ограниченная дистрибуция фонем создает потенциальные возможности для расширения уже существующих парадигм фонем, а также для появления новых. Возникновение хотя бы одной пары словоформ с соответствующей позиционной меной звуков превращает синтагматическое явление в парадигматический элемент структуры фонемы.

Таким образом, как парадигматическое устройство фонемы, так и синтагматическая обусловленность ее употребления относятся к языковой системе и отражают глубинные структурные свойства фонемы. Роль двух названных феноменов в звуковом строе языка определяет его характер — преимущественно парадигматический или преимущественно синтагматический.

Литература

Аванесов Р. И. Фонетика современного русского литературного языка. М., 1956.

Бархударова Е. Л. Русский консонантизм: типологический и структурный анализ. М., 1999.

Горшкова К. В. О фонеме в языке и речи // Slavia orientalis. Warszawa, 1980. DXXIX. №1/2.

Каленчук М. Л., Касаткина Р. Ф. Словарь трудностей русского произношения. М., 1997.

Орфоэпический словарь русского языка: Произношение, ударение, грамматические формы. М., 1987.

Панов М. В. Русская фонетика. М., 1967.

Панов М. В. О двух типах фонетических систем // Проблемы лингвистической типологии и структуры языка. Л., 1977.

С. Н. Борунова
Москва

ВЗГЛЯД НА ПРОБЛЕМУ ПОБОЧНОГО УДАРЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ
(ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

Отражение побочного ударения (далее ПУ) в лексикографической практике имеет свою традицию. ПУ отмечается, например, в таких словарях, как «Русское литературное ударение и произношение» [1955] и «Русское литературное произношение и ударение» [1959] под ред. Р. И. Аванесова и С. И. Ожегова, «Грамматический словарь русского языка» А. А. Зализняка [1977], «Орфоэпический словарь русского языка» под ред. Р. И. Аванесова [1983; 1989], «Словарь ударений для работников радио и телевидения» [Агеенко, Зарва 1984]. Общим принципом для изданий, отражающих не только ПУ, но и произношение иноязычной лексики, является различие в форме подачи нормативных произносительных рекомендаций для сложных, сложносокращенных слов, а также некоторых приставочных образований, с одной стороны, и для простых заимствованных слов — с другой. Первые сопровождаются указанием на ПУ, вторые — указанием на возможность произнесения нередуцированных гласных (если это характерно для слова), например: сто̀кра́т, но [со]*кра́т*.

Иная форма подачи этого материала принята в «Словаре трудностей русского произношения» М. Л. Каленчук и Р. Ф. Касаткиной [1997]. Авторы словаря относят сложения к подсистеме, аналогичной по вокализму подсистеме заимствованных слов, и вместо ПУ, традиционно обозначаемого знаком «гравис» (`), указывают просто на отсутствие в них редукции гласного, как и в заимствованиях, поскольку видят в них одно и то же явление. При этом они исходят из того, что физические (акустические) характеристики нередуцированных гласных (интенсивность, длительность, частота основного тона), в частности, гласного [о] в парах *болеро* и *бормашина* и т. п. в их эксперименте совпадают [Каленчук, Касаткина 1993; 1996]. Проиллюстрируем форму подачи, принятую в словаре, несколькими примерами (во всех этих словах отмечено одно ударение):

болеутоля́ющий [бо]*ле-* и [бъ]*ле-*
легкоатле́т [л'е]*гко-* и [л'и]*гко-*

мажордо́м *м*[а]*жордо́м* и *м*[ъ]*жордо́м*; *маж*[о]*рдо́м* и *маж*[а]*рдо́м*.

Приведенный материал вызывает сомнение в нормативности предлагаемых рекомендаций, многие из которых отражают произношение, обусловленное исключительно текстовыми факторами и вряд ли уместное в нормативном словаре. Едва ли не больше таких «экзотических» вариантов в словарных статьях, где представлен первый компонент сложения, повторяющийся в группе слов (в так называемой «шапке»), и отмечается возможность его произнесения с ПУ «в определенных условиях во фразе» (на самом деле условия не определены. — *С. Б.*). Например, *лѐгкоплáвкий, лѐгкомы́сленность*. На наш взгляд, при работе над нормативным словарем необходимо ориентироваться на исходную форму слова, выступающую при его изолированном произнесении, поскольку именно с ней связывается представление носителей языка о его типичной ритмике (ср. [Каленчук, Касаткина 1996: 41]).

За недостатком места отошлем читателя к указанному словарю и предоставим самому решать, какие рекомендации и сколько вариантов произнесения ему предлагают авторы, для которых, как можно судить по примерам, все варианты в приведенных словарных статьях равноправны. Нам же важно отметить только факт смешения разных, по нашему мнению, явлений, тем более что акустически, в каких случаях ПУ, а в каких просто отсутствие редукции гласного или даже безударный редуцированный гласный, на наш взгляд, недоказуемо. Этот вывод мы делаем на основании собственного компьютерного исследования и сопоставительного анализа физических характеристик побочного и главного ударений, безударных нередуцированных и редуцированных гласных, с учетом работ по русскому ударению и его восприятию [Борунова 1995; 1997].

При существовании разных точек зрения на проблему ПУ важно сформулировать принципы, на которые можно опираться в лексикографической работе (они либо не попадают в поле зрения Каленчук и Касаткиной, либо не принимаются ими во внимание). Нормативное ПУ, на наш взгляд, является особенностью конкретного слова, сложного по своей структуре или имеющего некоторые приставки русского или иноязычного происхождения (*лѐсозаготóвки, свѐрхзадáча, кóнтрнаступлéние*). ПУ обладает способностью так же ритмически организовывать первый компонент сложения, как обычное словесное ударение организует простое слово. Таким образом, одна лексема, одно грамматическое слово, имеющее ПУ, представляет собой два фонетических: [àфтъ]*бáза*, [нарòдъ]*населéние* (возможно и вариативное произношение первого компонента в одном и том же слове или в разных словах, ср. произношение частей *авто-* и *народо-* без ПУ: [афта]*бáза*, [нъръда]*влáстие*) [Аванесов 1955: 577; 1956: 113—114; 1974: 112; Реформатский 1967: 292; Панов 1967: 182]. Гласный под ПУ не подвергается качественной редукции, но не всякое отсутствие редукции гласного отождествляется с наличием ПУ, а только такое, которое сопровождает семантически значимый отрезок слова (*прòфбилéт*,

спѐцко́р) [Реформатский 1937: 83; Зиндер 1979: 265; Светозарова 1982: 129]. Поэтому отсутствие качественной редукции безударного гласного в заимствованиях, не членящихся на морфемы ([со]*кра́т*, [по]*э́т*, [парв'е]*ню́*), представляет собой явление другого порядка, возможное в фонетической подсистеме заимствованных слов, что оценивается носителями акающего вокализма как чужеродное. Это же отличает иноязычные слова от односложных лексических единиц русского происхождения: предлогов, союзов, частиц, местоимений (*сквозь, но, чтоб, вот, мой, он* и т. п.), имеющих, по нашему мнению, ПУ (ср. [Гвоздев 1949; Высотский 1977]; подробнее об этом см. [Борунова 1995; 1997]). Произношение *ст*[о̀]*кра́т*, *ст*[о̀]*пудо́вый*, *ст*[о̀]*у́стый*, *т*[э̀]*хре́д*, *сп*[э̀]*цку́рс*, *св*[э̀]*рхсро́чный* так же нейтрально и естественно при акающем вокализме, как и произношение [мо̀й] *са́д*, [но̀ бы], так же не требует усилий со стороны говорящего и не замечается слушающим, в отличие от произношения [поэ́т], [р'е]*вю́*, [бол'е]*ро́б*].

Все вышеизложенное касается интерпретации отсутствия редукции гласных, функции которого под ударением и в безударных позициях различны. Рассмотренные принципы легко применимы в лексикографической практике. Трудность же представляет различение гласных под ПУ и редуцированных безударных гласных в сложных заимствованных словах с ослабленной степенью членимости. Для обозначения проблемы ограничимся несколькими примерами слов, являющихся кальками с немецкого. Сложения *кронглас* и *флинтглас* имеют общий связанный компонент *-глас* со значением «оптическое стекло». Оставшиеся в результате вычленения компонента *-глас* компоненты *крон-* и *флинт-* не повторяются в других словах в русском языке, поэтому степень членимости этих слов значительно ослаблена, хотя установить значение их первых частей на основании толкования слов возможно. На наш взгляд, в данном случае можно говорить не о наличии ПУ в компоненте *крон-*, а об отсутствии редукции гласного [о]. Слова *кронпринц* и *кронпринцесса* с другим значением компонента *крон-*, по нашему мнению, имеют ПУ, поскольку вторые компоненты в них представляют собой самостоятельные слова, а лексическое значение первого компонента легко восстанавливается из толкования сложения. Слова *гофмаршал* и *гофмейстер* представляют разный характер членения. Если первое слово состоит из связанного компонента *гоф-* и свободного корня *маршал*, то второе имеет тот же связанный первый компонент и словообразовательный суффиксальный морф *-мейстер* (в соответствии с [Русская грамматика 1980]), повторяющийся во многих заимствованных словах — *шталмейстер, брандмейстер, концертмейстер*. Это позволяет считать, что в сложном слове *гофмаршал* наблюдается ПУ на гласном [о], а в простом слове *гофмейстер* при наличии вариантов произношения (с редукцией и без редукции гласного в первом морфе) следует признать существование варианта с безударным нередуцированным гласным [о]. Этими представлениями руководствовались авторы «Орфоэпического словаря русского языка» при выработке нормативных рекомендаций по ПУ в сложениях разного типа и некоторых приставочных образованиях.

Литература

Аванесов Р. И. Сведения о произношении и ударении // Русское литературное ударение и произношение / Под ред. Р. И. Аванесова и С. И. Ожегова. М., 1955.

Аванесов Р. И. Фонетика современного русского литературного языка. М., 1956.

Аванесов Р. И. Русская литературная и диалектная фонетика. М., 1974.

Агеенко Ф. Л., Зарва М. В. Словарь ударений для работников радио и телевидения. М., 1984.

Борунова С. Н. Фонетические признаки побочного ударения в связи с общими проблемами ударения // Русистика сегодня. 1995. № 4.

Борунова С. Н. Проблемы побочного (дополнительного) ударения в современном русском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1997.

Высотский С. С. Звук речи в контексте // Диалектологические исследования по русскому языку. М., 1977.

Гвоздев А. Н. О фонологических средствах русского языка. М.; Л., 1949.

Зализняк А. А. Грамматический словарь русского языка. М., 1977.

Зиндер Л. Р. Общая фонетика. М., 1979.

Каленчук М. Л., Касаткина Р. Ф. Побочное ударение и ритмическая структура русского слова на словесном и фразовом уровне // Вопросы языкознания. 1993. № 4.

Каленчук М. Л., Касаткина Р. Ф. Просодия слова и побочное ударение // Просодический строй русской речи. М., 1996.

Каленчук М. Л., Касаткина Р. Ф. Словарь трудностей русского произношения. М., 1997.

Орфоэпический словарь русского языка: Произношение, ударение, грамматические формы / Под ред. Р. И. Аванесова. М., 1983; 1989.

Панов М. В. Русская фонетика. М., 1967.

Реформатский А. А. Упорядочение русского правописания // Русский язык в школе. 1937. № 6.

Реформатский А. А. Введение в языковедение. М., 1967.

Русская грамматика. М., 1980. Т. 1.

Русское литературное ударение и произношение: Опыт словаря-справочника / Под ред. Р. И. Аванесова и С. И. Ожегова. М., 1955.

Русское литературное произношение и ударение: Опыт словаря-справочника / Под ред. Р. И. Аванесова и С. И. Ожегова. М., 1959.

Светозарова Н. Д. Интонационная система русского языка. Л., 1982.

Стефан Гжибовский
Торунь (Польша)

ТИПОЛОГИЧЕСКАЯ УСТОЙЧИВОСТЬ МЯГКОСТНОЙ КОРРЕЛЯЦИИ В РУССКОМ КОНСОНАНТИЗМЕ

Михаилу Викторовичу Панову —
Замечательному Ученому и Человеку

1. В разработках русской фонетики неоднократно предпринимались попытки пересматривать некоторые традиционные фонологические (фонематические) решения, и в первую очередь это касалось категории твердости/мягкости, традиционно приписанной консонантизму в виде мягкостной корреляции[1]. Поводом для таких реинтерпретаций была давно известная взаимозависимость между палатальным качеством согласных и соответственными модификациями гласных в потоке речи, вследствие чего оказывалось, что на фонетическом уровне она не ограничена одним типом сегментов, т. е. согласными, а проявляет суперсегментные свойства[2]. В принципе все реинтерпретации сводятся к усилиям снять различия по твердости/мягкости[3] с согласных и перенести их или на другие сегменты, иногда специально для этого постулируемые, или на более крупные единицы — на слоги, а в принципе на квазислоговые сочетания[4].

---

[1] Обзор таких попыток см. в [Grzybowski 1994].

[2] Это убедительно продемонстрировано также в фундаментальной *Русской фонетике* М. В. Панова [1967: особенно 41—42, 48—53, 57—58].

[3] По сути дела это акустическое различие по бемольности/диезности, распространяющееся на более крупные отрезки речевого потока, чем отдельные сегменты. В артикуляционном плане это, с одной стороны, отрезки, отличающиеся сдвигом языка назад и/или сужением фарингальной полости [Зубкова 1974: 37], в связи с чем их определяют как веляризованные, а некоторые исследователи — как фарингализованные [Дюрен 1977; Bolla 1981: 70—71], а с другой — палатализованные, т. е. такие, которым свойственно устремление языка вперед и вверх к твердому нёбу. В потоке речи они сложным образом взаимодействуют друг с другом, противопоставляясь и контрастируя друг с другом и в то же время пересекаясь и накладываясь друг на друга, и создают специфическую черту русской артикуляционной базы.

[4] Автор настоящих строк также не избежал искуса найти неконсонантное истолкование русской твердости/мягкости на фонематическом уровне, см. [Grzybowski 1980;

2.1. Основные положения разных реинтерпретаций можно представить на примере ряда четырех русских квазиомонимических слов с разной последовательностью элементов, различающихся по этому признаку:

(1) *мат, матъ, мят, мятъ*.

Среди них можно выделить сегментные (ре)интерпретации, к которым, естественно, следует отнести классическое консонантное решение, дающее следующую фонематизацию этого ряда:

(2) /m a t/, /m a t'/, /m' a t/, /m' a t'/.

К сегментной относится и вокалическая реинтерпретация, переносящая ответственность за бемольно/диезный контраст на гласные[5], т. е.:

(3) /m a t/, /m a˙ t/, /m˙a t/, /m ä t/.

Существует также довольно популярная и эффективная для объяснения поверхностной палатальности в некоторых славянских языках[6] йотовая интерпретация, выделяющая сегмент /j/ как показатель мягкости [Вийтсо 1971; De Armond 1979]:

(4) /m a t/, /m a t j/, /m j a t/, /m j a t j/.

Ее своеобразным вариантом можно считать восходящую к идеям Дж. Трейджера [Trager 1934] диакритическую реинтерпретацию[7], выделяющую просто мягкость как особую фонему, не имеющую за собой в

1993; 1994]. Однако после того как вместе с И. Савицкой я занялся вопросами типологии палатальности в славянских языках и предпринял попытку применить эти реинтерпретации по отношению к тем из них, в которых эта категория является наиболее развитой, и свести их к общему знаменателю или, по крайней мере, к нескольким [Sawicka, Grzybowski 1999], оказалось, что на эту категорию в русском языке следует посмотреть несколько другими глазами и прийти к выводу о типологической консонантной устойчивости русской палатальности и таким образом вернуться *на круги своя*. Настоящая статья излагает основные типологические выводы этой работы по отношению к явлениям «палатальности» в русском языке.

[5] К ней с разной степенью удовлетворительности обращаются [Panzer 1977; De Armond 1975; Bratkowsky 1980 и др.]. Попытку перенести различия по твердости/мягкости на гласные предпринимает и М. В. Панов [1967: 111—112], но сразу же от нее отказывается из-за ее неэкономности и неспособности объяснить мягкость согласных, находящихся в дистантном расположении с гласными. Есть и другие попытки вокалической реинтерпретации, когда в таких случаях прибегают к постулату введения дополнительных «редуцируемых» гласных (в принципе аналогичных историческим [ъ] и [ь]) и к правилам их устранения (редукции) в духе генеративной фонологии.

[6] См. об этом ниже — 3.5. и примеч. 18.

[7] Идею о ней развивает в своих работах Ч. Бидвелл [Bidwell 1962: 125—127; 1969: 2]. О мягкости как особой фонологической единице, правда, относящейся к суперсегментному уровню, упоминает также В. Г. Руделев [1982: 39], но мне пока неизвестны дальнейшие разработки этой концепции.

большинстве случаев реального звукового сегмента. Поскольку при ее применении в некоторых славянских языках появляется возможность устранить из фонематической системы йотовый глайд (см. [Grzybowski 1999: 129, 139—140, 159 и др.]), ее можно рассматривать как вариант йотовой, и поэтому здесь она не будет рассматриваться.

2.2. Известны также две суперсегментные реинтерпретации, переносящие различие по палатальности на уровень слога. Это просодическая гипотеза П. Грунвелл [Grunwell 1974], согласно которой фонематизация примеров (1) может быть представлена в виде:

(5) /m ˬ a ˬ t/, /m ˬ a ˭ t/, /m ˭ a ˬ t/, /m ˭ a ˭ t/,

где элемент /ˬ/ определяет бемольные реализации звуковой цепи, а /˭/ — диезные, а также наша просодемная реинтерпретация [Grzybowski 1980]. Суть последней заключается в постулировании 4 просодем — низкой, восходящей, нисходящей и высокой — для соответствующей интерпретации твердости и мягкости в этих словах, т. е.:

(6) /m a t/, /m a t/, /m a t/, /m a t/.

Естественно, выше представлены всего лишь основные положения этих реинтерпретаций, в конкретных разработках они модифицируются и/или снабжаются дополнительными элементами и решениями[8].

3.1. Переходя к категории твердости/мягкости в русском языке, следует отметить, что она обладает рядом свойств, которые неизвестны другим славянским языкам с широко представленной категорией палатальности (белорусский, украинский, польский, лужицкие и болгарский) и которые позволяют рассматривать ее прежде всего как принадлежность системы консонантизма. В первую очередь это касается объема корреляции, которая при максимальном охвате может включать в себя все согласные, за исключением /j/, что в принципе не известно ни одному другому славянскому языку. Она может быть представлена следующим образом[9]:

---

[8] Итак, при йотовой интерпретации для слов с реальным [j] (например: *льёт*) постулируется геминация этого сегмента, что отчасти находит подтверждение в инструментально-артикуляционных исследованиях, показывающих, что последовательность C'jV отличается от C'V именно в количественном отношении [Hong, Schönle, Conrad 1987: 28—30]. В суперсегментных решениях реальный [j] или имеет особые показатели [Grunwell 1974], или нуждается в модификации условий употребления просодем [Grzybowski 1999: 117—118], впрочем, как и в случаях дистантного расположения мягких согласных [Grzybowski 1980: 90]. Некоторые исследователи предлагают по несколько решений, ср. [De Armond 1975 и 1979] или видят возможность сочетания друг с другом разных интерпретаций, ср. тезис о взаимообратимых фонемных системах у [Вийтсо 1971].

[9] Подробная аргументация в пользу такого представления русского консонантизма не входит в задачу настоящей статьи. Ее можно найти во многих разработках по русской фонологии, отчасти и в не утратившей до сих пор значения *Русской фонетике* М. В. Панова. См. также [Гжибовский 1982].

(7)	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18
	p	b	f	v	m	t	d	s	z	n	ł	r	k	g	x	š	ž	c
	p'	b'	f'	v'	m'	t'	d'	s'	z'	n'	l'	r'	k'	g'	x'	šš	žž	č

Такой состав корреляции вызывает сомнения лишь в случае аффрикат (пара 18) и шипящих согласных (пары 16, 17), в первую очередь потому, что при морфологической и лексической деривации между ними нет таких чередований, какие свойственны остальным парам, т. е.:

(8) /t/—/t'/, /l/—/l'/, ср. *брат—брате, стол—столе,*
но /c/—/c/, /š/—/š/, ср. *купец—купце, каша—каше.*

Нельзя быть полностью уверенным также в монофонематическом статусе долгих мягких шипящих. Есть основания считать их двухфонемными сочетаниями[10], хотя на определенном уровне анализа (близком к поверхностному[11]) они могут представать как целостные единицы, входящие в оппозиционные отношения со всеми другими согласными фонемами. Это и является основной причиной такой их квалификации в настоящем исследовании.

Включение заднеязычных согласных в мягкостную корреляцию ввиду целого ряда новообразований (в том числе полностью адаптированных заимствований и лексикализованных акронимов), содержащих не только сочетания типа [k'a], [k'u], [k'o], но и типа [ke], кажется уже бесспорным.

3.2. Но даже если пары 16—18 не включать в мягкостную корреляцию, считая их некоррелятивными, то все же они являются членами общей категории твердости/мягкости в русском языке, поскольку вызывают такие же ассимилятивно-нейтрализационные явления, как и согласные, составляющие ядро корреляции. Например, перед /š/, /ž/, /c/ шумные переднеязычные представлены лишь твердыми коррелятами, а перед /šš'/, /žž/, /č/ — мягкими, т. е. так же, как перед парами переднеязычных согласных (пары 6—11). Особенностью их является также и то, что одни из них соотносятся с категорией твердости, другие — с категорией мягкости. В артикуляционном плане аллофоны твердых, в противоположность большинству славянских языков, особенно со слабо развитой категорией палатальности, не являются в сильных позициях нейтральными по палатальности, т. е. в принципе недифференцированными по твердости/мягкости. Им свойственна такая же фарингализованность или веляризованность[12], как и твердым, включенность которых в корреляцию не подлежит сомнению. Аллофоны мягких тоже не отличаются принципиально от

[10] См. об этом обширную и основательную статью М. Флайера [1995], основанную на методах генеративной фонологии, тонко отмечающую различия в истории и функционировании [šš'] и [žž'].

[11] М. В. Панов [1967] определяет его как синтагмо-фонологию.

[12] Иногда интерпретируемая в рамках категории двухфокусности у согласных [š], [ž] [Матусевич 1976: 137—139]. Возражения против такой интерпретации как раз в пользу (высокой) фарингализации выдвигает Ж. Дюрен [1977].

мягких членов в оппозициях 1—15. Соотнесенность с твердостью и мягкостью у этих согласных, кроме того, представлена равным количеством единиц (по 3 фонемы), что, наверное, и является одной из причин более или менее оправданного стремления включить их в корреляцию и, кроме того, хорошо согласуется с историческим развитием твердости/мягкости в русском языке[13].

Это оказывается типологически важным при сравнении с другими славянскими языками, обладающими мягкостной корреляцией. В белорусском, например, некоррелятивные согласные (за исключением /j/) при консонантной интерпретации относятся лишь к категории твердости [Grzybowski 1999: 121]. Аналогичным образом можно рассматривать такие согласные в нижнелужицком [там же: 148] и болгарском [там же: 164]. Несколько по-другому это выглядит в украинском [там же: 126] и верхнелужицком [там же: 151—152], где некоррелятивным согласным свойственна позиционная (полу)мягкость перед передними гласными, что вызывает вопрос об их статусе или о статусе гласных [i]—[y]. Из славянских языков с развитой системой явлений палатальности также и польский язык имеет согласные, которые нельзя включить в дихотомическую мягкостную корреляцию, но одни из них ведут себя как в украинском и верхнелужицком, другие же составляют особую категорию палатальных согласных [там же: 135—136].

3.3. На этом фоне четко вырисовывается очередная специфическая черта русского консонантизма — категория палатальности обладает лишь дихотомическим противопоставлением твердости/мягкости, хотя физические коррелята этого противопоставления, как известно, у разных пар не одинаковы, см. [Зубкова 1974: 31—45]. Для сравнения, в польском языке (и отчасти в нижнелужицком) упомянутое разобщение внекоррелятивных согласных при последовательной консонантной интерпретации палатальности[14] следовало бы в некоторых локальных разрядах представить в виде теоретически «неправильной» тернарной оппозиции: «твердый/палатализованный/палатальный», например:

(9) /t/—/t'/—/ć/, ср. *tara—tiara—ciara,*
/s/—/s'/—/ś/, ср. *syn—sinus—siny.*

3.4. Почти все коррелятивные пары русских согласных (исключение составляют лишь заднеязычные, пары 13—15) противопоставлены не только перед всеми гласными, но также и в других позициях — в конце слова, а многие переднеязычные (пары 6—12, 16—18) — и перед другими согласными. Для сравнения, в украинском и польском языках противо-

[13] Так это может рассматриваться, по крайней мере, по отношению к паре [c]—[ć], см. [Колесов 1980: 156].

[14] Попытка такой последовательной интерпретации явления палатальности в польском языке в сравнении с восточнославянскими представлена мной в: [Grzybowski 1999a].

поставление всех пар при последовательной консонантной интерпретации палатальности выступает только перед /i/, аллофонами которого в таком случае являются [i] и [y] [Grzybowski 1999a]; в украинском и белорусском такое противопоставление в конечной и преконсонантной позициях ограничено лишь переднеязычно-зубными согласными [Grzybowski 1999: 121, 127], а в болгарском противопоставление твердых и мягких согласных, кроме превокалической позиции, вообще неизвестно, да и то контраст по этому признаку наблюдается лишь перед гласными непереднего ряда [там же: 165].

3.5. Мягкостной корреляции в русском языке, кроме бинарной соотнесенности твердых и мягких согласных, свойственно также в основном четкое определение коррелятивных пар. Колебания могут возникать лишь при /t'/, которое вследствие аффрикатизации может восприниматься как партнер аффрикаты /c/[15]. В белорусском языке соотнесенность мягких аффрикат является спорным вопросом и решается или в пользу альтернативного их включения, т. е.

(10) /t/—/c'/ , /d/—/ʒ'/ или /c/—/c'/, /ʒ/—/ʒ'/[16],

или представления мягкостной корреляции на этом участке фонематического пространства в виде коррелятивного пучка [Grzybowski 1999: 121—122]:

(11) /t/—/c/ /c'/ /d/—/ʒ/ /ʒ'/

Аналогичные решения можно постулировать и для польских шумных палатальных[17], причем в случае коррелятивных пучков следует учитывать соотнесенность мягких даже с тремя твердыми согласными [Grzybowski 1999]:

(12) /t/—/c/—/ć/ /ć/ /d/—/ʒ/—/ʒ́/ /ʒ́/ /s/—/ś/ /ś/ /z/—/ź/ /ź/

3.6. Устойчивости мягкостной корреляции в русском консонантизме способствует противопоставление не только цепочек типа /CV/: /C'V/, но также /C'V/: /C'jV/, а в ряде случаев (не только для /š/, /ž/, /c/) и /CV/: /CjV/, что наблюдается в целом ряде минимальных или квазиминимальных пар, например:

(13) *лот—лёд—льёт, хола—Коля—колья, пот—Пётр—пьёт, чу!—чью, пашу—пошью* и т. д.

---

[15] См., например: [Voronina 1987; Черкассов 1980].

[16] См. об этом [Фанетыка 1989: 122]. В. Чекман и Э. Смулкова, однако, высказываются в пользу их соотнесенности с [t], [d] [Czekman, Smułkowa 1988: 263—264].

[17] Такое предложение для щелевых согласных выдвигал З. Штибер [Stieber 1974: 536—537].

Это затрудняет перенос мягкости на сегмент /j/, как, например, в болгарском языке, в котором йотовая реинтерпретация является одной из нескольких возможных; см. [Grzybowski 1999: 166—170], и в польском, где она кажется единственной приемлемой, так как снимает целый ряд неразрешимых трудностей консонантного решения, например упомянутые выше тернарность противопоставления по мягкости и пучкообразный характер коррелятивных отношений; см. [Grzybowski 1999a][18]. Допустима она также и для украинского языка [Grzybowski 1999: 129—131], хотя там встречает некоторые трудности, однако является серьезным конкурентом консонантного решения.

В русском языке йотовая реинтерпретация требует приемов, нарушающих условие натуральности фонематического решения, например геминации /j/ для цепочек /C'jV/[19], т. е. фонематизаций типа:

(14) /lot/—/ljot/—/ljjot/
лот—лёд—льёт.

В случае конечной и преконсонантной мягкости это решение приводит к появлению еще более ненатуральной последовательности сегментов /Cj#/, /CjC/, например:

(15) /bratj/, /tjma/
братъ, тьма.

Одновременно /j/ является важной фонологической единицей русского литературного языка, несводимой к аллофону фонемы /i/, поскольку в нем существует не известное никакому другому славянскому языку противопоставление целого ряда звуковых последовательностей, включающих /j/ в разных комбинациях с согласными и гласными. С одной стороны, это /j/ в оппозиции к /i/ перед гласными в начале слова:

(16) /iV/—/jV/
Иона—ёлка,

с другой—такое же противопоставление после мягких согласных, осложненное еще наличием безйотового хиатуса:

(17) /C'jV/—/C'ijV/—/C'iV/
пьянка—сепия—пиала

а для /š/, /ž/, /c/ также и после твердых согласных:

---

[18] Йотовая интерпретация, появившаяся в работах В. Яссема [Jassem 1966], Л. Беджицкого [Biedrzycki 1978] и др., является в настоящее время наиболее распространенной; см. [Klebanowska 1990: 14—15; Sawicka 1995: 144—149].

[19] См. примеч. 8.

(18) /CjV/—/CijV/—/CiV/

ружъя—оружия—Жиар.

3.7. Вследствие возможности дистантного расположения согласных по отношению к гласным и разделения их противоположным по твердости/мягкости согласным, например:

(19) /C'CV/, /CC'V/, /VC'C/, /VCC'/ и /VCC'CV/

тьма, лбе, рельс, полсть, ноябрьский,

нецелесообразным оказывается также перенос мягкости на гласные, т. е. постулат вокалической реинтерпретации. Это требовало бы четырехкратного увеличения количества гласных, а также введения особых, редуцируемых, гласных для дистантных согласных и, в результате, правил их редукции, свойственной генеративной модели фонологии. Для болгарского языка, например, такое решение оказывается допустимым без добавочных процедур, поскольку требует лишь удвоения четырех непередних гласных [Grzybowski 1999: 166].

3.8. Дистантное расположение согласных затрудняет также применение сверхсегментных реинтерпретаций мягкостной корреляции в русском языке, поскольку требует для них особых правил употребления, выходящих за пределы слоговой организации языковых единиц. Итак, например, кроме слогового элемента /ˠ vs. ˀ/, П. Грунвелл для дистантного расположения согласных и физического наличия /j/ вынуждена ввести добавочный сверхсегментный элемент /i/ [Grunwell 1974], например:

(20) /tʲmˠa/, /ʲeˠl/, /lʲoˠt/

тьма, ель, лёт.

Наша просодемная реинтерпретация для объяснения дистантных согласных нуждается в допущении, что две просодемы — низкая и высокая — способны проявляться и на уровне отдельных сегментов [Grzybowski 1980: 90], т. е. давать возможность фонематизаций типа:

(21) /t m̄ a/, /l d̄ i/, /l̄ b e/

тьма, льды, лбе,

что, естественно, находится в противоречии с ее теоретическими предпосылками, согласно которым просодемы постулируются как сверхсегментные единицы. По-другому это выглядит опять же для болгарского языка, который нуждается лишь в двух просодемах: высокой и низкой, подчиняющих себе квазислоговое сочетание /CV/, причем только при непередних гласных; см. [Grzybowski 1999: 169—170].

4. Таким образом, известные реинтерпретации мягкостной корреляции, допустимые или даже наиболее оптимальные для некоторых славянских языков с широко представленными явлениями палатальности, для русского языка оказываются менее действенными, чем классическая консонантная, поскольку страдают многими формальными и практическими изъянами. Это, кажется, свидетельствует о ее типологической ус-

тойчивости именно в пределах консонантизма, в то время как в других славянских языках (быть может, за исключением белорусского) консонантная отнесенность палатальности или не является уже единственно возможной (украинский, болгарский), или оказывается полностью неприемлемой (польский язык).

Стабильности мягкостной корреляции в русском языке способствует также высокая частотность мягких реализаций в речи, достигающая 50% звуковой цепи, по сравнению, например, с 13% для болгарского языка; ср. [Стоева 1994], в связи с чем сохраняется относительное равновесие между диезными (палатализованными) и бемольными (фарингализованными) отрезками, а также наблюдается плавное следование их друг за другом, благодаря чему русская речь может быть представлена в виде бемольно-диезной (фарингально-палатальной) волны.

Также и большинство новых тенденций в русском произношении (депалатализации, фоностилистическое падение постконсонантного /j/ и т. п.) пока не нарушают стабильности мягкостной корреляции в консонантизме. Лишь склонность к полупалатальности (а по сути дела к устранению веляризованности и/или фарингализованности) шипящих [š], [ž], отмеченная мною в речи молодого поколения носителей русского языка (особенно молодых женщин), может свидетельствовать об ослаблении определенного ее участка. Но это неудивительным образом касается той части русского консонантизма, относительно включенности которого в корреляцию есть наибольшие сомнения. Некоторые же фонетические инновации (например, устранение ассимиляций по мягкости и полная редукция безударных гласных), наоборот, способствуют ее упрочению, поскольку увеличивают количество сильных позиций различения и противопоставления твердых и мягких согласных; см. [Касаткин 1993].

Литература

Вийтсо Т. Р. Об одном классе взаимообратимых фонемных систем и теории дифференциальных признаков // Вопросы фонологии и фонетики. М., 1971. Ч. 1.

Гжибовский С. Фонематический статус твердости-мягкости и гласных [i]—[y] в русском и польском языках // Przegląd Rusycystyczny. 1982. 1—4.

Дюрен Ж. Мягкость, твердость, йотированность // Вопросы языкознания. 1977. № 2.

Зубкова Л. Г. Фонетическая реализация консонантных противоположений в русском языке. М., 1974.

Касаткин Л. Л. Развитие в современном русском языке корреляции согласных по твердости/мягкости // Проблемы фонетики. I. 1993.

Колесов В. В. Историческая фонетика русского языка. М., 1980.

Матусевич М. И. Современный русский язык. Фонетика. М., 1976.

Панов М. В. Русская фонетика. М., 1967.

Руделев В. Г. Фонологические модели современного русского языка. Вокализм // Фонология. Тамбов, 1982.

Стоева Т. Функциональная нагрузка твердых/мягких согласных в слоговых структурах русского и болгарского языков // Русский язык и литература в современном диалоге культур. Регенсбург, 1994.

Фанетыка беларускай літаратурнай мовы / Рэд. А. І. Падлужны. Мінск, 1989.

Флайер М. Долгие диезные шипящие согласные в русском языке // Проблемы фонетики. II. М., 1995.

Черкассов Л. Н. О классификации согласных современного русского литературного языка по способу образования // Вопросы языкознания. 1980. № 3.

De Armond R. C. On the Phonemic Status of /i/ and /j/ in Russian // Russian Linguistics. 1975. 2.

De Armond R. C. The Russian Vocalic System: 5 Vowels or 10 Vowels? // International Review of Slavic Linguistics. 4. 1979. 3.

Bidwell C. E. An Alternate Phonemic Analysis of Russian // Slavic and East European Journal. 1962. 2.

Bidwell C. E. The Structure of Russian in Outline. Pittsburgh, 1969.

Biedrzycki L. Fonologia angielskich i polskich rezonantów. Warszawa, 1978.

Bolla K. A Conspectus of Russian Speech Sounds. Budapest, 1981.

Bratkowsky J. G. The Predictability of Palatalization in Russian // Russian Linguistics. 1980. 4.

Czekman W., Smułkowa E. Fonetyka i fonologia języka białoruskiego z elementami fonetyki i fonologii ogólnej. Warszawa, 1988.

Grunwell P. Phonological Analysis of the Russian 'Word'. A Prosodical Statement // Phonetica. 29. 1974. 1—2.

Grzybowski S. O jednej z możliwości interpretacji rosyjskiego systemu fonologicznego // Slavia Orientalis. 29. 1980. 1/2.

Grzybowski S. К реинтерпретациям палатальности в русском языке // Jednostki językowe — ich powiązania i ewolucja. Olsztyn, 1993.

Grzybowski S. O reinterpretacjach rosyjskiej korelacji miękkościowej w modelach fonologii taksonomicznej // Analiza, synteza i rozpoznawanie sygnałów mowy dla celów automatyki, informatyki, lingwistyki i medycyny. Warszawa, 1994.

Grzybowski S. Status fonematyczny palatalności w językach słowiańskich // *Sawicka I., Grzybowski S.* Studia z palatalności w językach słowiańskich. I. Toruń. 1999.

Grzybowski S. Палатальность в польском и восточнославянских языках в последовательной консонантной интерпретации // Acta Universitatis Nicolai Copernici. Studia Slavica. V. 1999a (в печати).

Hong G. Z., Schönle P. W., Conrad B. Electromagnetic Articulography. A New Approach to the Investigation of Palatalization in Russian // Proceedings. 11th International Congress of Phonetic Sciences. V. 1. Tallinn, 1987.

Jassem W. The Distinctive Features and Entropy of the Polish Phoneme System // Biuletyn Polskiego Towarzystwa Językoznawczego. 24. 1966.

Klebanowska B. Interpretacja fonologiczna zjawisk fonetycznych w języku polskim. Warszawa, 1990.

Panzer B. Wieviele Vokale hat das Russische? Zur phonologischen Interpretation des Russischen Vokalismus // Folia Linguistica. 9. 1977. 1/2.

Sawicka I. Fonologia // Gramatyka współczesnego języka polskiego. L. Dukiewicz, I. Sawicka. Fonetyka i fonologia. Kraków, 1995.

Sawicka I., Grzybowski S. Studia z palatalności w językach słowiańskich. I. Toruń, 1999.

Stieber Z. Über das gegenseitige Verhältnis der heutigen polnischen Phonemen s—š und z—ž. // Świat językowy Słowian. Warszawa, 1974.

Trager G. L. The Phonemes of Russian // Language. 10. 1934. 4.

Voronina S. B. Affricatization of /t'/, /d'/ in the Modern Literary Pronunciation of Moscovites // Proceedings XIth International Congress of Phonetic Sciences. V. 2. Tallinn, 1987.

К. В. Горшкова
Москва

ПОЧЕМУ ТАК ИНТЕРЕСЕН «ЯТЬ» ДЛЯ ДИАЛЕКТОЛОГОВ, ЛИНГВОГЕОГРАФОВ, ИСТОРИКОВ

М о н а х В а с и л и й: В калитку входит буква ять, принять ее?
Н а с т о я т е л ь: Да, да, принять.

Даниил Хармс, Гвидон, 1930 г.

XIX век оставил истории сравнительно-историческое языкознание индоевропейских языков с его главным понятием: язык — это изменение. XX век создает новую парадигму прежде всего усилиями Женевской школы под руководством профессора Ф. де Соссюра. В соответствии с этой парадигмой язык — это структура. В начале развития новой парадигмы представление о языке как структуре относится прежде всего к синхронии. Диахрония сохраняется как собрание этюдов об истории отдельных явлений, в том числе и об истории «ять». Но уже в самом конце 20-х годов, в 1929 г., на I Конгрессе славистов профессор Р. О. Якобсон выступает с докладом «О развитии фонетической системы русского языка в сопоставлении с другими славянскими», где проводит мысль о развитии системы в историческом движении языков. Нельзя не заметить, что этот доклад, затем статья в Трудах Пражского лингвистического кружка до сих пор не исчерпаны в использовании своих идей.

А в начале 30-х годов в статье члена Пражского лингвистического кружка Н. С. Трубецкого «К истории задненебных в славянских языках» ее автор уже формулирует задачу, включенную в новую парадигму и соединяющую синхронию и диахронию. В полемике с Н. Ван-Вейком Н. С. Трубецкой пишет: «Как представитель "фонологической школы" я хотел бы здесь показать, что развитие задненебных в славянских языках никоим образом не является бессмысленным и что оно основывается на стремлении к регулярности и целесообразности в структуре фонетической системы» (1933 г.). К середине XX в. формулируется задача — найти закономерные связи между синхронией и диахронией. Начинает вводиться понятие «синхронный срез», и одно время им широко пользуются, хотя сразу было ясно, что это слишком механическое решение про-

блемы. Стремление найти закономерные связи между синхронией и диахронией характеризует близкую по идеям к Пражской школе и Московскую лингвистическую школу, особенно Московскую фонологическую школу, значительное место в развитии которой занимают письменные работы, доклады, лекции профессора Михаила Викторовича Панова. В своей статье мы остановимся на одном вопросе: где и как находить пути соединения синхронии и диахронии, помня одно фонологическое правило, которое любит повторять М. В. Панов: «У фонологии своя арифметика: 2—1=0». Материалом статьи послужат факты современной и исторической диалектологии, поскольку именно к ним применимо понятие «лингвистическое время», которое мы и попытаемся использовать для решения уже поставленной задачи.

Развертывая положение о двух основных аспектах диалектологии, ученые выделяют: 1) структурный аспект и 2) территориальный (лингвогеографический). Для структурного аспекта профессор Р. И. Аванесов ввел понятие «диалектный язык», заменив им многословный термин: «сложная система систем с соотносительными и несоотносительными явлениями». Развивая свои идеи об этих двух аспектах диалектологии, Р. И. Аванесов подчеркивал, что структура диалектов синхронно и диахронно может изучаться вне зависимости от территориального аспекта (ср. изучение типов безударного вокализма при описании современных диалектов и в истории аканья, цокающих, нецокающих диалектов, диалектов с [г] и с [γ], [h] и др.). Напротив, территориальный аспект, его изучение невозможно без предварительного изучения структуры. Не случайными были частые заявления профессора С. Б. Бернштейна, что лингвистические карты мертвы без их исторической структурной интерпретации.

Читая и перечитывая подобные работы и раздумывая над ними, приходишь к выводу, что есть, должно быть, понятие, объединяющее структурный и территориальный аспекты и позволяющее увидеть диалектный язык и территорию его размещения в разные исторические эпохи наглядно и теоретически обоснованно. Очевидно, подошло время сказать, что таким понятием может стать «лингвистическое время».

Толчком к подобным рассуждениям для меня послужила работа профессора МГУ Т. П. Ломтева «К вопросу о причинно-следственных отношениях в развитии структуры языка» (1971). В соответствии с пониманием профессора Т. П. Ломтева (с которым мы согласны), лингвистическое время — это время, заполненное лингвистическими событиями, оно прерывно, дискретно, делится на интервалы. Интервал начинается противоречием в какой-либо части языка и завершается разрешением противоречия. Поскольку противоречия звуковой и грамматической системы, как правило, различны, то различны и интервалы развития фонетической и грамматической системы. К сожалению, ни сам Т. П. Ломтев, ни его ученики и последователи не развили эту важнейшую для диалектологии и истории языка тему. Ярким примером все еще остается наблюдение профессора Р. О. Якобсона над началом противоречия в славянских

языках между консонантизмом и вокализмом и завершением этого противоречия — образованием шкалы консонантности и вокальности между славянскими языками: самый консонантный русский, наиболее вокальные сербохорватские диалекты и словенский язык, а остальные располагаются между ними. Этим началом и завершением процесса определился один из самых значительных интервалов лингвистического времени в развитии фонетики славянских языков. Очевидно, здесь кстати вспомнить, что решение проблемы об основании членения современных русских диалектов, выделенных изоглоссами как центр и периферия (северная и южная), оказалось возможным путем привлечения идеи о консонантности и вокальности фонологических систем славянских языков и их диалектов.

Еще в книге «Русская диалектология», под общей редакцией профессора Р. И. Аванесова и профессора В. Г. Орловой (М., 1964), после детального описания фонологической системы диалектной зоны центра, центральных русских говоров, фонологически близких к литературному языку, в котором особенно подчеркивались пятифонемный вокализм и последовательность изменения [е] в [о], периферийные говоры характеризовались как не имеющие общих черт с центральными и отличающиеся пестротой явлений. Понадобились время и усилия диалектологов и историков языка, чтобы в этом различии увидеть консонантность говоров центра и вокальность, представленную в разной степени у всех периферийных говоров. Большая заслуга в этом открытии принадлежит трудам С. В. Бромлей (Институт русского языка РАН).

Поучительно обратить внимание, именно не забывая о лингвистическом времени, на особый интерес авторов работ по исторической фонетике славянских языков и славянской лингвогеографии и диалектологии, славянской палеографии к вопросам, связанным с историей фонемы /ѣ/. Хотя и диалектологи, и историки согласны с фонологической формулой 2–1=0, в действительности /ѣ/ часто рассматривают и в том, и в другом случае как обычную звуковую единицу, вне структуры. В таком случае трудно и сформулировать вопросы, и объяснить особый интерес авторов к фонеме /ѣ/ в синхронии и диахронии, объединяя то и другое с помощью лингвистического времени.

Обдумывая вопрос об особом интересе к ѣ со стороны историков, диалектологов и лингвогеографов (особенно интересен для меня исторический подход), я пришла к выводу, что ѣ является в этом случае как бы лакмусовой бумажкой, показывая, с какой общей системой, включающей и вокализм, и консонантизм, мы имеем дело и к какому лингвистическому времени мы имеем возможность отнести эту систему. Остановимся на одной наиболее актуальной проблеме истории языка — проблеме доказательности предлагаемых реконструкций фонологических систем древних эпох, насколько они достоверны, верифицированы. Как показал последний Международный конгресс славистов, проблема верификации полученных реконструкций остается актуальной. Обсуждение этой большой и разносторонней задачи требует решения отдельных, более мелких задач.

Прежде всего мы должны решить, реконструируем ли мы фонему, имеющую свои ДП (дифференциальные признаки) и свое место в системе, или отдельный звук, появляющийся в результате речевой деятельности. Очевидно, реконструкция всегда связана прежде всего с восстановлением фонем, фонемного строя, и уже после этого и только в отдельных немногих случаях мы имеем возможность восстановить, часто самую общую, характеристику звуков, эти фонемы в определенных условиях реализующих.

Например, если мы восстанавливаем палатальную фонему /d/, то звук [d], ее реализующий, не может быть дентальным, при решении вопроса о палатализованной согласной фонеме соответствующим звукам мы не можем приписывать апикальность и т. д.

Для верификации восстановленных фонологических (именно фонологических!) систем необходима разработка в определенном направлении теории дифференциальных признаков фонем. Для начала можно опереться на утверждение Т. Гамкрелидзе и Вяч. Иванова о том, что фонема обладает не простым набором, суммой ДП, а они, эти ДП фонемы, образуют **вертикальную** сочетаемость. Еще важнее наблюдение и выводы французского ученого А. Мартине о **горизонтальной** сочетаемости ДП фонем. По его наблюдениям над романскими и славянскими диалектами, в одной и той же системе, во всяком случае в ее центре, не могут сочетаться такие ДП, как палатальность и палатализованность, палатальность и лабиализованность, палатализованность и лабиовелярность и т. д.

Учитывая все эти соображения, можно восстановить для разного лингвистического времени системы, где /ѣ/ является полноправной фонемой с ДП: передний ряд и верхне-средний подъем или «напряженность», в этой системе сосуществуют ДП: передний/непередний, четыре степени подъема, включая верхне-средний, для гласных; палатальность, лабиовелярность, напряженность/ненапряженность для согласных. В речи на таком диалекте /ѣ/ может реализоваться звуками [ê], [i͡e], причем в дифтонге может быть значительно более долгой первая часть, и тогда он может восприниматься как [и], что отразилось в памятниках меной букв и и ѣ. Если же более долгая вторая часть, то дифтонг становится ближе к гласной [е] и может в памятнике отразиться в мене букв ѣ и е. Звуковые цепи таких диалектов насыщены вокальными элементами, так как они могут располагать звуком [w], чередующимся с [у] в начале слова и с [ў] в конце слога или слова, в этих диалектах также может быть [ł], чередующийся с [ў], и т. д.

В центральных говорах — пятифонемный вокализм, в составе которого не может быть особой фонемы /ѣ/, имеется ДП палатализованность/непалатализованность, ДП глухость/звонкость, здесь для гласных главным ДП является лабиализованность/нелабиализованность.

Есть и были сложные диалектные системы с различием центра и периферии, пережившие взаимодействие славянских диалектов или славянских с неславянскими, или диалектов с литературным языком. Но во всех этих случаях положение показательно и весьма информативно.

Учитывая наличие лингвистического времени, мы имеем основание утверждать, что, живя в одно и то же астрономическое время (начало XXI в.), носители разных русских диалектов оказываются в разном лингвистическом времени, т. е. с точки зрения их диалектного языка они живут в разное время.

Это различие проявляется и в их духовной и материальной культуре или каких-то ее частях.

Представляется, что использование понятия лингвистического времени возможно и для дальнейшего развития этнолингвистики как особого научного направления.

Литература

Аванесов Р. И. Очерки русской диалектологии. М., 1949. Ч. I.

Гамкрелидзе Т. В., Иванов В. В. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Тбилиси, 1994.

Горшкова К. В. Об оценке фонологических реконструкций. Вильнюс, 1988.

Горшкова К. В., Калнынъ Л. Э. О некоторых вопросах теории диалектологии // Вестник МГУ. 1984. Филология. № 6.

Горшкова К. В., Хабургаев Г. А. Историческая грамматика русского языка. 2-е изд. М., 1997.

Диалектологический атлас русского языка. Центр Европейской части СССР. Вып. 1. Фонетика. М., 1986.

Захарова К. В., Орлова В. Г. Диалектное членение русского языка М., 1970.

Ломтев Т. П. История русского языка. Разд. III // Общее и русское языкознание. М., 1976.

Мартинес А. Принцип экономии в фонетических изменениях. М., 1960.

Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров / Под ред. В. Г. Орловой. М., 1970.

Панов М. В. О двух типах фонетических систем // Проблемы лингвистической типологии и структуры языка. Л., 1977.

Русская диалектология / Под ред. Р. И. Аванесова и В. Г. Орловой. М., 1964.

Хабургаев Г. А. Становление русского языка. М., 1980.

М. Л. Каленчук
Москва

ОБ УСТОЙЧИВОСТИ ОРФОЭПИЧЕСКОГО НАВЫКА

Вопрос о динамике произносительных норм обычно возникает при сравнении звучащей речи разных поколений. Но можно взглянуть на эту проблему несколько иначе, сравнив особенности произношения одного человека в разные периоды его жизни.

1. В 60-е годы группой исследователей под руководством М. В. Панова было осуществлено массовое обследование русской литературной звучащей речи с помощью экспериментального текста, прочитанного вслух носителями языка и записанного на магнитную ленту [Гловинская 1967; Панов 1967]. Анализ чтения специально составленного М. В. Пановым связного текста «Антонович», большого по объему (6427 знаков) и насыщенного фонетическими фактами, дал возможность проследить за функционированием норм русского произношения в разных локальных типах языка, в речи разных поколений и разных социальных групп. Записи хранятся в отделе современного русского языка Института русского языка имени В. В. Виноградова РАН.

Думается, что научный потенциал этих записей далеко не исчерпан. Собранный в 60-е годы фонетический материал позволяет поставить вопрос об устойчивости орфоэпического навыка человека на протяжении его жизни. Было отобрано 20 информантов из числа тех, кто более трети века назад начитал на магнитофон текст «Антонович». Им было предложено вновь прочесть вслух этот текст. Сравнение двух записей (далее именуемых A^1 и A^2) и легло в основу настоящего исследования.

2. Согласно принятой (и в определенной степени условной) периодизации, на протяжении XX в. можно выделить три последовательно сменявшие друг друга произносительные системы:

1) система произношения людей, чьи орфоэпические навыки сложились в конце XIX — 20-х годах XX в.;

2) произносительная система, воплощенная в речи носителей русского литературного языка начиная с 20-х годов и примерно до 60-х годов;

3) система русского литературного произношения последней трети XX в.

Условно можно эти орфоэпические срезы назвать «старшей», «средней» и «младшей» произносительными системами XX в.

2.1. Конечно, ни у одного из информантов произношение не было выдержано строго в рамках одной системы, но можно говорить о преобладании какой-либо из них.

В звучащей речи семи человек, принявших участие в эксперименте, на момент первой записи была воплощена «старшая», а у тринадцати — «средняя» произносительная система. На момент второй записи в звучащей речи всех информантов произошли определенные изменения, но характер этих изменений различен.

2.2. Выяснилось, что большинство информантов «помолодели» в своем произношении, но никто при этом не «шагнул» в реализации орфоэпических норм через поколение: те, у кого в $А^1$ превалировала «старшая» норма, в $А^2$ приобрели некоторые черты «средней», у кого была «средняя» — «младшей».

Например, это прослеживается в реализации согласной фонемы твердым или мягким звуком в позиции перед следующим мягким. Так, например, если информант в $А^1$ произносил зубной перед мягким [л'] по «старшей» норме, т. е. всегда мягко: *é*[с'л']*и*, [с'л']*éва*, *ра*[з'л']*илáсь*, [з'л']*ясь*, *вó*[з'л']*е*, *кó*[з'л']*ик*, то в $А^2$ в большинстве случаев распределение вариантов соответствовало «средней» норме — внутри корня мягко, а на агглютинативных морфемных стыках твердо: *é*[с'л']*и*, [з'л']*ясь* (иногда [зл']*ясь*), *вó*[з'л']е, *кó*[з'л']*ик*, но [сл']*éва*, *ра*[зл']*илáсь*. Но если в $А^1$ была воплощена «средняя» норма, то в $А^2$ у многих участников эксперимента зубной перед [л'] произносился во всех случаях твердо, по «младшей» норме: *é*[сл']*и*, [сл']*éва*, *ра*[зл']*илáсь*, [зл']*ясь*, *вó*[зл']*е*, *кó*[зл']*ик*.

Ни у кого из тех, кто в $А^1$ пользовался «старшей» системой (т. е. зубной перед [л'] был всегда мягок), не появилось твердого зубного перед [л'] в середине корня в частотных словах, т. е. произношения по «младшей» норме типа *é*[сл']*и*, *вó*[зл']*е* и пр.

У этого может быть два объяснения. Либо динамика норм произношения в индивидуальной речи определяется внутренним ходом развития языка, т. е., если допустимо такое сравнение, в языковом развитии закономерности «онтогенеза» обязательно совпадают с закономерностями «филогенеза». Либо наша восприимчивость к произносительным инновациям различна в разные периоды нашей жизни: возможно, носители «старшей» нормы в молодые и средние годы попадали под влияние окружающей «средней» нормы, но к моменту, когда сформировалась «младшая» норма, утратили способность менять свое произношение.

2.3. Различна судьба в $А^2$ вариантов произношения, которые в $А^1$ были распределены по конкретным словам и по разным позициям.

2.3.1. Варианты произношения, лексикализованные в $А^1$, т. е. «привязанные» к конкретным корням, практически ни у кого из информантов (за редкими исключениями) не изменились в $А^2$: если информант в мо-

мент первой записи использовал определенный орфоэпический вариант, то он продолжал его использовать и к моменту второй записи. Так обстоит дело с реализацией следующих норм произношения:

1) произношение звуков [ж'ж'] // [жж] в корнях отдельных слов;

2) варианты произношения на месте букв *чн*;

3) варианты произношения на месте буквы *а* в первом предударном слоге после *ш, ж, ц*;

4) твердость/мягкость фонем перед ⟨э⟩ в корнях заимствованных слов;

5) долгота/краткость согласных в корнях заимствованных слов;

Почему в перечисленных случаях практически не наблюдается изменений в произношении конкретных людей? Почему те, кто произносил в 60-е годы *вые*[$\overline{ж}$']*áть*, *гре́*[шн']*евая*, *ш*[ы$^{\backsim}$]*лу́нья* и пр., продолжали так произносить, хотя многие другие нормы в их речи подверглись «омоложению»? Возможно, это связано с тем, что в большинстве указанных случаев орфоэпическое изменение затрагивает фонемный состав слова, а не только звуковой. А орфоэпическая вариантность фонем гораздо более заметна для носителя языка и в большей степени поддается контролю, чем те случаи, когда, несмотря на изменение в произношении, фонемный состав морфемы остается неизменным (например, [с'jэ́]*хать* — [cjэ́]*хать* — ⟨cjэ́⟩*хать*).

Особо следует оговорить два случая.

Во-первых, в речи многих информантов изменилось произношение слов *дождь* и *дождик*. При первой записи 14 информантов произнесли *до*[$\overline{ш}$'], а 6 — *до*[шт']. К моменту второй записи лишь 7 человек продолжали использовать «старший» вариант при звуковом оформлении этого слова, а 13 произносили по-новому — *до*[шт']. При этом в речи дикторов, у которых в слове *дождь* «старший» вариант произношения изменился на «младший», не произошло того же в других словах, содержащих долгую мягкую фонему ⟨ж⟩. Те, кто произносил в А^1 *вые*[ж']*áть*, *сье*[ж']*áем*, *забре́*[$\overline{ж}$']*ил*, [$\overline{ж}$']*ёт* (*жжёт*), *дро*[$\overline{ж}$']*áх* и пр., продолжали в большинстве случаев так же произносить и в А^2. Почему же в речи многих информантов фонема ⟨ж⟩ «изгонялась» в корне слова *дождь*, но сохранялась в других корнях? Можно предположить, что виновата графика. Изменение *до*[$\overline{ш}$'] на *до*[шт'] поддержано написанием (*дождь*), а изменение *вые*[$\overline{ж}$']*ать* на *вые*[$\overline{ж}$]*ать* (*выезжать*) не поддержано.

Интересно отметить, что в однокоренных словах *дождь* и *дождик* скорость «изживания» старого варианта различна. Как уже было сказано, приблизительно треть информантов произносили и при первой, и при второй записи *до*[$\overline{ш}$'], но в слове *дождик* распределение вариантов было иным — всего два диктора из двадцати к моменту второй записи продолжали произносить *до*[$\overline{ж}$']*ик*, подавляющее же большинство информантов освоили новый вариант — *до*[жд']*ик*. Возможно, что в указанных корнях процесс замены «старшего» варианта на «младший» может протекать поразному в конечном и неконечном положении в слове, что было впервые отмечено Л. Л. Касаткиным.

Интересный материал для размышлений представляет фонетическое поведение слов *гарцевать* и *потанцевать*, включенных в экспериментальный текст. Восемнадцать дикторов из двадцати на момент первой записи произносили так: *гарц*[а˄]*вáть* и *потанц*[а˄]*вáть*, но при второй записи такое произношение сохранилось лишь у четверых, большинство же информантов начали произносить *гарц*[ы˄]*вáть* и *потанц*[ы˄]*вáть*. Несомненно, что это связано с изменением в написании — до 1951 г. писали *гарцовать* и *потанцовать*, после стали писать *гарцевать* и *потанцевать*. Как показал Л. Л. Касаткин, в подобных случаях связь между буквой и звуком опосредована фонемой: «изменилась буква → изменилась фонема → изменился звук» [Касаткин 1999: 481]. Тот факт, что в речи подавляющего большинства информантов произношение этих слов изменилось вслед за изменением написания, подтверждает, что стереотип «буква — фонема» реально существует в нашем сознании и является одним из факторов, способных обуславливать изменения в произношении.

2.3.2. В индивидуальной речи изменения в произношении, связанные с орфоэпическими вариантами, позиционно обусловленными в момент первой записи, могут протекать двумя разными путями. У одних информантов более «младшая» закономерность проникала в речь, «захватывая» новые фонетические позиции, а у других — «захватывая» только определенные слова.

Это можно проследить на процессе изживания мягкости зубного согласного в позиции перед следующим мягким [л'].

В $А^1$ у семи человек была представлена «старшая» норма: зубной перед мягким [л'] произносился всегда мягко (*é*[с'л']*и*, *по*[с'л']*éднее*, [с'л']*éдуя*, *зáро*[с'л'и], [с'л']*éва*, *вó*[з'л']*е*, [з'л']*ясь*, *о кó*[з'л']*ике*, *ра*[з'л']*илáсь*, *о*[т'л']*и́чный*, *пé*[т'л']*я*, *урó*[д'л']*ивая*, *с мá*[с'л']*ицем*, *привé*[т'л']*ивая*, *врá*[д'-л']*и* и пр.). Как показали результаты анализа второй записи, изменения в реализации рассматриваемой нормы в речи этих информантов происходили двумя разными путями.

У одних дикторов новая норма произношения закреплялась строго позиционно, по «средней» норме: зубной согласный начал произноситься твердо перед [л'] на агглютинативных морфемных стыках (*ра*[зл']*илáсь*, [сл']*éва*, *врá*[д-л']*и*), в положении начала слова ([зл']*ясь*, [сл']*éдуя*), в позиции после твердого согласного (*потол*[ст']*éешь*), но продолжал произноситься мягко внутри корня (не в начальном положении) и на фузионных стыках (*é*[с'л']*и*, *с мá*[с'л']*ицем*, *зáро*[с'л']*и*).

В речи же других информантов более «младший» вариант произношения прикреплялся к определенным словам, причем, как уже отмечалось выше, у разных дикторов круг слов, «захваченных» новой нормой, оказывался приблизительно одинаков. Информанты произносили *с мá*[сл']*ицем*, но *é*[с'л']*и*; *о кó*[зл']*ике*, но *вó*[з'л']*е*, и т. д.

Из тринадцати дикторов, использовавших в момент первой записи «среднюю» норму, у четверых в $А^2$ установилась «младшая» норма: зубной

перед [л'] произносился твердо абсолютно во всех случаях. Но у девяти информантов распределение твердых и мягких звуков перед [л'] к моменту второй записи нельзя назвать позиционно обусловленным, поскольку варианты произношения оказывались распределенными не по фонетическим позициям, а по отдельным словам. В одних словах сохранялся старый вариант, в другие слова проникал новый, причем порядок «захвата» новым вариантом слов у этой группы информантов, так же как и у предыдущей, оказался приблизительно одинаков.

Такие же наблюдения были сделаны и по отношению к распределению твердых/мягких звуков перед следующим мягким во всех сочетаниях согласных: у одних носителей языка инновации в произношении проявляются позиционно, у других — лексикализованно.

Как показывает анализ, практически во всех случаях можно найти причину закрепления старого и нового вариантов произношения за тем или иным словом. Например, многие дикторы в А² произносили *я*[с'н']*ée*, но *páдо*[сн']*ее*. По наблюдениям Р. Ф. Касаткиной, ассимилятивная мягкость согласных по-разному проявляется на месте сочетания фонем ⟨стн⟩ и ⟨сн⟩ (такое распределение вариантов отражено в [Каленчук, Касаткина 1997]). Во многих случаях дикторы произносили *Ма*[т'в']*éй*, но *ве*[тв']*éй* — возможно потому, что имена собственные более «консервативны», чем имена нарицательные, в них прочнее удерживаются «старшие» варианты произношения. Известно, что старые нормы произношения дольше сохраняются в частотных, привычных словах; в слова же, употребляемые реже, быстрее проникают новые варианты. Так, многие информанты в А² произносили *во́*[з'л']*е*, но *о ко́*[зл']*ике* и пр. (несомненно, что первое из этих слов более частотно в речи). По-разному реализовалась согласная фонема перед [л'] в словах *е́*[с'л']*и* и *с ма́*[сл']*ицем:* возможно, что здесь дело не только в высокочастотности служебного слова *если*, но и в том, что для носителя языка очевидна словообразовательная связь слова *маслице* со словом *масло*, в котором вообще нет условий для ассимилятивного смягчения.

Подобные наблюдения можно было бы продолжать, но, как представляется, вывод уже очевиден. То, что кажется случайным закреплением варианта произношения за конкретным словом (а именно этот процесс принято называть лексикализацией), на самом деле есть проявление закономерных и предсказуемых языковых причин — фонетических, лексических, грамматических.

Почему у одних информантов инновации в произношении распределены по позициям, а у других — по словам?

Можно предположить, что закрепленность варианта произношения за словом — всегда шаг от одной позиционной закономерности к другой. При этом очевидно, что индивидуальная скорость протекания процесса фонетического изменения различна у разных носителей языка, а информанты, принимавшие участие в экспериментах, находятся на разных этапах этого процесса.

2.4. Многими информантами в A^2 значительно шире, чем в A^1, используется возможность маркирования позиций акцентного выделения определенными орфоэпическими вариантами.

Например, это проявляется в том, что в A^2 шире, чем в A^1, используется возможность маркирования сильных позиций с помощью экающего варианта. Фразу *Жара становится немилосердной* при первой записи только три человека из двадцати, принимавших участие в эксперименте, произнесли таким образом: *Жара становится* [н'э]*милосе́рдной* (слово *немилосердной* без дополнительного акцента на приставке, но с гласным, не подвергшимся качественной редукции), ср. [Каленчук, Касаткина 1999]. К моменту второй записи такое произношение зафиксировано уже у девяти дикторов.

Эти наблюдения, возможно, позволяют говорить о возрастании роли просодических маркёров в речи конца XX в.

2.5. В речи большинства информантов заметно меньшую роль стали играть варианты произношения, специфичные для маргинальных подсистем. Особенно явно это проявляется на примере подсистемы заимствованных слов. Во-первых, к моменту второй записи из речи информантов полностью исчезли «привозные» фонемы, как их называет М. В. Панов. Так, если в A^1 слово *романс* было произнесено с носовым ⟨õ⟩ тремя дикторами, то в A^2 никто из них не использовал этого специфического звукового средства. Такие же наблюдения можно сделать и об употреблении ⟨l⟩ европейского. Пятеро информантов в первой записи произносили *ля-ля-ля* как [la-la-la], но только один из них продолжал так произносить и через треть века, остальные же заменили экзотическое для русского языка ⟨l⟩ на обычное ⟨л⟩.

Сравнение двух записей текста «Антонович» продемонстрировало резкое уменьшение количества качественно не редуцированных безударных гласных в корнях заимствованных слов. Так, если при первой записи в словах *профессор, консервы, блокнот, романс, Риголетто* нередуцированный [о] в предударном слоге был произнесен, соответственно, в 50, 60, 25, 50 и в 100% случаев, то при второй записи такое произношение было зафиксировано в 10, 25, 25, 0 и в 80% случаев. В слове *Риголетто* в заударном слоге безударный [о] при первой записи произнесли все участники эксперимента, а при второй — 80%.

Еще более заметно уменьшилось количество произнесений безударного [э] в корнях заимствованных слов. В словах *экспедицио́нный* и *энерги́чно* при первой записи был произнесен начальный [э] в 75 и 50% соответственно. К моменту же второй записи 40% информантов продолжали произносить [э]*кспедицио́нный*, в то время как слово *энерги́чно* абсолютно все дикторы произнесли как [и*]*нерги́чно*.

В заключение хотелось бы сказать, что предложенное в настоящем исследовании сравнительное изучение звучащей речи человека в разные периоды его жизни, как представляется, может стать одним из способов выявления и описания динамики произносительной системы языка.

Литература

Гловинская М. Я. В защиту одного приема фонетического обследования // Развитие фонетики современного русского языка. М., 1967.

Каленчук М. Л., Касаткина Р. Ф. Словарь трудностей русского произношения. М., 1997.

Каленчук М. Л., Касаткина Р. Ф. Особенности звукового оформления русских приставок // Russian Linguistics, 23, 1—9, 1999.

Касаткин Л. Л. Чередование гласных после [ш, ж, ц] в русском литературном языке // *Касаткин Л. Л.* Современная русская диалектная и литературная фонетика как источник для истории русского языка. М., 1999.

Панов М. В. О тексте для фонетической записи // Развитие фонетики современного русского языка. М., 1967.

Л. Л. Касаткин
Москва

ДВА ТИПА СИГНИФИКАТИВНО СЛАБЫХ ПОЗИЦИЙ И НЕКОТОРЫЕ СОГЛАСНЫЕ СУПЕРФОНЕМЫ РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

1. Важнейшими понятиями Московской фонологической школы (МФШ) являются понятия позиции и нейтрализации фонем. Позиция, которую А. А. Реформатский назвал сигнификативно сильной, — это позиция различения фонем, сигнификативно слабая — позиция их неразличения. Сигнификативно слабая позиция обычно называется позицией нейтрализации фонем. Однако следует выделять две разные сигнификативно слабые позиции фонем, и только одна из них может называться позицией нейтрализации.

Нейтрализацией фонем, с точки зрения МФШ, можно называть только результат такого регулярного позиционного чередования, при котором наблюдается различение фонем в разных морфемах в одних позициях и их неразличение в тех же морфемах в других позициях; см. [Панов 1999, 18—19]. Поэтому о нейтрализации фонем также говорят как о снятии их противопоставления в определенной позиции.

В русском языке нейтрализуются глухие и звонкие согласные фонемы на конце слова и перед шумными согласными: /ф/ — *дро*[ф]*á* — *дро*[ф] и /в/ — *дро*[в]*á* — *дро*[ф]; /ш/ — *нó*[ш]*а* — *но*[ш] и /ж/ — *но*[ж]*á* — *но*[ш]; /с/ — *те*[с]*áть* — *тё*[с]*ка* и /з/ — *тё*[з]*ок* — *тё*[с]*ка*; /т'/ — *моло*[т']*úть* — *моло*[д']*бá* и /д'/ — *хо*[д']*úть* — *хо*[д']*бá*; нейтрализуются взрывные и аффрикаты перед аффрикатами того же места образования: /т/ — *отвé*[т] *отдéла* — *отвé*[т͡ц] *цéха* и /ц/ — *коné*[ц] *отдéла* — *коné*[т͡ц] *цéха*; /т'/ — *пе*[т'] — *пе*[т͡ч'] *часто* и /ч'/ — *пе*[ч'] — *пе*[т͡ч'] *часто*; обычно нейтрализуются шумные зубные и переднеязычные перед шумными передненебными: /ш/ — *лáнды*[ш] — *лáнды*[ш] *шелестúт* и /с/ — *úри*[с] — *úри*[ш] *шелестúт*; /ж/ — *этá*[ж] *девя́тый* — *этá*[ж] *же девя́тый* и /з/ — *та*[з] *девя́тый* — *та*[ж] *же девятый* и т. п. Каждое из этих чередований, приводящее к нейтрализации фонем, регулярно, представлено многими примерами.

2. В древнерусском языке до падения редуцированных гласных согласные не могли стоять на конце слова, весьма ограничены были и соче-

тания согласных. Некоторые историки языка говорят о том, что противопоставление шумных согласных по глухости/звонкости сформировалось лишь после падения редуцированных: «Соотносительного ряда парных глухих ~ звонких согласных фонем в древнерусском языке не было, так как не было позиций нейтрализации согласных фонем по глухости ~ звонкости» [Горшкова, Хабургаев 1981: 61].

В древнерусском языке до падения редуцированных возможны были некоторые сочетания шумных глухих согласных и сочетания шумных звонких. «К ним относились, с одной стороны, сочетания двух глухих шумных: [ск] (*скоть*), [сп] (*спѣти*), [ст] (*стати*), [пт] (*лепта*), [кс] (*дужсь*), а с другой — сочетания двух звонких шумных: [зг] (*визгати*), [зд] (*ѣзда*), [бд] (*бдыть*), [гд] (в образованиях на *-гда*, типа *къгда*). (...) Возможно указать еще и на трехфонемные сочетания согласных, причем в этих сочетаниях последним элементом всегда выступал сонорный или [в]. К таким группам относились [стр] (*страдати*), [скр] (*скрина*), (...) [скл] (*склабити сѧ*), [скв] (*скврна*), [ств] (в составе суффикса [ьств]) и [здр] (*ноздрь*)» [Иванов 1990, 81; см. также: Иванов 1995: 116—122]. Во всех этих случаях сочетания шумных глухих или звонких согласных были внутри морфем, где глухие не чередовались со звонкими и наоборот.

Кроме того, «широко распространенными сочетаниями двух шумных были группы "[с] + глухой шумный" и "[з] + звонкий шумный" в образованиях с приставками *бес-/без-*, *въс-(вос-)/въз-(воз-)*, *ис-/из-*, *рос-(рас-)/роз-(раз-)* (типа *бесплодьныи — бездомъныи*, *въстопити — въздъмати*, *испустити — избѣжати*, *роспустити — роздърати* и т. п.)» [Иванов 1990: 81]. В этих приставках чередовались [з]||[с], воплощавшие фонему /з/: в перцептивно сильной позиции перед гласными и сонорными согласными в конце приставки произносился [з]; ср., например, в Мстиславовом Евангелии конца XI в.: *безоумиѥ*, *възложити*, *изити*, *развързаѧ* [Апракос Мстислава 1983: 302, 320, 362, 425]. Однако это позиционное чередование [з]||[с] в конце приставок не приводило к нейтрализации /з/ и /с/, как в следующую эпоху (*ра*[з]*лить* — [с]*лить* и *ра*[з]*бить* — [з]*бить*, *ра*[с]*крепить* — [с]*крепить*): в эпоху до падения редуцированных приставка *съ-* оканчивалась гласным и поэтому /с/ этой приставки могла реализоваться только звуком [с].

В перечисленных случаях подавляющее большинство сочетаний двух шумных согласных включало первый звук [с] перед глухим или [з] перед звонким. На основании этих фактов, а также чередования [з]||[с] в конце приставок можно сделать заключение, что фонема /з/ перед звонким шумным реализуется звуком [з], а перед глухим — звуком [с]. Но как должна вести себя фонема /с/ в этих же позициях, определенно сказать было бы нельзя. Поэтому, в частности, звук [с] не в конце приставки перед глухим согласным можно было бы интерпретировать как фонему /з/, но можно было бы предположить также, что он воплощает фонему /с/.

Единственное, что можно было бы утверждать на основании этих примеров, это то, что перед глухими и звонкими шумными согласными

отсутствует противопоставление фонем /с/ и /з/, эти позиции для них сигнификативно слабые при отсутствии их нейтрализации.

Однако и до падения редуцированных у фонем /с/ и /з/ была позиция нейтрализации, которая возникала в конце корня перед окончанием инфинитива *-ти*: *не*[с]*у*—*не*[с]*ти*, *па*[с]*у*—*па*[с]*ти*, *тря*[с]*у*—*тря*[с]*ти* и *ве*[з]*у*—*ве*[с]*ти*, *гры*[з]*у*—*гры*[с]*ти*, *лѣ*[з]*у*—*лѣ*[с]*ти* (после смягчения полумягких согласных—*не*[с']*ти* и т. п.).

Еще у одной пары фонем, противопоставленных по тому же дифференциальному признаку (которым в эпоху праславянского и древнерусского языка, очевидно, был признак напряженности/ненапряженности, позднее трансформировавшийся в признак глухости/звонкости; см., в частности: [Касаткин 1999а: 227—274]), позиция нейтрализации была еще в праславянскую эпоху: /t/ и /d/ в позиции перед [t] совпадали в [t]. Позднее [tt] > [st], в результате чего в древнерусском языке были чередования: *ме*[т]*у*—*ме*[с]*ти*, *пле*[т]*у*—*пле*[с]*ти* и *ве*[д]*у*—*ве*[с]*ти*, *бре*[д]*у*—*бре*[с]*ти*; *чь*[т]*ити*—*чь*[с]*ть* и *воло*[д]*ѣти*—*воло*[с]*ть* и т. п.

Таким образом, в древнерусском языке еще до падения редуцированных гласных система согласных фонем уже допускала нейтрализацию некоторых шумных глухих и звонких. Когда после падения редуцированных появились новые сочетания шумных согласных и согласные стали выступать также на конце слова, эта закономерность распространилась на все шумные согласные.

3. Гораздо сложнее взаимоотношения согласных, парных по твердости/мягкости. Различные группы таких согласных ведут себя по-разному, у них выделяются разные сигнификативно сильные и слабые позиции. Рассмотрим один из фрагментов этой системы.

3.1. В современном русском литературном языке губные и зубные согласные перед [р], [р']—только твердые. Исключение—/л/—/л'/. Хотя сочетания [л], [л'] с [р], [р'] в русских широко употребительных словах отсутствуют, лексически не представлены, но возможность произношения их в иноязычных словах и аббревиатурах (*Гоэлро, кольраби, Мальро, Амальрик, Ульрих*) подтверждает возможность противопоставления /л/—/л'/ в любых позициях; см. [Панов 1997: 111; Касаткин 1999а: 211].

Во многих морфемах твердые согласные перед [р], [р'] не чередуются с мягкими, так как не могут быть в этих же морфемах в других позициях: [бр]*ат*, [бр']*ítва*, *о*[пр]*áва*, *а*[пр']*éль*, *а*[вр]*ál*, [вр']*ém*я, [фр]*онт*, *е*[фр']*éйтор*, *ý*[тр]*о*, [тр']*úдцать*, *въ́*[др]*а*, *á*[др']*ес*, [ср]*ок*, [ср']*éдства*, *и*[зр]*азéц*, *со*[зр']*éть*, [нр]*ав*, *Гé*[нр']*их* и т. п. Какую фонему или гиперфонему воплощают здесь твердые согласные перед [р], [р']? Ответ на этот вопрос зависит от точки зрения на ряд других фонологических закономерностей.

Вначале рассмотрим фонологическую систему, представленную старшей нормой.

В некоторых морфемах возможно чередование твердого губного или зубного согласного перед [р], [р'] с мягким перед вставным гласным:

бо[б]*рá*, *о бо*[б]*рé* — *бо*[б']*ёр*; *жá*[б]*ры*, *жá*[б]*ре* — *жá*[б']*ерный*; *ре*[б]*рó*, *на ре*[б]*рé* — *рé*[б']*ер*; *ко*[п]*рá*, *на ко*[п]*рé* — *ко*[п']*ёр*; *ко*[в]*рá*, *на ко*[в]*рé* — *ко*[в']*ёр*; *о*[д]*рá*, *на о*[д]*рé* — *о*[д']*ёр*; *бе*[д]*рó*, *на бе*[д]*рé* — *бé*[д']*ер*; *ве*[д]*рó*, *в ве*[д]*рé* — *вé*[д']*ер*; *я*[д]*рó*, *на я*[д]*рé* — *я́*[д']*ерный*; *ша*[т]*рá*, *в ша*[т]*рé* — *ша*[т']*ёр*; *вé*[т]*ра*, *о вé*[т]*ре* — *вé*[т']*ер*; *кос*[т]*рá*, *в кос*[т]*рé* — *кос*[т']*ёр*; *сес*[т]*рá*, *сес*[т]*рé* — *сес*[т']*ёр*; *хи́*[т]*рый*, *хи*[т]*рée* — *хи*[т']*ёр*.

Позиция перед гласным для согласных сигнификативно сильная, поэтому мягкий согласный в этих примерах представляет мягкую фонему. Какую фонему — твердую или мягкую — представляет здесь твердый согласный перед [р], [р'], можно определить при наличии чередований твердого согласного перед [р], [р'] и твердого же согласного перед гласным в одних и тех же морфемах. Иначе говоря, при наличии нейтрализации твердых и мягких фонем в позиции перед [р], [р'] твердый согласный в этой позиции в приведенных выше примерах русского языка следует расценить как воплощение мягкой фонемы.

Такие морфемы, в которых твердый согласный перед [р], [р'] представляет твердую фонему, в русском языке есть, это приставки на согласный. В них возможно произношение твердого согласного перед [р], [р'] и твердого согласного в сигнификативно сильной по твердости/мягкости позиции: *о*[б]*рубúть*, *о*[б]*решётка* — *о*[б]*ыскáть*; [в]*разрéз*, [в]*резнóй* — [в] *обнúмку*; [с]*растúть*, [с]*рисовáть* — [с]*ковáть*; *бе*[з]*рабóтный*, *бе*[з]*результáтный* — *бе*[з]*óблачный*; *о*[т]*рóсток*, *о*[т]*рéзок* — *о*[т]*экзаменовáть*; *по*[д]*румя́нить*, *по*[д]*рёберный* — *по*[д]*мáзать* и т. п. Так же ведут себя и соответствующие предлоги: *о́*[б] *руку*, *о*[б] *решётку* — *о*[б] *иглý*; [в] *рáну*, [в] *рéку* — [в] *окнó*; [с] *рóзой*, [с] *резедóй* — [с] *áстрой*; *о*[т] *рóщи*, *о*[т] *рисýнка* — *о*[т] *э́того* и т. п.

Таким образом, позиция перед [р], [р'] для твердых и мягких губных и зубных согласных фонем является сигнификативно слабой: они не противопоставлены в этой позиции, где возможны только твердые согласные. Ее также следует считать позицией нейтрализации этих фонем. При чередовании твердых согласных в позиции перед [р], [р'] с твердыми или с мягкими звуками сильной позиции твердые согласные перед [р], [р'] воплощают в одних морфемах твердые фонемы, в других — мягкие. В вышеприведенных примерах с твердым согласным перед [р], [р'] в корнях при отсутствии чередования со звуками сильных позиций (*брат*, *бритва*, *утро*, *тридцать* и т. п.) эти твердые согласные воплощают твердые/мягкие гиперфонемы.

В некоторых редких случаях существуют чередования твердых губных и зубных согласных перед [р], [р'] с мягкими и твердыми согласными перед гласными в тех же морфемах: *у*[м]*рý*, *у*[м]*рú*, — *у*[м']*ерéть*, *у*[м']*ирáть*, *с*[м']*ертъ*, [м']*ёртвый* — [м]*ор*; *за*[п]*рý*, *за*[п]*рú* — *за*[п']*ерéть*, *за*[п']*ирáть* — *за*[п]*óр*; [т]*ру*, [т]*рёшь*, [т]*рéние* — [т']*ерéть*, *от*[т']*ирáть*, [т']*ёрка* — *за*[т]*óр*; *воз*[з]*рéть*, *воз*[з]*рéние* — *в*[з']*ирáть* — *в*[з]*ор*, [з]*óркий*. Эти слова одного корня, в них твердые и мягкие согласные выступают в сигнификативно сильных позициях, представляя твердую и мягкую фонемы, а в

позиции перед [р], [р'] произносится только твердый согласный, она сигнификативно слабая. Поэтому здесь можно было бы видеть гиперфонемную ситуацию и транскрибировать *у*/$\frac{м}{м}$/*рý*, *у*/$\frac{м}{м}$/*ри́*; *за*/$\frac{п}{п}$/*рý*, *за*$\frac{п}{п}$/*ри́*; /$\frac{т}{т}$/*ру*, /$\frac{т}{т}$/*рёшь*, /$\frac{т}{т}$/*ре́ние*; *воз*/$\frac{з}{з}$/*ретъ*, *воз*/$\frac{з}{з}$/*ре́ние* (ср.: [Панов 1967: 237—239; Кузьмина 1981: 25]).

Однако если в одной и той же морфеме в сильной позиции чередуются разные фонемы и в том же месте морфемы выступает звук в сигнификативно слабой позиции, то он интерпретируется как гиперфонема лишь тогда, когда «преимуществ ни у той, ни у другой проверки нет» [Панов 1967: 237]. Если же наблюдается преимущество у одной из проверок — более близкая морфологическая форма, то именно ее и следует принимать во внимание в первую очередь; см. [Зарецкий 1946]. В нашем же случае *умру*, *умри* — это формы глагола *умереть*, и естественнее сопоставлять их с формой инфинитива, а не со словом *мор*. Такое же положение со словами *запереть*, *запру*, *запри* и *запор*, *тереть*, *тру*, *трёшь* и *затор*. Слово *трение* — отглагольное существительное, оно также ближе к слову *тереть*, чем к *затор*. Слова *воззреть*, *воззрение* ближе к слову *взирать*, чем к *взор*, *зоркий*; ср. [Тихонов 1985, I: 378]. Поэтому и в этих случаях твердый согласный перед [р], [р'] ближе к соответствующей мягкой фонеме, чем к твердой, и от приведенной выше транскрипции с гиперфонемой следует отказаться и транскрибировать: *у*/м'/*рý*, *у*/м'/*ри́*, *за*/п'/*рý*, *за*/п'/*ри́*, /т'/*ру*, /т'/*ри*, /т'/*рёшь*, /т'/*ре́ние*, *воз*/з'/*ре́ть*, *воз*/з'/*ре́ние*.

3.2. Возможно в этом случае и иное фонологическое решение.

М. В. Панов, приведя примеры чередования *ко*[н']—*ко*[нн]*ый*, *Каза*[н']—*каза*[нс]*кий*, *Голла*[н']*дия*—*голла*[нс]*кий*, *гава*[н']*ь*—*гава*[нс]*кий*, *крестья*[н']*е*—*крестья*[нс]*кий*, *бой*[н']*я*—*бое*[нс]*кий*, *спарта*[н']*ец*—*спарта*[нц]*ы*, *испа*[н']*ец*—*испа*[нц]*ы* и наряду с ними *ио*[н'с]*кий*, делает вывод: «этого исключения довольно, чтобы считать чередование "мягкий зубной не перед твердым зубным" || "твердый зубной перед твердым зубным" — чередованием непозиционным», т. е. чередованием мягкой и твердой фонем [Панов 1979: 100].

Исходя из этого решения, следует признать, в частности, чередование «мягкий зубной не перед твердым зубным» || «твердый зубной перед [ц]» также чередованием мягкой и твердой фонем. Например: *ко*[н']*е́ц*—*ко*[нц]*á*, *пе*[с']*е́ц*—*пе*[сц]*á*, *обра*[з']*е́ц*—*обра*[сц]*á*, *о*[т']*е́ц*—*о*[т͡ц]*á*, *моло*[д']*е́ц*—*моло*[т͡ц]*á*; *би*[т']—*би́*[т͡цэ] (*биться*), *весели́*[т͡]—*весели́*[т͡цэ] (*веселиться*) и т. п.

Поведение зубных согласных перед твердыми зубными не отличается от их поведения перед [р], [р']. Поэтому вывод М. В. Панова можно распространить и на эту позицию и считать, что чередование «мягкий зубной не перед [р], [р']» || «твердый зубной перед [р], [р']» также представляет чередование мягкой и твердой фонем. В этом случае следует рассмотренные в 3.1 примеры интерпретировать иначе, расценивая твердые зубные в *у́*[тр]*о*, [тр']*и́дцать*, *вы́*[др]*а*, *а́*[др']*ес*, [ср]*ок*, [ср']*е́дства*,

и[зр]*азéц*, *со*[зр']*éть*, [нр]*ав*, *Гé*[нр']*их* и т. п.; *ве*[д]*рó*, *в ве*[д]*рé*, *хи́*[т]*рый*, *хи*[т]*рée* и т. п.; [т]*ру*, [т]*рёшь*, [т]*рéние*, *воз*[з]*рéть*, *воз*[з]*рéние* и т. п. как представители твердых фонем.

Сходное решение, исходящее из «презумпции твердости», предлагает по отношению к согласным, в частности к губным, С. М. Кузьмина [Кузьмина 1981: 39—43]. Следуя этому решению, надо и в приведенных в 3.1 примерах [бр]*ат*, [бр']*и́тва*, *о*[пр]*áва*, *а*[пр']*éль*, *а*[вр]*ál*, [вр']*éмя*, [фр]*онт*, *е*[фр']*éйтор* и т. п.; *бо*[б]*рá*, *о бо*[б]*рé*, *ко*[п]*рá*, *на ко*[п]*рé*, *ко*[в]*рá*, *на ко*[в]*рé* и т. п.; *у*[м]*рý*, *у*[м]*ри́*, *за*[п]*рý*, *за*[п]*ри* и т. п. твердый губной согласный определять как представитель твердой фонемы.

Исходя из этого решения, следует признать позицию перед [р], [р'] для согласных фонем, кроме /л/, /л'/, сигнификативно слабой по твердости/мягкости, так как в этой позиции нет их противопоставления. Вместе с тем в этой позиции нет нейтрализации этих фонем.

3.3. Таким образом, приведено два разных фонологических решения одной и той же фонетической закономерности. Решение, приведенное в 3.2, имеет обоснование. Можно ли обосновать и решение, приведенное в 3.1?

При формулировании указанной в 3.2 закономерности М. В. Панов исключает из зубных согласных /л/ и /л'/: их поведение и поведение других зубных перед ними выделяет эти фонемы в особую группу. Так, /л/ и /л'/ не нейтрализуются, они различаются перед всеми согласными, перед [л'] не обязателен мягкий зубной [Панов 1979: 126—128; см. также: Касаткин 1999а: 211].

Однако поведение /н/ и /н'/ также отличает эти фонемы от других парных по твердости/мягкости зубных согласных. Кроме примера *июньский* и приведенного М. В. Пановым также примера *день-деньской*, в котором сейчас принято только мягкое произношение [н'] перед [с], можно привести и другие примеры с [н'] перед твердыми зубными: *Циньская династия* (221—207 гг. до н. э.) и *Цинская династия* (1644—1911) в Китае, *тайваньский*, *тайваньцы* и название правящей партии Тайваня *гоминьдан*, *гава́нский*, *гава́нцы* от *Гавана* и *га́ваньский*, *га́ваньцы* от *га́вань*; см. [Генслер 1860], *Иваньская площадь* в Великом Новгороде. Примеров различения других парных по твердости/мягкости зубных фонем перед твердыми зубными в старшей норме нет. Различаются, в отличие от других зубных фонем, /н/ и /н'/ и перед [ш], [ж]: *велика́*[нш]*а*, *пла*[нш]*éт*, *пу*[нш]—*ме́*[н'ш]*е*, *ра́*[н'ш]*е*, *то́*[н'ш]*е*; *ора́*[нж]*евый*—*де*[н'ж]*óнки*. Обычно твердый [н] произносится после гласного перед [с'], [з'] во многих словах: *ава*[нс']*и́ровать*, *ко*[нс']*éрвы*, *ко*[нс']*ерва́тория*, *ко*[нс']*и́лиум*, *в тра́*[нс']*е*, *во*[нз']*и́ть*, *в бро́*[нз']*е*, *бры́*[нз']*е*, *га*[нз']*éйский*, *э*[нз']*и́мы* и др., тогда как на месте других зубных (кроме [л]) в этой позиции внутри корня произносятся мягкие звуки. Поэтому поведение /н/—/н'/ ближе к /л/—/л'/, чем к другим парным по твердости/мягкости зубным согласным фонемам. На этом основании для фонем /с/—/с'/, /з/—/з'/, /т/—/т'/, /д/—/д'/ можно устанавливать фонологические закономерности, исходя из поведения лишь этих фонем, не опираясь на поведение /н/—/н'/.

Особое поведение /л/—/л'/ и /н/—/н'/, отличающее эти фонемы от /с/—/с'/, /з/—/з'/, /т/—/т'/, /д/—/д'/ и выделяющее эти последние в особый класс, может объясняться следующим. Воплощающие эти фонемы звуки [л]—[л'] и [н]—[н'] сонорные, тогда как [с]—[с'], [з]—[з'], [т]—[т'], [д]—[д'] шумные. Признак сонорность/шумность у всех согласных фонем русского языка интегральный, однако и интегральные признаки могут влиять на особое поведение соответствующих фонем; см. [Реформатский 1970: 115]. Звуки [л]—[л'] боковые, тогда как другие зубные щелевые — срединные. Боковость—дифференциальный признак фонем /л/—/л'/, противопоставленных срединным /с/—/с'/, /з/—/з'/. По-видимому, эта артикуляция обусловила возникновение противопоставления по твердости/мягкости /л/—/л'/ раньше, чем у других согласных; см. [Касаткин 1999а: 188—189]. Раньше, чем у шумных согласных, возникло и противопоставление /н/—/н'/; см. [Колесов 1980: 83—93; Горшкова, Хабургаев 1981: 59—60].

Фонемы /с/—/с'/, /з/—/з'/, /т/—/т'/, /д/—/д'/ не различаются перед твердыми зубными согласными, совпадая в твердом звуке. Эту позицию можно считать и позицией их нейтрализации: *Ру*[с']—*ру́*[с]*ский* и *инду́*[с]—*инду́*[с]*ский*, *пло*[т']—*пло́*[ц]*ский* и *фло*[т]—*фло́*[ц]*ский*, *чу*[т'] (*чудь*)—*чу*[ц]*ско́й* и *го́ро*[т]—*горо*[ц]*ско́й*[1]; *свя*[с']—*свя*[з]*но́й*, *гря*[с']—*гря́*[з]*ный* и *гла*[с]—*гла*[з]*но́й*, *обо́*[с]—*обо́*[з]*ный*, *ру́копи*[с']—*рукопи́*[с]*ный* и *кипари́*[с]—*кипари́*[с]*ный*, *че́тверг*[т']—*четверг*[т]*но́й*, *ста*[т']—*ста́*[т]*ный* и *спир*[т]—*спир*[т]*но́й*, *квадра́*[т]—*квадра́*[т]*ный*, *ме*[т']—*ме́*[д]*ный* и *вре*[т]—*вре́*[д]*ный*; *о*[с']*ёл*—*о*[с]*ла́* и *по*[с]*о́л*—*по*[с]*ла́*, *ко*[з']*ёл*—*ко*[з]*ла́* и [з]*ол*—[з]*ла*.

[1] Позиция может определяться как фонологическая: положение одной фонемы перед другой фонемой — или фонетическая: положение одного звука перед другим звуком. В большинстве случаев это различие несущественно. Но в данных примерах существенно: здесь можно говорить только о нейтрализации твердых и мягких зубных фонем перед твердой зубной фонемой (точнее, гиперфонемой /с|з/ в суффиксе *-ск-*), которая в данной позиции представлена нулем звука. Если же говорить о позиции перед следующим звуком, которым является заднеязычный [к'] или [к], то эта позиция для твердых/мягких зубных сигнификативно сильная; ср. *разы́*[ск']*ивать* — *нау́*[с'к']*ивать*, *ре́*[тк]*о* — *ре́*[т'к]*а*. При таком взгляде следует говорить о чередовании мягкой фонемы /с'/ в слове *Ру*[с'] и твердой фонемы /с/ в слове *ру́*[ск']*ий*. Что же касается примеров *пло*[т'] — *пло́*[цк']*ий* и *фло*[т] — *фло́*[цк']*ий*, *чу́*[д']*и* — *чу*[цк]*о́й* и *го́ро*[д]*а* — *горо*[цк]*о́й*, то можно говорить о «совпадении» [т'], [д'] и [т], [д] в [ц], который перед [к'], [к] бывает только твердым, и, следовательно, о снятии здесь противопоставления [т'] и [т], [д'] и [д], нейтрализации /т'/ и /т/, /д'/ и /д/. Такое решение опирается на отсутствие в русском литературном языке [ц'] перед [к'], [к]. Однако эта синтагматическая закономерность отражает лишь норму, в системе языка такого запрета нет. В русском языке лексически не представлены внутри слова сочетания /т'с'к/, /т'с'к'/ и /д'с'к/, /д'с'к'/. Если бы такие сочетания существовали, они должны было бы реализоваться в [ц'к], [ц'к']; ср., например, во фразе *Лодзь Киеву шлёт поздравление* произношение [ц'к'] на стыке слов *Лодзь Киеву*. С учетом этого следует считать, что [ц] в *пло́*[цк']*ий* и *чу*[цк]*о́й* является представителем /т/, /д/, после которых /с/ перед согласным реализуется нулем звука: [т] перед [с] изменился в [ц], а [с] между [ц] и [к'], [к] выпал; см. [Касаткин 1999б]. Следовательно, можно видеть в *пло*[т'] — *пло́*[цк']*ий* чередование /т'/||/т/, в *чу́*[д']*и* — *чу*[цк]*о́й* чередование /д'/||/д/.

Перед [ц] произносятся только парные твердые согласные (кроме [л]—[л'], противопоставленных в этой позиции: *халцедо́н—кольцо́* и т. п.), и при этом возможна нейтрализация твердых и мягких фонем, в частности нейтрализация /т/ и /т'/ в окончаниях инфинитива и 3-го лица возвратных глаголов: /т'/—*би*[т']—*би́*[т͡цэ] и /т/—*бье́*[т]—*бье́*[т͡цэ], *бью*[т]—*бью́*[т͡цэ], /т'/—*весели́*[т']—*весели́*[т͡цэ] и /т/—*весели́*[т]—*весели́*[т͡цэ], *веселя́*[т]—*веселя́*[т͡цэ], /т'/—*выучи*[т']—*выучи*[цэ] и /т/—*выучи*[т]—*выучи*[цэ], *выучу*[т]—*выучу*[цэ], /т'/—*кле́и*[т']—*кле́и*[цэ] и /т/—*кле́и*[т]—*кле́и*[цэ], *кле́я*[т]—*кле́я*[цэ].

Таким образом, твердый зубной перед твердым зубным в этом случае может представлять и твердую и мягкую фонему. Какую из них, показывает звук, выступающий в сигнификативно сильной позиции в той же морфеме.

В тех случаях, когда проверка слабой позиции сильной позицией в той же морфеме невозможна, следует констатировать твердую/мягкую гиперфонему: /с|с'/*луга́*, /с|с'/*но́п*, /с|с'/*рок*, /с|с'|з|з'/*тол*, /з|з'/*лак*, /з|з'/*нак*, *и*/з|з'/*разе́ц*, /с|с'|з|з'/*да́ние*, *а́*/т|т'/*лас*, *ме́*/т|т'/*р*, /д|д'/*лань*, /д|д'/*руг*, *ками-ка́*/т|т'|д|д'/*зе*.

Такое решение отчасти соответствует точке зрения Р. И. Аванесова, считавшего, что, за исключением /л/, /л'/, перед твердыми зубными «выступают слабые по твердости/мягкости зубные, которые произносятся в этом положении также твердо». В число слабых зубных фонем Р. И. Аванесов включает и носовые [Аванесов 1956: 177—178]. Однако, как указано выше, позиция перед твердыми зубными для /н/—/н'/ сигнификативно сильная. С точки зрения Р. И. Аванесова, позиция перед [р], [р'] слабая по твердости/мягкости для губных и зубных фонем, позиция перед твердыми губными и зубными слабая для губных фонем [там же: 178—179].

3.4. Один из случаев чередования мягкого губного, зубного согласного и [р'] в позиции перед гласным с твердым согласным в позиции перед твердым зубным и [р], [р'] представляют примеры с беглыми /е/, /о/. С указанных в 3.3 фонологических позиций эти чередования можно интерпретировать следующим образом.

В фонологической системе, представленной старшей нормой, чередование звуков [н']||[н] следует рассматривать как чередование фонем /н'/||/н/: *дли́*[н']*ен*—*дли́*[н]*ный*, *пле*[н']*ён*—*пле́*[н]*ный*, *це́*[н']*ен*—*це́*[н]*ный*; *го*[н']*е́ц*—*го*[н]*ца́*, *ко*[н']*е́ц*—*ко*[н]*ца́*, *та́*[н']*ец*—*та́*[н]*ца*. Другие чередующиеся мягкие и твердые согласные следует рассматривать как представители одних и тех же мягких фонем: /п'/—*пе́*[п']*ел*—*пе́*[п]*ла*, *ко*[п']*ён*—*ко*[п]*на́*, *досту́*[п']*ен*—*досту́*[п]*на*, *ко*[п']*ёр*—*ко*[п]*ра*, [п']*ёс*—[п]*са́*, *ку*[п']*е́ц*—*ку*[п]*ца́*; /б'/—*бу́*[б']*ен*—*бу́*[б]*на*, *подо́*[б']*ен*—*подо́*[б]*ный*, *бо*[б']*ёр*—*бо*[б]*ра́*, *жа́*[б']*ерный*—*жа́*[б]*ры*, *ру*[б']*е́ц*—*ру*[п]*ца́*; /в'/—*ко*[в']*ёр*—*ко*[в]*ра́*, *гри́*[в']*ен*—*гри́*[в]*на*, *ра́*[в']*ен*—*ра́*[в]*ный*, *о*[в']*ёс*—*о*[ф]*са́*, *пе*[в']*е́ц*—*пе*[ф]*ца́*; /м'/—*до-*[м']*ен*—*до́*[м]*на*, *у*[м']*ён*—*у́*[м]*ный*, *скро́*[м']*ен*—*скро́*[м]*ный*, *не́*[м']*ец*—*не́*[м]*ца*; /с'/—*со́*[с']*ен*—*со*[с]*на́*, *согла́*[с']*ен*—*согла́*[с]*на*, *кре́*[с']*ел*—*кре́*[с]*ло*, *лето-пи́*[с']*ец*—*летопи́*[с]*ца*; /з'/—*ко*[з']*ёл*—*ко*[з]*ла́*, *у́*[з']*ел*—*у*[з]*ла́*, *любе́*[з']*ен*—*любе́*[з]*ный*, *поле́*[з']*ен*—*поле́*[з]*ный*, *обра*[з']*е́ц*—*обра*[с]*ца́*; /т'/— *ко*[т']*ёл*—

ко[т]*лá*, *ме*[т']*ёлка* — *ме*[т]*лá*, *кос*[т']*ёр* — *кос*[т]*рá*, *пя́*[т']*ен* — *пя*[т]*нó*, *поня́*[т']*ен* — *поня́*[т]*на*, *си́*[т']*ец* — *си́*[ţ]*ца*, *коры́*[т']*ец* — *коры́*[ţ]*це*; /д'/ — *вё*[д']*ер* — *ве*[д]*рó*, *го*-[д']*ен* — *го́*[д]*ный*, *ви́*[д']*ен* — *ви*[д]*на́*, *коло́*[д']*ец* — *коло́*[ţ]*ца*, *блю́*[д']*ец* — *блю́*[ţ]*це*; /р'/ — *о*[р']*ёл* — *о*[р]*лá*, *благода́*[р']*ен* — *благода́*[р]*на*, *дво*[р']*е́ц* — *дво*[р]*цá* и т. п.

3.5. В фонологической системе, представленной младшей нормой, отражаются изменения, происшедшие в русском литературном языке и приведшие к формированию в системе согласных новых отношений между твердыми и мягкими фонемами. Все позиции стали для этих фонем сильными, и чередования твердых и мягких согласных, ранее представлявших одну фонему, превратились в чередования твердых и мягких фонем; см. [Касаткин 1999а: 211—224].

В этой новой системе перед гласными /е/, /о/ звуки [п'], [б'], [в'], [м'], [с'], [з'], [т'], [д'], [р'] по-прежнему представляют мягкие фонемы /п'/, /б'/, /в'/, /м'/, /с'/, /з'/, /т'/, /д'/, /р'/. В тех же морфемах перед твердыми зубными и [р], [р'] твердые звуки [п], [б], [в], [м], [с], [з], [т], [д], [р] стали представлять твердые фонемы /п/, /б/, /в/, /м/, /с/, /з/, /т/, /д/, /р/.

4. Нельзя ли рассматривать позиции, в которых чередуются эти твердые и мягкие фонемы, как морфологические? Например, рассматривать чередование /н'/||/н/ в *го*[н']*е́ц* — *го*[н]*цá*, *ко*[н']*е́ц* — *ко*[н]*цá*, *коле́*[н']*ец* — *коле́*[н]*це*, *веретё*[н']*ец* — *веретё*[н]*це* и т. п. как обусловленное разными падежными формами: [н'] в форме им. падежа ед. числа (и вин. падежа у неодушевленных) существительных муж. рода и род. падежа мн. числа существительных ср. рода, а [н] в остальных формах. Нет, такая обусловленность в действительности отсутствует. Существительные муж. рода с формой им. падежа ед. числа на *-нец* не обязательно теряют /е/ в других формах: *близне́ц* — *близнецá*, *кузне́ц* — *кузнецá*, *жнец* — *жнецá*, поэтому [н'] у этих слов во всех формах. У существительных ср. рода с формой им. падежа ед. числа на *-нце* не обязательно появляется беглая гласная /е/ в форме род. падежа мн. числа: *В сто сорок солнц закат пылал* (В. Маяковский); в этом слове [н] во всех формах. Кроме того, есть существительные муж. рода на *-нц* в форме им. падежа ед. числа: *принц*, *Франц*; у них не появляется беглая гласная, поэтому и [н] выступает во всех формах.

Точно так же нельзя рассматривать чередование /н'/||/н/ в *дли́*[н']*ен* — *дли́*[н]*ный*, *пле*[н']*ён* — *пле́*[н]*ный* как обусловленное краткой и полной формой прилагательного или причастия: в *ра́*[н']*ен* — *ра́*[н']*еный*, *чи́*[н']*ен* — *чи́*[н']*еный* и *воспи́та*[н] — *воспи́та*[н]*ный*, *на́зва*[н] — *на́зва*[н]*ный* такого чередования нет.

Чередование /н'/||/н/, как и чередования других рассмотренных выше губных и переднеязычных твердых||мягких фонем, возникает в связи с наличием или отсутствием беглых /е/, /о/, а чередование /е/||/ø/ и /о/||/ø/ не связано с какими-либо морфологическими позициями; ср. [Панов 1999: 33].

Н. С. Трубецкой установил закономерность, по которой чередование гласного с нулем в суффиксах имен существительных и прилагательных

зависит от фонетической позиции — завершения предшествующей морфемы: если она оканчивается сочетанием согласных с последним сонорным или [в], «то суффиксальная морфема представлена своим вокалическим вариантом» [Трубецкой 1987: 108]. Действительно, такая закономерность прослеживается на многих примерах, в частности в суффиксе *-ец-*: *шельмéц — шельмецá, чернéц — чернецá, беглéц — беглецá, наглéц — наглецá, подлéц — подлецá, храбрéц — храбрецá, мудрéц — мудрецá, жрец — жрецá, хитрéц — хитрецá, стервéц — стервецá, мертвéц — мертвеца, швец — швеца* и др. Однако есть и исключения. Так, после сочетания согласных с последним сонорным может выступать вариант с нулем гласного: *áгнец — áгнца, гáрнец — гáрнца*; после сочетания согласных с последним шумным могут выступать варианты с гласным и с нулем гласного: *гордéц — гордецá, овсéц — овсецá, простéц — простецá, лъстец — лъстецá, чтец — чтецá, лжец — лжецá* и *голлáндец — голлáндца, истéц — истцá, крестéц — крестцá, самодéржец — самодéржца, волчéц — волчцá* и др. Таким образом, и фонетическая позиционная прикрепленность чередования /е/||/ø/ нарушается большим числом отступлений.

В рассмотренных выше случаях чередующиеся согласные иногда стоят в конце корня, а беглый гласный выступает в суффиксах *-ен-/-'он-, -ец-*. Однако во многих случаях и чередующиеся согласные, и беглый гласный, и следующий согласный стоят в корне. Чередование в одних и тех же корнях мягких фонем перед гласными /е/, /о/ || твердых перед твердыми зубными и [р], [р'] зависит только от этих фонетических позиций.

Чередующиеся в фонетических позициях фонемы представляют особую фонологическую единицу; см. [Касаткин 1999а: 109—114], которая может быть названа с у п е р ф о н е м о й. У суперфонемы существует сходство с морфонемой в том, что обе эти единицы воплощаются позиционно чередующимися фонемами. Но морфонему представляют фонемы, чередующиеся в морфологических позициях, а суперфонему — фонемы, чередующиеся в фонетических позициях. Морфонема — единица морфонологии, а суперфонема — единица фонологии. В отличие от фонемы, передаваемой косыми скобками //, и морфонемы, передаваемой фигурными скобками {}, суперфонема может передаваться ломаными скобками ⟨⟩. Суперфонема обозначается немаркированным членом оппозиции. Так, суперфонему ⟨п⟩ представляют чередующиеся фонемы /п/||/п'/, суперфонему ⟨б⟩ — фонемы /б/||/б'/, ⟨в⟩ — /в/||/в'/, ⟨м⟩ — /м/||/м'/, ⟨с⟩ — /с/||/с'/, ⟨з⟩ — /з/||/з'/, ⟨т⟩ — /т/||/т'/, ⟨д⟩ — /д/||/д'/, ⟨р⟩ — /р/||/р'/. Эти суперфонемы присоединились к ранее выступавшей в этих позициях ⟨н⟩, представленной /н/||/н'/.

5. У заднеязычных согласных противопоставление фонем по твердости/мягкости сформировалось в литературном языке позднее, чем у других согласных. Такое противопоставление наблюдается лишь перед гласными: *т*[к']*ёт*, *ли*[к']ёр, киос[к']ёр, *мани*[к']*ю́р* — [к]*от*, [к]*уст*; [г']*ерб* — [г]*ЭС* и т. п.; подробнее см.: [Касаткин 1999а: 97—98; 1999в: 123—124]. В других позициях заднеязычные не противопоставлены по твердости/мягкости. Перед большинством согласных обычно произносятся твердые

заднеязычные: [к]*вас*, [к]*вéрху*, *мá*[г]*ма*, *мá*[г]*ме*, *пú*[х]*та*, *пú*[х]*те*, [к]*рест*, [г]*риб*, [х]*рю́кать* и т. п., перед мягкими заднеязычными — заднеязычные обычно мягкие: [к'] *кит*ý, [г'] *гúре*, *мя́*[х']*кий* и т. п. На конце слова возможны только твердые заднеязычные. Поэтому эти позиции сигнификативно слабые для твердых/мягких заднеязычных фонем. Нет у заднеязычных фонем и таких чередований твердых и мягких согласных, которые приводили бы к нейтрализации твердых и мягких фонем. Таким образом, эти сигнификативно слабые позиции не являются позициями нейтрализации.

Такой случай, когда при отсутствии нейтрализации «один из двух членов фонологической оппозиции не существует в определенной позиции в морфеме», представитель Пражской фонологической школы Б. Трнка назвал «мнимой нейтрализацией»; см. [Вахек 1964: 131—132; см. также: Кузьмина 1981: 40; 1995: 341—342; Бархударова 1998: 117—119].

Взгляды Московской фонологической школы на нейтрализацию фонем кардинально отличаются от взглядов Петербургской (Ленинградской) фонологической школы, представители которой называют «нейтрализацией фонем» «некую фонетическую (или фонотактическую) закономерность, (...) согласно которой в определенной позиции выступает только один член оппозитивной пары» [Зиндер 1997: 62; см. также: Маслов 1987: 60—61; Бондарко и др. 1991: 15]. С точки зрения МФШ такая закономерность вообще не может считаться нейтрализацией фонем.

Литература

Аванесов Р. И. Фонетика современного русского литературного языка. М., 1956.

Апракос Мстислава Великого. М., 1983.

Бархударова Е. Л. Нейтрализация звуковых единиц в языках с различной типологической характеристикой звукового строя // Язык: изменчивость и постоянство. М., 1998.

Бондарко Л. В., Вербицкая Л. А., Гордина М. В. Основы общей фонетики. СПб., 1991.

Вахек Й. Лингвистический словарь Пражской школы. М., 1964.

Генслер И. Гаваньские чиновники в домашнем быту, или Галерная Гавань во всякое время дня и года. СПб., 1860.

Горшкова К. В., Хабургаев Г. А. Историческая грамматика русского языка. М., 1981.

Зарецкий А. И. Строение русской орфографии // Русский язык в школе. 1946. № 5—6.

Зиндер Л. Р. Теоретический курс фонетики современного немецкого языка. СПб., 1997.

Иванов В. В. Историческая грамматика русского языка. 3-е изд. М., 1990.

Иванов В. В. Фонетика // Древнерусская грамматика XII—XIII вв. М., 1995.

Касаткин Л. Л. Современная русская диалектная и литературная фонетика как источник для истории русского языка. М., 1999а.

Касаткин Л. Л. Аффрикаты на месте взрывных согласных перед щелевыми в русском языке // Проблемы фонетики. III / Отв. ред. Р. Ф. Касаткина. М., 1999б.

Касаткин Л. Л. Фонетика // Современный русский литературный язык / Под ред П. А. Леканта. 4-е изд. М., 1999в.

Колесов В. В. Историческая фонетика русского языка. М., 1980.

Кошутић Р. Граматика руског језика. 2-е изд. Пг., 1919.

Кульмина С. М. Теория русской орфографии: орфография в ее отношении к фонетике и фонологии. М., 1981.

Кульмина С. М. Понятие гиперфонемы в Московской фонологической школе // Проблемы фонетики. II. М., 1995.

Маслов Ю. С. Введение в языкознание. 2-е изд. М., 1987.

Панов М. В. Русская фонетика. М., 1967.

Панов М. В. Современный русский язык. Фонетика. М., 1979.

Панов М. В. Фонетика // Современный русский язык / Под ред. В. А. Белошапковой. 3-е изд. М., 1997.

Панов М. В. Позиционная морфология русского языка. М., 1999.

Реформатский А. А. Из истории отечественной фонологии. Очерк. Хрестоматия. М., 1970.

Тихонов А. Н. Словообразовательный словарь русского языка: В 2 т. М., 1985.

Трубецкой Н. С. Избранные труды по филологии. М., 1987.

Р. Ф. Касаткина
Москва

СИНТАКСИС В ПЛЕНУ ФОНЕТИКИ
(О ФОНЕТИЧЕСКИХ ОГРАНИЧЕНИЯХ НА ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ НЕКОТОРЫХ СИНТАКСИЧЕСКИХ КОНСТРУКЦИЙ В ЮЖНОРУССКИХ ГОВОРАХ)

В южнорусских говорах отмечено несколько синтаксических конструкций, до сих пор считавшихся распространенными только в севернорусском диалектном ареале. В статье три из них будут рассмотрены подробнее.

Прежде всего это касается вопроса об **употреблении именительного падежа в роли прямого объекта**. Эта синтаксическая конструкция, известная древнерусскому языку, до сих пор широко представлена в современных севернорусских говорах. Однако С. И. Котков отмечал ее также и в письменных памятниках южнорусского происхождения XVII в. и считал, что «конструкция типа "земля пахать" в прошлом была и южновеликорусской, а не только северно- и средневеликорусской. В XVII в. произошла ее утрата в области южновеликорусского наречия» [Котков 1959: 52]. В современных южнорусских говорах, по имеющимся данным, эта конструкция все же встречается, но, как считают исследователи диалектного синтаксиса, чрезвычайно редко (см., например: [Кузьмина 1993: 7—9]). И. Б. Кузьмина отмечает, что в большинстве случаев примеры этой конструкции, содержащиеся в материалах ДАРЯ для южнорусского ареала, имеют лексикализованный характер [там же: 15]. Однако в текстах звучащей хрестоматии [Русские народные говоры... 1999] было отмечено несколько примеров свободного употребления указанной конструкции, например: *ужэ́ тъдá рубáшкэ сашйéш* (Смол.); *жнём пшанúца* (Брян.); *пэлушáл прéмъя, принёс бутъ́лка, фся нóчь ня спúм* (Ряз.); *фсю зимá анá в éтэй шýби хóдить* (Моск.); *пáрэ лэшадéй зэпрягýть* (Воронеж.); *Трóицэ нэряжáли* (Тул.).

Можно к этим примерам добавить еще несколько, записанных в экспедиции проф. Я. П. Лохера (Берн, Швейцария) Д. М. Савиновым и О. Г. Ровновой в говорах Клепиковского р-на Рязанской обл. и Венёвского р-на Тульской обл.: *А из молокá что делали? — Из мэлакá што? Сметáна, твýрэх, мáслэ дéлэли; Фсю зимá их нбся* (Ряз.); *Он* (крот) *ни бирёть кар-*

то́шка; сада́тцы май риба́ты йисьть карто́шка; он прийижъжа́ить, карто́шычька пэсыпа́ить; кэлара́тскии жуки́ фсю карто́шка аби́дають (Тул.). Словосочетание *всю зиму́*, отмеченное дважды — в Московской и Рязанской обл., по-видимому, относится к лексикализованным случаям, которые имела в виду И. Б. Кузьмина.

Случаи *фсю зиму́* и *фсю карто́шка* обращают на себя внимание отсутствием согласования по падежу определяемого с определяющим, в данном случае — местоимением. Возможность такого рассогласования делает вероятным предположение о том, что и пример из Воронежской обл., приведенный в хрестоматии, — *Каку́ ж вам пате́хэ рэсказа́ть?* — может быть приобщен к общему списку, несмотря на то что безударное [э] во флексии может быть реализацией фонемы /у/, а не /а/. Дело в том, что примеры с [э] в заударной позиции могут быть достаточно убедительными только в тех случаях, когда в системе говора нет редукции заударного *у*. В таком фрагменте, как *Он и дя́ру́шкэ падмы́шкэ, и жану́ падмы́шкэ* (Воронеж.), скорее всего, заударный [э] — результат нейтрализации фонем /а/ и /у/ в безударной позиции, поскольку в стоящей рядом словоформе (*жану́*) произношение *у* под ударением свидетельствует об использовании в роли прямого дополнения винительного падежа, как и в литературном языке, а не именительного. Следовательно, можно полагать, что в словоформах *дя́ру́шкэ, падмы́шкэ* в конечном слоге [э] произносится в соответствии с фонемой /у/.

Впрочем, не исключено, что в данном случае имеет место смешение двух систем — новой, сходной с системой литературного языка, и старой, свойственной архаическому слою диалекта. Во всяком случае, фонетическая реализация гласных флексий в подобных примерах, столь важная для противопоставления двух типов синтаксических конструкций, затрудняет их распознавание.

В речи переселенцев-старообрядцев южнорусского происхождения, живущих в настоящее время в США, в штате Орегон, так называемых «турчан», магнитофонные записи которых также вошли в корпус хрестоматии [Русские народные говоры... 1999], употребление именительного падежа в роли прямого объекта при личных формах глагола и при предикативном наречии *надо* отмечено неоднократно, и эти конструкции также употребляются свободно. Ср. примеры: *Там крини́шъка вы́копали; Кто клубни́ка посади́л уже к о́сени, то уроди́лась хорошо́; Мы я́мка вы́копаем, туда́ хо́дим сы́пим; У меня́ де́ньги на доро́гу фа́тить; Нам земля́ не на́до* [Касаткина, Касаткин 1999: 796]. Всё это позволяет считать, что синтаксическая конструкция с именительным падежом в роли прямого объекта употребительна и жива до сих пор не только в севернорусском ареале, но и в говорах южнорусского наречия. Вполне возможно, что подобные примеры могут быть умножены, если бы было возможно снятие фонетической неопределенности, о которой было сказано выше.

В севернорусском ареале с полным оканьем, где нет качественной редукции заударных гласных, фонетика помогает сохранению древней синтаксической конструкции.

Конструкции с краткими причастными формами с суффиксами *-н-, -т-*. И. Б. Кузьмина пишет по этому поводу: «Двукомпонентные конструкции, в которых имя и причастие координируют между собой, являются общерусскими. Повсеместно распространены также конструкции с именем в род. падеже и причастной формой на *-но, -то*» [Кузьмина 1993: 135]. Примеры с координирующими между собой именами и причастиями многочисленны и в текстах южнорусской хрестоматии, ср., например: *ана́ ляжи́ть, ш каля́ску свита́; нэ зями́ была́ пэстла́та (о)дия́ла; У ха́ти две́ри аткры́ты и сня́ты, и во́кны; Бали́ть пэлсни́ца, пачиму* (потому что) *ана́ изра́бо́тэнэ; Ты типе́рь прасва́тэнэ.* Такое употребление кратких страдательных причастий не отличает южнорусские говоры от литературного языка. Зона диалектной специфики в употреблении кратких страдательных причастий начинается там, где появляется рассогласование причастия и имени, т. е. причастие как бы воплощает безличную конструкцию. Ср. примеры И. Б. Кузьминой: *Написано грамотка не пером; А у меня свой ребёнок был взято в Сланцы; одна лощина скошено; соха было кладено* [там же: 137]. И. Б. Кузьмина полагает, что причастия на *-но, -то* здесь «застывшие, неизменяемые образования (а не формы, которые можно непосредственно возводить к безличным конструкциям)» [там же: 137]. Она пишет, что территория распространения таких конструкций «практически совпадает с территорией регулярного употребления глагольных конструкций с существительными на *-а* в объектной функции» [там же], т. е. с северо-западной территорией. Однако с кажущимся отсутствием подобных конструкций в южнорусских говорах дело обстоит не так просто. И здесь плохую услугу синтаксису опять оказывает фонетика. Действительно, если в окающих говорах в случаях типа *лощина скошено* синтаксическое рассогласование отчетливо выражено фонетически, то при акающем вокализме — на юге и в акающих среднерусских говорах — несогласованность оказывается фонетически завуалированной: [лаш'и́нэ ско́шэнэ], что вполне напоминает общерусские примеры, приведенные выше. Примеры типа *воз свезёнэ* более прозрачны, хотя и они могут быть восстановлены с полной формой причастия: *воз свезён(ый)*, — ведь фонетический эллипсис конечного *-й* нередко отмечается в южнорусских текстах. И все же в текстах южнорусской хрестоматии обнаружены примеры, коррелирующие с теми, которые И. Б. Кузьмина приводит для севернорусских говоров. Ср., например: *И ко́минъ* (ко́минь — горизонтальный дымоход в доме от печки до трубы) *кэко́йт(о) **прата́нутэ**, э рука́ми эт(от) кэменёк пэло́жуть; Та́м дя́ру́шки бы́ли эт(о) иш ш'ярсьти **пасу́чинэ**, фся́кэю кра́скэй **пэкра́шэнэ*** (Воронеж.); *Бэва́лэ, шайде́ш шаш ни́хний дом, а и́ш ты, **убра́нэ** и **нако́рмлинэ*** (Смол.); *Бы́лэ ф сваё вре́мя да́денэ, мол, прика́с* (Липецк.). Все эти примеры убеждают в том, что и южнорусским говорам свойственна синтаксическая конструкция типа *воз свезёнэ*.

По данным И. Б. Кузьминой, более распространенными в южнорусских говорах (в их западной части) являются формы на *-вши, -мши, -ши*. Наш материал также содержит такие формы, и не только с запада южно-

русской территории, ср.: *У пя́тницу* ***перьвенча́мши,*** *ну тада́ ш нильзя́* (есть скоромное) (Калуж.); *Нау́ одну́ разу́им, одна́* ***абу́фши*** (Брян.); *Там пэхади́л(а), пэпэбира́лэсь, умари́лэся, у шубенэчьки* ***адэ́мшэ*** (Тульск.). Из рассказа о Крещенье — *Как арда́нь руби́ли, как ваду́ бра́ли, как папы́ иду́ть и фсё на све́ти* ***замёр(з)ши,*** *как старики́ у бэрэда́х иду́дь* ***замёр(з)шы*** (Курск.). Заметим, что только два первых из приведенных примеров совпадают с территорией, определенной Кузьминой для существования форм на *-вши, -мши, -ши* (см. [Кузьмина 1993: карта № 7, 136]).

Таким образом, можно считать, что в отношении употребительности кратких причастий на *-н, -т* южнорусские говоры не противопоставлены севернорусским и среднерусским. Однако с полной уверенностью можно утверждать, что в них отсутствуют формы кратких причастий с нулевым окончанием (*сено свезён, одеяло постла́т*), а также конструкции *здесь у волков хожено*, характерные и весьма частотные для западной части севернорусской и среднерусской территории.

Формы давнопрошедшего времени, как отмечается во многих публикациях, не имеют определенной локализации [Русская диалектология 1964: 166; Русская диалектология 1972: 192], однако чаще они отмечаются в севернорусских говорах и на западе среднерусского ареала. Существование таких форм в южнорусских говорах — большая редкость. Так, в работе П. А. Расторгуева формы плюсквамперфекта (*были назначили* и *забрали были*) на территории смоленских говоров отмечаются как раритетные [Расторгуев 1960: 128].

В хрестоматии [Русские народные говоры... 1999] изредка отмечены случаи употребления таких форм в южнорусских говорах, например: *В праздник* ***были*** *шёлковые* (платки) *уже* ***появилися*** *хорошия там* (Белгород.); (невестка молодая), *а тоже* ***помёрла была,*** *она больная, она быстро и помёрла* (Смоленск.). Д. М. Савинов записал в экспедиции в Белёвский р-н Тульской обл. следующий пример: *Они* (строители) *хоть* ***были оклеи́ли,*** *всё рамно воздух проходить.*

Случай со вторым примером (*помёрла была*) свидетельствует о том, что в южнорусском диалектном ареале нужные формы могут быть не замечены исследователями из-за просодической маскировки. Дело в том, что в этих говорах, в отличие от севернорусских, отмечаются бо́льшая включенность слова во фразовый контур, см. [Пауфошима 1983], и слабая выраженность межсинтагменных швов. Поэтому первоначально фрагмент *помёрла была она больная* сегментирован как *помёрла, была она больная*. Такая сегментация вызвана отсутствием паузы между сегментами *была* и *она*. Восстановить правильную картину помогло только выявление перелома основного тона на межсинтагменном шве.

Таким образом, можно предположить, что истинное положение с функционированием синтаксических конструкций в южнорусских говорах может быть выявлено только в результате тщательно проведенного анализа речевого материала, при котором следует принимать во внимание все особенности редукционной и просодической системы того или иного говора.

Литература

ДАРЯ — Диалектологический атлас русского языка. Ч. III. Синтаксис. М., 1998.

Захарова К. Ф., Орлова В. Г. Диалектное членение русского языка. М., 1970.

Касаткина Р. Ф., Касаткин Л. Л. Некоторые диалектные архаизмы в говоре орегонских «турчан» // Поэтика. История литературы. Лингвистика. Сборник к 70-летию Вячеслава Всеволодовича Иванова. М., 1999.

Котков С. И. Конструкция типа «земля пахать» в истории южновеликорусских говоров. Изв. АН СССР. Отд-е лит-ры и языка. Т. 18, вып. 1. М., 1959.

Кузьмина И. Б. Синтаксис русских говоров в лингвогеографическом аспекте. М., 1993.

Пауфошима Р. Ф. Фонетика слова и фразы в севернорусских говорах. М., 1983.

Расторгуев П. А. Говоры на территории Смоленщины. М., 1960.

Русская диалектология / Под ред. Р. И. Аванесова, В. Г. Орловой. М., 1964.

Русская диалектология / Под ред. Н. А. Мещерского. М., 1972.

Русские народные говоры. Звучащая хрестоматия. Южнорусское наречие / Под ред. Р. Ф. Касаткиной. М., 1999.

Л. П. Крысин
Москва

НОВЫЕ АНАЛИТИЧЕСКИЕ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ И ЯВЛЕНИЕ ХИАТУСА

В книге «Русская фонетика» Михаил Викторович Панов исчислил все возможности сочетания «гласный + гласный» в пределах слова [Панов 1967: 62—65]. Различная реализация гласного в соседстве с другим гласным — от звуков полного образования до тех или иных степеней редукции — зависит от ударения, а ударение может падать либо на первый гласный сочетания (*а́ист*), либо на второй (*наи́вный*), или же оба гласных безударны (*наибо́лее*).

Как известно, сочетание двух и более гласных, возникающее внутри морфемы или на стыке морфем (слов), носит название з и я н и е, или х и а т у с (см. [Васильева и др. 1995: 39, 140]). В целом это явление не очень характерно для фонетической структуры русского слова. Чаще всего оно встречается на стыке морфем: *поочерёдно, заоблачный, приосаниться, переустройство, переименовать, наигрывать, поэтому, простаивать* и т. п.

Некоторые из слов с такими последовательностями гласных пережили процесс опрощения, и соответствующие морфемы выделяются в них лишь исторически: *наитие, наотмашь, наутёк, неурядица* и др.

«...законы, по которым формируются эти сочетания (сочетания "гласный + гласный".—*Л. К.*), не так определенны, как законы согласных сочетаний. Например, слово *радио* произносится: [ра́д'ил], [ра́д'иъ°], [ра́д'иъ], [ра́д'ил], в книжном стиле: [ра́д'ио]. Так же вариативно произношение слова *период* и многих других» [Панов 1967: 65].

Не случайно, что оба примера, которые приведены М. В. Пановым в только что процитированном отрывке из его книги, — слова заимствованные. Если в целом для русской лексики единицы, содержащие хиатус, малохарактерны, то в словах иноязычного происхождения это фонетическое явление представлено достаточно широко, что служит лишним подтверждением мысли о существовании особой фонетической подсистемы — подсистемы, характерной для иноязычных слов: «Произношение этих слов[1] та-

[1] Помимо заимствований, М. Я. Гловинская рассматривает в качестве особой (в фонетическом отношении) группы топонимы, звукоподражания, аббревиатуры.

ково, что требует для своего описания принципиально иных правил, нежели те, которые описывают произношение всех остальных» [Гловинская 1971: 54; см. также: Гловинская 1967; 1976].

Наиболее часты в заимствованиях случаи с однократным хиатусом, т. е. с сочетанием двух гласных, но встречаются и такие иноязычные слова (заимствованные или созданные в русском языке из иноязычных морфем), которые содержат последовательности из трех, четырех и даже из пяти (!) гласных подряд. Рассмотрим группы слов с каждой из этих разновидностей хиатуса.

1. Однократный хиатус. Он наблюдается как внутри иноязычных морфем, так и — особенно часто — на стыке иноязычной морфемы с другой иноязычной или с исконной морфемой. Этот вид хиатуса характерен для слов, относящихся к классу аналитических прилагательных[2] и оканчивающихся на последовательность из двух гласных.

Приведем примеры слов с однократным хиатусом. Они взяты из словаря [Крысин 1998] (так же как и примеры, иллюстрирующие другие разновидности хиатуса). Гласные, между которыми наблюдается зияние, выделены жирным шрифтом. Списки приводимых слов, естественно, не могут быть исчерпывающими, но, чтобы сделанное выше утверждение о широкой распространенности хиатуса в фонетической подсистеме заимствований не казалось голословным, эти списки достаточно обширны и дают возможность судить о том, каковы разновидности сочетаний двух и более гласных в иноязычных словах:

аблаут, авиа- (и сочетания с этим словом: *авиадесант, авиапредприятие* и под.), *авиатор, авиация, авуары, агиограф, агиография, адажио, ажиотаж, аквариум, аккордеон, аксессуары, актуальный, анабиоз, ангио-* (и сочетания с этим словом: *ангиоспазм, ангионевроз* и под.): *аорист, аорта, аортальный, апартеид, ареопаг, архео-* (и сочетания с этим словом: *археолог, археологический* (в аллегровой речи возможно устранение зияния: *ар*[х'и^{э}]*логи́ческий*), *археология*), *ассоциация, ассоциировать, аудио-* (и сочетания с этим словом: *аудиокассета, аудиотехника* и под.), *аудитор, аудитория, аут, аутизм, аэро-* (и сочетания с этим словом), *бактриан, бальнеология, библио-* (и сочетания с этим словом: *библиография, библиотека*; в норме произношение: *биб*[л'ил]*те́ка*, в просторечии возможно стяжение гласных, устранение хиатуса: *биб*[л'л]*те́ка*), *био-* (и сочетания с этим словом), *биография, биология, бионика, боа, вакуум* и *вакуум-* (ср. *вакуумнасос* и под.), *вариант* (у некоторых представителей старшего поколения интеллигенции наблюдается произношение без хиатуса: *ва*[р'ја]*нт*), *вариация, видео* и *видео-* (ср. *видео-*

---

[2] О грамматическом статусе аналитических прилагательных типа *кино-, радио-* и их свойствах, позволяющих считать их именно словами (не частями слов), а образования типа *киноустановка, радиопередача* — словосочетаниями (не сложными словами), см. в работах М. В. Панова [Панов 1956; 1971; Русский язык... 1962: 56—58; РЯиСО, 3: 111 и след.]. На то, что подобные образования — «не сложные слова, а словосочетания», впервые указал А. А. Реформатский [Реформатский 1955: 226].

клип, видеосигнал и т. п.), *визуальный, виртуальный, вуайеризм, гаолян, гаубица, гаучо, гелио-* (плюс производные), *гениальный, гео-* (плюс производные), *гомеопатия, гривуазный, гуашь, гяур, диалог, диаспора, диета* ([Борунова и др. 1989] рекомендует только безйотовое произношение сочетания гласных в этом слове: [д'иэ]*та*, а словарь [Каленчук, Касаткина] допускает два варианта — безйотовый и с йотом между гласными: [д'ијэ́]*та*), *диод, доминион, дредноут, друиды, дуоденальный, есаул, жовиальный, жуир, зоо-* (плюс производные: *зоопарк, зоотехник* и т. п.), *зоология* (в аллегровой речи возможно стяжение гласных: [зʌ]*лбгия*), *зуав, игуана, идеал, идеология, идиома, идиот, иезуит, икосаэдр, импресарио, инаугурация* (сочетание [ау] в этом слове отчетливо произносится, по-видимому, только дикторами радио и телевидения; в менее официальной речи обычен вариант со стяжением гласных: *и*[нʌ]*гура́ция*), *ингредиент* (допустимы два варианта — с хиатусом и с вставкой йота перед вторым гласным: *ингре*[д'иэ́]*нт* и *ингр*[д'ијэ́]*нт* — см. [Каленчук, Касаткина 1997: 181]), *индуизм, инициалы, интернационал*[3], *интуитивный, интуиция, ионизация* (слово, послужившее основой для образования этого слова — *ион*, согласно орфоэпической норме произносится без хиатуса, с йотированным [о]: [јон]), *ионический, ипекакуана, иудей, иудаизм, ихтио-* (плюс производные), *ишиас, кааба, каатинга, кабриолет, казеин, казуистика, какао* (об особенностях произношения сочетания гласных в абсолютном конце слова см. ниже), *камбио, канкроид, каноэ, каолин, кардио-* (плюс производные), *кариес, каудильо, каустик, каучук, клоака, клоун, коала, коагуляция, коалиция, коитус, компаунд, кондуит, конгруэнтный, коэффициент, крааль, креозот, креол, креолизация, крио-* (плюс производные: *криотерапия* и под.), *круиз, куафёр, кугуар, кулуары, лабиализация, лабиальный, ламаизм, лампион, лауреат, левиафан, легион, легионер, легуа, лигроин, линеаризация, линеарный, линолеум, лобио, локаут, люизит, люэс, мадемуазель, макао, макиавелизм, маниока, мануальный, мареограф, марионетка, марихуана, маседуан, материализация, материализм, материалист*[4], *матримониальный, матуар, маузер, махаон, маэстро, меандр, медиальный, медиана, медиатор, медиация, медиевистика, медиум, мелиорация, мельхиор, мемориал, менструация, менструировать, меридиан, меридиональный, метео-* (плюс производные), *метеор, метеорит, миелит,*

[3] Р. Ф. Касаткина обратила мое внимание на то, что в речи интеллигенции первой половины XX в. было возможно произношение с устранением зияния — путем йотации ⟨о⟩, при этом согласный ⟨ц⟩ был мягким: *интерна*[ц'јʌ]*на́л;* без зияния произносилось и слово *революционный*: *револю*[ц'јб]*нный* (ср. у А. Блока: «Революцьонный держите шаг, Неугомонный не дремлет враг»).

[4] В некоторых, главным образом частотных, иноязычных словах хиатус в сочетаниях ⟨иа⟩, ⟨ио⟩ может устраняться путем полной редукции ⟨и⟩, как в словах *специальный* и *милиционер* (произносится: *спе*[ца́]*льный* и — в разговорной речи — *мили*[ца]*не́р*, наряду с нормативным *мили*[цыᵊа]*не́р*, см. [Каленчук, Касаткина 1997: 395, 244]; сюда же можно добавить слово *официальный*, которое в разговорном стиле произносится с редукцией ⟨и⟩: *офи*[ца́]*льный*). В позиции после мягкого сонорного иногда происходит йотация второго гласного: *мате*[р'ја́]*л*, *мате*[р'ја́]*льный*, разговорные варианты *ми*[л'јо́]*н*, *ми*[л'ја́]*рд*; в некоторых словах такое произношение закреплено и орфографически: *бильярд, бриллиант* (наряду с *бриллиант*).

мио- (плюс производные: *миоглобин, миография* и под.), *миома, миссионер, муар, муэдзин, мюид, мюон, наиб, наивный, нактоуз, неандерталец, нео-* (плюс производные), *неон, нокаут, нокдаун, ноухау, нуклеарный, нуклеин, нюанс, оазис, одиозный, оидиум, океан, океанавт, океанический, океанолог, океанология, олеография, оогамия, оолиты, оомицеты, ооцит, ориентация, ориентир, ориентировать(ся)* (возможное произношение последних трех слов с йотированным [э]: ...[р'иjэ].., по-видимому, противоречит орфоэпической норме), *оркестрион, остео-* (плюс производные: *остеотомия, остеохондроз* и под.), *отиатрия, официант, официозный, павиан, палео-* (плюс производные: *палеоботаника, палеомагнетизм* и под.), *паллиатив, панкреатит, пансион, пансионат, пантеизм, патриарх, патриархальный, патриархат, пауза, паупер, пауперизация, паушальный, педиатр, педиатрия, пелагиаль, пеон, период, периодизация* (в аллегровой речи возможно стяжение [ио] в [и]: *пе*[р'и]*диза́ция*), *пиала, пианино, пиано, пианиссимо*[5], *пиастры, пиелит, пиетет, пион, пируэт, писсуар, пиурия, плагиат, плеоназм, подиум, полароид, потенциальный, поэзия, поэма, поэт, поэтический, преамбула, приоритет, проект, проектировать, проекция, промоутер, протеины, псориаз, пуанты, радиальный, радиант, радиатор, радиация, радио, радио-* (плюс производные), *радиус, рангоут, раунд, раут, рацион, рациональный* (в аллегровой речи возможно стяжение гласных: [ръцʌна́льный), *реагент, реактивный, реакционер, реакция, реализм, реальный, реанимация, революционный, регион, рекамбио, реквием, рекреация, реостат, репатриант, репатриация, репертуар, реэвакуация, риелтор, ритуал, розеола, руины, сауна, силуэт, синтоизм, сольфеджио* (наряду с *сольфеджо*), *соус, социальный* (и однокоренные), *социо-* (плюс производные: *социолингвистика, социодинамика* и под.), *социум, спаниель, спартакиада, стадиальный, стадион, статуарный, статуэтка, стационар, стерео-* (плюс производные), *стипендиат, страус, стюард, стюардесса, сюита, таблоид, табуировать, тапиока, татуировка, тахеометр, театр, театральный* (в аллегровой речи возможно стяжение гласных: [т'а́тр], [т'ʌтра́]льный), *теизм, теин, тенденциозный, теодолит, теория, теоретический, теософия, тетраэдр, тиара, тороидальный, трахеит, трахеотомия, триада, триангуляция, триатлон, трио, триумф, триумфальный, троакар, тротуар, трюизм, туалет, уанстеп, узуальный, уикэнд, униаты, унионизм, уотергейт, факториал, фараон, фауна, фаэтон, фейхоа, фиакр, фиалка, фиаско, фидеизм, фиеста, физиономия, физиотерапия*[6],

---

[5] А. А. Реформатский произносил эти слова без хиатуса: [п'jан']*и́но*, [п'jа́н]*о*, [п'jан']*и́ссимо*, но более обычным является безйотовое произношение, с сохранением зияния: [п'иан']*и́но*, [п'иа́н]*о*, [п'иан']*и́ссимо* (оно соответствует и современной орфоэпической норме), хотя для произносительной манеры старшего поколения интеллигенции устранение зияния в подобных позициях не такая уж редкость: некоторые представители этой социальной среды произносят *ва*[р'jа́]*нт, спа*[н'jэ́]*ль, мате*[р'jа]*и́ст* и т.п.

[6] Хотя *физио-* непродуктивно в образовании новых словосочетаний, оно вполне может быть интерпретировано как аналитическое прилагательное; ср. возможные контексты: [В регистратуре поликлиники]: — *Я не пойму: вам надо в физио- или просто в терапию?; Ему уже ни физио-, ни мануальная терапия не помогает; Там не только физио-, но даже термо- и криотерапия есть.*

флюиды, флюорография, фолиант, фрау, фреон, фтизиатр, фтизиатрия, фуэте, хамелеон, хаос, хаотический, хариус, хиазм, хиатус, хилиазм, химио- (плюс производные: *химиотерапия* и под.), *хореограф, хореография, христианин, христианство, целлулоид, циан, цианиды, цианистый, цианоз, циклоида, чау-чау, чемпион, чемпионат, шиизм, шииты, шоу, шоу-* (ср.: *шоубизнес, шоу-группа* и под.), *шоумен, шпангоут, эвакуация, эвакуировать, эвентуальный, эволюционизм, эволюционный, эвфуизм, эгоизм, эгоист, экстаустер, экспозиционизм, экспансионизм, эксплуатация, эксплуатировать, экспроприация, экспроприировать, энеолит, энтеробиоз, энуклеация, эозин, эолит, эоцен, эпидемиолог, эпидемиология, эпиорнис, эссеист, эстуарий, этиология, этуаль, юань, юниор, ягуар.*

2. Двукратный хиатус. Он встречается, как правило, на стыке иноязычных морфем: *аудиоаппаратура, аудиоэффект, биоэнергетика, видеоаншлаг, видеооптика, идиоадаптация, радиоэлектроника, радиоэхо, радиоактивный* (возможны два варианта произношения — с двойным и с однократным хиатусом: *ра*[д'илʌ]*ктúвный* и *ра*[д'илʌ]*ктúвный*), *маоизм, маоист*[7] и т. п. Внутри морфемы: *пауэрлифтинг*[8] (произносится с побочным ударением на [а]), название учения английского утописта Р. Оуэна — *оуэнизм*, собственные имена *Иоанн, Иоакинф* и производное от *Иоанн* — *иоанниты* (члены рыцарского ордена). В отличие от возможного устранения хиатуса в позиции начала слова, когда второй гласный в сочетании ⟨ио⟩ находится под ударением — либо основным (как в слове *ион:* [jóн]), либо побочным (как в словах *ионосфера, ионотерапия:* [jòнʌ]*сфéра*, [jòнʌ]*терапúя*), — в словах *Иоанн, Иоакинф, иоанниты* зияние сохраняется как между первым и вторым, так и между вторым и третьим гласными, при этом ⟨о⟩ может сохраняться как гласный полного образования или же ассимилироваться с последующим ⟨а⟩, и на месте ⟨оа⟩ произносится сочетание [ʌа].

3. Трехкратный хиатус. Он наблюдается также на стыке двух иноязычных морфем, одна из которых оканчивается сочетанием двух гласных, а вторая таким сочетанием начинается. Случаи такого хиатуса единичны: *биоионизация, кардиоионотерапия, остеоаутотрансплантация, неоиудаизм.*

---

[7] На стыке корня и суффикса двойной хиатус может появляться, видимо, только в образованиях от собственных имен, оканчивающихся сочетанием двух гласных. Пока удалось обнаружить только два эти слова (они, кстати, не зафиксированы в «Грамматическом словаре» А. А. Зализняка), но в принципе, разумеется, это ряд открытый. Следует отметить, что в словах *маоизм, маоист* наряду с произношением, сохраняющим первый хиатус: [маойзм], [маойст], — возможно стяжение [ао] в один долгий [а̄]: [мā́йзм], [мā́йст], что отличает эти слова от словосочетаний типа *аудиоаппаратура*: два фактора — наличие самостоятельного ударения в слове *аудио* и морфемная граница, проходящая между ⟨о⟩ и ⟨а⟩, — препятствуют реализации этих фонем в виде долгого безударного [а̄] (о факторах, влияющих на появление в речи долгих гласных, см. [Пеньковский 1973]).

[8] Наличие двух ударений в подобных иноязычных словах, которые представляют собой сложение двух слов лишь в языке-источнике (но не в русском), отмечается и еще в некоторых случаях: *àрмрéстлинг, бòдибúлдинг, вйндсёрфинг, мàунтбáйк, сàундтрéк, ýтергéйт*; это характерно главным образом для недавних и еще плохо освоенных заимствований.

Образование таких словосочетаний непродуктивно, поскольку редки основы, начинающиеся с сочетания двух гласных.

4. Четырехкратный хиатус еще более экзотичен; его можно отнести, скорее, к теоретически возможным, чем к реально существующим явлениям[9]. Например, можно образовать такие слова, как *неоиоаннит* и *неооуэнизм*, в каждом из которых пять гласных подряд, и ни одна из них не может быть, по-видимому, устранена при произношении этих слов (*нео-* в этих словах несет на себе ударение).

Необходимо отметить, что в современном русском языке наблюдается заметный количественный рост класса аналитических прилагательных — главным образом за счет именно иноязычных элементов, вычленяемых из заимствованных слов. Эти элементы различны по своей фонетической структуре. В частности, среди них есть и такие, которые оканчиваются на согласный: *бизнес- (бизнес-класс, бизнес-план* и т. п.), *мед- (медперсонал, медвытрезвитель* и т. п.), *опер- (оперуполномоченный, оперчасть* и т. п.), *спец- (спецталон, спецполиклиника* и т. п.), *секс- (секс-бомба, секс-услуги* и т. п.), *эрзац- (эрзац-кожа, эрзац-товары* и т. п.) и др. Но в связи с проблемой хиатуса нас интересуют только такие аналитические прилагательные, в финальной части которых — один или два гласных: соединение их с основами, начинающимися с гласного, дает сочетания, содержащие хиатус. Перечень этих аналитических прилагательных довольно внушителен (приведем список только тех слов, которые оканчиваются одним гласным, — слова с финалью из двух гласных были перечислены выше, среди слов с одинарным хиатусом): *авто-, аэро-, газо-, гало-, гальвано-, гамма-, гастро-, гемато-, гемо-, гетеро-, гигро-, гидро-, гисто-, гомо-, графо-, дактило-, дельта-, дермато-, динамо-, евро-, изо-* (в сочетаниях типа *изоамплитуда, изоэнзимы* и под.), *иммуно-, инфра-, ионо-, иридо-, карбо-, кино-, комби-, космо-, крипто-, ксеро-, ксило-, лакто-, лейко-, лито-, макро-, макси-, мега-, мегало-, мезо-, мини-, моно-, мото-, нарко-, невро-, нейро-, нитро-, окси-, онко-, органо-, орнито-, орто-, ото-, петро-, пиро-, плазмо-, пневмо-, порно-, прото-, псевдо-, психо-, рентгено-, ретро-, сапро-, сейсмо-, селено-, склеро-, спектро-, термо-, техно-, фито-, фоно-, фото-, хемо-, хромо-, хроно-, цито-, экзо-, эко-, экто-, электро-, эндо-, энтеро-, энто-, эхо-*. Класс продолжает пополняться.

Поскольку аналитические прилагательные в современном русском языке характеризуются высокой активностью в соединении с другими словами, то это увеличивает возможность появления новообразований, содержащих хиатус. Если аналитическое прилагательное оканчивается одним гласным, то, соединяясь с другим словом, в начале которого гласный (либо два гласных), оно образует или может образовать новое словосочетание с одинарным либо с двойным хиатусом: *автоинспекция, киноус-*

[9] Однако если выйти за пределы слова, то можно наблюдать в современной речи и вполне реальные случаи четырехкратного хиатуса: *В прокате — видео- и аудиоаппаратура; Дайте мне не видео-, а аудиокассету; В отличие от видео-, у аудиоаппаратуры срок гарантии короче; Слушала, слушала радио, а уотергейт что такое, так и не поняла* и т. п.

тановка, телеанонс, электроизоляция, аэроионотерапия и т. п. С помощью прилагательных типа *авиа-* (с финалью из двух гласных) могут образовываться единицы с двойным и тройным хиатусом: *авиаотряд, аудиоанализ, радиоинженер, биоионизация, биоаэрация, социоаутсайдер* и т. п. Аналитическое прилагательное в таких образованиях имеет ударение: *àудиоáнализ, б'иòаэрáция* и т. п., и это обстоятельство способствует сохранению зияния между всеми гласными. В этом отношении приведенные словосочетания («мнимые сложные слова», по выражению А. А. Реформатского — см. [Реформатский 1967: 292]) похожи на пишущиеся раздельно последовательности слов в предложении, если одни из этих слов оканчиваются на гласный, а другие с гласного начинаются (или из гласного состоят, как некоторые первообразные предлоги и союзы: *у, а, и* и др.); ср: *спросили у Ивана; повезло и Олегу; мои и аудитора Петрова документы; Дай мне алоэ, а у Алёши попроси градусник* и т. п.

Можно отметить некоторые тенденции в произношении иноязычных слов, содержащих последовательности гласных. В общем случае гласные в составе этих последовательностей произносятся с большей отчетливостью, чем те же гласные в сходных позициях (относительно ударения), если они встречаются на стыке морфем исконного слова. Впрочем, дело здесь не столько в разграничении «иноязычное—исконное», сколько в том, что иноязычные слова в своей массе м а л о ч а с т о т н ы по сравнению со словами исконными, а фактор малой частотности слов обусловливает специфические черты их фонетики [Гловинская 1967], и в частности, меньшую, чем обычно, степень редукции неударных гласных. Ср., например, произношение неударного ⟨о⟩ в парах *боа — поахать, рококо — прокопоть*, заударного ⟨э⟩ в паре *реквием — зданием:* [рэ́ква'иэм], [зда́н'иьм] и т. п. В таких словах, как *аортальный, троакар*, где сочетание гласных ⟨оа⟩, каждый гласный сохраняет свои качества: [аорта́л'ныи̯], [троака́р] и т. п.

Неударный гласный в абсолютном конце слова, следующий за ударным или другим неударным, обычно также сохраняет свое качество, не редуцируется (или редуцируется незначительно): [кака́о] или [кака́о$^{\backsim}$], [мака́о] или [мака́о$^{\backsim}$], [л'об'ио] или [л'об'ио$^{\backsim}$], [тр'йо] и т. п. (на сохранение гласных в качестве гласных звуков полного образования в заударной позиции и на стыке морфем (не под ударением) в иноязычных словах указывал А. А. Реформатский, приводя такие примеры: «[кака́о], [м'ика́до] и даже [и$^{\backsim}$нэрго]*ресу́рсы*» [Реформатский 1966: 101]).

Разнообразные случаи хиатуса, описанные в этой статье, свидетельствуют о том, что «фонологическое сито» (термин Н. С. Трубецкого, использованный А. А. Реформатским, — см. [Реформатский 1966: 98—99]), которое отсеивает всё, что фонетически чуждо данной языковой системе, в русском языке имеет довольно крупные ячеи. Они пропускают в язык то, что ему не свойственно: хотя хиатус не характерен для звуковой структуры русских морфем (он не част и на морфемном шве), в фонетической

подсистеме заимствованной лексики это распространенное и даже весьма обычное явление[10].

Литература

Борунова С. Н., Воронцова В. Л., Еськова Н. А. Орфоэпический словарь русского языка. 5-е изд. М., 1989.

Васильева Н. В., Виноградов В. А., Шахнарович А. М. Краткий словарь лингвистических терминов. М., 1995.

Гловинская М. Я. Фонологическая подсистема малочастотных слов в современном русском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1967.

Гловинская М. Я. Об одной фонологической подсистеме в современном русском литературном языке // Развитие фонетики современного русского языка: Фонологические подсистемы. М., 1971.

Гловинская М. Я. Вариативность произношения заимствованных слов в современном русском языке // Социально-лингвистические исследования. М., 1976.

Зализняк А. А. Грамматический словарь русского языка. М., 1977.

Каленчук М. Л., Касаткина Р. Ф. Словарь трудностей русского произношения. М., 1997.

Крысин Л. П. Толковый словарь иноязычных слов. М., 1998.

Ожегов С. И., Панов М. В. Русский язык и советское общество: Проспект. Алма-Ата, 1962.

Панов М. В. О слове как единице языка // Ученые записки МГПИ. Т. 51. М., 1956.

Панов М. В. Русская фонетика. М., 1967.

Панов М. В. Об аналитических прилагательных // Фонетика. Фонология. Грамматика: К 70-летию А. А. Реформатского. М., 1971.

Пеньковский А. Б. Фонологическая интерпретация фонетических долгот гласных в русском языке // Проблемы теоретической и прикладной фонетики и обучение произношению. М., 1973.

Реформатский А. А. Введение в языкознание. 2-е изд. М., 1955.

Реформатский А. А. Неканоничная фонетика // Развитие фонетики современного русского языка. М., 1966.

Реформатский А. А. Введение в языковедение. 4-е изд., испр. и доп. М., 1967.

РЯиСО — Русский язык и советское общество / Под ред. М. В. Панова. Кн. 3. Морфология и синтаксис современного русского литературного языка. М., 1968.

---

[10] Некоторые фрагменты этой статьи были обсуждены с доктором филологических наук Р. Ф. Касаткиной, которой автор выражает искреннюю признательность.

Р. И. Лихтман
Махачкала

К ВОПРОСУ О ПРОИЗНОСИТЕЛЬНЫХ СТИЛЯХ РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

1.1. «Литературный язык реально существует во многих своих разновидностях.... Все эти языковые разновидности образуют то, что обычно называется разными стилями литературного языка. Обычно принято думать, что последние отличаются друг от друга лишь в отношении лексики и фразеологии, а также грамматики. Однако это неверно: на самом деле отличия захватывают и область фонетическую, произносительную. Поэтому с полным правом можно говорить о разных стилях произношения» [Аванесов 1954: 15].

В соответствии с мыслью об изоморфизме между произносительной стилистической системой и стилями на других уровнях языка Р. И. Аванесов утверждает наличие трех стилей произношения, варьируя в разных изданиях «Русского литературного произношения» лишь термины: в первых изданиях нейтральный назван разговорным стилем, от которого в разные стороны ответвляются книжный и просторечный [Аванесов 1954: 16], а в последних изданиях схема стилей принимает более привычный для описания стилистической системы русского языка вид: «основной, нейтральный стиль и ответвляющиеся от него в разные стороны высокий и разговорный стили» [Аванесов 1968: 20].

При этом автор предостерегает от смешения этой системы стилей с другим противопоставлением: беглая речь — отчетливая речь (близким к разграничению разговорного и полного стилей произношения у Л. В. Щербы) [Аванесов 1968: 22].

Подчеркивая неразработанность вопроса о произносительных стилях, Р. И. Аванесов иллюстрирует свои тезисы отдельными примерами: «...произношение [сонэ́т], [но]ктю́рн, [фонэ]ти́ческий характеризует книжный стиль... произношение [у-теб] нет книги? [кадб] (*когда*), т[б]ко (*только*) характеризует сниженный, просторечный стиль...» [Аванесов 1954: 16]. Есть и другие примеры, разбросанные по книге в описании отдельных произносительных явлений и в словарике—указателе слов: «В слове *тысчёнка*, относящемся к разговорно-просторечному стилю, гласный между *с* и *ч* отсутствует» [там же: 52]; «в словах книжных, в особен-

ности иноязычного происхождения», смягчение согласных перед мягкими может вовсе отсутствовать (с. 79); [з] и [с] в приставках на *з* (ра[зб']йл, и[сп']ёк) «в основном характеризуют книжное, интеллигентское произношение» (с. 83); произношение мягких согласных [д'] и [т'] в приставках (по[т'п']йшет, по[д'в']ёл) «в настоящее время все больше приобретает характер просторечного» [там же]; «отчетливое произношение в книжном стиле» отчеств типа *Васильевна, Григорьевна* требует сохранения *j* (с. 146); произношение [п'иис'ат], [шыис'ат] (*пятьдесят, шестьдесят*) — просторечное (с. 177, 178), ту же характеристику получает и твердый [н] в слове *очень* (с. 176).

В ряде случаев стилистические характеристики недостаточно четки. В первых изданиях книги это связано с терминами, выражающими схему стилистических противопоставлений. Возникает противоречивость оценок. Например, говорится, что произношение мягкого [б'] в сочетании [б'в'] «характеризует несколько сниженный просторечный стиль; в настоящее время оно (...) не может быть рекомендовано...» [Аванесов 1954: 81]; о мягкости [р'] в словах *ударник, торчит* и т. п. сказано, что она «не может уже считаться нормой для современного литературного языка (...) и постепенно становится принадлежностью просторечного стиля...» (с. 91) (разрядка везде моя. — *Р. Л.*). В подобных случаях неясно, о чем идет речь: о просторечном стиле литературного языка (но тогда почему данный языковой факт не нормативен?) или о просторечии, лежащем за пределами литературного языка. Та же неясность возникает и в отношении йканья, как оно интерпретируется в первых изданиях. Констатируя в I п/у слоге после мягких произношение [и^{с}] и предостерегая от значительного приближения этого звука к [и], Р. И. Аванесов затем замечает, что произношение [и] «не чуждо литературному языку, хотя, возможно, в некоторых случаях имеет оттенок просторечия» [Аванесов 1954: 42, 43]. Об эканье как стилистически маркированном явлении пока ничего не говорится. Напротив, произношение «с ясным, открытым [е] в 1-м предударном слоге можно квалифицировать как нелитературное, носящее совершенно определенный отпечаток диалектности» [там же]. Упоминание о гласном [е"] как маркированном показателе появляется в более поздних изданиях книги: «[в'ика] или [в'и^{с}ка] (в разговорном стиле)... [в'е"ка] или [в'ека] (в высоком стиле)» [Аванесов 1968: 21]. В соответствии с этим рекомендуется слова, относящиеся к высокому стилю, произносить со звуком, близким к [е]: [д'е"]рзать, [м'е"]рцательный [там же]. С этой рекомендацией, впрочем, входит в противоречие транскрипция стихотворения С. Я. Маршака «Словарь», в котором, несмотря на его «торжественно-философический характер», подчеркиваемый Р. И. Аванесовым, слова транскрибируются по-прежнему (как и в первых изданиях) со звуком [и^{с}] (ср.: [Аванесов 1954: 168] и [Аванесов 1968: 250]).

Это новое стилистическое противопоставление — эканья иканью — было введено еще раньше, в 1963 г., в статье М. В. Панова «О стилях произношения», о которой Р. И. Аванесов писал: «...отправным пунктом

М. В. Панова в названной статье явилась настоящая книга в ее предыдущих изданиях... Однако его выводы по разграничению стилей произношения оказались столь существенными, что их нельзя было не принять во внимание при подготовке настоящего, 4-го, издания книги "Русское литературное произношение"» [Аванесов 1968: 4].

1.2. В основе статьи М. В. Панова также лежит мысль о соотносительности произносительной и лексической стилистики [Панов 1963: 15]. В произношении, как и в лексике, нейтральному стилю противопоставляются высокий и разговорный стили, каждый из которых в статье характеризуется определенными показателями. При этом, в одних случаях ссылаясь на «Русское литературное произношение» Р. И. Аванесова, автор расширяет круг явлений, которые можно считать стилистически маркированными в современном русском литературном языке.

Примет высокого стиля немного. Названы наиболее существенные из них [Панов 1963: 20—22]: кроме эканья, ослабление ассимилятивного смягчения согласных в словах книжных, в особенности иноязычного происхождения (типа *во*[зв']*ели́чить*); в словах, которые воспринимаются говорящими как заимствованные, — возможное отсутствие редукции [о] и наличие твердого согласного перед [э] ([сонэ́т]); в тщательном, строгом, четком, чеканном произношении — наличие йота там, где в обычной, обиходной речи он ассимилируется (имеются в виду случаи типа *старые* и *тоскует*); особые фонемы — в единичных словах (*кабрио*[l]*э́т*, *бо́*[ɣ]*а*). Менее уверенно в этот перечень вносится произношение [къи], [гъи], [хъи] в безударных окончаниях им. пад. ед. ч. прилагательных, так как он «принадлежит пока только индивидуальным формам современной литературной речи» [там же: 22].

Признаков разговорного стиля больше, чем высокого. В качестве примеров приводятся (с. 22—23): редукция до нуля гласных (*про́*[въл]*ка*) с возможным появлением при этом слоговых согласных (*Ива́*[н̩]*на*); стяжение гласных (*в*[ʌ]*бще́*); редукция согласных (*неве́*[ск]*а*, [клда́]; «усиление (по сравнению с нейтральным стилем) ассимилятивного процесса смягчения согласных» (*о*[д'б']*и́л*); аккомодационное оглушение заударных гласных; сильная качественная редукция заударных [ы], [у] (*че́*[л'ъ]*сть*, *вы́б*[ъ]*л*); редукция конечных согласных (*несколько семе́й*[ст]); усиление аккомодации гласных (*свид*[и́^{э}]*тель*) «и мн. др. Этот перечень можно было бы увеличить в несколько раз» (с. 23).

2.1. Итак, для середины века в литературе утверждается мысль о правомерности описания произносительных явлений в рамках общей стилистической системы русского литературного языка.

Подчеркивая заслугу Р. И. Аванесова, «который впервые дает детальное описание русской произносительной стилистики», М. В. Панов отмечает: «Правда, в некоторых случаях стилистические указания этой книги недостаточно определенны; но это — следствие неразработанности, неизученности произносительной стилистики русского языка» [Панов 1963: 23, сноска 49].

Можно было бы ожидать в последующих описаниях развития идей, высказанных в названных работах, и четкой характеристики произносительных стилей литературного языка в соответствии с общей теорией стилистики. Однако этого нет. В последние десятилетия отсутствуют не только специальные исследования троичной системы произносительных стилей. О них нередко либо вообще не упоминается, либо говорится достаточно неконкретно, в описаниях фонетической системы стилистические характеристики не всегда убедительны, а в некоторых случаях явно противоречат речевой практике.

Так, например, энциклопедия «Русский язык» под стилистически окрашенными единицами языка имеет в виду лишь вариантные формы, параллельные конструкции, лексические и синтаксические синонимы [Русский язык... 1979: 335]. Понятие произносительной стилистической системы отсутствует и в АГ-70, и в АГ-80. Оно игнорируется также и в словарях как основа помет, в том числе и в орфоэпических словарях. См., например, [Орфоэпический словарь... 1983], где ни в сопровождающих варианты произношения пометах, ни во вступительной статье в параграфах, посвященных нормативной характеристике слов (с. 5—6, 11—12), мы не найдем никаких указаний на то, что в основе варьирования может лежать разграничение разных стилей произношения. Нет специального описания произносительной стилистической системы и в последнем орфоэпическом словаре [Каленчук, Касаткина 1997: статья «Основные сведения о русском литературном произношении»], хотя в другой работе один из авторов говорит о стилистической подсистеме как одной из частных орфоэпических подсистем кодифицированного русского литературного языка [Каленчук 1990: 65]. Правда, в словаре в некоторых местах указывается стилистическая окраска слова в высоком стиле (см., например, с. 15, 43), но в этих случаях в основе стилистической характеристики лежит не понятие произносительного стиля, а книжный характер данных слов, что, по нашему мнению, не одно и то же (к этому вопросу вернемся ниже).

В вузовских учебниках, всегда излагающих сведения о стилистической системе русского литературного языка, произносительные стили могут и не упоминаться. Так, например, обстоит дело в учебнике [Современный русский язык 1987], где варианты произношения описываются лишь как проявление старшей/младшей нормы или как территориальные произносительные особенности. А вот Л. Л. Касаткин в пособиях для студентов утверждает, что орфоэпические варианты могут принадлежать разным стилям [Касаткин 1982: 121; Касаткин и др. 1995: 91].

Упоминание о разных произносительных стилях попадает и в статьи «Орфоэпия» в солидных популярных изданиях [Энциклопедический словарь... 1984; Энциклопедия... 1998].

В работах, содержащих это понятие, набор маркированных произносительных явлений, впрочем, невелик. В качестве показателей высокого стиля приводятся: эканье [Касаткин 1982: 121; Касаткин и др. 1995: 91;

Каленчук 90: 67; Энциклопедия... 1998: 90], твердый согласный перед ⟨э⟩ [Касаткин 1982: 121], безударное [о] [Касаткин 1982: 121; Касаткин и др. 1995: 91; Энциклопедия... 1998: 90]; произношение типа [къи] в окончаниях прилагательных [там же]; [с] в возвратном аффиксе [Каленчук 1990: 67; Энциклопедический словарь... 1984: 201].

2.2. Как объяснить тот факт, что провозглашенная полвека назад идея изоморфизма произносительной стилистической системы и стилей на других уровнях русского литературного языка не нашла в последующем своего развития?

Обратимся к работам М. В. Панова, вышедшим после его статьи «О стилях произношения».

В «Русской фонетике» еще по-прежнему четко формулируется мысль о соотносительности произносительных и лексических стилистических разграничений [Панов 1967: 263—264; 345]. Однако в последующих работах четкое выражение этой идеи отсутствует. В учебнике «Современный русский язык. Фонетика» противопоставляются фонетические подсистемы общеупотребительных слов, необщеупотребительных, служебных слов и междометий [Панов 1979: 14—15]; подробно рассматривается фонетика поэтической речи как особая подсистема [там же: 227], а также — тоже в качестве особой подсистемы — называется разговорная фонетика.

Уже в «Русской фонетике» обширный перечень признаков разговорного стиля М. В. Панов сопровождает констатацией того, что этот стиль «представляет очень четко выделенную фонетическую подсистему литературного языка» [Панов 1967: 264]. И в другой работе — еще более определенно: о самодостаточности разговорной речи, единицы которой — это «уже не вкрапления в нейтральный языковой фон, они сами образуют целостный фон» [РЯиСО 1968: 113—114].

Появляются основания рассматривать разговорную фонетику уже не в рамках кодифицированного литературного языка (КЛЯ): «Разговорный литературный язык (противопоставленный КЛЯ) надо отличать от разговорного стиля, который существует в пределах КЛЯ и выражается в подборе особой лексики ⟨...⟩ и — реже — особых синтаксических конструкций ⟨...⟩ Фонетических признаков у разговорного стиля нет (разрядка моя. — *Р. Л.*). Такое мнение не раз высказывал В. Н. Сидоров, и оно, безусловно, правильно» [Панов 1979: 220].

Разговорному произносительному стилю вынесен приговор.

Уже в первом издании учебника «Современный русский язык» стилистическую градацию **высокий—нейтральный—разговорный** стили М. В. Панов демонстрирует только на лексическом и синтаксическом уровнях [Панов 1981: 14—16], понятие **«произносительная стилистическая система»** не фигурирует и при рассмотрении конкретных произносительных вариантов (с. 99—102). Таким образом, специально не описывается и высокий стиль, о деградации которого, впрочем, автор писал еще раньше: «Несомненно, происходит постепенное изживание этого

стиля в произношении» [РЯиСО 1968: 108, 113]. Со временем автор сокращает перечень показателей высокого стиля: уже в «Русской фонетике» в таком качестве не упоминаются фонемы [γ] и [l], твердые согласные перед мягкими, безударное [о] и твердость согласного перед [э] [Панов 1967: 326—333]. Некоторые явления характеризуются как свойственные сценической речи, ([с] в возвратном аффиксе и фонемы [ш̄'] и [ж̄'] [там же: 322, 331—332]), но возможность интерпретировать их как показатели высокого стиля не упоминается. В более поздней работе [Панов 1981] эти явления, как и произношение типа [шы^{э}ры] (*шары*), оцениваются как господствующие или желательные в поэтической речи [там же: 102, 103, 108]. Произношение типа [къи̯] в окончаниях прилагательных, в стилистической маркированности которого автор сомневался и раньше (см. об этом выше), расценивается как факт, не имеющий отношения к произносительным стилям, так как разное произношение в подобных случаях отражает два разных окончания: [къи̯] реализует ⟨koj⟩, [к'и̯н] — ⟨kij⟩ [Панов 1967: 320; 1979: 196—197].

Что же из существенных, «глобальных» примет остается в высоком стиле? Эканье? Да, хотя и оно характеризуется по-разному. Если в «Русской фонетике» утверждается, что «эканье стало принадлежностью высокого (строгого) стиля...» [Панов 1967: 297], то в следующей работе высказывание: «Эканье используется как стилистическая примета высокого стиля...» — сопровождается оговоркой: «даже в наиболее торжественных сообщениях ⟨...⟩ оно бывает спорадическим, непоследовательным...» [РЯиСО 1968: 28]. И здесь же: «Эканье не может быть сильной приметой торжественного (высокого) стиля: значительное число говорящих литературно экают и в обыденной речи, это одна из двух распространенных орфоэпических норм...» [там же: 113]. Однако эканью не отказывается в статусе стилистически маркированного произносительного явления и впоследствии, но диапазон его распространения в этом качестве сужается: эканье приписывается, кроме театральной, еще и ораторской речи [Панов 1979: 157; Панов 1981: 87], но не высокому стилю в целом. И только, кажется, во втором издании учебника «Современный русский язык» эканье окончательно сдает свои позиции: «В бытовой речи господствует иканье, на сцене — равенство обеих норм» [Современный русский язык 1989: 128].

2.3. Итак, если и в отношении середины XX века мы не можем быть вполне уверены в наличии произносительных стилей, вписывавшихся в общую стилистическую систему русского литературного языка (см. выше высказывания Р. И. Аванесова и М. В. Панова о неизученности этого вопроса), то, судя хотя бы по разным работам М. В. Панова, для конца века вопрос о системе трех произносительных стилей литературного языка представляется и вовсе не актуальным.

3.1. Что произошло за это время? Основные обстоятельства, которые дают основания пересмотреть укоренившееся представление о произносительной стилистической системе русского литературного языка: 1) де-

тальные исследования в области разговорной фонетики и 2) продолжающееся развитие русского литературного языка, обусловленное как его внутренними законами, так и экстралингвистическими факторами.

3.1.1. Исследования в области разговорной фонетики привели к тому, что в отечественной русистике появляется представление о существовании самодостаточной фонетической системы, противопоставленной уже не нейтральному стилю произношения, а фонетической системе кодифицированного литературного языка в целом (см. об этом выше, п. 2.2).

3.1.2. Часть произносительных разговорных явлений сохраняется, очевидно, в КЛЯ, проникая и в сферу, для которой они как будто строго противопоказаны, — в публичную речь. О взаимопроникновении элементов разных стилей говорил и Р. И. Аванесов [1954: 16; 1968: 21 и др.], см. о том же у М. В. Панова [РЯиСО 1968: 114]. Для последнего времени это очень характерно — стирание в произношении границ между разными речевыми жанрами. Активное вторжение разговорных элементов в речевые жанры более высокого ранга несомненно, хотя и плохо изучено. И произношение [кадá], [скóкъ], и краткие согласные в случаях, когда кодификация предусматривает их долготу ([вáнъ], [сóръ], т. е. *ссора*), и утрата ⟨j⟩ в сочетании с предшествующими согласными ([л'йс'т'ъ]), и качественная редукция безударных гласных верхнего подъема — эти и подобные факты, по происхождению, очевидно, разговорные, можно сейчас сплошь и рядом наблюдать в речи несомненных носителей литературного языка в разных речевых жанрах.

3.2. Лишившись одного из трех произносительных стилей, КЛЯ не сохраняет и бинарную систему стилистических противопоставлений. Деградация высокого стиля (см. об этом выше) достигла, очевидно, своего завершения. У нас нет никаких доказательств того, что речь носителей литературного языка в условиях, предполагающих ее торжественность, приподнятость, академизм, характеризуется какими бы то ни было произносительными особенностями, в частности теми, которые (см. выше, п. 2.1) и в последнее время подчас выдаются за признаки высокого стиля.

3.2.1. Можно ли говорить, например, о стилистической маркированности произношения типа [къи̯] в окончании им. пад. ед. ч. прилагательных? Если даже оценивать варианты типа [къи̯] и [к'ии̯] не как реализацию разных окончаний (см. об этом выше), вряд ли можно всерьез обсуждать сейчас статус варианта [къи̯] в стилистической системе, если ясно, что это произношение давно устарело. Кстати, по нашим наблюдениям, это старомосковское произношение вытесняется новым вариантом даже в сценической речи.

Столь же необоснованным представляется мнение о твердом согласном в возвратном аффиксе как о показателе высокого стиля. Противопоставление твердого [с] мягкому [с'] может быть связано с проявлением открытой исследователями прогрессивной ассимиляции в этой морфеме (см. об этом [РЯиСО 1968: 105—106]), однако в любой фонетической позиции произношение возвратного аффикса факультативно и тенденция

вытеснения твердого согласного мягким очевидна. Впрочем, если бы этой тенденции и не было, факультативность произношения несовместима с его стилистической нагрузкой.

Точно так же факультативным становится произношение согласных перед мягкими в сочетаниях, где раньше обязательной была ассимилятивная мягкость. Процесс этот происходит в течение всего XX в. В силу этого сомнительной представляется возможность считать «ослабление ассимиляции согласных» признаком высокого стиля даже для литературного языка середины века. В. И. Качалов в одном и том же тексте (М. Горький, Девушка и смерть) слово *смерть* произносил четырьмя разными способами: [см'ерт'], [с'м'ерт'], [см'ер'т'] и [с'м'ер'т'] (на это обратил внимание когда-то А. А. Реформатский, и это действительно так: существует грамзапись, подтверждающая такое произношение), при полном отсутствии каких-либо стилистических мотивировок варьирования.

Но, отвергая правомерность стилистических характеристик при условии явной факультативности вариантов, следует остановиться еще и на другом обстоятельстве, которое вызывает сомнения в объективности таких характеристик.

3.2.2. Если внимательно посмотреть перечень показателей высокого стиля, то можно увидеть, что нередко там собраны неоднотипные произносительные факты: одни из них отражают противопоставления, характерные для фонетической системы в целом (например, эканье в противопоставлении иканью), в то время как другие факты — это произношение отдельных слов или групп слов, относящихся к определенному стилю в лексической стилистической системе. Возникает вопрос: можно ли считать, что некий (пусть и специфический) факт произношения является показателем высокого стиля только на том основании, что данное слово или данная группа слов относится к высокому стилю? Очевидно, нет. Это все равно что характеризовать конструкцию предложения как книжную на том основании, что в данное предложение включены книжные слова.

Возможно, что на определенном этапе слова *возвеличить* (книжное) и *зверь* (нейтральное) противопоставлялись произношением согласного в одном и том же сочетании. Но утверждать на этом основании, что [з], которое произносилось в первом слове, в отличие от [з'], характерного для второго слова, является показателем высокого стиля (см., например: [Панов 1963: 20—21], неправомерно. Стилистическая характеристика произношения должна основываться не на противопоставлении слов разного характера в лексической системе (в этом случае можно говорить о разных фонетических подсистемах), а на противопоставлении вариантов произношения, определяемых речевыми жанрами. Твердый согласный [з] можно было бы оценивать как показатель высокого стиля, если бы любое слово с данным сочетанием имело два варианта и оба эти варианта регламентировались бы условиями общения, т. е. если бы, например, в торжественной речи было бы уместно [зв']ерь при произношении [з'в']ерь в

дружеской беседе. Но этого нет сейчас. И было ли такое противопоставление полвека назад?

Аналогичный случай — интерпретация произношения твердого согласного перед ⟨е⟩ (перед буквой *е*) как показателя высокого стиля. Первоначально это явление было специфично для заимствованных слов и характеризовало, таким образом, с самого начала не определенный стиль, а определенную подсистему слов. Но когда эта фонетическая особенность сохранилась и в словах, ставших общеупотребительными (*пюре, ателье* и т. п.), она перестала быть особенностью и данной подсистемы. Больше того, возникла факультативность произношения, для многих слов признаваемая и словарями. Можно ли при такой объективной реальности характеризовать твердый согласный перед ⟨е⟩ как принадлежность высокого стиля? (И к какому стилю мы отнесли бы произношение слов типа *деликатес?* Не считать же, что половина слова (с [д']) принадлежит нейтральному стилю, а вторая его половина, где [т], — к высокому?)

Столь же необоснованна характеристика безударного [о] в заимствованных по происхождению словах как приметы высокого стиля. Совершенно справедливо замечание М. Л. Каленчук по поводу произношения [о] в слове [боа́]: «...поскольку это слово нельзя произнести иначе, стилистической нагрузки эта звуковая странность не несет» [Каленчук 1990: 66]. Однако трудно согласиться с утверждением (на той же странице), что в словах типа *фояль* и *поэт*, допускающих варьирование произношения, [о] является показателем высокого произносительного стиля. Очевидно, тот, кто произносит [поэ́т], всегда будет произносить это слово с [о], а если его речи и свойственна вариативность, то обычно варианты [о] и [а] не будут зависеть от речевого жанра, произношение в таких случаях просто факультативно.

Понятно, что на том же основании нельзя считать приметой высокого стиля и наличие [γ] в словоформах *бога, богу* или других церковнославянских по происхождению словах.

О том, что и эканье вряд ли можно относить к высокому произносительному стилю, см. выше, п. 2.2, хотя именно на него возлагались определенные надежды: «Может быть, с постепенным вытеснением эканья из бытовой, не "возвышенной" речи, эта примета и могла бы стать ярким признаком высокого стиля, но к тому времени, когда может завершиться это вытеснение, наверное, закончится другой процесс: полная редукция высокого стиля. Показатель уже не пригодится» [РЯиСО 1968: 113].

Высказывание М. В. Панова оказалось пророческим. Оно сбылось. И не только в отношении эканья. «Не пригодились» и другие предполагаемые показатели высокого стиля. Его не стало.

3.3. Но в таком случае что останется в описанной произносительной системе? Нейтральный стиль? А это означает, что произносительной стилистической системы не существует, по крайней мере, в кодифицированном литературном языке, представленном в его общеупотребительной (не художественной) разновидности.

3.4. Упоминание произносительных стилей в работах последних десятилетий, отдельные стилистические характеристики в описании фонетической системы русского литературного языка представляют собой некую идеальную схему, а не речевую реальность. Следует ли продолжать эту традицию? Или в пропаганде нормы обязателен учет существующей реальности? Справедливые рассуждения по этой общей проблеме содержатся в докладе С. К. Пожарицкой «Какую фонетику мы изучаем и преподаем?»: «Проблема **правильности** — это, в первую очередь, проблема соответствия декларируемой произносительной нормы узусу; и здесь, на наш взгляд, вполне назрела корректировка некоторых нормативных рекомендаций» [Фонетика сегодня... 1998: 88]. Это справедливо и в отношении стилистических рекомендаций.

3.5. Одна из причин невостребованности в речевой практике носителей литературного языка выстроенной лингвистами схемы произносительных стилей — несомненно, экстралингвистическая.

Область стилистики предполагает обязательную высокую степень речевой культуры в обществе. Но этим мы похвастаться, увы, не можем, что неоднократно отмечалось не только лингвистами и не только в специальной литературе (вспомним эмоциональные высказывания К. И. Чуковского по поводу «канцелярита»). Об оказённивании языка в последние десятилетия, о понижении «его стилистической гибкости и отзывчивости», в частности о безразличии «к выразительным возможностям выговора», пишет М. В. Панов [1990: 16, 19].

Вероятно, в области произношения понижение «стилистической гибкости» языка сказалось наиболее резко, так как стилистические различия предполагают все-таки сознательный выбор, а произношение — наиболее не осознаваемая носителями языка область.

Защищая идею стилистической произносительной системы, М. В. Панов когда-то ссылался на высказывание А. И. Соболевского о том, что адвокат говорит по-разному в разных случаях: когда заказывает обед, когда в компании рассказывает анекдот, когда на суде защищает преступника, при этом «приспособление является у него само собой помимо его воли. Но оно может быть и по нашему усмотрению». М. В. Панов замечает по этому поводу: «Приспособление явится, очевидно, само собой, когда адвокат заказывает обед или болтает в приятельской компании. Но во время речи на суде оно, возможно, явится и по сознательному усмотрению» [Панов 1963: 25]. Как бы то ни было, это сказано явно не о современном адвокате. Наши наблюдения показывают, что даже представители интеллигенции, прекрасно владеющие литературным языком, обычно не варьируют произношение в зависимости от того, говорят ли они с трибуны, читают лекцию, делают доклад или беседуют в непринужденной обстановке на разные темы.

В связи с рассматриваемым вопросом нельзя не сказать о большом воздействии на говорящих электронных средств массовой информации, стиль вещания которых резко изменился за последние десятилетия. Старых дикторов с их поставленными голосами и определенной выучкой в

области речевой культуры сменили ведущие разных передач, которые никакой специальной выучкой не обладают. Замечание М. В. Панова о том, что «сообщение по радио о каком-нибудь стихийном бедствии (...) вряд ли может быть дано скороговоркой» [Панов 1963: 23], явно не отражает современный стиль вещания. Скороговорка, напротив, господствует — независимо от содержания информации. «Потеряна культура звука» — эти слова, сказанные еще в 50-е годы А. Крученых, приводит М. В. Панов и дальше отмечает: «Отказ от культа звука привел к отказу от культуры сценической речи» [Панов 1990: 57, 58]. То же в еще большей степени можно адресовать и кинематографу: достаточно вспомнить ответы видных деятелей театра и кино на анкету о сценической речи, предложенную в свое время редакцией журнала «Русская речь» (1967, 1969 гг.), среди которых есть высказывания, недвусмысленно отражающие полное безразличие к качеству звучащей с экрана речи.

4. И все-таки единственная сфера, где произносительные стили еще, кажется, сохраняются, это сценическая речь. Этим термином мы здесь объединяем речь собственно сценическую (театральную), и звучащую с экрана, с эстрады, в том числе поэтическую речь, и художественную речь на радио и телевидении. Может быть, точнее было бы употребить термин «художественная» или «художественно-изобразительная» речь, но это уже более широкое понятие, так как художественная речь существует в двух разновидностях: устной и письменной (последняя — это то, что обычно называют «языком художественной литературы»). Таким образом, сценическая речь как устная противопоставляется языку художественной литературы, а вместе они противопоставлены общеупотребительному литературному языку.

Справедливо, что «художественная речь развивается по своим внутренним законам и в значительной степени свободна от общеязыковых устремлений» [Панов 1990: 58].

Сценическая речь изучена недостаточно. То, что писали о ней, — это в основном наблюдения над соотношением старшей и младшей орфоэпических норм (при этом чаще в речи старых мастеров), а также особенностями характерного произношения. Однако есть уже наблюдения, показывающие, что на сцене существуют некоторые произносительные стилистические разграничения, которые не реализуются в общеупотребительном литературном языке. Так, например, автор настоящей статьи исследовал соотношение эканья и иканья в сценической речи шести актеров разных возрастов и из разных театров. Анализ материала (более полутора тысяч произнесений) показал, что данное противопоставление в известной степени функционально: оно меняется в зависимости от жанра, от характера создаваемого образа, от наличия-отсутствия экспрессии и т. п.[1] [Лихтман 1986]. Однако был сделан и другой вывод: эканье в анализиро-

[1] Впрочем, самая молодая из шестерки актеров — 1933 г. рождения. Если бы исследовалось произношение представителей последующих поколений, возможно, картина была бы иной.

ванном материале может быть обусловлено и стремлением к п о л н о м у с т и л ю произношения, о котором как естественном в условиях сцены явлении писали еще в 1955 г. И. С. Ильинская и В. Н. Сидоров.

5. Полный стиль в понимании Л. В. Щербы — это, как известно, способ произношения «пословного, четкого и ясного», противопоставленный разговорному стилю, характеризующемуся произношением «в связной непринужденной речи» [Щерба 1957: 141][2].

Произношение в полном стиле, по Щербе, — это идеальный фонетический облик слова (например, ga-va-r'it в отличие от разговорного gər'it и gr'it). Автор подчеркивает, что это не искусственное и достаточно часто встречающееся произношение. «Мы всегда так произносим, когда употребляем редкое, для собеседника малоизвестное слово, когда говорим из другой комнаты, когда говорим занятому, рассеянному, тугоухому и т. п., когда поправляем детей, когда хотим привлечь внимание на то или другое слово или даже часть его (...), когда тянем слова в недоумении или удивлении, когда говорим нараспев или попросту поем и т. д., и т. д.» [Щерба 1957: 22—23].

Несомненно, полный стиль произношения представляет собой объективную речевую реальность. Но это явление плохо изучено. Здесь много неясных вопросов. Каков все-таки идеальный фонетический облик каждого слова? Можем ли мы его восстановить, в каждом случае отправляясь от «неидеального» облика, т. е. существует ли определенная закономерность в «переводе» обычных в разговорном стиле отрезков слов в соответствующие звуки идеального фонетического облика? Какова здесь процедура? В каком отношении находится идеальный фонетический облик слова к его орфографическому оформлению (например, может ли и произношение [говор'ит] представлять собой идеальный фонетический облик слова, или в другом приводимом у Щербы примере — в слове *здравствуйте* — обязательно ли в полном стиле произношение звука, соответствующего первой букве *в*? Должен ли идеальный фонетический облик слова «проявлять» полный фонемный состав слова (например, следует ли в полном стиле предполагать произношение [т] в слове *радостный*)? Можно ли рассматривать полный стиль как маркированный член стилистической системы языка (в общепринятом понимании этого термина)? Каковы его функции в сценической речи? В чем специфика полного стиля в вокальной речи?

С целью уяснить некоторые из этих вопросов мы с группой студентов предприняли анализ гласных в сценической речи О. П. Табакова. Объектом наблюдения были гласные неверхнего подъема в тех безударных слогах, где нормативным считается редуцированный гласный ([ъ] или [ь]), но где полный стиль должен провоцировать «прояснение» реду-

[2] Р. И. Аванесов называл по-другому противопоставление, близкое к данному: *отчетливая—беглая речь* (см. об этом выше, п. 1.1). Вероятно, термин «стиль» в указанном значении неудачен, если учесть его обычное значение в описании стилистической системы языка.

цированных. Анализ более полутора тысяч произнесений в двух текстах («Сказке о мертвой царевне» в грамзаписи и радиоспектакле «Память», записанном на магнитную ленту) показал следующее.

1) В указанных слогах актер произносит три типа звуков: редуцированные, гласные полного образования и «промежуточные», т. е. в той или иной степени приближающиеся к «проясненным» гласным ([ъ^{a}, ъ^{o}, ь^{c}]).

2) Если исключить позицию в конечном открытом слоге, где варьирование редуцированных с нередуцированными нормативно, остальные слоги дают такую общую картину: на долю «чистых» редуцированных приходится лишь немногим больше половины всех произнесений (56%), весь остальной материал — это «проясненные» в той или иной степени гласные, причем примерно шестая часть всего материала (17%) — это «чистые» гласные полного образования (типа [а] или [е]). В последних случаях хорошо ощущается полное уравнивание разных безударных слогов (включая 1 п/у).

3) Выбор нередуцированного гласного в определенных случаях явно определяется орфографией слова. В первую очередь это касается произношения после мягкого согласного, что, кстати, наблюдалось и в упомянутом выше (п. 4) материале: звук типа [е] в 1 п/у слоге возможен там почти только как реализация фонем, соответствующих букве *е*, а на месте букв *я* или *а* после *ч* неоднократно (в словах *тяжелая, святошей, посягнет, тянул, часов, взяла* и др.) наблюдается [а] или близкий к нему звук [Лихтман 1986: 68—69]. Аналогичное влияние орфографии и в других безударных слогах в произношении О. П. Табакова: [т'е^{a}]*желе́шенько*, г[л'ъ^{a}]*дючи́*, *ме́*[с'е^{a}]*ц*, *ласка́*[иа]*съ*, *вре́*[м'а], *краси́ва*[иа] и некоторые другие.

Любопытно, что в некоторых случаях после твердых согласных появляется и безударный гласный [о] или близкий к нему [ъ^{o}] (*нап*[ъ^{o}]*ено́*, *п*[о]*встреча́ла*, *по́ дв*[о]*ру*, *то́п*[о]*т*). Очевидно, и здесь влияет орфография, так как в соответствии с буквой *а* такие гласные не зафиксированы: *вы́сп*[ъ^{a}]*лся*, *чернобро́в*[а] и т. п.

4) В известной степени соотношение разной «полновесности» гласных связано с жанром произносимого текста, с общей манерой его произнесения. Стремление к полному стилю обнаруживается в «Мертвой царевне» значительно (в два раза) резче, чем в «Памяти»: в тексте сказки редуцированные гласные составляют только 32% от всех безударных гласных, в радиоспектакле — 66%. Естественно, что жанр сказки, стихотворный текст, размеренность чтения стимулируют существенный перевес нередуцированных гласных, значительную долю которых составляют «чистые» гласные полного образования, в том числе после мягких согласных — звуки [е] и [е^{и}]. Напротив, в радиоспектакле, в рассказе подростка и особенно в живых диалогах, включенных в этот текст, встречаются элементы разговорной фонетики: *обяза́*[т'^{ь}н^{ъ}], *действи́*[т'^{ь}но], [ла́н] и [ла́^{d}н] (*ладно*!), [пал'и́нв'и́к^{т}н^{ъ}] (*Полина Викторовна*) и т. п.

Таким образом, произношение в полном или разговорном стиле — непосредственно или опосредованно — может выполнять функцию художественно-изобразительного средства.

Материал двух текстов в исполнении О. П. Табакова подтверждает мысль, высказанную в п. 4 на основе анализа других текстов, о наличии в сценической речи определенных произносительных стилистических разграничений.

Литература

Аванесов Р. И. Русское литературное произношение. 2-е изд. М., 1954.

Аванесов Р. И. Русское литературное произношение. 4-е изд. М., 1968.

Ильинская И. С., Сидоров В. Н. О сценическом произношении в московских театрах // Вопросы культуры речи. I. М., 1955.

Каленчук М. Л. О фонетической и орфоэпической подсистемах русского литературного языка // Язык: система и подсистемы. М., 1990.

Каленчук М. Л., Касаткина Р. Ф. Словарь трудностей русского произношения. М., 1997.

Касаткин Л. Л. Фонетика // Современный русский литературный язык /Под ред. П. А. Леканта. М., 1982.

Касаткин Л. Л., Клобуков Е. В., Лекант П. А. Краткий справочник по современному русскому языку. М., 1995.

Лихтман Р. И. О безударных гласных в сценическом произношении // Русское сценическое произношение. М., 1986.

Орфоэпический словарь русского языка. Произношение, ударение, грамматические формы. М., 1983.

Панов М. В. О стилях произношения (в связи с общими проблемами стилистики) // Развитие современного русского языка. М., 1963.

Панов М. В. Русская фонетика. М., 1967.

Панов М. В. Современный русский язык. Фонетика. М., 1979.

Панов М. В. Современный русский язык / Под ред. В. А. Белошапковой. М., 1981.

Панов М. В. История русского литературного произношения XVIII—XX вв. М., 1990.

Русский язык. Энциклопедия. М., 1979.

РЯиСО — Русский язык и советское общество. Фонетика современного русского литературного языка. Народные говоры. М., 1968.

Современный русский язык: В 3 ч. М., 1987. Ч. 1.

Современный русский язык / Под ред. В. А. Белошапковой. 2-е изд. М., 1989.

Фонетика сегодня: актуальные проблемы и университетское преподавание. Тезисы докладов Международной конференции. М., 1998.

Щерба Л. В. Избранные работы по русскому языку. М., 1957.

Энциклопедический словарь юного филолога (языкознание). М., 1984.

Энциклопедия для детей. Т. 10. Языкознание. Русский язык. М., 1998.

Д. М. Савинов
Москва

РАЗВИТИЕ ПРЕДУДАРНОГО ВОКАЛИЗМА В ОДНОМ ТУЛЬСКОМ ГОВОРЕ

В диалектологической литературе распространено мнение, что в говорах Тульской области, находившейся «на важнейшем стратегическом пути в "дикое поле"», довольно рано произошла утрата специфических диалектных черт, свойственных более архаичным курско-орловским и рязанским говорам [Аванесов 1974: 229]. Именно поэтому тульский диалект практически не привлекал внимания исследователей[1].

В декабре 1999 г. мы вместе с О. Г. Ровновой в течение недели проводили запись диалектного материала в юго-западных говорах Тульской обл. Мы побывали в нескольких населенных пунктах, относящихся к Таратухинской и Бобриковской сельским администрациям Белёвского р-на. При прослушивании магнитофонных записей было отмечено, что наиболее архаичные диалектные особенности сохраняются в говоре села Зайцева Бобриковской с/а, расположенного приблизительно в 20 километрах к югу от районного центра.

Самой яркой диалектной чертой, присущей практически всем белёвским говорам, является диссимилятивное аканье. При обследовании тульских говоров, которое проводилось в 1940—50-х годах для «Диалектологического атласа русского языка», на территории к югу от Белёва было отмечено широкое распространение диссимилятивного аканья жиздринского типа [ДАРЯ 1986: карта 1]. Наши магнитофонные записи показывают, что в говоре Зайцева соотношение [а:э] в первом предударном слоге перед гласными верхнего и нижнего подъемов является достаточно устойчивым: перед ударным [а]—*вэдá, вэйнá, тэдá, дэлá, пэунáл'и, стэjáл'и, бэл'áт', пэн'ид̂л*, перед ударными [и], [ы], [у]—*пау'úп, харан'úт', пэлажьúл'и, камьúш, катльú, наýу́, ражу́*. Иногда в этой же позиции вместо [э] в соответствии с этимологическим *о* отмечается гласный [о], реже [ʌ]—*у подвáл'и, достáн'ицэ, ноуáм, посл'á, слʌвá*, однако число таких примеров весьма немногочисленно.

[1] За исключением такой его фонетической черты, как тульское умеренное яканье, подробнее см. [Савинов 2000: 147—149].

Распределение звуков [ə] и [a] в первом предударном слоге перед ударными гласными верхне-среднего и среднего подъемов свидетельствует о том, что в говоре Зайцева еще недавно последовательно функционировало архаическое диссимилятивное аканье, впервые описанное Т. Г. Строгановой [1955: 94—103] и отмеченное ею лишь в некоторых районах Белгородской, Воронежской и Липецкой областей, см. также [ДАРЯ 1986: карта 1]. При этом типе вокализма произношение [ə] прослеживается не только перед /a/, но также перед /o/ и /e/, тогда как перед /ω/ и /ѣ/[2] обычно отмечается гласный [a]: перед /o/ — *nlaxóй*, *бaл'шóй*, *бaл'нóй*, *мaлaдóй*, *вac'móй* (им. п., м. р.), *за cтaлóм*, *с эцóм*, *за кaвó*, *пaдajóm'*, *мaлaд'óш*; перед /ω/ — *у кaкóй-тa* (р. п., ж. р.) *aтaшлó*, *пaкóc*; *харӯбшaйа*; перед /e/ — *вaлaк'éцa*, *вaз'м'éш*, *пaдaйд'éт'*, *у тaб'é*, *эт'éйц*; перед /ѣ/ — *у сac'ѣтк'и*, *сашc'ѣм*, *нав'ѣ̈рнa*, *пac'éйут'* и т. д. На месте [ə], главным образом перед /o/, в соответствии с этимологическими *o* и *a* нередко выступают звуки [o] и [ʌ]: в соответствии с *o* — *твojó*, *плóжнa*, *пʌтóм*, *рʌжд'éн'иɤ*; в соответствии с *a* — *токóй*, *тʌкóй*, *кокóй*, *кʌкóй* (им. п., м. р.), *рубошóнку*, *н'идʌл'óкa* и др.

Произношение [o] и [ʌ] перед /o/ свидетельствует об отходе от чисто диссимилятивного типа аканья, что связано с усложнением диссимилятивной системы предударного вокализма регрессивной ассимиляцией ударному гласному[3]. Ассимиляция может проявляться также и перед другими ударными гласными среднего и нижнего подъемов, в результате чего перед /e/ отмечается звук [ə]: *у тэб'é* (из *тобé*); перед /a/ — [ạ]: *стạр'шáйа*, а при эмфазе в этой позиции фиксируется даже широкий продленный гласный [a]: *ɣалавá* и т. д.

Возможно, в исследуемом говоре происходит становление иной модели архаического типа аканья: аканья ассимилятивно-диссимилятивного, впервые обнаруженного в говорах Липецкой обл. Р. Ф. Касаткиной и Е. В. Щигель [1995: 295—309]. При этом типе вокализма диссимиляция по подъему наблюдается перед гласными верхнего и верхне-среднего подъемов, а перед гласными среднего и нижнего подъемов, напротив, действует ассимилятивный принцип. Однако в результате дальнейшего развития местной фонетической системы ассимиляция начинает проявляться также перед ударным гласным верхне-среднего подъема [ẹ], который реализует в исследуемом говоре фонему /ѣ/: *ч'илвẹ́к*, *нa ч'шловẹ́кэ-тa*, *пojẹ́ду*, *пэjẹ́хэлэ*, *пэjẹ́д'иш*, *кэп'ẹ́ич'к'и*. В принципе, появление гласных [ə], [ʌ] и [o] перед ударным [ẹ] свидетельствует о постепенном изменении предударного вокализма исследуемого говора в направлении к прохоровскому типу диссимилятивного аканья, недавно обнаруженному Л. Л. Касаткиным в говоре с. Бояновичи Хвастовичского р-на соседней Калуж-

[2] Фонологическая система данного говора включает семь гласных фонем с различением под ударением /o/ и /ω/ и /e/ и /ѣ/; также в этой позиции часто встречаются одни и те же звуки: [o] на месте /o/ и /ω/ и [e] на месте /e/ и /ѣ/.

[3] О межслоговой ассимиляции гласных в южнорусских говорах см. у Р. Ф. Касаткиной: [Просодический строй... 1996: 211—215].

ской обл. [Русские народные говоры... 1999: 46], между тем гласный [а] в позиции перед /ѣ/ отмечается намного чаще, чем [э]. Кроме того, под влиянием литературного языка [а] начинает употребляться уже не только перед /ѣ/, но и перед /е/: *прапаjém'*, *нал'jém'*, *клад'ém*.

При этом перед /ω/ диссимиляция сохраняется, поэтому кажется совершенно очевидным, что в описываемом диалекте в настоящее время функционирует особый тип архаического диссимилятивного аканья, при котором гласные первого предударного слога достаточно последовательно противопоставлены только перед /о/ и /ω/, а перед /е/ и /ѣ/ они могут совпадать не только в [а], но и в [э][4]. Данный тип диссимилятивного аканья, параллельный дмитриевскому диссимилятивному яканью, а также отчасти диссимилятивно-умеренному яканью архаического типа, следует считать особым типом архаического диссимилятивного аканья и называть белёвским (хотя, вероятно, в чистом виде эта модель не встречается).

Однако противопоставление в первом предударном слоге гласных [э] и [а] перед /о/ и /ω/ также постепенно утрачивается: в частности, на это указывает появление широкого гласного [а] перед /о/: *з дабро́м*. Поэтому не вызывает сомнений, что в конечном счете предударный вокализм исследуемого говора изменится не в прохоровское, а в жиздринское диссимилятивное акань[5], уже практически сформировавшееся в близлежащих населенных пунктах. Тем не менее следует отметить, что некоторые белёвские говоры, несмотря на широкое распространение в них диссимилятивного аканья жиздринского типа, сохраняют в отдельных грамматических формах прежнее различение предударных гласных [э] и [а] перед совпавшими в едином звучании /о/ и /ω/[6]. Например, в говоре д. Петрово Таратухинской с/а, где довольно последовательно отмечается жиздринское диссимилятивное аканье, произношение типа *он бэл'но́й*, но *дл'и*[7] *бал'но́й с'астры́* выдает прежнее функционирование здесь диссимилятивного аканья именно белёвского типа.

Изменение предударного вокализма после мягких согласных в исследуемом диалекте обнаруживает параллелизм с развитием диссимилятивного аканья. Как известно, в белёвских говорах широко распространено диссимилятивно-умеренное яканье, которое характеризуется диссимилятивным принципом вокализма перед твердыми согласными и умеренным — перед мягкими, см. [ДАРЯ 1986: карта 3]. Мной уже высказы-

[4] Судя по описанию Е. С. Клейменовой, подобный тип диссимилятивного аканья (с различением предударных гласных только перед /о/ и /ω/) существовал в середине 1950-х годов в некоторых населенных пунктах соседнего с Белёвским Ульяновского р-на Калужской обл. [Клейменова 1956: 6].

[5] При возможном противопоставлении в первом предударном слоге широкого и продленного гласного [а] звуку [а̣], повышенному и более краткому, см. [Просодический строй... 1996: 237].

[6] Об этом см. [Высотский... 1975: 16—17].

[7] *Дле* 'около, подле' (этимологически **dьl'a* [ЭССЯ 1977: 234]).

валась мысль о том, что умеренный принцип вокализма сформировался благодаря усложнению архаической диссимилятивной системы предударного вокализма после мягких согласных ассимиляцией [Савинов 2000: 147—149].

Модификация архаического диссимилятивного яканья в диссимилятивно-умеренное была вызвана регрессивной ассимиляцией гласных первого предударного слога сначала ударным гласным переднего ряда, а затем дифтонгу с начальной фазой [и] — [ӥу], который в архаических южнорусских говорах реализует фонему /'у/ [Касаткин 1999: 390]. Перед остальными ударными гласными, которые находятся перед твердыми согласными, в первом предударном слоге диссимиляция сохранилась: [а] произносится перед /и/, /у/ и /ω/, а [и] — перед /о/ и /а/. В результате в говоре Зайцева возникло диссимилятивно-умеренное яканье архаического типа, при котором предударные гласные после мягких согласных перед твердыми противопоставлены перед /о/ и /ω/, но совпадают в звуке [и] перед /е/ и /ѣ/: *д'алóф, вз'алó, з'арнó, н'амнóшкэ, са'атó̯й* (р. п. ж. р.), *с̄'астрóй*, но *рыс'икóм, н'ич'ивó, н'имóй, шэрс'т'инóй* (им. п. м. р.), *с'в'икрóв'ïа, ат' н'ивó; у в'идр'ӥ̄ē, н'ив'éскэ, м'ин'é-то, д'ит'éй, с'ир'г'éй* и др.

Под влиянием тех же ассимилятивных процессов происходит постепенный переход в говоре от диссимилятивно-умеренного яканья к умеренному, причем в первую очередь это изменение отмечается в положении после отвердевших шипящих, которые, как правило, ведут себя по отношению к соседним гласным как мягкие согласные, т. е. сохраняют в русских говорах «рефлекс древней палатализованности» [Высотский 1941: 57]: *жанá, жалáиш* и др. Ассимиляция по подъему ударному [а] возникает также и после других мягких согласных: *пэд'ержáл'и, уч'ерá*.

Однако система предударного вокализма после мягких согласных продолжает развиваться дальше. Ассимиляция начинает проявляться также перед ударными гласными среднего подъема: *у м'ен'é, м'ен'ӥ̄й*; *н'емóй* (им. п. м. р.), *с'ертóч'кэм, с'ер'бик'и, в'ез'бт'*. При этом следует отметить, что произношение в первом предударном слоге гласного [е] перед ударными /е/ и /'о/ противоречит умеренному принципу вокализма, поскольку безударный звук [е] функционирует в исследуемом говоре как гласный неверхнего подъема и типологически приравнивается к ['а][8]. Кроме того, употребление гласного [е] перед /о/ указывает на постепенную утрату противопоставления предударных гласных перед /о/ и /ω/. В результате этого процесса, а также под влиянием литературного языка перед этимологическим **ω* начинает произноситься звук [и]: *в'иснóй, з'в'издóйу*.

Тем не менее при полном отходе от архаического типа диссимилятивно-умеренного яканья (при наличии пятифонемного вокализма) может возникнуть беспорядочное употребление словоформ с гласными [и] и [а] перед ударным [о] (из **о* и **ω*), что отмечается, например, в говоре д. Петрово: *т'ижалó, п'атрóвэй, в'еснóйу, кэт'албк, кэт'алóч'к, з' з'ернóм*, но

[8] «В качестве безударных гласных, функционирующих как звуки неверхнего подъема, могут выступать звуки в диапазоне от [е] до [а]» [Касаткин 1999: 442].

н'имнóшк, в'иснóй, п'итрóвэ, н'идэл'икó, н'ич'ивó, с'ишбдн'и, т'ижблэи, хотя в некоторых грамматических формах противопоставление предударных гласных [и] и [а] перед этимологическими **о* и **ѡ* может сохраняться: *с'в'æтóй* (р. п. ж. р.), но *с'в'итóй* (им. п. м. р.). Как правило, в этой позиции со временем возникает тенденция к утрате чередования предударных гласных, что приводит к распространению в белёвских говорах иканья, поддерживаемого стандартной формой литературного произношения.

Таким образом, зайцевский говор представляет нам модель возможной модификации диссимилятивного вокализма архаического типа как после мягких, так и после твердых согласных. Единство направления изменений предударного вокализма обнаруживает наличие в южнорусских говорах параллелизма между развитием аканья и яканья. Это, в свою очередь, подтверждает идею, высказанную Р. Ф. Касаткиной и Е. В. Щигель, о существовании сложной и разветвленной системы моделей предударного вокализма не только после мягких, но также и после твердых согласных [Касаткина, Щигель 1995: 303].

Литература

Аванесов Р. И. Русская литературная и диалектная фонетика. М., 1974.

Высотский С. С. Юго-западные подмосковные говоры: К проблеме переходных говоров: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1941.

Высотский С. С. К проблеме изучения вокализма южнорусских говоров // Русские говоры. М., 1975.

ДАРЯ 1986 — Диалектологический атлас русского языка: Центр Европейской части СССР. Вып. 1. Фонетика. М., 1986.

Касаткин Л. Л. Современная русская диалектная и литературная фонетика как источник для истории русского языка. М., 1999.

Касаткина Р. Ф., Щигель Е. В. Ассимилятивно-диссимилятивное аканье // Проблемы фонетики II. М., 1995.

Клейменова Е. С. Говоры южной части Калужской обл.: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1956.

Просодический строй русской речи / Отв. ред. Т. М. Николаева. М., 1996.

Русские народные говоры: Звучащая хрестоматия: южнорусское наречие / Под ред. Р. Ф. Касаткиной. М., 1999.

Савинов Д. М. К вопросу о происхождении умеренного яканья в говорах Тульской обл. // Активные языковые процессы конца XX века: Тезисы докладов международной конференции. М., 2000.

Строганова Т. Г. Одна из особенностей южнорусского вокализма // Вопросы зыкознания. 1955. № 4.

ЭССЯ 1977 — Этимологический словарь славянских языков. Вып. 4 / Под ред. О. Н. Трубачева. М., 1977.

РЕЧЕВАЯ КОММУНИКАЦИЯ

Е. И. Голанова
Москва

ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ В СИТУАЦИИ БЕСЕДЫ (О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ УСТНОГО ОБЩЕНИЯ М. М. БАХТИНА)[1]

> Сугубо личный и эмоциональный элемент... несмотря ни на что, постоянно просачивается в выражение чистой мысли.
>
> *Ш. Балли*

Ситуация беседы представляет широкие возможности для изучения речевой деятельности языковой личности[2].

От ситуации и формы общения, темы, цели и самой личности говорящего зависит прежде всего и языковая сторона высказывания.

Уникальный языковой материал дают нам записи бесед двух интеллектуалов, двух ярких представителей языковой культуры русской интеллигенции середины XX в. — В. Д. Дувакина и М. М. Бахтина[3]. В нашу задачу не входило сколько-нибудь полно представить языковые портреты этих ученых. Здесь мы остановимся только на одной характерной черте устного общения М. М. Бахтина — яркой экспрессивности, эмоционально-оценочной стороне его речи.

Известно, что М. М. Бахтин не любил отвечать на вопросы журналистов, избегал давать интервью, «в мире газетных корреспондентов выглядел древним, старомодным, одиноким, растерянным... и тем большая благодарность В. Д. Дувакину, вытянувшему из него относительно связную нить

---

[1] Работа выполнена в рамках проекта «Письменные и устные тексты современного русского языка: структура и тенденции развития» при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 97-04-06208).

[2] Интерес, внимание к кругу проблем, связанных с понятием «языковая личность», характерны для ряда современных исследований, среди которых следует выделить книгу «Язык и личность» (М., 1989), где намечен путь дальнейшего изучения этой проблематики.

[3] Наше исследование основывается на опубликованной книге «Беседы В. Д. Дувакина с М. М. Бахтиным» (М., 1996), а также на результатах собственного прослушивания этих бесед в фонолаборатории МГУ им. М. В. Ломоносова.

"жизни и судьбы", с попутными портретами и отступлениями-размышлениями», — справедливо замечено в предисловии к книге [Беседы... 1996: 6].

Без сомнения, решающую роль в этом сыграла и личность самого профессора В. Д. Дувакина, который был не только заинтересованным слушателем, но и адекватным, эрудированным собеседником. Еще древние мыслители предупреждали: чтобы получить «правильные ответы», надо уметь задавать «правильные вопросы»[4]. Главной задачей инициатора беседы было формулировать такие вопросы, которые важны и интересны рассказчику, а его ответы важны и интересны будущему читателю = слушателю[5]. И Дувакину удалось «превратить интервью в беседу и разговорить своего интересного собеседника, и он отвечает не отрешенно и лаконично, а охотно и даже к р а с н о р е ч и в о» [Беседы... 1996: 6, разрядка наша. — *Е. Г.*].

Действительно, ценность записей этих многочасовых бесед, этих уникальных текстов, заключается не только в отражении исторических свидетельств и мыслей, мнений выдающегося человека, но и в самой текстовой ткани, в самом речевом материале, который является и своеобразным документом уходящей эпохи, и примером социально-речевого портрета, и характеристикой языковой личности, обладающей яркими индивидуально-речевыми особенностями, среди которых — экспрессивность, эмоциональная окрашенность речи. Покажем это на ряде примеров.

Б. У меня вообще *самые лучшие* воспоминания связаны... Ну, *самые лучшие* воспоминания связаны, конечно, с детством, но и с Вильнюсом, и с *этой* гимназией, и с *этим* домом прекрасным. Дом *этот* — целый остров...

Д. Замок целый!

Б. Целый квартал он занимал, и все там было интересно, и атмосфера там была какая-то особая (...). Нужно сказать, преподаватели там были *очень хорошие. Очень хорошие*...

Д. Это была русская гимназия?

Б. Это была русская, *чисто русская*. Ну, там *поляков было много. Поляков было много* (...). Преподавался польский язык.

(...) Я помню преподавателя — это был *удивительный человек такой*. Во-первых, он был *очень красив, такой* типичный поляк, с бородой, *очень красивый* человек и *очень духовный* человек. Вот у него учились все поляки, кто хотел.

(...) Преподаватели были *хорошие, очень*... Это все были честные люди, *знающие люди, иногда очень знающие люди*.

* * *

Б. В Невель приехал и я... Там жил мой друг, друг, который вообще в моей жизни сыграл *большую очень* роль. Это Лев Васильевич Пумпянский.

---

[4] Ср.: «Ты хорошо спрашиваешь — мне и отвечать приятно» (Сократ).

[5] Беседы, которые мы здесь рассматриваем, можно считать одним из жанров «публичного диалога», так как в текстах присутствует ряд признаков, характеризующих этот вид коммуникации, и прежде всего — ориентация на «двойного» адресата.

Д. Слышал... Это литератор известный.

Б. Литератор известный, да. Человек *исключительно талантливый* и с *грандиознейшей* эрудицией... И он в Невеле оставался, потому что в Ленинграде в то время жить было *очень сложно* (тогда это был Петроград), — жить *было очень трудно*. Ну, *просто был* голод... А в Невеле как-то он *ужился очень хорошо*, вот. Ну, *верхушка* Невеля была *очень тесно* связана с ним.

(...) Университет назывался Новороссийский. Не Одесский, а Новороссийский университет, потому что весь край Новороссийский был. Нужно сказать, там были *хорошие, выдающиеся* преподаватели, у которых я учился. Например, я помню, *замечательный* был лингвист Томсон... Он был *прекрасный* лингвист, *прекрасный* лингвист. Мы учились и сдавали по его *великолепному* учебнику. (...) Ну, вот — Мочульский, он был *бледный преподаватель, бледный*, не оставил большого впечатления.

Д. Скажите, а [уже] знание древних языков..?

Б. Уже было.

Д. Уже было с гимназии?

Б. С гимназии. Латинский был обязательный. И латинский, нужно сказать, *проходили прекрасно. Прекрасно проходили.*

* * *

Б. (...) У Белого есть:

«Философ марбургский Коген,

Творец сухих методологий...»

Ну, это, конечно, *абсолютно неправильная* характеристика — «творец сухих методологий». Это был *замечательный философ*, который на меня оказал *огромное влияние, огромное влияние, огромное.*

* * *

Б. Ну, Ланге, вообще сыновья у него были *как-то малоудачные*, по-моему, — *лоботрясы*, что называется.

(...) Профессор Казанский — это был *очень почтенный* человек. Он перевел всего Аристотеля с древнегреческого языка... он *перевел очень хорошо*. Но как творческий философ... Собственно, он не был творческим философом, поэтому его лекции по введению в философию, первый, так сказать, философский курс, который читался в университете, — «Введение в философию», — был *очень слабый курс*.

Б. Я хотел бы еще сказать относительно администрации университета.

(...) Он был *административный чисто* работник, все дела студенческие находились у него. Архив студенческий — у него. Это был Иван Семенович Слонимский. *Милейший старичок. Ну прямо святая фигура была. Добрейший, милейший, услужливейший.*

(...) Вы знаете, нужно сказать, *великолепная* студенческая столовая была, *великолепная*, где за... точно я не помню сейчас, но примерно так за гривенник можно было *великолепно* пообедать.

Д. В мои годы тридцать три копейки стоил обед, и паршивый, надо сказать.

Б. А тогда был *хороший... Простой* и *хороший* обед. Щи обычно были, щи были *хорошие*, мясные, каша была, *котлетки* были.

* * *

Д. Вы с ними не были знакомы?

Б. С кем?

Д. С Мережковским, Гиппиус и Философовым.

Б. Нет, был знаком, но только знаком, *шапочно*. Мы кланялись. (...) Он — Мережковский — был очень *немужествен*, хотя он носил бородку, все это...

Д. Он какой-то *плюгавенький* был.

Б. *Плюгавенький, какой-то плюгавенький*, такое впечатление, что он был *какой-то синий, как утопленник, синий был, плюгавенький*... Вот. Так что он мне не импонировал, нет. (...) Ну, а Философов — он был барин истинный. (...) Он был *барин, барин-барин*. Он был умен, *очень образован* и, когда говорил... он говорил *очень умно* и кстати. (...) А Мережковский был, я бы сказал, скорее *плюгавый интеллигент. Плюгавый интеллигент*.

Б. И вот там преподавал Мейер и пользовался очень большим успехом и влиянием среди слушателей. Вообще фигура была *замечательная. Замечательная*. И как человек он был *исключительный*. Он и *красив* был *очень. Очень красив*.

Мы привели достаточно объемные части текста, чтобы очевиднее стала индивидуально-образная манера собеседников, и прежде всего рассказчика.

Давно было замечено, что «живая речь во всех своих проявлениях обнаруживает рассудочную сторону и эмоциональную сторону, представленные в очень различных пропорциях в зависимости от душевного состояния говорящего, конкретной ситуации и социальной среды» [Балли 1961: 29]. Близкую мысль высказывал в свое время и М. М. Бахтин: «... экспрессивный момент, то есть субъективное эмоционально оценивающее отношение говорящего... есть повсюду: абсолютно нейтральное высказывание невозможно» [Бахтин 1979: 264].

Как видим, жанр беседы, в котором преобладает рассказ-воспоминание, характеризуется значительной долей эмоциональности, экспрессии, хотя степень такой экспрессивной насыщенности текста во многом зависит от личности говорящего.

Вопрос об объеме, содержании и соотношении понятий «экспрессия», «экспрессивность», «оценка», «эмоциональность», «образность», «выразительность» не имеет однозначного ответа и по сути своей относится к «традиционно-дискуссионным», ср., например, одно из мнений: «За термином "экспрессия" стоят различные явления, помноженные на различные, порой противоположные понимания этих явлений исследователями» (Шаховской).

Несмотря на явную сложность и многоликость явления, большинство исследователей сходятся в том, что «экспрессивность — категория коммуникативно-прагматическая», что «это понятие прежде всего коммуникативно-функциональное, речевое» (Девкин, Кожина).

Таким образом, ответы на вопросы о сущности этих понятий надо искать в речи, в конкретном тексте.

Анализ текстов бесед дает представление об их общей выразительной направленности и экспрессивной насыщенности. Речевому поведению М. М. Бахтина свойственны открытость и доброжелательная готовность, с которыми он идет навстречу вопросам В. Д. Дувакина, направляющего интеллектуальный разговор. Каждый его ответ — это не только рассказ-воспоминание и размышления о былом. Для Бахтина характерно постоянное выражение своего отношения, своей оценки тех событий или лиц, о которых идет речь. И здесь у него имеются свои приемы и средства.

Прежде всего, это разные типы суперлативов для выражения положительной оценки, причем лексика со значением высокой, высшей степени качества используется не только и не столько для объективной характеристики, сколько для эмоционально-субъективной оценки, что создает особый эмоциональный фон беседы.

Ср. некоторые примеры:

Б. У Александра Александровича Мейера, — это был *добрейший, чистейший* человек, который, конечно, *мухи никогда не обидел*, — какая-то была формула, не то что оправдывающая насилие, но как-то...

Д. ... как-то примиряющаяся...

Б. Да, примиряющаяся с насилием, с революционным насилием.

* * *

Д. А из русских символистов? Кто Вас привлекал?

Б. Ну, тут у меня был поэт *любимый такой*, пожалуй, и остался моим *самым любимым* поэтом, — это Вячеслав Иванов. Вячеслав Иванов.

* * *

Б. ... Зелинский — это был тоже мой учитель, пожалуй, *наиболее любимый*.

* * *

Д. ...Расскажите об этой Одессе предвоенной и начала войны.

Б. Да, предвоенной, предреволюционной Одессе, да. Ну, вообще Одесса — город *прекрасный. Прекрасный. Очень солнечный, очень веселый*. Пожалуй, это был один из *самых веселых* городов в нашем Союзе, в нашей России.

* * *

Б. Они организовали там *очень хорошую, на высоте вполне находившуюся*, консерваторию. (...) Во главе, директором консерватории был Малько. (...) *Очень крупная* фигура. И *замечательный* музыкант. Затем, там был Дубасов, *очень крупная* фигура. Он заведовал классом рояля. Он был *великолепнейший* педагог. (...) Там был Пресняков. Это был балетмейстер Мариинского театра. У него *маленькое такое именьице* было в Невельском уезде. (...) Это, значит, консерватория. *Просто блестящая* была консерватория... Дальше. Там было художественное училище. Директором художественного училища был не кто иной, как Казимир Иванович. (...) Малевич был душа этого дела. Человек *в высшей степени интереснейший*.

Как видим, высказывания насыщены экспрессией и оценкой. Наряду с яркими формами превосходной степени (выражающейся не только суффиксальными прилагательными, но и аналитически, с участием слов *самый, наиболее*) в самых разных контекстах широко используются общеоценочное прилагательное *хороший*, однокоренное наречие и их экспрессивные синонимы: *прекрасный, великолепный, замечательный, исключительный, изумительный* и т. п.[6] Усиливает и поддерживает общую эмоционально-оценочную тональность использование наречий-интенсификаторов *очень, необычайно* и др., а также фразеологических единиц, образных выражений, идиом (*мухи не обидел, хоть пруд пруди* и т. д.).

К ярким особенностям устного общения М. М. Бахтина (в частности, в ситуации беседы) следует отнести многочисленные и разнообразные повторы слов, словосочетаний, целых фраз, одни из которых являются «повторами-эхо», т. е. подтверждением мыслей и слов собеседника, другие же, «самоповторы», выступают как средства усиления оценки, уточнения, подчеркивания той или иной мысли. С этой целью может повторяться одно и то же слово или фраза, могут нанизываться однокорневые слова, использоваться разнокорневые слова с одним и тем же аффиксом, может выстраиваться ряд синонимов, причем этот круг расширяется разными видами контекстных сближений. Ср., например:

Б. Это не был гениальный поэт, не был даже, может быть, и большой поэт, но это был *в высшей степени ценный, полезный деятель культуры, поэтической культуры* в том числе. Его роль в деле подъема русской *поэтической культуры* была очень велика. Ведь он, в конце концов, действительно сумел приблизить к нам западноевропейский символизм. *Очень много* сделал. Более того, он сумел *многое сделать* для правильного понимания и античной поэзии своими переводами...

* * *

Б. И потом, она была человеком *абсолютно неофициальным*. *Официальное* все ее тяготило. Как, впрочем, и меня. Я *тоже официальщину* терпеть не могу. (...)

Б. Ведь я указывал, что, может быть, основная черта ее искусства — *это сила. Это сила*. Это не нежность, не интимность, вот, а именно *сила, сила*, но *сила*, которая, конечно, не грубая, а вот именно *сила духа, сила духа*, которая, кстати сказать, была ей свойственна в высшей степени, — сила духа.

Мы находим здесь такие виды перифраз, как развернутые пояснения, включающие слово, употребленное ранее; повторение фразы с введением новых, синонимичных единиц, видоизменение фразы с сохранением опорного слова и т. д.

---

[6] Некоторые исследователи подобные экспрессивно-оценочные прилагательные относят к «типично женским оценочным словам» [Земская и др. 1993: 129]. По-видимому, употребление их М. М. Бахтиным объясняется не только индивидуальными языковыми пристрастиями ученого, но и общей ситуацией беседы, темой и целями общения. Ср., например, свидетельства учеников и друзей А. А. Реформатского, отмечающих аналогичную особенность его устного общения [Язык и личность 1989].

Общая образность текста зависит от многих слагаемых, но прежде всего она отражает индивидуальность, языковую личность. «Индивидуальный стиль высказывания определяется главным образом его экспрессивной стороной», — писал М. М. Бахтин. Эту мысль подтверждают и тексты бесед двух ученых, двух представителей научно-культурной среды начала—середины XX в.

Анализ экспрессивной компоненты текстов, отражающих непосредственное, живое устное общение (в ситуации беседы), ставит еще один вопрос перед исследователями: какую разновидность языка представляют нам эти записи? Разговорную речь (РР) или кодифицированный литературный язык (КЛЯ)? Эти тексты имеют многие черты РР, что обусловлено неподготовленностью, спонтанностью речи. Однако наличие магнитофона и ориентация на будущего слушателя-читателя придают определенную официальность всей ситуации беседы, и это обязывает к соблюдению норм **публичной** речи. Ср.: «Внесение любых, даже самых незначительных, искусственных условий в общение неизбежно спугнет разговорную речь; во всяком случае — сузит ее возможности» [Панов 1962б].

Все это дает основания считать тексты таких бесед особым жанром публичной речи и отнести их к пространству публичного диалога.

Литература

Балли Ш. Французская стилистика. М., 1961.

Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М., 1979.

Беседы В. Д. Дувакина с М. М. Бахтиным. М., 1996.

Земская Е. А., Китайгородская М. В., Розанова Н. Н. Особенности мужской и женской речи // Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект. М., 1993.

Панов 1962а — Русский язык и советское общество. Проспект. Алма-Ата, 1962.

Панов М. В. О развитии русского языка в советском обществе // Вопросы языкознания. 1962б. № 3.

Язык и личность. М., 1989.

В. Е. Гольдин
Саратов

АССОЦИАТИВНЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ КАК РЕЧЕВАЯ ИГРА

> Хочет ли он (отвечающий на анкету. — *В. Г.*) сказать правду или предпочитает из произносительных вариантов, ему известных, присвоить тот, который считает «лучшим» (более культурным, красивым, распространенным)?
>
> *М. В. Панов* [Панов 1971]

Понимание речевого поведения как игрового имеет давние традиции и представлено рядом гипотез. При одних подходах речевая коммуникация (иногда — и неречевая) считается игровой в целом, при других — так рассматриваются только особые случаи пользования речью (каламбур, шутка и т. п.), сопутствующие обычному «серьезному» общению или вклинивающиеся в него. Многие высказывания об игровой природе речевой коммуникации явно метафоричны, их цель — лишь подчеркнуть сходство речевого общения с игрой; однако в других случаях так определяется сама сущность речи [Берн 1992; Борботько 1996; Витгенштейн 1985; Гридина 1996; Доронина 2000; Пищальникова 2000; Санников 1999 и др.].

Мы не склонны приписывать игровой характер любым формам речевого поведения, но полагаем, что речевые игры — столь же необходимый элемент человеческой культуры, как и игры вообще. Речевыми можно считать такие игры, в которых основными действиями играющих и главным смыслом игры являются метаязыковые или метаречевые операции. С этой точки зрения известная телевизионная игра «Устами младенца» — речевая, а «О, счастливчик!» — нет, хотя та и другая воплощаются в речи. Разгадывание кроссвордов, чем в последнее время так увлекаются россияне, — в значительной мере речевая игра, поскольку заключается в рефлексии над речью. А те из кроссвордов, в которых искомое слово задается в сложной косвенной форме загадки или шутки, тем более заслуживают названия речевой игры.

В ассоциативном эксперименте главные действия испытуемых совершаются над речью, поэтому речевой характер эксперимента не вызывает сомнений. Каковы, однако, основания считать данный эксперимент иг-

рой? Во-первых, речевое поведение участника эксперимента условно. Оно совершается в соответствии со специальным принципом, который сообщается участнику экспериментатором и действует лишь в пределах ситуации данного эксперимента. Во-вторых, ни речевое поведение в ходе эксперимента, ни результаты эксперимента не имеют для испытуемых какой-либо практической ценности. Участие в эксперименте может быть интересным, увлекательным, но никакая польза от него не ожидается: полезность не выступает мотивом речевой деятельности испытуемых[1]. «Стандартность речевого поведения, — пишет об участии испытуемых в эксперименте Ю. Н. Караулов, — подразумевает в данном случае отсутствие целеполагания в каждом акте коммуникации (ассоциирования) с воображаемым партнером (экспериментатором), отсутствие сознательно запрограммированной установки и, я бы выразился даже сильнее, — незаинтересованность испытуемого в результатах (каждого акта) коммуникации, что вполне в данном случае отвечает задачам самого эксперимента» [Караулов 1996: 76]. Немаловажно и то, что ситуация эксперимента четко отграничивается от других коммуникативных ситуаций в континууме общения в целом. По-видимому, это достаточные основания представлять ассоциативный эксперимент одним из видов игр.

Отметим, что в ассоциативном эксперименте играют с партнером, инициативные реплики-ходы которого — предъявление стимулов. Реакции — ответные реплики этого игрового диалога. Мы, конечно, не хотим сказать, будто игры вообще имеют диалогический характер, а лишь уточняем специфику обсуждаемой игры. Как писал Л. Витгенштейн, «это похоже на то, как если бы кто-то разъяснял: "Игра состоит в том, что предметы по определенным правилам передвигаются по поверхности..."», а мы ему отвечаем: ты, кажется, думаешь о настольных играх; но это еще не все игры. Ты можешь сделать свое определение правильным, эксплицитно ограничив его этим классом игр» [Витгенштейн 1985: 80]. Так и поступим: наша речевая игра, несомненно, диалогична.

Существенно, что речевая игра «Свободный ассоциативный эксперимент» не относится к числу соревновательных: в ней не фиксируются достижения, рекорды, не устанавливается рейтинг участников, не определяются победители, не присваиваются почетные титулы. Таким образом, не только узко понимаемая полезность, но и мотивы самоутверждения или хотя бы самосовершенствования в данном случае отсутствуют. В отличие от спортивных состязаний в ассоциативном эксперименте на самом деле интересно само участие, а победа не предусматривается правилами. Игры де-

[1] Э. Берн в качестве основного принципа теории игр выдвигает то, что «любое общение (по сравнению с его отсутствием) полезно и выгодно для людей» [Берн 1992: 10]. По-видимому, это положение справедливо, если иметь в виду все, даже самые отдаленные и косвенные, результаты коммуникации, которые далеко не всегда осознаются игроками. У нас же речь идет о другом — о мотивации игрового поведения: участие в ассоциативном эксперименте, как и во многих других играх, обычно бескорыстно.

вочек в «магазин» или в «дочки-матери» — всем известные несоревновательные игры. Игры же в «прятки» или в «войну» — игры соревновательные.

Задача выиграть, победить соперника заставляет участников соревновательной игры постоянно варьировать и совершенствовать (часто — втайне от других) свое игровое поведение, а подчиненность всех действий достижению очень конкретной, четко определенной цели ведет к попыткам добиваться успеха любыми способами, в том числе — не обязательно одобряемыми. Поэтому для организации соревновательных игр так актуально создание запретительных правил. Отсюда же частые споры между участниками соревновательных игр о допустимости того или иного действия, приема, положения, а это делает необходимым привлечение судей для разрешения конфликтов, постоянно возникающих в процессе соревновательных игр.

Несоревновательные игры имеют противоположную направленность. Когда дети играют в «магазин» или в «дочки-матери», то нет необходимости в каких-либо специальных запретах на варьирование поведения. Удовольствие от игры состоит для играющих как раз в том, чтобы полностью подчиниться роли продавца, покупателя, дочки, матери, действовать не неожиданно для партнера, а совершенно предсказуемо, узнаваемо. Коммуникативное поведение участников несоревновательной игры стремится к стандартности и социально-ролевой типизированности. Главный принцип таких игр, как «магазин» или «дочки-матери», заключается в том, что играющие должны действовать в соответствии с наблюдаемыми в жизни образцами и сложившимися на их основе сценариями. Если в такой игре кто-то ведет себя неверно (если, например, в ходе игры в «магазин» «покупателю» вдруг захотелось лечь на «прилавок», чтобы «поспать»), то его укоряют не за нарушение каких-то правил (специальных правил на этот счет нет): осуждается нетипичность поведения, отступление от исполняемой роли. В таких случаях обычно говорят: «Так не бывает!» Регулятором несоревновательной игры выступают, таким образом, не четко сформулированные правила, а жизненные образцы, т. е. то, как, по мнению играющих, бывает в жизни[2]. К играм обсуждаемого типа вполне приложимы слова Н. Д. Арутюновой: «Жизнь часто

[2] Замечательный пример естественной несоревновательной игры находим в повести К. Паустовского «Золотая роза» (глава «Алмазный язык»). Девочки изображают в разговоре между собой многодетных деревенских женщин:

— Трявога, трявога! — сердито сказала девочка с хриповатым голосом. — Маешься цельный день, чтобы в школу их определить, всю эту ораву, всю братию, а чему они в школе научаются? Слово сказать и то не умеют по-людски! «Тревоги» надо говорить, а не «трявоги!» Вот скажу отцу, он тебя проучит.

— А мой Петька анадысь, — сказала другая девочка, — двойку приволок. По арифметике. Уж я его утюжила-утюжила. Аж руки замлели.

— Врешь ты все, Нюрка! — сказал басом маленький мальчик. — Петьку маменька утюжила. И то чуть.

сравнивают с игрой, хотя на самом деле как раз игра создана по образцу определенной стороны жизни» [Арутюнова 1999: 230][3].

Можно также различать искусственные игры и игры естественные. Для первых характерно обилие условно принимаемых и потому достаточно легко изменяемых правил, которые детально регламентируют действия играющих и предусматривают чуть ли не все возможные в игре события и положения. Не будь этих правил, игроки просто не знали бы, как им в эту игру играть. Естественная же игра обычно определяется всего лишь каким-либо одним общим принципом, задающим стратегию поведения и «понарошку» переносящим играющих в более или менее знакомую им жизненную ситуацию, так что играющим остается лишь подражать жизни, проявляя свою коммуникативную компетенцию и свои знания о мире. Такова, к примеру, детская игра в «паровозик», когда малыши изображают состав, движущийся по извилистому пути с гудками и стуком колес. Таковы и уже упомянутые игры «магазин», «дочки-матери». По-видимому, все или почти все несоревновательные игры относятся к естественным, а соревновательные игры могут быть как естественными, так и искусственными. При этом свойство естественности/искусственности имеет градуальный характер, поэтому можно говорить о более и менее естественных играх, об играх с большей или меньшей долей искусственности.

Участникам игры «Свободный ассоциативный эксперимент» ее организатор предлагает действовать в соответствии с одним общим принципом: записывать при предъявлении стимула (т. е. в ответ на инициативную реплику в данном искусственном диалоге) первое, что приходит в голову. По умолчанию считается, что с этим можно справиться. Однако заметить, что именно «пришло в голову первым», далеко не всегда легко, тем более что в обычных условиях решать так формулируемую задачу испытуемым не приходится. Но у них имеется представление о диалогах в обычном общении, есть соответствующий коммуникативный опыт, и это помогает им организовать свои действия в предложенной игре. Испытуемые в основном воспроизводят в ней обычные стратегии ведения диалогов, действуют в игре «как бывает в жизни». Одни поддерживают диалог, во всем противореча партнеру: на стимул х о р о ш о отвечают *плохо*, на и д т и — *не идти* и т. п.; другие стараются попасть в тон партнеру, отвечая фонетически близкими словами (д о р о г а → *порога*, г а з е т а → *зета*); третьи прилагают говоримое к себе (б а б у ш к а → *моя*, п и с а т ь → *пишу*); четвертые чувствуют при этом необходимость давать всему оценку (у р о к → *скукотища*, о б е д → *люблю*) и т. д.[4] Все эти и другие выявлен-

[3] Эта мысль, как можно думать, справедлива по отношению к любым играм, хотя в цитируемой работе Н. Д. Арутюнова имеет в виду игры, конечная цель которых — «выигрыш или поражение».

[4] Так как каждый из рассматриваемых диалогов состоит лишь из одной инициативной реплики и одной реактивной, то в данном случае, по-видимому, можно не разграничивать коммуникативные стратегии, тактики и ходы, понимая под стратегией общую направленность ответной реплики.

ные исследователями стратегии реагирования восходят к неигровому общению: речевая игра воспроизводит свойства обычной речевой жизни людей. Таким образом, в свободном ассоциативном эксперименте есть элемент искусственности, но он преодолевается играющими, которые принципиальную неполноту сообщаемого им «правила» восполняют за счет своей коммуникативной компетенции и тем самым придают игре естественный характер.

Поскольку ассоциативный эксперимент — по преимуществу естественная несоревновательная игра, то нарушением в ней можно считать речевое поведение испытуемого, не похожее на обычное, т. е. такое, которому нет аналога в естественном общении («Так не бывает!»). Анкеты с преобладанием «неправильных» ответов этого рода, как известно, в экспериментах встречаются, и именно по этому признаку их отбраковывают, не включают в базу данных. См., например: [Караулов 1996]. Таким образом, не только испытуемые, но и исследователи явно или неявно рассматривают свободный ассоциативный эксперимент как естественную несоревновательную игру.

Часть стимулов легко вписывается в любые или почти любые разновидности диалогов, но многие стимулы способны налагать ограничения на выбор стратегии. Уже поэтому анкеты, в которых реализована преимущественно одна стратегия, встречаются гораздо реже в сравнении с анкетами, где использованы различные способы ведения диалога. Общая тональность отношений с экспериментатором (строго официальная, неофициальная, фамильярная и т. д.) — второй важный регулятор речевого выбора, который делают испытуемые. Ход игры, безусловно, зависит и от типа речевой культуры участников, от их коммуникативной компетенции и информационной базы, от некоторых индивидуальных особенностей психики отвечающих. Но какое бы индивидуальное решение ни принял испытуемый, в несоревновательной игре «Свободный ассоциативный эксперимент» он ориентировался на то, как, по его мнению, «бывает».

Источник ассоциаций справедливо видят в текстовой памяти: «Разбуженная предложенным ему стимулом иллокутивная сила говорящего толкает его к предицированию, а память услужливо приводит тотчас же его личный (или принадлежащий его референтной группе, целиком одобряемый и принимаемый им) прецедент, извлеченный из типичного для него текста, из его текста, им когда-то произведенного и только ему принадлежащего» [Караулов 1996: 75]. Использование этих прецедентов, однако, не следует понимать как простую цитацию: «одобряемый и принимаемый» коммуникативный опыт заключается, на наш взгляд, прежде всего в освоенных испытуемым узуальных стратегиях речевого общения. Они позволяют испытуемому не ограничиваться автоматическим воспроизведением текстовых фрагментов. Но, так или иначе, за индивидуальными действиями испытуемых в свободном ассоциативном эксперименте стоит их вла-

дение речевым узусом и отчасти нормами. Следовательно, свободный ассоциативный эксперимент—это психолингвистический и социолингвистический эксперимент в равной мере.

Если данное положение справедливо, то оно должно учитываться при интерпретации получаемого в ходе экспериментов материала. Приведем конкретный пример. В ассоциативных экспериментах со школьниками Саратова и саратовского региона (1998—1999 гг.) было получено большое число ассоциатов личностного характера. К ним в первую очередь относятся прямые упоминания школьниками себя (голосование→*за меня*, ужин→*мы и пицца*, спектакль→*пойдем*, лес→*я в лесу*, солдат→*не хочу им быть* и под.) и частое использование в ответах субъективных, т. е. включающих отсылку к говорящему, именований родителей (гости→*мама; папа*; музыка→*мама; папа*; костюм→*мамин*; пришла→*мамочка* и под.). К личностным реакциям относим также ассоциаты экспрессивного характера (*малюсенький, пискля, челобречек* и под.) и некоторые другие [Гольдин, Сдобнова 2000а]. Конечно, реакции этого типа свидетельствуют об определенных особенностях строения ассоциативных полей у испытуемых и могут трактоваться в психологическом плане. Однако, на наш взгляд, они не получили бы в ответах внешнего проявления (или, по крайней мере, не были бы частыми), если бы испытуемые не ощущали обычность, жизненную правдоподобность, узуальность такого ведения диалога со старшим по возрасту и положению, достаточно чужим человеком (экспериментатором), когда говорящие прямо переключают внимание на себя, сообщают о себе, открыто выражают себя в речи. Усиление личностного начала в современной речи, отмеченное М. В. Пановым [Панов 1988], а затем и другими исследователями, развившаяся узуальность личностной стратегии публичного общения и ощущение школьниками этой узуальности есть тот фактор социально-лингвистического характера, без учета которого объяснение частоты личностных реакций в экспериментах 1998—1999 гг., думается, невозможно.

Коммуникативная компетенция не только разрешает, но в некоторых случаях и запрещает испытуемым демонстрацию тех или иных реакций, психологическая база которых, безусловно, имеется. Так, рассмотрение материалов Ассоциативного словаря саратовских школьников приводит к выводу о том, что из большого пласта знакомой им и широко в их среде употребляемой нелитературной лексики школьники используют в качестве реакций преимущественно слова так называемого «общего жаргона» (*бабки, баксы, блин, глюки, достать, кайф, кинуть* (кого-либо), *клёвый, крутой, мент, на халяву, облом, прикид, прикол, тачка, тусовка, чайник* и под.), отсеивая другую нелитературную лексику, в отличие от которой элементы общего жаргона воспринимаются ими как уже вполне допустимые сегодня экспрессивные единицы [Гольдин, Сдобнова 2000б].

Стереотипность, типизированность реакций, их ориентация на узус, свойственные несоревновательному игровому общению, особенно ярко проявляются, на наш взгляд, в случаях, когда стимулы воспринимаются школьниками как знаки ситуаций и поэтому вызывают в качестве ответов типичные для данных ситуаций высказывания: о ш и б к а → *Извини*; п о б е д а → *Ура!*; п о б е д а → *Все-таки мы их сделали!*; н о в е н ь к и й → *Нужно познакомиться*; с т а р е ц → *Садитесь* и под.

В приведенных примерах стимулы прямо называют ситуацию (п о б е д а, о ш и б к а) или ее ключевой компонент (н о в е н ь к и й, с т а р е ц). Ситуация может задаваться и таким стимулом, который выступает как типичное для этой ситуации высказывание; тогда реакция — один из столь же типичных для данной ситуации ответов: с д е л а й - к а → *не хочу; «щ а с прям»; не сделаю; пошел!; не буду;* п р и п е р с я → *Ну вот!; Ну и что ты пришел?* и под.

У говорящих на диалекте, по нашим наблюдениям, связь между представлением о ситуации и тем, что в этой ситуации обычно говорится, столь велика, что при объяснении сущности какой-либо ситуации носители диалекта обычно демонстрируют, ч т о и к а к м о ж е т б ы т ь с к а з а н о в подобных случаях. В этом типе речевой культуры образ ситуации включает в себя соответствующие высказывания и формы развертывания речи в качестве обязательного компонента [Гольдин 1995]. В литературно-разговорной речи это явление менее заметно, но тоже представлено. Таким образом, отмеченная у школьников стратегия реагирования «ситуация → типичное для нее высказывание» — далеко не случайное явление, и, как видим, оно хорошо согласуется с несоревновательным характером ассоциативной игры, стимулирующим ориентацию испытуемых на коммуникативно-речевые стереотипы.

Если просматривать материалы ассоциативных экспериментов с точки зрения проявления в них стратегии «ситуация → типичное для нее высказывание», то обнаруживаются близкие по характеру и переходные случаи реагирования. Отношение «ситуация → типичное для нее высказывание» закономерно трансформируется в отношение «тема → типичное высказывание» (ж и з н ь → *Быть или не быть, вот в чем вопрос*). В ряде случаев различить эти типы отношений достаточно трудно или даже невозможно: в о л ш е б н и к → *Мечты сбываются;* б а н д и т → *Плохие дела* и под. При усилении личностного начала в общении встречается дополнительная трансформация: у д а ч а → *то, чего мне не хватает;* д е ж у р и т ь → *мы дежурим в первый раз* и под.

Таким образом, прилагая поставленный М. В. Пановым вопрос о «правдивости» (см. эпиграф) к результатам свободных ассоциативных экспериментов, мы, по-видимому, можем сказать, что «правда» для участников этих экспериментов узуально окрашена, она в значительной мере совпадает с тем, как, по их мнению, бывает в жизни.

Литература

Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М., 1999.

Берн Э. Игры, в которые играют люди: психология человеческих взаимоотношений. Люди, которые играют в игры: психология человеческой судьбы. Л., 1992.

Борботько В. Г. Игровое начало в деятельности языкового сознания // Этнокультурная специфика языкового сознания. М., 1996.

Витгенштейн Л. Философские исследования // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVI. М., 1985.

Гольдин В. Е. Машиннообрабатываемые корпусы диалектных текстов и проблема типологии русской речи // Русистика сегодня. 1995. № 3.

Гольдин В. Е., Сдобнова А. П. Личностное начало в современной русской речи и ассоциативные реакции саратовских школьников // Предложение и слово: парадигматический, текстовый и коммуникативный аспекты. Саратов, 2000а.

Гольдин В. Е., Сдобнова А. П. Языковое сознание школьников в современной коммуникативной ситуации // Проблемы речевой коммуникации. Саратов, 2000б.

Гридина Т. А. Языковая игра: стереотип и творчество. Екатеринбург, 1996.

Доронина С. В. Лингвоментальная категория «несерьезности» как текстообразующая категория игрового дискурса // Текст: структура и функционирование. Вып. 4. Барнаул, 2000.

Караулов Ю. Н. Типы коммуникативного поведения носителя языка в ситуации лингвистического эксперимента // Этнокультурная специфика языкового сознания. М., 1996.

Панов М. В. О том, как составлялся вопросник по произношению // Развитие фонетики современного русского языка: фонологические подсистемы. М., 1971.

Панов М. В. Из наблюдений над стилем сегодняшней периодики // Язык современной публицистики. М., 1988.

Пищальникова В. А. Языковая игра как лингвосинергетическое явление // Языковое бытие человека и этноса: психолингвистический и когнитивный аспекты. Вып. 2. Барнаул, 2000.

Санников В. З. Русский язык в зеркале языковой игры. М., 1999.

А. В. Западворова
Москва

ЦИТАТА В СЕМЕЙНОЙ РЕЧИ[1]

> Филология — это семья, потому что всякая семья держится на интонации и на цитате, на кавычках. Самое лениво сказанное слово в семье имеет свой оттенок. И бесконечная, своеобразная, чисто филологическая словесная нюансировка составляет фон семейной жизни.
>
> *О. Мандельштам, О природе слова*

Данная статья посвящена анализу функционирования цитат в семейном речевом общении. О скрытой цитатности нашей речи писали многие исследователи, начиная с М. М. Бахтина. Общение, в замкнутом семейном кругу в особенности, пронизано цитатами и самоцитатами, подробнее об этом см. [Капанадзе 1989].

Мы ограничили свое рассмотрение кругом литературных цитат, и сделали это по двум причинам. Во-первых, такие цитаты легко распознаются посторонним наблюдателем и не требуют большого количества дополнительных пояснений при изложении материала. Во-вторых, анализ именно литературных цитат выводит нас к еще одной интересной проблеме — роли прецедентных текстов (ПТ) в семейном общении.

Функционирование цитат в семейной речи существенно отличается от употребления цитат в других сферах коммуникации, например в речи публичной. Так, в непринужденном домашнем общении человек более свободно может эксплицировать свои ассоциации, может произносить вслух то, что пришло ему в голову, не заботясь о том, чтобы цитата обязательно была уместна.

Семейное общение характеризуется наличием большой общей апперцепционной базы у партнеров коммуникации. Прецедентные тексты составляют существенную часть этого общего языкового опыта семьи.

---

[1] Автор благодарит Е. И. Голанову, Е. М. Гершензон, Е. А. Земскую, М. В. Рудерман, А. Е. Рудневу за любезно предоставленные языковые примеры.

Круг ПТ у разных семей может сильно различаться, но, как правило, сюда входят любимые книги, детская литература (которая прочно укоренена в нашей языковой памяти, поскольку читается и пересказывается детям по много раз), произведения из школьной программы, любимые фильмы, мультфильмы, анекдоты, популярные песни, реклама.

Конечно, у каждого поколения свои интересы, соответственно, и свой круг прецедентных текстов. Но в семье как раз и происходит наиболее интенсивное и непринужденное общение между поколениями. Здесь наблюдается любопытное явление — многие цитаты ребенок узнает от родителей до знакомства с их источником, поэтому в его языковом сознании они становятся неотъемлемой чертой их речевой манеры.

Некоторые выражения-цитаты дети перенимают от родителей, происходит своеобразная преемственность поколений.

А. (бабушка внуку): *Ну что / все съел?* Б. *Слонопотам почти все съел // Так в книжке написано и папа так говорит //.*

Взрослые тоже расширяют кругозор и обогащают свой лексикон за счет детей и внуков.

А. и Б. (ее дочь) обсуждают работу Б., при разговоре присутствует четырехлетний мальчик К. (внук А., сын Б.). Б.: *Ну и они сказали что в общем интересная работа получается* / К. (прерывая, громко, тонким голоском) *Очень пин-пин-пинтерресная работа!* А. *Ты чего это Костя кричишь и заикаешься как-то?* Б. и К. (одновременно начинают объяснять). К. *Это в книжке так было //* Б. *Так говорила Тутта Карлсон // Ну из Людвига Четырнадцатого //* А. (к К.). *Покажи-ка мне эту книжку / что-то не помню ее //.*

Цитата объединяет семью, является знаком принадлежности к кругу своих, о чем справедливо пишет О. Мандельштам, слова которого вынесены в эпиграф: «(...) всякая семья держится на интонации и на цитате, на кавычках». Так, в незнакомой компании мы выделяем «своих», близких по духу людей, по манере говорить, по цитатам. Цитата отсылает нас к тому произведению, из которого она взята, а произведение, в свою очередь, — к целому пласту литературы, который является символическим отображением определенного мировоззрения. Особенно остро это ощущалось в советское время, когда идеологическое расслоение общества было выражено особенно ярко, а большая часть литературы была труднодоступна. Соответственно, употребление той или иной цитаты могло сказать многое об идеологической позиции человека.

Цитирование и квазицитирование являются также распространенными приемами семейной языковой игры, которая составляет значительный пласт домашнего общения. Как пишет Л. П. Крысин: «Вообще роль языковой игры в жизни малых групп гораздо более значительна, чем в деятельности больших человеческих совокупностей» [Крысин 1989: 83—84].

Разумеется, в разных семьях активность цитирования неодинакова. Это зависит и от общей атмосферы в семье, а также от принадлежности к определенному социальному слою. Употребление литературных цитат в

непринужденном семейном общении в наибольшей степени характерно для интеллигенции. Как сообщают исследователи городского просторечия, в этой среде цитирование встречается значительно реже. Специального исследования на эту тему не проводилось, однако нам представляется, что и здесь можно встретить феномен «текста в тексте», но круг ПТ будет иным.

Стимулы для произнесения цитаты

Появление цитаты может быть обусловлено различными причинами.

Реплика-цитата может быть реакцией на ситуацию, комментировать ее. Многие цитаты повторяются постоянно, превращаясь в семейные речевые формулы, стереотипы.

На вопрос *Кто там?* в некоторых семьях следует ответ: *Это я, почтальон Печкин. Принес посылку для вашего мальчика* (Э. Успенский, Дядя Федор, пес и кот), или в усеченном варианте: *Это я, почтальон Печкин.*

Смелые кулинарные эксперименты комментируются репликой Геллы, обращенной к коту Бегемоту: *Ты еще виноградину сверху положи* (М. Булгаков, Мастер и Маргарита).

Часто как оценка собственных действий: *Не гонялся бы ты, поп, за дешевизною* (А. С. Пушкин), если по дешевке куплено что-то плохое.

Задолбали вихри яростных атак («Чиж и К°») — говорится в соответствующих ситуациях при игре на компьютере.

Когда кто-нибудь начинает выражаться слишком заумно: *Дитя мое, не произноси слова только за то, что они красивые и длинные...* (Л. Кэрролл, Алиса в стране чудес).

Бьют часы, ядрена мать, Надо с бала мне бежать (К. Воннегут) — говорится обычно в гостях, когда уже поздно и пора уходить.

Хотя по своим коммуникативным функциям многие такие цитаты совпадают с известными пословицами и поговорками, они сильно различаются по эмоциональному воздействию на адресата. Цитаты звучат менее нравоучительно, они не создают дистанции между адресатом и адресантом. Потому что в отличие от пословиц, которые отсылают нас к народной мудрости, являются выражением прописных истин и учат нас поступать, как принято в рамках данного общества, цитаты в данной функции являются проявлением индивидуального подхода к человеку, отсылают к общесемейным, а не общенародным нормам поведения.

Присутствующий при цитировании элемент языковой игры помогает смягчить резкость негативной оценки. Так, из двух фраз, комментирующих неудачную покупку: а) *Ну что ж делать / свой ум не пришьешь / в следующий раз умнее будешь //* и б) *Средства-то у нас есть, у нас мозгов нету* (Э. Успенский) — вторая звучит менее обидно, хотя выражает тот же смысл, что и первая.

В семейной речи стимулом для произнесения цитаты (в отличие от речи публичной) может явиться не сама ситуация, а определенное слово, сочетание слов или ритмический рисунок произнесенной фразы.

Слово «тянет» за собой те выражения, или, пользуясь термином Б. М. Гаспарова, «коммуникативные фрагменты»[2], в которых оно нам встречалось. В условиях непринужденного общения активизируется «память слова». Однако различные слова (и словоформы!) обладают разным ассоциативным потенциалом.

Слова редкие, малоупотребительные в повседневном общении могут вызвать появление соответствующей цитаты, даже если они стоят в другой грамматической форме, поскольку число контекстов их употреблений, хранящихся в нашей языковой памяти, крайне ограничено.

Например, А. (пытается зимой «выгнать» из луковицы гиацинт): *Пойду посмотрю как там наш гиацинт* /. Б. (мать А.): *Надо снять с гиацинтов колпак* (цитата из Б. Пастернака) // (через некоторое время, с удивлением) *А ведь он как раз про это и писал* //.

Еще пример. Отец с дочерью редактируют список литературы, Дочь: *А Рубинфельда как зовут?* Отец: *Рубинфельд он* ***Робин / Робин-Бобин-Барабек*** *скушал сорок человек // И издательство ему не забудь поставить* //.

Слова высокочастотные, как правило, не обращают на себя нашего особого внимания, однако определенная форма слова (число, падеж, деминутив и т. п.) также может обладать ассоциативной заряженностью.

Например, муж с женой катают мячик по комнате, жена: *О / смотри / я* ***пальчиком*** *ударила!* Муж: Да / *малыш уж отморозил* ***пальчик*** (цитата из Пушкина) *тебе гол* //.

Обращение к ПТ часто объясняется сочетанием нескольких признаков, объединяющих высказывание-стимул и произнесенную цитату. Например, сочетанием словоформы с определенной синтаксической позицией, сочетанием словоформы с определенным ритмическим рисунком, сочетанием фонетического созвучия с позицией в высказывании и т. п. Наиболее точно это подобие можно охарактеризовать, пользуясь термином Б. М. Гаспарова «**контур высказывания** (КВ)»[3]. Как пишет автор, основными конститутивными компонентами, из которых складывается КВ, являются ритмико-интонационный образ и опорные выражения: конкретные слова или сочетания слов, коммуникативные фрагменты, занимающие в данном контуре определенное место. Приведем несколько иллюстративных примеров.

---

[2] «Коммуникативные фрагменты (КФ) — это отрезки речи различной длины, которые хранятся в памяти говорящего в качестве стационарных частиц его языкового опыта и которыми он оперирует при создании и интерпретации высказываний» [Гаспаров 1996: 118].

[3] «Целостный прототипический образ, непосредственно узнаваемый говорящими в качестве эскиза конкретных высказываний, обладающий конкретной ритмико-мелодической конфигурацией, словесным потенциалом, коммуникативной направленностью, стилевой и жанровой принадлежностью, я буду называть коммуникативным контуром высказывания (КВ)» [Гаспаров 1996: 192].

А. (разглядывает миниатюрный чайник): *Что в такой чайник войдет — три чаинки...* Б.: *Три чаинки под окном...* (намек на цит. из Пушкина: «Три девицы под окном пряли поздно вечерком»).

А. *Ты не пойдешь со мной?* // Б. *А ты куда?* А. *Да / хочу пройтись* // Б. *Ну пройдись / пройдись ... очарованье* // (фонет. искаж. «Продлись, продлись, очарованье»).

Особенно сильной (обращающей на себя внимание) является позиция в начале фразы. Поэтому человек может закончить цитатой свою (или чужую) реплику, которая первоначально имела буквальный (не цитатный) характер, из-за того, что начальные компоненты его фразы и соответствующего ПТ совпали.

Например, А. (летней ночью выглядывает в окно): *Светает* (первая строка из стихотворения О. Мандельштама). Б. (продолжает цитату): *Шумят сады зеленым телеграфом.*

Кот входит на кухню, обводит присутствующих недовольным взглядом. Отец: *У-у* // ***Пришел*** //. Дочь (подхватывая): *Рассыпался клоками* // (в оригинале: «Пришла, рассыпалась, клоками / Повисла на суках дубов»). Интересно, что подобная переделка данной цитаты встретилась в нескольких семьях.

Жена мужу: *Ты фасоль будешь?* Муж (мотает головой): ***Не хочу я твоего замороженного винограда!*** (О. Мандельштам) (первоначальная реплика-реакция *Не хочу* «потянула» за собой стихотворную строчку; возможно, сказалось и то, что в обоих случаях речь шла о еде).

Иногда трудно объяснить, почему всплыла та или иная цитата. Подобие между исходным высказыванием и цитатой может быть почти неуловимым, касаться лишь ритмического рисунка высказывания, при полном отсутствии лексической или смысловой (ситуативной) обусловленности.

Дочь: *Я тебе купила бифидок / не такой как ты просила / **большой литровый*** //. Мать: *Ага / спасибо* // *Корабль **испанский трехмачтовый** // А он свежий?*

Здесь мы не ставили себе задачи дать четкую и исчерпывающую классификацию соотношения реплик-стимулов и цитат, а лишь попытались наметить основные типы.

Метатекстовое сопровождение цитаты

В отличие от публичной речи, где цитата, как правило, имеет обязательный метатекстовый ввод: *Как сказал.., Как писал.., Мне приходит в голову известный анекдот* или *Это мне напоминает...* и т. п., в семейной речи цитаты часто вводятся в речь «без предупреждения» и опознаются без указания на источник. Знаком того, что произнесенная реплика является цитатой, может служить изменение тона, употребление нехарактерной для обычной речевой манеры человека интонации. Это особенно хорошо заметно при цитировании звучащего текста: реплики кинофильма, мультфильма, рекламы, песни.

Из-за отсутствия метатекстового ввода могут случаться и коммуникативные неудачи, когда собеседник не узнает цитату и воспринимает сказанное буквально.

Например: дочь дала каждому по яблоку, мать: *Ой / Я целое не съем //. Отрежь мне кусочек от своего / маленький //.* Дочь (с необычной для нее интонацией): *Возьми свой пакет!* Мать (непонимающе): *Какой пакет?* Дочь: *Ну такая реклама была / не помнишь?*

Иногда в педагогических целях родитель может пояснить источник для ребенка, но делает он это обычно после, а не до произнесения самой цитаты. Пример: жена — мужу (заполняя какую-то официальную бумагу): *Слушай / какое сегодня число?* Муж: *Какое, милые, у нас тысячелетье на дворе* (цитата из Б. Пастернака) // *Пятнадцатое кажется //* (дочери) ***Знаешь кто сказал?*** Дочь: *Знаю / знаю // Пастернак // Ты же все время это говоришь!*

Форма цитаты

В непринужденном семейном общении цитата может не приводиться полностью, а произноситься частично, намеком (см. [Кукушкина 1989: 99]). Например, выражение *Давайте не будем выкапывать косточку,* которое часто употребляется в одной семье в значении *Не стоит торопить события,* — намек на Карлсона, который каждый раз, прилетая к Малышу, выкапывал из горшка косточку, приговаривая: «Смотри, как она выросла!»

Другой пример: мать — дочери во время приготовления ужина: *Слушай / сосиски что-то не очень / посмотри //.* Дочь (придирчиво нюхая и рассматривая): *Да / прямо скажем / хм-хм / **второй свежести** / может животным отдадим?*

Цитата может претерпевать очень сильные изменения: заменяются отдельные слова, словосочетания, иногда от исходной цитаты может остаться только «каркас», коммуникативный контур высказывания. К сожалению, краткие рамки статьи не позволяют подробно рассмотреть виды подобных модификаций, однако они во многом сходны с описанными Е. А. Земской различными видами трансформации цитат в газетных заголовках, см. [Земская 1996].

Цитация и языковая игра

Переделки известных цитат «под ситуацию» — распространенный прием языковой игры.

Это может быть импровизация: А. (провожает Б. на работу): *У тебя деньги есть?* Б. *Деньги есть — ума не надо //* — или сознательное использование готовой формы, пародирование. Особенно вдохновляет на подобные эксперименты стихотворная форма.

Некоторые особо удачные переделки становятся частью семейного фольклора, часто повторяются и цитируются уже в своем измененном варианте. Например, в одной семье глава семейства, возмущенный поведением кота, сложил по этому поводу такое стихотворение: *Отречемся от хищного кота / Отряхнем его мех с наших ног / Нам не надо кота-обормота /*

Ненавистен и мех нам и хвост! (являющееся, как легко заметить, вольной переделкой Интернационала).

Эстетический эффект может достигаться также путем совмещения цитат различных авторов. Например, дочь стрижет мать, переходит к челке и произносит: *Еще доходит до бровей / Твоя незавитая челка* (цитата из А. А. Ахматовой) *Но ей осталось уж недолго /.* Мать: *Ну на, возьми ее скорей!* (цитата из А. С. Пушкина).

Цитата может получать новое переосмысление, менять модальность. Пример: муж (открывая холодильник): *А где мой сыр?* Жена: *Ой / знаешь его наверно съели //.* Муж: *Я ж специально его оставил чтоб сегодня с пивом сьесть! Вот всегда так* (с горькой иронией) *сам не съем другие съедят / мне спасибо скажут!* (цитата из Л. Н. Толстого).

В заключение следует сказать, что описанное употребление цитат характерно не только для семейной речи, но и для других замкнутых малочисленных социальных групп (неиерархизованных), где преобладают непринужденные отношения, например таких, как компания друзей.

Литература

Гаспаров Б. М. Язык. Память. Образ. М., 1996.

Гудков Д. Б. Прецедентное имя и проблемы прецедентности. М., 1999.

Земская Е. А. Цитация и виды ее трансформации в заголовках современных газет // Поэтика, стилистика, язык и культура: Памяти Татьяны Григорьевны Винокур. М., 1996.

Капанадзе Л. А. Семейный диалог и семейные номинации // Язык и личность. М., 1989.

Крысин Л. П. О речевом поведении человека в малых социальных группах (постановка вопроса) // Язык и личность. М., 1989.

Кукушкина Е. Ю. «Домашний язык» в семье // Язык и личность. М., 1989.

Н. Йот
Москва

ДВЕ ЗАБАВНЫЕ МЕЛОЧИ

1. Как повысили в чине тыняновского героя

Как известно, герой повести Тынянова «Подпоручик Киже» «скончался» в чине генерала. В нашей истории пойдет речь о повышении всего лишь на одну «ступень».

И кинофильм по этой повести, и сюита из музыки к нему Сергея Прокофьева называются «Поручик Киже». Что ж, когда на основании одного художественного произведения создается другое, случаются и не такие трансформации!

Но как отнестись к следующим высказываниям? Приведу ряд цитат.

Однако, когда машиностроители начинают искать виновных за необоснованный заказ, они в большинстве случаев натыкаются на «поручика Киже». Безымянная бюрократическая машина прекрасно умеет избегать ответственности... (Известия, 1987).

Типажно-массовидное, «такое, как все», чаще всего — никакое. За ним — никто. Поручик Киже. Но Киже не безвреден: пустота, «ничто» всегда загораживает, вытесняет «что», загораживает живую действительность (Вл. Саппак, Телевидение и мы, 1988).

— Можно ли вашу концепцию назвать альтернативной? — Нет, но только потому, что не существует другой концепции. Это поручик Киже (Поиск, 1989).

Тогда же он был фигурой совершенно секретной, лица не имел, почти как поручик Киже (А. Д. Сахаров, Воспоминания, 1990).

Вскоре мне стало известно, что я, кроме того, нахожусь на положении поручика Киже (П. Григоренко, Воспоминания, 1990).

Найти крайнего в нашей системе так же трудно, как выпить на брудершафт с поручиком... Киже (Д. Валовой, Тайны Овального зала Кремля, 1991).

Я поручик Киже... (В. Познер в телепрограмме «Мы», 1991).

...сомнения провоцируются еще и тем немаловажным обстоятельством, что в современной нашей литературе наряду с, условно говоря, живыми людьми обитает и великое множество призраков, доморощенных гомункулов, красноречивых теней отца Гамлета и прочих поручиков Киже (Р. Арбитман, Литературная газета, 1993).

Так этот фильм, как поручик Киже, фигуры не имеет (Хржановский о своем фильме «Стеклянная гармоника», телевидение, 1994).

Пока такой режим культивируется, все упования на силу законов тщетны, ибо к каждому закону приставляется Лицо, которое им управляет. Лицо, как поручик Киже, фигуры не имеющее (Ю. Феофанов, Известия, 1995).

Так и будем считать, что по состоянию на январь — начало февраля большинство российских избирателей желает, чтобы президентом России был «господин никто». Некая разновидность поручика Киже (О. Мороз, Литературная газета, 1995).

Кто же из высокого начальства станет его слушать, если на бумаге войсковая часть не существует! В такую часть нельзя прислать на подмогу даже поручика Киже, который, наоборот, существовал лишь на бумаге (Известия, 1997).

ДДТ стал у нас поручиком Киже (телепередача «Очевидное — невероятное», 1999).

— Вы встречались с Романом Абрамовичем? Он существует в природе или это поручик Киже? (Книжное обозрение, 1999).

А мгновенное сотворение из пустоты нового влиятельного блока, некоей фикции, миража, этакого коллективного поручика Киже? (Литературная газета, 1999).

Неужели всех этих авторов следует уличить в неправильном указании чина знаменитого литературного героя? Думаю, что не следует. Фактически во всех этих высказываниях фигурирует вовсе не персонаж повести Юрия Тынянова. «Выражение "подпоручик Киже" получило крылатость и употребляется как ироническая характеристика лица, в действительности не существующего, но принимаемого за реальное вследствие какого-либо недоразумения или обмана» (Н. С. Ашукин, М. Г. Ашукина. Крылатые слова. М., 1988).

Но не позволяет ли приведенный материал считать, что «крылатость» приобрел «укороченный» вариант — *поручик Киже*?

Пожалуй, один только всегда точный А. А. Реформатский при таком употреблении правильно назвал чин тыняновского героя:

«Морфонема» Д. С. Уорта (#) — это же подпоручик Киже, который числится, имеет регалии, но «фигуры не имеет»! (Фонологические этюды, 1975).

Есть, однако, другие случаи.

Заглянув, как привык, в «Опыт...» Сопикова, С. Д. П. [Сергей Дмитриевич Полторацкий] от души расхохотался. В части III под № 3901 был зарегистрирован журнал «Мещанин», родившийся на свет исключительно из-за ошибки в двух буквах, допущенной либо самим Сопиковым, либо переписчиком. Получилось нечто вроде тыняновского поручика Киже (В. В. Кунин, Библиофилы пушкинской поры, 1979).

Существует ли т ы н я н о в с к и й поручик Киже?

...есть чередование: нечто чередуется с ничем. Солдат настоящий — с поручиком Киже... (Знаете такого героя повести Ю. Н. Тынянова?) (М. В. Панов, Занимательная орфография, 1984).

Ответ может быть только один: такого героя не знаем! Знаем подпоручика Киже.

Анекдот, положенный в основу блистательного рассказа «Поручик Киже», я слышал от него еще тогда (Н. Чуковский, в книге «Литературные воспоминания», 1989).

Ну, это просто небрежность: тот же текст вошел раньше в книгу «Юрий Тынянов» (в серии ЖЗЛ), там — «Подпоручик Киже».

А в программах радио газеты «Семь дней» в 1994 г. ввели в заблуждение неопытных слушателей: *Радиотеатр для детей. Ю. Тынянов — «Поручик Киже»*.

Десятью годами раньше «Известия» удивили своих читателей, поместив интервью с художником Евгением Шукаевым, одной из главных работ которого оказались иллюстрации к тыняновскому «Поручику Киже»!

Странно, что в дневнике Чуковского в записи о посещении Тынянова 11 октября 1927 г. значится: «Читал свою повесть о поручике Киже».

Итак, не следует повышать в чине литературного героя, когда речь идет о повести Юрия Тынянова. Но возникшее на основе трансформации ее названия крылатое выражение *поручик Киже* можно «узаконить».

2. Ворон и ворона[1]

«Только не думайте, что это папа и мама!» — предупреждал А. А. Реформатский, иллюстрируя словами *ворóн* и *ворóна* остатки былого тонового ударения[2]. (Я слышала эту фразу на лекции в Горпеде в 1947 г. — более 50 лет назад!)

Похоже начинал беседы с детьми С. В. Образцов: «Вы ведь, наверное, думаете, что ворон — это муж вороны?» Далее он объяснял, чтó это за птицы.

И среди людей, давно вышедших не только из детского, но и из студенческого возраста, порой возникает эта «проблема». На каких-то «телевизионных посиделках» покойный Зиновий Гердт делился с собеседниками своими орнитологическими познаниями, темпераментно восклицая: «Это разные птицы! Это не самец и самка!»

Но эта строгая научная истина не годится для сказок. В русском переводе «Снежной королевы» у лесного ворона есть невеста — ручная ворона: «ведь каждый ищет себе жену под стать, вот и ворон выбрал ворону». (Интересно, что там по-датски?)

---

[1] В основу этой заметки положен текст выступления на «Реформатских чтениях — 96».

[2] «В славянских языках также было когда-то тоновое ударение, остатки чего легко уловить в словах с полногласным корнем, где теперь на месте бывшего нисходящего ударения ударна первая гласная (до *р* и *л*), а на месте бывшего восходящего ударения ударна вторая гласная (за *р* и *л*); например, в словах *ворóн — ворóна* ухом легко расслышать нисходящий тон на первом слоге слова *ворóн* и восходящий — на втором слоге слова *ворóна*» (*Реформатский А. А.* Введение в языковедение. М., 1967. С. 193—194).

Энциклопедические источники сообщают, что ворон и ворона — разные птицы, принадлежащие к одному семейству вороновых. Если отвлечься от деталей, разница сводится к тому, что ворон крупнее и чернее вороны.

С точки зрения языка примечательно, что две разные птицы называются фонетически близкими словами, различающимися родом и склонением и местом ударения. Морфологически противопоставлены не все формы, а формы, различающиеся только местом ударения, на письме неразличимы.

Интересно посмотреть, как обстоит дело с производными от этих слов. Прилагательное *воро́ний* словари соотносят только с *воро́на*, считая, что производное от *во́рон — во́ронов*. Между тем соотношение *во́рон — воро́ний* морфонологически закономерно, ср.: *со́боль — собо́лий, со́кол — соко́лий, се́лезень — селезе́ний*.

У Пушкина слово *вороний* употреблено один раз: «Ногти выросли, как вороньи когти» («Марко Якубович»). «Словарь языка Пушкина» не сообщает, кому принадлежат эти когти (скорее всего — ворону). Явный случай, когда это прилагательное произведено от *ворон* — статья Чингиза Айтматова «Вороний грай над оползнем» (Известия, 1991): в тексте несколько раз встречается форма *во́роны* (с поставленным ударением).

Существуют еще *воронёнок* и *вороньё*. Первое слово словари уверенно квалифицируют как производное от обоих слов: «Птенец вóрона или вороны».

Определяя собирательное существительное *вороньё*, словарь Ушакова обходится без *ворона* и *вороны*: «Птицы, питающиеся падалью»; отмечается также переносное значение: «О людях, занимающихся хищничеством (ритор. презрит.)». В «малом» академическом словаре основное значение определено как «стая ворон или воронов»; в «большом» академическом: «Стая ворон, вóроны; хищные птицы, питающиеся падалью». Наконец, в словаре Ожегова (и Ожегова—Шведовой) в соответствии с принятой формой подачи *вороньё* дается как собирательное существительное в двух словарных статьях — на *вóрон* и на *воро́на*.

А вот стихотворная иллюстрация:

> Ворона к ненастью, а ворон к несчастью.
> Воро́ны иль вóроны? Кыш, воронье!
>
> *О. Чухонцев, А в нашем саду поселились вороны...*

В немецком языке эти две птицы называются словами, не имеющими в звуковом облике ничего общего: *ворон* — der Rabe, *ворона* — die Krähe. Тем не менее есть несколько немецко-русских недоразумений, связанных с названиями этих птиц. Одна из песен цикла Шуберта «Зимний путь» традиционно переводится на русский язык как «Ворон». Между тем по-немецки она называется «Die Krähe». Не пора ли дать правильный перевод (как произошло с веберовским «стрелком», ставшим наконец «вольным», а не «волшебным»)?

А вот обратные случаи. В рассказе, напечатанном в 1991 г. в «Новом мире», изображен персонаж, который «любил сказать что-нибудь загадочное простым людям»; в числе других «высказываний» фигурирует: «Эс лебе дер рабе!» с немецким «переводом»: «Да здравствует ворона!» (О. Ждан, Русский, немец и поляк танцевали краковяк).

В «Известиях» в 1992 г. был приведен рассказ Б. Е. Чертока о создании в одном немецком городе научно-исследовательского института. «Институт назвали "Рабе", что значит "ворона"».

В русском и в немецком существуют параллельные фразеологизмы с названиями интересующих нас птиц. Но птицы в них... поменялись местами. Мы знаем пословицу «Ворон ворону глаз не выклюет», а немцы эту птичью солидарность приписали вороне: «Eine Krähe hackt der anderen kein Auge aus». Нашей же «белой вороне» соответствует немецкая идиома «Ein weisser Rabe».

Л. А. Капанадзе
Москва

СТРУКТУРА И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ЭЛЕКТРОННЫХ ЖАНРОВ

Бэк-ап — священная обязанность каждого юзера.
Народная мудрость

В рамках особого типа языкового существования — электронного — возник принципиально новый гипержанр. Это специфический модус бытования текста, связанный с электронными носителями (в основном речь пойдет о компьютерных носителях информации, и в первую очередь о таком средстве передачи и хранения текстов, как Интернет).

Почему мы называем эту типологическую группу текстов «гипержанром»? Дело в том, что компьютерные коммуникации за очень короткий срок (середина—конец 90-х годов) создали огромное число речевых объектов, возникновение которых обусловлено потребностями коммуникации в условиях сверхбыстрой передачи больших объемов разнообразной информации. Эти объекты — тексты на русском, английском и других языках — смонтированы с рисунками, таблицами, графиками, анимационными фрагментами, аудио- и видеовставками. Неотъемлемую часть текстов такого рода составляют так называемые гиперссылки, обеспечивающие мгновенную связь между ассоциативно зависящими друг от друга различными документами (текстами, их группами или частями), находящимися в самых разных местах (сайтах) Сети. Таким образом в конечном счете формируется некий гигантский гипертекст, объединяющий миллионы документов, находящихся в электронных сетях.

В каждом случае объединяющим фактором для этих объектов является язык: здесь мы рассматриваем исключительно русскоязычные тексты. Сразу же сталкиваемся с такой особенностью этих текстов, как частое использование транслитерации (транслита), т. е. с передачей русских слов средствами не латинского даже, а английского алфавита, имеющегося (в отличие от кириллицы) на клавиатуре любого компьютера и «поддерживаемого» любым текстовым редактором и всякой программой просмотра электронных документов. Поскольку до сих пор подавляющее большинство текстов оформляется американцами и практически все ком-

пьютерные термины — это английские слова или американизмы (*Ошибки лечатся рефрешем фрейма, который глюкнул* — вот типичная фраза сетевого администратора, понятная каждому пользователю), пользование кириллицей, как правило, сопряжено с рядом трудностей (в компьютерной практике существует, как минимум, пять различных кодировок русских текстов: Windows-1251, KOI-8, ISO, Alternative и Macintosh), и далеко не всегда возможен легкий переход от латинского (точнее, английского) алфавита к кириллице. Именно этим объясняется постоянное стремление пользователей компьютерных сетей представлять тексты в транслитерации (или просто в переводе на английский). Понятно, что русскоязычный пользователь всегда предпочтет составлять и читать тексты на своем родном языке, а не на английском, навязываемом ему программным обеспечением. Появляются многочисленные русифицированные версии программ, игр; наряду с этим постоянно растет и число русскоязычных сайтов в Интернете.

Участники (авторы и читатели) такого рода текстов разбросаны по всему миру. География русскоязычного Интернета весьма широка: это, кроме России, Германия, США, Канада, Австралия, Израиль и т. д. Таким образом, мы наблюдаем возникновение нового сообщества независимых индивидуумов, которых объединяет одно — русский язык (раньше подобного рода объединение наблюдалось разве что в международных клубах эсперантистов).

Перечислим наиболее распространенные сейчас «электронные жанры»: собственно веб-сайт (который может включать в себя все нижеперечисленные объекты); домашняя страница (имеет меньший масштаб, нежели сайт); электронная библиотека; электронный журнал; электронное письмо; чат (разговоры «в прямом эфире»); гостевая книга; доска объявлений; коллекция программ; каталог (например, виртуального магазина); коммерческие объявления; рекламные баннеры.

Эти жанры можно объединить в две большие группы: жанры, тяготеющие к письменным текстам, и жанры, являющиеся своеобразным гибридом письменного и устного текста (самым характерным примером такого гибрида является, безусловно, чат).

Чат (от английского chat — *треп, болтовня*) — это разговоры в режиме реального времени, «здесь и сейчас». Этот жанр был бы невозможен без современных компьютерных средств коммуникации. Он необычайно демократичен: не требует ни дорогостоящего оборудования, ни специальной подготовки или образования (в отличие, скажем, от радиолюбительства). Никто и никогда не мог до нашего времени говорить одновременно из разных концов света целой «компанией»: как правило, в одном чате в один и тот же момент времени общаются несколько десятков человек. Беседа, ее тематика не сдерживается и не ограничивается практически ничем: администратор, время от времени контролирующий разговор, следит в основном лишь за тем, чтобы его участники не употребляли не-

цензурных выражений, не произносили нацистских лозунгов и т. п. Каждый участник этого полилога — индивидуальность; он имеет свой электронный псевдоним (ник), который может, по желанию, менять даже на протяжении одного разговора: таким образом, одна и та же «виртуальная личность» может пользоваться несколькими псевдонимами (число их доходит иногда до тридцати и более). Названия самих чатов также весьма симптоматичны: *Беседка* (бывшая *Болталка-на-куличках*), *Диван*, *Кроватка* (последнее название недвусмысленно указывает на преобладающую тематику бесед на этом чате).

Вот типичные образцы полилога в чате:

Циан Кровавый Губитель: ПРИЗРАК, А КАРЛИК ОТКУДА?
ПризракЪ: Здорова, Губитель
Т@нчик: Мордашка! А почему ты у меня не подчеркнутый?:-(
Санделло: Призрак, ты не прав... Он Маленький Карлик!
alex: hai

* * *18.57.23 Волк прощается и уходит.
Мордашка*Волк, так что там, замяли тему? ;o))
Clair: Стрендж, приветик, рада видеть:-)))
* * *18.57.32 К разговору присоединяется Волк.
Clair: Мордаша, привет тебе:-)))
Кострома: Проклятые костромские телефонщики...

Чат — это новый, на глазах зарождающийся и развивающийся жанр молодежной субкультуры. Почему же только «молодежной»? Об этом можно поразмышлять (принимая во внимание тот факт, что, как правило, именно молодежь составляет основной контингент российских пользователей компьютеров и компьютерных сетей), но пока лучше обратить взгляд в сторону конституирующих черт этого жанра, из которых явственно вытекает: это — голос молодого поколения.

Чаты переполнены молодежным жаргоном. Заметим, что среди употребляемых жаргонизмов очень много специфических компьютерных терминов, либо английских, либо гибридных (корень — английский, суффикс — русский). Так, из термина-аббревиатуры ICQ («ай-си-кью», название чатоподобной программы, позволяющей общаться между собой: название происходит, как не сразу можно догадаться, от созвучной ему английской фразы «I seek you» — «Я ищу тебя») образовался арготизм *асъка* (она же — *ася*). От английского слова mail (почта, здесь — электронная) лихо образуются жаргонизмы: *мыло, мылить, мыльнуть*. Ср.: *Не серчай, а мейлани на Yahoo, когда тебя встречать — по аське, по мылу; Мыльни мне тогда, ладно? Киньте тестовые мессаги, а то аська сглючилась и потеряла весь контактный лист*. (*Мессага* — от английского message (послание, письмо).)

Диалоги в чатах наполнены ироническими восклицаниями, шутливыми репликами. Здесь много реплик, имитирующих разговорную речь и просторечие: *Лето — это классно!; Док, ты круто ошибаесся; Приветик, корешок!; Тады ой; Ну енто штоб Вита напугать; Чмок; Ребяты, есть кто живой? Это прикол такой? Здрасьте; Приветики; Всем хаюшки; Я тебя проздравляю; Могет тогда бухнем слегка?; Когда я тебя увижу? Так хоцца...; Как жись?*

На фоне иронических реплик выделяется пласт ласкательных слов, фамильярно-дружеских обращений: *лапонька, Охотничек, детки; Солнышки вы мои... и не мои... но всё равно — солнышки.*

Макаронизмы, английские термины, имена (полулатиница, полукириллица смешиваются здесь весьма причудливым образом): *Всем бай; Вообще какая у тебя версия броузера?; Хотмейл мой идиотский работает очень идиотично; Это очень просто: есть такой тег в одно слово; Это уже поправимо, хотя бы на том же викенде; click here; соррu, не углядела; Даймон, а кондишну-то в чем?; Кстати, я не вижу мордочки в твоем нике.*

Одно из интереснейших явлений в чатах — самоназвания (ники): имена, псевдонимы, клички, прозвища. Здесь используются имена героев книг, кинофильмов, мультиков, цитаты из песен. Разброс велик: от «высоких», псевдоромантических имен (*Иветта, Леди Луна, Ирен, Роланд, Дайна, Дамми, Принц, Clair, Одинокая Луна, Лорд, Элен, Леди Мерс*) до нарочито сниженных (*СтервОзин, Пол Литрук, Димон, Волкодав, Пчёл, ТыБыДыХ, Дохлый Мымр*), фамильярных (*Мордашка, Рыська, Толяныч, Леха, Петрович, Младший Паутиныч, Сам Кострома!*). Много лирических имен: *Сахалиночка, Ириска, Снежинка, Ангелочек, Рыжик.* Герои литературных произведений, герои песен: *Собакевич, Обломов, Блум, св. Герман, Шапокляк, Кролик, Алиса, Голем, Дубровский, фройляйн Штольц.* Центонные имена: *поп Гапон, Белокурая Бестия, Чеширский Кот, CAMEL, Фигаро там, С глазами из синего льда.* Нередка установка на мистику: *Покойник, Циан Кровавый Губитель, ПризракЪ, Коварный, Черный Плащ.* Наряду с этими «экзотическими» наименованиями возможны, разумеется, и самые простые имена: *Валентина, Ирина, Наташа, Инна, Вадим, Александр.* Не может не броситься в глаза большой массив английских имен или имен, набранных латиницей.

Для собеседников в чатах характерно активное использование графических возможностей компьютера: разнообразных шрифтов, значков и знаков (своеобразных иероглифов), разных цветов. Установились символические обозначения улыбки, усмешки, громкого смеха (:),:))),:o)), ;-))) (так называемые «смайлики»: ☺). Понятно, что это именно иероглифы, так как, если развернуть этот значок на девяносто градусов, получим графическое изображение улыбки.

Крупный шрифт, как правило, вызывает бурную реакцию: «Чего орешь?» — или более стандартную: «Я не слепой, я вижу». Всякое выделение текста на дисплее — цветом букв, их величиной, гарнитурой (компьютер позволяет дать увеличение во весь экран!) — воспринимается участниками беседы как стремление выделить свое сообщение, как особый

сигнал, и реакция следует немедленно. Как кажется, в дальнейшем еще много будет создано новых обозначений символов, особых знаков, иероглифов, сокращающих и упрощающих текст. Это бесконечное поле экспериментов и поисков.

Одна из важных характеристических черт всех текстов подобного рода — интерактивность. Интерактивность в наши дни стала знамением времени: это и бесконечные опросы общественного мнения, и «горячие линии» на телевидении, и звонки в студию на радио, попадающие непосредственно в прямой эфир. Всякому ведущему (и вообще всякому говорящему и пишущему) необходим отклик, отзыв, по возможности — мгновенный. Такой отклик идеально обеспечивают средства компьютерной коммуникации. В чате интерактивность понятна: ведь чат — это по определению беседа. НО и электронное письмо — не совсем письмо старого рода: оно тоже предполагает быструю реакцию. Типичное замечание корреспондента: *Ты почему не отвечаешь?* — хотя письмо (E-mail) может быть отправлено всего за несколько часов (или даже минут) до этого.

Интерактивность электронных жанров проявляется и в отзывах в так называемых гостевых книгах (подобие «Книги жалоб и предложений» или книги отзывов на выставке, только здесь в заполнении книги может принять участие любой желающий из любой точки планеты), записи в *Заметках* (своеобразная «доска объявлений», существующая в качестве приложения ко многим чатам: в отличие от реплик собеседников, подаваемых в режиме реального времени, написанное в «Заметках» сохраняется в течение нескольких дней), и в установке на многие веб-страницы счетчиков посещений, фиксирующих, сколько человек побывало на данном сайте.

Очень демократичен совершенно новый текстовый жанр — ЭЛЕКТРОННАЯ (ВИРТУАЛЬНАЯ) КОНФЕРЕНЦИЯ. Специфической особенностью этих конференций является то, что они используют вопросно-ответную форму из жанров интервью, но вопрос может быть задан не только, так сказать, «интервьюируемому», но и любому участнику конференции (в частности, самим интервьюируемым). Этот текст не может быть впоследствии (после окончания конференции) изменен, продолжен: он существует в определенной точке пространства (виртуального) / времени. Подчеркнем, что по форме это не диалог, а живой полилог, но включающий в себя многие черты письменного текста. Ничего подобного в каталоге жанров русского языка раньше не существовало! Приведем наиболее характерные, наиболее яркие черты этого жанрового феномена на примере двух виртуальных конференций, проведенных на базе знаменитого электронного журнала с характерным названием Zhurnal.ru. Одна из них состоялась 11 февраля 1997 г. с писателем Виктором Пелевиным, другая — 12 ноября 1996 г. с поэтом, философом и критиком Дмитрием Александровичем Приговым.

Обратим внимание на полилоговый характер текста:

⟨Muxin⟩ ВП: Вот на меня тут все наезжают, почему мне нравится Пелевин. Я отвечаю обычно скороговоркой: «Потому что он продолжает традиции великой русской литературы». А вы как полагаете?

⟨Luzhin_⟩ Muxin: Ага. Особенно традиции Чернышевского.:)

⟨Muxin⟩ Luzhin, to be serious, я бы сказал — Щедрина.

⟨Luzhin_⟩ Muxin: Скажем так, «Четвертый сон Веры Павловны» вполне мог быть написан в наши дни Пелевиным. Правда, это был бы совсем другой «Четвертый сон», хотя и написанный теми же словами. Это как у Борхеса один персонаж переписывал «Дон Кихота»...

⟨Levon⟩ Luzhin: И читался бы с аналогичным энтузиазмом.

⟨Pelevin⟩ Muxin: Надо не отвечать, а за наезд сразу в рыло бить. А вообще в русской литературе было очень много традиций, и куда ни плюнь, обязательно какую-нибудь продолжишь.

⟨Muxin⟩ ВП: Дык они виртуальные, гады.

⟨Pelevin⟩ Muxin: Если начинают наезжать виртуальные персонажи, есть два варианта — можно выключить компьютер, можно обратиться к психиатру.

⟨Muxin⟩ ВП: А вот еще есть традиция — быть как бы вне русской литературы... нет?

⟨Pelevin⟩ Muxin: Что касается традиций, есть люди, которые занимаются классификацией других людей. Я уже сказал, что не отношусь к классификаторам, и своей классификации у меня нет. А вообще у моего приятеля была хорошая пословица — «На каждого классификатора найдется свой ликвидатор».

⟨Muxin⟩ ВП: А самоидентификация есть?

⟨psyhic⟩ Пелевин: И ассенизатор...

⟨Luzhin_⟩ Пелевин: А если так: на каждого ликвидатора найдется свой Пелевин?

⟨Pelevin⟩ Мухин: Я думаю, самоидентификации у меня нет, но сказать это — значит уже провести самоидентификацию. Так что лучше перестать думать на эту тему. Как говорил Будда, есть мысль — есть проблема, нет мысли — нет проблемы...

Все участники беседы равноправны. Каждый участник беседы независим. Каждый вносит свое представление, свое понятие о заявленной теме. Каждый может себе позволить иронизировать, шутить.

Обратим внимание на специфически письменные черты текста:

⟨WhiteHawk⟩ Пелевин: Есть ли у вас «запретная(ые) тема(ы)» в творчестве? Т. е. то, о чем вы никогда писать не будете. Или все только вопрос времени?

⟨Pelevin⟩ WhiteHawk: Это не столько вопрос времени, сколько вопрос заинтересованности. А сознательно запретная тема у меня только одна. Я однажды попробовал сделать коммерческую книгу, типа детектива. И на 120-й странице у меня вирус срубил компьютер. Там даже был не один вирус, а два — antiexe.mbr и form, а от них, как мне объяснили, не лечит даже Лозинский.

⟨fizik⟩ Пелевин: Так ваш DIR по этому поводу написан?

⟨Pelevin⟩ fizik: У меня DIRa не было, это было несколько раньше, но какая-то связь есть.

(DD) Пелевин: Герои ваших книг (почти все) одинокие люди. Это личное состояние или случайность?

(Pelevin) DD: У меня в книгах нет героев. Там одни действующие лица.

(babaj) Книга «Чапаев и Пустота» структурно больше всего напомнила мне «Ангела Западного окна» Мейринка (несмотря на различие внешних мотивировок). И то, и другое — мистический роман. Как вы относитесь а) к Мейринку, б) к мистике, в) к роману как жанровой форме?

(Pelevin) бабай: Ответ — да.

(Muxin) ВП, переклички в «Чапаеве» с «Мастером» — это так было задумано или же случайно (возможно, просто общий знаменатель — именно что Мейринк)?

(Pelevin) Мухин: Если там есть переклички, то они, я думаю, случайны. Просто «Мастер и Маргарита», как любой гипертекст, обладает таким качеством, что сложно написать что-либо приличное, что не походило бы на «Мастер и Маргариту». Причина, видимо, в том, что тексты эти отталкиваются от одной и той же ситуации и выносят один и тот же приговор, потому что другой был бы ненатурален.

Любой беспристрастный наблюдатель увидит здесь четкие, синтаксически выверенные (как правило, достаточно усложненные) фразы, целостные предложения, логически последовательные ходы изложения, книжную лексику, а также полное отсутствие пауз колебания.

Еще одной сугубо письменной чертой виртуальных конференций является присутствие создаваемых собеседниками ремарок (высказываний от третьего лица) самого разного рода:

* DD с умилением смотрит на всеобщее братание и спасибкание:)
* DAPrigov отвечает Лене тувимским пением.
* Muxin всегда мечтал научиться тувимскому горловому пению.
* kompot хочет знать: что такое русские стихи советского содержания.
* Muxin не дождется, видать ответа на жизненно важный вопрос о симулякрах... трубы трубят...
* Muxin хлопает в ладоши.
* kompot плещется.
* Muxin просит, раз уж с симулякрами недостача, прочесть про Патриаршие Пруды.
* Muxin опоздал на автобус.
* DAPrigov выражает удовлетворение формой своих ответов.
* Muxin утратил навыки письма.
* Kuznet утирает слезу.
* kompot разлился.
* kompot думает: любишь — женись.
* Vedushij потихонечку глушит всех...
* kompot благодарен всем за то, что сохранил $10.

Далее обратим внимание на многочисленные элементы разговорности в текстах виртуальных конференций. Тон задает даже первая реплика В. Пелевина: «Здрасьте». Затем следует знак смайлика (улыбки). Ср. также:

⟨fiz_i_len⟩ Пелевин: А какое вы сами насекомое — мотылек?
⟨Pelevin⟩ fiz_i_len: Я? Ой, не знаю. Я про это не думал. Я скорее богомол-агностик.

⟨Pelevin⟩ Muxin: Надо не отвечать, а за наезд сразу в рыло бить. А вообще в русской литературе было очень много традиций, и куда ни плюнь, обязательно какую-нибудь продолжишь.
⟨Muxin⟩ ВП: Дык они виртуальные, гады.

⟨Hocuk⟩ Д. А.: а что, все разругались? ;(
⟨DAPrigov⟩ lena: плюнем тогда на все это умное, обменяемся просто виртуальным поцелуем.
⟨Muxin⟩ Вот это и есть — посадить человека на IRC.

⟨DAPrigov⟩ Delitsin: (ладно, давай уж ответим про этого несчастного Пикассо...)
⟨Delitsin⟩ DAPrigov: ага ;)

⟨Muxin⟩ Ведущий, а симулякры?
⟨szilard⟩ А где наше мониторное экранное стихотворение?
⟨Vedushij⟩ Ага, симулякры.

Тексты электронных конференций обычно пестрят шутками разного рода, стихотворными и прочими экспромтами, часто эзотерическими:

⟨fiz_i_len⟩ Пелевин: у вас такой прием литературный — вы опускаете описание процесса трансформации (жук ()человек) — это у вас из «Носа» Гоголя взято???
⟨Pelevin⟩ fiz_i_len: Нет, это у меня взято из собственного носа

⟨Parker⟩ Mr.Пелевин: Вам хочется получить Нобелевскую премию?
⟨Pelevin⟩ Parker: А что, есть варианты?

⟨karabas⟩ Пелевин: Есть ли у вас ГИРИ или ОН?
⟨Pelevin⟩ karabas: Я свои ГИРИ послал на ОН.

Как и положено каждому уважающему себя письменному тексту, в виртуальной конференции очень много цитат, заимствованных выражений (проявление центонности сознания?):

⟨Pelevin⟩ Anya: Я не знаю, писал ли кто-нибудь, кроме Витгенштейна, о переназначении понятий... В одном из интервью Кастанеда сказал, что как-то рассказал дону Хуану, что читал отрывок из логико-философского трактата Витгенштейна. На что дон Хуан сказал: «Твой друг Витгенштейн сам привязал себя за ногу, так что если он захочет куда-нибудь отправиться, это ему будет очень сложно сделать».

Тексты виртуальных конференций содержат в себе много английских выражений, вообще всякого рода латиницы:

(Pelevin) carcass: А у вас в черепе не водится ли змея случайно?

(_carcass_) Пелевин: Нет, я просто mentally murdered:)

(r_l) Просьба к ВП, или к бабаю, или к Кубу — опишите, please, ВП. А то портретов нет...

Иностранное слово или выражение, инолзычная аббревиатура (в частности, такие типичные для виртуальных разговоров письменные сокращения, как btw — by the way (*кстати*), imho — in my humble opinion (*по моему скромному мнению*) синтаксически и грамматически естественно включаются в текст сообщения.

Немало в рассматриваемых текстах (см. выше) макаронизмов разного рода. Внимание! Новое явление: графический макаронизм. Например:

(Pelevin) Gong: Книги, которые выходили в издательстве «Миф», — я там значусь в качестве редактора, хотя эта работа была эквивалентна переводу. Мне кажется очень удачным Максимовский перевод. Там был создан определенный лехический слой, который мог быть переведен на русский, но именно в таком виде создавал атмосферу отстраненности.

Ср. также: *техты; ни4его* (4 = ч), *пебком* (6 = ш).

:)))

Мы приходим к выводу, что письменный полилог — это текст, который формирует структуры, не существовавшие прежде ни в одном другом жанре. Рассмотренные здесь подробно два электронных жанра (чат и виртуальная конференция) являются во многом показательными для определенной группы электронных текстов; каждый соединяет в себе наиболее типические черты тех жанров, которые объединены общностью коммуникативных установок. В обоих случаях мы имеем дело с полилогом, но полилоги эти различны. Отличия между ними создаются близостью чата к разговорной речи, несомненным сближением электронной конференции с книжной речью.

В чатах — хаотичные высказывания, короткие фразы, слова-приветствия, слова-обращения, слова-восклицания, слова-оценки, слова-пароли, слова, «обозначающие присутствие», — в общем, «перепасовка» словами, условность, герметичность (здесь возможно даже использование шифров).

В виртуальных конференциях — протяженные высказывания, вопросно-ответные конструкции, книжные слова, термины, определения понятий. Речевое сотрудничество при создании текста позволяет здесь

реализовать определенную коммуникативную модель, которая, в свою очередь, формирует гипертему полилога.

Открытое сообщество в Интернете ставит перед лингвистом вопрос о различиях между «своим» и «чужим» словом в ситуациях корпоративного создания единого текста. Принято считать, что введенный в ситуацию обмена знак становится потенциальной принадлежностью любого участника обмена, т. е. здесь мы имеем дело всё с той же постмодернистской центонностью. Приведенные в данном разделе материалы говорят в пользу этой гипотезы.

М. В. Китайгородская, Н. Н. Розанова
Москва

МАЛЫЕ ПИСЬМЕННЫЕ ЖАНРЫ В ГОРОДСКОМ ОБЩЕНИИ: НА ПУТИ К ДИАЛОГУ

В последние годы жанровая структура городского общения претерпела значительные изменения. Социально-экономические преобразования обусловили появление новых типов коммуникативных ситуаций и соответствующих им новых жанров или возвращение старых. Так, частная, уличная торговля, вещевые рынки стимулировали возрождение фольклорных игровых жанров устной рекламы, зазывов, выкриков[1].

С другой стороны, в традиционных ситуациях городского общения с привычным набором ролей (типа продавец—покупатель и др.) наблюдается тенденция к изменению жанрового репертуара, а также текстового воплощения жанра. Так, для современной «магазинной» коммуникации характерно расширение зоны речевого взаимодействия продавца и покупателя. Более ярко проявляется установка на кооперативность общения. При этом инициатива вступления в диалог может принадлежать продавцу, который использует стереотипные реплики-стимулы (*Вам помочь? Какие у вас проблемы?*), калькирующие принятые в мире стереотипы поведения и соответствующие речевые формулы.

В общем виде направление изменений связано с повышением (по крайней мере, декларируемым) коммуникативного статуса адресата-горожанина. Например, на месте жанра запрета (*Проход запрещен*) — цепочка жанров (запрет в косвенной форме сообщения + извинение): *Проход закрыт. Приносим извинения за временные неудобства.* Возможно вербальное заполнение ранее «пустого» коммуникативного пространства (объявления на двери магазина в жанре предупреждения, приглашения): *Осторожно! ПОРОГ; Заходите, у нас открыто; Заходите, у нас тепло.*

Сдвиги в структуре и характере современного городского общения отражают действие следующих тенденций: усиление ***диалогизации*** устно-

[1] См. об этом: [Китайгородская, Розанова 1996: 348—349].

го городского общения; усиление ***личностного начала***; возрождение ***игровой, карнавальной стихии*** в жизни города[2].

В наглядной, «зримой» форме тенденции жанрового развития городского общения можно обнаружить в малых письменных жанрах: разного рода объявлениях, вывесках, рекламных щитах, плакатах нерекламного характера, граффити и др.

Далее мы обратимся к рассмотрению двух видов письменных жанровых форм, появившихся на улицах города в последнее время. Это городские плакаты нерекламного характера и реплики-наклейки (на стеклах автомашин). Первые из них являются речевым воплощением взаимодействия ***между городскими властями и жителями города***. Вторые реализуют установку на неофициальное, преимущественно шутливое, общение ***между горожанами***.

Городские плакаты

Особое место в структуре городской коммуникации занимают ситуации, в которых в качестве партнеров выступают городские власти (адресант) и горожанин (адресат). Диалог между городскими властями и горожанином имеет разные иллокутивные цели и получает соответствующее жанровое воплощение в зависимости от конкретных форм замещения позиций адресанта и адресата, т. е. их референтного статуса[3].

По отношению к «человеку в городе» городские власти и службы выполняют прежде всего регулятивные функции, реализующиеся в прескриптивных жанрах инструктивного характера (ср., например, правила поведения в общественном транспорте в их письменном и устном воплощении). Следует заметить, что наряду с ***прямыми*** формами прескрипции (типа *Не сорить!*) на улицах города появляются ***косвенные*** формы выражения приказа или запрета. Ср. плакат, запрещающий самовольную расклейку объявлений: *Не к лицу тебе, не к лицу и городу*. Зрительный ряд плаката — мужчина на фоне кирпичной стены с наклеенным на лбу объявлением — является буквальным, «прямым» воплощением метафоры «к лицу/не к лицу». Вербальный ряд содержит только аргументативную часть высказывания, тогда как собственно запрет эллиптирован. «Выход из положения» подсказывает надпись, расположенная в

---

[2] Названные тенденции (наряду с явлениями стилистического характера) применительно к языку периодики впервые были отмечены М. В. Пановым [Панов 1988]. Действие данных тенденций в языке города анализировалось в [Китайгородская, Розанова 1994а, 1996].

[3] Заметим, однако, что на улицах Москвы иногда можно встретить «анонимные» плакаты, текст которых не позволяет точно определить адресанта сообщения, и, соответственно, референтный статус адресата также «не прочитывается». Ср.: *Кто остановит беспредел?; Господа из Бэнк оф Нью-Йорк, предупреждаем: мошенничество с ценными бумагами недопустимо.*

углу плаката и выполненная более мелким шрифтом: *«Из рук в руки»* (название городской газеты, печатающей частные объявления). *Всему свое место.* Таким образом, в шутливой, игровой форме городские власти стремятся донести до сознания горожан определенные нормы общественного поведения. Подобный плакат представляет собой «смягченный» аналог бытовавших ранее объявлений-запретов типа: *Запрещается самовольная расклейка объявлений. За нарушение — штраф; Расклейка объявлений разрешена только в специально отведенных местах.*

В последние годы складываются новые формы общения городских властей и москвичей в виде разного рода плакатов, отчасти заполняющих опустевшую нишу городской «наглядной агитации» советского времени (например, плакаты в метро — см. фото 1; подчеркнем еще раз, что в статье не рассматриваются плакаты, щиты, объявления, имеющие рекламный, коммерческий характер). Городские плакаты отражают процесс внедрения в массовое сознание новых стереотипов социального поведения, новой системы ценностей. Вербальный и зрительный ряд подобных плакатов дает представление о новых подходах к социальной стратификации общества, а выделяемые «социальные персонажи», выступающие на плакатах в роли адресата, квазиавтора или совмещающие обе роли, относятся обычно к следующим социальным группам: дети, молодежь, пенсионеры; работники бюджетной сферы (учителя, врачи), бизнесмены. Данные герои действуют в соответствии со сложившимися стереотипами и представлениями об их роли в жизни общества.

Городские плакаты с точки зрения их жанрово-тематических особенностей можно разделить на две основные группы:

1. Плакаты, соотносимые с ***целеориентированной коммуникацией.*** К этому типу можно отнести щиты, расположенные на городских магистралях, с указанием названий округов и районов. Ср.: *Район «Филевский парк». Западный административный округ; Район «Проспект Вернадского». Западный административный округ* и т. п. Текстовый ряд представляет собой информативный жанр с о о б щ е н и я. Вербальный ряд может соотноситься и со зрительным. Ср. плакат: *Центральный округ. Мещанский район.* Далее дается фрагмент карты города, на которой красным кружком отмечена точка городского пространства. Ниже следует текст: *Вы находитесь здесь.* К данной группе плакатов можно отнести также и плакаты Налоговой полиции, иллокутивная цель которых — п о б у д и т ь адресата заплатить налоги. Ср. следующие примеры. На плакате представлен только вербальный ряд: *Вы точно ничего не забыли? Налоговая полиция г. Москвы* (жанр напоминания в форме вопроса). Серия плакатов с фотографиями пожилой женщины, ребенка, учительницы — т. е. представителей наименее защищенных социальных групп: *Пожалуйста, заплатите налоги* (апеллятивный жанр призыва в форме просьбы). В 2000 г. плакаты Налоговой полиции сменили тональность общения на более агрессивную и приобрели жанровую форму косвенной угрозы. Ср. показательный пример. Зритель-

Фото 1

Фото 2

Фото 3

ный ряд — шахматная доска — имеет характер метафоры, которая «расшифровывается» вербальным рядом: *У нас все ходы записаны* (см. фото 2).

2. Плакаты, соотносимые с ***фатической коммуникацией***. К этому типу относятся прежде всего плакаты, реализующие этикетные жанры поздравления с праздниками, пожелания. Текстовое воплощение жанра определяется характером праздников (общегосударственные, городские, актуализировавшиеся в последние годы и приобретающие характер общегосударственных православные религиозные праздники): *С Новым годом, дорогие москвичи!*; *Счастья и удачи в Новом году!*; *С Днем города!*; *С Рождеством Христовым!*; *Счастливого Рождества!*; *С Пасхой Господней!*; *Христос воскресе!* (см. фото 3)[4].

Особо отметим плакаты, посвященные 55-летней годовщине Дня Победы — праздника, который в наши дни воспринимается как событие, способное консолидировать общество, утратившее прежние идеологические установки. Многие плакаты воспроизводят старые лозунги: *Никто не забыт! Ничто не забыто!; Слава солдату-победителю!* и т. п. Либо являются текстовыми «вариациями на старую тему». Ср. лозунг-призыв: *В третье тысячелетие без войны!* (Для этой серии плакатов характерно то, что при неизменном текстовом ряде изобразительный ряд варьируется.) В другой серии плакатов на эту тему воспроизводятся фотографии военных лет, отражающие разные этапы войны. Вербальный ряд типа *Оборона Ленинграда, Сталинградская битва* и т. п. выполняет чисто номинативную функцию. В коммуникативном пространстве города такие плакаты воспринимаются как своеобразный рассказ-повествование.

К сфере фатики относятся также и «признания в любви» к городу, представляющие собой в жанровом отношении монологические реплики-сообщения (своего рода «мысли вслух»). В роли адресанта здесь может выступать ***обобщенный неперсонифицированный образ горожанина-москвича***. Подобные плакаты часто представляют собой обращения к городу, типа: *С тобой всегда, Москва!*; *Москва моя — ты самая любимая!* (цитата из известной песни советских лет «Москва майская»). В других плакатах адресант выступает как ***представитель определенной социальной группы***, что получает отображение в соответствующем зрительном ряде. Адресат здесь уже не город, а его жители. Такие «признания в любви» помимо декларативной части, содержат и мотивировку, соотносимую с социальной ролью адресанта. Ср. следующие примеры. На плакате — фотография пожилой женщины: *Я люблю Москву, потому что здесь тихие, уютные скверы.* На фотографии — юноша и девушка: *Я люблю Москву, потому что здесь мы впервые встретились.* Молодой мужчина-бизнесмен: *Я люблю Москву, потому что здесь я открыл свое дело.*

---

[4] Об использовании жанра поздравления в городской коммуникации Красноярска см. в [Тарасенко 2000]. Ср. один из примеров щитовой рекламы, приводимый в статье: *Центральному району 60 лет! Поздравляем жителей района с этим праздником!*

В последние годы зона фатического общения в городском пространстве существенно расширяется. Так, в жестко функционально ориентированном пространстве **метро** появились плакаты, адресантом которых являются службы метрополитена (персонифицированные в зрительном ряде — на фотографии девушки в униформе), а адресатом — пассажиры. Вербальный ряд реализует жанры п о ж е л а н и я, с о о б щ е н и я, п р и г л а ш е н и я и др.[5] Ср. следующие примеры: *Пусть легким будет ваш путь!; Счастливого пути!; У каждой станции свой портрет. В московском метро одинаковых нет. 4143 вагона, 356 составов к вашим услугам.* Каждый подобный плакат сопровождается рекламным логотипом:

Я ♡

Реплики-наклейки

Реплики-наклейки шутливого характера в автомашинах (которые могут быть как результатом «индивидуального творчества», так и, в большинстве своем, — тиражируемой печатной продукцией) являются примером нового малого жанра. Ср. цитаты, речевые клише, идиомы типа *Танки грязи не боятся!; Умру, но не помою!* и т. п.

Характерной особенностью данного жанра является широкое использование разного рода знаков, функционально близких официальным дорожным знакам. Так, знак «небыстрого» водителя — улитка — сопровождается репликой *Еду как умею.*

Водитель (или его пассажиры) выступают в роли квазиавтора (адресанта) сообщения. Обычно адресатом являются другие участники движения — водители, реже — пешеходы. В зависимости от коммуникативных характеристик и иллокутивной направленности подобные реплики-наклейки можно разделить на ряд типов.

Реплики, обращенные к водителям:

– р е п л и к а - п р и з ы в к кооперативному взаимодействию на дороге (обращена к нетерпеливым или агрессивным водителям): *Не рычи!; Ну не сердись!* (зрительный ряд — симпатичная мордашка). Знак «дамская туфелька», сигнализирующий, что за рулем — женщина, нередко сопровождается шутливыми репликами п р е с к р и п т и в н о г о характера: *Уважай меня!; При женщинах не выражаться!*;

– р е п л и к а - п р е д у п р е ж д е н и е, п р е д о с т е р е ж е н и е: *Торможу резко, особенно сегодня.* Реплики-предостережения могут выступать как варианты знаков. Например, реплика *Осторожно, путаю педали!* является вербализацией официального знака неопытного водителя — «!» — или шутливого знака неумелого водителя (изображение чайника).

[5] Подобные плакаты можно трактовать как одну из форм косвенной рекламы.

Реплики, обращенные к пешеходам:

– р е п л и к а - з а п р е т: *И не вздумай!* Реплика, упреждающая возможную просьбу «подвезти», сопровождается предметным рядом: знак такси (желтая панель «в шашечку») расположен в салоне машины, т. е. водитель как бы говорит: «Я не такси». В данном примере игровой эффект рождается за счет высокой конситуативной обусловленности реплики, иллокутивный смысл которой адресат должен разгадать;

– р е п л и к а - п р и г л а ш е н и е: *Девчонки, прыгайте ко мне!* (надпись на заднем стекле такси).

В текстах реплик-наклеек получает отражение тенденция к усилению диалогизации городского общения, личностного начала, расширению коммуникативного взаимодействия между незнакомыми людьми в условиях открытого городского пространства. Они создают шутливое поле, в игру на котором вовлекаются не только непосредственные участники движения, но и случайные зрители.

Литература

Китайгородская М. В., Розанова Н. Н. Основные тенденции современной городской коммуникации // Sprachlicher Standard und Substandard in Sudosteuropa und Osteuropa. Beiträge zum Symposion vom 12—16 Oktober 1992 in Berlin. B., 1994а.

Китайгородская М. В., Розанова Н. Н. Речевые одежды Москвы // Русская речь. 1994б. № 2—3.

Китайгородская М. В., Розанова Н. Н. Современная городская коммуникация: тенденции развития (на материале языка Москвы) // Русский язык конца XX столетия (1985—1995). М., 1996.

Панов М. В. Из наблюдений над стилем сегодняшней периодики // Язык современной публицистики. М., 1988.

Тарасенко Т. В. Этикетные речевые жанры в массовой коммуникации // Культурно-речевая ситуация в современной России: вопросы теории и образовательных технологий. Екатеринбург, 2000.

М. А. Кронгауз
Москва

ИЗМЕНЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ РЕЧЕВОМ ЭТИКЕТЕ

Изменения в русском языке и речи — одна из наиболее популярных лингвистических тем конца столетия. Лингвистическая традиция в этой области русистики достаточно богата. Изменения в революционный и послереволюционный периоды были достаточно подробно описаны по горячим следам русскими и западными славистами: С. И. Карцевским [1923], А. М. Селищевым [1928], А. Мазоном [Mazon 1920]. Русскому языку последующих периодов повезло значительно меньше. Лишь в 60-е годы было проведено серьезное исследование русского языка в советском обществе. Руководил им Михаил Викторович Панов («Русский язык и советское общество. Социолингвистическое исследование»). В конце 80-х и в 90-х годах хлынул поток публикаций о русском языке в позднюю советскую и постсоветскую эпоху. Среди наиболее авторитетных работ можно назвать, например, коллективную монографию «Русский язык конца XX столетия (1985—1995)», продолжающую традиции социолингвистического изучения русского языка 60-х годов. Следует также назвать ряд монографий на эту тему: [Ферм 1994; Дуличенко 1994; Костомаров 1994; Купина 1997; Шапошников 1998; Ворр 1997 и др.].

В центре внимания исследователей, как правило, находится состояние русского лексикона, и прежде всего его пополнение. Наряду с упомянутыми монографиями существует множество статей, посвященных появлению новых слов и значений. Особое внимание к лексике и опора на соответствующие изменения при оценке состояния языка характерны не только для лингвистов, но и для обычных носителей языка и для рефлексии по поводу языка общества в целом.

Как ни странно, менее заметными оказываются изменения в речевом этикете. Новых слов в этой области практически не появилось. По-видимому, старшее поколение рассматривает изменение речевого этикета как простое и случайное его нарушение, а младшее — как норму. Собственно же процесс изменений остается незамеченным. Тем не менее изменения в речевом этикете происходят.

Так, интересно отметить появление новых вариантов приветствия и прощания, возникших прежде всего в «телевизионной» речи. Тележур-

налист Сергей Шолохов, ведущий различных кинопрограмм, настойчиво использует при прощании редуплицированную формулу *пока-пока*. Многими носителями русского языка такая форма вообще не осознается как нечто новое, поскольку в русском речевом этикете в принципе возможен повтор форм приветствия и прощания: *Здравствуйте, здравствуйте!*; *Привет, привет!*; *До свиданья, до свиданья!*; *Пока, пока!* Однако особая интонация и специфически быстрый темп речи показывают, что здесь мы, скорее, имеем дело с единой редуплицированной формулой, используемой, по-видимому, вполне сознательно как калька английского *bye-bye*. Впрочем, эта новация не оказала никакого влияния на реальный «внетелевизионный» этикет и реализована только в очень узком журналистском кругу.

Большее распространение получило еще одно телевизионное приветствие: *Доброй ночи!* Его возникновение связано с появлением новой, по сравнению с советским временем, реалии: ночного телевидения. Это приветствие стали употреблять телеведущие под влиянием разложения этикетных формул *Доброе утро!*, *Добрый день!* и *Добрый вечер!*, позднее оно было подхвачено телезрителями, задающими вопросы в прямом ночном эфире.

Интересно отметить, что употребление данной формулы в качестве приветствия противоречит некоторым языковым законам или тенденциям.

Во-первых, в европейских языках аналогичная формула используется именно при прощании, а не при приветствии: англ. *good morning, good evening* vs. *good night*, нем. *Guten Morgen, Guten Tag* vs. *Gute Nacht*, фр. *bon matin, bonjour* vs. *bonne nuit*, т. е. соответствует стандартному русскому *Спокойной ночи!*

Во-вторых, в русском языке *Доброй ночи!* как формула прощания также существует, хотя и используется значительно реже формулы *Спокойной ночи!*:

—Доброй ночи, Бах, — говорит Бог.

—Доброй ночи, Бог, — говорит Бах.

Доброй ночи!.. (А. Галич).

Таким образом, следует говорить о возникновении омонимии формулы *Доброй ночи!*

В-третьих, формула *Доброй ночи!* возникла не только под влиянием формул приветствия *Доброе утро!*, *Добрый день!* и *Добрый вечер!*, но и под влиянием упомянутой уже формулы *Спокойной ночи!* Только этим может объясняться родительный падеж существительного, что как раз отличает новую формулу от трех уже существующих формул приветствия. Но родительный падеж фактически означает, что мы имеем дело с пожеланием: ***(желаю Вам) спокойной ночи***, а пожелания стандартно используются именно в качестве формул прощания, употребление многих из них уже конвенционализовано: *Счастливого пути!*, *Удачи!* и т. д.

Насколько «телевизионное приветствие» укоренится в обыденной речи, сказать пока невозможно. Следует лишь отметить, что его появление противоречит сложившимся этикетным правилам различных языков, а само оно является своего рода казусом, сомнительной языковой новацией, тем не менее уже функционирующей в определенной сфере общения.

Кроме изменения этикетных формул (пока в достаточно узкой сфере), следует говорить и об изменении обращений. Вытеснение из современной речи обращения *товарищ* и замена его на обращение *господин/госпожа* подробно проанализированы в [Kronhaus 1997] и [Кронгауз 1999]. В настоящей статье речь пойдет об именах собственных (точнее, антропонимах). Следует оговорить, что рассматриваемые изменения касаются употребления личных имен в целом, а не только в функции обращения. Более или менее общепризнанным фактом является постепенное вытеснение отчеств[1]. Новый речевой этикет во многих деловых коллективах подразумевает обращение только по имени, в том числе и к начальнику, и к деловому партнеру, т. е. и в тех ситуациях, где ранее нейтральным было обращение по имени-отчеству.

Такая, казалось бы, точечная замена приводит к значительной перестройке системы личных имен. В русском языке личные имена можно с определенной точностью разделить на два класса. Первый класс составляют имена, для которых при самостоятельном употреблении (т. е., без отчества и без фамилии) наиболее нейтральным вариантом является полное имя. К этому классу относятся такие мужские имена, как *Андрей, Антон, Максим, Никита* и т. д., и такие женские, как *Вера, Лариса, Марина, Нина* и т. д. С некоторым огрублением можно сказать, что у них вообще отсутствуют краткие формы, а есть только прагматически маркированные варианты (ласкательные и под.).

Ко второму классу относятся личные имена, чьи полные варианты самостоятельно практически не употребляются, по крайней мере в функции обращения. При самостоятельном употреблении используются соответствующие краткие формы. К этому классу относятся такие мужские имена, как *Александр* (соответствующие краткие — *Саша* или *Шура*, возможно и *Алик*), *Владимир* (*Володя*), *Дмитрий* (*Дима* или *Митя*), *Евгений* (*Женя*), *Михаил* (*Миша*) и др., и такие женские, как *Анна* (*Аня*), *Екатерина* (*Катя*), *Елена* (*Лена*), *Мария* (*Маша* или устар. *Маруся*), *Надежда* (*Надя*). Использование полного имени в качестве самостоятельного обращения вызывает дополнительный прагматический эффект. Оно может восприниматься как претенциозное, чопорное, иногда жеманное и всегда особым образом характеризует говорящего или речевую ситуацию. Следует так-

[1] Естественно, это лишь тенденция, и нет никаких оснований говорить об исчезновении отчеств вообще. Эта тенденция действует в тех сферах общения, которые наиболее подвержены иностранному влиянию. Можно утверждать, что в основном она имеет место в речевых рамках современного бизнес-сообщества.

же отметить маркированное (строгое) родительское употребление: *Владимир, ты до сих пор не сделал уроки!*

Нейтральное употребление этих имен в функции обращения возможно только в сочетании с отчеством (и в строго определенных ситуациях — с фамилией). Конечно, граница между этими двумя классами не абсолютно строгая. Для некоторых имен, принадлежащих ко второму классу, полные формы в большей или меньшей степени все же допускаются в самостоятельном употреблении. Достаточно сравнить практически не употребляемое нейтрально *Дмитрий* и, скажем, *Алексей* или *Виктор*. Последние, несмотря на наличие уменьшительных имен *Алеша* и *Витя*, тем не менее могут служить достаточно нейтральными обращениями. Отчасти размывается и первый класс, свидетельством чего может служить использование квазикратких (т. е. в действительности не нейтральных) имен типа *Макс* (для *Максим*), *Ник* (для *Никита*) или *Лара* (для *Лариса*). Употребление личных имен вообще очень сильно лексикализовано. Почти у каждого распространенного имени есть свои индивидуальные особенности. Тем не менее с системной точки зрения такое разбиение на два класса вполне оправданно и позволяет объяснить многие общие закономерности употребления личных имен.

Однако в настоящее время описанная система фактически находится в стадии разрушения. И происходит это из-за вытеснения обращений по имени-отчеству. Само противопоставление обращений по имени и по имени-отчеству связано со степенью официальности речевой ситуации, статусами говорящего и адресата, определяемых прежде всего возрастом и социальным положением, а при равных и высоких статусах в неофициальной ситуации также степенью знакомства.

Вытеснение отчеств должно было бы означать распространение стандартных правил употребления имен на всю сферу общения знакомых людей, т. е. автоматическую замену в соответствующих ситуациях обращения *Андрей Андреевич* (или *Марина Ивановна*) на *Андрей* (или *Марина*), а *Владимир Владимирович* (или *Мария Ивановна*) — на *Володя* (или *Маша*). Однако этого не происходит (или, по крайней мере, это происходит не всегда). Краткие имена воспринимаются все-таки как чрезмерно контактные (интимные, фамильярные и т. п.) и поэтому практически не используются в официальной ситуации или при различиях в статусе. Так, по-видимому, все же нежелательны обращения *Маша* и *Володя* к значительно более старому собеседнику или к собеседнику, значительно превосходящему говорящего в социальном статусе (при допустимых *Марина* и *Андрей*). Именно в этом случае для данного класса личных имен могут быть использованы соответствующие полные варианты. Таким образом, полные имена типа *Мария* и *Владимир* в новом зарождающемся этикете оказываются допустимыми в самостоятельном употреблении. Они противопоставлены кратким именам *Маша* и *Володя* в той же прагматической системе координат, в которой кратким именам были противопоставлены имена-отчества.

Как уже говорилось, эти изменения коснулись не только обращений. Это, в частности, относится и к способу представления или называния присутствующего человека (называние только по фамилии в этой ситуации, как правило, не используется). Интересное смешение двух систем имеет место в ряде телевизионных программ. Когда приглашенный в студию гость имеет высокий социальный статус, ведущий обращается к нему по имени-отчеству. Однако для представления и называния его в речи, обращенной к зрителям, используется имя без отчества, правда вместе с фамилией. Следуя старой традиции, например, политического деятеля следовало бы все же представлять, используя отчество. Таким образом, складывается новый публичный этикет.

Дальнейшее развитие системы речевого этикета и, в том числе, окончательную сферу употребления и степень употребимости русских отчеств предсказать трудно. Вполне вероятно, что других более сильных изменений и не последует. Тем не менее фактически определенная перестройка уже произошла. Как показано выше, затронула она не только отчества, но и всю систему личных имен. Безусловный психолингвистический интерес представляет тот факт, что подобные достаточно значительные и, главное, системные изменения осознаются далеко не всеми носителями языка. Во всяком случае, рефлексия по этому поводу намного слабее, чем рефлексия по поводу отдельных заимствований.

Литература

Дуличенко А. Д. Русский язык конца XX столетия. München, 1994.

Карцевский С. И. Язык, война и революция // Всеобщая библиотека. № 47. Берлин, 1923.

Костомаров В. Г. Языковой вкус эпохи: Из наблюдений над языком современных масс-медиа. М., 1994.

Кронгауз М. А. Обращения как способ моделирования коммуникативного пространства // Логический анализ языка: Образ человека в культуре и языке. М., 1999. С. 124—134.

Купина Н. А. Тоталитарный язык. Екатеринбург; Пермь, 1997.

Русский язык и советское общество: Социолингвистическое исследование / Под ред. М. В. Панова. М., 1968. Кн. 1—4.

Русский язык конца XX столетия (1985—1995) / Отв. ред. Е. А. Земская. М., 1996.

Селищев А. М. Язык революционной эпохи: Из наблюдений над русским языком последних лет (1917—1926). М., 1928.

Ферм Л. Особенности развития русской лексики в новейший период (на материале газет). Uppsala, 1994.

Шапошников В. Н. Русская речь 1990-х: Современная Россия в языковом отображении. М., 1998.

Kronhaus M. Russian Forms of Address in Communication and Culture // International Journal of Psycholinguistics. 1997. Vol. 13. № 1. P. 67—79.

Mazon A. Lexique de la guerre et de la révolution en Russie. P., 1920.

Popp H. Ideologie und Sprache: Untersuchung sprachlicher Veränderungen und Neurungen im Kontext der politischen und wirtschaftlichen Umgestaltungsprozesse in der ehemaligen Sowjetunion. Marburg, 1997.

А. А. Плетнева
Москва

СОЦИОЛИНГВИСТИКА И ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ РУССКОГО ЯЗЫКА XVIII—XIX ВЕКОВ

В истории русской литературы и литературного языка XVIII век рассматривается как начало нового этапа. Это время созидания русской литературы нового типа и современного русского литературного языка. Революционность эпохи является неоспоримым фактом лишь в том случае, если мы рассматриваем культурные и языковые процессы с позиции элитарной культуры, в рамках которой вырастали новая письменная традиция и новый литературный язык. Эта задача существенно сужает круг изучаемых источников. Если рассматривать весь корпус текстов, которые издавались и читались в XVIII в., то разница между этим временем и предшествующей эпохой окажется не такой существенной.

Поскольку фоном для описания письменности XVIII в. является предшествующая эпоха, напомним, что при анализе языковой ситуации XVII в. исследователи выделяют три основных регистра письменного языка: стандартный церковнославянский, гибридный церковнославянский и некнижный (приказной) язык [Живов 1996: 15]. Каждый из регистров выполняет свою функцию и обслуживает определенную сферу культуры. Считается, что с формированием нового литературного языка старые регистры перемещаются из центра на периферию языковой деятельности и постепенно отмирают. Стандартный церковнославянский при этом сохраняется лишь как язык богослужения.

Описанная выше традиционная схема удобна для анализа текстов XVII—XVIII вв. как материала для предыстории современного русского литературного языка. Такой подход обуславливает выбор источников. Интерес вызывают лишь те типы текстов, которые оказали влияние на формирование нового литературного языка. При этом не учитывается существенная часть письменных источников.

Значительный объем нового материала окажется в сфере нашего внимания в том случае, если мы обратимся к анализу конкретных ситуаций, в которых порождается или используется письменный текст. В этом случае мы не станем говорить о полном исчезновении приказного языка,

элементы которого сохранялись в крестьянских челобитных и в XIX веке. Точно так же церковнославянский, будучи языком богослужения, вплоть до начала XX в. сохранял (в первую очередь в крестьянской среде) некоторые черты литературного языка. Такой подход позволяет применять по отношению к текстам XVIII—XIX вв. методы коммуникативной лингвистики и социолингвистики, разработанные исследователями современного русского литературного языка. При этом выясняется, что такие языковые жанры массовой культуры, как гороскопы, комиксы, светская хроника и т. д., имеют непрерывную традицию, по крайней мере, с XVIII в. Причем носители элитарной (престижной) культуры как в XVIII, так и в XX в. воспринимают эти жанры одинаково иронично. При плодотворности традиционного подхода, рассматривающего историю литературного языка с позиции элитарной культуры, он не исчерпывает всего круга проблем, стоящих перед исследователями языковой ситуации.

Исследователям литературных текстов прошлых веков бывает не просто избежать соблазна перенести языковую ситуацию современности на изучаемое время. Если для нашего времени очевидно, что литературный язык является общенациональным и каждому грамотному человеку хоть раз в жизни приходилось читать тексты А. С. Пушкина, то для XVIII—XIX вв. это не так. Современному исследователю непросто вслед за Н. И. Толстым признать, что до 20-х годов XX в. русский литературный язык был лишь «языком интеллигенции, языком образованного слоя» [Толстой 1998, II: 483]. Русским литературным языком владели в первую очередь те, кто обучался в гимназиях и семинариях[1].

Что же читали люди, не относившиеся к культурной элите: крестьяне, мещане, купечество? Согласно исследованию А. Г. Кравецкого, у представителей этих сословий было широко распространено домашнее обучение церковнославянскому языку. В том случае если крестьяне владели также и гражданской азбукой, обучение церковнославянскому языку, как правило, предшествовало обучению русскому языку [Кравецкий 1999]. Встает вопрос о том, какие тексты читались в мещанской и крестьянской среде. Согласно данным М. М. Громыко и других этнографов, круг крестьянского чтения можно поделить на две основные группы. Во-первых, это духовная литература: Священное писание (в особенности Евангелие и Псалтирь), жития, пособия к благочестивой жизни и т. д. Во-вторых, историческая, художественная и фольклорная, научно-популярная и просветительская литература. Любопытно, что случаи чтения русской классической литературы единичны [Громыко 1991: 294—311]. Собрав огромный фактический материал, этнографы не ставят вопросов ни о языковой дифференциации читаемых текстов, ни о типах изданий бытующей литературы. В результате полное недоумение вызывает вопрос о том, почему грамотные крестьяне охотно читают лубочную лите-

[1] Программы семинарий в Российской Империи были ориентированы на гимназические.

ратуру, а книги для народа, написанные выдающимися русскими писателями, распространения не получают.

По этому поводу недоумевают не только современные этнографы, но и русские литераторы второй половины XIX в. Хорошо известны строки Некрасова из поэмы «Кому на Руси жить хорошо», где упоминаются лубочные листы и лубочные книги, приобретаемые крестьянами на ярмарке[2]:

Купец со всем почтением,
Что любо, тем и потчует
(С Лубянки — первый вор).
Спустил по сотне Блюхера,
Архимандрита Фотия,
Разбойника Сипко,
Сбыл книги: «Шут Балакирев»
И «Английский милорд»...
Легли в коробку книжечки,
Пошли гулять портретики
По царству всероссийскому,
Покамест не пристроятся
В крестьянской летней горенке,
На невысокой стеночке...
Черт знает для чего!
Эх! Эх! Придет ли времечко,
Когда (приди *желанное!*)
Дадут понять крестьянину,
Что розь портрет портретику,
Что книга книге розь?
Когда мужик не Блюхера
И не милорда глупого —
Белинского и Гоголя с базара понесет?

[Некрасов 1982, V: 34—35]

Когда к концу XIX в. в результате успехов земской школы число грамотных крестьян значительно возрастает, увеличивается спрос на лубочную литературу, а не на произведения русских классиков. Это явление осознавалось как общественная проблема и стало темой журнальной полемики [Громыко 1991: 295].

Для того, чтобы объяснить то устойчивое отсутствие интереса, которое грамотное городское население и крестьяне проявляли по отношению к произведениям русской классической литературы, недостаточно напомнить о пропасти, которая в послепетровское время пролегла между народной и элитарной культурой. Безусловно, темы и проблемы новой русской литературы были чужды и непонятны в крестьянской среде. Од-

[2] Эти строки были вызваны в значительной степени обидой Некрасова на лубочных издателей, отказавшихся помочь издавать его стихи в отдельных книжках для народа.

нако этнографический материал свидетельствует, что не читались и такие «народные» (так они воспринимались и воспринимаются в перспективе элитарной культуры) поэты, как Кольцов и Никитин. В этой связи любопытно свидетельство С. А. Рачинского о круге чтения и интересах детей сельской школы, которую он возглавлял: «Имею случай много читать с ними, много говорить с ними о том, что они читают. Что же делать, если вся наша поддельная народная литература претит им, и мы принуждены обращаться к литературе настоящей, неподдельной? Если при этом оказывается, что Некрасов и Островский им в горло не лезут, а следят они с замиранием сердца за терзанием Брута, за гибелью Кориолана? Если мильтоновский сатана им понятнее Павла Ивановича Чичикова? ("Потерянного рая" я и не думал заводить, они сами притащили его в школу.) Если "Записки охотника", этот перл гоголевского периода, по прозрачной красоте формы принадлежащий пушкинскому, оставляет их равнодушными, а "Ундина" Жуковского с первых стихов овладевает ими? Если им легче проникнуть с Гомером в греческий Олимп, чем с Гоголем в быт петербургских чиновников?» [Рачинский 1991: 48]. На первый взгляд кажется удивительным, что крестьянские дети могли читать тяжелые славянизированные переводы XIX в. Мильтона и Гомера, которые с трудом воспринимаются современным читателем. Этому есть два объяснения: культурологическое и лингвистическое. Устойчивый интерес к вневременным и вненациональным сюжетам прослеживается на любом историко-культурном материале. Рассказы о гибели героев, о трагической и одновременно побеждающей все преграды любви, о торжестве справедливости вопреки всем рациональным построениям всегда привлекали и привлекают к себе народное внимание. Такие сюжеты, как правило, лучше воспринимаются на инокультурном материале, не дающем конкретных исторических ассоциаций. Кроме того, письменный язык грамотного крестьянина отличался от языка русской классической литературы сильнее, чем от специфического славянизированного языка переводов Гнедича. Неизученность языка народной (лубочной) литературы не позволяет дать перечень его отличий от стандартного русского литературного языка. С уверенностью можно сказать лишь то, что европеизированный синтаксис послепушкинской литературы оказывался серьезным препятствием для проникновения классических русских литературных текстов в народную среду[3]. Вплоть до конца XIX в. основным чтением крестьянства и городского мещанства оставалась лубочная литература.

* * *

Лубок — цельногравированной листок (или книга), резанный на дереве, вытравленный на меди или камне, имеющий картинку и сопровож-

[3] Несмотря на то что порядок слов является важной конструктивной особенностью литературного языка, историки русского языка уделяли этой теме не так много внимания. О порядке слов в текстах первой трети XVIII в. см. [Кагарлицкий, Литвина 1999].

дающий ее текст. Полиграфическая техника стала своеобразным водоразделом между элитарной и народной культурой. В языковом отношении способ печати разделял нормированные языки (богослужебный церковнославянский и русский литературный) и письменный (ненормированный) язык народной лубочной литературы. Причины этого разделения носили экстралингвистический характер. Дело в том, что жесткой государственной цензуре в первую очередь подвергались тексты, которые печатались с типографского набора. Гравированные издания цензура рассматривала как изображение, а не как текст. Поэтому текстовая часть лубочных изданий оказывалась на периферии внимания цензоров. Как известно, в истории русского литературного языка цензура была мощным нормообразующим фактором. Цензурные уставы прямо предписывали наблюдения за теми или иными языковыми явлениями [Живов 1996: 473—479]. Цензорская языковая унификация почти не касалась произведений лубочной литературы. Наблюдение велось в основном за изображением: не допускались картинки непристойного содержания, цензоры следили, чтобы лики Христа, Богородицы и святых соответствовали правилам иконографии [Хромов 1998: 166]. Другая причина изоляции языка народной литературы состоит в том, что создатели лубочных изданий принадлежали к тому же социальному слою, что и их читатели. Не получив соответствующего образования, они не владели (или же владели лишь пассивно) русским литературным языком. Еще раз повторим, что вплоть до начала XX в. русский литературный язык не был общенациональным, а являлся лишь социальным диалектом людей, получивших определенный тип образования[4].

Существует значительное количество исследований, посвященных лубку. Наибольшее внимание этому виду народного творчества уделяли искусствоведы. В конце XIX и в 20-х годах нашего века лубок привлекал внимание литературоведов. И для тех и для других характерен в первую очередь источниковедческий подход к предмету исследования (т. е. происхождение текста или картинки). Этнографы видели в лубке источник, позволяющий изучать народные взгляды и представления. Книговеды рассматривали лубочную книгу как особый тип книги и прослеживали ее эволюцию. Существует несколько работ, отражающих историко-экономический аспект бытования лубка (сколько было оттисков, какова цена на издания, какая степень распространения той или иной картинки или книжки). Однако среди этих многочисленных исследований нет ни одной работы, посвященной языку лубка. Даже среди источников Словаря русского языка XVIII в. нет фундаментального свода лубочных текстов,

[4] Эта проблема была осознана лингвистами в 1920—1930-е годы, когда устанавливались нормы русского литературного языка советского периода. Е. Д. Поливанов писал: «Для стандартного (или "общерусского") языка дореволюционной (и довоенной) эпохи весьма не трудно дать социальную характеристику: это внетерриториальный язык русской интеллигенции...» [Поливанов 1931: 125].

подготовленного Д. А. Ровинским [Ровинский 1881, I—V]. То, что лингвисты не занимались языком лубочной книжности[5], является заметной лакуной в наших знаниях по истории русского языка. Лубочные тексты являются важным источником для диалектологов, лексикографов, социолингвистов, историков литературного языка. К тому же стараниями поколений искусствоведов и историков проделана большая подготовительная работа по изданию и каталогизации лубочных текстов. Здесь лингвиста ждет материал, непосредственно готовый к исследованию.

* * *

Лубок появился на Руси в XVII в. Вначале он получил распространение в городской среде, однако до петровского времени лубочная продукция не была фактом низовой культуры, так как не было столь жесткой социальной дифференциации общества, при которой элитарная (высокая) культура становится недоступной определенным социальным группам. В XVIII в. лубок получает наибольшее распространение среди городского мещанства, а во второй половине XIX в. становится основным чтением крестьян.

Место лубочной литературы в системе словесности было показано Н. И. Толстым, который предложил пятичленную парадигму видов литературы и фольклора:

художественная литература
народно-городская литература
общенародный фольклор
социальный фольклор
литературное или фольклорное творчество индивида.

Комментируя понятие народно-городской литературы, Н. И. Толстой поясняет: «Ее выделение в отдельную совокупность письменных произведений редко практикуется в русском литературоведении, а входящие в ее состав произведения и памятники XIX в. и начала XX в. в наше время почти не изучаются. Между тем в польской и хорватской исследовательской традиции ей уделялось серьезное внимание (...) Подобно просторечию, адаптировавшему по своим меркам литературный язык, народно-городская, или "лубочная", литература приспосабливала ряд произведений, сюжетов и тем элитарной литературы к народным представлениям и мещанским вкусам Никольской улицы» [Толстой 1998, II: 14—15]. На наш взгляд, следует поставить вопрос и о языке лубочной литературы, о его связи с нормированным русским литературным языком, о его своеобразии, о мощной организующей церковнославянской струе.

Лубок квалифицируется искусствоведами как примитив, т. е. такое искусство, которое, с одной стороны, связано с традиционным народным

[5] Соотношение картинки и текста в лубке может быть разным. В изготовленных как гравюры книгах текст занимает больше места, в отдельных листах — меньше.

искусством, а с другой — с элитарной культурой. То же верно и в отношении языка. Ввиду неизученности лубочной письменности с лингвистической точки зрения, мы можем предложить в этой связи лишь некоторые наблюдения, не претендующие на полноту картины.

Народная литература XVIII—XIX вв. испытала сильное влияние разных типов словесности. Прежде всего это церковнославянская письменная традиция, представленная печатными четиими и богослужебными книгами. Далее следует элитарная (не народная) литература второй половины XVI — XVII в., прежде всего переводные новеллы и виршевая поэзия. Важную роль в формировании лубочной традиции играла и фольклорная струя: песни, былины, народный площадной театр. Во второй половине XIX в., когда социальные верхи волновал вопрос о народной литературе, в лубок проникают отдельные произведения русских писателей, тексты которых подвергаются некоторой адаптации. Все эти источники определили язык лубочной традиции.

Лубочные тексты XVIII—XIX вв. безусловно противопоставляются текстам, написанным на русском литературном языке. Прежде всего потому, что значительная часть лубочной продукции ориентирована не на русский язык, а на церковнославянский. Такая ориентация может быть выражена по-разному. С одной стороны, существует ряд текстов, воспроизводящих издания церковных типографий. Это отрывки из Библии, евангельские притчи, жития святых, отдельные молитвы, т. е. тексты на стандартном нормированном церковнославянском языке. В качестве примера таких текстов приведем относящиеся ко второй половине XVIII — первой половине XIX в. фрагменты лубочной интерпретации библейского повествования о Сусанне и старцах (Дан. 13. 1—64) и жития св. Феодора Стратилата.

Сусанна и старики

И бѣсть егда изыдоша отроковицы, восташа оба старца, и текоша къ нен и рѣша се двери оградным затворишасѧ и никтоже видитъ насъ а въ похотенїи твоемъ есмы сего ради сонзволи намъ и буди съ нами [Ровинский 1881, III: 310].

Св. Великомуч. Феодор Стратилат с деянием

вполунощи аг҃лъ господенъ сниде снебесъ и разрешн сѣаго ѿ креста шблобѣза его и глагола емѹ радунсѧ ѳеодоре дерзан и ѹкреплнлсѧ именем хр҃та се стобою естъ скончан теченнм мученнм твоего [Ровинский 1881, III: 678].

С другой стороны, многие тексты, на славянизированном русском[6] или же просто на русском языке написаны церковным кириллическим шрифтом. Если для современных ученых граница славянского и русского

[6] При русской морфологии сохраняются некоторые лексические и синтаксические особенности церковнославянского языка.

языков лежит в пределах глагольной парадигмы, то для массового сознания XIX в. славянский от русского отличается прежде всего начертанием букв[7].

Тексты на нормированном церковнославянском языке составляют (в соответствии с публикациями Ровинского) менее четверти всего объема. Значительная часть текстов написана на так называемом гибридном славянском языке. Здесь нельзя говорить об общей норме. Соотношение русских и церковнославянских по происхождению элементов может быть самым разным.

Из «Описания святого Божия града Иерусалима, церкви живоноснаго гроба Господня и прочих святых мест»

Їсходаше изграда їерꙋсалимскаго есть с҃ снѡнъ идеже снишелъ а҃ѯъ с҃тын на с҃тыѧ ꙋченикы и апостолы ен есть на горнїѣ здомꙋ заведѣшве внемже бъıла ї таїнаѧ вечера и свещ҃ное оумовенне тꙋ и по воскресенїи хр҃тосъ вниде дверемъ затвореннъımъ тꙋ бысть и wсѧзанне с҃таго а҃пола ѳомы тꙋ есть погребенъ и с҃ пррокъ дв҃дъ и сн҃ъ его соломонъ тꙋ седѧше и прест҃аѧ бц҃а додне преставлениѧ еѧ на небо тое држатъ нынѣ тꙋрки недопꙋщающи никомꙋ ѡ҃ вѣрнъıхъ внити тамъ на полѣ погребаютсѧ архїереи и мирски арапи хрнстнане сꙋщи [Ровинский 1881, II: 339].

Космография середины XVIII в. Подпись внизу карты

Малыхъ же wстрововъ и бесчеловечныхъ wписати невозможно понеже многи островы и земля наполнена ядовитыхъ звереи и гадовъ и человекомъ неприступны елицы же обретоша отъ человекъ сия и написашася мнозиже и неведомы человекомъ но токмо единому преблагому бгу вся дела его ведома суть тои бо единъ созда всяческая от небытїя и еще творитъ же ї претворяетъ разрешаетъ же ї упространяетъ бл҃г сти ради гневажъ радї разоря ї низлагаетъ и нивочто пременяетъ и несть возможно человечью естеству противитися праведнымъ его судбомъ и воли втого бо руце всяко дыхание животно [Ровинский 1881, II: 274].

Погребение св. великомученицы Екатерины

В҄оусѣченїи твоемъ хр(с̄)това невѣсто
в҄мѣсто крове истече чоуднѣ млеко чисто[8]
млечнымъ путемъ на н҃бо вшедши, убѣленна
в҄кровѣ ягнчей, имени яви wчищенна
Дшею вселшася в нб(с̄)номъ раи,
тѣломъ же погребенна ѡ҃ Агглъ всинаи
мл҃и егда погребнъ боуду тѣломъ вперсти,
душоу в҄н҃бо да приимутъ Аг҃глскїя персты.

[7] В современном обывательском сознании наблюдается сходная картина. В наше время церковная кириллица часто используется при печатании листовок и воззваний патриотических партий и организаций. Церковный шрифт оказывается знаком народности — в одном ряду с балалайкой и косовороткой. Другой сферой употребления этого шрифта стала реклама продукции народной медицины и меню ресторанов с русской кухней.

[8] Рифма *невѣсто//чисто* указывает на чтение ѣ как [и], что, вероятно, связано с малороссийским происхождением стиха.

Многие тексты, очевидно, были написаны людьми, учившимися читать по-славянски, но никогда не учившимися, в отличие от средневековых писцов, писать. Это проявляется как в произвольности орфографии[9], так и в употреблении лексических (*младостъ, здравие* и под.) и некоторых морфологических славянизмов (отдельные формы звательного падежа, формы глагола *быти* в настоящем времени и под.):

Гадательная книжка царя Соломона, начало XIX в.

Сие гадание глаголетъ быти отъ премудрости царя Соломона изрученїе зерна пшеничнаго въ руки взявши кругъ числъ и на средину круга спустить накое число падетъ зерно по числу твоего гаданїе съ того числа смотри въ строкахъ нїже сего означенаго ичти что тебѣ выдетъ.

1. Послѣ сонца мѣсецъ свѣтилъ амысль твоя человѣче на двое неимеи надежды на свою силу о томъ Пророкъ рече избави мя Господи отъ человѣка лукава и неправедна тако и тебя избавитъ Богъ будети имѣть добра много яко ты хощеши пожеланию твоему

11. На радость инабогатство жїтие твое будетъ тебѣ поживеши суетно вомладости своеи авъ старости прїимешъ велїкую честь

18. Нѣсть дѣло твое на него же ты хощеши итти человѣче зло есть о томъ Пророкъ рече уклонися отъ зла и сотвори благо тако и тебѣ человѣче отъ таковаго злаго дѣла лучше уклонiїтїся [Ровинский 1881, II: 472—473].

Существует значительное количество текстов, которые написаны на русском языке. Однако это ненормированный русский язык. Здесь наблюдается большое количество диалектизмов и просторечных выражений, значительно отличается синтаксическая структура фразы, которая часто бывает ориентирована на фольклорные тексты, практически не ставятся знаки препинания:

Сказка полная о славномъ и силномъ витязе Еруслане лазаревиче и его храбрости и невообразимой красоте царевны Анастасии Вахрамеевны, первая половина XIX в.

Послѣ того вошли въ палату белокамѣенную исталъ ерусланъ лазаревичь проситься уотца своего иуматери вчистое поле погулять людеи посмотреть а себя показать отецъ имать его отпущаютъ и даютъ ему 12 отроковъ 50 мудрыхъ мастеровъ чтобъ близь моря построить белокаменную палату и тѣ мастера построили ту палату въ три дни послали гонца кокнязю лазарю лазаревичу и приехалъ гонецъ доноситъ князю лазарю лазаревичу и княгинѣ епистимїи что палата белокаменная здѣлана [Ровинский 1881, I: 43].

Блинщица, вторая половина XVIII — первая половина XIX в.

Пожалуї подї прочъ отъ меня, мне дела нет да тебя пришелъ за жепу хватаешъ блиновъ печь мешаешъ (.) за жепу хватать невелятъ длятого что блины подгорятъ я

[9] Так, например, в приведенном ниже тексте нет различения в употреблении гласных *ї*, *и*. Обе графемы появляются как в позиции перед гласным, так и перед согласным (*сие, изрученїе, нїже, поживеши* и др.), что противоречит орфографическим правилам и церковнославянского, и русского литературного языков.

тотъ часъ резонъ сышу сковороднемъ хвачю мнѣ хоте ї стыдно а те будетъ уже обидно, я вить васъ незамаю, а не отъодешъ сковороднїкомъ замараю (.) твоя воля изволь бить даї только за ше.у хватить ибо зело мне показалася миленка, что жепка твоя крутенка нарочна ктебе я пришелъ ї шасливъ что одну дома нашелъ (.) хошя сплошъ всего замараї растворомъ я отого небуду здоромъ толко любовъ надо многї покажи вместе собою на постелю спать положи [Ровинский 1881, I: 345].

Подвиг гренадера фанагорийскаго полка в 1805 году

Московскїя Ведомости 1805 году № 97 декабря 6 дня.

Одинъ анегдотъ достоинъ любопытства гренадиръ фанагорїискаго полку проснись суворовъ оставши отъ своихъ товарищеи увидѣлъ себя окруженнымъ четырмя французоми вътомъ числе былъ одинъ офицеръ которыи закричалъ ему пардонъ ишли прямо нанего но онъ въ мѣсто пардона прицѣлясь хороше(н)ко Ѡвечалъ имъ пулею двухъ повалилъ однимъ выстреломъ одного штыкомъ ачетвертыи бѣжалъ (.) государь Императоръ приказалъ отыскать сего неизвестнаго рыцар(я) которыи безъ хвастаства сталъ врядъ съ другими инедумалъ чтобъ онъ Ѡличился (.) россїиской гранадеръ Отсталъ и начетырехъ французофъ попалъ однои пулею двоихъ простреливъ атретъяго на штыкъ посадилъ ачетверта(и) убежалъ ифранцозамъ такъ сказалъ лутчи намъ братцы отъстать чемъ наштыкахъ Ѡрускихъ умирать [Ровинский 1881, II: 136].

Необходимо отметить, что для большинства текстов прослеживается связь языка с жанром. Евангельские притчи, лицевая Библия, изображения святых с отрывками из житий связаны с церковнославянской языковой стихией. Рассказы из истории, календари, предсказания, географические карты с пояснениями, виды и описания святых мест (т. е., в некотором смысле, научно-популярная литература) написаны на гибридном церковнославянском языке. Сюда же относятся и произведения древнерусской литературы конца XVI—XVII в., вошедшие в лубочную традицию (притчи из «Зерцала великого» и др.). Сказки, басни, забавные листы, пересказы газет связаны с русским языком, отчасти литературным, отчасти фольклорно-народным.

* * *

Приведенные выше соображения позволяют некоторым образом пересмотреть наши представления о литературном языке нового типа. Сфера его функционирования оказывается ограниченной рамками элитарной культуры. Такие признаки литературного языка, как общеобязательность и полифункциональность, не могут считаться существенными для русского языка XVIII—XIX вв. Языковая дифференциация русского общества оказывается большей, чем было принято считать ранее. В качестве попытки фиксации языковой ситуации можно рассматривать теорию трех стилей Ломоносова, изложенную им в «Предисловии о пользе книг церковных». Мы полагаем, что описанная Ломоносовым языковая ситуация характерна не только для формирующегося литературного, но и для народного варианта письменного языка, представленного лубочной книгой. Можно говорить, что теория трех стилей относится не только к сфе-

ре языкового строительства, но и является научным описанием языковой ситуации, характерной как для XVII, так и для XVIII в. Вплоть до начала XX в. в мещанской и крестьянской среде русский и церковнославянский продолжают восприниматься как функциональные стили письменного языка. Содержание текста (жанр) диктует выбор языковых средств.

Массовый характер лубочной литературы[10] и огромное количество дошедших текстов предполагают необходимость серьезного изучения языка этой письменной традиции.

Литература

Громыко М. М. Мир русской деревни. М., 1991.

Живов В. М. Язык и культура в России XVIII века. М., 1996.

Кагарлицкий Ю. В., Литвина А. Ф. По ту сторону грамматики: нормы словорасположения в период формирования литературного языка нового типа // Эволюция грамматической мысли славян XIV—XVIII вв. М., 1999.

Кравецкий А. Г. Литургический язык как предмет этнографии // Славянские этюды. Сборник к юбилею С. М. Толстой. М., 1999.

Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений: В 10 т. М.; Л., 1950—1959.

Некрасов Н. А. Полное собрание сочинений и писем: В 15 т. Т. V. Л., 1982.

Поливанов Е. За марксистское языкознание. М., 1931.

Рачинский С. А. Сельская школа. М., 1991.

Ровинский Д. А. Русские народные картинки. Т. I—V. СПб., 1881.

Толстой Н. И. Избранные труды: В 3 т. М., 1997—1999.

Хромов О. Р. Русская лубочная книга XVII—XIX веков. М., 1998.

[10] По переписи 1897 г. каждый пятый крестьянин был грамотным, т. е. читал и немного умел писать по-русски. Так как количество владевших славянской грамотой не учитывалось, а этнографические источники свидетельствуют, что она была широко распространена [Кравецкий 1999], можно предположить, что число реальных читателей лубочной литературы было очень значительным.

О. Б. Сиротинина
Саратов

О СТИЛИСТИЧЕСКИХ ПРИЕМАХ СОВРЕМЕННОЙ ПУБЛИЦИСТИКИ, КОТОРЫЕ МОГУТ ПРИВОДИТЬ К КОММУНИКАТИВНОЙ НЕУДАЧЕ

Развитие антропоцентрического подхода к языку заставило обращать внимание на такие языковые явления или такие аспекты их изучения, которые раньше внимания исследователей не привлекали. Так, омофоны, омоморфы, омонимы, ранее изучавшиеся как явления в системе языка, теперь исследуются и с точки зрения их роли в коммуникации (возможность неадекватного понимания). Появляются специальные работы, связанные с ослышками [Сиротинина 1981, Розанова 1983], двусмысленностью омоформ и местоименных замен [Мучник 1996], исследуются различные виды текстовой омонимии [Лаптева 1999] и основные типы речевых неудач в русских письменных текстах [Кукушкина 1998], делаются попытки представить многоаспектную типологию коммуникативных неудач [Ермакова, Земская 1993] и т. д. Проблема релевантного понимания высказывания становится одной из главных.

Во всех работах особое внимание уделяется общности кода и апперцепционной базы общающихся как условиям релевантности понимания.

Очевидно, типологию коммуникативных неудач можно строить и на особенностях общающихся. О. П. Ермакова и Е. А. Земская отмечают различия в речевом поведении мужчин и женщин, в разном психологическом настрое как причинах нерелевантности понимания, но могут быть и различия с точки зрения анатомо-физиологического здоровья или патологии: неучет одним из общающихся подобных различий может послужить причиной коммуникативной неудачи. Так, ослышки, например, могут быть вызваны не только разным пониманием ситуации или разным психологическим настроем, разговорной небрежностью произношения и невнимательностью слушающего (см. примеры О. Б. Сиротининой и Н. Н. Розановой), но и элементарным анатомическим или физиологическим дефектом у говорящего (отсутствие зубов, частичный паралич и т. д.) и недостатками слуха у слушающего. При этом коммуникативная неудача возникает при недостаточном учете этого обстоятельства как го-

ворящим (недостаточная громкость), так и слушающим (недостаточная вслушиваемость).

В типологии коммуникативных неудач, видимо, надо разграничивать то, что связано с ситуацией, общностью апперцепционной базы, и то, что связано с патологическими особенностями общающихся. Думается, однако, что необходимо выделить и еще один вид коммуникативной неудачи, на который до сих пор не обращалось внимания. Речь идет о различиях в типе речевой культуры общающихся, недоучет чего может вызвать коммуникативную неудачу.

В некоторых случаях этот тип коммуникативной неудачи покрывается другими ее видами. Так, непонимание или недопонимание может возникнуть при включении иноязычного кода носителями элитарного типа речевой культуры [Толстой 1991; Гольдин, Сиротинина 1993; 1997] в общении с представителями иных типов или при использовании жаргонных слов носителями жаргонизирующего типа в общении с представителями иных типов и т. д. Однако суть коммуникативной неудачи в данных случаях заключается не столько в различии используемых кодов (носитель элитарного типа, естественно, ограничен в знании других языков и тоже может встретиться с незнакомым словом), сколько в самом подходе к общению: истинный носитель элитарного типа речевой культуры д о л ж е н учитывать возможность непонимания иноязычных слов слушающим (читающим) и или не использовать их без насущной необходимости, или необидно перевести, сделать понятными. См., например, два принципиально разных подхода к использованию слова *абсентеизм*: в газете «Известия» — *растет уровень абсентеизма* без каких бы то ни было пояснений — и в телепередаче «Зеркало» — сразу после употребления этого слова гостем передачи следует пояснение ведущего Н. Сванидзе (*для тех, кто не знает: абсентеизм означает отсутствие, неприход избирателей к урнам*).

В современных средствах массовой информации допускается очень много подобных коммуникативных неудач и очень часто их причиной становятся модные стилистические приемы. Именно их анализу и посвящена данная статья.

В наших средствах массовой информации наблюдается засилье иноязычной лексики, оно используется как своеобразный стилистический прием современной публицистики [Костомаров 1994 и др.], в результате чего происходит очень много коммуникативных неудач, связанных с различием в типе речевой культуры, и, как следствие этого, в коде говорящего или пишущего журналиста и коде получателя информации, адресата речи с иным типом речевой культуры. Например, «Известия» (02.01.2000) — типичное для М. Соколова злоупотребление иноязычными словами без всяких пояснений: *Reductio ad absurdum — стандартный прием полемики, не более того; взвешенные индепенденты; но индепендентам, конечно, виднее; попадись кто-нибудь из индепендентов в руки героических моджахедов; но «сливные бачки» — это милые и хорошие люди по сравнению с индепен-*

дентами; тогда как индепенденты создают спрос на и много худшее — на пыточные мероприятия в застенке. Догадаться о смысле слов, конечно, в конце концов из текста статьи можно, но всякий ли дочитает ее до конца, да и стоит ли в контексте статьи называть чеченских боевиков *индепендентами*, даже учитывая всю ироничность автора. «Известия» (28.12.99): *Метресса современного мирового танцевального катания Наталья Линичук наконец выступила с заявлением по поводу ситуации вокруг ее лучшей пары — Анжелики Крыловой и Олега Овсянникова,* — в статье И. Порошина — никакой иронии, уважение к Н. Линичук, но каждый ли читатель поймет, что *метресса* — производное от *метр* (учитель с большой буквы), и не свяжет ли с довольно распространенным *метреска, метресса* — любовница, содержанка [Крысин 1998: 434]. Можно усомниться и в целесообразности использования в этой статье заимствованного слова, но важнее в данном случае коммуникативная неудача.

Менее доказателен с точки зрения наличия коммуникативной неудачи следующий случай, но, как показал элементарный эксперимент в студенческой аудитории, даже в большом контексте статьи не понятым оказалось предложение *К этому времени будет готов и сингл нового «Кино» с песней Цоя в исполнении Бекхана* (Комсомольская правда 23.10.99) из-за незнакомого слова *сингл*.

Причиной непонимания или неполного понимания может быть и использование нелитературных слов, ставшее также типичнейшим стилистическим приемом — символом современной свободы средств массовой информации [Костомаров 1994; Сиротинина 1995; 1999 и др.]. Например, в «Московском комсомольце» (МК) (29.10.99) читаем: *В Штатах товарищ мгновенно спекся: его специфические таланты там не канали.* Если слово *спекся* известно, то слово *канали* в саратовской студенческой аудитории понято не было. С таким значением оно есть в словаре молодежного сленга [Никитина 1998: 172], да и то не совсем соответствующим контексту статьи ('успешно выступать на сцене'), но отсутствует в словаре московского арго [Елистратов 1994] и вообще не включено не только в толковые словари, но и в словарь русского общего жаргона [Ермакова и др. 1999].

Примеры можно легко умножить, но дело не в их количестве, а в том, что в этих случаях различия в кодах автора и читателя приводят к коммуникативной неудаче, которой легко было избежать.

Думается, что журналист должен быть носителем элитарного типа речевой культуры, признаком которой является не просто использование разных кодов в речи, но такое их использование, которое, во-первых, было бы целесообразным, во-вторых, чтобы было сделано все ради правильного понимания употребленного слова (приема) адресатом. В приведенных выше случаях (и во множестве других) в использовании инокодовых средств не было нужды и не было сделано ничего для их адекватного понимания. Одно из двух: или данные журналисты не являются носителя-

ми элитарного типа речевой культуры, а только хотят на них походить, для чего используют свои инокодовые знания, или делают ошибку, распространяя свои возможности на возможности читателя, ошибочно полагая, что включение в текст инокодовых слов не повредит пониманию. Как мы видели, в любом случае они потерпели коммуникативную неудачу.

К коммуникативным неудачам, связанным с различиями в типах речевых культур, относятся и такие, которые никак не связаны с различиями в кодах, но основаны на разнице в прецедентных текстах. Носители неэлитарных типов речевой культуры обычно опираются на тексты рекламы, популярных развлекательных телепередач, хорошо ориентируются в модных рок-группах, звездах эстрады и т. д., тогда как носители элитарного типа хорошо знают классическую художественную литературу, поэзию, выдающихся деятелей культуры, искусства и науки. Различия в типах не только речевой, но и общей культуры [Толстой 1991] может не осознаваться участниками коммуникации, что приводит к непониманию или неполному пониманию, т. е. к коммуникативной неудаче.

Так, во время одного из предвыборных интервью А. Вешнякова журналист Дм. Губин, говоря о предвыборной информационной войне, употребил такой образный оборот: *закладывают такие виражи, что Шумахер отдыхает* (Вести 03.12.99) — кодовые различия в использованном жаргонном значении глагола *отдыхать*, взятого явно из телерекламы, но далеко не всем понятного (эксперимент в студенческой аудитории). К тому же далеко не все телезрители увлекаются гоночным спортом, а потому не все знают, кто такой *Шумахер* и при чем здесь *виражи*. Это — очень яркий и образный оборот (стилистический прием) для одних телезрителей, для других — коммуникативная неудача.

Использование прецедентных текстов — еще один стилистический прием, нередко приводящий к коммуникативной неудаче. Современные газеты очень любят использовать цитаты и квазицитаты с расчетом на понимание иронии или какой-то аллюзии [Лаптева 1996; Земская 1996]. Это модный прием углубления текста, однако при различиях в типах речевых культур автора и читателей не все прецедентные тексты «срабатывают». Так, далеко не у всех читателей «Российской газеты» при чтении заголовка *Когда увидим небо в алмазах* (28.04.99) в сознании возникнет фраза из «Дяди Вани» А. П. Чехова и содержание статьи о проблемах развития алмазно-бриллиантового комплекса России с цифрами продаж, добычи, цен и налогов не получит глубинного смысла. Аналогично обстоит дело с заголовком *Флаги без башен* (МК 08.10.98), который вряд ли у большинства читателей этой газеты вызовет ассоциацию с названием романа А. С. Макаренко «Флаги на башнях», а потому глубинный смысл статьи о работе фабрики, на которой шьют флаги, и ценах на них останется непонятым.

Далеко не все читатели газеты «Саратов» поймут, казалось бы, прозрачный намек на А. В. Руцкого в словах: *Граждане скорее сломают головы над извилистой стратегией некоего губернатора, царствующего на родине со-*

ловъев и магнитной аномалии, чем увидят на месте стратегии голое элементарное самодурство (15.07.98). Не у каждого в сознании возникнут сочетания *курский соловей, курская магнитная аномалия, король голый* — расчет на знание соответствующих прецедентных текстов не оправдывается (эксперимент в студенческой аудитории).

Думается, что в заголовке статьи о признаниях западных миротворцев в Косове — *Пришли, увидели и задумались* (Известия 12.01.2000) — был расчет на ассоциацию с *Пришел, увидел, победил*: замена последнего глагола семантически и стилистически очень значима. Но осознается ли это значение рядовым читателем, или это очередная коммуникативная неудача? (ко времени публикации эксперимент в студенческой, но не филологической аудитории провести не удалось).

Аналогично обстоит дело с заголовком *Он матери-истории ценен* (Российская газета 27.03.97) к статье о 125-летии Государственного Исторического музея — вряд ли современный читатель вспомнит строки Маяковского, скорее, просто удивится такому обороту, как удивились (и не вспомнили) студенты колледжа прикладных наук.

То, что использование цитации и квазицитации прецедентных текстов является сейчас модным стилистическим приемом газетного текста, доказывается даже самим количеством употреблений: в одном номере «Известий» (13.01.2000), минимум, 20 раз, причем не всегда удачно (*Лолита* в заголовке статьи о 27-летней женщине-снайпере; *Чуть помедленнее, кони* — о проблемах энергетиков), часто с просчетом, а следовательно, с коммуникативной неудачей из-за отсутствия у большинства читателей ассоциаций с давнишней статьей об организованной преступности и коррупции (*Лев спрыгнул — Лев прыгнул*, а еще раньше: *Лев готовится к прыжку*), причем иллюстрация (голова льва) не проясняет образ.

Примеры можно умножать, но суть во всех них одна: просчеты автора, связанные с преувеличением культурных знаний читателя, на которых строится нужный образ, приводят к тому, что яркий стилистический прием превращается в коммуникативную неудачу. А может быть, это еще и следствие элементарного неуважения к читателю, свойственного носителям среднелитературной речевой культуры («хотят свою образованность показать»)?

В разговорной речи коммуникативные неудачи, вызванные различиями в речевых культурах, тоже возможны, но, в отличие от средств массовой информации, основанных на массовой коммуникации, в разговорной, персонально адресованной и непосредственной коммуникации возникшая коммуникативная неудача обычно сразу ликвидируется разъяснением говорящего, если по лицу слушающего видно, что он не все понял. Еще чаще слушающий, не стесняясь своего непонимания, задает вопрос: *А это кто?*; *Чьи это слова?*; *Что ты хотел этим сказать?* Однако при не очень близких отношениях общающихся, при нежелании одного из них показать свою неосведомленность случаи коммуникативных неудач

все же возникают, особенно если общаются носители не смежных (элитарный и среднелитературный типы), а далеко отстоящих друг от друга речевых культур. Носитель просторечного типа может просто не заметить, что чего-то недопонял, что у высказывания есть еще и глубинный смысл, — тогда коммуникативная неудача так и остается неудачей.

Однако в разговорном общении такая коммуникативная неудача не является результатом намеренно использованных стилистических приемов. Коммуникативная неудача в результате намеренно использованного стилистического приема свойственна прежде всего средствам массовой информации (возможна и в художественной речи).

Литература

Гольдин В. Е., Сиротинина О. Б. Внутринациональные речевые культуры и их взаимодействие // Вопросы стилистики: проблемы культуры речи. Саратов, 1993. Вып. 25.

Гольдин В. Е., Сиротинина О. Б. Речевая культура // Русский язык. Энциклопедия. М., 1997.

Елистратов В. С. Словарь московского арго. М., 1994.

Ермакова О. П., Земская Е. А. К построению типологии коммуникативных неудач (на материале естественного русского диалога) // Русский язык в его функционировании: коммуникативно-прагматический аспект. М., 1993.

Ермакова О. П., Земская Е. А., Розина Р. И. Слова, с которыми мы все встречались. Толковый словарь русского общего жаргона. М., 1999.

Земская Е. А. Цитация и виды ее трансформации в заголовках современных газет // Поэтика. Стилистика. Язык и культура. Памяти Татьяны Григорьевны Винокур. М., 1996.

Костомаров В. Г. Языковой вкус эпохи. Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа. М., 1994.

Крысин Л. П. Толковый словарь иноязычных слов. М., 1998.

Кукушкина О. В. Основные типы речевых неудач в русских письменных текстах. М., 1998.

Лаптева О. А. Стилистические приемы создания языковой иронии в современном газетном тексте // Поэтика. Стилистика. Язык и культура. Памяти Татьяны Григорьевны Винокур. М., 1996.

Лаптева О. А. Речевые возможности текстовой омонимии. М., 1999.

Мучник Б. С. Культура письменной речи. М., 1996.

Никитина Г. Г. Так говорит молодежь. Словарь молодежного сленга. СПб., 1998.

Розанова Н. Н. Суперсегментная фонетика // Русская разговорная речь. Фонетика. Морфология. Лексика. Жест. М., 1983.

Сиротинина О. Б. Ослышки в разговорной речи // Теория языка, методы его исследования и преподавания. К 100-летию со дня рождения Льва Владимировича Щербы. Л., 1981.

Сиротинина О. Б. Устная речь и типы речевых культур // Русистика сегодня. 1995. № 4.

Сиротинина О. Б. Современный публицистический стиль русского языка // Russistik. 1999. № 1—2.

Толстой Н. И. Язык и культура: (Некоторые проблемы славянской этнолингвистики) // Русский язык и современность. Проблемы и перспективы развития русистики. М., 1991. Ч. 1.

ПОЭТИКА

И. А. Букринская, О. Е. Кармакова
Москва

ДИАЛЕКТНОЕ СЛОВО И НАРОДНЫЙ МЕНТАЛИТЕТ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

Осеняет Словесное дерево
Избяную, дремучую Русь!

Н. Клюев

Тема «диалектизмы в художественных текстах» является достаточно изученной, вспомним в первую очередь хорошо известные работы [Ларин 1935; Прохорова 1957; Оссовецкий 1971; Петрищева 1984]. Однако исследование роли диалектного слова в творчестве каждого конкретного писателя открывает новые аспекты этой проблемы. Подтверждение тому — замечательная статья В. Е. Гольдина «Народно-разговорное диалектное начало в поэзии Н. Клюева» [Гольдин 1995], в которой автор утверждает, что мировоззрение поэта определило особую ценность для него местного, «мужицкого», слова. Как следует из анализа творчества поэта, его идеалом являлся традиционный мир крестьянского дома, семьи, живущей в гармонии с природой. Поэтому диалектная речь как один из главных элементов традиционной крестьянской культуры стала символом нравственных ценностей: «В сознании Н. Клюева местная крестьянская речь соответствовала первым членам оппозиции "родное—чужое", "старое—новое", "истинное—ложное", "святое—греховное", "прекрасное—безобразное"» [Гольдин 1995]. Позиция Клюева разделялась другими «новокрестьянскими» поэтами: С. А. Клычковым («Потаенный сад», «Домашние песни»), П. В. Орешиным («Зарево», «Соломенная плаха», «Откровенная лира»), а также С. Есениным.

Таким образом, диалектное слово во многих произведениях художественной литературы становится не просто средством речевой индивидуализации героя, этнографически достоверного описания быта и пейзажа, способом внесения экспрессивной окраски или лирического начала, но непосредственным носителем нравственного идеала. Традицию Н. Клюева продолжили в современной литературе такие известные писатели, как А. И. Солженицын, В. А. Солоухин, Ф. А. Абрамов, В. И. Белов.

Именно такое отношение к народному языку выражено в рассказе А. И. Солженицына «Матрёнин двор»:

Меня **поразила** (здесь и далее полужирный шрифт наш. — *И. Б., О. К.*) **ее речь**. Она **не говорила, а напевала умильно**, и **слова** ее были **те самые**, за которыми **потянула меня тоска** из Азии:

Пей, пей с душою желадной. Ты, потай, приезжий?

А вы откуда? — **просветлел** я.

И узнал, что не всё вокруг торфоразработки, что есть за полотном железной дороги — бугор, а за бугром — деревня, и деревня эта — Тальново, испокон она здесь, ещё когда была барыня-«цыганка» и кругом лес лихой стоял. А дальше целый край идёт деревень: Часлицы, Овинцы, Спудни, Шевертни, Шестимирово — всё поглуше, от железной дороги подале, к озёрам.

Ветром успокоения потянуло на меня от этих названий. Они обещали мне кондовую Россию.

В данном отрывке автор использует не только обычную прямую речь, но и несобственно-прямую речь, чтобы показать элементы синтаксического строя и отдельные слова, присущие говору. Он вплетает их в ткань авторского повествования, создавая единое лирическое полотно.

Понимание народно-разговорной речи как знака праведного начала приводит к тому, что диалектное слово используется многими писателями именно в тех случаях, когда они обращаются к концептам, особенно важным для традиционного крестьянского сознания, например **дом, труд, праздник, смерть** и др.

Так, в народной культуре дом является средоточием всех жизненных интересов семьи — достатка, счастья, согласия, здоровья. Дом — символ единства всего рода: тех, кто живет ныне, и тех, кто жил прежде. От поколения к поколению передаются традиции семьи и крестьянского мира, связанные с работой, ведением хозяйства, в том числе и строительством, обустройством самого жилища. «Изба для славянина была поэтому не только домом, в обиходном смысле этого слова, местом жилья; она представлялась ему таинственным капищем, в котором пребывало благотворное светлое божество очага и в котором совершались обряды в честь этого пената... Изба была первым языческим храмом» [Афанасьев 1986]. (Ср. севернорусское название большого дома *хоромы* и *храм* — место богослужения.) Вот почему внутренняя планировка дома — расположение печи, большого (красного) угла, лавок, стола, колыбели — всегда была значима и сохранялась на протяжении веков. Такое положение вещей находит воплощение в поэзии Клюева: «...изба — центр крестьянского мира, а зыбка в избе — мерное движение в покое, здоровый сон живого, родное гнездо, место вскармливания, поэтому зыбка не только часто упоминается Клюевым, но и выступает основанием сравнений (“*Изба дремлива, словно зыбка, // Где смолкли горести и боль*”), метафор обобщенно-космического характера, отражающих идею избы-мира» [Гольдин 1995]. Особое, тре-

петное отношение поэта к деревенскому жилищу хорошо осознавалось его современниками. К. М. Азадовский цитирует высказывание одного из них по поводу стихотворения Клюева «Вешние капели, солнопек и хмара»: «Его "избяные песни" точно, шаг за шагом, передают своеобразную жизнь избы, особенности ее быта, обычая, ее радостей и печалей, звон смеха и грусть ее слез, ее религиозные верования, суеверия, ее языческое любование жизнью» [Азадовский 1986]. В своей преданности крестьянским устоям Клюев не был одинок, и в поэзии С. Есенина крестьянское жилище (хата/изба) становится живым существом, очеловечивается:

О красном вечере задумалась дорога,
Кусты рябин туманней глубины.
Изба-старуха челюстью порога
Жует пахучий мякиш тишины.

А в ряде стихотворений выступает символом Родины, уходящей Руси:

Гой ты, Русь, моя родная,
Хаты — в ризах образа...
Не видать конца и края —
Только синь сосет глаза.

У следующего поколения поэтов, таких как Н. Рубцов, А. Яшин, А. Прасолов, крестьянский дом тоже выступает символом Родины, покоя и счастья, хранителем нравственных идеалов.

Многочисленны описания крестьянского дома и на страницах прозаических произведений, особенно у писателей, для которых диалектное слово — знак положительного начала. Роль подобного рода описаний особенно велика, поскольку связана с пониманием авторской позиции. Вспомним, как описывает крестьянское жилье в повести «Деревянные кони» Ф. А. Абрамов — сам выходец из архангельской деревни: «Ах, какой это был дом! Одних только жилых помещений было четыре: изба-зимовка, изба-летница, вышка с резным балкончиком, горница боковая. А кроме них были еще сени светлые с лестницей на крыльцо, да клеть, да поветь саженей семь в длину — на неё, бывало, заезжали на паре, — да внизу, под поветью, двор с разными стайками и хлевами.

И вот, когда не было дома хозяев (а днем они всегда на работе), для меня не было большей радости, чем бродить по этому удивительному дому. Да бродить босиком, не спеша. Вразвалку. Чтобы не только сердцем и разумом, подошвами ног почувствовать прошлые времена».

Показателен и значим в описании выбор языковых средств — мы видим перечень лексических и семантических диалектизмов: *изба-зимовка, изба-летница, вышка, горница, сени, клеть, поветь, двор, стайки*. Диалектные слова в данном случае не объясняются, значения некоторых из них приблизительно понятны из контекста или мотивированы, о значении других можно догадаться, но, на наш взгляд, это не небрежение, а один из

художественных приемов: автора не заботит точность понимания, поскольку именно туманность, недосказанность, некая «тайнопись» придает романтический ореол этому удивительному, чудесному обиталищу крестьянского рода. Вообще в произведениях Абрамова часто дается описание дома, в котором, как правило, присутствуют диалектизмы: *полати*, *задоски*, *поветь*, *надворье*, *девочешник*, *подклет* и др. Оно всегда несет в себе положительное, умиротворяющее начало (и запах в доме удивительный, и золотом горят стены, и дышится по-особому, и на божнице теплится лампадка), причем дом старинный, традиционный противопоставляется новому, современному жилью, бездушному, холодному по отношению к человеку. Таким образом, с любовью обустроенный дом, сам становясь одним из героев произведения, выступает как способ положительной характеристики своего хозяина. Но возможно и другое отношение к основным ценностям крестьянской жизни.

Иначе концепт «дом» представлен в романе А. Приставкина «Городок». Главный герой произведения, Григорий Афанасьевич Шохов, выходец из деревни, мечтает о собственном доме, а потом и строит его своими руками. Но для него дом — прежде всего постройка, здание, а не обиталище семьи, рода. По наблюдениям Ю. Н. Караулова, тема дома появляется уже на первых страницах романа, постепенно обрастая в речи Шохова «ореолом синонимов, метафорических и метонимических обозначений (домик, дворец, крепость, жилье, изба, избушка, хоромина, хата, стены, крыша...)» [Караулов 1987: 82]. Этот концепт является ключевым для понимания духовных ценностей всех персонажей романа. Для автора стремление героя к собственному дому — знак собственничества, индивидуализма, который искажает личность человека, подчиняя себе все другие жизненные приоритеты: мастерство, товарищество, семью. Приставкин использует тему дома для развенчания героя, в романе противопоставляется менталитет Шохова (крестьянский в своей основе) менталитету интеллигента: для последнего дом — понятие, скорее, интеллектуальное, поскольку дом там, где сам человек, его книги, его друзья.

Важную смысловую и композиционную роль играет описание дома в программном рассказе А. И. Солженицына «Матрёнин двор». Это произведение автобиографично, жизнь и смерть Матрёны Васильевны Захаровой воспроизведены достоверно, так, как было в действительности. Подлинное название деревни — Мильцево, Курловского района, Владимирской области.

Дом Матрёны стоял тут же, неподалеку, с четырьмя оконцами в ряд на холодную некрасную сторону, крытый щепою, на два ската и с украшенным под теремок чердачным окошком. Дом не низкий — восемнадцать венцов. Однако изгнивала щепа, посерели от старости брёвна сруба и ворота, когда-то могучие, и проредилась их обвершка...

Дворик не был крыт, но в доме многое было под одной связью, за входной дверью внутренние ступеньки поднимались на просторные *мосты*, высоко осенённые крышей. Налево еще ступеньки вели вверх в *горницу* — отдельный сруб без печи, и ступеньки вниз, в подклеть. А направо шла сама изба, с чердаком и подпольем.

Строено было давно и добротно, на большую семью, а жила теперь одинокая женщина лет шестидесяти.

Говоря о жилье героини, автор употребляет диалектизмы, даже выделяет некоторые из них курсивом. Подробный рассказ о доме является характерологическим для персонажа, прожитой им жизни, таким образом проводится параллель: облик-судьба дома — облик-судьба героя. Оттого само обустройство жилища становится поводом для размышления писателя о крестьянской жизни.

... русская печь, как я пригляделся, неудобна для стряпни: варка идёт скрыто от стряпухи, жар к чугунку подступает с разных сторон неравномерно. Но потому, должно быть, пришла она к нашим предкам из самого каменного века, что, протопленная раз на досветьи, весь день хранит в себе тёплыми корм и пойло для скота, пищу и воду для человека. И спать тепло.

Приведенные строки свидетельствуют, что обычный ход крестьянской жизни, ее быт, нравы новы для автора, в связи с этим в повествовании неоднократно встречаются слова *заметил*, *узнал*, поэтому диалектные слова часто даны курсивом. Взгляд рассказчика на деревенское бытие — взгляд со стороны, «снаружи». В этом отличие его от произведений Абрамова и других писателей, чьи корни — в крестьянстве. Абрамов описывает деревню изнутри, будучи сам ее частью.

Автор с интересом и вниманием наблюдает за простой жизнью Матрёны, до мелочей описывая ее убогий быт с «*картовью* необлупленной» или с «*картонным* (так выговаривали все в деревне)» супом, на завтрак и «*к ужоткому*» с четким, раз и навсегда заведенным порядком.

Вообще, приглядываясь к Матрёне, я замечал, что, помимо стряпни и хозяйства, на каждый день у неё приходилось и какое-нибудь другое немалое дело; закономерный порядок этих дел она держала в голове и, проснувшись поутру, всегда знала, чем сегодня день ее будет занят.

Действительно, бытие деревни во все времена было более упорядоченным, так как связано с работой на земле, а значит, с цикличностью времен года. Раз и навсегда заведенный порядок, регламент проступает во всех жизненных коллизиях, закрепляясь обычаем, обрядом. В медленном, плавно текущем повествовании через предметы, поступки, а главное работу проступает характер героини, доброй, отзывчивой, просветленной, готовой всем помогать. Вероятно, сам того не подозревая, автор рассказывает о народном обычае, широко распространенном в русской деревне, — коллективной помощи в работе: Матрёну то и дело зовут *пособить* — картошку докапывать. Кстати отметим, в говорах описываемой Солженицыным местности, что хорошо известно диалектологам, этот обычай носит название *пособье*. В тексте часто приводится насыщенная диалектными словами и выражениями речь героини, которая явно умиляет автора: «Теперича я *зуб наложила*, Игнатич, знаю, где брать, — говорила она о торфе. — Ну и местечко, *любота* одна!.. Тут как зима закрутит

да *дуель* в окна, так не столько топишь, сколько выдувает. *Летось* мы торфу натаскивали *сколища*! Я ли бы и теперь три машины не натаскала?» (курсив наш). Автор передает синтаксический строй народно-разговорной речи своей героини, элементами которой окрашено и авторское повествование.

Антиподом Матрёны выступает ее «несостоявшийся» муж Фаддей, жадный и жестокий человек. И хотя он тоже уроженец здешних мест, однако, в отличие от главной героини, его речь лишена диалектных черт. Фаддей становится косвенным виновником гибели Матрёны, требуя, чтобы Матрёна еще при жизни отдала горницу, завещанную своей воспитаннице, его дочери, но для этого нужно было рушить часть дома.

Не жалко было [Матрёне] саму горницу.., как вообще ни труда, ни добра своего не жалела Матрёна никогда... Но жутко ей было начать ломать ту крышу, под которой прожила сорок лет. Даже мне, постояльцу, было больно, что начнут отрывать доски и выворачивать брёвна дома. А для Матрёны было это — конец её жизни всей.

Так оно и случилось: при перевозке горницы героиня погибает. Нет больше дома — нет и его хозяйки. Разрушение дома разрушает и жизнь человека.

Первоначально А. И. Солженицын озаглавил рассказ афористично: «Не стоит село без праведника». Уже в самом названии давалась характеристика Матрёны и она противопоставлялась большинству односельчан, которым свойственны столь знакомые человеческие слабости и пороки: корысть, себялюбие, хитрость. А. Т. Твардовский (а рассказ был опубликован в «Новом мире») предложил иное название — «Матрёнин двор». И оно по сути более удачно.

Слово *двор* употреблено здесь не в диалектном значении, присущем большинству говоров, в том числе владимирских, 'постройка или место для скота при доме', а в литературном — 'крестьянский дом со всеми хозяйственными постройками, отдельное крестьянское хозяйство'.

Это название лишено морализаторского начала и на первый взгляд кажется простым. Но в контексте произведения понятие «двор» расширяет свои границы, приобретая метафорическое значение, — это особый мир, космос Матрёны, с ее отличным от окружающих отношением к жизни, и не на бытовом уровне, а на этическом. Она (и ей подобные люди) — истинная хранительница исконных ценностей жизни.

Логическим завершением рассказа являются похороны Матрёны. Перед нами разворачивается обряд. Вновь рассказчик внимательно наблюдает за происходящим, расшифровывая поступки окружающих:

Самый же плач доставалось вести родственницам. В плаче заметил я холодно-продуманный, искони заведенный порядок. Те, кто подале, подходили к гробу ненадолго и у самого гроба **причитали** негромко. Те, кто считал себя покойнице роднее, начинали плач еще с порога, а достигнув гроба, наклонялись **голосить** над самым лицом усопшей. Мелодия была самодеятельная у каждой плакальщицы. И свои собственные излагались мысли и чувства.

Тут узнал я, что плач над покойником не просто есть плач, а своего рода политика...

В нем родные излагали свой взгляд на причину смерти, на то, кто же виноват в гибели Матрёны и как следует распорядиться оставшимся от нее имуществом.

Так плачи сестёр были обвинительные плачи против мужниной родни: не надо было понуждать Матрёну горницу ломать. (А подспудный смысл был: горницу-ту вы взять-взяли, избы же самой мы вам не дадим!) (...)

Мужнина родня — Матрёнины золовки, сёстры Ефима и Фаддея, и еще племянницы разные приходили и плакали (...)

(И изо всех этих причитаний выпирал ответ: в смерти её мы не виноваты, а насчёт избы еще поговорим!)

Эти плачи обращены не только к погибшей, но и к живым собравшимся: цель сестер — заклеймить в корысти наследников с мужниной стороны, обвинить их в смерти и показать свою чистоту и добропорядочность, а противной стороне следовало оправдаться в глазах общества, снять с себя вину за гибель Матрёны. Приведенный фрагмент отражает черты старинных плачей, в которых родичи стараются задобрить покойника, чтобы он не затаил на них обиду и тем самым не навлек на род несчастья или даже смерть. И в то же время Солженицын тонко подмечает, что этому плачу присущ современный меркантильный подтекст — препирательство по поводу наследства.

Но широколицая грубая «вторая» Матрёна... сбивалась с этой политики и простовато **вопила**, надрываясь над гробом: «Да ты ж моя сестричка! Да неужели ж ты на меня обидишься... Ох-ма! ...И прости ты меня, горемычную! Ох-ма!.. И ушла ты к своей матушке, а, наверно, ты за мной заедешь! Ох-ма-а-а!..»

На этом «ох-ма-а-а» она словно испускала весь дух свой — и билась, билась грудью о стенку гроба. И когда плач её переходил обрядовые нормы, женщины, как бы признавая, что плач вполне удался, все дружно говорили: «Отстань! Отстань!» (...) Вышла тогда из угла старуха древняя и, положа Матрёне руку на плечо, сказала строго: «Две загадки в мире есть: как родился — не помню, как умру — не знаю».

И смолкла Матрёна тотчас, и все смолкли до полной тишины.

Как видно из текста, описывая похоронный обряд, Солженицын употребляет три глагола: *причитать*, *голосить* и *вопить*. Два первых являются литературными, обозначая именно обрядовый плач, третий присущ местному говору [ДАРЯ 1998] и употреблен автором лишь в том случае, когда речь идет об искреннем плаче «второй» Матрёны, по эмоциональности даже выходящем за положенные по обычаю нормы.

С древности похоронный обряд был наполнен *причитаниями, голошениями,* которые начинали звучать сразу же после наступления смерти. Плач оповещал всех о постигшей семью утрате. Этот древний обряд имел ярко выраженные магические функции. Совершая его, родные стремились облегчить умершему переход в иной мир, ведь путь на «тот

свет», судя по словам плача, рисовался полным трудностей, преодоления сложных препятствий: реки, гор, леса — словом, «дорожкой мутарсливой», мучительной. Громкий голос, по воззрениям древних славян, обладал магической, охранительной силой, защищая живых от воздействия смерти. Поэтому «голошение... отличается особенно интенсивным, напряженным звучанием.., и это также объясняется адресованностью ритуала и самого голоса иному, нездешнему миру. Голос звучит здесь, на земле, но его адресат находится за пределами этого мира» [Толстая 1999: 144—145]. Кроме того, представлялось крайне важным, чтобы покойник не затаил обиды на живых родственников, так как он становился посредником между тем и этим мирами.

Трагической кульминацией был, безусловно, день погребения, когда плачи звучали и при выносе гроба из дома, и по дороге в церковь, и на кладбище, и больше всего на могиле. «Совершаемый над умершим погребальный обряд не только обеспечивал беспрепятственный переход души из области жизни в область смерти, но и защищал живых от последствий соприкосновения со смертью (ср. такие действия, как закрывание глаз, завешивание зеркала, ночное бдение при покойнике и т. п.)» [Славянская мифология 1995]. Причитали, голосили, как правило, близкие — причем только женщины — или, если они не умели, приглашенные профессиональные плакальщицы-вопленицы. Голошение порой становилось подлинно поэтическим действием, полным печальных импровизаций. Традиционно плач строился как цепь восклицательно-вопросительных предложений, риторических обращений к покойному: *Али мы тебя не любили, али чем прогневили?*; *Не утай, скажи, косата моя ластушка. Ты на чье нас покидаешь доброумьице?*

Надо сказать, что ритуальный плач сопровождал еще два обряда — свадьбу и проводы в армию, т. е. все те события, которые связаны с рубежом, переходом из одного состояния в другое. Считается, что первичным, давшим начало другим, было именно похоронное голошение.

Во многих деревнях плачам, как прядению, начинали учить девочек с малолетства. Здесь считалось неприличным приглашать профессиональных вопленицы. В тех местах, где «дозволялось» наемное голошение, на похороны чаще звали одних плакальщиц, а на свадьбу — других.

В русских говорах распространены следующие глаголы, обозначающие обрядовый плач: *вопить*, *выть*, *голосить*, *голосовать*, *кричать*, *плакать*, *причитать*, *причитывать*, *реветь*, *рявкать*, *скугорить* [ДАРЯ 1998]. Большинство этих слов в говорах многозначно. Понять различия в значении перечисленных лексем помогают наблюдения С. М. Толстой: «Лексическое поле обрядового голошения в славянских языках достаточно насыщено. В него входят слова трех основных семантических групп: "кричать", "плакать" и "петь"» [Толстая 1999: 145]. Как видно из приведенных примеров, в русском языке шире распространены глаголы с семантикой «кричать»: *вопить*, *выть*, *голосить*, *кричать*, *реветь*, *рявкать*, что связано с обязательной интенсивностью звучания голоса (см. выше).

Причитаниям свойственны устойчивые метафорические замены тех слов, которые обозначают умершего, гроб, отношения родства и т. п. Живые опасались произносить их, чтобы не привлечь к себе злых сил, новой смерти. В связи с этим в плаче возникало табу, запрет на слова, связанные со смертью, например умерший муж именовался *законная семеюшка, надежная головушка.* Поэтому и у Солженицына покойница Матрёна в плачах нигде не названа по имени, лишь *тётанька, нянька, сестричка, лёлька.* Обряд причитания над покойником восходит к глубокой древности, отражая языческие верования народа. В традиционных плачах показана борьба со смертью и желание перехитрить ее.

Первые документальные свидетельства об обычае плача-причитания у восточных славян относятся к XI в. В Древней Руси этот обычай существовал и в княжей, и в крестьянской среде. Черты обрядового причета мы встречаем в плаче Ярославны: «Полечу кукушкою по Дунаю» (Слово о полку Игореве). Но с XVIII—XIX вв. причеты постепенно исчезают из обихода высших слоев населения и из городской культурной традиции, сохраняясь лишь в деревенской среде, наиболее патриархальной, закрепляющей архаические черты. Пришедший из глубокой древности, плач сохраняется до нашего времени как яркая характеристика патриархальности, неизменности народного сознания. Этим объясняется и частый показ обряда в литературе. А. С. Пушкин обращается к народному плачу в «Борисе Годунове» (начало сцены «Царские палаты», плач Ксении Годуновой), в «Капитанской дочке» (глава «Приступ», причитания капитанши Мироновой о погибшем муже); Н. А. Некрасов, хорошо знавший народную речь и обряды, в поэме «Мороз, Красный нос» приводит глаголы, бытующие в его родных ярославских говорах:

Не ветер гудит по ковыли,
Не свадебный поезд гремит, —
Родные по Прокле *завыли,*
По Прокле семья *голосит.*

В повести «Деревня» И. А. Бунин, уроженец Орловской губернии, описывая похороны, употребляет глагол, распространенный в этих местах: «...Родьку схоронили. Молодая *голосила,* провожая гроб, так искренне, что была даже неприлична, — ведь эта голосьба должна быть не выражением чувства, а исполнением обряда». Писателем тонко подмечены не только диалектные слова, но и суть действа, установленного традицией, где важен и значим сам порядок его проведения, сам ритуал, а не подлинные чувства близких, выказывание коих считается даже неприличным.

А В. И. Белов, исследуя традиции Вологодской земли в книге «Лад», рассказывает о профессиональных плачеях: «Нанятая плачея могла моментально преобразиться, перебить плач каким-нибудь обыденным замечанием и завопить вновь... Другое дело, когда причитают близкие родственники или когда смерть преждевременна. Здесь традиционная форма принимала личную эмоциональную, иногда глубоко трагическую окраску».

Таким образом, в плачах, которые мы встречаем в литературе, могут использоваться как диалектные слова, так и фольклорные формы, традиции, свойственные данному жанру. Часто в произведениях приводятся реальные плачи, записанные от настоящих вопленицы. В этом ряду стоит плач, приводимый А. И. Мельниковым-Печерским в романе «В лесах»:

«Приехавшая без зова на поминки знаменитая плачея Устинья Клещиха с двумя вопленицами завела поминальный плач, пока поминальщики ели кутью на могиле:

Уж ты слышишь ли, мое милое дитятко,
Моя бедная лебедушка?
Уж ты видишь ли из могилушки
Свою матушку родную?
Дождалась ты меня, горе-горькую,
Собралась я к тебе в гости скорешенько,
Не на конях я к тебе приехала —
Прибежала на своих резвых ноженьках,
Мои скорые ноженьки не тянутся,
Белы рученьки не вздымаются,
Очи ясные не глядят на белый свет!
И мне нету ласкового словечушка,
И мне нету теплого заветерья!
Не ясен день без красного солнышка,
Не весело жить без милой доченьки!

Пропели вопленицы плачи, раздала Никитишна нищей братии "задушные поминки", и стали с кладбища расходиться» [Мельников 1977, 2: 128—129].

Мельников начиная с оренбургского периода был помощником В. И. Даля, привозил из поездок по краю словарные материалы, записи сказок, лирических и исторических песен, легенд, малых фольклорных жанров. Он достаточно серьезно занимался исследованием жизни старообрядчества, монашества, патриархального крестьянства, купечества, хлыстовской секты. Разнообразие этнографического материала отличает дилогию «В лесах» и «На горах», в которой обращено особое внимание на последовательный традиционализм русского народа.

Надо заметить, что образованному обществу XIX в. было свойственно уважительное отношение к народному языку, быту, традициям. На рубеже веков бурно развивалась диалектология, крупные ученые-русисты были, помимо прочего, и диалектологами.

Ситуация кардинально меняется в 30-е годы XX в. В силу известных политических причин (уничтожение деревни в эпоху коллективизации) прогнозируется даже лингвистами скорое исчезновение диалектов, а в обществе утверждается и становится господствующим презрительно-пренебрежительное отношение к говорам. Результатом подобной установки

явилось частичное разрушение традиционной культуры крестьянства, в том числе языка.

Глубокие и горькие размышления о судьбе русских говоров и их носителей содержатся в книге М. В. Панова «История русского литературного произношения XVIII—XX вв.»: «Те, кто говорят диалектно, стали стыдиться своей речи. И раньше, бывало, стыдились, если попадали в городскую, недиалектную среду. Сейчас и в своей семье старшие слышат от младших, что они, старшие, говорят "неправильно", "некультурно". Голос лингвистов, советующих сохранять уважение к диалекту и использовать местную речь в семье, среди односельчан (а в иных условиях пользоваться речью, которой учит школа),—этот голос не был услышан. Да и звучал он тихо, не широковещательно» [Панов 1990: 54—55].

Современное общество, ищущее точку опоры для возрождения, пытающееся обрести национальную идею, должно изменить отношение к традиционной народной культуре, к диалектам в целом. Изучение в школе и вузе произведений, подобных рассказу А. И. Солженицына «Матрёнин двор», поможет новому поколению понять своих предков, увидеть то лучшее, что было и есть в характере народа.

Воспитанию подлинного интереса, уважения, любви к русскому языку посвятил свою научную и педагогическую деятельность выдающийся лингвист—фонетист, морфолог, исследователь языка художественной литературы, автор школьных и вузовских учебников Михаил Викторович Панов.

Литература

Абрамов Ф. А. Пряслины. М., 1974.

Абрамов Ф. А. Деревянные кони. М., 1975.

Азадовский К. М. Ю. М. Соколов и Н. А. Клюев // Русский Север. Проблемы этнокультурной истории, этнографии, фольклористики. Л., 1986.

Афанасьев А. Н. Религиозно-языческое значение избы славянина // Народ-художник. Миф. Фольклор. Литература. М., 1986.

Белов В. И. Лад. Очерки этических и эстетических воззрений крестьянства. М., 1984.

Гольдин В. Е. Народно-разговорное диалектное начало в поэзии Н. Клюева // История и география русских старообрядческих говоров, М., 1995.

ДАРЯ 1996—Диалектологический атлас русского языка. Центр Европейской части России. Вып. III. Синтаксис. Лексика. Комментарии к картам. М., 1996.

ДАРЯ 1998—Диалектологический атлас русского языка. М., 1998. Ч. III. Вып. 1. Карта 96 (автор Н. Н. Пшеничнова).

Есенин С. А. Избранное. М., 1969.

Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М., 1987.

Ларин Б. А. Диалектизмы в языке советских писателей // Литературный критик. 1935. Кн. 11.

Мельников П. И. (*Андрей Печерский*). В лесах. Кн. 2. М., 1977.

Оссовецкий И. А. Диалектная лексика в произведениях советской художественной литературы 50—60 гг. // Вопросы языка современной русской литературы. М., 1971.

Панов М. В. История русского литературного произношения XVIII—XX вв. М., 1990.

Петрищева Е. Ф. Стилистически окрашенная лексика русского языка. М., 1984.

Приставкин А. Городок. М., 1985.

Прохорова В. Н. Диалектизмы в языке художественной литературы. М., 1957.

Славянская мифология. Словарь. М., 1995.

Солженицын А. И. Рассказы. М., 1990.

Толстая С. М. Обрядовое голошение: лексика, семантика, прагматика // Мир звучащий и молчащий. Семиотика звука и речи в традиционной культуре славян. М., 1999.

В. П. Григорьев
Москва

ВЗЛЕТЫ И ПАДЕНИЯ АВАНГАРДА

Известен давний и устойчивый интерес Михаила Викторовича Панова к явлениям так называемого русского авангарда. В последние годы наблюдается рост всеобщего внимания гуманитариев к его проблемам. Различные издания, более или менее систематические конференции, все активнее заявляющая о себе многообразная практика (и «теория») самодостаточного и самодовольного или по-своему вдумчивого так называемого «второго авангарда», как кажется, застают исследователей в некоторой растерянности: опубликованы богатейшие материалы, введены в научный оборот многие интереснейшие соображения, преодолено множество застарелых стереотипов, но даже элементарный «хронотоп» авангарда специалисты трактуют наособицу, поскольку не достигнуто минимального единства в понимании системы важнейших авангардных идеологем, не выработано мало-мальски приемлемой для всех общей концепции «Авангарда с большой буквы».

Попробуем обсудить несколько типовых и конкретных ситуаций, которыми пока в той или иной мере определяются затруднения в развитии теории русского авангарда. Наши соображения, отнюдь не претендующие на общезначимость, связаны прежде всего с опытом изучения идиостиля Велимира Хлебникова, *Вехи* (в 1918 г. — один из его псевдонимов), этого настоящего «авангардного чуда нашего века», но в немалой степени, пусть не всегда в явной форме, их поддерживает и коллективная работа над словарем русской поэзии XX века «Самовитое слово», который представляет образные контексты десяти крупнейших поэтов, упорядоченные по общему словнику и хронологии[1].

1. Июнь 1922 г. Велимир (Виктор Владимирович) Хлебников, русский, православный, 36-ти лет, первый Председатель Земного шара и совершенно «особый случай» в культуре века, умирает в Новгородской глуши на руках верного друга — художника Петра Митурича. «Тяжело тебе умирать?» — спрашивает поэта ухаживавшая за ним простая и жалостли-

[1] См.: Самовитое слово. Словарь русской поэзии XX века. Пробный выпуск: *А—А-юрей* // Приложение к журналу «Русистика сегодня». М., 1998.

вая баба-крестьянка. «Да», — было его последним словом. Так и назван известный рисунок Митурича: необыкновенное обаяние «божьего человека» вполне «мирской» Хлебников сохранил до последней минуты. Единственный в своем роде Будетлянин, «Колумб новых поэтических материков» (по словам Маяковского), кажется, просто заснул на дощатом смертном ложе. Сейчас он проснется, поднимется и продолжит свое дело увещевания: «Поймите, люди, да есть же стыд же (...)»

Хлебников явился высочайшей вершиной русского авангарда. Парадигма русского символизма, — условно говоря, «парадигма Блока» 10-х годов, «преодолевалась» очень по-разному «акмеистами» Ахматовой и Мандельштамом, «футуристом» Маяковским, недолгим, неправоверным «центрифугистом» Пастернаком, «безмерной беззаконницей» Цветаевой. Поэтика каждого поэта неповторима. Наши интуитивные читательские представления о поэтических идиолектах (как и о языке эпохи в целом) дают возможность фиксировать их своеобразие и выносить им те или иные оценки, в соответствии с нашими эстетическими аксиологиями. От разного рода докучливых методологических, гносеологических, этических и других моментов эти аксиологии могут быть «по факту» вполне или частично автономны.

Но автономия становится невозможной и недопустимой при переходе с идиолектного уровня на идиостилевой, когда в интеридиостилистике мы оказываемся перед необходимостью сопоставления не идиолектных поверхностей художественных мировоззрений, а всех их идиостилевых глубин. Опыта же, достаточного для того, чтобы взаимные проективные методики вышли на приемлемый для большинства исследователей уровень и приобрели всеобщее признание, филология пока не имеет. Тем более значимыми становятся отдельные сопоставления идиостилевых фрагментов, касающихся сходств и различий между поэтами на «уровне эвристических принципов» творян. «Падения» авангарда могут быть связаны с недооценкой, а то и неосмысленными утратами в творчестве последующих поколений каких-то важных «достигов» у предыдущих.

Пример подобной утраты — глубокий хлебниковский «принцип единой левизны»[2]. О нем стало известно только в 80-е годы, но и в конце 90-х он не привлек к себе заметного внимания. Между тем, будь иначе, возможно, и памятная всем печальная судьба безновоязычного «нового мышления» М. С. Горбачева чему-то научила бы нас — если не политиков, то филологов или хоть лингвистов.

2. Но мы, филологи, не слишком далеко ушли от политиков, каких и заслуживали. (То же относится и к филологически образованным поэтам.) Не надо было и знать, что «левое» (т. е. новое) «по мысли» невозможно без «левого» (т. е. нового) «по слову», чтобы не обходить боязливо

[2] О нем уже не раз приходилось писать. См., например: Русистика сегодня. 1996. № 1. С. 3—28, и в моей книге «Будетлянин» (М., 2000; в ней затронуты и многие из обсуждаемых ниже проблем).

учение Хлебникова о «самовитом слове»[3]. И вот заумь Крученых торжествует сегодня над этим учением в любом из десятков разветвлений постмодернизма[4]. Заметим, что претензии многих раскрученных нами же постмодернистов, особенно «логосоедов», на «авангардность» просто рассыпаются в прах при сопоставлении со словом Хлебникова. Но Хлебникова привычнее «признавать так сказать» (А. Белый), как бы поклоняться ему, но «на расстоянии», чем осваивать его заветы. (Броская поэтика Бродского, тройка—пятерка его «веховских» реминисценций не свидетельствуют о его стремлении освоить «принцип единой левизны», в целом чужой для этого поэта, так увлеченно пользовавшегося инерцией собственного эффектного, но эгоцентрического идиолекта в известном противостоянии «открытому (со)обществу» важнейших отечественных авангардных идиостилей; и высокая оценка Бродским Цветаевой, как до того — Пастернаком, здесь сама по себе недостаточна и в счет не идет.)

Осваивать их, «заветы» Хлебникова, в 30-е годы усиленно стремился Мандельштам (после него — по-настоящему, на идиостилевом, а не внешних уровнях — больше, кажется, никто). Об идее особой близости Мандельштама к Хлебникову, которая еще и сегодня далеко не стала общепризнанной, возможно, кто-то даже станет утверждать, что эта проблематичная близость «вершин будетлянства и акмеизма» если и крепнет, то уж во всяком случае где-то в очевидно «поставангардном» пространстве. Но в ответ возникает мысль о том, что в «авангардном» XX веке следует различать два «авангардных течения»: АВАНГАРД и авангард, — и о еще длящемся (при временном торжестве полустёба), пусть латентном, периоде все-таки «настоящего Авангарда»[5].

Наблюдаемое «падение» классического, высокого Авангарда связано не с полуигровым поклонением разным визуальным etc. «*зау*-символам» наших дней. Они, скорее всего, лишь эмблемы противостояния *Вехи* (еще раз подчеркну этот существенный псевдоним Будетлянина; ср. перевертень: *В. Х.* > *Х. В.*) изжившим себя парадигмам «соцреализма» и «соцарта», «обэриутства» и квазифутуристского авангард-изма, как и пародической саморекламе и глухоте, неспособности таких «игрунов» к диалогу с высокой, лишь по имени двусмысленно лицедейской (ср. стихотворение «Одинокий лицедей» у Вехи), «Игрой по-крупному», которую вели «без дураков» (но не отказывая себе и в «карнавальности») Пушкин и Хлебников. Шумные претензии постмодернизма или лихая всеядность «Ньюэйджа» замешены и на нелепом для конца века *нехотяйстве* «людей искусства и науки» осмыслить то, что можно назвать «уроками Будетлянства». Но

[3] См.: Самовитое слово. С. 10—12.

[4] См. работы G. Janecek'a, а также, к примеру: Второй Терентьевский сборник. М., 1998; *Бирюков С. Е.* Теория и практика русского поэтического авангарда. Тамбов, 1998; Новое литературное обозрение (НЛО). 1997—1999.

[5] Едва ли не все работы автора настоящей статьи, начиная примерно с 1992 г., исходят из подобных, но не всегда развернуто эксплицируемых предположений.

ведь лентяи-философы тоже удовлетворяются тем, что отдают Хлебникова на токующий откуп К. Кедрову... Что им-то за последние 10—15 лет мешало «разобраться»?

Закон «обманутого ожидания»! Почти непредсказуемо он действует и в литературе о литературе, кто бы ни толковал ее: Хлебников — или Крученых; Якобсон и Лотман — или Ермилов и Выходцев; а в наши дни такие разные (Б. М. и М. Л.) Гаспаровы, И. Роднянская, А. Жолковский, (Н. и Т.) Ивановы, О. Свиблова и О. Седакова, Вл. Новиков, А. Немзер, В. Руднев; И. Смирнов, М. Эпштейн, Вл. Паперный etc. — или же матерые ерники, из «взявшихся за руки друзей» мимикристов-мавродистов, Викт. Ерофеев и Д. Пригов с их идеей обнаженно «...лядского осмысления жизни» и эпатажным намерением «строить контекст мировой культуры по чебурекам», В. Курицын и целый легион дневальных в казармах постмодернистов, «образованцев», присяжно-элитарных хохмачей. Но так очевидно разномыслие-разноязычие и между ними, что возникает нелегкий вопрос о причинах чересчур многочисленных противоречий в науке и критике, разноголосицы и недомолвок в оценках не только Вехи, но и самого Авангарда[6].

3. Даже вполне пристойные, благонамеренные и устоявшиеся за целые десятилетия аксиологии с условным признанием Вехи существенно искажают реальную картину движения духовных завоеваний XX века. Не исключено, что мы проглядели Будетлянина как отечественную, действительно великую культурную гордость и «национальную идею». Увлеченные блеском «элитных» писательских и иных обойм, кажется, мы сами вольно или невольно эту уникальную (даже на фоне Блока, Маяковского, того же А. Белого etc.) *за-языковую личность*, эту нашу ценность мирового масштаба, не просто еще одного выдающегося поэта, а уникального поэта-ученого и поэта-мыслителя, бездумно оттеснили на обочину нашего Авангарда и культуры, исполненной противоречий.

Для понятия «Авангард» и выявления у Вехи «истинного масштаба творческой личности» (газетный штамп) исключительно важно преодолеть одну исследовательскую инерцию. Слова *будетляне* и *футуристы* она использует как абсолютные синонимы, а глубинную и острую, динамичную оппозицию будетлянство/(кубо)футуризм обходит стороной[7]. Не менее коварно другое расхожее словоупотребление: слова *авангардизм* и *авангардисты* функционируют как «всеобщая смазь» для объединения лю-

[6] Причины мы обсуждаем в другом месте. См. статью «*Веха* — чудо XX века» в упомянутой книге «Будетлянин».

[7] Как пример типичной искусствоведческой работы см.: *Горячева Т.* «Царство Духа» и «Царство Кесаря». Судьба футуристической утопии в 1920—1930-х годах // Искусствознание. 1999. № 1. В словах Бахтина (1973) о футуристах-«пигмеях» (в сопоставлении с Вехой; см. характерное место в кн.: Беседы В. Д. Дувакина с М. М. Бахтиным. М., 1996. С. 125) видят, может быть, всего лишь старчески-необдуманную резкость.

бых «деятелей авангарда», сколь бы различными по существу ни были их устремления[8].

Но еще более коварны устойчивые и не получающие жесткого отпора обвинения Авангарда в прокладывании путей террору и тоталитаризму. Борис Гройс, один из застрельщиков таких «разоблачений», нашел подражателей и продолжателей даже на ТВ, на канале «Культура», так что давние обличения знаменитой коляски у Эйзенштейна[9] получили поддержку и развитие. К Эйзенштейну были подверстаны Шостакович и Веха с его «звездным языком», и Татлин с его Башней. Дескать, вольно или невольно они подготовили сталинщину. Канал не нашел оппонента этой точке зрения, да и искал ли? Авангард остался внакладе. Скоро на него можно будет списывать любые «постоянно растущие непотребства» постсоветских граждан и культуртрегерство Н. Михалкова, З. Церетели, С. Говорухина, нашего филологического руководства, гигантов мысли и ювелиров формы из «Центра темпоральных проблем» etc. ...

4. Или проблема традиций. Кажется интересной попытка показать, что настоящий Авангард должен открыть нешуточную традицию, а вот, например, обэриутам такой значимой традиции создать не удалось[10]. Соположим этой попытке тоже во многом близкое нам убеждение поэта Г. Айги: ведь «авангардность вообще присуща культуре как таковой, литературе как таковой»[11]. И тогда, с одной стороны, рамки Авангарда в

---

[8] Естественно, при этом легко смешиваются различные словарные значения слов, а — памятный пейоратив советских времен — *комсомольский авангардизм* если и присутствует в подсознании, то лишь как подобие «отрицательного языкового материала» (Л. В. Щерба). Им пренебрегают практически все пишущие об «авангарде» (в «Знамени», НЛО etc.).

[9] Напомню огорчительное стихотворение такого поэта, как А. Межиров: «Авангард представлялся всегда...» со слабым аргументом: «Нет, недаром у Геббельса наш "Броненосец" исторг / Настоящий восторг». Нацисты любили и Моцарта; Веху «любит» Лимонов; очень по-разному Хлебников был «чужд» Пастернаку, Твардовскому, Тарковскому, тяжко «сломанному» позднему Заболоцкому... Нет обязательной, прямой связи между стилевыми пристрастиями (вкусами) и политическими взглядами. При слове *недаром* (или *не случайно*, как заметил А. Я. Шайкевич) сразу же возникают сомнения: доказательства-то обычно не предъявляют, так что *недаром* выглядит синонимом *думается*. Что касается Межирова, то он, кажется, не оценил и своего собственного вклада в Авангард.

[10] *Злобина А.* Случай Хармса, или Оптический обман // Новый мир. 1999. № 2. Сложнее ситуация с «чинарями». Введенскому Веха не был нужен даже в той малой степени, как Хармсу. Но оппозиция Хлебников/Крученых метабиотически связана теснее как раз с неявной оппозицией Мандельштам/Введенский.

[11] Об этом недавно напомнил другой пропагандист Вехи — практик и теоретик русского поэтического авангарда С. Бирюков — в упомянутой нами работе (с. 110). Однако имя Крученых для Г. Айги и С. Бирюкова почти столь же значимо, как имя Хлебникова. Понятие «авангард» у них все-таки несколько измельчается: анализ «Технологии» авангарда оттесняет на задний план анализ его «Идеологии». Это проявляется еще сильнее в работах Дж. Янечека. См., в частности: НЛО. № 35 (1/1999).

русской культуре придется расширить хотя бы до времен Пушкина. С другой — возникнут вопросы о том, прав ли был Д. Бурлюк, полагая в 1913 г., что и Хлебников находился к Пушкину «под прямым углом», и не кощунственно ли дикое само по себе предположение о том, что в *курчавом челе* «подземного быка», которое «кроваво чавкало» в стихотворении «Одинокий лицедей», читатель должен видеть Пушкина[12]?!

С третьей — стоит обдумать и то, почему выражение *бросить* (кого-то или что-то) *с Парохода современности* так легко и прямолинейно обернулось общедоступным фразеологизмом, обозначающим (с изрядной дозой злорадной иронии по отношению ко всем «гилейцам» без разбора) акт безответственного вандализма, а вот мудрое предупреждение поэта - «пушкиниста» и «антиВеховца» — В. Ходасевича: Пушкина хотят превратить в некий *эстетический шлагбаум* (для поисков нового) — пока затерялось где-то в среде знатоков, если не на задворках культуры[13]. С четвертой — традиции Крученых, Гнедова и Зданевича или Терентьева выглядят традициями на фоне мощного потенциала ТРАДИЦИИ Вехи, но они развиваются, «оплодотворенные» технологиями андеграунда, концептуализма, визуальной поэзии, постмодернистскими изысками etc., а Хлебников все дожидается своего часа.

Из этого следует: и «авангардность» «Авангардности» рознь. Логос Хлебникова и опыты Ры Никоновой — это «две большие разницы» уже по отношениям авторов к слову[14]. Были взлеты, но были и застои, и падения авангарда. Были и «тупиковые ветви». Осторожно упомяну (не отвлекаясь на необходимые уважительные оговорки), многое у поэтов Серебряного века, задетых «мистикой нового времени», ниши Рерихов и «Амаравеллы», немалое у обэриутов, кое-что у Д. Андреева... Возможно, тупиком в итоге будет признан основной опыт Ф. Т. Маринетти. Тупиком пока предстает и постмодернизм как целое — процесс, размывающий все границы между (авто)мистификациями и (авто)пародиями. Это — весь противостоящий Авангарду торжествующий *декаданс конца XX века*. Оппоненты могут сказать: и Веха стал такой же тупиковой ветвью. Хотелось бы знать о системе возможных здесь доказательств. «Жажду Оппонента» и массы интердисциплинарных работ с анализом таких тем, как «Хлебников и Брюсов», «Хлебников и А. Белый», «Хлебников и Кузмин», «и Гумилев», «и Пастернак», «Хлебников и Набоков» etc.

О том, что традиции Хл не только живут, но в какой-то части кое-где и кое в чем понемногу побеждают оппонентов, скептиков и нехотяев (и во всяком случае начинают осознаваться ими), говорят, кроме прочего, и

---

[12] Ср. заметку А. Парниса в «Русской мысли» (№ 4256. 1999. 4—10 февраля) и ст. «Поэзия, политика и политиканство» в кн. «Будетлянин».

[13] См.: *Левин Ю. И.* Заметки о поэзии Вл. Ходасевича // Wiener slawistischer Almanach. Bd. 17, 1986. S. 98 et al. Ср.: *Ходасевич В. Ф.* Колеблемый треножник. Избранное. М., 1991. С. 589 и др.

[14] Ср. «Разное» в кн. С. Бирюкова и тот же Второй Терентьевский сб.

дружный уход поэтов к «сложному стилю» поэтического языка[15] от беллетризма «полублоковской вьюги» (А. Межиров); внимание к Вехе в постобэриутский (послечинарский) период; как бы полупросыпавшийся, пульсирующий интерес к Будетлянину у шести- и «девятидесятников»; «органика» Хлебникова (что бы это ни означало) у Е. Шварц[16] и др.; ср. постановки «Чет-Нечет-Театра» («Русского молодежного театра») А. Пономарева. В свете оппозиции *вера/мера* о том же свидетельствует и общее очищение «метафизики» авангарда от соблазнов антропософии, оккультизма, эзотерики в «космизме», мифогенетических и пугающих апокалиптических ожиданий etc.[17]

5. Проблему, как сказано, составляет определение рабочего понятия «авангард», разумных границ его хронотопа[18]. Для Авангарда еще более важной проблемой становится «хронотоп» самого Будетлянина.

Воспользуемся, возможно и небесспорными, словами незаурядного музыкального критика (внука такого лингвиста — ученого и педагога, как А. А. Реформатский). И сегодня Веха существует где-то вне «выбора между, условно говоря, Ильей Глазуновым и Казимиром Малевичем, иными словами, между искусством для массового вкуса и искусством для искусства»[19]. Вехе нужна какая-то иная шкала. Недостаточной кажется поэтому и смелая — под пером видного искусствоведа — оценка вклада Хлебникова в мировую культуру как «не меньшего, чем вклад Малевича или Кандинского»[20].

Она недостаточна прежде всего потому, что вербальный дискурс этих художников заметно уступает и в гносеологической глубине, и в эстетической мощности языка слов, который они используют, Логосу Ве-

---

[15] См. в нашей кн. «Поэтика слова» (М., 1979. С. 88—101).

[16] *Анпилов А.* Светло-яростная точка // НЛО. № 35 (1/1999). С. 366.

[17] Исследуя Авангард, всегда полезно помнить о том, «что сказал Белинский незадолго до смерти: для русского человека слабая книга с хорошим замыслом всегда будет дороже книги блестящей с замыслом сомнительным» (*Адамович Г.* Одиночество и свобода [1955]. СПб., 1993. С. 25).

[18] Нам близко допущение, согласно которому «революционный характер» новейшей физики «позволяет считать и ее частью авангарда» (слова Вяч. Вс. Иванова; см.: Русский авангард в кругу европейской культуры. М., 1994. С. 9. Ср.: Искусство авангарда: язык мирового общения. Уфа, 1993. С. 24 и след.).

[19] *Поспелов П.* Главный жанр в театре — балет. С точки зрения члена жюри // Известия. 1999. 13 апреля. С. 7. Нетрудно догадаться, почему Глазунов «не любит», по его признанию, Веху: ведь он верит подделке — «Велесовой книге». А вот вопрос о том, почему Будетлянин в известном инскрипте Малевичу не просто каламбурил, называя того *Казнимиром*, — это тема для исследования в специальной монографии.

[20] *Сарабьянов Д. В.* Русская живопись. Пробуждение памяти. М., 1998. С. 106. Сопоставляя «соцветия» художников (Кандинский, Ларионов, Гончарова, Малевич, Татлин, Филонов) и поэтов (Веха, Маяковский, Крученых, Д. Бурлюк), автор делал вывод: «когорта живописцев выглядит внушительнее и — по международным меркам — авторитетнее»; для Будетлянина же предлагалась эта важная оговорка.

хи[21]. Вместе с тем именно для «случая Вехи» особенно заметно, насколько важна сама идея подобных сопоставлений и хотя бы прикидочных (на первых порах) оценок.

Отдельно стоит вопрос о пределах совместимости «мифопоэтического мышления» в собственном смысле словосочетания с нашим понятием Авангарда. Вправе ли мы, как бы забывая о явном «рационализме» и «эвристике» Вехи (начиная с его известной юношеской «герценовской» клятвы найти «законы времени», включая стихотворение «Единая книга» с его метабиотической идеей «синтеза вер», 1920, и кончая «Зангези» и «Досками судьбы», 1920—1922), считать, что в творчестве Хлебникова — этом уникальном сплаве рационального и образного — доминирует именно «мифопоэтическая основа»? Метафора Будетлянина о пути искусства от *арифметики* к *алгебре* предполагает отрицательный ответ: свободно обращаясь к опыту множества верований и мифов, но не столько у них, сколько у природы, истории и искусства (ср. «великое скрябинское начало»), учась не страшиться «диссонансов» и «дисгармоник», Веха и в возникающих у него коллизиях между поэтической «гармонией», т. е. знакомой публике «классикой», и необходимой поэту новейшей «алгеброй» не жертвовал последней, а в ней самой и при ее помощи находил новую «гармонию».

Нам недостает «только» специалистов по «традиции Хлебникова». Она ждет подробных исследований на международном уровне: сходств и различий в мировидении, стилях мышления и идиостилях как Вехи и Гумбольдта, Потебни, Бодуэна де Куртенэ и Ф. де Соссюра, так и Вехи, и Тагора, Уэллса, Нансена, Рассела, Бубера, Эйнштейна, Джойса, Бора, Пригожина, Мартина Лютера Кинга и др. Добавим имена Толстого, Чехова, Блока и Мандельштама, А. А. Фридмана, Н. Д. Кондратьева и А. Л. Чижевского, А. Д. Сахарова, А. И. Солженицына, а также, скажем, Я. С. Друскина[22], Н. Н. Моисеева и С. К. Мейена... — и мы обозначим некие контуры идейного и эмоционального полей **«духовного наследия»** века (независимо от технополитического однофамильца в нашей Думе), его «принципов» или «парадигм» и, вместе с тем, поле Авангарда в нашем смысле слова и «поле Вехи», образующие единое пространство для выработки современных методик проективизма.

«Конца» у такого Авангарда не может быть «по определению», как невозможны, в этом ряду, «смерть Бога», «конец Истории», «кончины» Человека, Слова, Искусства etc. Умирают *футуристики*, *акмеистики*, *имажинистики* etc. и *авангардистики* (постмодернистские в том числе). Апокалипсис Авангарду не грозит. Ему мешает иное. Во-первых, это слабое осознание оппозиции Блок/Веха. Парадигму Блока Веха вовсе не отвергал, но подчинял ее своим задачам, для решения которых Слова и Мыс-

[21] Живопись *Казнимира* (см. примеч. 19) отстоит дальше от Логоса Хлебникова, чем от зауми Крученых. Иной — Татлин.

[22] См. содержательное, хотя и странное издание: «...Сборище друзей, оставленных судьбою»: В 2 т. [М., 1998]. С. 650 и др.

ли Блока было недостаточно в принципе. Приверженцы Блока «за счет Вехи» не принимают во внимание весьма важную асимметрию. Парадигма Маяковского стала со временем официальной; постепенно и Блок вошел в школьные программы; их «авангардность», их собрания сочинений общедоступны. Но Общество и школа пока не располагают достаточно представительным изданием текстов Хлебникова. Даже с вузовскими спецкурсами дело обстоит плохо: о дефектах школьных программ нечего и говорить.

Во-вторых, исследования Авангарда, в широком смысле слова, конечно, нуждаются в жанрах «Хл и ...» и «... и Хл», но, больше всего — в постановке проблемы «Авангард sub specie budetljanstvi». Поэт-филолог А. Кушнер недавно предложил читателям «Нового мира» (1997, № 12) интересную попытку спроецировать творчество ряда поэтов XX века только на тексты И. Анненского. Но вполне удачной, с позиций лингвистической эстетики и интеридиостилистики, как в раскрытии известных оценок Ахматовой Анненского и Хлебникова, так и в общем познании Авангарда, назвать ее трудно[23]. Она подкупает самой идеей и тонкими наблюдениями, автор статьи по-хорошему провоцирует и других на подобные опыты «проективизма». Тем более жаль, что сам Веха, видимо, не очень интересен А. Кушнеру даже как Оппонент.

6. Совершая конструктивную «поэтическую революцию» при самом активном участии в поисках новых языков литературы и искусства в целом широких кругов Авангарда и авангарда, Веха остается и сейчас неосознанным главой этой революции. Она пережила своих «Бурбонов», «заморозки», «оттепели» и «застои», свои «нерасцветшие надежды» и «квазистабилизации», знает своих адептов и отступников, *вольшевиков* и *раньшевиков*. Не Пушкин и не Блок — лишь *прошлецы* противостояли и противостоят сегодня Авангарду. Революция «под руководством» Вехи все-таки свершилась. Дело теперь — за **его** скорейшим «воскрешением» (не по Карабчиевскому и чуждому Вехе Н. Федорову) во всех достойных ипостасях этого чуда, и целиком, а не только «чисто эстетически» как дистиллированного поэта («минус» *заумъ* и *безумъ*, т. е. и всю мудрость Вехи, давно разоблаченную мороку его «противоречий», его «утопий»).

Из нашего времени Гоголь естественно выглядит «кем-то очень похожим» на «будетлянина» XIX века. Чехов оказывается не только «последним классиком», но и тонким «предвозвестником» подлинного Аван-

---

[23] Едва ли в 1909 г. Анненский «один оставался человеком»; едва ли «буржуазный привкус красоты» заведомо «лучше», чем «дионисийство и соборность» (они совместимы). Зачем кусать груди «судьбоносных» тем, иронизируя над ними? Они-то не виноваты в том, что символисты с ними не справились; что же — «лучше» *шабли*? «Изящество» рифмовки Анненского? Чем «хуже» его *эшафодажа* — *Еврипил* Вяч. Иванова? Наличие в идиостилях такого слова, как *злоба*, не очень сближает поэтов, а вот о бросающихся в глаза и, может быть, ключевых идее и слове *невозможно* у Анненского и Хлебникова автор просто умолчал.

гарда[24]. Кризис «поэтического языка» ощущал уже ранний Брюсов; кризис символизма (в рамках «авангарда» или вне их), как известно, не замедлил; «ненависть» к «старому [поэтическому] языку» и насмешки над ним с начала 10-х годов сблизили Веху и Мандельштама независимо от манифестов и групповых пристрастий среди способов преобразования того опыта, что был накоплен искусством в начале XX в., даже вопреки едва не состоявшейся между этими поэтами дуэли.

Сотни поэтов по-своему «преодолели символизм», а позднее футуризм или имажинизм, ЛЕФ, ЛЦК, соцреализм, соцарт или концептуализм etc., бьются «в тисках постмодернизма». Однако желающих всерьез «преодолеть будетлянство», а для этого хотя бы углубиться в то, что было под поверхностью «футуризма», и вникнуть в это по-настоящему, похоже, не обнаружилось. Конечно, кроме Тынянова и Мандельштама. Только их, при немалых заслугах десятков исследователей, творчество Вехи занимало как целое: и как своего рода «эстетический пароль», но также как необъятное, никем уверенно не угаданное и не разгаданное чудо, как «ветер богов слова», дующий, по великому Будетлянину, «из будущего»[25]. Дующий и сегодня на Авангард и весь авангард.

К сожалению, и в 2000 г. исследователей, которые сосредоточились бы в основном на выявлении сущности будетлянства как явления Авангарда, на Будетлянине, его идиостиле, велимироведение не знает, не имеет. Это не вина замечательных ученых, непосредственно занимавшихся Вехой или как-то связанных с ним отдельными, иногда очень существенными обращениями к его творчеству. Это — и беда, и вина нашего Общества — и «истеблишмента», и «элиты» в РАН или журналистике, и всех родов «руководителей», и других полномочных «народных представителей» — странной смеси во власти *первоумнейшин* и *доумцев*.

Несомненно одно: мы не очень ясно представляем себе ни **что** же это такое — авангард, ни **как** конструктивно и адекватно интерпретировать нечто явно неполно известное нам о том, что мы называем этим словом, и прежде всего о принципиальных и многомерных напряжениях даже в самых узких из всех возможных референтных рамок авангарда. Для его познания недостаточно «онтологической поэтики»[26]. Ее следовало бы дополнить, во-первых, «поэтикой гносеологической», «эстетической гносеологией» (по Я. С. Друскину и Д. С. Лихачеву; понятно, что важны оба значения слова *гносеология*) и, во-вторых, сериями фронтальных соположений-анализов авангардных идиостилей во всех их измерениях, при этом — и в заведомо неидиолектных — *заязыковых* системах «общих принципов»[27].

---

[24] *Шах-Азизова Т.* Предвозвестник // Русский авангард в кругу европейской культуры. М., 1993.

[25] *Хлебников В.* Творения. М., 1986. С. 37 (заметка «Свояси», 1919).

[26] См.: *Карасев Л. В.* Онтологический взгляд на русскую литературу. М., 1995.

[27] О «принципах XX века» см. в кн. «Будетлянин» (с. 578—581, и по указателю, с. 798).

Это касается практически и всех аспектов проблемы, представленных совершенно по-разному в публикациях об авангарде, связаны ли они с взаимодействием мастеров Логоса, звука, краски, линии, действия, объема, массы, движения, сцены, кадра и ритма друг с другом, или с проблемами пространства и времени, парадигмами естественнонаучного мышления, нравственно напряженного мировоззренческого пафоса (пафоса Авангардного, а не авангардистского), или с идеологиями социального и политического спектра, так называемых «левых» («новых»?) и «правых» («старых»?) в их «крутых» противоборствах.

Е. И. Диброва
Москва

АНТОНИМИЧЕСКИЙ КОМПОЗИТ КАК СТРУКТУРНО-СОДЕРЖАТЕЛЬНАЯ ЕДИНИЦА ТЕКСТА[1]

Антонимия, обладая яркой экспрессивной и эмоционально-оценочной значимостью, явилась для М. Пришвина эффективным выражением его духовной восприимчивости. «Моя натура, как я постиг это: не отрицать, а утверждать...» (*Пришвин М. М.* Дневники. М., 1990). Воплощение авторской интенции в тематике дневниковых миниатюр определило тип писателя-повествователя, философа, мемуариста с поэтическим видением мира в описании актуальных и одновременно вечных проблем российской действительности. Поиски «цельной жизни духа» привели художника слова к форме маленьких записей: «Я пишу для тех, кто чувствует поэзию пролетающих мгновений повседневной жизни и страдает оттого, что сам не в силах схватить их» (10 июня 1940 г.). Противопоставления правды—неправды, счастья—несчастья, нового—старого, писателя—читателя и др. проходят красной нитью через все дневниковое творчество писателя. «Идея дневника. В дневнике можно понять теперь уже общую идею: это, конечно, творчество жизни в глубочайшем смысле с оглядкой на аскетов, разделивших *дух* (здесь и далее выделено мной.—*Е. Д.*) как *благо* от *плоти—зла*. Дневник это не *разделяет*, а именно *утверждает* как самую святость жизни, акт соединения *духа* и *материи*, *воплощения* и *преображения* мира» (30 января 1943 г.).

Дневниковые книги М. Пришвина можно рассматривать как художественный феномен, который является особым жанром лирической прозы, воспроизводящей в авторском осмыслении события сегодняшнего дня. Дневник, представляя собой камерное сочинение, обладает особенностями, присущими этому жанру: письменная форма речи, постоянное ощущение личности автора, специфичность обращения к «другу-читателю» (М. Пришвин), хронологическая прерывистость авторского монолога, сфера личных интересов, свободная организация материала, доверительная, интимная интонация.

[1] Исследование осуществлено при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ), проект 00-04-00096а.

Опираясь по своей форме, интенциям и эмоциям на монологическую речь, дневник обладает живой и активной связью с диалогической речью. Диалогичность — «явление гораздо более широкое, чем отношение между репликами композиционно выраженного диалога. Это почти универсальное явление, пронизывающее человеческую речь и все отношения и проявления человеческой жизни, вообще все, что имеет смысл и значение» [Бахтин 1979: 49].

В составе дневниковых текстов М. Пришвина особое место принадлежит антонимическим композитам — структурам противопоставлений, относительно автономным по отношению к окружающему контексту, целостным по смыслу и организованным на основе антитетичности. Для антонимического композита характерны: 1) множественность противопоставления предметов, процессов, признаков и отношений; 2) двучленность внутренней антитетичности; 3) наличие антонимичных центров и/или символов; 4) гиперо-гипонимическая организация антонимии; 5) эксплицитно-имплицитная выраженность антонимии; 6) однородность тематики («Творчество», «Природа», «Время», «Чувства», «Искусство», «Писательский труд» и т. д.) и 7) использование микротемы как сюжета миниатюры. «Сколько отмерено человеку **в ширину** — столько и **счастья**, сколько **в глубину** — столько **несчастья**. Итак, **счастье** или **несчастье** — это зависть наша **одного человека перед другим**. А так нет ничего: **счастье** и **несчастье** — это только *две меры судьбы*: **счастье — в ширину**, **несчастье — в глубину**» (16 апреля 1909 г.). В антонимическом блоке противопоставлены: 1) *счастье—несчастье*; 2) *в глубину—в ширину*; 3) (*зависть наша*) *одного человека—перед другим*. Блок объединен гиперонимом *две меры судьбы*, вступающим в иерархические гиперо-гипонимические отношения: *две меры судьбы* (гипер-1): *счастье—несчастье* (гипонимы-1, гиперы-2): *в ширину — в глубину* (гипонимы-2, гиперы-3): *одного человека — перед другим* (гипонимы-3, гиперы-4).

Экспликация антонимической организации может быть связана с авторским индивидуально-речевым представлением: «*Заря искусства* остается обыкновенно в художнике при себе. Даже если и удалось создать что-нибудь, то все, что предшествовало созданию, остается невысказанным, об этом смешно и стыдно сказать. Но если не удалось ничего и солнце не взошло, то *заря* внутри тебя остается единственным светом... Долго бывает больно возвращаться *к этой заре* неудачнику, но потом, когда все переменится, свет остается светом, в воспоминании *эта заря* является радостью, и говоришь себе: "Свети, *дорогая*, свети **всем**, мне **лично больше** ничего не нужно!"» (3 августа 1932 г.).

Интрига антитетичности развертывается вокруг гиперонима *заря искусства*, заявленного в самом начале блока и дублируемого затем в его составе: *заря*, *к этой заре*, *эта заря* (*этой*, *эта* — дейксисы актуализации имени) и, наконец, речевой синоним *дорогая* как авторская интерпретация объекта речи. Личностная ориентация *свети **всем** — **мне** лично больше ничего не нужно* резюмирует этический постулат М. Пришвина в антитезной

форме. Середина блока буквально начинена антонимией — квалификацией труда художника: 1) *если и* ***удалось*** *создать* ***что-нибудь*** *— Но если* ***не удалось*** *—* ***ничего***; 2) *все остается невысказанным — что предшествовало сознанию*; 3) *долго бывает больно возвращаться к этой заре — но потом, когда все переменится, свет остается светом* и т. д. Противопоставительность семантики языковых и авторских конструкций эксплицируется противительными союзами *но*, выражающими открытую амбивалентность путей творчества.

Эксплицитность антитетичности составляет существенную характеристику этого блока, ценность которой состоит в передаче когнитивно-экспрессивной информации. Сфера антонимического напряжения пластична и поэтична: она может быть по-разному воспринята читателем в зависимости от степени понимания им заложенных в этом композите смыслов. Воздействие на читателя оказывает и прямо высказанная идея, и концепция, живущая в системе образов, и сам стиль изложения.

Тематически-смысловая дискретность является непременной закономерностью каждого текста. Прерывистость тематического содержания спонтанна, непроизвольна, она не представляет персонализированного свойства — персонализируется лишь конкретное проявление прерывистости, что и определяет индивидуальный характер письма художника слова.

«Дневники» М. Пришвина — однодневные описания, рассуждения, повествования — в наиболее очевидном виде представляют расчлененность текстового пространства на отдельные дискретные миниатюры-сочинения. Именование дня членит хронологическими скважинами целостность текста; пропуски смысла между временной последовательностью миниатюр восполняются в дальнейшем описании повторами, разъяснениями, уточнениями. Стыки между однодневками не нормализованы литературными и языковыми шаблонами: авторский замысел и его текстовое воплощение определены цепью излагаемого перечня событий, ситуаций, фактов и т. д.

Для М. Пришвина типично четкое соотношение между абзацным и структурно-содержательным членением текста. Иными словами, авторская стилистико-содержательная структура — абзац — представляет собой в пришвинском исполнении минимальную структурно-содержательную единицу текста — композит. Композит является компонентом минимального членения текста; по структуре и содержанию он обладает относительной автономностью содержания, законченностью своей структуры применительно к контексту.

Структура содержания композита носит рамочный характер: начало композита являет собой преамбулу (введение) содержания микротемы, конец композита — резюме (итог) содержания. В дневниковых текстах возможны структурные смещения границ компонентов: резюме может стать одновременно и преамбулой; может отсутствовать резюме или преамбула. Между рамками композита — преамбулой и резюме — располагается основное содержание микротемы, где излагаются сведения, заложенные во введении

композита и затем имеющие вывод из предыдущего изложения. В целом ряде случаев композит предстает только в рамочном оформлении.

Лексический состав композита характеризуется наличием повторов, расположенных как во введении, так и в итоге, что окольцовывает композит, отграничивая и отделяя его как относительно самостоятельную единицу в контексте сообщения. Повторы могут включаться и в содержательную часть композита.

Термин «композит» соотносится с понятием «композиция» в значении 'сочинение как вид художественного творчества'. Композит в таком понимании является мини-произведением в составе текста, где имеются: своя экспозиция (инициальное предложение), сюжетное развитие и финал/эпилог. Композит повторяет в минимизированном виде общую структурализацию прозаического произведения. Это позволяет сделать обобщение: текст художественного произведения изоморфен в структурно-содержательной организации. Текст художественного произведения членится по общему принципу интродуктивно-финальной аналогии: введение (интродукция, или пролог) и заключение (финал, или эпилог) произведения образуют рамочную конструкцию с вводящей и завершающей функциями; каждая часть/глава произведения обладает сходным устройством; композит/абзац (совпадающий по структуре и содержанию с композитом) является минимальной рамочной конструкцией текста. Принцип организационно-смысловой «матрешки» в устройстве единства текста произведения свидетельствует о квантово-дискретном речевом изложении мысли в ее макро-, мега- и микро-тематическом распределении.

См. весьма специфичную структуру содержания однодневки в «Дневниках» М. Пришвина — 25 марта 1915 г., состоит из 4-х авторских абзацев — 3-х композитов: «Прилет грачей» и «...зима сменяется весной» (общая рамочная структура однодневки); «Прилет грачей» и «И вдоль берега низко летят первые грачи и спускаются к реке попить воду» (1-й композит); «Никогда не установишь, когда начинается весна» и «Весна — это вечно новое прикосновение к новому миру, нашему миру» (2-й композит); «Любить, значит, в то же время и единственная способность узнавать мир...» и «И так вечно сменяется старое знание и страдание новым узнаванием, новой любовью — зима сменяется весной» (3-й композит).

Однодневки М. Пришвина могут состоять из одного, либо из нескольких композитов, которые являют собой ансамбли в тексте, объединенные единой тематикой. По смыслу композит раскрывает микротему, которая излагает в рамочной форме разного типа информацию: луг, лес, капля, труд писателя, стиль писателя, человек, любовь и т. д. В дневниковой прозе М. Пришвина композиты по своему содержанию, как правило, афористичны, это авторские размышления-изречения, оформленные каноническим режимом рассуждения.

Для дневниковой прозы М. Пришвина характерно и композитное устройство антонимического блока, состоящего из нескольких подкомпозитов — авторских отчленений микротемы, представленных абзацами.

«*Секрет* мой *главный* раскрывается, и *жизнь* моя рисуется как *поведение*, как *путь* мой **в борьбе света и тени (поэзия и действительность)**. Но такой же точно путь проходит каждая травинка и каждый лист на дереве: все поля, все луга, и всякая зелень.

И если в себе самом, в своей душе нести этот *путь* **между светом и тьмою**, то каждый внимательный взгляд застает живое существо *в момент* этой *борьбы* и раскрывает *момент жизни в отношении его к "пра-феномену" сущего* в своей собственной душе.

Свет — это *пра-феномен* **солнца. Тень** — *пра-феномен* **земли**.

Я — *встреча* **света и тени** и *разрешение* их *борьбы*: *я* — путешественник *на* своей *дороге* **между светом и тенью**» (2 апреля 1951 г.).

Антонимический композит раскрывает микротему «Путь поэзии и действительности». Композит представлен четырьмя абзацами-подкомпозитами, каждый из которых связан с определенной субмикротемой. 1-й подкомпозит имеет своей субмикротемой «Путь в борьбе света и тени»; 2-й — «Момент жизни и борьбы в отношении к пра-феномену»; 3-й — «Сущности пра-феноменов»; 4-й — «Я — между светом и тенью».

Композит состоит из шести отдельных предложений. Преамбула (1-е предложение) включает два гиперонима, находящихся в иерархической зависимости между собой: *секрет главный* (гипероним-1): *жизнь* (гипоним-1, гипероним-2). Преамбула включает антонимическую парадигму — антитезу: (*путь*) **в борьбе света и тени**, являющуюся фокусом микротемы. Антитеза расшифровывается антонимической вставной конструкцией — **поэзия и действительность**. Указанные антитетические конструкции выступают в предикатной функции и образуют предложения тождественно-характеризующего типа. В результате преамбула обладает вводяще-обобщающим содержанием, которое раскрывается в последующих двух подкомпозитах.

Развитие микротемы дается М. Пришвиным во 2-м и 3-м подкомпозитах. 2-й подкомпозит связан с первым сочинительным союзом И; 3-й со 2-м — лексическими скрепами: **свет**, **тень**, *пра-феномен*. Оба подкомпозита включают в свой состав следующие антонимы — антитезы языкового парадигматического типа: *путь* **между светом и тьмой**; **свет** — *пра-феномен солнца* — **тень** — *пра-феномен земли*. Последние антитетические конструкции включают противопоставления высшего, идеального — *солнца* — и реального, конкретного — *земли*. *Солнце—земля* составляют индивидуально-авторскую речевую парадигму. В составе 2-го и 3-го подкомпозитов имеются синонимо-антонимические отношения: **свет и тьма**, **свет и тень**.

Резюме (6-е предложение) включает речевую синонимо-антонимическую парадигму: *встреча* **света и тени** — *на дороге* **между светом и тенью**. Резюме обладает завершающе-обобщающим значением, подводящим итог антитетичности творческой деятельности *Я* — художника слова в его поэтическом путешествии.

Рамочность композита зафиксирована четырежды: 1) дейктическими эгоцентрическими словами *мой*, *моя*, *мой* (1-е предложение) и *я*, *я*, *своей*

(6-е предложение); 2) лексическими швами: **в борьбе света и тени — встреча света и тени — на дороге между светом и тенью**; 3) лексическим синонимическим швом: *путь* — **на дороге**, где компонент парадигмы *путь* выступает в значении 'жизнь человека', а компонент — **на дороге** — 'движение по этому пути'; 4) лексическим повтором-швом: **в борьбе** — *борьбы*. Таким образом, рамочное кольцо охватывает подкомпозиты плотными лексико-семантическими связями.

Гиперо-гипонимическое устройство блока-композита осуществлено рамкой «часть от целого», где *свет мой, жизнь моя* (1-е предложение) являются сектором субъекта речи — *Я*.

Антонимия именных сказуемых в преамбуле и резюме *как поведение, как путь* **в борьбе света и тени** (1-е предложение) и *встреча* **света и тени**, *разрешение их борьбы, путешественник на дороге* **между светом и тенью** (6-е предложение) создают общее антитетическое объединение, ядром которого является центральная парадигма **свет и тень**.

В целом композит представляет собой антонимическое поле, ядро которого определено двумя гиперонимами: *секрет* и *жизнь*. Центр ядра поля занимают антонимы **свет и тень**, противительная пара отражает поведенческий характер художника-творца; приграничная зона центра заполнена синонимическими конструкциями к антонимической парадигме **свет и тень — поэзия и действительность, свет и тьма**. В приграничную зону входят также синонимические конструкции *путь* **в борьбе света и тени**, *на дороге* **между светом и тенью**. Периферию поля заполняют собственно авторские антонимические соответствия: *пра-феномен* **солнца** — *пра-феномен* **земли**.

Специфической особенностью антонимического композита является наличие сквозного текстемного слова микротемы в ее сюжетном развитии. Текстема *путь* «прошивает» 1-й, 2-й и 4-й подкомпозиты; при этом текстема характеризует не только *путь* художника слова, развитие его духа, но и мир природы: «такой же точно **путь** проходит каждая травинка и каждый лист на дереве ... и всякая зелень». Согласование духовного и природного мира — Человека и Природы — составляет *путь-дорогу* для каждого живого существа. Художественные метаморфозы встреч **света и тени** отождествляют эстетическое восприятие с красотой языкового представления.

Д. С. Лихачев писал: «...литература — это не только искусство слова: это искусство преодоления слова, приобретения словом особой легкости от того, в какие сочетания входят слова. Над всеми смыслами отдельных слов в тексте, над текстом витает еще некий сверхсмысл, который и превращает текст из простой знаковой системы в художественную. Сочетания слов, а только они рождают в тексте ассоциации, выявляют в слове необходимые оттенки смысла, создают эмоциональность текста» [Лихачев 1989: 205].

Нормативность структуры содержания композита, в том числе и антонимического, как одной из его разновидностей, заключается в класси-

ческой форме — в наличии рамочности структуры и включений между рамками развития преамбульного смысла. Неклассический тип композита может быть представлен в виде объединения преамбулы и резюме, что создает компрессивность того или иного типа сообщения.

Типологически блоки-композиты можно классифицировать по различным параметрам. Наибольший интерес в литературном наследии М. Пришвина представляют типичные для него объекты описания: «Творчество», «Природа», «Я и Природа», «Метеорология», «Пространство земли», «Вода», «Писатель и Читатель» и др.

В литературной жизни М. Пришвина были темы, которые в течение всей его жизни имели последовательное содержательное осмысление. Не отказываясь от предшествующего, писатель в каждом последующем возвращении к такой теме раскрывает ее с иной стороны. Объемность темы «Творчество» не позволяет исчерпать ее содержательное богатство. Мы остановимся лишь на отдельных аспектах тематики, которые проходят красной нитью через всю ткань дневников.

Уже в начале своего литературного пути М. Пришвин писал: «Творчество я представляю себе как **жизнь, пробивающую** себе **путь к вечности**. Она очень похожа на **поток, размывающий себе путь к океану**» (26 октября 1928 г.). Оксюморонные структуры в образной форме представляют творческий процесс как путь к вечности, путь к «океану». Бессмертие и объемность творчества — вот те важнейшие признаки, которые затем будут разрабатываться М. Пришвиным в течение всей жизни. В этом же году он писал: «Творчество — это **воля к ритмическому преображению Хаоса**» (26 сентября 1928 г.). Образное именование — оксюморон «воля к ритмическому преобразованию Хаоса» — развертывается, затрагивая большой участок окружающего контекста. М. Пришвин уделяет развертыванию художественного приема особое внимание, оно передается образными планами антонимии во всех ее разновидностях. Образные планы могут быть детализированы до такой степени, что представляют собой самостоятельные темы. Таковыми в нижеследующих иллюстрациях являются: иллюзорность—реализм, чувство свободы — мысль о бесконечно малых в математике и т. д. В результате в сюжете темы возникают подсюжеты — подтемы, которые создают поэтический образ, сложную семантическую структуру: «Я защищаю **не иллюзорность искусства**, а **реализм**, я только хочу сказать, что **чувство свободы художника**, точно такое, **как мысль о бесконечно малых в математике**, есть необходимое условие для творчества и что именно это допущение качественной величины самочувствия "свободы" и делает **искусство искусством**, а **не государственным строительством**» (10 декабря 1931 г.). «Допущение» качественной величины самочувствия «свободы» было сформулировано М. Пришвиным уже в 1931 г. Писатель отстаивал вечный принцип истины творчества — свободу личности, погруженной во внутренний диалог с собой. Он пришел к великой мысли о том, что личность — это текст, который содержит в себе поступательное развитие системы своих смыслов: «В художественном

творчестве с самого первого момента, начала подъема, бывает соблазн **прекратить подъем и отдаться изображению испытанного**... Риск при творчестве состоит в том, что ты **утратишь в себе художника и останешься обыкновенным человеком**, каким-нибудь бухгалтером... ты, как творец, являешься хозяином дела и создаешь прекрасное» (3 февраля 1934 г.).

Культура писательства направлена на поиски смыслов, которые, наполняя произведение, создают индивидуальный речевой акт. М. Пришвин писал о реализме так: «Реализм — это значит вещественность, и если это относится к слову, то, значит, у реалиста слово **не пустое**, а **наполнено веществом правды**. Писатель-реалист — это значит правдивый писатель. **Правда правдой**, но нельзя написать **сказку** тоже и без вымысла, потому что пусть слово и наполнено веществом правды, а все-таки самое-то слово, как сосуд, как форма правды, есть **достояние** человеческого **ума** или **вымысел**» (20 ноября 1952 г.).

Считая себя человеком творческим, для которого выход из быта есть переход в небывалое, М. Пришвин полагал, что есть великая страна Небывалого и что он должен открыть ее всем. Движение души писателя заключается в том, чтобы открыть людям свое Небывалое «Я» и побудить людей тоже к открытиям. В каждом творчестве есть сходство и различие, где тип — это сходство и характер — это различие. «По пути в Москву я думал о двух составах всякого творчества: 1) утверждение себя самого как личности; 2) создание типа. И что создание типа и есть все, что требуется от писателя как общественного деятеля. И еще, что у нас во время революции попытка создания типа делалась без всякого утверждения личности.

Тип — это мост, где встречается личность творческая, несущая в жизнь разнообразие, и общественность, требующая от каждого характера служения единому сущему» (19 августа 1953 г.). Микротема «Личность и тип» раскрывается в их антитетичности. В миниатюре проявляется типичное для писателя объединение противоположностей, так как положительный или отрицательный тип есть у каждого писателя и каждого чимтателя. Тип, по М. Пришвину, мост, встреча *личности* и *общественности*, которые амбивалентны в своих требованиях: личность вносит *разнообразие* в тип, общество же требует от типа *единого сущего*.

Писатель противопоставлял себя как личность созданному им характерному типу. Размышляя о типах в русской литературе, он дает им качественные характеристики: «Обломов Гончарова содержит в себе как характер признание родственное и как тип осуждение: положительный, как характер русский, излюбленный, родственный Илье Муромцу, и отрицательный как тип. Обломов бесхарактерный как тип и великий русский характер как личность (встанет когда-нибудь и все переделает по-своему)» (19 августа 1953 г.).

Писатель и природовед М. Пришвин проявил себя в своем творчестве как личность спонтанная, открытая вселенской потенциальности. Объединяя творчество природы и человека, писатель считал, что творче-

ский акт человека соотносится с творчеством всей жизни на земле. Живя в природе и учась у природы, М. Пришвин постигал всю глубину и мудрость живого мира — его развитие, смену времен, жизнь и бессмертие, радость и страдание — и органически соединил их в своем творчестве, раскрыв в поэтических образах поступательность движения мира и человека в мире. Тема «Природа» занимает в его «Дневниках» большой корпус текстов.

«Писатель стремится подчинить язык своему замыслу, художественной задаче, но сама структура языка оказывает влияние на поэтическую конструкцию. Следствием сложных взаимоотношений, складывающихся между двумя рядами, оказывается то, что некоторые элементы художественного текста необходимо рассматривать в обоих рядах: это уже не просто литературные (фольклорные) или языковые факты, но факты комплексные, лингвопоэтические» [Гин 1996: 93].

«В лесу **очень тихо**, и так, что только не тает. Деревья окружены снегом, ели повесили громадные снежные лапы, березы склонились и некоторые вовсе наклонились к земле арками. **В** этой **тишине** снежные фигуры стали выразительны, что странно становится, — отчего же это они **ничего не могут** друг другу **сказать**. И когда снег стал лететь, то было так тихо, что казалось, будто **слышишь шепот** снежинок, как **разговор** между странными фигурами» (29 ноября 1937 г.). Олицетворение природы, представленное антитезным и оксюморонным противостоянием, создает семантические интерпретации снега и снегопада: **тишины, шепота** и **разговора**. Поэтические наименования отражают полярность между непосредственным предметным миром и его художественным осмыслением.

М. Пришвин считал, что творческая деятельность человека соотносится с творчеством всей жизни на земле. Его можно назвать В. Поленовым пейзажа в русской дневниковой прозе: русская природа была источником его радости и света, пути в природу его края — это земля под ногой, луг с цветами, дикие гуси в небе, березовый сок весной: «Какая тишина в золотых лесах! Далеко где-то молотилка, будто пчела жужжит, а войдешь в лес, то пчела, будто молотилка, — так тихо!

Тихо, тихо: земля под ногою, как пустая бунчит.

Светлый прудик тихий, обрамленный осенним цветом деревьев, как затерянное начало радостного источника встретился мне на пути. Тут с разноцветных деревьев: кленов, ясеней, дубов, осин — я выбираю самые красивые, будто готовлю из них кому-то цвет совершенной красоты» (22 сентября 1918 г.).

Звуковая и музыкальная гармония, разноцветье пейзажа охватывают в этом блоке-композите все представления, из которых складывается и собирается красота Русской земли. Встреча художника слова с тишиной в золотых лесах, светлым прудиком и окраской деревьев полна мелодического, поэтического очарования, которое пронизывает и весь этот словесный пейзаж.

Лиризм и художественность, неразложимость динамического целого представляют непрерывность «временного потока природы». Эта позиция,

с которой могут подходить к поэтическому искусству изображения природы те, кто прежде всего понимает, что это, в первую очередь, искусство.

«Тихий утренний час. Не вижу, но чувствую над снегами звезду утреннюю. Мое призвание вбирать в себя, как губка, жизнь момента времени и места и сказочно или притчами воспроизводить, я цвет времени и места, раскрывающий лепестки свои невременные и непространственные» (8 января 1919 г.). Органическое объединение описания природы с жизнью момента времени и места создает пришвинскую композицию средств, характеризующих поэзию однодневки как значимого целого. Значения слов и словосочетаний суть составная часть содержания, наполняющего композицию этой структуры пониманием того, как хронотопическое содержание делается фактом искусства. Притча и сказка, цвет времени и места выливаются в структуре во вневременные и внепространственные функциональные зарисовки. Антонимия *не вижу, но чувствую звезду утреннюю* отражает предметно-чувственный мир. *Жизнь момента времени и места — лепестки невременные и непространственные* открывают области гносеологии духовного мира писателя: проблематика корреляций конкретного времени и места и их абстракций создает горизонты «моего понимания мира» (М. Пришвин).

Любой биографический рассказ о природе является не пассивным отблеском изображаемого — поэтическая функция языка неразрывно связана с коммуникативным заданием текста: **«Вот сколько я наблюдаю природу**, а каждый год все идет по-новому, и я привык, как художник, жить этим разнообразием и считать за открытие и счастье, когда является такое новое, о чем хочется всем рассказать; теперь за открытие считается явление единообразия, стандарта. Художник должен не ждать от жизни подарков ее разнообразия и неожиданностей, нечаянных радостей, а обыграть ее и подвести под стандарт» (22 декабря 1931 г.). Философские описания природы определяются творческой фантазией, личностью автора и целеустановкой его творчества. Отказ от стандартности есть привилегия искусства, и, следовательно, личность писателя — это также фактор, обусловливающий поэтику лирической прозы.

Особую роль в мире природы играет у М. Пришвина тема «Вода»: ее компоненты — *капля*, *дождь*; *поток*, *ручей*, *река*, *водопад*; *море*, *океан* — фигурируют во всем дневниковом творчестве писателя. В начале его творческого пути, в 1909 г., тема воды связывается с темой земли: «Славяне не умеют пользоваться водой, ценить ее... Только вот весной еще и знаешь шум воды... А как там умеют ценить воду, на старой земле...» (23 марта 1909 г.). Затем тема воды возникает в пейзажном описании озер средней полосы России с их лесными берегами и небесной окраской воды: «Заря медленно погасает в тихой голубой воде озера, и так до поздней ночи озеро все меняется, и когда, наконец, заря потухает совсем, исчезают лесные берега в голубом и голубое озеро и небо голубое сливаются, и кажется, наше озеро взяли на небо» (19 июня 1926 г.). Постепенно вода начинает при-

обретать в творчестве М. Пришвина символическое значение. Капля воды, капля дождя — это точка соприкосновения и согласования природы и человека. Берега потока сравниваются с потоком творческого сознания людей: высокие берега потока получают назначение высоко стоять над водой, так и авторская мысль должна возвышаться над обыденностью.

Круговорот воды в природе сопоставляется с коренным образованием действительности: «Сколько тысячелетий в тех же самых берегах бежала ***вода***, привыкала к горушкам и низинам их, уносила с собой воспоминание в море, там испарялась, поднималась наверх, облаками парила, вновь падала и узнавала те же самые берега. Наша революция там, в этом мире воды и суши, называется землетрясением: потряслась суша, исчезли косные берега, вода разлилась, бросилась в иное русло» (5 января 1930 г.).

Тема водотока, круговорота воды в природе сравнивается и с жизнью человеческой: в каплях поднимается она от стихии, подобно океану, и приобретает свое отдельное назначение. Мифопоэтическая трактовка капли есть каплеобразное состояние жизни, за каплей таится Целое как истинный образ всей жизни человеческой на земле. Дождь, капля, ручьи, реки, океан — вот те составные жизни и мысли человеческой, которые и «есть отраженный образ нашего человечества» (М. Пришвин). «Помнишь, друг мой, **дождь**? Каждая **капля** отдельно падала, и капель этих всего было неисчислимые миллионы. Пока эти капли носились облаком и потом падали — это была наша жизнь человеческая в каплях: мы, люди, тоже так носимся **в виде капель** и падаем. А после все **капли** сливаются, **вода ручьями** и **реками** собирается в океан, и опять, испаряясь, **вода океана** порождает **капли**, и **капли** опять падают, сливаясь...» (21 октября 1943 г.).

Из композитов складывается текст произведения; они — эти «кирпичики» мысли, они — эти составные авторской целеустановки несут в себе экспликацию общего и индивидуального в творческом наследии художника слова. Они — это выкристаллизованный в течение столетий образец выражения художественной мысли, они — кванты человеческого сознания, «порции» размышлений, отчлененных семантическими скважинами. Классический по форме и содержанию композит является сконцентрированным «в одной точке» компонентом авторского замысла, получившего свое выражение в определенной микротеме.

Литература

Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества // Избранные труды. М., 1979.

Гин И. Я. Проблемы поэтики грамматических категорий. СПб., 1996.

Лихачев Д. С. Об искусстве слова и филологии // О филологии. М., 1989.

Г. Н. Иванова-Лукьянова
Москва

АВТОРСКАЯ ЗАДАННОСТЬ ТЕМБРА В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

В выражении смысловых, экспрессивно-стилистических и модальных отношений в тексте активизируются единицы всех уровней языка. Они взаимодействуют друг с другом и создают единство.

Осмысление взаимосвязи лексики, морфологии, синтаксиса и фонетики дает возможность исследователю представить анализируемый текст в его звучащей форме, причем эта форма не будет произвольной, зависящей от индивидуального прочтения, а будет единственно возможной для данного текста как следствие его лексико-грамматических характеристик. Лексико-грамматический строй текста определяет его суперсегментную фонетику, устанавливая как жесткие границы фонетических характеристик, так и пределы их вариативности. Так осуществляется идея авторской заданности ритмико-интонационных характеристик.

Письменный текст содержит информацию о его звучащей форме — как на уровне звуков, так и на уровне суперсегментных характеристик. При этом если вопрос о звуках, имеющих буквенную фиксацию, не вызывает сомнений, то вопрос о ритмико-интонационном строе текста до сих пор остается дискуссионным. Хотя и письменный текст также содержит указатели интонации, паузирования, логических ударений, темпа и даже тембра.

При этом если заданность интонации, пауз, логических ударений и темпа уже не вызывает сомнений, то вопрос о тембре еще ждет своего решения.

Тембр как окраска человеческого голоса — явление строго индивидуальное, но тембр как художественно значимая составляющая текста может быть задан автором и воспроизведен читателем независимо от его голосовых качеств. Речь здесь идет не об абсолютном тембре, а об относительном, т. е. о его функциональных изменениях в пределах текста.

Вспомним сказку о трех медведях, о том, как каждый читающий непременно грубым, рычащим голосом читает о Михаиле Ивановиче, более высоким голосом — о Настасье Петровне и очень высоким, тонким — о Мишутке. Эти тоновые переходы вызваны, конечно, предметными про-

тивопоставлениями. Но возникает вопрос, можно ли добиться тембровых контрастов с помощью не предметных, а языковых средств?

Известно, что прямое отношение к изменчивости тембра имеет деление звуков на высокие и низкие, а также наличие восходящей и нисходящей интонации. Интересно проследить, как взаимодействуют эти фонетические явления с лексикой, морфологией и синтаксисом, так как с помощью именно этих средств писатель достигает эмоционального и эстетического воздействия на своего читателя.

Так, если в тексте преобладают высокие звуки, то и тембровая окраска его выше, чем в том тексте, где подавляющее большинство звуков составляют низкие. Кроме того, огубленные звуки на полтона ниже, чем простые, а смягченные — на полтона выше, чем несмягченные. Поэтому огубленные называются бемольными, а смягченные — диезными. Оказывается, что даже отдельные слова, противопоставленные по своим лексическим значениям, различаются по тембровой окраске. Взять, к примеру, антонимы: *большой—маленький*. В первом слове — равное количество высоких и низких звуков, а во втором — явный перевес в сторону высоких; в первом — два диезных из шести звуков, во втором — четыре из восьми; в первом ударный звук бемольный, во втором бемольных нет. Следовательно, по всем трем показателям слово *большой* произносится в более низком регистре, чем слово *маленький*. Однако этот перевес возник из-за уменьшительно-ласкательного суффикса *-еньк(ий)*, который уже сам по себе добавляет этому слову оттенки смысла, а на фонетическом уровне — более высокое звучание. Кроме того, присоединяясь к корню, гласный звук этого суффикса смягчает предшествующий согласный, еще более увеличивая перевес звуков в сторону диезных. Так проявляются системные связи между единицами разных уровней, в данном случае — между морфологией и фонетикой. Легко продолжить эти наблюдения и заметить, как значения суффиксов в соединении с их звуковым воплощением усиливают смысловую градацию типа *малый—маленький—малюсенький*; *рука—ручка—рученька*. Иногда разные оттенки смысла, привносимые суффиксами, поддерживаются фонетически, иногда нет. Ср.: *книга—книжка—книжонка—книжечка* и *голова—головка—головушка*. Значит, у писателя есть выбор: он может выбирать такие словообразовательные элементы, семантика которых поддерживается фонетически, и тем самым увеличивать смысловую нагрузку слова.

Противопоставление высоких и низких звуков, как показали исследования Р. Якобсона, Г. Фанта и М. Халле, на самом деле еще более глубокое, чем просто противопоставление по тональности и тембровой окраске: они различны по восприятию (высокие вызывают ощущение высоты, легкости, тонкости, пронзительности, низкие — глубины, тяжести, ширины, грубоватости).

Рассмотрим два описательных текста из хроники Н. С. Лескова «Соборяне», которые знакомят читателя с главными героями.

1. Отец Туберозов высок ростом и тучен, но еще очень бодр и подвижен. В таком же состоянии и душевные его силы: при первом на него взгляде видно, что он сохранил весь пыл сердца и всю энергию молодости. Голова его отлично красива: ее даже позволительно считать образцом мужественной красоты. Волосы Туберозова густы, как грива матерого льва, и белы, как кудри Фидиева Зевса. Они художественно поднимаются могучим чубом над его высоким лбом и тремя крупными волнами падают назад, не достигая плеч. В длинной раздвоенной бороде отца протопопа и в его небольших усах, соединяющихся с бородой у углов рта, мелькает еще несколько черных волос, придающих ей вид серебра, отделанного чернью. Брови же отца протопопа совсем черны и круто заломанными латинскими S-ами сдвигаются у основания его довольно большого и довольно толстого носа. Глаза у него коричневые, большие, смелые и ясные. Они всю жизнь не теряли способности освещаться присутствием разума; в них же близкие люди видали и блеск радостного восторга, и туманы скорби, и слезы умиления; в них же сверкал порою и огонь негодования, и они бросали искры гнева — не суетного, не сварливого, не мелкого, а гнева большого человека. В эти глаза глядела прямая и честная душа протопопа Савелия, которую он в своем христианском уповании верил быти бессмертною.

2. Захария Бенефактов, второй иерей Старгородского собора, совсем в другом роде. Вся его личность есть воплощенная кротость и смирение. Соответственно тому, сколь мало желает заявлять себя кроткий дух его, столь же мало занимает места и его крошечное тело и как бы старается не отяготить собою землю. Он мал, худ, тщедушен и лыс. Две маленькие букольки серо-желтеньких волосинок у него развеваются только над ушами. Косы у него нет никакой. Последние остатки ее исчезли уже давно, да и то была коса столь мизерная, что дьякон Ахилла иначе ее не называл, как мышиный хвостик. Вместо бороды у отца Захарии точно приклеен кусочек губочки. Ручки у него детские, и он их постоянно скрывает и прячет в кармашки своего подрясника. Ножки у него слабые, тоненькие, что называется соломенные, и сам он весь точно сплетен из соломки. Добрейшие серенькие глазки его смотрят быстро, но поднимаются вверх очень редко и сейчас же ищут места, куда бы им спрятаться от нескромного взора. По летам отец Захария немножко старше отца Туберозова и значительно немощнее его, но и он так же, как и протопоп, привык держаться бодро и при всех посещающих его недугах и немощах сохранил и живую душу, и телесную подвижность.

Н. С. Лесков. Соборяне. Захудалый род. М., 1986. С. 7—8

Эти два текста, рисующие столь различных людей, и звучат словно в разных регистрах. Попытаемся доказать, что это контрастное звучание вызвано не только лексикой текста, но и его грамматикой и фонетикой.

Прежде всего обращает на себя внимание то, что оба текста контрастны не только по лексике, но и по звукам: в первом преобладают низкие и бемольные, во втором — диезные и высокие. Уже в самих фамилиях заложено противопоставление: *Туберозов* — два лабиализованных гласных *у*, *о* (бемольных) и только один мягкий согласный *б'* (диезный); *Бенефактов* — отсутствие бемольных, наличие гласных переднего ряда *е*, *и* (высоких) и двух диезных согласных — *б'*, *н'*. Как известно, бемольные звуки воспринимаются как более «темные», чем простые, а диезные — как более «светлые», чем простые.

Усиление «бемольности» происходит еще и за счет ударной позиции, в которой часто оказываются бемольные. Так, самое первое предложение звучит низко и раскатисто: *Отец Туберозов высок ростом и тучен, но еще*

очень добр и подвижен (*о-о-о-у-о-о*). Такой ассонанс создает эффект органа. Второй персонаж вводится предложением: *Вся его личность есть воплощенная кротость и смирение*. Здесь нет преобладания какого-либо ударного гласного, но есть заметный перевес мягких над твердыми согласными: 17—11. (В предложении, вводящем отца Туберозова, это соотношение выглядит как 7—23.) Ярко выраженная диезность этого предложения создает ощущение света, мягкости, легкости, высоты.

Легко заметить, что большее количество мягких согласных в первом тексте по сравнению со вторым вызвано некоторыми морфологическими факторами: распределением полных и кратких прилагательных в текстах и наличием/отсутствием суффиксов субъективной оценки. Полные формы прилагательных по сравнению с краткими содержат дополнительные мягкие согласные, усиливая диезность текста и тем самым как бы «высветляя» его. Тот же эффект создают и суффиксы уменьшительно-ласкательные. Отца Туберозова характеризуют такие слова, как *высок, тучен, волосы густы и белы, брови черны*. Для Захарии Бенефактова автор подбирает такие определения: *кроткий дух, крошечное тело, мал, худ, тщедушен и лыс, две маленькие буколъки серо-желтенъких волосинок, мышиный хвостик, кусочек губочки, ручки детские, ножки слабые, тоненькие* — и т. д.

Отдельные предложения имеют даже нарочитую противопоставленность:

Глаза у него коричневые, большие, смелые и ясные.
Добрейшие серенькие глазки его смотрят быстро...

Или:

Волосы Туберозова густы, как грива матерого льва...
Две маленькие буколъки серо-желтенъких волосинок...

Таким образом, контрастность на звуковом уровне взаимодействует с лексической антонимией, пронизывающей эти тексты: Туберозов был *высок и тучен*, а отец Захария *мал, худ, тщедушен*, у первого *высокий лоб, длинная борода, большой и довольно толстый нос, большие глаза*, тогда как у второго *крошечное тело, мизерная коса, детские ручки, слабые, тоненькие ножки, и сам он весь точно слеплен из соломки*.

Контрастность усиливается и цветовыми характеристиками: борода Туберозова похожа на *серебро, отделанное чернью, его брови совсем черны, глаза коричневые*; у отца Захарии *серо-желтенькие волосинки* и *серенькие глазки*.

Полярность образов, поддержанная контрастностью языковых единиц, развивается на всех уровнях: лексическом, морфологическом, фонетическом, синтаксическом.

В первом тексте предложения короче, чем во втором. Это приводит к тому, что при коротких предложениях тон чаще понижается, в таком тексте больше интонем нисходящего типа. Следовательно, интонация,

являясь одним из средств выражения синтаксических значений, также способствует снижению общей тональности, понижению тембра. Нисходящая интонация в первом тексте отмечается не только в конце повествовательных предложений, но и внутри них; такое увеличение интонем нисходящего типа тоже следствие синтаксического строя текста.

Брови же отца протопопа совсем черны ↘/ и круто заломанными латинскими S-ами ↗/ сдвигаются у основания его довольно большого ↗/ и довольно толстого носа ↘.

Чередование повышений и понижений тона делает текст ритмичным.

В первом тексте много интонем ровного типа, которые, повинуясь тенденции к понижению общей тональности, реализуются конструкциями с нисходящим движением тона. Другое синтаксическое различие двух текстов также влияет на их различную тональность. Речь идет о построении предложений. В первом тексте большинство из них начинается с подлежащего, которое играет роль интонационного центра, из-за чего постцентровая часть интонационной конструкции оказывается растянутой. А если учесть, что эта часть произносится в низком регистре, то, следовательно, участков низкого регистра в этом тексте окажется больше, чем во втором. Ср.: зачины предложений в двух текстах: *1 — Голова... Волосы... Брови... Глаза...*; *2 — Две маленькие буколъки... Вместо бороды... Добрейшие серенъкие глазки...*

Большое количество тоновых понижений и увеличение зон низкой тональности в первом тексте, являющиеся следствием синтаксического строения текста, требуют много длительных пауз, так как известно, что нисходящий тон вызывает более продолжительную паузу, чем восходящий. Увеличение продолжительности пауз влияет на характер темпа. Поэтому темп первого текста — слегка замедленный по сравнению со вторым, что создает ощущение основательности, солидности, значительности. Эти качества в характере отца Туберозова подчеркиваются и стилистической окрашенностью словосочетаний, рисующих его образ: *пыл сердца, могучий чуб, энергия молодости, присутствие разума, восторг, туманы скорби и слезы умиления, огонь негодования, искры гнева, в христианском уповании*. Во втором тексте, напротив, предложения более длинные, много интонем восходящего типа, интонемы ровного типа стремятся к реализации их конструкциями с восходящим движением тона — все это создает общую повышенную тональность отрывка. Меньшее количество продолжительных пауз ускоряет темп, усиливая впечатление суетности, незначительности, и вполне оправдывает главную черту отца Бенефактова: *Соответственно тому, сколъ мало желает заявлять себя кроткий дух его, столъ же мало занимает места и его крошечное тело и как бы старается не отяготить собою землю; Добрейшие серенъкие глазки его смотрят быстро, но поднимаются вверх очень редко и сейчас же ищут места, куда бы им спрятаться от нескромного взора.*

Длинные предложения мы стремимся прочитать в более скором темпе, чем короткие, так как по закону ритма читающий стремится выравнивать свой речевой шаг и прочитывать все предложения в одинаковый отрезок времени. Такая ритмическая тенденция определяет ускоренность темпа второго текста.

Кроме того, если в первом тексте темп стабильный и ровный, как звон колокола, из-за размеренных предложений, то во втором тексте он неровный из-за контрастных по величине предложений; это нарушает ровный ход повествования, что вместе с варьирующейся интонацией и ускоренным темпом дополняет образ отца Бенефактова.

Торжественное звучание первого текста создается многосоюзием и логическими ударениями: *и блеск радостного восторга, и туманы скорби, и слезы умиления... и огонь негодования*. Таким образом, принадлежность к высокому стилю поддерживается на уровне синтаксиса и фонетики. Та же поддержка, но уже в другом роде, обнаруживается и во втором тексте: разговорные словообразовательные элементы не требуют логической выделенности слов (*буколъки, волосинок, кусочек губочки, кармашки, немножко*). Эти слова прочитываются в несколько ускоренном темпе.

Описание протопопа Туберозова созвучно размеренному, тяжелому звучанию большого колокола, тогда как строки, посвященные отцу Бенефактову, звучат, скорее, как колокольные подголоски. И то и другое тонально дополняет друг друга, сходясь в гармоническом единстве. Этот «колокольный звон» разнообразится еще и описанием третьего персонажа Старгородского собора — дьякона Ахиллы.

Единство двух контрастных образов проявляется в концовках каждого из двух текстов, где отношение контраста сменяется отношением тождества. Несмотря на все различие героев, они объединены общей идеей, выраженной словами: *прямая и честная душа протопопа Савелия* и *отец Захария... привык держаться бодро... и сохранил живую душу*. Показательно, что в этих концовках лексические, морфологические и фонетические контрасты также отсутствуют.

Таким образом, противопоставленность двух портретов из повести Н. С. Лескова «Соборяне» осуществляется одновременно на всех уровнях языка: лексическом, морфологическом, синтаксическом и фонетическом (сегментном и суперсегментном). Однако в этом заслуга не только автора, но и самого языка, в котором эти межуровневые связи определены системой языка и носят устойчивый, системный характер.

Н. А. Кожевникова
Москва

О ЗВУКОВЫХ ПОВТОРАХ В ПРОЗАИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ

А. Белый, анализируя прозу Гоголя, обратил внимание на обилие звуковых повторов разных типов, которые образуют не только соотнесенные пары, но и цепи [Белый 1934: 227—235]. Звуковые переклички существуют и в текстах других писателей. Так, М. Альтман пишет о тяготении Л. Толстого «к соседству сходно звучащих слов» [Альтман 1966: 107—108].

Часть пар и цепочек образуют слова особого типа — это разнокорневые паронимы, связанные двух-, трех- и четырехконсонантными созвучиями [Григорьев 1979]. Входят в них и такие пары слов, в которых глухому согласному одного слова соответствует звонкий в другом слове (например, *темный — дымный*).

В русской прозе XIX—XX вв. между паронимами устанавливаются те же два типа связей, что и в стихах, и одни и те же слова могут употребляться и как синтаксически связанные, и как независимые друг от друга. Например, *крыша — крашеный*: Вскоре показались *крашеные* главы и причудливые, золоченые *крыши* царского дворца (А. К. Толстой), *крыша* осталась *некрашеной* (Гоголь), *крыши* фабричные, *выкрашенные* из экономии в мрачный, дикий цвет (Чехов), *дорога — дрогнул*: Жеребчик... *вздрогнул* и понесся по большой *дороге* (Чехов) — *дрогнула дорога* (Гоголь), *нагой — ноги*: вот стояла теперь у калитки и придерживала ее *нагими* руками. Густые косы вольными прядями рассыпались по белой одежде. *Ноги* белели на темном песке дорожки (Сологуб) — *ноги*, по обычаю портных, сидящих за работою, были *нагишом* (Гоголь), *нагие ноги* (Сологуб), *мелькать — мелкий*: ... перед нами *мелькали* приветные огоньки, когда пахнул сырой, холодный ветер, ущелье загудело и пошел *мелкий* дождь (Лермонтов), ее платье волнуется *мелкими* складками; в белых обнаженных руках ее *мелькают* белые букеты цветов (Полонский) — еле *мелькающая* в *мелкой* ряби струй тыква (Лесков), Пестрым, быстрым калейдоскопом *мелькали мелкие* и, казалось, забытые случаи (Сологуб), *мелькали* серебром *мелкие* рыбки (Бунин), Такой ненужной и *мелкой мелькнула* жизнь (Ремизов), ср. в стихах: *мелькань мелкой* моли (А. Белый). Точно так же пара *золотой — залитой* и однокоренные в одних случаях входят в синтаксически не связанные сочетания: И вдруг выросла перед глазами белая зубчатая стена, а за

нею высокая колокольня, вся *залитая* светом, и рядом с ней пять больших, *золотых*, блестящих глав... (Чехов), Каждое утро поднималось солнце, палящее, *золотое*, которое раскрашивало небо точно такою же глазурью, какой были *залиты* глиняные ветлужские свистульки (Пильняк) — в других эти же слова соединяются синтаксической связью: Посмотри-ка, так и *залит* в *золото* — словно жар (Загоскин), *залитый золотом* швейцар (Тургенев), Запад горит и пышет, словно *залитый* растопленным *золотом* (Засодимский), Были сказочные лунные ночи ⟨...⟩ *залитые* сияньем *золота* и дрожащим блеском серебра (Куприн), *залитый* уже зеленовато-*золотистым* солнцем океан Парижа; Какое многолюдство, какое грузное великолепие *залитого* сверху донизу *золотом* иконостаса... (Бунин), Огороды *залиты золотом* (Осоргин).

В прозе в рамках небольших отрезков текста — соседних предложений, абзаца — сосуществуют паронимы, не связанные синтаксической связью. Иногда они непосредственно примыкают друг к другу. Например, в «Капитанской дочке» Пушкина: А *теперь* / тут он мигнул опять / заткни *топор* за спину; Это, старинушка, уж не твоя *печаль*, — сказал мой бродяга, — пропью я или нет. Его благородие мне жалует шубу со своего *плеча*... Ты и не *напялишь* его на свои окаянные *плечища*; Барин, не прикажешь ли *воротиться?* — Это зачем? — Время ненадежно: *ветер* слегка подымается; вишь, как он сметает порошу — через абзац: Савельич, согласно со мнением ямщика, советовал *воротиться*. Но *ветер* показался мне не силен; «Ну, *барин*, — закричал ямщик, — беда; *буран!*» — ср. в следующем абзаце: Я стал его *бранить*; в «Записках из мертвого дома» Достоевского: ...вот почему заводилось в остроге *вино*. После каждого обыска *виноватого*, кроме того, лишали всего своего состояния; В квас крошили *хлеб* и *прихлебывали*. Гам и шум был нестерпимый; но некоторые благоразумно и тихо разговаривали по углам; по ночам иные заводили *картеж*. Самая работа, например, показалась мне не так тяжелою, *каторжною*... Арестантов высылали целыми кучами *ровнять* улицы в крепости, *срывать* кочки; две *скрипки* (одна была в остроге, другую у кого-то заняли в *крепости*...); в рассказах Чехова: ...при этом мельком освещался конвойный с ружьем и два-три ближайших арестанта с *грубыми* лицами, или когда он подходил с фонарем близко к воде, то можно было разглядеть белые *гребни* передних волн; Движение по старой *почтовой* дороге *почти* прекратилось; Матвей, *голодный* и *грустный*, сидел и читал или же подходил к *голландской* печке и *подолгу* осматривал изразцы, которые напоминали ему завод; потом его еще два раза *наказывали* розгами за растрату *казенного* платья...

В абзаце, как и в строфе, существуют внутренние переклички: К обеду — ни глыбы льда, лишь сыпучие вороха *осколков*, *скользкие хрустали* в снежку. Все погреба набиты. Молодцам поднесли по шкалику, и, разогревшиеся с работы, мокрые и от снега, и от пота, *похрустывают* они на воле крепкими, со льду, огурцами, белыми кругами редьки, залитой конопляным маслом, заедают ломтики хлеба — словно снежком *хрустят* (Шмелев).

Соотнесенные слова относятся к разным абзацам и, в частности, связывают прямую речь и повествование: — *...откинь* свое покрывало, Елена! / Елена исхудалою рукою подняла черную *ткань*; Сильная борьба происходила в *Серебряном*. — *Боярыня*, — сказал он наконец... (А. К. Толстой); География — наука *почтальонов*. / Все учителя *почтительно* улыбнулись (Чехов).

Через небольшой фрагмент текста проходят слова, в которых варьируется определенное созвучие. В «Арапе Петра Великого» Пушкина развернутый фрагмент текста содержит цепочку слов, связанных в звуковом отношении со словом *ассамблея*: *ассамблеи* — *блестки* — *блистали* — *остолбенел* — *стебель* — *соболью*: Корсаков *остолбенел* ⟨...⟩ Дамы сидели около стен; молодые *блистали* всею роскошию моды. Золото и серебро *блистало* на их робах; из пышных фижм возвышалась, как *стебель*, их узкая талия; алмазы *блистали* в ушах, в длинных локонах и около шеи. Они весело повертывались направо и налево, ожидая кавалеров и начала танцев. Барыни пожилые старались хитро сочетать новый образ одежды с гонимою стариною: чепцы сбивались на *соболью* шапочку царицы Натальи Кирилловны, а робронды и мантильи как-то напоминали сарафан и душегрейку. Созвучие *к-л-т*, связанное с заглавным словом, организует фрагмент в «Заколдованном месте» Гоголя: ...ноздри — хоть по ведру воды вылей в каждую! губы, ей-богу, как две *колоды*! красные очи *выкатились* наверх, и еще и язык высунула и дразнит! — Черт с тобою, сказал дед, бросив *котел*. — На тебе и *клад* твой! В «Асе» Тургенева важную роль играет созвучие *б-р-г*, *б-р-к*, *б-р-х*: «Однажды, вечером, сидел я на своей любимой скамье и глядел то на реку, то на небо, то на виноградники. Передо мною белоголовые мальчишки *карабкались* по бокам лодки, вытащенной на *берег* и опрокинутой насмоленным *брюхом* вверх. *Кораблики* тихо бежали на слабо вздувавшихся парусах ⟨...⟩ В городе Л. играли вальс; контрабас гудел отрывисто, *скрипка* неясно заливалась, флейта свистала бойко. — Рейн лежал перед нами, весь серебряный, между зелеными *берегами*; в одном месте он горел *багряным* золотом заката».

Звуковой повтор взаимодействует с лексическим повтором, они подкрепляют друг друга: заглавие одной из «Повестей Белкина» Пушкина — «Выстрел» — пересекается с именем героя Сильвио, которое неоднократно повторяется. Его консонантный состав отражается в словах, находящихся в непосредственной близости от него: «Сильвио получал письма, адресованные в наш полк, и обыкновенно тут же находился. Однажды подали ему пакет, с которого он *сорвал* печать с видом величайшего нетерпения. Пробегая письмо, глаза его *сверкали*; ... скоро веселость его соделалась общею; «*Сильвио*!» — закричал я, и, признаюсь, я почувствовал, как *волоса* стали вдруг на мне дыбом; — Я *выстрелил*, — продолжал граф, — и, *слава* Богу, дал промах; тогда Сильвио...»

Во фрагменте из романа Достоевского «Преступление и наказание» повторяются однокоренные слова *отворил*, *растворилась*, *притворил*. Они перекликаются с близкозвучными словами *дверь*, *вероятно*, *ворота*: «Он

снял запор, *отворил дверь* и стал слушать на лестницу. Долго он выслушивал. Где-то далеко, внизу, *вероятно* под *воротами*, громко и визгливо кричали чьи-то два голоса, спорили и бранились ⟨...⟩ Он уже хотел выйти, но вдруг этажом ниже с шумом *растворилась дверь* на лестницу ⟨...⟩ Он опять притворил за собою *дверь* и переждал».

В прозаическом тексте, как и в стихотворном, повторяются объединения одного и того же созвучия. Между этими объединениями используются единичные слова с соответствующим созвучием. В «Капитанской дочке» такие повторяющиеся объединения включают слова *плата*, *тулуп*, *полтина*, *петля* и т. п.: *Я расплатился* с хозяином, который взял с нас такую умеренную *плату*, что даже Савельич с ним не заспорил ⟨...⟩; велел Савельичу дать ему *полтину* на водку. ⟨...⟩ нет у нас лишних *полтин* ⟨...⟩ «Хорошо, — сказал я хладнокровно, — если не хочешь дать *полтину*, то вынь ему что-нибудь из моего *платья*. Он одет слишком легко. Дай ему мой заячий *тулуп*», ⟨...⟩ детский *тулуп*, подаренный бродяге, избавлял меня он *петли*, и пьяница, шатавшийся по постоялым дворам, осаждал крепости и потрясал государством. В повести Марлинского «Аммалат-бек» в комбинациях с разными словами сочетаются слова *кровь*, *ковер*: Эта *кровь* зовет месть!.. Тяжело раненный капитан, простонав, упал на *ковер* — «Ты погубил меня, — произнес Аммалат, всплеснув руками, — он русский и гость мой. — Есть обиды, которых не *покрывает кровля*» — ⟨...⟩ юный бек, истощенный *кровью*, утомленный путем, голодом и душевною тоскою, бесчувственно упал на узорные *ковры* — *Кровавое* море ходит, плещет, бушует кругом меня, и над ним *сверкают* только молнии вместо звезд — по *кровавому ковру* — взял из *тороков роковой* мешок... Лежали на *коврах*, шепотом разговаривая между собой. Между этими сгустками располагаются единичные слова с таким же созвучием: *ковром*, *скривилась*, *сверкал*, *кровь*, *кровля*, *ковер*, *закравшись*, *коварство*, *однокровными* и т. п.

В «Записках из мертвого дома» Достоевского ключевое слово *наказание* входит в цепь перекликающихся слов: «*Казенная* каторжная крепостная работа была не занятием, а обязанностью: арестант отрабатывал свой урок или отбывал *законные* часы работы и шел в острог». В этом же абзаце, который занимает страницу, встречаются слова *законный*, *казенный*, *заказы*, *наказан*, *наказание*. Во II главе, «Первые впечатления», нагнетается слово *казенный*, вслед за которым появляется слово *неказистый*: «Большинство же каторги ело *казенную* — Щи же были *неказисты*». В этой же главе — второй сгусток слов с таким же созвучием: вслед за трижды повторенным словом *князек* идет отрывок, в котором паронимы сконцентрированы: «Тут же прочел ему самое подробное наставление, как должно вести себя вперед, и, в заключение, расстрелял его, о чем немедленно и донес начальству со всеми подробностями. За все это его судили, приговорили к смертной *казни*, но смягчили приговор и сослали в Сибирь, в каторгу второго разряда, в крепостях, на двенадцать лет. Он вполне сознавал, что поступил неправильно, говорил мне, что знал об этом и перед расстрелянием *князька*, знал, что мирного должно было судить по *законам*».

В повести Чехова «Степь» слова *костер, крест, красный* и некоторые другие слова с созвучием *к-р-с, к-р-с-т* стоят в непосредственной близости друг к другу в нескольких абзацах: Свет от *костра* лежал на земле большим мигающим пятном: хотя и светила луна, но за *красным* пятном все казалось непроницаемо черным ⟨...⟩; В двадцати шагах от *костра*, на границе дороги с полем стоял деревянный могильный *крест*, покосившийся в сторону. Егорушка, когда еще не горел *костер* и можно было видеть далеко, заметил, что точно такой же старый, покосившийся *крест* стоял на другой стороне большой дороги; Все отдыхали, о чем-то думали, мельком поглядывали на *крест*, и опять наступила тишина. Откуда-то, вероятно из балочки, донесся *грустный* крик птицы ⟨...⟩; Кирюха, стараясь не шуметь, сунул в *костер* пук бурьяна. Дождавшись, когда бурьян перестал трещать и шипеть, *старик* продолжал ⟨...⟩; *Крест* у дороги, темные тюки, простор и судьба людей, собравшихся у *костра*, — все это само по себе было так чудесно и страшно, что фантастичность небылицы или сказки бледнела и сливалась с жизнью; Все покосились на *крест*, переглянулись и вдруг засмеялись; стало стыдно за свой *страх*; Стало слышно, как под ногами шедшего шуршала трава и *потрескивал* бурьян, но за светом *костра* ничего не было видно; А *костер* уже потухал. Свет уже не мелькал, а *красное* пятно сузилось, потускнело. От *костра* осталось только два маленьких *красных* глаза, становившихся все меньше и меньше. ⟨...⟩ Оба *креста* одинаково были видны, и далеко-далеко, где-то на большой дороге, светился *красный* огонек. В повести «В овраге» повторяются слова с этим же созвучием: «*Косари* нынче дороги, — сказала Прасковья. — Рубль *сорок* в день!» — Впереди, у самой дороги, горел *костер*; пламени уже не было, светились одни *красные* уголья — И *коростель* кричал, казалось, на том самом месте, где был *костер*... — *Старик* зевнул и *перекрестил* рот.

В рассказе Чехова «Невеста» ключевые слова *прошлое, прежнее, прощай* связаны в звуковом отношении. Они несколько раз объединяются в рамках фраз и абзацев: *Прощай*, город! ⟨...⟩ А когда сели в вагон и поезд тронулся, то все это *прошлое*, такое большое и серьезное, сжалось в комочек, и разворачивалось громадное, широкое будущее, которое до сих пор было так мало заметно; *Прошла* осень; за ней *прошла* зима ⟨...⟩ Письма из дому приходили тихие, добрые, и, казалось, все уже было *прощено* и забыто; *Прошел* май, настал июнь... Нина Ивановна рассказывала по вечерам про свою философию; она *по-прежнему проживала* в доме, как *приживалка*, и должна была обращаться к бабушке за каждым двугривенным; все *прежнее* оторвано от нее и исчезло, точно сгорело, и пепел разнесся по ветру. Она вошла в Сашину комнату, постояла тут. / «*Прощай*, милый Саша!» — думала она...

В стихах Ф. Сологуба соотносятся слова *темный, туман, томительный* и т. п. Подобные слова соотносятся и в небольших фрагментах прозаического текста, например, в романе «Тяжелые сны»: Мерещилось опять, что стоит он в *темной* комнате, над постелью, проклинает мертвеца, — и *томительный* ужас леденит его; Белесоватый *туман* надвигается, наползает со всех сторон, — и только красное одеяло зияет *темными*

складками; Мечты и мысли, неопределенные, *смутные*, толпились. *Томительная*, сладкая тоска, беспокойная, узкокрылая ласточка, реяла над сердцем. В своей комнате Логин опять нашел *темное*, неизбежное. Злые сомнения вновь зашевелились, еще неясно сознаваемые, — *смутные*, тягостные предчувствия; снилось, что *темное* и безобразное навалилось на грудь и давит. Оно прикинулось вампиром с яркими глазами и серыми широкими крыльями; длинное, *туманное* туловище бесконечно клубилось и свивалось (...) Было *томительно* страшно; Всматривалась в *темные* углы коридора, боязливо *думала* короткими, *смутными* мыслями; В последнее время часто случалось проводить ночи вовсе без сна, — ночи *томительных* грез, отрывочных воспоминаний. В нем творилось что-то неладное. Сознательная жизнь *мутилась*...; Мирная тишина *отуманенных* полей и *темных* деревьев; Что-то *темное* бросало на его душу колеблющуюся, тревожную тень. Кто-то *туманный*, неуловимый, злой издевался над заветными мечтами и т. п. В рассказе Сологуба «Свет и тени» несколько раз повторяются слова *тень — стена*: ...*тени*.., отброшенные на белую *стену*, образовали длинные силуэты; По *затененной* абажуром *стене потянулась* длинная *тень*, слабо очерченная, смутная; на белой *стене* появлялись очертания... Эти *теневые* очертания становились близки ему и дороги; от второго окна упала другая *тень*, тоже сначала к задней *стене*; *Тени* реют по *стенам* церкви. Кроме того, слово *тень* сочетается со словами *тянулись*, *теснились*, *таинственные*.

В главе «Мартовская капель» повести И. Шмелева «Лето Господне» сменяющие друг друга объединения созвучий образованы словами *голубой*, *голубь*, *глыба*, *глубокий* и др.: Меня обливает *блеском* зелено-*голубого* льда. (...) И сизые *голубки* на нем (...) Острые его *глыбы* стреляют стрелками по глазам, как искры (...) Возчики наезжают друг на дружку, путаются *оглоблями* (...); Летят *голубые глыбы*; Прыгает с карандашиком по *глыбам*, возки считает. Носятся над ним *голуби*; грохаются в лотки ледяные *глыбы*, скатываются корзины снега, позвякивает ледянка-щебень — на крепкую засыпку. *Глубокие* погреба глотают и глотают.

Через небольшие фрагменты текста проходят разные цепочки близкозвучных слов. В отрывке из романа Достоевского «Преступление и наказание» повторяется пара *петля — пальто*, слово *пальто* имеет соответствие *платье*. Повторяющееся слово *топор* имеет соответствия *спрятать*, *теперь*: «Во-первых, надо было *петлю* сделать и к *пальто* пришить — дело минуты. (...) снял с себя широкое, крепкое, из какой-то толстой бумажной материи летнее *пальто* (единственное его верхнее *платье*) (...). Что же касается *петли*, то это была очень ловкая его выдумка: *петля* предназначалась для топора. Нельзя же было по улице нести *топор* в руках. А если под *пальто* спрятать, то все-таки надо было рукой придерживать, что было бы приметно. *Теперь* же, с *петлей*, стоит только вложить в нее лезвие топора, и он будет висеть спокойно, под мышкой изнутри, всю дорогу».

В развернутых фрагментах текста объединяются несколько звуковых рядов. Например, в повести Гоголя «Тарас Бульба»: «Вечером вся *степь*

совершенно переменялась. Все *пестрое пространство* ее охватывалось последним ярким отблеском солнца и *постепенно* темнело, так что видно было, как тень перебегала по нем, и она становилась темно-зеленою; *испарения* подымались гуще, каждый цветок, каждая травка испускала амбру, и вся степь курилась благовонием. По небу, изголуба-темному, как будто исполинскою кистью наляпаны были широкие полосы из розового золота; изредка белели клоками легкие и *прозрачные* облака, и самый свежий, обольстительный, как морские волны, ветерок едва колыхался по верхушкам травы и чуть дотрогивался до щек». Центральный звуковой ряд образован словами *степь, пестрое, пространство, постепенно, испарения, прозрачные*. Его развитие перебивается такими словами, как *отблеском, перебегала, благовонием, изголуба, облака*, образующими сквозную цепочку, и частными перекличками: *темнело, тень, темно, подымались*; *последним, исполинскою, наляпаны, полосы*; *клоками, колыхался*. От слова *отблеск* тянется нить и к слову *обольстительный*. В последней строке сконцентрировано несколько слов с однотипным созвучием: *ветерок, травы, дотрогивался*, которые связаны с предшествующим текстом лексическим повтором — *травка*.

Контактный повтор близкозвучных слов имеет соответствие в цепочке дистантных повторов. На этом фоне могут существовать и контактные, и дистантные повторы разнотипных созвучий. Например, в романе И. Тургенева «Дым»: «Один только шаг, одно движение, и *умчались* бы в неведомую даль две навсегда соединенные жизни... Пока она *колебалась*, раздался громкий свист, и поезд *двинулся*. Литвинов откинулся назад ⟨...⟩ она вдруг *поднялась*, оттолкнула предложенную руку и, выбежав на улицу, чрез несколько мгновений исчезла в *молочной* мгле *тумана*, столь свойственного шварцвальдскому климату в первые осенние дни». «День стоял *серый* и *сырой*; дождя не было, но *туман* еще держался, и низкие *облака заволокли* небо. Ветер дул навстречу поезду; беловатые *клубы* пара, то одни, то смешанные с другими, более *темными клубами дыма, мчались* бесконечною вереницей мимо окна, под которым сидел Литвинов». Вслед за объединением *облака заволокли* идут слова *клубы, колебалась*. Другие звуковые переклички — контактные: *серый* и *сырой*; дистантные: *мчались — умчались — молочной, туман — темными — дыма — тумана, двинулся — поднялась*.

Подобные особенности звуковой организации прозаического текста прослеживаются в стихотворениях в прозе Тургенева. Например, в стихотворении в прозе «Голуби»:

Я стоял на вершине пологого холма: передо мною — то золотым, то посребренным морем раскинулась и пестрела спелая рожь. Но не бегало зыби по этому морю; не струился душный воздух: назревала гроза великая. Около меня солнце еще светило — горячо и тускло; но там, за рожью, не слишком далеко, темно-синяя туча лежала грузной громадой на целой половине небосклона.

Все притаилось... все изнывало под зловещим блеском последних солнечных лучей. Не слыхать, не видать ни одной птицы; попрятались даже воробьи. Только где-

то вблизи упорно шептал и хлопал одинокий, крупный лист лопуха (...) Но туча не двигалась. Она по-прежнему давила безмолвную землю... и только словно пухла да темнела. Я едва домой добежал. Визжит ветер, мечется как бешеный, мчатся рыжие, низкие, словно в клочья разорванные облака, все закрутилось, смешалось, захлестал, закачался отвесными столбиками рьяный ливень, молнии слепят огнистой зеленью, стреляет как из пушки отрывистый гром, запахло серой (...) Уже два платка мелькают, два комочка несутся назад: то летят домой ровным полетом два белых голубя.

Единый сквозной ряд задан заглавием «Голуби», повторяющимся в тексте: *пологого, бегало, небосклон, блеском, хлопал, лопух, пухла, облака, запахло*. На этом фоне множество частных перекличек: *стоял, пестрела, спелая, струился, притаилось, попряталисъ, лист, захлестал, слепят, стреляют; тускло, тоскливое, жестокое; смутно, темнело, томление; гроза — грузная, прекрати — закрутилось, не двигалась — давила; безмолвная земля; мечется — мчатся; клочья — закачался; ливень, половина, изнывало.*

В небольших отрезках текста чередуются слова с разнотипными созвучиями. В отрывке из «Старосветских помещиков» Гоголя объединяются разнотипные перекликающиеся слова: *разложен — железного — желе; медный — на меду*, которые чередуются друг с другом: *железного — медным — желе — на меду*: «Под яблонею вечно был *разложен* огонь, и никогда почти не снимался с *железного* треножника котел или *медный* таз с вареньем, *желе*, пастилою, деланными *на меду*, на сахаре и не помню еще на чем».

Независимые звуковые повторы обрамляют паронимические сочетания: на улицах лежали еще *трупы* убитых; многие *домы дымилисъ* после пожара... живые *прятались* по углам (Марлинский); все *замолкло*; лишь *ревет ветер*, гонит мелкие дымчатые облака перед луной, и ее свет по временам как будто синею *молниею* освещает грозное небо и *неумолимую* пучину (В. Одоевский); абрикосовую луну перечеркнула *туча*. Темнота над мостом *моргала* и *морщилась* от *летучих* мышей (Набоков).

Рассмотренные звуковые построения имеют соответствия в стихотворной речи.

Литература

Альтман М. Читая Толстого. Тула, 1966.

Белый А. Мастерство Гоголя. М.; Л., 1934.

Григорьев В. П. Поэтика слова. М., 1979.

Давыдов С. Звук и тема в прозе Пушкина // Пушкин и поэтический язык XX века. М., 1999.

Е. В. Красильникова
Москва

ДВИЖЕНИЕ (Н. ЗАБОЛОЦКИЙ)

Какое место занимает движение в стройной картине мира, созданной Н. Заболоцким?

Начнем со стихотворения, которое прямо носит название «Движение» (оно опубликовано в сборнике «Столбцы» 1929 г.; см. о нем статью В. В. Бровара «А бедный конь руками машет» 1991).

Сидит извозчик, как на троне,
Из ваты сделана броня
И борода, как на иконе,
Лежит, монетами звеня.
А бедный конь руками машет,
То вытянется, как налим,
То снова восемь ног сверкают
В его блестящем животе.

В первой строфе употреблены статичные глаголы, расположенные синтаксически симметрично. В начале первой и четвертой строк: ***сидит*** *извозчик*; (*борода*) ***лежит***, *монетами звеня*. Они включены, вставлены в общую картину движения. Поэтому и *борода звенит монетами*. Во второй строфе — два глагола движения: (*конь*) *руками* ***машет***, ***вытянется***, *как налим*, а третий — ***сверкают*** — передает впечатление от быстрого движения. Первая часть построена на рифмовке: *троне* — *иконе*, *броня* — *звеня*. Второе четверостишие — без рифм. Первая строфа — *извозчик*, вторая — *конь*. *Движение* коня пронизывает весь стих, оно соотнесено и со слуховым впечатлением *звеня*, и зрительным — ***сверкают в блестящем*** *животе*. Соотношение движение — слуховое — зрительное впечатление регулярно повторяется в стихах Заболоцкого. Экспрессивные глаголы зрительного восприятия: *сверкать*, *сиять*, *пылать*, *блестеть*, *блистать* — регулярно включаются в этот ряд. Ср.:

Вот луковицы *вылетают*,
Скрипят прозрачной скорлупой
И вдруг, вывертываясь из нее,
Прекрасной наготой *сверкают*.
Обед.

Внимание к этому механизму помогает пониманию структуры стихов поэта. «Поэма дождя» построена как диалог двух фигур — волка и змеи, занимающих разные позиции в решении философского вопроса. Мир находится в движении. Волк видит: змея ползет, спешит, с древа спадает лист, льется ясный дождь, течет вода, крестьяне бегают. Но его волнует понимание устройства мира: Зачем? Зачем вода с небес течет? Ответ змеи прагматичен:

Премудрый волк, уму непостижим
Тот мир, который *неподвижен*.
И так же просто мы бежим,
Как вылетает дым из хижин.

Волка он не удовлетворяет:

Ты от себя бежишь, мой свет,
В *движенье* правду разумея.

Для него, кроме движения, важна высшая форма существования мира — музыка (*Природа в стройном сарафане (...) весь день играет на органе*). Это соединение и есть «жизнь».

Мир поэта построен на идее преображения природы: от неподвижного к движущемуся.

***Озеро** в тихом вечернем огне / Лежит в глубине, **неподвижно** сияя; И **неподвижный** лик луны; у **неподвижных** скал; Вы, **деревья** / Укрепленные на трехэтажных корнях / И других **неподвижных фундаментах; Жуки с неподвижными крыльями**, / Зародыши славных Сократов; И лошадь в клетке из оглобель, /-Повозку крытую влача, / Глядит покорными глазами / В таинственный и **неподвижный мир**.*

В природном мире движутся планеты, светила, солнце, река:

*Постиг планет могучее **движенье** / Рожденье звезд и их происхожденье; Только там, где **движутся** светила; Утро вынесло в руке /Возрожденья красный атом. Красный атом возрожденья, / Жизни огненный фонарь. / На земле его **движенье** / Разливает киноварь; С высот свергается река, / Сменив **движенье** на кривое.*

Особое место у Заболоцкого занимает образ — именно образ — дождя. Его начало — туча:

Движется нахмуренная туча,
Обложив полнеба вдалеке,
Движется огромна и тягуча,
С фонарем в приподнятой руке.

Его сущность — зарождение жизни:

В тумане облачных развалин
Встречая утренний рассвет,

Он был почти нематериален
И в формы жизни не одет.
Зародыш, выкормленный тучей,
Он волновался, он кипел...
Он падал издали, с наклоном
В седые скопища дубрав,
И вся земля могучим лоном
Его пила, затрепетав.

Движется время: *И время **двинулось** быстрее*; и все одушевленные существа: *Некоторые **движения** коровы/ Для меня ясней, чем ваши; Подражая **движеньям** людей; Младенческая грация души / Уже сквозит в любом ее **движенье**.*

По Н. Заболоцкому, существует только бесконечное круговое движение жизни. Оно проходит и через состояния сна, неподвижности, покоя:

Когда бы я *недвижным* трупом
Лежал, устав от бытия ...
Но и тогда, во тьме кромешной,
С самим собой наедине,
Я пел бы песню жизни грешной
И призывал ее во *сне*.

Ср. в поэме «Птицы»:

Ходит сон по дворам ... Земля моя, мать моя, лягу —
Скоро лягу и я в твои недра. Тогда, как ребенку,
Сказочку эту мне расскажи. Ходит сон по дворам...
Все-то ходит,
все-то смотрит: «Кто тут не спит еще? Я вот его!»

Пересекаются темы сна и покоя:

И в темном чертоге вселенной,
Над сонною этой листвой
Встает тот нежданно мгновенный,
Пронзающий душу покой.

Но в основе философской картины мира поэта — антонимия: жизнь — покой:

Я жизнь мою прожил, я не видал покоя:
Покоя в мире нет. Повсюду жизнь и я.
Завещание

(Покой, спокойствие появляются в «надчеловеческих» контекстах: *Гордый пес, **как божество, спокоен**; И сквозь **покой пространства мирового**.*)

Идея противопоставления движение—покой нередко пронизывает композицию стихотворения, ср. «Игра в снежки». Но есть стихи более

сложной структуры, в которых выделяются картины энергичного, резкого движения:

Тут тесто, вырвав квашен днище,
как лютый зверь в пекарне рыщет,
ползет, клубится, глотку давит,
огромным рылом стену трет; (...)
и хлебопеки сквозь туман,
как будто идолы в тиарах,
летят, играя на цимбалах
кастрюль неведомый канкан.
Как изукрашенные стяги,
лопаты ходят тяжело
и теста ровные корчаги
плывут в квадратное жерло.

Заметим, что для «Столбцов» характерно также сочетание глаголов движения с предметами, не соединимыми с физическим движением:

А день в решетку пальцы тянет,
Но не достать ему знамен.
Часовой

И смерть над ними, как торгаш,
Поводит бронзовой острогой.
Рыбья лавка

Графину винному невмочь
Расправить огненный затылок.
Свадьба

Огромный дом, виляя задом,
Летит в пространство бытия.
Свадьба

Расступились на площади зданья...
Ночное гулянье

Движущийся мир изображен всеми поэтами (см. наблюдения о формах представления движения у М. Кузьмина, В. Хлебникова, Вяч. Иванова, Н. Гумилева, И. Бродского, О. Мандельштама, Б. Пастернака в [Логический анализ языка 1999]).

Но есть закономерности, общие (разумеется, не до конца) лишь для отдельных поэтов, групп поэтов. Н. Заболоцкий был, особенно в начале пути, горячим поклонником Хлебникова. Рассмотреть их близость и расхождения — отдельная задача. Однако можно сразу же назвать многие общие черты: «Ямб, хорей, стихи с трехсложной стопой, притом количество тактов колеблется от одного до шести. Неподвижной мерки нет»; «Константой является сменность стиха, постоянное его ритмическое об-

новление»; «Такое построение стиха уже затаило в себе принцип диалогичности и драматичности» [Панов 2000: 311]. М. В. Пановым указаны линии, на которых можно ощутить сближения Заболоцкого с Хлебниковым. М. В. Панов говорит о сдвиге как основном приеме В. Хлебникова: «Основная цель его — дать объекты в их специфической резкости». Признаки сдвига есть и у Заболоцкого. Нужно подумать о его реализации в «Столбцах».

«У Хлебникова сдвиг служит изображению целостности и текучести мира. Невероятная разномасштабность и качественная несовместимость отдельных частей мира охватывается и объединяется целостным движением. Движение не может быть изображено перебором тождественных или похожих объектов. Переход от того же к тому же не есть движение. Обнять мир можно только объединением принципиально разного, переходом от этого к совсем иному. Так работает сдвиг у Хлебникова» [Панов 2000: 316].

Литература

Бровар В. В. А бедный конь руками машет // Русская речь. 1991. № 2.

Красильникова Е. В. Николай Заболоцкий («Столбцы») // Очерки истории языка русской поэзии XX века: Опыт описания идиостилей. М., 1995.

Логический анализ языка: Языки динамического мира. Дубна, 1999. (*Гик А. В.* О соотношении движения вверх/вниз/по кругу в физическом и ментальном пространствах лирического субъекта М. Кузьмина; *Грек А. Г.* Символика движения-неподвижности в стихах из «Римского дневника 1944 года» Вяч. Иванова; *Григорьев В. П.* В. Хлебников: *Веха*, *двигава* и *путь*; *Лобода С. Н.* Физика и метафизика движения в поэзии Н. Гумилева и И. Бродского; *Панова Л. Г.* Du mouvement avant toute chose, или Движение в поэзии О. Мандельштама; *Перцова Н. Н.*, *Рафаева А. В.* «Старче Божий! Зачем идешь?» (комментарий к последнему стихотворению В. Хлебникова); *Фатеева Н. А.* «Опять бежать..?» (о концепте бега у Б. Пастернака)).

Панов М. В. Сочетание несочетаемого // Мир Велимира Хлебникова: Статьи и исследования 1911—1998. М., 2000.

Г. С. Куликова, Г. Г. Полищук
Саратов

ЗВУЧАЩАЯ РЕЧЬ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

Важным аспектом в изучении стилистических и семантических характеристик звуков русского языка, их сочетаний и изменений в речевом потоке является анализ отражения звучащей речи в художественном тексте. Говоря о звуках в художественном тексте, Ю. М. Лотман пишет: «...фонема — не просто звук определенной фонетической природы, а звук, которому в языке искусства приписано определенное структурное значение...» [Лотман 1972: 67]. Это суждение справедливо по отношению ко всем фонетическим явлениям, которые могут быть переданы средствами художественной речи. В поэтическом тексте звуковая палитра может быть связана со спецификой ритмо-мелодических свойств стиха. Теория звукосимволизма оценивает принципы выбора звуков, их сочетаемости, повторяемости как результат осуществления художественного замысла.

Так, в стихотворении К. Бальмонта «Влага» аллитерация звука *л* передает настроение неторопливой созерцательности, характерной для лирического героя:

С лодки скользнуло весло,
Ласково веет прохлада.
«Милый! Мой милый!» Светло,
Сладко от беглого взгляда.

Лебедь уплыл в полумглу,
Вдаль, под луною белея,
Ластятся волны к веслу,
Ластится к неге лилея.

Традиционные свойства звука *л*, как звука нежного, мягкого, ласкового [Журавлев 1974: 114], отчетливее выявляют поток лирического сознания. Звуковыми доминантами текста становятся всевозможные сочетания со звуками *л* и *л'* в словах *лодки, скользнуло, лебедь, вдаль* и т. д.

Строки В. Маяковского «Там, где грозы гремят, грома потрясав» передают силу и мощь грозы путем повтора звукосочетания *гр*, связанного со значением грубости и силы [там же 130,131].

В эпической прозе использование звучащей речи, как правило, обусловлено необходимостью передать особенности речи разговорной. По-

этому в художественных текстах дается и произношение отдельных звуков, и отдельных высказываний, значение и стилистическая нагрузка которых связаны с их произношением, т. е. со звучанием.

В этом проявляются возможности звуковой системы языка, использование ее для передачи устной (звучащей) речи персонажей. Однако наличие прямой зависимости между звуковой системой и ее реализацией в художественном тексте определяет целый ряд особенностей, обусловленных спецификой художественного текста, синтезирующего многие составляющие (стиль автора, образная система, структура текста), каждая из которых требует специального рассмотрения. В связи с этим оказывается существенным проанализировать состав звуковых средств, способы их включения в текст, место звуковых средств в образной и содержательной структуре текста, авторское своеобразие в использовании звучащей речи.

Специфика звучащей речи в художественном тексте связана с той коммуникативной и эстетической нагрузкой, которой подчиняются все текстовые компоненты. Так, стилизуя произношение отдельных звуков, автор передает их общеязыковые свойства и особенности их видоизменения в речи.

Это может быть продленное произношение гласного (*Ура-а-а*; *выинъ.* — А. Чехов; *та-ак*; *мда-а* — В. Шукшин; *Настя-я* — К. Паустовский) или согласного звука («*Нне-ет!*» — *сказал Левин* — Л. Толстой; *уд-дивительный редис* — А. Куприн). Это может быть скандированное произношение слова (*Они ничего, ни-че-го не понимают* — А. Куприн; *по че-ло-ве-че-ству* — А. Куприн; *ни-ког-да* — В. Липатов). Произношение такого типа передает настроение говорящего, категоричность высказывания, определяет стилистическую окраску слова и корректирует его значение. Например, произношение *та-ак* выражает не просто согласие, но и характеризует раздумья, сомнения; *ни-ког-да* свидетельствует о непреложности высказывания, усиливая уже присутствующую в слове сему.

При передаче интонирования типовых интонационных рисунков [Брызгунова 1969; Светозарова 1982] автор может использовать прием их трансформации, расширяя возможности передачи значений и эмоциональной нагрузки высказываний [Бондарко 1998: 244]. Так, например, наряду с вопросительными предложениями со свойственным им вопросительным значением (*Что вам?* — А. Чехов; *Кушать дома не будете?* — Л. Толстой; *Дома Хорь?* — И. Тургенев) используются высказывания, в которых вопрос либо «потерялся», либо, напротив, осложнен дополняющими вопрос значениями. Например, в повести Пушкина «Станционный смотритель» бедный отец говорит: «*Так вы знаете мою Дуню?*» После этого прямого вопроса он добавляет: «*Кто же и не знал ее?*» В вопросительном по форме предложении вопросительная сема ослаблена, вопрос не предполагает ответа и синонимичен утверждению: всѣ ее знали. Или: «*Софья Ивановна ...спросила зло: "А можно не орать? Вы же не на вокзале, верно?" И хлопнула дверью*» (В. Шукшин). Вопросительное предло-

жение такого типа сохраняет лишь интонационный рисунок, однако вопросительная сема ослабляется или ликвидируется.

Синтез вопросительной интонации с лексическим наполнением высказывания может придать ему значение утверждения: «*Как не нужно? А случится стрелять?*» — отстаивает герой Н. Гоголя необходимость в хозяйстве ружья. Аналогичны по коммуникативной цели предложения типа: *Так чего тут рассказывать?*; *Ничего со мной не случится. Не здют што ль люди?*; *Что ты испугалась-то?*; *Что я для сына двадцать рублей пожалею?* (В. Шукшин). Во всех этих случаях интонация корректируется словесной основой, которая становится выразителем смысла и стилистической окраски высказывания.

Вопросительные предложения могут быть осложнены дополнительными значениями:

удивления: «*Она тут в городе. В городе?*» — *произнес он едва не вскрикнувши* (Н. Гоголь); «*Что ты говоришь?*» — *с ужасом воскликнул он* (Л. Толстой);

изумления: «*Вы о ком говорите, Павел Андреевич?*» — *с притворным изумлением спросил толстяк* (И. Тургенев);

приглашения: «*А что, Пульхерия Ивановна, может быть пора закусить чего-нибудь?*» (Н. Гоголь);

укора: «*Что ты с ума сошла?*» — *возражал отец* (А. Пушкин);

нетерпения: «*Хорошо, знаю, ну потом? Ну а Берестов?*» (А. Пушкин) и т. д.

Аналогичные смысловые приращения можно наблюдать в характере звучания восклицательных предложений. Восклицательная интонация используется и в свойственных этому типу высказываний предложениях-командах: «*Встать!*» — *визгливым голосом закричал лейтенант Кнопф* (К. Паустовский). Восклицательные предложения могут выражать также

гнев: «*Пропади они пропадом, собаки!*» — *воскликнул рассерженный Тарас* (Н. Гоголь);

восхищение: «*Боже мой, как у вас здесь хорошо! Как хорошо!*» — *говорила Анна* (А. Куприн);

негодование: «*Вы мне жалки, отвратительны!*» — *закричала она, горячась все более и более* (Л. Толстой);

возмущение: «*Это ужасно! Ужасно!*» (Л. Толстой);

удивление: «*Что вы говорите!* — *сказала она, побледнев.* — *Берестовы, отец и сын! Завтра у нас обедать!* (...)» (А. Пушкин);

восторг: «*Наши!*» — *кричал Егор Петрович* (К. Паустовский);

ненависть: «*Подите прочь, болван!*» (А. Чехов);

категоричность: «*Никогда, Олеся, никогда!*» (А. Куприн).

Разнообразие смыслов создается лексическим обозначением характера высказывания (*сказал с отчаянием, с ужасом, изумлением*) и его содержанием (*Встать! Что ты с ума сошла?*).

Семантика высказывания расширяется при переспросах и повторах: «*Но что же делать? Что делать?*» (Л. Толстой). В этом случае повторение вопросительного высказывания выражает отчаяние, растерянность человека, попавшего в трудное положение. Взволнованность, недоумение проявляются и в высказывании: «*Но мы еще увидимся? Правда? Увидимся?*» (К. Паустовский). Вопросительное высказывание не предполагает ответа, оно само обозначает утверждение, сопровождаемое эмоциональным состоянием говорящего.

Повтор может быть связан с переспросом, заключающим недоумение: «*Помнишь, как ты за мной приударял? — Кто? Я что ли? Господи!*» (В. Шукшин). В речи партнера передается удивление, отрицающее утверждение собеседника (не было этого).

Повтор может сигнализировать об иронической интонации:

— *По блату выставили* (жеребца. — *Авт.*).

— *Красивый.*

— «*Красивый*» — *передразнил сына Кондрат.* — В. Шукшин (т. е. нельзя его считать красивым).

Все эти семантические сдвиги, несомненно, отражаются на характере интонирования. Может быть изменено место логического ударения: «*Она тут в городе. — В городе?*» — Н. Гоголь (здесь логически подчеркивается слово, выражающее неожиданность восприятия информации); «*Так что тут рассказывать-то?*» — В. Шукшин (логическое выделение слова *рассказывать* ослабляет силу вопроса, сводит его к отрицанию: нечего рассказывать).

Может изменяться и структура синтагматического членения: «*Куда же они ее прогнали? Куда! — Известно, в лес. Куда же еще?*» — А. Куприн. Компоненты фразы, тесно связанные по смыслу, помещаются в разные синтагмы, создавая разорванную структуру, подчеркивающую значимые части. При этом изменяется сила звука в значимом слове, а выделение значимого слова определяет характер интонационного рисунка: *А у тебя что, руки отсохли? Возьми да покидай*»; «*Пиши, как тебе говорят!*» — *приказала бабка.* — В. Шукшин (так выделены слова *руки, пиши*). Таким образом, можно говорить о синтезе лексических и интонационных средств, играющих роль в передаче всех нюансов звучащей речи в художественном тексте.

Передавая особенности звучащей речи, писатель прибегает к различным способам включения разговорных высказываний в текст. Наряду с передачей произношения отдельных звуков, автор использует знаки препинания. Однако ограниченный набор знаков препинания и их многофункциональность выходит далеко за пределы возможностей однозначного интонирования высказываний. Поэтому в художественном тексте интонационный рисунок характеризуется сочетанием знака препинания с другими средствами.

Для передачи особенностей звучащей речи существенным оказывается авторское указание на тон и манеру речи: «*Здравствуй, Володька!*» — *сказал он слабым голосом*; «*Батюшка ты наш*», — *сказала она пискли-*

вым голосом (А. Пушкин); *«Маленькая ножка!» — бормотал он; Мальчики говорили растерянно: «Не надо, папочка. Довольно, папочка»* (А. Чехов); *«А что?» — испуганно спросил Левин; «Вы знакомы?» — с удивлением спросил Степан Аркадьич* (Л Толстой); *«Что же это, Егор Петрович», — тихо спросила Варвара Яковлевна; «У меня так мало осталось времени», — сказала с отчаянием Елена Петровна* (К. Паустовский); *«Но?» — удивился Степан; «Ходил к Сане и буду ходить», — упрямо повторил Филя* (В. Шукшин).

Особенности интонирования связаны с описанием речевого поведения говорящего: *«Противный, толстый мальчишка», — сказала она, тяжело дыша и всхлипнув. Она топнула ногой* (А. Чехов); *«Нет его здесь?» — спросил он, быстро глянув кругом* (И. Тургенев); *«Да ты постой», — говорил он суетясь; Моя сестра (...) в волнении ходила по комнате и говорила: «Мне весело! Мне очень, очень весело!»* (А. Чехов); *Наконец, он с трудом произнес, указывая на диван и неловко кланяясь: «Прошу покорно. Садитесь»* (А. Куприн); *«Чего тебе надобно? — сказал он ему, стиснув зубы. — Что ты за мною всюду крадешься, как разбойник? Или хочешь меня зарезать? Пошел вон!» — и, сильной рукою схватив старика за ворот, вытолкнул его на лестницу* (А. Пушкин).

Такие авторские пояснения уточняют характер интонации, что особенно существенно при возможности ее варьирования: *«Бабушка!» — укоризненно, с расстановкой произнесла Олеся* (А. Куприн), в одной ситуации, и *«Бабушка!» — раздался вдруг слабый, чуть слышный голос Олеси... «Бабушка, кто у нас?»* — в другой.

Авторское внимание к звучащей речи включено в систему описания личности персонажа. Писатель подчас мотивирует характер звучания его голоса. Так, создавая образ умирающей старушки, К. Паустовский не только характеризует звуковую сторону речи персонажа, но и объясняет ее особенности: *«А ты продай, милая», — шептала Катерина Петровна. Вот уже год, как она ослабела и не могла говорить громко.*

Облик старой цыганки в повести А. Куприна «Олеся» конструируется как описанием ее внешности, так и манеры речи: *«Счастлив будешь, богат будешь», — запела она попрошайническим, чисто цыганским голосом; «Много вас тут по лесу ходит. Всех не напоишь, не накормишь».*

В рассказе «Гранатовый браслет» Куприн подчеркивает контраст в поведении своих героев, противопоставляя не только содержание, но, прежде всего, характер их речи (Желтков: *«Я к вашим услугам, ваше сиятельство», — произнес он глухо; Желтков пролепетал омертвевшими губами; отозвался слабый голос; Прошептал Желтков, глядя вниз, на пол и краснея;* Николай Николаевич: *резко отозвался Николай; спросил высокомерно Николай Николаевич; с легкой наглостью продолжал Николай Николаевич; почти закричал прокурор*).

Текстовое единение достигается включением звучащей речи в художественную ткань произведения, сочетанием ее с другими компонентами структуры текста. Для понимания звучащей речи существенным оказывается контекст: *Узнав меня, Анюта вспыхнула. «Прошу вас не кланяться мне*

на улице», — проговорила она нервно, сурово, дрожащим голосом, не подавая мне руки, и на глазах у нее заблестели слезы (А. Чехов); *«Он здесь?» — крикнула Розалия Борисовна и вскочила* (К. Паустовский).

Контекст подсказывает интонирование и полных, и незавершенных высказываний: *Тогда Тихон задергивал занавеску и вздыхал: «Бьются ребята, а я...»* Предполагаемый финал формулируется в следующем высказывании: *« А я тут валяюсь, как боров, как бегемот»* (К. Паустовский).

Таким образом, в художественном тексте отражается весь спектр звуковых особенностей русского языка и разговорной речи. Писатель может быть квалифицирован как аудитор, тонко оценивающий коммуникативные и стилистические нюансы звуковых явлений языка и их проявления в устной речи. Автор художественного текста включает звуковые средства в общую текстовую систему, что достигается их авторской презентацией, сочетанием с другими компонентами текстовой системы. Совокупность всех компонентов конструирует тематические, характерологические, психологические составляющие целого текста и его частей. В выборе средств воплощения звуковой картины проявляются семантико-стилистические возможности языка и авторская специфика.

При чтении художественного текста указание на характер звучания речи, ее эмоциональную окраску, особенности речевого поведения героев становятся наиболее актуальными. Однако в процессе художественного чтения текст произведения не просто озвучивается всеми средствами речи, в сопровождении мимики и жестов (при возможности зрительного восприятия), а создается исполнительская интерпретация образов автора и персонажей. При этом соотнесенность письменной основы и ее звучащей версии может существенно варьироваться, а иногда и практически утрачиваться, становиться лишь формальной.

Интонация, контрастирующая с вербальной основой, может сделать озвученный текст противоположным авторскому по эмоциональной наполненности, оценочным и стилистическим характеристикам. Так, чтение Н. Караченцовым одного из самых гуманных в мировой лирике стихотворений «Я вас любил» в предъюбилейном цикле телепередач «Мой Пушкин» буквально «переворачивает» весь смысл пушкинского шедевра. Изменение места логических ударений (не выделено слово *любил*, зато выделены и противопоставлены слова *я* и *вас*), презрительный и вызывающий тон чтеца искажает образ лирического героя до неузнаваемости, делая его циничным, насмешливым, мстительным. Отмечается и стилистическое снижение текста. В этом случае связь между художественным текстом и его интерпретацией становится весьма условной.

Исполнительские версии текста, при которых он не утрачивает художественной ценности и связи с «первоисточником», тоже могут отличаться разной степенью следования авторским указаниям на характер звучания речи.

Наиболее ярким примером устной художественной речи, видимо, следует считать сценическую речь, в которой вербальная основа произве-

дения взаимосвязана со сценическим действием, сценографией и музыкальным оформлением спектакля. Особая роль в создании сценического текста [Лотман 1980: 89—99] принадлежит речевому взаимодействию актеров. Содержание речевой партии одного героя может сигнализировать о характере речи другого или способствовать включению невербального компонента (вздох, стон, смех и т. д.) в его речь. Так, например, в знаменитой постановке в БДТ «Мещан» М. Горького речевое поведение Татьяны (Э. Поповой) в разговоре с отцом (Бессеменов — Е. Лебедев), выражающее неприятие его слов, мотивировано следующей репликой Бессеменова: «Ты чего морщишься и вздыхаешь?». Это обусловлено приспособлением драматургического диалога к сценическому действию.

Любой прозаический текст в процессе инсценирования приобретает черты драматического (что позволяет нам в дальнейшем не подчеркивать различий между инсценированной прозой и драмой). При несомненной общности ряда способов передачи интонации, в драматическом варианте текста возрастает роль ремарки. Кроме того, внутренняя речь, раздумья персонажа включаются в его речевую партию, в связи с чем приобретают актуальность указания на особенности интонирования этих фрагментов текста.

Ср.: *Он думал: что ж, видно и это надо было испытать в жизни. Но если бы еще раз налетела такая буря, он бы опять растопырил руки — пошел бы ей навстречу* (В. Шукшин, Беспалый);

С е р е г а (почти про себя). *Затолдычили: злая, гнилая...Если бы еще раз налетела такая буря, опять бы растопырил руки, пошел бы ей навстречу...* (Инсценировка И. Беляковой).

Соотношение драматического текста и его сценического воплощения с некоторой долей условности можно представить в виде трех типов.

Первый тип предполагает стремление к достоверному следованию указаниям автора, хотя под влиянием устности и «оживления» текста в спектакле могут возникать незначительные его изменения, например паузы хезитации.

Ко второму типу соотношения драматургического текста и его сценического варианта можно отнести не точное, не буквальное следование письменной основе, когда допускаются изменения текста в русле авторских сигналов интонационного или «поведенческого» оформления реплики.

Так, для передачи эмоционального состояния героя (о чем может свидетельствовать как пунктуация, так и содержание реплики) типично повторение компонентов авторского текста с соответствующим этому интонационным оформлением: С т у п е д ь е в. *Я ему нужен... Я ему нужен... Я в волненьи... Я в волненьи...* (телеспектакль по пьесе И. Тургенева «Провинциалка»). Подобным образом может передаваться не только волнение, но и раздумье, растерянность, замешательство.

При третьем типе связи письменного текста и сценической версии авторские ремарки и пунктуационное оформление реплик учитываются в

меньшей степени. Это может быть связано с особенностями интерпретации роли исполнителем. Так, например, интонация актера в следующем примере противоположна авторским ремаркам: О н а. *Как называется это дерево?* — О н (удивился). *Каштан.* — О н а. *А эти кусты?* — О н (удивляясь еще больше). *Это акация.* Б. Тенин в спектакле по пьесе А. Арбузова «Старомодная комедия» обе реплики произносил утомленно, что соответствовало его пониманию роли. Актер последовательно избегал эмоциональности в речи своего героя.

Практически в любом спектакле наблюдается совмещение типов реализации авторского текста. Преобладание или доминирование одного из них зависит от художественных установок режиссера и актеров. Отношение к авторскому слову во многом определяется и эстетикой театра в целом, особенностями театральной системы [Панов 1986]. Тем не менее все преобразования текста взаимосвязаны и отражают целостность его структуры.

Надо полагать, что эти наблюдения могут быть полезны для стилистического анализа художественного текста, понимания его авторского своеобразия, а также для обучения выразительному чтению, партитурой для которого может стать звуковая палитра художественного произведения.

Литература

Бондарко Л. В. Фонетика современного русского языка. СПб., 1998.

Брызгунова Е. А. Звуки и интонация русской речи. М., 1969.

Журавлев А. П. Фонетическое значение. Л., 1974.

Лотман Ю. М. Анализ поэтического текста. Л., 1972.

Лотман Ю. М. Семиотика сцены // Театр. 1980. № 1.

Панов М. В. Сценическая речь и театральные системы // Русское сценическое произношение. М., 1986.

Светозарова Н. Д. Интонационная система русского языка. Л., 1982.

Н. Н. Перцова
Москва

ПРОСТРАНСТВО РАННЕЙ ПРОЗЫ В. ХЛЕБНИКОВА[1]

В ранних рукописях Хлебникова отчетливо прослеживается целая гамма почерков. Многие стихи и отдельные слова-неологизмы вырисованы с большой тщательностью чертежным пером, часто переходят в фигурки и виньетки; буквы мелки, своеобразны и изящны. Теоретические наблюдения и заметки личного характера, набросанные угловатой скорописью, с многочисленными сокращениями, во многих случаях просто не поддаются прочтению. На этом фоне резко выделяется своим крупным, круглым, наивно-детским почерком фантастическая проза. Обычно она записана карандашом, кажется, поэт не хотел отвлекаться на обмакивание пера в чернила, а в одном из случаев, когда он все же воспользовался пером, по всей странице растеклась гигантская клякса-река (РГАЛИ, ф. 527, оп. 1, 63: 26)[2].

Столь же резко выделяется этот пласт творчества Хлебникова и содержательно: это нарочито монотонное перечисление неких небывалых предметов и явлений (часто каждая фраза начинается с союза «и»), пестрящее неологизмами и, на первый взгляд, лишенное внутренней связи. В настоящей работе делается попытка найти ключ к его пониманию.

В поисках литературных источников самого известного произведения рассматриваемого типа — «Искушения грешника» [СП, IV] — исследователи обращаются и к Библии [Гриц 2000: 238], и к древнерусским апокрифам [Степанов 1975: 54], и к «Искушению святого Антония» Г. Флобера, и к вступлению к «Руслану и Людмиле» Пушкина [Дуганов 1990: 19—20], причем в каждом случае их аргументация достаточно убедительна. Опираясь на указания самого поэта, к этому списку можно добавить, в частности, имена Ф. Сологуба и А. Белого.

Роман Сологуба «Навьи чары» [Сологуб 1914] упомянут Хлебниковым в письме к В. Каменскому 1909 г. [НП: 354—355]:

[1] Работа выполнена при поддержке РФФИ, проект № 00-06-80222.

[2] Здесь и ниже при цитировании рукописей из государственных архивов приводятся название архива, номер фонда (и описи), номер единицы хранения и, через двоеточие, номер листа. Адрес, состоящий из одной цифры — номера листа, дается при цитировании рукописи конца 1908 — 1909 г., хранящейся в частном собрании. Знак «\» внутри цитаты означает, что находящееся слева от этого знака слово было заменено словом, находящимся от него справа, но не зачеркнуто.

Я мечтаю о большом романе, которого прообраз «Купальщики» Савинова, — свобода от времени, от пространства, сосуществование волимого и волящего. Жизнь нашего времени, связанная в одно с порой Владимира Красное Солнышко (Дочь Владимира, женатая на реке Дунае), какой она мнится слагателям былин, их слушателям. Отдельные главы написаны будут живой, другие мерной, одни драматические произведения (др⟨аматические⟩ диф⟨ференциальные⟩ ан⟨алитические⟩), другие пов⟨ествовательные⟩. И все объединено единством времени и сваяно в один кусок протекания в одном и том же времени. Кроме того, отставные военные, усмирители, максим⟨алисты⟩ и проч. в духе «Навьих чар».

Кратко сформулированный здесь творческий метод Сологуба связан, скорее, с хлебниковским жанром «сверхповести», т. е. набора отдельных словесных «глыб»[3]. С хлебниковской фантастической прозой его роднит лишь сплав воображаемого и обыденного, однако у Сологуба даже жутковатые «бледные дети» вплетены в канву реалистического повествования. (Ср., однако, первую фразу «Навьих чар»: «Беру кусок жизни, грубой и бедной, и творю из него сладостную легенду, ибо я — поэт».)

Прозрачная отсылка к исканиям Белого содержится в хлебниковских черновиках 1907—1908 гг. (РГАЛИ, ф. 527, оп. 1, 60: 65):

симфония «Бы»
симфония «Яр»
симфония «люб».

Эта запись — план создания новых слов с перечисленными основами, причем соответствующие совокупности слов названы вслед за словесными «симфониями» Белого. В предисловии ко «2-й, драматической», симфонии Белый так объясняет этот жанр [Белый 1917: 125—126]:

Произведение это имеет три смысла: музыкальный, сатирический и, кроме того, идейно-символический. Во-первых, это — симфония, задача которой состоит в выражении ряда настроений, связанных друг с другом основным настроением (настроенностью, ладом); отсюда вытекает необходимость разделения ее на части, частей на отрывки и отрывков на стихи (музыкальные фразы); неоднократное повторение некоторых музыкальных фраз подчеркивает это разделение. Второй смысл — сатирический; здесь осмеиваются некоторые крайности мистицизма. ⟨...⟩

Наконец, за музыкальным и сатирическим смыслом для внимательного читателя, может быть, станет ясен и идейный смысл ⟨...⟩

Совмещение в одном отрывке или стихе всех трех сторон ведет к символизму...

Приведем отрывок из вступления к 1-й симфонии [Белый 1917: 15—16]:

11.⟨...⟩ из сосновых вершин глядел на меня глаз великана. ⟨...⟩

16. И когда я в испуге поднял глаза к шумящим вершинам, меж сосновых вершин кривлялось лицо великана... ⟨...⟩

[3] Хотя само слово «сверхповесть» появляется только у позднего Хлебникова, способ монтажа внешне не связанных пластов повествования прослеживается на протяжении всего творческого пути поэта, начиная с относящегося к концу 1908 г. замысла романа, попытка реконструкции которого предпринята в статье [Перцова 1996].

22. ...Но тут выпрыгнул из чащи мой сосновый знакомец, великан. Подбоченясь, он глумился надо мной. ⟨...⟩

27. Многое мне мерещилось. О многом я впервые узнал...

28. Впереди передо мной на синем горизонте угрюмый великан играл синими тучами. ⟨...⟩ 44. С удивлением я узнал, что летел на меня кентавр Буцентавр... держал над головой растопыренные руки... улыбался молниевой улыбкой... Чуть-чуть страшной. ⟨...⟩

46. Глубоким лирным голосом кентавр кричал мне, что с холма увидел розовое небо...

47. ...Что оттуда виден рассвет...

48. Так кричал мне кентавр Буцентавр лирным голосом, промчавшись как вихрь мимо меня.

49. ...И понесся вдаль безумный кентавр, крича, что он с холма видел розовое небо.

50. ...Что оттуда виден рассвет.

Как представляется, не без влияния Белого Хлебников обратился к поискам средств придания тексту многозначности и многослойности, к сочетанию разноплановых явлений, к соположению реального и мистического, ср. следующие его заметки из тетради (РГАЛИ, ф. 527, оп. 1, 63):

два смысла — плоскость (л. 14 об.)

Двусмыслие как начало двупротяженности слов. Пень-юноша. Если же сам⟨о⟩ двус⟨мыслие⟩ пер⟨едает⟩ смыс⟨л⟩, то трех⟨протяженность⟩ (л. 15).

Метод: цельно⟨е⟩ действие разби⟨вать⟩ на дв⟨е⟩ части, о⟨дна⟩ реал⟨ьная⟩, дру⟨гая⟩ мистическая (л. 33 об.).

Воля небытия или бы⟨тия⟩? В размере и очертан⟨иях⟩ небыт⟨ия⟩ заклю⟨чена⟩ воля быти⟨я⟩ (л. 17).

В результате и возникает, в частности, тот жанр, который является предметом нашего рассмотрения. Как и Белый, Хлебников стремится непосредственно передать процесс мышления, однако не ограничивается соположением виденного с культурными фантомами вроде кентавра, но пытается проникнуть в смутную довербальную мыслительную деятельность. Автор отказывается от условностей, принятых в том или ином литературном жанре, и ведет нас непосредственно в глубины сознания (быть может, скорее даже подсознания), и этим можно объяснить внешние особенности текста: синтаксическую монотонность и обилие неологизмов. В привычном нам тексте соблюдается известная пропорция известного и нового и некоторые общеизвестные сведения могут опускаться. Мыслительный мир как таковой обыденному сознанию не знаком, поэтому автор не может допускать лакун в своем изложении и вынужден скрупулезно (и потому однообразно) описывать то пространство, в которое он вводит читателя, и те неведомые (и не имеющие названия) объекты, которые там встречаются. В большинстве этих текстов[4] так или иначе задана «карта» мышления. В ее основе лежит метафора: абстрактные интеллектуальные и эмоциональные сущности часто выстраиваются вокруг

[4] Сейчас нам их известно не более двадцати, все они относятся к раннему периоду творчества поэта (не позже начала 10-х годов), значительная их часть пока не опубликована.

стержневого для данного текста пространственного образа; это может быть лес, поле, море, небо и т. п. Например, в «Песне мирязя» картина мира выстроена по аналогии с лесным озером (*омером*) и его окружением (*мирючими берегами, поросшими мыслокой и грустняком* и т. д.). В этом пространстве располагаются воображаемые предметы, растения, животные, человекоподобные и мифические существа. В качестве примера приведем описание любовной сцены на «невестолугу»:

самоведение. телоем и невестолуг и я мотылек.
И смеявый и саматый смеявдой заклинавший тоску, расплакался,
раскликался,
слезою растекся слезатой. воронов
и светучий гнул деревья и стаево
звучьмо шумна было: день... Звучьмо было краснядинн⟨о⟩
и была небоуста [молва] мовь о голубьме-голуботе ее глаз
под золотучими речьницами. и ярийцы искали родину
Смертнядины яви тосковали о невозникших зорях.
Была чисельная ладья и голубовы струи.
И Достоевскиймо в \ на лике туманного серого дня.
[И грезобянный пояс надел на чресла нагой юноша]
И время было хохол на голове дурн⟨о⟩ причесавшегося
молодого человека. и воляны юной души.
И всегда под этим и некоторыми другими небесами былом
мира был я. нива звучнынь зрения
люби-бог
дай Дождь
дайодаждь
И хохотавый сон был жизнелап и неси-меня.
И снавда всегда вабила нас женивыми голосами.
И мнивые о мне, что я есмь, ошиблись.
И жиль [солнцезарных] мноевластных мороков не опровергнута.
И сновье грезянницы, овеянное грешивом.
И небавая очами \ взорами девица (6).

Уже из приведенной цитаты видно, что воображаемое пространство может обладать свойством амбивалентности; в данном случае в него вплавлены и явь, и сон. В других отрывках совмещаются или сменяют друг друга «тот» и «этот» свет, фольклорная и реальная картина мира (подробнее см. в работах [Перцова, Рафаева 1996а, 1996б]), прошлое и будущее, мерцание правды и кривды, правого и левого, да и нет и т. п. Например, в приводимом ниже описании мифической птицы-«бедистели» будущее и прошлое осмысляются как ее грудь ('то, что впереди') и хвост ('то, что позади'):

Как опишу бедистель? Женственная скорбь образует шлем, одев изящную и милую головку и т⟨ело⟩. Знаю, что древние и забытые горя одевают хвост птицы, недавние и те, которые предстоят в будущем, — грудь. Беды образуют малые маховые крылья. Безумия — большие. Маховые и средние кроющие крыла их — огорчения. ⟨...⟩ Жалость к ближнему — бедистель (РГАЛИ, ф. 527, оп. 1, 63: 19 об.).

Сочетание признаков 'да' и 'нет' дает многочисленные оксюмороны: *ночедень, зимолето, жаромраз* (8 об.).

В эти зыбкие, постоянно сменяющие друг друга фантастические картины порой вкраплены элементы метатекста. Так, в приведенное выше описание «невестолуга» вкралось замечание «самоведение», а в конец чернового варианта «Искушения грешника» ((РО РНБ, ф. 1087, № 13), частично опубликовано в (ИРХ: 317)) — пояснение «мыслезем»:

⟨...⟩ И неустанные
мироеды ⟨летают⟩ туда и сюда. мыслезем.
и хвостатые люди, кричащие небу мое! мое!
И вне шествовала [Правда] Святость в сапоге \ в обуви греха.

Что же такое «мыслезем»? В книге [Дуганов 1990] этому понятию посвящен целый раздел, в котором показывается, что оно тождественно ноосфере Вернадского. Соглашаясь в основном с этой мыслью, добавим, что если ноосфера, разум Земли, представляется как нечто внеличное, совокупное, то хлебниковский «мыслезем» (по крайней мере, в данном контексте) связан с мыслящей личностью.

Итак, ранняя проза Хлебникова — попытка описания непосредственного движения мысли, своего рода отпечаток причудливого образного мира поэта, проникновение в глубины его сознания.

Литература

Белый А. 1917. I. Северная симфония (1-я, героическая). II. Симфония (2-я, драматическая) // *Белый А.* Собрание сочинений. М., 1917. Т. 4.

Гриц Т. С. Проза Велемира Хлебникова // Мир Велимира Хлебникова: Статьи. Исследования. 1911—1998 / Сост. Вяч. Вс. Иванова, З. С. Паперного, А. Е. Парниса, под ред. А. Е. Парниса. М., 2000.

Дуганов 1990 — Велимир Хлебников: Природа творчества. М., 1990.

ИРХ — Из рукописей В. В. Хлебникова в Национальной библиотеке // Давид Бурлюк. Фрагменты из воспоминаний футуриста. Письма. Стихотворения / Публ., предисл. и примеч. Н. А. Зубковой. СПб., 1994.

НП — *Хлебников В.* Неизданные произведения / Под ред. Н. Харджиева и Т. Грица. М., 1940.

Перцова Н. Н. О ненаписанном романе Хлебникова // Язык как творчество: К 70-летию В. П. Григорьева. М., 1996.

Перцова Н. Н., Рафаева А. В. Русская старина в творчестве Велимира Хлебникова // Живая старина. 1996а. № 2.

Перцова Н. Н., Рафаева А. В. «Звучаль славянина»: сказочные мотивы в ранних произведениях В. Хлебникова // Вестник Общества Велимира Хлебникова. М., 1996б. Вып. 1.

Сологуб Ф. Творимая легенда: Роман. Ч. 1. Капли крови // Собрание сочинений. СПб., 1914. Т. 18.

СП — *Хлебников В.* Собрание произведений: В 5 т. Л., 1928—1933.

Степанов Н. Велимир Хлебников: Жизнь и творчество. М., 1975.

М. И. Яшуничкина
Москва

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМАТИКА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ О. МАНДЕЛЬШТАМА

Изучение лингвокультурологической проблематики является одним из перспективных направлений современного языкознания, так как в этой области человеческого знания изучается связь и взаимодействие культуры и языка как «целостной структуры единиц в единстве их языкового и внеязыкового (культурного) содержания ... с ориентацией на современные приоритеты, отражающие ... систему ценностей» [Воробьев 1993: 47]. Лингвокультурология понимается нами широко: это не только наличие национально-культурного компонента в семантике и номинации слова, но и широкая знаковость поэтического мира О. Мандельштама, достигаемая за счет интегративного использования накопленного им опыта. Поэтическими средствами поэт объединяет:

а) приметы разных культур — русской, иудейской, античной и т. д.:

Солнце *желтое* страшнее —
Баю-баюшки-баю —
В светлом храме иудеи
Хоронили мать мою.

Эта ночь непоправима...

Здесь: *желтое солнце* ассоциируется с иудейской символикой (К. Ф. Тарановский), а *баю-баюшки-баю* — русский напев, убаюкивающий ребенка;

б) данные разных наук — геометрии, биологии и т. д.:

Мы прошли *разряды насекомых*
С наливными *рюмочками глаз*,
Он сказал: природа вся в разломах,
Зренья нет — ты зришь в последний раз.

Ламарк

в) особенности разных искусств — музыки, живописи, архитектуры.

«Художественная культура — эмоционально-образное восприятие человеком мира природного и социального. Если философия — эпоха, схва-

ченная в мысли, то искусство — эпоха, схваченная в художественном образе» [Диброва 1996: 2]. Каждый поэтический текст представляет собой уникальное явление искусства, в котором заключена концептуально нагруженная и ценностно ориентированная информация. Обладая социокоммуникативной функцией, текст участвует в следующих процессах:

1) «общение между адресантом и адресатом» — текст выполняет функцию общения [Лотман 1981: 6];

2) «общение между аудиторией и культурной традицией» — текст выполняет функцию «коллективной культурной памяти». В этом качестве текст, с одной стороны, непрерывно пополняется, с другой стороны, имеет тенденцию к забвению (частичному или полному) или к актуализации вложенной в него информации [там же];

3) «общение читателя с самим собой» — текст выполняет медиативную функцию: участвует в перестройке личности читателя [там же];

4) «общение читателя с текстом» — текст выступает как «интеллектуальное образование, играющее активную и независимую роль в диалоге» [там же];

5) «общение между текстом и культурным контекстом» — текст выступает в роли источника или получателя информации [там же].

Каждый поэтический текст посвящен другому, даже если этот другой — сам автор. В современной культурологии принято выделять две модели коммуникации: «я—я» и «я—он», где в системе «я—я» раскрываются особенности личности поэта, его мироощущение, миропонимание. Система «я—он» предполагает наличие другого человека, личность поэта раскрывается через его общение с «чужим» сознанием, которое вносит в общение свое ощущение, понимание мира, свою культуру. Ю. М. Лотман, изучая различные концепции культурного развития, выделил два типа культур. В первом типе противопоставляются «своя» культура и «чужая», при этом первая мыслится как организованная, упорядоченная, положительно окрашенная сущность, а вторая — неорганизованная, неупорядоченная, отрицательно окрашенная. Во втором типе признается существование нескольких самоценных культур. Человек такого отношения к культурному развитию мыслит себя частью мировой культуры. О. Мандельштам, несомненно, представитель такого типа. Для него «филология — это семья, потому что всякая семья держится на интонации и на цитате, на кавычках. Самое лениво сказанное слово в семье имеет свой оттенок» [Мандельштам 1987: 61]. Поэт вполне свободно совмещает знаки разных культур в одном тексте:

а) античность и современность:

И раскрывается с шуршаньем
Печальный веер прошлых лет —
Туда, где с темным содроганьем
В песок зарылся амулет;

Туда душа моя стремится,
За мыс туманный Меганом,
И черный парус возвратится
Оттуда после похорон!
(*Еще далеко асфоделей...*)

Черный парус — символ смерти в мифе о Тезее: «Убив Минотавра, Тезей отплыл на родину, взяв с собой Ариадну... Приближаясь к берегу Аттики, он забыл поднять белый парус вместо черного, как обещал отцу в случае своего спасения» [Корш 1993: 172];

б) времена Расина — античность:

— Любовью черною я солнце запятнала! Смерть охладит мой пыл из чистого фиала.	Слова Федры (восходят к трагедии Расина)
— Мы боимся, мы не смеем Горю царскому помочь. Уязвленная Тезеем, На него напала ночь. Мы же, песнью похоронной Провожая мертвых в дом, Страсти дикой и бессонной Солнце черное уймем. — *Как этих покрывал и этого убора...* и т. д.	Реплики античного хора (у Расина хора уже не было).

Его тексты — не стилизация, а речь человека, использующего «чужие» культуры для выражения собственной позиции, собственного видения мира.

Для ряда поэтических направлений начала XX-го в. свойствен отказ от представления о языковой семантической системе как структуре мира. Семантическая ткань стиха начинает строиться на основе «сдвинутых значений», поэтому «для построения текста становится необходим некоторый дополнительный регулятор» [Лотман 1969: 229]. В качестве первичного материала выступает уже не только естественный язык, но и некоторый добавочный элемент. В акмеизме культура («вторичная система») функционирует на правах «первичной» как материал для построения новой культуры (З. Г. Минц, Ю. М. Лотман). Причина ориентации языка акмеизма на «чужой», ранее существовавший текст вызвана, по мнению Р. Д. Тименчика, одновременно двумя типами установок — текстовой и авторской. Акмеистический текст изначально ориентирован на самосознание, на «поиски мотивировки его права на существование, привлечение аргументов поэтической "правоты" через ссылку на прецедент» [Тименчик 1981: 65]. Такое многоголосие текста отвечает идеалу авторской позиции как «арбитрской, вынесенной за пределы текста, культурной и языковой традиции...» [там же].

В системе поэт — культура художественный мир О. Мандельштама организован как пространственно-временная культурная парадигма. В основе мандельштамовского понимания культуры лежит идея гармонии А. Бергсона, согласно которой ее (гармонии) источником является «первоначальная тождественность». «Она возникает потому, что... эволюционный процесс, расширяющийся наподобие *пучка*, по мере одновременного роста частей разделяет их, тогда как вначале части эти так дополняли друг друга, что сливались *воедино*» [Бергсон 1998: 136; курсив наш. — *М. Я.*]. О. Мандельштам распространяет эту идею на отношения в науке и искусстве, интерпретируя ее как «учение о системе явлений», или «связи». Для поэта принципиально важным становится рассмотрение проблемы не во временно́м, а пространственном аспекте — «связанные между собой явления образуют как бы веер, створки которого можно развернуть во времени, но в то же время они поддаются дополнительному свёртыванию» [Мандельштам 1987: 55].

Для О. Мандельштама источник ценностей — культура, и слово для него, по определению З. Г. Минц, — это «Слово-В-Культуре», «Поэзия — плуг, взрывающий время так, что глубинные слои времени, его чернозем, оказываются сверху» [Мандельштам 1987: 40], поэтому «поэт не боится повторений и легко пьянеет классическим вином» [там же: 41]. Его принципиальная установка на культурное многоголосие реализуется в определении поэтической речи: «Поэтическая речь есть ковровая ткань, имеющая множество текстильных основ, отличающихся друг от друга только в исполнительской окраске, только в партитуре постоянно изменяющегося приказа орудийной сигнализации... Орнамент тем и хорош, что сохраняет следы своего происхождения, как **разыгранный** кусок природы» [там же: 109—110]. Для О. Мандельштама не важно точное воспроизведение текста культуры («чужого» текста), для него важнее «атмосфера» текста̀, его «культурная память» (Ю. М. Лотман). Обращение поэта к античности как обращение к освященным традицией текстам характерно для раннего О. Мандельштама. М. Л. Гаспаров, разбирая текст стихотворения «За то, что я руки твои...», показал, что античные сюжеты в этом тексте играют не основную, а вспомогательную роль, за ними стоят какие-то другие образы. Это, по мнению ученого, своего рода «приглашение к сотворчеству: автор как бы предлагал ему на опыте воспринять стихотворение в буквальном смысле, в реальном плане, убедиться, что это ни к чему не ведет, и тогда, осознав, что перед ним не реальные образы, а условные, вспомогательные, попытаться реконструировать по ним реальный план... — или же признаться в своем бессилии» [Гаспаров 1995: 219]. «С розовой пеной усталости у мягких губ...» — единственный текст, точно воспроизводящий античный миф.

«Внефабульный» (Ю. И. Левин) античный элемент О. Мандельштам вводит в ткань произведения эксплицитно выраженным способом (через сюжет или имя, связанные с античностью) или имплицитно выраженным

(через «волшебные слова», по определению Н. Струве). Таким «волшебным словом» в тексте «Я слово позабыл, что я хотел сказать...» является *ласточка*. По мнению В. Н. Топорова, ласточка — это Филомела. В греческой мифологии в Филомелу влюбился муж ее сестры — царь Терей. Уверив Филомелу в смерти ее сестры (Прокны), Терей женился на ней, но «затем отрезал язык и заточил ее. Филомела выткала на ткани письмо к Прокне. И та разыскала сестру, убила своего сына от Терея — Итиса и его мясом накормила Терея, бежав вместе с сестрой. Узнавший истину Терей преследовал сестер, но они взмолились к богам, и те превратили Прокну в соловья, Филомелу — в ласточку, а Терея — в удава» [Женщина в мифах и легендах 1992: 218]. Таким образом, ласточка О. Мандельштама — слово, лишенное языка, т. е. мысль:

Я слово позабыл, что я хотел сказать.
Слепая *ласточка* в чертог теней вернется...

Слова Ю. Н. Тынянова, сказанные об Александре Блоке, можно отнести и к Осипу Мандельштаму: «Он предпочитает традиционные, даже стертые образы ("ходячие истины"), так как в них хранится старая эмоциональность, слегка подновленная, она сильнее и глубже, чем эмоциональность нового образа, ибо новизна обычно отвлекает внимание от эмоциональности в сторону предметности». Знаки разных культур в текстах О. Мандельштама образуют прочное семантическое единство.

Мандельштамовская лингвокультурология характеризуется ориентацией на включенность «чужого текста» в авторский. При этом «чужой» текст функционирует в авторском не только на уровне содержания (в образной системе текста), но и на уровне структуры. Лермонтовский подтекст у О. Мандельштама был замечен И. М. Семенко, А. Гелих. Вероятно, было нечто объединяющее поэтов на психологическом уровне. А. В. Кузнецова, занимаясь фигурами контраста в творчестве М. Ю. Лермонтова, отметила, что «неповторимость личности Лермонтова, ее "противоречивая целостность", отмеченная еще его современниками, определила и самый характер творческого процесса» [Кузнецова 1998: 20]. То же самое можно сказать и об О. Мандельштаме. Многими современниками поэт воспринимался неоднозначно: в жизни — непосредственный ребенок, в поэзии — мудрейший человек: «...часто, слушая его стихи, я думал, что он старше, мудрее меня на много лет. А в жизни он мне казался ребенком, капризным, обидчивым, суетливым. До чего несносный, минутами думал я и сейчас же добавлял: до чего милый! Под зыбкой внешностью скрывалась доброта, человечность, вдохновение» (И. Эренбург).

Лермонтовский подтекст проявляется в текстах О. Мандельштама:

а) в образной форме. Ср. образ «звезды» у О. Мандельштама и у М. Лермонтова (в текстах — «Грифельная ода» О. Мандельштама и «Выхожу один я на дорогу» М. Лермонтова):

Выхожу один я на дорогу;
Сквозь туман кремнистый путь блестит;

Звезда с звездой — могучий стык,
Кремнистый путь из старой песни,

Ночь тиха, пустыня внемлет богу,
И звезда с звездою говорит.

М. Ю. Лермонтов

Кремня и воздуха язык,
Кремень с водой, с подковой перстень,
На мягком сланце облаков
Молочный грифельный рисунок —
Не ученичество миров,
А бред овечьих полусонок.

О. Э. Мандельштам

б) на уровне структурного строения художественного текста. А. В. Кузнецова отмечала случаи употребления у М. Ю. Лермонтова риторической фигуры дистинкции, заключающейся в том, что одним и тем же словом, упомянутым дважды, названы два подобных друг другу объекта, между которыми проведена четкая грань. Подобная риторическая фигура встречается и у О. Мандельштама:

Останься пеной, Афродита,
И, слово, в музыку вернись,
И, **сердце**[1], **сердца**[2] устыдись,
С первоосновой жизни слито!

Silentium

Параллелизм структуры подчеркивает состояние аналогии в стихе. Как *музыка* — источник для *слова*, так и *сердце*-2 — источник *сердца-1*. Музыка — сущность слова, его смысл, душа. Именно в музыку оно возвращается. Сердце-1 — физическая реализация сердца-2. Это реальный орган кровообращения. Поэтому сердце-1 и *слито с первоосновой жизни* (через кровь). Это 'то, что обеспечивает жизнедеятельность организма'. Тогда как сердце-2 — духовная реализация сердца-1. Это орган, с помощью которого интуитивно постигаются тайны бытия. Таким образом, одним и тем же словом поэт обозначил два подобных объекта, реализующих физическую и духовную организацию мира (слова).

Таким образом, широкая знаковость поэтического мира О. Мандельштама, организованного как культурная парадигма, где слово является «Словом-В-Культуре» (З. Г. Минц), достигается за счет интегративного использования накопленного им опыта, где объединение семантики разных миров создает идею гармонии, в основе которой лежит «первоначальная тождественность» (А. Бергсон).

Литература

Бергсон А. Творческая эволюция. М., 1998.

Воробьев В. В. О понятии лингвокультурологии и ее компонентах // Язык и культура: Вторая международная конференция. Доклады. Киев, 1993.

Гаспаров М. Л. «За то, что я руки твои...» — стихотворение с отброшенным ключом // *Гаспаров М. Л.* Избранные статьи. М., 1995.

Диброва Е. И. Феномен текста: культурофилологический и психофилологический // Philologica. № 10. Краснодар, 1996.

Женщина в мифах и легендах // Энциклопедический словарь. Ташкент, 1992.

Корш М. Краткий словарь мифологии и древностей. Калуга, 1993.

Кузнецова А. В. Фигуры контраста и их функции в творчестве М. Ю. Лермонтова: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1998.

Лотман Ю. М. Стихотворения раннего Пастернака и некоторые вопросы структурного изучения текста // Труды по знаковым системам. IV. Вып. 236. Тарту, 1969.

Лотман Ю. М. Семиотика культуры и понятие текста // Труды по знаковым системам. XII. Вып. 515. Тарту, 1981.

Мандельштам О. Э. Слово и культура. Статьи. М., 1987.

Тименчик Р. Д. Текст в тексте у акмеистов // Труды по знаковым системам. XIV. Вып. 567. Тарту, 1981.

Вл. Новиков
Москва

ДВЕ ЗАМЕТКИ О ФЕНОМЕНЕ М. В. П.

1. ПАНОВ-ПОЭТ
СТИХ ПЕРВОЙ СВЕЖЕСТИ

Михаил Панов. Тишина. Снег // Стихи разных лет. М.: Carte Blanche, 1998. 128 с.

Встреча с новым поэтом всегда неожиданна.

Михаил Викторович Панов для меня — современный филолог номер один, образец научной смелости и честности, уникальный лингвист и не менее оригинальный литературовед, продолжатель тыняновской линии в исследовании русской поэзии, обладатель широчайшего эстетического кругозора и безупречного вкуса. Ясно было, что человек такого склада не может не писать стихов, и отдельные пановские произведения были мне известны благодаря выпавшей на мою долю удаче личного знакомства с автором. Но поэта Михаила Панова узнать и оценить в полной мере я смог, как и другие, только в минувшем году, когда вышла эта книга.

> Натаскиваю, натягиваю шинель, чтобы укрыться с головою.
> Рвет ветер! Ко мне сочатся его ледяные потоки.
> Медленно вырастает звук порывистый и воющий:
> «Мессершмит»? Или может... нет, не «фокке-вульф».
> Думаю о судьбе русского свободного стиха:
> будущее — за ним. И совсем не бескрылый,
> не безвольный, вранье: это стих глубокого дыханья,
> яркости, крутизны...

Читая эти строки, написанные в 1942 г. двадцатидвухлетним лейтенантом, совершенно не ощущаешь временной дистанции, которая, кстати, почти неизбежна для стиха метрического с его «эпической» тяжестью. Военные верлибры Панова мгновенно создают эффект читательского присутствия и даже соучастия в событиях. Вот пехотинцы штыками убивают власовского снайпера, перестрелявшего пятерых их товарищей. Вот

по приговору трибунала расстреливают своих — семнадцатилетних «детишек», бежавших с фронта. А вот схваченное взглядом и стихом мгновенье скорбного трепета при встрече с навсегда остановившейся жизнью:

Смеется,
и ямочка на щеке.
Снег не тает
на добрых, на серых ее глазах.
Рука
жадно вцепилась в живую траву.
Не разжать.

Опыт Панова свидетельствует о повествовательных возможностях верлибра, стиха, способного обнять событие во всем его неурезанном смысловом объеме и подать его не в отдаленно-прошедшем, а в настоящем времени, в эмоциональном презенсе. Михаил Викторович Панов не склонен в дружеских беседах или в вузовской аудитории делиться своим военным опытом. Теперь стало понятно, что дело тут не только в скромности, но и в невозможности для автора рассказать о *своей* войне непоэтическим способом, без «глубокого дыханья» стиха.

Сказанное относится и к любовной теме сборника. Впрочем, «любовь и война» — сцепление для русской поэзии вполне традиционное, вся суть в индивидуальных реализациях этого заданного самим историческим бытием художественного сравнения. Любовь на пороге разлуки или гибели — такова лирическая ситуация, воссоздаваемая в книге. В подобные моменты с особенной остротой ощущается ценность всего земного, это минуты самых откровенных признаний. Стихи Панова о любви ошеломляют сочетанием открытости и интимности — при полном отсутствии натурализма. Их можно читать, только уединившись с книгой и оттородившись на время от всех. Хотел бы процитировать особенно тронувшее меня стихотворение «Седые деревья», но сделать этого не могу, поскольку этот текст, протяженностью в четырнадцать страниц, — словно один неделимый стих, одна пронзительная строка-струна. Здесь опять можно ощутить преимущества верлибра, стиха, свободного от эмоциональной монотонии.

Вместе с тем Панов не чурается и стиха метрического, наращивая мощь интонации преодолением барьеров и плотин строгих форм. Так работает у него сонет, полностью освобожденный от декоративности и условности. Традиционно-пятистопная строчка вдруг становится смысловой вспышкой: «Я мир считал своим. А он — ее» — это из стихов, написанных на смерть матери. Рифма же здесь предстает не профессионально-стихотворческой обязанностью, а будто впервые обретенным способом преодоления дискретности мира.

На исходе нашего столетия мы наблюдаем некоторую инфляцию самого статуса поэта, когда в этой роли выступают люди, *всего-навсего* говорящие стихами, тянущие на протяжении жизни более или менее однооб-

разный монолог. Думаю все же, что истинные поэты — это люди, *создающие стихотворения*. В творчестве Панова хорошо ощутима сама феноменология лирического опуса, отдельность каждого текста, готового читаться и существовать независимо и самостоятельно. Каждое из составивших сборник семидесяти двух стихотворений стало событием в духовной жизни автора и потенциально открыто для того, чтобы привлечь читательское внимание. Иные из вещей открывают свой смысл сразу, иные могут потребовать второй и третьей попыток. Но нигде мы не столкнемся здесь с обыденной версификацией, с механическим повтором мысли или чувства. Стихи прозрачные и экспериментально-заумные, сентиментальные и озорные, пространные и миниатюрные — все они отвечают за своего автора и создают в совокупности очень индивидуальную картину мира.

В своих статьях и лекциях по истории русской поэзии Панов-теоретик смело и решительно отказался от принятого в современном стиховедении жесткого разграничения «классических» и «неклассических» размеров, метрического стиха и верлибра. Теперь мы видим, что за этим стоял не только опыт читателя-аналитика, но и практический опыт поэта, мастера *свободного стиха* — не в буквально-терминологическом, а в образно-широком смысле. Стиха, свободно находящего самые разнообразные формы и ритмы для адекватного воплощения оригинальной мысли и глубокого человеческого чувства.

Впервые опубликовано: *Знамя, 1999, № 3*

2. ПАНОВ-ЭСТЕТИК

В сборнике «Язык: система и подсистемы. К 70-летию М. В. Панова» (М., 1990) я начал разговор о Панове-литературоведе. Сегодня хочется продолжить этот разговор, несколько расширив его масштаб.

Слово «эстетик» не очень употребительно, хотя оно содержится и в словаре Д. Н. Ушакова (в двух значениях: 1. Человек, проникнутый эстетизмом, поклонник и ценитель красоты. 2. Теоретик искусства), и в словаре С. И. Ожегова (уже в одном значении: «теоретик искусства»). Долгое время эстетику считали наукой об «искусстве как особом виде общественной идеологии» (что нашло отражение в обоих словарях), распоряжались ею марксистско-ленинские начетчики, к которым слово «эстетик» никак не шло. Не хотели называть себя таким словом и либерально-прогрессивные теоретики литературы и искусства, связанные со структурно-семиотической традицией, поскольку они стремились прежде всего к рациональному познанию, искали точные методы, исключающие субъективно-вкусовой фактор — в то время как «эстетикос» по-гречески означает «способный чувствовать, одаренный чувством, чувствующий». В общем, в русской гуманитарной культуре 60—90-х годов очень к немногим можно применить само слово «эстетик». А вот Панов — эстетик по самому складу своего мышления и чувствования.

Как-то в середине 70-х годов Михаил Викторович поразил меня следующей интеллектуальной «задачкой». Если взять, к примеру, трех литературоведов: Тынянов, Храпченко, Лотман, — кто будет «третьим лишним»? Ответ: Тынянов, ибо из этой тройки только он в литературе видит прежде всего литературу с ее внутренней неповторимой эстетической спецификой. Храпченко трактует литературу как отражение социально-классовых процессов, а Лотман рассматривает ее как знаковую систему. При всей разнице между ними их объективно объединяет неспецифичность подхода к литературе, взгляд на нее извне, а не изнутри.

Неожиданный ответ! Тем более что сам Лотман, конечно же, считал себя последователем Тынянова (а может быть, даже считал Тынянова своим предшественником). Для того чтобы так смело и беспощадно провести разграничение между вроде бы сходными системами, надо быть очень оригинальным и последовательным эстетическим мыслителем. Для Панова в сфере эстетической оценки не существует внеэстетических аргументов: ни передовые идеи художника, ни его политическая отвага, ни религиозность, ни причастность к престижным культурным контекстам не могут оправдать отсутствие художественной динамики. Приведу один пример. Произведение Венедикта Ерофеева «Москва—Петушки» уже в 70-е годы приобрело репутацию шедевра и в кругах прогрессивной отечественной интеллигенции, и среди западных славистов. Прочитав этот недлинный текст, я, однако, нашел его однообразным и монотонным. Поделившись своим впечатлением с Пановым, услышал в ответ: «Да, очень уж он долго из Москвы в эти Петушки едет...» Только с Пановым можно так откровенно говорить о мнимых авторитетах, сверять свои самые интимные эстетические ощущения и оценки. Критические высказывания Панова всегда неотразимо аргументированны, независимы — и притом системно-ответственны. Среди моих коллег-критиков я ни у кого не встречал такого точного, строгого и в то же время широкого, плюралистичного эстетического вкуса.

В 70-е годы была модной формула «Культура — это память», восходящая, если не ошибаюсь, к газетным выступлениям Д. С. Лихачева. Панов часто эту формулу цитировал, неизменно с ней полемизируя: «Нет, культура — это отбор!» Отбор, конечно, эстетический. Но при таком отборе ничто достойное, оригинальное не отбрасывается. Идея отбора в эстетике Панова сопряжена с принципом *предельности*. Если в произведении предельно реализованы художественные возможности данного материала, то оно включается в равноправный ряд со всеми другими «предельными» творениями. Сейчас, по завершении века, пресса увлекается составлением всяких «десяток» лучших писателей, художников и т. п. с размещением их по местам, как в спортивном соревновании: Булгакову — первое место, Набокову — второе и т. п. Панов же, затевая со своими друзьями и единомышленниками подобные культурологические игры, всегда настаивает на количественной неограниченности таких списков и отсутствии в них иерархических «номеров». Подлинно эстетический под-

ход — это постоянная готовность открывать и осваивать новые художественные миры, сколько бы их ни было.

Все, кому посчастливилось общаться с Михаилом Викторовичем, могут основательно пополнить мое отрывочное описание его эстетической системы. Немало можно припомнить точных и плодотворных высказываний Панова по частным проблемам. Взять хотя бы разграничение *остроумия* и *балагурства*: остроумие доступно немногим (и притом талантливым), а балагурство доступно всем. Или понятие «художественный эксперимент». Некоторые бездумно называют «экспериментальным» все непривычное и неканоничное. А Панов относит к эксперименту только художественные факты, которые при своем появлении возвещают: «Такого раньше не было». У Панова есть емкие и точные положения даже по поводу декоративно-прикладного искусства — о народных игрушках типа дымковской он сказал однажды: «Здесь произведением является не отдельный предмет, а вся серия, сама идея этого изделия».

Закончить я хотел бы самой, может быть, важной для меня как литератора пановской эстетической теоремой: «Писателя судят по "верхам", а читателя — по "низам"». То есть поэта или прозаика следует оценивать по его сильнейшим, «предельным» творениям — даже если он деградировал, исписался и т. д. А вкус читателя (в том числе — критика) оценивается по нижней точке его эстетического диапазона: если, скажем, человек с равным удовольствием читает и Булгакова, и Маринину (примеры даю свои) — то индикатором его читательского уровня, увы, будет Маринина. Этот максималистский постулат Панова для каждого неравнодушного к художественному слову человека может служить безошибочным вектором эстетического постижения литературы и постоянного совершенствования собственного вкуса.

Елена Сморгунова
Москва

«ЦЕЛЕБНОЕ ДЕЙСТВИЕ ЗВУКОВ»
(ЧАСТНЫЕ ЗАМЕТКИ О СТИХАХ МИХАИЛА ПАНОВА[1])

Читатель книги стихов «Тишина. Снег», даже если он не будет знать о ее авторе ничего, кроме этой маленькой книжечки, непременно почувствует, что перед ним совершенно особый поэт. Поэт этот — прежде всего человек, живущий сложной, напряженной и богатой жизнью. Из книги стихов видно, что автор пытается реформировать российскую словесность нашего века, вводя в нее так и не прививший по-настоящему vers libre — свободный стих.

В своей жизни поэт этой книги стихов воевал, убивал и страдал, он любил и терял друзей.

Он глубочайшим образом, вплоть до зрения в то самое увеличительное стекло, о котором писал Гоголь, любит природу и всматривается в ее мельчайшие детали, стремясь передать их поэтическим словом и словом новым. Его переживания — от трепетного восхищения до гневного протеста — выговариваются ясно и откровенно, с предельной честностью, не только моральной, но и интеллектуальной. Он молод и остается молодым, сохраняя непосредственность взгляда и прямизну речи, но эта непосредственность отнюдь не наивна — автору совсем не чужда ирония, и ему удается быть иногда ироничным по отношению к самому себе.

На войне поэт исходил яростью, он ужасался и возмущался, он страдал и терпел нестерпимую боль («А боль, / нестерпимая — / пусть она схлынет!»), а после войны он пытается противостоять лжи и неправде обыденной жизни. И все это автор книги, Михаил Панов, делает в своих стихах и своими стихами.

Каждый внимательный читатель легко увидит все сказанное, открыв небольшую белую книжку стихов. И еще он обязательно заметит то удивительное обстоятельство, что стихи — это поэтическое творчество, стихотворный эксперимент от сонета до верлибра — были для автора исключительно частным, личным делом, и он делает его тихо, всю свою жизнь.

---

[1] *Михаил Панов*. Тишина. Снег // Стихи разных лет. М.: Carte Blanche, 1998. 128 с.

Перефразируя знаменательные слова Пушкина о Карамзине, можно сказать, что поэзия для Михаила Викторовича Панова — дело честного человека, и, делаемое таким образом, оно приобретает силу если не подвига, то подвижничества.

«Стихи сами пишутся, когда хотят, про них много не расскажешь», — так М. В. Панов сам объясняет особенности своего поэтического творчества.

Название книги стихов «Тишина. Снег» — это последняя строчка из стихотворения «Декабрь сорок шестого»:

Кончился грохот на западе и востоке.
Всем — мир!
Всем! А боль,
нестерпимая —
пусть она схлынет!
Отойдет!
Или хоть замрет, затаится...
Белые хлопья
падают, падают.
Забвенье.
Тишина. Снег.
(1946)

Боль, сильная, нестерпимая, действующим лицом живет во многих стихах М. Панова: в начальном стихотворении цикла «Ночной путь» (1948) — «...И я с болью вспомнил ...»; в стихотворении «Огненное клеймо» из цикла «Война» (1945):

Снова меня всю ночь трясла лихорадка,
в днестровских подхваченная
комариных плавнях.

Боль не отступает и после войны: «Худо мне, больно (смертная боль)», даже «больно мылу» в стихах поэта. От самой древности — от битвы при Калке, до Наполеона в России, до нынешнего страшного времени («Огненное клеймо»):

Снова женщины плачут.
Снова горит русская земля, и люди на ней
Горят, полыхают!

Поэт М. Панов словно ходит по истории, и постоянно современные события вызывают у него в памяти прошедшие страницы жизни, и снова подступает боль, снова жизнь и смерть, снова страдание.

... Рухнул.
Черная кровь,
шевелясь,
течет.

Даже форма записи стиха — лесенкой и с отступом — вызывает в представлении читателя движение. Поэта не отпускает «Двадцать первый / сквозной и разъемный век».

Сборник стихотворений Михаила Панова составлен по преимуществу из свободных стихов. Несколько рифмованных стихотворений показывают, что выбор в пользу свободного стиха сделан не случайно и отнюдь не от неумения обращаться с рифмой. Напротив, рифмы М. Панова не просто хороши, они свежи, неожиданны, авангардны. В военном (рифмованном, но все же остающемся вольным, как принято называть такую форму в отечественном стиховедении) стихотворении 1942 г. «Ночью» солдат-поэт размышляет в полусне за час до атаки:

Думаю о судьбе русского свободного стиха:
будущее — за ним. И совсем не бескрылый,
не безвольный, враньё: это стих глубокого дыханья,
яркости, крутизны. Блок давно уже это открыл.

Поводом для размышления становится припомнившееся мерзнущему солдату начало знаменитого блоковского свободного стихотворения «Она пришла с мороза раскрасневшаяся...». Заметим себе, что массовая победа рифмованного стиха в русской поэзии, свидетелями которой мы стали за последние полвека, все-таки не может считаться окончательной, и в этой неясной перспективе оправдан пафос свободного стихотворчества поэта Михаила Панова.

Композиционно сборник М. Панова включает три книжки, по 23 стихотворения в каждой — «Лес весной», «Война» и «Ночной путь». Но сразу после раздела «Война» стоит краткое траурное интермеццо «На смерть В. А. Хорошковой», состоящее из трех стихотворений без названий. Это три сонета. Первый — с эпиграфом из Лермонтова «Ужель теперь совсем меня не любишь ты?». Стихи не датированы, но и помещены они после раздела «Война», и полны войной внутренне — там взрывы, и черные амбразуры, и Освенцим, и Орадур. И тем не менее, избранный автором жанр сонета позволяет сделать высокое сравнение: это — «Сонеты на смерть Донны...». Стихи становятся еще выше накалом, когда мы узнаем, что они посвящены матери и написаны на смерть матери поэта. Ничто в тексте стихотворения не указывает на это, но совсем недавно Михаил Викторович, рассказывая о своем детстве, вспоминал, что с мамой у него связана самая светлая полоса в жизни, и самая яркая сохранившаяся в памяти картинка — как он вместе с мамой сидит на лужайке, а вокруг цветы и такая светлынь...

Первый из трех сонетов — совершенно в петрарковской традиции «Сонетов на смерть Донны Лауры», но традиция здесь наполнена новой лексикой, смыслом и движением.

Начальный катрен — описание внешнего мира, обыденного, но в то же время полного неотступных трагических воспоминаний о войне:

Обуза дел отпала; белый шнур
Сгорел, свистя, — и сухо мрак рванулся.
Освенцим дня умолк, и Орадур
Угрюмыми огнями огрызнулся.

Второй катрен — это мир как бы глазами Донны, пейзажный, почти пасторальный, но тоже таящий грозное военное сравнение:

А у тебя? Счастливый день очнулся,
Залит росой? Или безлюдно-хмур
И тягостен, мрак ночи развернулся,
Тебе горя из черных амбразур?

Затем следует трехстишие с двумя сильными переносами-анжамбеманами, продолжающее пейзажную тему, но вводящее уже не внешний, а внутренний, личный траурный мотив:

Синицы дня поют или отпели
В твоих глазах? Отпели... и лучи
Померкнули. Глаза осиротели.

И заключительный терцет, грустный и траурный; как это нередко бывало и в сонетах Петрарки, причина грусти не названа, и только из заглавия читателю понятно, что Донна не просто молчит. Донна умерла.

Скажи: люблю. Хоть слово. Не молчи!
Безмолвствует. О праздный мир без цели,
О дыры звезд в разрозненной ночи.

Два следующих сонета продолжают, скорее, шекспировскую традицию: три катрена с перекрестной рифмой и заключительное двустишие — «замок» сонета и его вывод:

Я мир считал своим. А он — ее.
Ей ликовал, сиял и цвел. Ушла
И радость белизны с собой взяла.

И еще одно стихотворение в этой книге является сонетом. Это предпоследнее в сборнике стихотворение называется «Оборвано». Текст сонета действительно оборван, он завершается даже не многоточием, а тире. Здесь горестное и безысходно напряженное переживание поэта, замурованного (замуровавшего себя) среди стеклянных преград, подобных тем, которые описал когда-то Шервуд Андерсен в своем потрясающем и не похожем на все остальные рассказе:

Чтобы ветвиться гибче и красивше,
Я скло вонзил между собой и миром.

Контраст между просторечным «красивше» и архаичным «скло» пройдет лексическим мотивом через весь сонет:

Прозрачностью себя огородивши,
Я стеклотару возгласил кумиром.

Дальше описывается сам этот мир, и поэт характеризует его гневно, презрительно, продолжая использовать резко контрастирующие лексические компоненты:

Сравнимый с фешенебельным сортиром,
С гаремной почивальней у калифши,
И с навалившимся метро-ампиром —
Мой мир стеснён. У Бенедикта Ливши...

Имя Бенедикта Лившица, столь же упорно пытавшегося вместить в сонеты трагически-футуристический опыт своего времени, видевшего Петербург в образе «Болотной медузы», появляется здесь, конечно, не случайно. Апокрифическое шуточное определение «мраморная муха», приписываемое Хлебникову и относимое обычно к Мандельштаму, по некоторым сведениям имело своим адресатом именно Лившица, и автору, очевидно, известны эти домашние шутки последних поэтов Серебряного века. Об этом свидетельствует первое трехстишие нисходящей части сонета, начинающееся с того самого оборванного слога:

Ца? Цы? (Це-це?) Нет, муха. Я забыл.
Я всё забыл. Стекло... прильнул... Вперивши
Голодный взор во всё, что вне сортира,

Смотрю-смотрю. И ангел-шестикрыл?..
Да, шестикрылый... Горестно и сиро
Зовет: взлети! А как? И вострубивши...

Поразителен пушкинский серафим, появляющийся за прозрачными стенами этого замкнутого стеклотарно-сортирного мира. Таким остросовременным сонетом мог бы гордиться любой из юных участников некогда знаменитого СМОГа — «Самого Молодого Общества Гениев».

Читатель задерживается на сонетах сборника не случайно. Всегда полезно, а иногда и приятно узнать, что художник отказывается от традиционных академических форм и приемов отнюдь не потому, что плохо владеет ими, а потому, что ищет новое, другое; нужно знать, что такие крайние для своего времени авангардисты, как Дали и Пикассо, превосходно владели академическим рисунком. Важно знать, что ищущий новые пути для русского стиха поэт Михаил Панов способен создавать чудесные классические сонеты и при этом оставаться современным в их строгих рамках. Он и в сонетах продолжает свой поиск, стремится расширить границы традиционного жанра, вмещая в него реальные и языковые приметы современности.

Конкретность рядом с метафизикой, от былинки до высокого обобщения, дельфины-богословы и муравьи, заседающие в архитектурных академиях, «трава в полусне», совмещение времен, прерывистый синтак-

сис с обилием переносов позволяют взглянуть на автора еще и как на провиденциального экспериментатора, двумя десятилетиями раньше, и именно в жанре краткого, по преимуществу свободного стиха, вступившего на путь, которым в 60-е годы пойдут своим широким рифмованным стихом молодые ленинградские «конкретные метафизики», пропустив вперед младшего, того, кто станет из них самым знаменитым и признанным.

Три части книги стихов поэта Михаила Панова словно выделяют для нас три его жизни: до войны, война и после войны. Его военные стихи резко отличаются от стихов наших военных поэтов — Когана, Кульчицкого, Самойлова, Слуцкого, Гудзенко. И отличаются не материалом — о смертях, ранениях, о гибели от холода, голода и пуль, о расстрелах врагов и своих, о гибели друзей писали и другие поэты. Стихи Панова отличаются от творчества его современников военного поколения на чисто стиховом уровне. Это можно представить так, как если бы футуристы 10-х годов — Велимир Хлебников, Алексей Крученых или Сергей Бобров — прошли бы фронты Второй мировой войны и вернулись оттуда к нам с новыми стихами.

В Институте русского языка на Волхонке, внизу у гардероба, продавалась небольшая книжка. Она выглядела очень славной, с белой обложкой, а внутри были стихи — ее хотелось купить и читать. Придя домой, я весь вечер читала ее, не сплошь подряд по страницам и по времени, а между всякими делами, снова и снова открывая в разных местах книгу: иногда открывалось на той же странице и стихи повторялись, и — очень интересно — звучали уже по-другому, иногда попадали в другое совсем время. Тогда я стала проверять хронологию, сначала огорчилась, что не везде стоят даты в конце стиха, однако увидела, что во многих местах они были бы лишними, просто означали бы точность и занудство, а для самого стиха не нужны. А там, где требуется, даты везде есть. Да и каждый раз из самой плоти стихов видно и просвечивает их время.

Зрительно очень важна в стихах графика. От разных видов графической выделенности — то более крупный шрифт, то отступы строк, разбивка строки — часто стих выглядит как сценарная запись для съемки, так и видно, как это можно было бы поставить, снять, или просто — ВИДНО. Слова не только написаны, они расставлены как действующие лица, иногда выделены крупно, иногда обведены рамкой. И все заметки в скобках, дополнения тоже воспринимаются как комментарий или ремарки автора в расчете на читателя — **другого** человека. Интересно посмотреть, например, в стихотворении «Седые деревья», какие слова выделены и как выделенные слова можно объединить отдельно в некоторый текст, надтекст, они образуют как бы ключевые слова для целого стихотворения и вместе являются и фоном, и потолком одновременно.

Замечательны авторские неологизмы — «волососветлая девочка» . И каждый читатель должен и может самостоятельно порадоваться бесконечно разнообразной, остроумной и неожиданной фонетическо-грамматической языковой игре автора в стихотворении-шутке «Чулибряга (к вопросу о правде)».

Многие стихи в сборнике — как бы запись разговора, словно герой стиха рассказывает кому-то или самому поэту, и потому автор стиха сохраняет особенности его речи, стиля, одновременно рисуя самого героя, а свои собственные, авторские слова деликатно помещая в скобках. «Рассказ снайпера» из цикла «Война» — целиком монолог, как в конце стиха понимаем, предсмертный.

... У одних там — ну, учителей (вроде так);
по приказу коменданта остановился, живет.
И на нем, значит, оружие висит.

И неожиданно в конце стиха снайпер дает удивительное обещание — подарить любимой полтыщи им убитых врагов!

я Наде моей поднесу подарок:
полтыщи.
Понимаешь: полтыщи!
... Не подарил.
Убит

В стихотворении «Созданье Божье» описана сцена на улице, встреча двух давних школьных друзей и их разговор, живая быстрая речь — кажется, что вы стоите рядом на тротуаре:

Встретил Николая А.
Уж и трясли мы друг другу руки, смеясь!
— Знаешь, Панов:
а Витька стал
майор!
А Сергеева
помнишь? —
во флоте ... чин!

В финале автор вспоминает их общую подругу, и Николай А. говорит про нее: «Умерла. От дистрофии». Вот тут у поэта перехватывает дыхание и голоса остается только на подстрочную ремарку:

Без звука. Только губами:
— Созданье
Божие.

А вот, по контрасту, шуточное, ироническое стихотворение, почти басня, — о послевоенной, мирной жизни, с совершенно восхитительным названием: «Курицу», именно так, в винительном падеже, а не в именительном, как положено для заглавия. Такая форма кажется очень уважительной к живому, разговорному языку, а кроме того, дает простор для грамматических предположений: курицу — что сделали? — зарезали? прогнали? потеряли? А оказывается в стихе:

Курицу-то знаете? Пеструю, без хвоста?

Есть в сборнике еще подобное название: «Лягушками, бусами», и здесь это уже не начало стиха, а собственно название, раскрывающееся в содержании. Это ответ на вопрос, чем идут дожди: селедками, монетами, жареными пирожками, зубными щетками. «Их ливмя лило!» А автору повезло, как «и вообще часто везет»: «на него шел дождь ... чистыми ясными каплями».

Природа живет в стихах М. Панова не только как пейзажная миниатюра, она размышляет, она ликует, она грустит и шутит, она примиряет с миром, она — любовь.

Вот как начинается сборник: первое стихотворение цикла «Лес весной» — «Тень», и словно вместе с автором погружаемся мы в волнующуюся от ветра и солнца траву:

Свежее росистое солнце.
Трава,
пушистозеленая,
под ветром клонится:
туда,
сюда.
Ветер тихий:
только гладит.
Медленно проползла влажная змея
и растаяла в траве.
Застыли
в воздухе
синие палочки стрекоз.
.....
Такая тень плавает, живет, ликует
только в счастливом лесу.
Такой лес шумит и думает,
зовет и учит
только в счастливом детстве.

А следующее по порядку стихотворение называется «Доска»:

... Из-под гвоздя —
светлая капля смолы.
...Проходил мимо — и стер ее, каплю.
Через день —
снова
из-под гвоздя
тихая капля.

И опять разбивка на строки этого стихотворения — почти что хокку или танки, и подобных миниатюр немало в книге — соответствует вре-

менным промежуткам: нужно определенное время, чтобы капля появилась снова, и автор дает вам это время в движении глаз и голоса на следующую, и еще следующую, и еще следующую строку — и «тихая капля» появилась: все в порядке, стихотворение кончается мирно, вы увидели, благодаря автору, незыблемый порядок природы.

Так мы и живем вместе с поэтом в его постоянном удивлении от чудес природы и жизни.

Ведь это чудесно!
Целый день растет
ярко-зеленая травка,
гордо выгибается на солнце,
блестит шелковисто брюшком...
.....
А потом приходит ночь.
И непонятно когда, и непонятно как,
но тайно
на траве возникают
холодные ясные капли.
.....
Все это непонятно
и чудесно.

«Роса»

Очень трудно выбирать строчки и сокращать стихи, хочется приводить их целиком, кажется невозможным и не соответствующим замыслу автора выпускать и ставить многоточия.

Но тогда просто вместо всяких слов о стихах, нужно было бы перепечатать их целиком и оставить на Ваш собственный слух и взгляд.

Из стихов видно, что, когда автор идет по земле, по улице, по двору (так и хочется разбить эти слова по строчкам, чтобы увидеть, как поэт движется), он замечает все вокруг — до мельчайших деталей: и цаплю, и сварливые облака, и гудящую капельную суету, прозрачные ягоды воды, и тишину до неба. Все это видимое и замечаемое поэтом оживляется, наделяется человеческими свойствами характера («сварливые облака»), и становится понятно, что только таким образом оно и может быть воспринято современным читателем, так все это становится живым:

Она не стеклянная,
не слюдяная,
а лучше:
живая.

«Роса»

Вот стихи прочлись и отзвучали внутри читателя, и появились первые мысли, окрашенные вопросом: какое это «росистое солнце» — такое, от которого видна роса, или это роса появляется вместе с солнцем, и по-

тому оно «росистое»? И сама графика стиха строит для нас картинку, текст нужно или читать глазами, чтобы видеть, что после глагола «под ветром клонится», следующие обстоятельства, показывающие направление — туда,

сюда, написаны на разных строчках, с отступом, чтобы читатель смог увидеть это движение травы и успел бы сам повторить его, хотя бы жестом руки или внутренним движением глаз. Это не описания природы в принятом смысле слова, поэт сам живет в ней, сам участник событий: увидел *светлую каплю смолы* / «...Проходил мимо — и стер ее, каплю».

Всегда очень интересно, кого цитирует поэт и чьи имена он вводит в свои стихи. С кем поэт беседует. Впервые это происходит в недатированном, но, по-видимому, раннем стихотворении «Человек благодарен...». Здесь эпиграф из Достоевского: «... и притом неблагодарный...». Лишь очень образованный или дотошный критик сможет точно назвать источник цитаты. В самом стихотворении — описание человека: «Седой. Сильный. Доверчивый. Добрый. / Ушел весь в улыбку». Подстрочное авторское примечание: «Когда-то у меня над кроватью висел портрет К. С. Станиславского». Это стихотворение — благодарность седому человеку «за счастье, за труд, / за мученья мысли». Эпиграф создает смысловое напряжение между словами Достоевского и содержанием стихотворения.

Следующее стихотворение — «Заяц» — имеет явно ироничный эпиграф: «Из всех зайцев предпочитаю решетчатых». Мало того что читатель не сможет увидеть в этом эпиграфе ничего, кроме насмешки, он еще и никогда не догадался бы сам, что автор этой шутки — легендарный американский миллионер Джон Пирпонт Морган. Само стихотворение тоже шутка. Описанный в нем длинноногий, дрожащий, прыгающий, «стремительный и прямодушный» белый, пушистый заяц «(Почему — "косой"? / Ничего косого!)» оказывается солнечным зайчиком. А солнечные зайцы бывают и решетчатыми (правда, если окошко забрано решеткой).

Следующее трехстрочное стихотворение — совершенно японское хокку: «И простой дождь

/ иногда / бывает серебристо прекрасен», — согласно авторской сноске, является точной цитатой из Н. Г. Чернышевского. Аналогичную сноску мы находим и в послевоенном, по-видимому, стихотворении, тоже похожем на хокку: «Всё хорошо в природе, / Но красота природы — / ⟨здесь у автора пробел в несколько строк⟩ / вода». Сноска поясняет нам, что это — цитата из С. Т. Аксакова. Очевидно, поэту эти пропущенные строки внутри текста нужны для большой паузы, за время которой читатель должен понять смысл; так создается напряженное ожидание следующего слова.

В книге к стихам приведены три эпиграфа. К трагически победному послевоенному стихотворению о войне «Белорусских крестьян загоняли в избы...» автор взял эпиграф из «Слова о полку Игореве»: «Ту немци и венеци...». Любознательный читатель легко найдет продолжение и пере-

вод этого эпиграфа, соответствующего трагически победоносному пафосу пановского стихотворения: «Тут немцы и венецианцы, тут греки и моравы поют славу Святославу, корят князя Игоря». Сам Михаил Викторович вспоминает, что, работая учителем в школе, «читал "Слово" наизусть полностью, читал ритмически». Очень его любил.

И еще два эпиграфа находим мы в книге. Один из Лермонтова, уже упомянутый раньше, и последний — «К пустыне» — стихотворению-легенде 1949 г. о рыцаре Делире и красавице Ниракес. Это две короткие строчки из неизвестного нам Фуота: «Он всё может, / но не всё». Этого таинственного Фуота мы не нашли даже в литературной энциклопедии. Однако цитат и сносок в книге гораздо больше. Из сноски мы узнаём, что в стихотворении «Воспоминание о сорок первом» цитируется немецкая листовка «Вы готовили пианистов. Мы — летчиков и танкистов». Это снова вольное стихотворение с длинными двустишиями и трудными рифмами, ассонансными, корневыми, неравносложными:

Командир орёт, лупя себя по бокам рукавицами:
«Читай, ребя! Действует чище наших передовиц!»

И в этом стихотворении 1945 г. большой перечень имен:

Заряжаем, целимся, бьем. Днем. Ночью (трассирующими искря).
С нами в окопах: Пушкин, Блок, Лобачевский, Скрябин,
Рублев, Маклай, Гоголь. И (там во мгле) Петр Великий.
Однополчане. С нами шли. К победе вели.

Поэт вступает в диалоги не только с называемыми им — Гегелем, Антоновичем, Станиславским, Чернышевским, Бенедиктом Лившицем, но и с неназванными поэтами — Белым, Заболоцким, Слуцким и Маяковским. Это только то, что нам удалось понять и увидеть.

Его оды обращены не только к Земле, но и к Корове, он сожалеет о не поставленном ей, «Благодетельнице человека», памятнике — но это в Москве, а вот в Париже корова стоит на монументе Пастеру, правда среди других «персонажей», и это, конечно, известно автору и радует его. Его радость очевидна, она просто льется из последних стихов, завершающих сборник:

Ода Земле

А разве только вода хороша?
А ласковые руки?
А смех, утро, стихи?
Хороша Земля!

Но не размягчайтесь, как воск перед огнем. Есть в книге и споры с коллегами, и острая научная сатира, при всей авторской мудрости и доброте сравнимая в чем-то с безысходно-желчной свифтовской Лапутой:

Н. М. Кучичиа
кудлатая, сопатая,

фырча
закапывает яйца
в сухой песок.
(А яйца — крапинкой).
Хвостом усердно засыпает.
Не пронеслось и двух недель —
и вылупились, побрели,
задумчиво качая утиными носами,
бледные и нежные
докладчики
с бумажками в руках. Кучичиата.
Нельзя их, маленьких,
ни шмякнуть о землю,
ни повалять в песке,
ни отобрать у них бумажку с буквами.
Нежные. Не вынесут. Подохнут.

Подобно поэтам-футуристам, Михаил Панов не мог не заглянуть в XXI век. Он сделал это в почти «глококуздром» стихотворении «Целебное действие звуков». Там фигурируют «сероглазая Цляма Клиль», влюбленный в нее Угурула, терапевт-пингвин, отоларинголог Слон, «гомеопат Пчела». В XXI веке, «сквозном и разъемном»,

Люди и звери
давно уже стали братья,
ан люди и люди —
не все.

Лекарства не помогают больной Цляме Клиль, и растерянный Угурула ищет для нее целебное слово, поскольку

Лечебное действие
звуков речи
давно уже стало предметом особой науки —
экспериментальной
глассомурынии.

Обычно рекомендуемые в таких случаях заклинания: «Мубурзуф! Зубурмуф! Буфурзум!» — не подействовали, но в конце концов Угурула находит не по рецепту чудесное тихое слово: «Чиахтансу!» — и болезнь Цлямы Клиль отступает.

Сборник стихов М. Панова внешне — такой красивый, нарядный, аккуратный. Книга получилась прямо изящная, даже, можно сказать, элегантная: на первой белой обложке крупными буквами — «Снег», и белая рубашка автора книги на последней обложке.

И стихами, и фотографией на обложке сборника «Тишина. Снег» открывается нам новый, и снова замечательный, Михаил Викторович.

И вот читателю, не имеющему в руках книги, на прощание — еще стихи. Слишком прямолинейно было бы говорить или считать, что именно здесь и выражено авторское представление о счастье и предназначении человека:

Счастье? Выполнить назначенье.
Себя выполнить,
исполнить,
наполнить.
.....
Ликует цветок, из которого пчелы
рыча,
сворovали мёд.
Снег на землю падает смелый.
Ему хорошо. В землю уйдет, исполнит свое назначенье.
Дерево
сверкающее под дождем ...
Худо мне, больно (смертная боль),
что женщин на свете
больше,
чем сверстников их — мужчин.
Мучительно! Бесчеловечно.

Стихи о просеке (автопародия)

Когда идешь босиком
по лесной просеке,
то сначала всего боишься.
Ноги ранят сучки
и колючие травы.
Кажется,
все заросло репейником,
крапивой,
осокой,
и всюду занозистые пни...
И лишь неделю спустя
увидишь,
что всюду
ласковая трава.

И хочется думать, что, при всем безысходном ужасе миновавшей эпохи, таких поэтов, как Михаил Панов, и таких стихов, которые он создавал, было не так уж мало, что-то из этого удивительного, неправдоподобного, почти немыслимого в тех условиях стихотворчества мы узнаём в эти последние бесцензурные годы, о чем-то, наверное, еще узнаем когда-нибудь, о чем-то не узнаем никогда. Но благодаря таким поэтам и таким стихам сохранялся наш язык, благодаря им существовала и, может быть, будет существовать подлинная русская поэзия. Спасибо им за это!

Ольга Седакова
Москва

Лимерики

ИЗ ЖИЗНИ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

* * *

Старушка из Томаса Манна
Сидела в углу ресторана:
Сухая, как палка,
В руке зажигалка,
А вид, как у Генриха Манна.

* * *

Один персонаж Леонардо
Охотился на леопарда;
Стрелял — промахнулся,
Упал — улыбнулся.
Диагноз: инфаркт миокарда.

* * *

Одна из кокоток Золя
Любила родные поля:
Нарядится прачкой
И с крошкой собачкой
Мечтает среди ковыля.

* * *

Герой знаменитого Стерна
Всегда себя чувствовал скверно:
В ушах молоточки,
И печень, и почки,
И в легких большая каверна.

* * *

Бывало, епископу Беркли
Казалось, что свечи померкли:
На самом же деле
Шандалы блестели
И свечи горели, как в пекле!

* * *

Мадам угощала Матисса
Изысканным блюдом из риса.
А ну, повтори! —
Заметил Анри, —
Я голоден нынче, как крыса!

* * *

Однажды Аврама Линкольна
Спросили: Вам, видимо, больно?
Я выждал момент, —
Сказал Президент.
Но при этом скривился невольно.

* * *

Одна танцовщица Дега
Попала быку на рога:
И право, за дело —
Куда ж ты глядела,
Раздевшись почти донага?

* * *

Обычно племянник Дидро
Рукой упирался в бедро:
Он думал, что *э т о* —
Таланта примета;
Другие считали — нутро.

* * *

Однажды в гостях у Бодлера
Наклюкались три офицера:
Друг другу в затылки
Кидали бутылки,
Но все попадали в Бодлера.

* * *

Один буржуа у Бальзака
Дождался условного знака,
Купил особняк
И выпил мышьяк
И умер один, как собака.

* * *

Одна героиня Тургенева
Полюбила студента Бартенева;
Они ехали в бричке,
Щебетали, как птички,
И Бартенев был лучше Иртенева.

* * *

Упавшего Поля Синьяка
В плечо укусила собака.
Укус и синяк, —
Подумал Синьяк, —
Довольно обидно, однако.

* * *

Один из героев Лесажа
Становился все гаже и гаже;
Когда, наконец,
Его хлопнул подлец,
Отлегло на душе у Лесажа.

* * *

Однажды измученный Гойя
Томился в приемном покое;
Вдруг пол заскрипел
И кто-то запел —
Представьте смущенье изгоя!

* * *

Одна героида Назона
Любила Парида, Язона,
Патрокла, Софокла,
Потом Фемистокла,
Потом, наконец, Фергюссона.

* * *

Одна героиня Радищева
Перечла сочиненья Татищева,
Пропуская страницы
О геройстве девицы,
Проявленном возле Петрищева.

* * *

Один персонаж у Шекспира
Приснился себе, как рапира;
Проснулся — о горе!
Кругом него море
И жизнь холодна, как рапира.

* * *

Однажды спросили Верлена:
— Не правда ли, мыльная пена
Подобна сильфиде
И легкой обиде?
Верлен отвечал: Несомненно!

* * *

Федор Тютчев, затеплив свечу,
Написал: Я молчу. Я молчу.
Изреченное — ложь.
Но, читатель, поймешь
Ты одно восклицание: Чу!

* * *

Однажды в гостях у Некрасова
Проняло живописца Саврасова,
И, сдавая картишки,
Он рыдал, как детишки,
Над судьбой крепостных у Некрасова.

* * *

Стихи Афанасия Фета
О том, как пришел он с приветом,
Появились в печати
Совершенно некстати.
И ценили его не за это.

* * *

Молодой человек у Стендаля
Обожал итальянские дали.
Он умер от страсти
В двенадцатой части
Последнего тома Стендаля.

* * *

Певица, поклонница Гете
Брала высочайшие ноты:
Четвертое фа —
И то-то лафа
Гостям, и соседям, и Гете!

* * *

Порой Адальберт Шамиссо
Ломал в темноте колесо:
Его изводила
Нечистая сила
И слава Жан-Жака Руссо.

* * *

Один собеседник Макробия
Обожал дорогие надгробия;
И с великим укором
Умирал под забором
Далеко, далеко от Макробия.

(К о д а)

Попадья из колонии греческой
Ненавидела род человеческий
И всегда говорила,
Что приличного рыла
Не увидишь в колонии греческой.

ОРФОГРАФИЯ

Б. З. Букчина
Москва

ОРФОГРАФИЯ НЕКОТОРЫХ ОБРАЗОВАНИЙ, ПРОИЗВОДНЫХ ОТ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

«Можно ли отделять орфографию собственных имен от прочих орфографических правил или выделять орфографию собственных имен в особый отдел? Отделять нельзя, а выделять и можно, и должно. На то есть основания не только в "лингвистическом положении имен собственных" (Курилович), но и в целом ряде чисто орфографических данностей, которые для написания имен нарицательных не имеют того значения, что для написания имен собственных» [Реформатский 1965: 7].

Специфика рассматриваемых образований связана большей частью с необходимостью сохранить графический облик географического названия, чтобы избежать возможных недоразумений.

Можно выделить три группы наименований, каждая из которых касается особой орфографической проблемы (или особого их сочетания) — написания двойных согласных, сохранения/исключения буквы ъ в наименовании, написания словообразовательного суффикса. Рассмотрим каждую из этих групп.

1. О написании наименований типа *Донбасстрой, Одесспромстрой*

Трудности, связанные с употреблением двойных согласных в географических названиях, входящих в состав сложного слова (*Донбасстрой, Одесспромстрой*), вызваны двумя причинами: отсутствием рекомендаций по поводу написания образований такого типа и лингвистической сложностью самого явления.

«Правила русской орфографии и пунктуации» (М., 1956. § 69, примечание) рекомендуют «в первой части сложносокращенных слов, которая представляет собой основу, оканчивающуюся двойной согласной, писать только одну согласную, например, *грамзапись, групком*». Судя по примерам, иллюстрирующим это правило (*грамзапись — граммофонная запись, групком — групповой комитет*), речь идет только об основах прилагательных. Поэтому важно определить, что представляют собой первые части географического наименования — прилагательные или существительные.

Лингвистическая литература не дает однозначного ответа на этот вопрос. Одни исследователи относят образования этого типа к словосложениям (сложным словам без соединительной гласной) с первой частью — существительным, другие — к сложносокращенным (аббревиатурным) словам с первой частью — прилагательным, третьи — к промежуточным явлениям, переходным между аббревиацией и сложением.

То, как решается эта проблема, отражается и на орфографическом оформлении наименований этого типа. Если рассматривать данные образования как сложения, то закономерно сохранение полной формы исходного географического названия (*Донбасстрой*, *Одессауголь*, по аналогии с *Тулалес*, *Эмбанефть*). Но эти образования можно рассматривать и как сложносокращенные имена собственные, первой частью которых являются основы прилагательных: *Донбасс* — это и существительное, и основа прилагательного (*Донбасс-ский*). В таком случае перед пишущим возникает вопрос: если данные географические наименования представляют собой основу прилагательного, оканчивающуюся двойной согласной, то распространяется ли на них примечание § 69 «Правил», в котором говорится только об именах нарицательных? В периодической печати были отмечены такие написания: *Кузбассгипрошахт*, трест *Кузбасстранcsстрой*, управление *Донбасспроммонтаж*, объединение *Кривбассруда*, объединение *Южкузбассуголь*, объединение *Донбассантрацит* и комбинат *Одесспромстрой*.

Как уже было отмечено, для географических названий существенно сохранение графического облика. Следовательно, как бы ни рассматривать первую часть анализируемых образований, в них следует сохранить двойные согласные: *Одессгражданстрой*, *Донбасспромстрой*. Два *с* следует писать и в образованиях: *Одесстрой*, *Кузбасстрой*. Это регламентируется действующими правилами, общими для имен нарицательных и собственных. Если сохранять все согласные на морфологических стыках (корня и суффикса, суффикса и следующего за ним слова), то в образованиях *Одесстрой*, *Донбасстрой* надо было бы писать три *с*, но «не пишется больше двух одинаковых согласных подряд, хотя бы это и требовалось составом слова, например, *рассориться* (рас+ссориться), *одесский* (Одесс+ский), *пятитонный* (пятитонн+ный)» (§ 67 «Правил»).

Предлагаемое правило:

В географических наименованиях с двойной согласной, входящих в состав сложных слов, двойную согласную следует сохранять.

2. О написании образований типа *Тюменьгеология*, *Тюменьнефть*

Образования типа *Тюменьгеология* состоят из двух частей — географического названия и нарицательного имени — и представляют собой сокращенную форму полного названия организации (реально существующего, подразумеваемого или вовсе не существующего — в случаях когда название образовано по аналогии, по готовой модели). Они составляют продуктивную словообразовательную группу.

Эти конструкции рассматриваются преимущественно как словосложения с первой частью — существительным.

Отнесение этих конструкций к словосложениям с первой частью — существительным помогает разрешить орфографическую проблему, возникающую при написании образований с географической частью, оканчивающейся на мягкий согласный (пишущихся с ъ). Проиллюстрируем существующий разнобой на наименованиях с первой частью «Тюмень»: *Десять лет соревнуются между собой всесоюзные объединения* ***«Тюменгазпром»*** *и* ***«Туркменгазпром»***; ***Главтюменнефтегаз****, экспедиция* ***Главтюменгеологии****,* ***Тюменнефтегаз****, объединение* ***«Тюментрансгаз»****, управление* ***«Тюменинструментснабсбыт»***, но: *геологи* ***«Главтюменьгеологии»****,* ***Тюменьгазпром****, управление* ***«Тюменьстройпуть»****,* ***Главтюменьгеология****, объединение* ***«Тюменьсельхозремонт»***.

Чаще всего трудности возникают при написании таких сочетаний, как *Тюменьнефть*, где имеются две одинаковые мягкие согласные. Это и понятно: на произношении отсутствие мягкого знака не сказывается (регрессивная ассимиляция). Кроме того, в соответствии с «Правилами» (§ 72, п. 2, примечания) «для обозначения мягкости согласной перед другой мягкой согласной ь не пишется». Но в случаях, о которых идет речь, следует рекомендовать написание мягкого знака. Оправдано это и тем, что наименования-словосложения состоят из двух существительных, и тем, что § 72 «Правил» не включает собственных имен и, следовательно, обязателен только для нарицательных имен, и, наконец, тем, что сохранение мягкого знака в образованиях с названиями городов на мягкий согласный (*Астрахань, Казань, Любань, Тюмень, Пермь, Мозырь* и др.) важно и по экстралингвистическим причинам. Топоним, входящий в название, должен сохранять свой орфографический облик и тем самым исключать двусмысленность. Поэтому мы считаем неправильными написания *объединение* ***Пермнефтеоргсинтез*** (Известия), *объединение* ***«Пермнефть»*** (БСЭ, т. 30, с. 599) и правильными: ***Кубаньгазпром*** (Известия), *объединение* ***«Тюменьвино»*** (БСЭ, т. 25, с. 420); *трест* ***«Мозырьнефтехимстрой»*** (Известия), *объединение* ***«Мозырьмелиормаш»*** (Известия).

Предлагаемое правило:

В образованиях, состоящих из географического названия, оканчивающегося на мягкую согласную, и нарицательного имени, мягкий знак географического названия сохраняется.

3. О написании образований типа *Одесчина, Черкасчина, Виннитчина, Рязанщина*

Образования типа *Одесчина, Петрозаводчина* известны русскому языку давно.

Их употребительность в последние десятилетия постоянно возрастала. Появилось много новообразований, созданных по модели: географическое наименование+суффикс *-щин(а)/-чин(а)*.

Смоленщина, Тамбовщина, Краснодарщина по своему содержанию совпадают с наименованием административно-территориальных единиц (об-

ласти, края): *Смоленская область*, *Тамбовская область*, *Краснодарский край*. Однако совпадение это не полное. Различия заключаются в эмоциональных и стилистических оттенках соотносительных наименований. Одно из них — официальное название административной единицы, другое — неофициальное обозначение, связанное с представлениями о людских судьбах, истории, природе области, края. Обозначение *Смоленская область* в нашем представлении связано с границами своего распространения, наименование *Смоленщина* — со всем тем, что на этой земле растет, живет, строится, производится, с историей области.

Рассматриваемая словообразовательная модель часто реализуется в периодической печати. Однако пока подобные образования не регистрируются современными словарями, их написание не регулируется действующими орфографическими правилами. Группа эта неоднородна и вызывает несколько затруднений: нуждаются в регламентации написание конечной согласной основы (*Рязанщина* или *Рязаньщина*); написание суффикса *-чин(а)* или *-щин(а)* (*Донетчина*, *Виннитчина*); количество согласных в образованиях типа *Одес(с)чина*.

При решении этих вопросов следует исходить из того, что все такие наименования образуются от основ прилагательных: *Орлов-щина* — от *орлов-ский*, *Вологод-чина* — от *вологод-ский*, *Пензен-щина* — от *пензен-ский*.

1) Поскольку в соответствии с действующими правилами (§ 74 «Правил») в прилагательных с суффиксом *-ск-*, образованных от существительных на *ъ*, буква *ъ* не пишется, то и рассматриваемые наименования *Рязанщина*, *Казанщина* и им подобные следует писать без *ъ*.

2) В наименовании *Одесчина*, образованном от прилагательного *одесский*, написание одной согласной определяет § 67 «Правил»: «...не пишется более двух одинаковых согласных подряд, хотя бы это и требовалось составом слова: *одес-ский* (одесс+ский)».

3) Сложным представляется во многих случаях написание суффикса: *-чин(а)* или *-щин(а)*. Исходя из правил русского словообразования и орфографии, после согласных *д* и *т* следует писать суффикс *-чин(а)*: *Вологодчина*, *Новгородчина*, *Карпатчина*. Этот суффикс пишется и в образованиях *Туретчина*, *Донетчина*, *Виннитчина* и др., так как в наименованиях, в основном заимствованных из украинского языка и соответствующих украинским *Туреччина*, *Німеччина*, *Вінниччина*, «Правила» (§ 51) рекомендуют писать букву *т* перед *ч* в случаях, когда суффикс *-чин(а)* присоединяется к основе, оканчивающейся на *-к*, *-ц*, *-ч* (*Туретчина*, *Виннитчина*).

Сложным представляется выбор суффикса в образованиях типа *Одесчина*, *Черкасчина*. Очевидно, более правильным, отвечающим русской традиции, следовало бы считать написание *Одесчина*.

Литература

Реформатский А. А. Орфография имен собственных // Орфография собственных имен. М., 1965.

Б. З. Букчина, Л. К. Чельцова
Москва

ОРФОГРАФИЧЕСКАЯ КОМИССИЯ 1963—1964 годов

Работа в Орфографической комиссии 1963—1964 гг. была прекрасно организованной, творческой и результативной.

До образования комиссии, в 1956 г., вышел первый свод орфографических правил — «Правила русской орфографии и пунктуации». А. Б. Шапиро (один из основных авторов свода) писал: «После издания "Правил русской орфографии и пунктуации" 1956 г. сразу началось и все время усиливается недовольство по поводу недостаточности и даже, по мнению многих, полной неудовлетворительности этих "Правил"» [Шапиро 1962: 465].

24 мая 1963 г. вышло постановление Президиума Академии наук СССР «Об организации Комиссии по усовершенствованию русской орфографии». В постановлении определялась цель работы созданной комиссии: «Сложившаяся и узаконенная в настоящее время орфография русского языка имеет серьезные недостатки и необоснованные трудности. Несмотря на проведенную в 1956 году частичную регламентацию правописания, в современной орфографической системе имеется немало противоречий, неоправданных исключений, трудно объяснимых правил. Это в значительной степени тормозит усвоение письменной и устной речи, отрицательно сказывается на уровне грамотности населения, усложняет работу школ и издательств, затрудняет изучение русского языка народами и народностями нашей страны, а также иностранцами».

Возглавил комиссию академик В. В. Виноградов. В ее состав вошли известные ученые-лингвисты Р. И. Аванесов, С. Г. Бархударов, С. И. Ожегов, А. А. Реформатский, А. Б. Шапиро, И. Г. Голанов, Д. Э. Розенталь, Н. М. Шанский и др., представители вузов, Академии педагогических наук, методисты, преподаватели школ, редакторы, писатели — всего 27 человек. В комиссии было два заместителя председателя — М. В. Панов и И. Ф. Протченко.

В 1963 г. в «Вопросах языкознания» была напечатана статья М. В. Панова «Об усовершенствовании русской орфографии». В этой статье М. В. Панов рассматривает все правила орфографии с точки зрения их соответствия или несоответствия основному — фонематическому — принципу орфографии. Фонематическое написание «требует передачи звукового строя слова, очищен-

ного от всех позиционных взаимодействий между звуками. Все позиционные мены устраняются путем сведéния каждой звуковой парадигмы к ее основной разновидности, выступающей в сильной позиции» [Панов 1963: 81]. При отсутствии сильной позиции написание устанавливается решением ученых, что не противоречит действию фонематического принципа. Статья носила программный характер — «все вопросы современной орфографической теории должны получить свое решение на основе фонематической теории; эти решения являются наиболее оправданными и с практической точки зрения» [там же: 93]. Михаил Викторович вспоминает, что, когда статья вышла, в коридоре института к нему бросилась какая-то дама и стала восторженно расхваливать статью. Проходящий мимо В. Н. Сидоров, желая снизить ее эмоциональность, произнес: «Подумаешь, каждый из нас так же бы написал». «Это была высшая похвала для меня», — говорит Михаил Викторович.

Комиссия рассмотрела все выделенные М. В. Пановым трудные и спорные вопросы орфографии. Результатом ее работы явился проект «Предложений по усовершенствованию русской орфографии» (М.: Наука, 1964). Проект включал три раздела: I. Новые правила (сравнительно со Сводом правил 1956 г.); II. Правила 1956 г., подвергшиеся уточнению или частичным изменениям; III. Правила 1956 г., обсуждавшиеся в комиссии, но оставшиеся без изменений. В Приложении приводились тексты, написанные с учетом предлагаемых изменений. В каждом разделе сопоставлялся текст правила 1956 г. и предлагаемый текст нового правила, отмечалась сложность и противоречивость действующего правила и аргументировалась целесообразность предлагаемого новшества.

Так, было предложено отменить **ь** после шипящих, сохранив его только в разделительной функции, т. е. писать *доч, мыш, ноч, пряч, сплош* и т. п. Это предложение очень давнее; оно выдвигалось еще в XIX в. и вошло наравне с предложением отменить **ъ** на конце слов в решения комиссии 1904 г., в состав которой входили известные лингвисты: Ф. Ф. Фортунатов, А. А. Шахматов и др. Это предложение строго фонематично: мягкость и твердость у **ж, ш, щ, ч** как различительные признаки не существуют и, следовательно, не должны обозначаться на письме. Оно и сейчас имеет своих сторонников.

Немало трудностей могло бы разрешить и предложение о написании **и** после **ц**: *циган, лисицин, птици, огурци*. Институт русского языка АН и редакции газет получили большое количество писем, авторы которых поддерживали это предложение. Орфограмма **ци** не является новой для русского письма. Колебания в написании с **цы** и **ци** отдельных слов никогда не сопровождались колебаниями в их произношении, они носят чисто орфографический характер. При едином написании эта трудность снимается, поскольку на фоне общей системы русской графики не требуется, чтобы единое написание содержало специальное указание на твердость **ц**, написание **ци** оказывается наилучшим из решений вопроса. Предлагаемое написание позволило бы заменить действующее в настоящее время сложное правило простым: после **ж, ш, ч, щ** не пишутся буквы **я, ю, ё, ы**, а пишутся **а, у, о, е, и** (т. е. основные гласные буквы).

Тексты, приведенные в Приложении (из газет, художественных произведений), показывали читателю, что изменения не нарушают восприятия написанного.

Работу комиссии можно оценить как реформаторскую; по существу, предлагалась третья реформа в истории русского письма.

Работа комиссии была хорошо организована: все члены комиссии подготавливали свои проекты, предложения, которые были предметом обсуждения на заседаниях комиссии. Заседания в течение всего периода ее работы проходили раз в две недели. Председатель комиссии акад. В. В. Виноградов участвовал во всех обсуждениях. Без современной техники (компьютеров, ксероксов) все материалы для заседаний подготавливались вовремя и доставлялись каждому члену комиссии и в Москве, и в Петербурге. Естественно, что не все предложения были единогласно поддержаны членами комиссии.

В сентябре 1964 г. несколько газет («Известия», «Советская Россия», «Учительская газета») и журнал «Русский язык в национальной школе» опубликовали «Предложения по усовершенствованию русской орфографии». Это был проект новых правил, предложенный на рассмотрение и обсуждение широкой общественности, однако общество не было к этому готово. Неразумным было опубликование всего проекта в центральной печати без серьезного разъяснения, что читателю предлагаются предварительные рекомендации, обсуждение которых может привести к некоторым коррективам. Вынося проект на обсуждение, комиссия хотела выяснить, что в нем приемлемо для общества, а что вызывает возражения. Отсутствие достаточной разъяснительной работы, раскрывающей цель публикации предложений, политическая ситуация, сложившаяся в 1964 г., создали в определенных кругах общества впечатление, что предложения диктовались желанием решительных изменений сверху, что общество не приняло реформу. Броские высказывания отдельных оппонентов реформы (главным образом писателей, которые, как В. Инбер, боялись потерять «добрую фею-орфографию», не желали, как Л. Леонов, есть *огурци* и т. п.) оказались слышнее, чем научная аргументация ученых.

Но нам представляется важным отметить, что в научном смысле работа комиссии оказалась чрезвычайно результативной. В 1964 г. были изданы сборники «Вопросы русской орфографии», «Проблемы современного русского правописания», «О современной русской орфографии»; в 1965 г. — сборник «Орфография собственных имен», в 1966 г. — научно-популярная брошюра «Орфография и русский язык». Орфографическая комиссия получила более 10 тысяч откликов и писем, многие из которых не просто выражали читательское мнение или общую оценку проекта, но и вступали в обстоятельные рассуждения о спорных вопросах орфографии и пунктуации. В этот период значительно возрос интерес к орфографии. К ее проблемам обращались и писатели, и учителя, научные сотрудники, рабочие, домашние хозяйки. В архиве Б. З. Букчиной, ученого секретаря комиссии, сохранился документ, присланный из тюрьмы. На бланке два

пункта: «1. За что осужден» и «2. О чем конкретно ходатайствуете». Ответы: «1. за хищение государственного имущества, 2. об усовершенствовании русской орфографии». Интересно, что если в опубликованных материалах в целом преобладали отрицательные оценки, высказывания, то в письмах многие авторы не только поддерживали предлагаемый проект, но и готовы были идти на более радикальные изменения. Читательские письма легли в основу книги «Письма о русской орфографии» (авт. Б. З. Букчина, Л. К. Калакуцкая, Л. К. Чельцова, М., 1969).

В 1964 г. вышла замечательная книга М. В. Панова «И все-таки она хорошая! Рассказ о русской орфографии, ее достоинствах и недостатках», которая с интересом читается и взрослыми, и школьниками. Только М. В. мог написать такую занимательную, талантливую книгу о таком, казалось бы, «скучном» предмете. М. В. Пановым была задумана и под его руководством осуществлена большая работа по анализу орфографических предложений за два столетия — «Обзор предложений по усовершенствованию русской орфографии (XVIII—XX вв.)». Эта книга — «свод всех дельных, научно аргументированных предложений по усовершенствованию русской орфографии, которые были сделаны за два прошедших века» [Обзор... 1965: 5], в ней «учтены в полной мере успехи и срывы реформаторской деятельности в области орфографии, поиски убедительной аргументации, наиболее точно определяющей пригодность или непригодность новых предложений» [там же: 6]. Тщательность выполнения «Обзора» показала, что в настоящее время фактически невозможно предложить что-либо новое для усовершенствования письма. В «Обзоре» М. В. написан раздел «Принципы русской графики и орфографии», в котором отмечены все достоинства и недостатки каждого принципа, причем читателю не навязывается единый непререкаемый вывод, вывод может быть сделан на основании самостоятельного сопоставления аргументов.

Все выпущенные в те годы сборники и книги — ценный вклад в теорию и практику русской орфографии, без них нельзя представить дальнейшие исследования в этой области. И главная заслуга всей проделанной работы, несомненно, принадлежит Михаилу Викторовичу.

Мы не стремились и не могли всесторонне оценить научный вклад М. В. Панова в русское правописание. Но мы счастливы, что в те годы работали вместе с Михаилом Викторовичем, и сейчас ценим, как подарок, каждую встречу с ним.

Литература

Обзор предложений по усовершенствованию русской орфографии (XVIII—XX вв.). М., 1965.

Панов М. В. Об усовершенствовании русской орфографии // Вопросы языкознания. 1963. № 2.

Шапиро А. Б. Немаловажный вопрос (к спорам о русском правописании) // Изв. АН СССР. Отд-е лит-ры и языка. Т. XXI. № 6. М., 1962.

Л. Н. Булатова
Москва

ИРИНА СЕРГЕЕВНА ИЛЬИНСКАЯ КАК ПРОПАГАНДИСТ И ПОПУЛЯРИЗАТОР ИДЕЙ МОСКОВСКОЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ

Михаилу Викторовичу Панову — главе современной Московской лингвистической школы, всегда умеющему заинтересовать, вдохновить и сплотить своих единомышленников для решения научных и общественно-научных задач

В историю Московской лингвистической школы (МЛШ) Ирина Сергеевна Ильинская вошла, разумеется, не только как пропагандист и популяризатор ее идей. Но я останавливаюсь на той части деятельности Ирины Сергеевны, которая протекала у меня на глазах и в которой проявились дорогие мне личные качества Ирины Сергеевны и ее общественный темперамент.

Ирина Сергеевна Ильинская не замыкалась в пределах своей основной специальности (язык Пушкина). В круг ее интересов входили также проблемы грамматики. Особую сферу ее интересов представляла орфография. Именно в работах по орфографии ярче всего сказалась ее принадлежность к Московской лингвистической школе.

И. С. Ильинская приняла выдвинутую Р. И. Аванесовым и В. Н. Сидоровым теорию фонематической основы русской орфографии [Аванесов, Сидоров 1930] и сама внесла вклад в ее разработку [Ильинская, Сидоров 1953]. Разделяя идеи московской фонологической теории, она считала своим общественным долгом принимать участие и в работах по практическому применению этих идей. Поэтому она не могла остаться в стороне от той работы, которая проводилась в 60-е годы в Институте русского языка АН СССР в связи с подготовкой орфографической реформы. И. С. Ильинская не входила в официальную орфографическую комиссию, сформированную при Отделении литературы и языка АН СССР. Но она

руководила общественной орфографической комиссией, созданной в Институте русского языка по инициативе М. В. Панова в помощь официальной комиссии.

В работе общественной комиссии вместе со своими старшими товарищами принимали участие тогда еще молодые научные сотрудники, а теперь такие известные специалисты в области орфографии, как Н. А. Еськова, С. М. Кузьмина, Б. З. Букчина, Л. К. Чельцова. Были привлечены к работе общественной комиссии и научные сотрудники, имевшие опыт школьной работы (И. Б. Кузьмина, Т. С. Ходорович). Должна оговориться, что я упоминаю тех, кого помню, просто для того чтобы дать представление об этой комиссии и отнюдь не претендуя на полноту списка. На заседаниях общественной комиссии рассматривались наиболее сложные вопросы правописания (правописание *-нн-* и *-н-* в причастиях и прилагательных, *о* и *е* после шипящих и другие).

И. С. Ильинская поддерживала самые смелые предложения проекта орфографической реформы; такие, например, как предложение писать *ци* вместо *цы* (*огурци, бледнолиций*), оставить только один разделительный знак (*обезьяна, изьян*), упразднить мягкий знак после шипящих не в разделительной функции (*доч, туч, спряч*) и некоторые другие [Предложения... 1964].

Выдвинутые на широкое обсуждение, эти предложения вызвали бурный протест у многих людей, в том числе у ряда писателей и даже лингвистов. Ирина Сергеевна активно защищала эти предложения, если при ней высказывались обвинения, будь то на научном заседании или в больнице, где она лежала с инфарктом. Находясь одна в аудитории, враждебно настроенной по отношению к проекту реформы и ее авторам, Ирина Сергеевна чувствовала себя очень неуютно, но от спора никогда не уклонялась: не позволяло чувство долга, чувство ответственности, столь свойственные ее натуре.

Неприязнь к предложенным в проекте реформы орфографическим изменениям, помимо естественного консерватизма людей, владеющих определенными навыками, объяснялась неправильным пониманием соотношения языка и письма. Так, например, некоторые оппоненты (в том числе и лингвисты) опасались, что написание *и* после *ц* (*огурци*) приведет к искажению языка: к изменению в произношении [ц] (оно станет мягким) или к изменению в склонении слова (*огурци* будут склоняться так же, как *мячи*).

Лингвисты МЛШ почувствовали необходимость популяризации научных знаний об отношении письма к языку. Этому вопросу было посвящено специальное заседание общественной орфографической комиссии, на котором выступил М. В. Панов. Ирина Сергеевна Ильинская ответила на эту потребность изданием (вместе с коллективом единомышленников) двух научно-популярных книжек [Орфография и русский язык 1966; Книга о русском языке 1969]. В них с позиций МЛШ излагается теория

письма и подробно разъясняется смысл основанных на этой теории предложений по усовершенствованию орфографии, которые вызвали непонимание в среде неспециалистов, а отчасти и у лингвистов.

Как известно, орфографическая реформа в 60-е годы так и не состоялась. Но интерес к орфографической дискуссии того времени не утратился, о чем свидетельствует, в частности, перепечатка фрагментов из книги «Орфография и русский язык» в газете «Русский язык» (№ 5—7 за 1996 г.). Но, к сожалению, ни одно из предложений, рассматривавшихся в этой книге, не будет реализовано в новом своде орфографических правил, который сейчас готовится в Институте русского языка, даже совершенно необходимое упрощение правила правописания *о—е* после шипящих [Кузьмина 1995]. Орфографической комиссии была дана установка совершенствовать правила, по возможности не меняя самих норм.

Редактор и один из авторов упомянутых научно-популярных книжек, Ирина Сергеевна Ильинская понимала, что радикально повысить уровень лингвистического просвещения общества можно только начиная со школы. Нужен учебник для средней школы, дающий детям основы лингвистической науки (так же, как они изучают основы других наук) и формирующий практические навыки на теоретической основе. И составить такой учебник — задача ученых-русистов. Еще раньше к такому же выводу пришел М. В. Панов. Вместе они собрали коллектив, который стал работать над составлением программы [Проект программы... 1972][1] и учебника для средней школы под руководством М. В. Панова. Ирина Сергеевна была автором лексического раздела. Но когда М. В. Панову пришлось уйти из Института русского языка, вся нелегкая научно-организационная работа, необходимая при коллективном авторстве, легла на Ирину Сергеевну. Редакторские обязанности она разделяла с М. В. Пановым.

Мне посчастливилось работать в этом коллективе[2], где царила очень хорошая нравственная атмосфера: заинтересованность каждого автора в успехе общего дела, нелицеприятная критика слабых мест и искренняя радость по поводу каждой удачи. Ирина Сергеевна не давила на авторов, не навязывала свою точку зрения, но направляла наши усилия на выполнение общих решений, выработанных в трудах и спорах. Ее организованность, чувство ответственности, ровное отношение к членам коллектива, тщательность работы с нашими текстами оказывали благотворное влияние на всех. Она сумела обеспечить высокую степень единства разных частей работы, что совершенно необходимо в учебнике, но труднодостижимо при большом коллективе авторов.

---

[1] Проект программы составили М. В. Панов, В. А. Белошапкова, Л. Н. Булатова, Н. Е. Ильина, И. С. Ильинская, В. А. Ицкович, В. Д. Левин, В. В. Лопатин, Т. С. Ходорович.

[2] В этот коллектив входили еще Н. А. Еськова, Н. Е. Ильина, В. А. Ицкович, Е. В. Красильникова, С. М. Кузьмина, Е. Н. Ширяев.

Результатом работы нашего коллектива были 4 книжки экспериментального учебного пособия [Русский язык 1979 и 1980], две из которых вышли уже после смерти Ирины Сергеевны — долог и тяжел был путь к публикации этого труда.

Экспериментальный учебник, созданный под руководствои И. С. Ильинской и М. В. Панова, не был предназначен для непосредственного использования в школе. Он был прежде всего рассчитан на ознакомление учителей-словесников, методистов — вообще научно-педагогической общественности — с новым подходом к преподаванию русского языка. Авторы стремились показать, как фундаментальное понятие системы языка, понимаемое в духе МЛШ, может быть раскрыто на уроках русского языка и как с опорой на такой фундамент может быть построена работа по формированию практических навыков.

Эту задачу экспериментальный учебник под редакцией И. С. Ильинской и М. В. Панова выполнил. Он дал возможность психологу В. В. Репкину и методисту П. С. Жедек поставить педагогический эксперимент, давший хорошие результаты. Мы приобрели среди преподавателей русского языка сторонников (может быть, недостаточно многочисленных но убежденных). Этот экспериментальный учебник послужил основой для серии уже новых учебников, уже рассчитанных на непосредственное использование в школе, написанных частично обновившимся коллективом под руководством М. В. Панова. По ним работают в настоящее время в ряде школ.

Литература

Аванесов Р. И., Сидоров В. Н. Реформа орфографии в связи с проблемой письменного языка // Русский язык в школе. 1930. № 4.

Ильинская И. С., Сидоров В. Н. Современное русское правописание // Ученые записки Московского гор. пед. института им. В. П. Потемкина. 1953. Т. 22. Вып. 2.

Книга о русском языке. М., 1969.

Кузьмина С. М. О новой редакции «Правил русской орфографии и пунктуации» // Русская словесность. 1995. № 2.

Орфография и русский язык. М., 1966.

Предложения по усовершенствованию русской орфографии. М., 1964.

Проект программы по русскому языку для средней школы / Под ред. М. В. Панова. М., 1972.

Русский язык. Экспериментальные учебные материалы для средней школы / Под ред. И. С. Ильинской и М. В. Панова. Ч. 1. М., 1979; Ч. 2. М., 1979; Ч. 3. М., 1980; Ч. 4. М., 1980.

Т. М. Григорьева
Красноярск

НОВАЯ ЖИЗНЬ СТАРОЙ ОРФОГРАФИИ

Реформа русской орфографии 1917 г., задуманная как эволюционная акция на принципах добровольности и сознательности пишущих, начатая за полгода до октябрьских событий и успешно осуществлявшаяся, указами советского правительства была проведена декретивно. На старую орфографию был наложен запрет, который категорически выражен в постановлении Председателя ВСНХ от 14 октября 1918 г. «Об изъятии из обращения общих букв русского языка» (опубликовано в № 248/512 «Известий ВЦИК» от 14.10.18). В соответствии с этим документом, который подписан А. И. Рыковым, «все словолитни Москвы и Петрограда обязаны были немедленно "прекратить отливку исключенных из русского алфавита букв *і*, *ЯТЬ*, *ФИТА*, изъяв из обращения их пуансоны и матрицы"».

Декретивное вмешательство в проведение реформы русской орфографии 1917 г. стало не столько осуществляющей силой, как было принято считать в советский период, сколько разрушило спланированные тактику и стратегию ее проведения, лишило общество представления о важных событиях орфографической истории и необходимых знаний о самой дореформенной орфографии.

Советское время в соответствии с указанным постановлением, казалось, полностью вычистило языковое пространство от орфографического прошлого, однако внимательный взгляд отметит отдельные остатки исконного письма, которые сохранились вопреки требованиям времени и воспринимались в советский период как попранное наследие культурного прошлого узким кругом носителей русского языка или как ненужный, бессмысленный атрибут свергнутого режима — подавляющим большинством. В постсоветское время эти остатки старой орфографии обрели новую жизнь в новом социальном контексте.

В числе сохранивших дореформенную орфографию следует прежде всего назвать тексты надписей на немногочисленных памятниках дооктябрьского периода, избежавших разрушения.

Памятник гренадерам в Москве, участникам войны с Турцией 1877—1878 гг., хранит надписи не только в старой дореформенной орфо-

графии, но и в допетровской, которая передает фрагменты библейских текстов:

Гренадеры своимъ товарищамъ, павшимъ въ славномъ бою подъ Плевной 28 ноября 1877-го года

* * * * * * * *

Въ память войны съ Турціей 1877-го 1878-го года

* * * * * * * *

Больши сея любве никто же имать, дакто дүшү свою положитъ за дрүги своя

* * * * * * * *

Аминь аминь глаголю вамъ: аще зерно пшенично падъ на землю не оумретъ, то едино пребываетъ: аще же оумретъ, множъ плодъ сотворитъ

* * * * * * * * *

Текст на памятнике А. Пушкину на Страстном бульваре (кроме надписи **сооруженъ въ 1880 году**) дан в современной орфографии:

И долго буду тем любезен я народу,
Что чувства добрые я лирой пробуждал,
Что в мой жестокий век восславил я свободу
И милость падшим призывал.
Слух обо мне пройдет по всей Руси великой,
И назовет меня всяк сущий в ней язык:
И гордый внук славян,
И финн, и ныне дикой тунгус,
И друг степей калмык.

Другие, совсем немногочисленные, остатки дореформенной письменности — надписи на гробницах святых, мемориальные надписи на зданиях, архитектурных памятниках XIX в. и соборах.

Мемориальная доска при входе в Елоховский собор:

июня 8 дня 1799 года
въ храмѣ
БОГОЯВЛЕНІЯ ГОСПОДНЯ
ВЪ ЕЛОХОВѢ
крещенъ
А. С. ПУШКИНЪ

Здесь жилъ Суворовъ — надпись на здании нынешнего Посольства Нигерии (М. Никитская, 13); **Поставщикъ двора Его Императорского Величества Петръ Арсеньевичъ Смирновъ** — двусторонняя надпись на здании дома П. А. Смирнова (угол ул. Пятницкой и Овчинниковской на-

бережной) в Москве; исконная надпись на фронтоне современного Дома учителя **Домъ просвѣщенія** (Кирова, 24) в Красноярске и другие.

Отрицание советской эпохи в посттоталитарный период нашло отражение и в русской письменности: с возрождением многих социальных институтов дооктябрьского периода начинается стихийное «возрождение» дореформенной, старой орфографии.

Возрождение старых, основанных до 1917 г., фирм и товаров возвращает их имена в современную действительность в исконном орфографическом облике:

• монпансье *Ландринъ*, изготовленное в Швейцарии по заказу компании «Ландринъ» в С.-Петербурге, и *ресторанъ «ЯРЪ»* (Ленинградский пр., 32/2);

• *Пегасъ*, название одного из первых в России кинотеатров фирмы *«А. Хонжонков и К°»*, основанного отечественным кинематографистом Александром Алексеевичем Хонжонковым, и *Товарищество «Эйнем»* (1851 г.) на Поварской, 29; магазин Ф. Леонтьева *«ФЕНИКСЪ» — торговля колониальныхъ товаровъ, шоколатъ, сукна, трико, готовое платье, живая рыба* (Покровка, 2) и основанное в Таганроге предприятие (1868 г.) *ТОРГОВЫЙ ДОМЪ «ЧАЙ, КОФЕ і ДРУГІЕ КОЛОНІАЛЬНЫЕ ТОВАРЫ»* в современной Москве;

• макароны флотские *«Луканинъ»* Новосибирской макаронной фабрики (дело основано в 1910 г.) — ул. Фабричная, 33, и др.

Кроме того, старая орфография вернулась в разнообразные тексты, отражая стремление их создателей вернуть якобы незаконно отнятое большевистским декретом русское правописание.

Первым вестником нового графико-орфографического периода стали журналы «В мире книг» и «Наше наследие», которые обратились к дореформенному прошлому в самые первые перестроечные годы. На страницах других многочисленных газет появились воспроизведенные фототипическим способом фрагменты или отдельные статьи из дооктябрьских периодических изданий и книг, републикация документов и театральных афиш, банковских билетов и акций — всего, что было покрыто тайной для читателей советского периода.

Старая орфография постепенно внедряется во многие сферы современной жизни: на телеэкран (телепередачи *«Вѣди»*, *«Русскій мир»*, *«Кинематографъ»*, *«Канонъ»*) и в названия парфюмерных изделий (*Сибирский цирюльникъ*: *о-де-колонь отъ Никиты Михалкова*); в названия компьютерных игр (*Соборъ*), аудиокассет (*Александръ Малининъ «Венчание»*), сигарет (*Императоръ*), спичек (*Артёмъ*), водки (*Банкиръ*) и музыкальных групп (*«Горнъ» и «Ва-банкъ»*) и др.

Со временем русская дореформенная орфография стала совсем привычной в городской эпиграфике. Кроме многочисленных названий коммерческих банков (*БАНКЪ*) в малых и больших городах России, множество других имен:

• в Москве — ресторан *«Чеховъ»* и кафе *«Пушкинъ»*; антикварный *салонъ* «Енисей» и магазин *«Антикваріатъ»* на Арбате; несколько вывесок *Ломбардъ* и *магазинъ «Винный*

погребъ»; ресторан и пивная «*Купецъ*»; рестораны «*Годуновъ*» и «*Англетеръ*»; *Трактиръ* «*У Елисеева*», *магазинъ* «*Гурманъ на СолянкѢ*» и множество щитов с цитатами из Пушкина к юбилею поэта;

• *Трактиръ* (на Торговом), магазины «*Богуръ*», «*Парижъ*», муз. группа «*Артефактъ*» и др. в Красноярске;

• *Гостиный рядъ*; торговые павильоны «*Табакъ*» и «*Росичъ*» в Улан-Удэ и др.

Кириллические названия букв, помимо того, становятся именами некоторых реалий постсоветской действительности:

• инспектор *ЯТЬ* в газете «Я телохранитель» (приложение к газете «Русское слово. XXI век») и русский деловой журнал «*ЯТЬ*»;

• предприятие «*ИЖИЦА*» в Красноярске (Матросова, 20б) и др.

Характерной графико-орфографической приметой времени, своеобразным знаком новорусской России, стала буква **Ъ**. Именно этой букве был посвящен в конце мая 1998 г. учредительный фестиваль российского общественного движения «*Твердый знакъ*», которое создано, чтобы объединить все фирмы и организации, имеющие в своем названии **Ъ**, ставший для них символом «возвращения к существовавшим в великой России традициям, к стабильности, надежности, "твердости"»; символом России «вечной и непонятной, устойчивой и всегда идущей своим путем». Участниками первой встречи стали представители многих уважаемых в столице «твердознаковцев»: компания «*Петр Смирновъ и потомки*», «*Банкъ "Столичный"*», Издательский дом «*Коммерсантъ*», полиграфический концерн «*Артемъ*», эксклюзивный поставщик массандровских вин «*Эльфъ*»[1].

Несмотря на наличие в пределах современного письменного пространства целых текстов и слов в дореформенной орфографии, нельзя сказать, что ее новая жизнь столь же интенсивна сейчас, как в первые годы постсоветского периода. Увлечение старой орфографией оказалась недолгим, и это можно проследить на примере двух периодических изданий: газеты «Памѧть», издание национально-патриотического фронта «Память» (учредитель Дм. Васильев), и «Литературной газеты».

Первый номер газеты «Памѧть» вышел в январе 1991 г. на 16-ти страницах, и редакция продемонстрировала свое принципиальное расположение к старой орфографии, которое выражено, во-первых, в графико-орфографическом облике газеты (большинство материалов, републикаций дано в дореформенной орфографии) и в публикации статей в защиту старого письма — во-вторых.

Архиепископ Аверкий в статье «К вопросу о старой и новой орфографии» пишет, что «только старая орфография и есть в собственном смысле слова орфо-графия, или право-писание, а та порча русского правописания, которая насильственно введена в употребление большевиками ⟨...⟩ не может и не должна претендовать на то, чтобы именоваться право-писа-

[1] *Волин В.* Намъ твёрдый знакъ — совсемъ не врагъ // Лит. газета. № 26. 24.06.98.

нием» (1991. № 1). Автор статьи «О реформе системы народного образования» Ирина Полубояринова считает, что уничтожение буквы *ять* пронеслось по русской письменности подобно смерчу, а орфографическая неграмотность современных школьников обнаруживает стремление воспроизвести как раз дореформенную орфографию. Следовательно, считает автор, реформа системы народного образования невозможна без возвращения к старой орфографии (1996. № 1).

В выпусках газеты за 1992 г. (№ 2—4) в дореформенном облике уже только публикации материалов дооктябрьского периода; статьи же современных авторов — в современной. Однако чем дальше от первого номера, тем больше газета уходит от старой орфографии. И скорее не потому, что пропало былое расположение, а потому, что дореформенная орфография заключает в себе многие трудности, которые оказались не под силу редакции газеты.

В 1993 г. (№ 6) в статьях современных авторов в дореформенном облике — только заголовки, некоторые эпиграфы и цитаты. В № 9 за этот же год и во всех последующих немногочисленных номерах дореформенность письма проявляется лишь в названиях статей и в фамилиях авторов с непременным ъ на конце:

Какой социализмъ строить будем, господа-товарищи?
Викторъ Хохловъ (1994. № 3)

Разчлененіе великой Россіи
Евгений Шульгинъ (1997. № 3—6)

Отъ Россіи убогой къ Руси обильной
Викторъ Добровольскій (1997. № 3)

Не безсмысленная смерть
Сергѣй Васильевъ и др. (1997. № 3)

Материалы «Литературной газеты» также не обнаруживают развития тенденции: все дореформенные графико-орфографические компоненты текстов, извлеченные из июльских номеров газеты за несколько лет (1975, 1980, 1990, 1992, 1993, 1995 и 1996 г.), подтверждают это[2].

Говоря о новой жизни старой орфографии, следует сказать о сфере церковной письменности. Старое правописание здесь сохраняется в чистом виде только в многочисленных репринтных и факсимильных изданиях богослужебной литературы священнослужителей прошлого:

Какъ учить дѣтей Закону Божію (по первой книжкѣ протоіерея А. Маляревскаго (С.-Петербургъ. Типографія Училища Глухонемыхъ, Гороховая, 18. 1901);

Первая книжка по Закону Божію для детей с 34 рисунками. Сост. протоіерей А. Маляревскій (С.-Петербургъ. Типографія СПб. акц. общ. печ. дѣла въ Россіи. Троицкая, 18. 1901) и др.

[2] Наблюдения были проведены студенткой 4 курса факультета филологии и журналистики Красноярского госуниверситета И. Насенник.

Материалы же современных священнослужителей издаются в новой орфографии:

В помощь кающимся. Из сочинений святителя Игнатия (Брянчанинова) и творений святых отцов. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1998;

Митрополит Сурожский Антоний. О покаянии. Проповеди. Клин: Фонд «Христианская жизнь», 1999;

Православный молитвослов. М., 1999, и др.

В новой орфографии издаются церковные газеты, журналы и ученые записки лишь с некоторыми вкраплениями старого письма в эпиграфе или заглавиях отдельных статей:

• **Прозрение**: Православный информационно-просветительский журнал;

• **Альфа и омега**: Уч. зап. общества распространения Священного Писания в России;

• **Православная Москва**: газета, издаваемая по благословению Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II.

Эпиграф: **«Съ нами Богъ»**;

• Православное обозрение **«Радонеж»**;

• **Русь державная**: православная народная газета по благословению святейшего патриарха Московского и Всея Руси Алексия II.

И даже пасхальное **ХРИСТОСЪ ВОСКРЕСЕ** не во всех православных храмах России соответствует требованиям дореформенного письма.

Возвращение старой орфографии в современный текст свидетельствует об отсутствии адекватного орфографического знания и опыта, а отсюда — недифференцированное употребление букв ъ и ѣ, автоматическая замена *е* на ѣ и основанные на этом отступления от правил старой орфографии:

• магазин *«Обувь»* в Москве (Садовое кольцо) и в Чите на улице Амурской;

• ларек *«Хлебѣ»*, название хора *«Тебе поемъ»* на майских афишах и магазин *«Алѣкс»* в Красноярске;

• кафе *«ЕРЬ»* и его символическое представление в виде буквы Ъ (Старый Арбат, 2); аптечный киоск *«Старый лекарь»* у Белорусского вокзала; оптово-розничный рынок *«Русь»* на территории спорткомплекса ЦСКА (Ленинградское шоссе), магазин ***АРБАТСКАѦ ЛАВИЦА*** (Арбат, 27) в Москве и др.;

• хлебный магазин *«Коммерсантъ»* в Чите (Новобульварная, 2) и др.

Но «шедевром» орфографического возрождения является название московского ресторана *«Репертѣръ»* на Гоголевском бульваре, 8, где собираются журналисты столицы.

Орфографическую полуобразованность несут в себе иногда и церковные тексты. В Покровском храме Красноярска, который восстановлен в последнее десятилетие, надпись на арке перед алтарной частью — в допетровском облике, но без конечного ъ (**Радуйся радосте наша покрый нас ѿ всѧкаго зла честным Твоим ѡмофором**).

Одним из последних проявлений новой жизни старой орфографии стал народный журнал 2000 г. *«Распутинъ»* с откровениями поклонницы

Жириновского и рассказом о том, как *Иванъ Васильевичъ меняетъ любовницъ*, где буква **Ъ**, похоже, выступает знаком новорусской порнографии.

Приведенные факты графико-орфографической действительности говорят о необходимости преодоления неадекватного представления о русском орфографическом прошлом, а также о необходимости лингвистического просвещения общества, чтобы дореформенная, старая орфография не была предметом развлечения малообразованных.

С. М. Кузьмина
Москва

ОБ УМЯГЧЕНИИ НРАВОВ РУССКОЙ ОРФОГРАФИИ
(К ПРОБЛЕМЕ ВАРИАТИВНОСТИ НАПИСАНИЙ)

1. Строгость норм — неотъемлемая черта литературного языка как языка культуры. Однако эти нормы, как известно, не исключают наличия вариантов на всех уровнях языка: через варианты язык нащупывает дорогу в будущее. Правописные же нормы русского языка представляют в этом отношении исключение — они до фанатизма жестки. Отчасти это объясняется социальными причинами. Презумпция советского общества, где все запрещено, даже то, что разрешено, была такой: орфография не должна иметь вариантов, должна быть предельно авторитарной.

Между тем крайняя жесткость орфографических правил имеет много недостатков. В частности, на ней основана репрессивная система оценок письменных текстов, связанная с злоупотреблением властью в школе и особенно при поступлении в вуз. Это большое социальное зло. Как противостоять ему?

По нашему мнению, целесообразно пересмотреть статус орфографических правил и сделать их более гибкими, узаконив в определенных случаях правописные варианты.

2. При обсуждении на орфографической комиссии 90-х годов проекта новой редакции свода правил, подготовленного в Институте русского языка им. В. В. Виноградова РАН, многие члены комиссии, ссылаясь именно на «орфографический террор», высказывали пожелания сделать правила менее жесткими и в ряде случаев допустить вариативность написаний, подробнее о проекте свода см. [Кузьмина 1995; Кузьмина, Лопатин 1996]. Однако ввиду неразработанности теории этого вопроса пожелания остались практически нереализованными.

3. Кодификаторы прошлых лет не исключали возможности двояких написаний. Бодуэн де Куртенэ стоял «за принцип свободы в правописании» [Бодуэн де Куртенэ 1912: 90]. Д. Н. Ушаков в «Толковом словаре русского языка» приводит довольно много орфографических вариантов. Вариативные написания предусматривались проектом свода правил 1936 г. В проекте правил, разработанном орфографической комиссией 1963—1964 гг.,

также предлагались некоторые факультативные написания, в частности в области слитного-раздельного написания отрицания *не* с прилагательными, а также наречных единиц типа *вбегах* и *в бегах*, *вдиковинку* и *в диковинку*. В статьях, рассматривающих вопросы орфографии в связи с работой этой комиссии, также отмечалась возможность вариативных (факультативных) написаний [Еськова 1964: 97; Панов 1963; 1964: 119].

4. Вопрос о вариантности написаний нуждается в детальной теоретической разработке. В этой статье ставится задача рассмотреть лишь некоторые аспекты этого вопроса.

Главный довод в пользу допущения вариативности — наличие в языке переходных, промежуточных, трудноразграничиваемых явлений, допускающих разную трактовку. Само слово *трудноразграничиваемый* иллюстрирует зыбкость границы между словосочетанием и сложным словом (*трудно разграничиваемый* или *трудноразграничиваемый*?). Можно привести множество примеров из всех языковых ярусов на размытость границ между разными языковыми единицами: между производным и непроизводным словом, между словом и предложно-падежной группой, между словом и словосочетанием, между именами собственными и нарицательными, термином и нетермином, причастием и прилагательным и т. д. А ведь на разграничении этих единиц строятся многие орфографические правила!

Так, И. А. Бодуэн де Куртенэ пишет о разных степенях выделимости морфем: «...при вполне ясном делении разделительные линии должны бы быть жирны и бить в глаза.., при обозначении туманных и неустойчивых границ между морфемами можно бы пользоваться мелким пунктиром» [Бодуэн де Куртенэ 1912: 106]. А. М. Пешковский приводит примеры перехода от причастий к прилагательным и, как всегда афористично, говорит о случаях, когда слово «может быть, на § уже не причастие», а также о «еле зарождающихся наречиях», когда трудно разграничить падежную форму существительного и наречие [Пешковский 1928: 170]. Между тем орфография требует во всех случаях однозначного решения: от степени выделимости морфем зависит определение фонемного состава слова и, соответственно, выбор буквы; от разграничения страдательных причастий и прилагательных зависит по действующим правилам написание в них одного или двух *н*, от разграничения наречий и предложно-падежных сочетаний зависит слитное-раздельное написание этих единиц.

Ввиду наличия в языке явлений, имеющих двойной статус, при выборе одного из написаний кодификаторам неизбежно, и притом нередко, приходится принимать достаточно условное решение. Даже среди авторов и редакторов проекта нового свода правил подчас не было единодушия в предпочтении одной из возможных интерпретаций и, соответственно, в выборе одного из вариантов написания.

Так не лучше ли вместо принятия условного решения допустить в некоторых случаях вариативные написания?! Принятие условного решения именно в силу условности чревато ошибками в написаниях, ведет к

неизбежности ошибок. Есть случаи, когда нельзя найти идеальное орфографическое решение, например для слитного-раздельного написания наречий. Именно в таких случаях и можно допустить варианты.

Итак, «факультативность написаний допустима, если она отражает подвижность, переходный характер языковых явлений» [Обзор... 1965: 331]. Однако, разумеется, она допустима не во всех случаях.

5. Когда же, в каких именно случаях при выборе написания предпочтительнее одно, пусть и условное, решение, а когда можно пренебречь орфографическими различиями, допустить вариативность и тем самым избежать необходимости насильственного разграничения на письме того, что в самом языке не разграничено? Каков круг явлений, допускающих вариативность в написании?

Процедура установления фонемного состава и, соответственно, выбора буквы в аффиксах гораздо сложнее процедуры определения фонем в корнях: для отнесения звука в слабой позиции к фонеме в корне нужно перебрать вряд ли более десятка однокоренных слов, тогда как для определения фонемы в аффиксе может возникнуть необходимость привлечения сотен одноаффиксальных слов [Кузьмина 1981: 58]. И тем не менее правила буквенной передачи слова в целом, и корневых, и служебных его морфем, по нашему мнению, не должны допускать вариативности написаний. Недопустимость вариативности при передаче звукового состава слов диктуется тем, что единый (в пределах фонематического принципа) облик слова способствует запоминанию его написания: пишущий привыкает воспроизводить его в одном и том же буквенном оформлении.

Казалось бы, гиперфонемы (так называемые непроверяемые гласные и согласные) — вот случай равноценной возможности выбора любой из букв, которыми передается каждая из составляющих гиперфонему фонем. Однако это было бы неоправданной орфографической вариантностью: с различием в буквах в подобных случаях не связаны никакие смысловые различия. При передаче гиперфонем действуют свои исторически сложившиеся закономерности: согласные гиперфонемы передаются по принципу, который можно назвать синтагматическим: «Основным правилом передачи на письме внутриморфемных глухих или звонких сочетаний согласных является передача всего сочетания при помощи букв только глухих или — соответственно — только звонких согласных» [Аванесов 1974: 71]. При передаче гласных гиперфонем также прослеживается определенная закономерность: каждая гласная гиперфонема предпочитает одну из возможных букв [Кузьмина 1981: 240].

Итак, при буквенной передаче слов орфография имеет право быть категоричной и не допускать вариантов. Больше оснований для допущения вариативности в области слитных-дефисных-раздельных написаний, а также при выборе прописной или строчной буквы.

В слитном-дефисном написании иноязычных сложных в языке-источнике существительных без соединительной гласной правила фактиче-

ски нет, вернее, действует «списочное» право — действующее правило сводится в этом случае к перечислению списков слов, одни из которых пишутся слитно, другие — через дефис, например: *беф-брезе, ленд-лиз, люля-кебаб, ноу-хау, папье-маше*, но *бефстроганов, ландвер, мейстерзингер, метрдотель, нотабене, портшез, прейскурант.*

Сходная ситуация с правилами слитного-раздельного написания наречий. Круг слитно пишущихся наречий может быть значительно расширен, прежде всего за счет наречий, в которых следующее после предлога-приставки мнимое существительное или прилагательное не существует в современном языке, например: *наизготовку, наизлёте, наособицу, наощупь, наподхвате, напопа, напопятную* (ср. действующее написание *напропалую, врассыпную*), *напотребу, напрожиток, напропой, нарожон* и т. п.

Впрочем, во многих случаях вариативность написаний наречий следует, вероятно, предпочесть замене раздельных написаний слитными. Такая замена в ряде случаев была бы в какой-то мере насилием над языком, ведь, несомненно, имеется много промежуточных случаев между существительным с предлогом и наречием (например, сильноуправляемый глагол в *сбить с панталыку* провоцирует понимание этого сочетания как предлог + уникальное управляемое существительное). Такому пониманию способствуют и некоторые контексты (ср. *сбить с толку, сбить с пути*). Контекст может оживлять в предлоге-приставке «предложность», например: *на слух* и *на ощупь*. Итак, кажется целесообразным рекомендовать в некоторых случаях (например, *вдобавок, вконец, вногу, внаем, вохоту, вступик*), как это предлагает М. В. Панов, слитное написание, указав на его предпочтительность, и вместе с тем допустить раздельное написание, введя формулировки типа «возможно также», «не является ошибкой» [Панов 1964: 119].

Хотя в цели авторов проекта нового свода правил русского правописания не входило реформирование письма (оно и не нуждается в реформе), непоследовательность некоторых правил, а главное — несоответствие их рекомендаций орфографической практике побуждали в некоторых случаях к изменению самих написаний. Рассмотрим некоторые из предложений:

1) Предлагается писать *свинья-свиньёй, чудак-чудаком, честь-честью* и др. под. Такое написание было распространено до принятия свода 1956 г. Однако не лучше ли в правиле допустить и раздельное написание с формулировкой «допустимо», «не является ошибкой», чем заставлять пишущих переучиваться.

2) Предлагается снять исключение из правила о написании через дефис однословных приложений: независимо от того, следует ли приложение за определяемым словом или предшествует ему, писать его через дефис, например: *старик-отец, красавица-дочка, красавица-Маша, резвушка-Маша*. Наблюдения показывают, что в печати нередко встречаются такие написания. Однако и здесь можно было бы допустить раздельное написание — дать волю пишущему оценить эти конструкции по-разному.

В области собственных имен особенно широка шкала градаций, переходов от собственных имен к нарицательным. В употреблении прописной-строчной букв для обозначения обобщенных названий людей по чертам характера или поведения, связываемых с историческими лицами, мифологическими или литературными персонажами, можно было бы, учитывая наблюдения над языковой практикой, предлагать предпочтительный вариант, но допускать двоякое написание, например: *Обломовы* и *обломовы*, *Герострат* и *герострат*.

Введение вариативных написаний означает разбиение орфографических норм на строгие, обязательные к исполнению, и не строгие, допускающие отклонение от строгого стандарта.

6. Должны быть разработаны возможности практического осуществления вариативности написаний. Например, в словаре может фиксироваться одно написание, а в правиле разрабатывается перечень случаев, когда отступление от написания, даваемого в словаре, не должно расцениваться как ошибка. Такое допущение означает, что в печати не будет вариантов: корректоры обязаны соблюдать, выдерживать желательный вариант, однако допустимый вариант не является ошибкой, например, при проверке школьных или абитуриентских работ.

Другая возможность: в словаре даются два варианта с пометой о предпочтительности одного из них и допустимости другого (*доп.*), как это делается, например, в орфоэпических словарях. Это несколько утяжелит подачу слов в орфографическом словаре. Вопрос о том, какое из двух решений более предпочтительно, требует дополнительного изучения.

Следует признать, что существуют разные степени грамотности, и определить ее среднюю степень, которой должно быть достаточно для поступления в вуз, т. е. установить объем средней степени владения орфографическими навыками. Разумеется, должен быть четко очерчен круг явлений, где можно свободно выбирать написание в соответствии с собственной интерпретацией.

7. Необходимо в сотрудничестве с Министерством образования выработать понятие о ш и б к и, ввести градацию ошибок, установить степени «грубости» ошибок, придать им разный статус, определить, где несоблюдение орфографических правил является «преступлением», за которое надо карать (двойкой, непоступлением в вуз), и где вопросом этикета, культуры, степени образованности, интеллигентности.

Иногда против понятия ошибки возражают: ошибка — понятие методики, а не лингвистики, его нельзя вводить в правила. Однако раз орфография имеет дело с нормой, то, естественно, нужно и понятие ошибки. Оно вытекает из понятия нормы.

8. Введение в строго определенных случаях факультативности написаний дает преимущества не только пишущему: допущение вариантного написания избавит его от необходимости проведения тонкого семантического или морфологического анализа, который он и не в состоянии сде-

лать, и в то же время предоставит ему право на передачу языковых тонкостей, на проявление собственной языковой интерпретации, своего языкового вкуса. Преимущества и для кодификаторов: отпадает необходимость внесения изменений в некоторые правила и в написания — а всякие орфографические изменения, ввиду социальных и прежде всего психологических причин, всегда очень болезненно воспринимаются обществом. Допущение вариантного написания поможет избавиться от проявления «самодурства» ревнителей строгой орфографии.

Литература

Аванесов Р. И. Русская литературная и диалектная фонетика. М., 1974.

Бодуэн де Куртенэ И. А. Об отношении русского письма к русскому языку. СПб., 1912.

Еськова Н. А. О слитном и раздельном написании *не* // Вопросы русской орфографии. М., 1964.

Кузьмина С. М. Теория русской орфографии. М., 1981.

Кузьмина С. М. О новой редакции «Правил русской орфографии и пунктуации» // Русская словесность. 1995. № 2.

Кузьмина С. М., Лопатин В. В. К лингвистическому обоснованию «Свода правил русского правописания» // Русистика сегодня. 1996. № 1.

Обзор предложений по усовершенствованию русской орфографии (XVIII—XX вв.). М., 1965.

Панов М. В. Об усовершенствовании русской орфографии // Вопросы языкознания. 1963. № 2.

Панов М. В. О слитных и раздельных написаниях // Вопросы русской орфографии. М., 1964.

Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. 3-е изд. М.; Л., 1928.

В. В. Лопатин
Москва

БЕГЛОСТЬ ГЛАСНЫХ КАК ОРФОГРАФИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА
(ИЗ КОММЕНТАРИЕВ К НОВОМУ СВОДУ ПРАВИЛ ПРАВОПИСАНИЯ)

В подготовленном проекте нового «Свода правил русского правописания» вводится особый раздел «Безударные беглые гласные». Раздел этот отсутствует в действующем до сих пор своде 1956 г., где можно обнаружить лишь отдельные разрозненные замечания, касающиеся явления беглости гласных в некоторых частных группах слов — в словах с суффиксами *-ек*, *-ец*, в производных от слов на *-ка*, *-ко*, *-ня* — словах на *-ечка*, *-ечко*, *-енка* (§ 17—20), в краткой форме прилагательных на *-йный* (§ 28), в род. п. мн. ч. слов на *-ья*, *-ье* (§ 41, где, однако, беглость безударного гласного даже не упоминается, а только приводятся соответствующие формы).

Между тем закономерности письменного представления безударных беглых гласных имеют гораздо более общий характер — место их в структуре тех или иных форм и слов в целом, а также целых типов (групп) слов определяет и их написание, т. е. имеет самостоятельную орфографическую значимость. Такова «стратегическая» причина выделения правил написания беглых гласных в особый раздел. Но есть и причины «тактические»: во-первых, введение такого общего раздела позволяет объединить правила написания беглых гласных в именных основах, с одной стороны, и в глагольных — с другой; во-вторых, правила, определяющие написание беглых гласных в именных основах, касаются и корней, и суффиксов — вообще основ слов, в то время как весь блок правил «Гласные в значимых частях слова (морфемах)» построен по типам морфем: гласные в корнях, затем в приставках, в суффиксах, в окончаниях.

Правила написания безударных беглых гласных носят, таким образом, «надморфемный» характер, касаясь основ слов независимо от того, в какой морфеме — корне или суффиксе — проявляется беглость гласного. Правила такого рода присутствуют в разных частях нового свода. Таково, например, правило о написании буквы *и* на месте безударного гласного в конце основ перед j, т. е. о правописании слов на *-ий*, *-ия*, *-ие*: в таких словах последний гласный основы передается буквой *и* независимо от того, является ли этот гласный частью корня (*кальций*, *молния*, *лезвие*), суффикса (слова на *-арий*, *-ние*, *-ация* и др.), а также от того, проверяется ли

он в ударной позиции (*ка́лий — кали́йный, сту́дия — студи́йный, поня́тие — понятийный; дипло́мация*, ср. *хирурги́я*, и т. п.), или не проверяется (*планетарий, пенсия, безветрие*), или же на его месте под ударением стоит вовсе не тот гласный, который следует писать, так что подобными проверками не следует пользоваться (*а́рмия — арме́йский, Би́блия — библе́йский, ору́жие — оружейный, поли́ция — полице́йский* и др.). Таково же и правило о написании непроверяемой согласной *с* перед согласными *к* и *т* и (соответственно) *з* перед согласными *г* и *д* в позиции не на стыках морфем: *скрип, тоска, риск, городской, стена, хвост, глазастый, футболист, царство, постсоветский*, но *визг, мелюзга, здание, дрозд* и т. п. (исключение: *сдоба*). Кстати, все подобные правила общего характера в действующем своде 1956 г. отсутствуют.

Но вернемся к беглым гласным и сначала остановимся на определении самого рассматриваемого объекта: под беглостью гласных нами понимается наличие гласных в отдельных формах и словах при отсутствии их в других формах и словах в пределах одной и той же морфемы (того же корня, суффикса), независимо от происхождения этих гласных.

В этой связи возникает ряд взаимосвязанных вопросов, по поводу которых существуют различные мнения. Основной из них: следует ли ограничивать понятие беглых гласных только теми словами, в формах которых беглость гласных так или иначе объясняется результатами древнерусского фонетического явления падения редуцированных (гласные **о** и **е** на месте древнерусских **ъ** и **ь** в сильной позиции и их отсутствие в слабой позиции)? В таком случае мы должны ограничить это явление только такими фактами, как, например, *сон — сна, день — дня, весь — вся, сто — сот, клетка — клеток, кусок — куска, отец — отца*, а кроме того, некоторыми древнейшими случаями аналогии в словах, исконно не имевших редуцированных гласных (*лёд — льда, ров — рва*, а также — с устранением групп согласных, возникших тоже вследствие падения редуцированных, — *огонь — огня, сестра — сестёр, земля — земель*), и, наконец, многими более поздними образованиями, содержащими суффиксы *-ок*, *-к(а)*, *-ец*, *-н(я)*, *-н(ый)* и некоторые другие и возникшими уже в ту эпоху, когда данное явление морфологизовалось и стало характеризовать лишь основы с определенными словообразовательными суффиксами. Такая трактовка беглых гласных, во-первых, ограничивает их количество двумя — *о* и *е*, и во-вторых, не выводит это явление за пределы форм одного слова в парадигме склонения. Именно так трактуется беглость гласных, например, в новой энциклопедии «Русский язык»: «Беглые гласные — гласные *о* и *е*, чередующиеся с нулем звука при формообразовании в современном русском языке» — и далее необходимый исторический комментарий (см. [Русский язык 1997: 45]; автор статьи — В. В. Иванов).

Однако такой узкий подход к проблеме беглых гласных не учитывает нескольких факторов. Во-первых, даже если рассматривать это явление только в пределах «формообразования» (мы предпочли бы здесь термин «словоизменение»), в современном языке обнаруживается третья беглая гласная — *и* (ср. *третий — третья, лисий — лисья* или *гостья — гос-*

тий, келья — келий, копьё — копий), исторически объясняемая судьбой так называемого редуцированного **и** в позиции перед **j** и его дальнейшей морфологизацией. Во-вторых же, беглые гласные в пределах одной и той же морфемы широко проявляются не только в словоизменении, но и в словообразовании — как в словах, производных от слов с беглой гласной и повторяющих эту гласную производящего слова (ср., например, *утка — утюк* и *уточка*, *горький — горек* и *горечь*), так и только в производных словах либо только в производящих (ср. *коптить — копоть*, *ясли — яселъный*, *директор — директриса*, *жребий — жеребьёвка* и др., полные списки см. ниже); сама беглость гласного обнаруживается в этих случаях лишь при сопоставлении разных однокоренных слов. Причины этого явления различны: так, нельзя не отметить появления беглых гласных в заимствованиях нового времени с целью устранения групп согласных (фактора, действовавшего, как мы видели, и в древнерусском языке): ср. *министр — министерский* и *министерство*, а также (в безударной позиции) *шеренга — шереножный*, *калибр — разнокалиберный*, *дирижабль — дирижабельный* и т. п. (см. ниже). Но каковы бы ни были эти причины, нельзя не констатировать того факта, что принципы распределения беглых гласных (в том числе — для безударных гласных — и орфографические) во всех подобных образованиях ничуть не отличаются от принципов, исторически сформировавшихся (первоначально — только в пределах словоизменения) на почве древнейших фонетических процессов.

Именно такой, широкий взгляд на явление беглости гласных был реализован в свое время в академической «Русской грамматике» (см. [Русская грамматика 1980], раздел «Морфонологические явления в словообразовании»), и именно этот подход положен в основу соответствующего самостоятельного раздела в проекте нового «Свода правил русского правописания», поскольку он позволяет сформулировать единое орфографическое правило написания безударных беглых гласных в именных основах, независимо от того, где они реализуются — в словоизменении, в словообразовании или и в том и в другом.

Вторая часть раздела «Безударные беглые гласные» нового свода орфографических правил посвящена беглым гласным в глагольных корнях, написание которых подчиняется другим закономерностям (см. ниже)[1].

Переходим к более подробному разбору этого раздела нового свода правил, состоящего, как уже отмечено, из двух частей.

Безударные беглые гласные в именных основах

В первой части раздела впервые формулируется общее правило выбора гласной буквы — ***о***, ***е*** или ***и*** — на месте безударного беглого гласного

[1] О некоторых функциональных различиях чередования «гласный — нуль» в именных и глагольных основах см. также в новой книге М. В. Панова ([Панов 1999: 36—38], со ссылкой на мнение Н. С. Трубецкого).

звука в именной основе в составе суффикса или корня (заметим сразу же, что в позиции под ударением написание беглых гласных подчиняется общим правилам употребления букв[2]). Написание той или иной буквы на месте безударного беглого гласного зависит здесь от соседних согласных — предшествующих беглому гласному и следующих за ним. Выбор гласной буквы определяется следующим образом: буквой ***о*** передается беглый гласный после твердых парных согласных; буквой ***е*** — после мягких парных согласных, шипящих, **ц**, **j** и притом перед всеми согласными, кроме **j**; буквой ***и*** — после мягких парных согласных и шипящих перед **j**. Это правило действует в следующих трех группах именных форм и производных имен.

1. В именных парадигмах беглый гласный, появляющийся между двумя конечными согласными основы, выступает в формах с нулевым окончанием, а именно: у существительных муж. р. типа *мешок*, *отец* — в форме им. п. ед. ч.; у существительных жен. и муж. р. типа *сестра*, *кишка*, *дядька*, сред. р. типа *кольцо*, а также у pluralia tantum типа *сутки* — в форме род. п. мн. ч.; у качественных прилагательных типа *сильный*, *умный* — в краткой форме ед. ч. муж. р.; у притяжательных прилагательных с суффиксами *-ий* и *-ачий* (*-ячий*) типа *лисий*, *кошачий* — в форме им. п. ед. ч. муж. р. Во всех остальных формах склонения слов перечисленных групп, где есть ненулевое окончание, беглый гласный отсутствует.

Примеры с буквой ***о*** на месте безударного беглого гласного: *лапоть* (*лаптя*), *котёнок* (*котёнка*); *банок* (*банка*), *пушинок* (*пушинка*), *дочурок* (*дочурка*), *кухонь* (*кухня*), *окон* (*окно*), *суток* (*сутки*), *носилок* (*носилки*); *громок* (*громкий*), *близок* (*близкий*).

Примеры с буквой ***е***: *мизинец* (*мизинца*), *дятел* (*дятла*), *ветер* (*ветра*), *парень* (*парня*), *Павел* (*Павла*), *комочек* (*комочка*), *катышек* (*катышка*); *свадеб* (*свадьба*), *банек* (*банька*), *песен* (*песня*), *башен* (*башня*), *боен* (*бойня*), *леек* (*лейка*), *крышек* (*крышка*), *лампочек* (*лампочка*), *клёцек* (*клёцка*), *пятен* (*пятно*), *полотенец* (*полотенце*), *пёрышек* (*пёрышко*), *денег* (*деньги*); *горек* (*горький*), *вкусен* (*вкусный*), *светел* (*светлый*), *спокоен* (*спокойный*), *прямолинеен* (*прямолинейный*), *важен* (*важный*).

Примеры с буквой ***и***: *келий* (*келья*), *оладий* (*оладья*), *гостий* (*гостья*), *певуний* (*певунья*), *ущелий* (*ущелье*), *копий* (*копьё*), *взгорий* (*взгорье*), *подножий*

[2] Единственная собственно орфографическая проблема здесь возникает в связи с написанием ***о*** или ***ё*** после шипящих, причем определяющим фактором является принадлежность формы к той или иной части речи: в формах имен существительных и прилагательных пишется после шипящих на месте беглого звука **о** буква ***о***, а в глагольных формах — буква ***ё***. Ср., с одной стороны, *княжон* (род. п. мн. ч. от *княжна*), *кишок* и *кишочки* (род. п. и уменьш. от *кишки*), *смешон* (кр. ф. муж. р. от *смешной*), *рожон* (*рожна*), *шов* (*шва*), *квашонка* (уменьш. от *квашня*), *очочки* (от *очки*), *очочко* (от *очко*), *обжора*, *прожорливый* (ср. *жрать*, *жру*), а с другой стороны — глагольные формы прош. вр. муж. р.: *жёг* и приставочные (*зажёг*, *обжёг*, *поджёг*, *сжёг* и др., ср. *жгу*, *жгла*, *зажгу*, *зажгла* и т. п.; но в существительных того же корня — ***о***: *ожог*, *поджог*, *изжога*), *-чёл* (*прочёл*, *учёл*, *счёл* и др., ср. *прочла*, *учла*, *сочла*), *шёл* и приставочные (*пришёл*, *ушёл* и др., ср. *пришла*, *ушла*).

(*подножье*), *варений* (*варенье*); *волчий* (*волчья*), *верблюжий* (*верблюжья*), *кошачий* (*кошачья*), *третий* (*третья*).

Исключения: буква **я** (вместо ожидаемой **е**) пишется в слове *заяц* (*зайца*); буква **и** (вместо ожидаемой **е**) — в форме *достоин* (*достойный*); буква **е** (вместо ожидаемой **и**) — в формах *у́лей* (*улья*), *чи́рей* (*чирья*), *ру́жей* (*ружьё*) и *су́дей* (*судья*; наряду с вариантом *суде́й*) (см. также [Зализняк 1963; Русская грамматика 1980: 508—511, 561—562]).

2. В словах, производных от имен, имеющих в одной из форм беглый гласный, этот гласный нередко появляется в последнем слоге производящей основы перед суффиксом[3] и передается той же буквой, что и в производящем слове. Примеры: *галочий* (*галка*, *галок*), *уточка* (*утка*, *уток*), *постановочный* (*постановка*, *постановок*), *фресочный* (*фреска*, *фресок*), *горечь* (*горький*, *горек*), *строчечный* (*строчка*, *строчек*), *неженка* (*нежный*, *нежен*), *маечка* (*майка*, *маек*), *чаечий* (*чайка*, *чаек*), *равенство* (*равный*, *равен*), *узелок* (*узел*, *узла*), *оладийка* (*оладья*, *оладий*), а также *достоинство* (*достойный*, *достоин*), *заячий* (*заяц*, *зайца*)[4].

3. Таким же образом передаются на письме безударные беглые гласные, характерные не для отдельных форм слова, а для слова в целом, во всех его формах — в противоположность другим однокоренным словам, в которых беглого гласного нет. Перечень таких слов:

а) с буквой **о** на месте беглого гласного: *бестолочь* (*бестолковый*), *ветошь* (*ветхий*), *копоть* (*коптить*), *ропот* (*роптать*), *шёпот* (*шептать*); *буковка* (*буква*), *искорка* (*искра*), *тыковка* (*тыква*); *лёгочный* (*лёгкие*), *бланочный* (*бланк*), *насморочный* (*насморк*), *пасочный* и *пасочница* (*пасха*, кушанье), *широкоспекторный* и *узкоспекторный* (*спектр*), *фейерверочный* (*фейерверк*), *шереножный* (*шеренга*); *директор* (*директриса*), *император* (*императрица*);

б) с буквой **е**: *горенка* (*горница*), *гусельки* и *гусельцы* (*гусли*), *кудерьки* (*кудри*), *лесенка* (*лестница*), *циферка* и *циферблат* (*цифра*), *дирижабельный* (*дирижабль*), *жаберный* (*жабры*), *крупнокалиберный*, *мелкокалиберный* и *разнокали-*

[3] Более подробно условия появления беглых гласных (не только безударного) в производных словах изложены в [Русская грамматика 1980: 434—435].

[4] Единственное исключение из этой закономерности, замеченное в современных словарях: *ке́лейка* (хотя *келья*, *келий*). Однако это исключение должно быть оспорено, поскольку достоверных литературных примеров, свидетельствующих о таком именно ударении в слове *келейка*, нет. Известная цитата из Пушкина — «Как из чудного царства воскового, Из душистой келейки медовой Вылетела первая пчелка» — не решает вопроса, поскольку «неклассический» стихотворный размер этого отрывка, написанного тоническим (акцентным) стихом, не дает однозначного ответа на вопрос об ударении слова в данном контексте. Зато в словаре Даля приведены варианты *ке́лийка* и *келе́йка*, т. е. беглый гласный **е**, по Далю, появляется в этом слове только под ударением (ср. другие производные от *келья*: *келе́йный*, *келе́йник*), безударный же беглый гласный должен передаваться и здесь по общему правилу буквой **и** (ср. род. п. мн. ч. *ке́лий*). Именно так предлагается писать варианты *келе́йка* и *ке́лийка* в новом «Русском орфографическом словаре» (М., 1999).

берный (*калибр*), *кегельный* и *кегельбан* (*кегли*), *солнечный* (*солнце*), *ясельный* и *яселька* (*ясли*); *бургомистерский* (*бургомистр*), *магистерский* (*магистр*; наряду с вариантом *магистёрский*); *мебель* (*меблировать*, *меблированный*), *шабер* (*шабрить* и *шабровать*);

в) с буквой **и** (перед **j**): *Василий* (*Васильевич* и *Васильевна*), *Григорий* (*Григорьевич*), *Виталий* (*Витальевна*) и т. п.; *жребий* (*жеребьёвка*), *мания* (*маньяк*), *Италия* (*итальянский*). Исключение (**и** не перед **j**): *кролик* (*крольчиха*, *крольчонок*, *крольчатник*).

Характерно, что, в отличие от букв **о** и **е**, выступающих на месте как ударных, так и безударных беглых гласных, буква **и** чаще всего выступает на месте безударного беглого гласного. В то же время в позиции, характерной для буквы **и**, передающей безударный беглый гласный, — перед **j** — ударный беглый гласный обычно произносится как **е** и соответственно пишется буква **е**, например: *ручей* (*ручья*), *соловей* (*соловья*); *семей* и *семейка* (*семья*), *статей* и *статейка* (*статья*), *друзей* (*друзья*, мн. ч.); *литейный* и *литейщик* (*литьё*), *келейный* и *келейник* (*келья*); *третейский* (ср. *трéтий* и *третья*), *чей* (*чья*), *ничейный* (*ничья*, сущ.). Беглый же **и**, выступая (хотя и редко) в именных основах под ударением, не связан с позицией перед **j**: *один* (*одна*), *яиц* (*яйцо*), *цифирь* и *цифирьки* (*цифра*).

Безударные беглые гласные в глагольных корнях

Безударные беглые гласные выступают также в ряде глагольных корней; эти гласные могут передаваться (в позиции после мягких согласных и шипящих) на письме буквами **и** и **е**[5].

Заметим, что в действующем своде 1956 г. проблема безударных **и** и **е** в глагольных корнях как проблема беглых гласных вообще не ставится, упоминаются лишь глагольные корни с чередованием **и**—**е** (§ 14); естественно, что в приведенный в этом параграфе список (кстати, неполный) не попали корни, где нет ступени чередования **е**, а есть только чередование **и** с нулем гласного (см. второй список из приведенных ниже).

Написание буквы **и** в позиции после мягких согласных и шипящих подчиняется здесь строгому правилу: безударный беглый гласный передается буквой **и**, если в глаголе сразу после корня стоит под ударением гласный **а** (являющийся, как правило, суффиксом, выражающим значение несовершенного вида). Всего таких корней в русском языке 23. С другой стороны, в части этих глагольных корней в других формах и однокоренных словах выступает безударный беглый гласный, передающийся на письме другой буквой — **е**. Этот беглый гласный появляется в

[5] Не рассматриваем здесь глаголов с безударными беглыми гласными, передаваемыми (в позиции после твердых парных согласных) буквами **ы** и **о**, типа *называть*, *вызывать* — *назову*, *вызову*, *зови* — *звать*, *назвать*: по-видимому, в них нет орфографической проблемы.

разных формах, объединенных общим признаком — отсутствием ударного **а** после корня, и этим они противопоставлены формам, где пишется на месте безударного гласного корня буква ***и***. Такое противопоставление наблюдается в 10 глагольных корнях из упомянутых 23-х.

Эти 23 корня перечисляются ниже двумя списками: в первом — корни с беглыми гласными, передаваемыми на письме буквами ***и*** и ***е***, т. е. с чередованием гласных «**и**—**е**—нуль», во втором — корни, лишенные ступени чередования **е**, т. е. с чередованием «**и**—нуль». Оба списка составлены по алфавиту корней; приставочные глаголы приводятся выборочно.

Первый список:

выбирать, забирать, разбираться, побираться — беру, бери, выбери, заберу — брать, выбрать, забрать;

задирать, раздирать, придираться, удирать, драть (многокр.) — *деру, дери, задеру, раздеру, удеру — драть, раздрать, придраться, удрать*;

выжигать, обжигать, отжигать, разжигать — выжег (прош. вр.), *выжечь — жгу, выжгу, прожгу*;

замирать, помирать, умирать — замереть, помереть, умереть, замер, умер, замерший — мрут, замру, помру, умру;

запирать, отпирать, упираться — запереть, отпереть, упереться, запер, взаперти — запру, отопру, упрётся;

простирать (протягивать (руки); распространять), *простираться — простереть(ся) — простру* (устар.);

выстилать, застилать, расстилать — стелить, выстелить, застелить, постелить, расстелить — стлать, выстлать, застлать, постлать, разостлать;

натирать, растирать, затирать — тереть, натереть, растереть, затереть — тру, натру, разотру, трение;

вычитáть, считать (вести счет) (и отсюда — производные сов. вида: *пересчитать, просчитать, рассчитать*) — *вычет, вычесть, вычел — вычту, сочту* (сосчитаю), *начту, перечту* (пересчитаю);

почитать (относиться с почтением), *предпочитать — пóчесть — чтить, почтить, чту, почту, предпочту, почтенный, почтение, почтительный, предпочтение*.

Второй список:

перевирать, завираться — врать, переврать, завраться, вру, перевру, заврётся, врун, враль;

ожидать, пережидать, поджидать — ждать, переждать, подождать, жду, пережду, подожду;

зажимать, прижимать — жму, сожму, прижму;

нажинать, пожинать — жну, нажну, пожну;

пожирать, обжираться — жрать, пожрать, обожраться, жру, пожру, обожрётся;

запинаться — запнуться, запнусь;

взирать, надзирать, озираться, презирать — зреть («смотреть, видеть», устар.), *прозреть, узреть, зрю, прозрю, узрю, зрение, прозрение, презрение*;

подминать, разминать — мну, подомну, разомну;

пинать — пнуть, пну;

попирать — попрать, попру́т;

распинать — распну;

начинать, зачинать — начну, зачну;

чита́ть (и отсюда — производные сов. вида: *прочита́ть, перечита́ть, начита́ться, счита́ть* «произвести считку» и др.) — *прочту, перечту, чтение, чтец*.

Так же, с буквой ***и*** в корне, пишутся отглагольные производные слова, в которых сохраняется после корня с беглым гласным ударный гласный **а**, например: *перебира́ние, избира́тель, вы́жигалъщик, зажига́лка, зажига́тельный, умира́ние, растира́ние, вы́читание, почита́тель, завира́льный, ожида́ние, пожира́тель, надзира́тель, начина́ние, зачина́тель*. При отсутствии посткорневого ударного **а** беглый гласный корня передается буквой ***и*** в производных глаголах сов. вида с ударной приставкой *вы-*: *вы́читать* и *вы́считать*, а также в следующих производных от глаголов на *-ать* с усечением глагольной основы за счет конечного гласного **а**: *о́бжиг, о́тжиг, ро́зжиг, вы́жимка, вы́дирка, вы́читка* (во всех этих случаях ударение тоже на приставке), в словах *побирушка* и *затируха*. Однако в слове *неразбериха* (ср. *не разберёшь*) пишется ***е***.

В части перечисленных глагольных корней беглый гласный, передаваемый буквой ***и***, проверяется в других однокоренных словах в позиции под ударением, например: *задира, придирка, зажим, прижимистый, обжинки, запинка, разминка, настил, подстилка, расстилка, натирка, растирка, зачин, почин, просчитывать, перечитывать, читка, считка, считчик* и т. п. слова с теми же корнями. Но в большей части этих корней гласный, передаваемый буквой ***и***, ударной позицией не проверяется.

Что же касается беглого гласного, передаваемого буквой ***е***, то он проверяется под ударением более регулярно — во всех корнях, кроме корня глагола *брать*, — формами и словами с ударным **е** или **о** (после шипящих передаваемым буквами ***о*** и ***ё***), например: *гвоздодёр, живодёрня, дать дёру; жечь, прожечь, обжечь, жёг, прожёг, ожог* (сущ.); *умерший, мёрли; упёрлась, упёршийся; простёр(ся); стелет, застелет, постелет, стелька, постель; натёр, растёрший, тёрка; счесть, перечесть* (пересчитать), *начесть, счёт, счётчик, начёт, просчёт, наперечёт, чётки, счёл, перечёл* (пересчитал), *начёл; честь* (сущ.), *предпочесть, почёт, почёл* (*за честь*), *предпочёл*. Кроме того, имеются слова с ***е, ё, о*** под ударением в гнездах глаголов *читать* и *жрать* (хотя в них отсутствуют слова с буквой ***е*** в безударной позиции): *прочесть, перечесть* (перечитать), *прочёл, перечёл* (перечитал), *начётчик; обжора, прожорливый, плодожорка*.

Особое место занимает глагольный корень *помин — помян — помн*: в нем, при беглости гласного, передаваемого буквой ***и*** в тех же условиях, вышеперечисленных глагольных корнях, выступает особый беглый гласный, передаваемый буквой ***я***, ср.: *поминать, вспоминать, запоминать, упоминать, упоминание, воспоминание, поминальный* (как исключение — также *поминовение*) — *помянуть, вспомянуть, упомянуть — помнить, вспомнить, запомнить, вспомню, запомню*. Под ударением в этом корне встречаются

оба беглых гласных: ср. *поминки, помин* и *помянет, вспомянет, упомянет, упомянуты*.

Подведем некоторые итоги. Применение основного для русской орфографии принципа проверки безударного гласного ударной позицией к правильному написанию букв на месте беглых гласных (как в именных, так и в глагольных основах) чаще всего оказывается неэффективным: для многих основ такой проверки вовсе нет, для других же она не дает однозначного ответа, поскольку под ударением выступают разные гласные. Наиболее надежным при выработке орфографических навыков оказывается применение к основам с беглостью гласного особых правил. Для именных основ правила выбора буквы ***о***, ***е*** или ***и*** при передаче безударного беглого гласного сводятся, как мы видели, к учету качества соседних согласных — предшествующего беглому гласному и следующего после него. Для глагольных корней учитывается морфологическая позиция: при наличии после корня ударного гласного **а** следует писать на месте безударного беглого гласного в корне букву ***и***, при отсутствии же ударного **а** — букву ***е*** либо (только в одном корне) букву ***я***.

Литература

Зализняк А. А. Беглые гласные в русском словоизменении // Русский язык в национальной школе. 1963. № 5.

Панов М. В. Позиционная морфология русского языка. М., 1999.

Русская грамматика. М., 1980. Т. I.

Русский язык. Энциклопедия. 2-е изд. М., 1997.

А. В. Суперанская
Москва

ЮГО-ЗАПАДНОЕ ВЛИЯНИЕ НА ОРФОГРАФИЮ МОСКОВСКОЙ РУСИ В XVII веке
(на материале имен личных)

Не зная прошлого, трудно понять настоящее...

Кирилло-Мефодиевская орфография была фонематической. Это обеспечило ей успех у всех славян. Благодаря тому что на письме изображался основной вид фонемы, а не ее позиционные варианты, тексты в письменной форме были понятны всем славянам. В устной же форме славянские языки постепенно отдалялись друг от друга. Особый, наддиалектный, письменный язык, объединяющий всех славян, получил название церковнославянского и использовался преимущественно в церковной литературе. Лица, пользовавшиеся церковнославянским как письменным языком, не обязательно говорили на нем. В их непринужденной речи были различные отклонения от письменных форм, объясняющиеся диалектом пишущего, его школой и, иногда, семейными традициями.

Имена личные, вошедшие в церковные тексты, были заимствованы из византийского греческого языка. Они легко вошли в разговорные языки южных и восточных славян и получили в них многочисленные народные варианты. Письменной нормы при их первоначальном заимствовании не существовало, о чем свидетельствует анализ памятников восточных и южных славян. Но было славянское единство: славяне из разных мест обменивались книгами и многое заимствовали друг у друга. В результате этого отдельные имена в разных памятниках получали разные орфограммы, сосуществовавшие у южных и восточных славян на равных основаниях, потому что идентификация имен осуществлялась на основе образа святого, которому то или иное имя было дано (невзирая на разное написание), и подтверждалась календарной датой памяти этого святого.

Необходимо напомнить, что в церковнославянском алфавите было много избыточных букв, которые могли варьировать в одном и том же имени без ущерба для его прочтения.

В отличие от общей орфографии, написание имен было фонетическим, так как для большинства пишущих (за исключением людей высокообразованных) фонематика имен была непроверяемой и не подтверждаемой какими-либо однокоренными словами.

В собственно русских словах не было начального *а* и не было фонемы *ф*. Имена с начальным *а-* получили параллельные формы с *о-*, которое было естественнее для русских: *Афанасей — Офонасей, Антон — Онтон*, а греческие фонемы, изображавшиеся с помощью букв *ф* и *ѳ*, слились в русском языке в едином звуке *ф*, который существовал в русском языке как результат оглушения фонемы *в*: *дрова — дро*[ф], *морко*[ф']. Для русского языка буквы *ф* и *ѳ* оказались дублирующими. Их различие не имело живого наглядного подтверждения ни в апеллятивной, ни в проприальной лексике. Например, в разных рукописях встречаем написания *февраль*, *ѳевраль* и даже *ѳеврафъ*.

Южные славяне читали букву *ѳ* как [т], а восточные — как [ф]. При взаимном обмене рукописями иной раз происходило их замещение, откуда формы имен *Руѳъ* вместо *Руфъ*, *Анѳоний* вместо *Антоний*, *Матфѣи*, *Матѳеи* и даже *Маѳтеи*.

В отдельных монастырях складывались свои традиции написания и произношения имен, которые распространялись на близлежащие районы.

В прошлом русские жили значительно западнее, чем сейчас. Рукописные книги, принесенные из Византии, Болгарии, Македонии, Румынии, и списки с них перемещались вместе с двигавшейся на восток Русью главным образом двумя путями: из Киева и из Новгорода. Активное заселение Москвы и прилегающих к ней земель происходило начиная с XII в. Первоначально Москва входила в состав Великого княжества Владимирского наряду с Ярославлем, Костромой, Нижним Новгородом, Калугой. Общественная и государственная жизнь в Москве начинается с XIV в., когда киевская наука достигла определенных высот, во многих городах Юго-Западной Руси образовался слой культурного населения и, в частности, сложились школы переписчиков книг. Естественно, что основная масса книг поступала в Москву оттуда, и это происходило совершенно свободно вплоть до XVI в. Формы имен в этих книгах более или менее соответствовали тем, которые вошли в московский обиход.

В Российской государственной библиотеке есть книги, написанные в западных областях и, очевидно, имевшие хождение в Москве. В них отразились нормы написания имен в Москве XVI—XVII вв. и последующего периода. Особенно близки к московскому произношению имена в рукописи № 112 (XIV в., Луцк) и № 106 (XIII в., Холм) из фонда 256 Румянцева. Обе рукописи — напрестольные евангелия, внешне похожие друг на друга, но имеющие орфографические расхождения. Сравнительный список некоторых имен в этих рукописях приводится в таблице 1. Имена часто стоят в родительном падеже, как это принято в церковных календарях и минеях. Для сравнения даны те же имена по словарю Памвы Берынды (1627).

Пока юго-западные книги XIII—XIV вв. осваивались в Москве, языковая картина Юго-Западной Руси менялась. Началось становление украинского и белорусского языков. К XVI в. они уже достаточно четко отличались от языка Московской Руси. В Юго-Западной Руси писались новые книги и делались новые переводы греческих книг, теперь уже не с византийского, а с новогреческого языка, сильно отличавшегося от византийского. Делались новые транскрипции известных имен, набирало силы книгопечатание. Но чувство славянского единства сохранялось, и особенно способствовало этому наступление католицизма на Юго-Западную Русь. Рукописные и печатные книги продолжали поступать в Москву из юго-западных областей, но встречались они не всегда с радостью.

В XV в. культура и письменность Московской Руси сделали большой шаг вперед. В многочисленных монастырях велась серьезная филологическая работа. XVI век — это начало нового периода развития церковнославянского языка и середина среднерусского периода, начало книгопечатания, морально завершающее эпоху рукописных книг, хотя фактически они просуществовали до XIX в. В XVI в. подводятся итоги всего предыдущего периода развития филологических знаний на пороге переломного XVII века.

К XVI в. состав русских календарных имен практически сформировался. Имена хорошо освоены русским языком, от них образуются формы субъективной оценки, а также формы, указывающие на место человека в доме и семье: отец — *Пётр*, сын — *Петрок* или *Петрец*, внук — *Петрёнок*. Орфография имен мало кого беспокоит. Она варьирует даже в церковных источниках в самом широком диапазоне.

В XVI в. развивается жанр толкования «неудобьпознаваемых» слов, и в том числе имен, зародившийся несколько раньше. Люди интересуются происхождением своих имен и получают ответ в азбуковниках, а также в приложениях к Библии. Серьезный вклад в филологию XVI в. внес Максим Грек, прибывший в 1518 г. в Москву по приглашению великого князя Василия Ивановича, отца Ивана Грозного, для устройства великокняжеской библиотеки. Его поселили в Чудовом монастыре и поручили перевод и редактирование ряда книг. Московские монахи нашли, что он не исправил, а испортил эти книги, и, обвинив его в ереси, сослали в Тверь, под надзор епископа. Лишь в 1551 г. Иван Грозный освободил его из заточения и позволил жить в Троице-Сергиевой лавре, где тот умер в 1556 г. и был причислен к лику святых[1]. В лавре Максим Грек составил «Толкование именам по алфавиту»[2]. Под именами он понимал любые именные слова, нарицательные и собственные, хотя собственные имена в его «Толковании» преобладают. Словник «Толкования» не базируется ни на минеях, ни на псалтыри или каких-либо отдельных книгах, поскольку

[1] См. Сказание вкратце о великом и преподобном отце Максиме Греце. Составил Исаия в 1591 г., опубликовал С. А. Белокуров.

[2] См. *Ковтун Л. С.* Лексикография в Московской Руси XVI — начала XVII в. Л., 1975.

в нем отсутствуют важные церковные имена, такие как *Авраам*, *Илья*, *Иосиф*, *Лука*, *Марк*, *Матвей*, *Моисей*, *Иов* и др., и есть имена, которых в то время еще не было в минеях: *Виктор*, *Викентий*, *Геронтий*, *Дидим*, *Досифей*, *Евлогий*, *Илиодор*, *Иринарх*, *Каллистрат*, *Кандид*, *Мавр*. Они вошли в церковный обиход в конце XVII — начале XVIII в.

В «Толковании» Максима Грека преобладают имена личные: 241 мужское и 22 женских имени; туда же вошло три топонима: *Иерапольъ*, *Никополь* и улица *Халкопратия* в Константинополе, где находился православный монастырь; четыре теонима: *Уменѣи*, *Исис*, *Артемида*, *Серапис*; слова *ангел* и *апостол*; 26 слов, не использовавшихся для именования людей (*космос*, *океан*, названия церковных книг и должностей, металлов, камней), и фраза *патер му феи*, переведенная как «отец мой божественный», которая позже превратилась в имя *Патермуфий*.

Максим Грек (грек по происхождению), хорошо усвоивший русский язык, использует русскую орфографию, максимально приближенную к произношению. Если бы официальное написание имен в России устанавливалось по Максиму Греку, то сложностей было бы значительно меньше, чем их оказалось в XVIII—XIX вв.: последствия этого наблюдаются и сейчас.

Орфография имен у Максима Грека фонетическая, отражающая варьирующее русское произношение. Дублирующие буквы у него используются на равных основаниях: *аѳонасеи* и *афанасеи*, *афѳонеи* и *аѳфонеи*, *ѳлорь* и *флорь*, *никиѳорь* и *никифорь* — примеры из разных списков I редакции. Во II редакции *ѳ* последовательно заменена на *ф*. Ни в одном списке нет отступления от норм русского произношения в пользу новогреческого оригинала. В имени *порѳиреи* автор не восстанавливает «ижицу», имя Куприян дает в двух формах: *киприѧнъ* и *кїпрїанъ*, хотя говорит, что оно образовано от названия острова *кѵпра* или *кипра*. Имена Евфимий и Еввул он дает в формах *евѳимии*, *евфимїи* и *евѳѵмїи*, *еввилъ*, *еввулъ* и *евв ѵлъ*. Имена прописными буквами у него не выделяются, буквы *й* нет. В отличие от миней, имена в «Толковании» стоят в формах именительного падежа. Многие имена не имеют четко установленных конечных элементов и передаются в разных местах по-разному: *васи́лїи* и *васи́леи*, *григорїи* и *григо́реи*, *дїмитреи*, *димі́треи* и *дмитреи*.

На эпохе Максима Грека заканчивается первый период существования восточновизантийского списка русских церковных имен в его первозданной чистоте как целостного памятника русской культуры с единым составом и единой степенью русификации заимствованных имен.

На протяжении XVII в. в Москве испытывалось недоверие ко всему иностранному, а учителями тогда могли быть только иностранцы, поскольку в течение почти целого столетия учение и научная работа в Москве своими силами развиваться не могли. Приезжавший в 1626 г. Лаврентий Зизаний уехал с обидой. Государственных школ не было, на частные смотрели с недоверием, единственный способ получить образование был пригласить домашнего учителя, да и те были преимущественно выходцами из Юго-Западной Руси, иной раз — католиками.

Лишь в 1686 г. братья Лихуды, греки, открыли Еллино-греческую академию, ставшую зародышем Славяно-греко-латинской академии, развернувшейся в полную силу в XVIII в. По своей инициативе братья Лихуды включили в курс обучения латинский язык, открывавший путь к западной науке. Преподавание Лихудов не понравилось патриарху Досифею, и в 1694 г. их отстранили от должности, обвинив в политических интригах.

Пока в Москве дискутировалась возможность и необходимость учения, в Юго-Западной Руси наука развивалась. Одним из крупных деятелей в области филологии был Памва Берында, монах Киево-Печерской лавры, опубликовавший в 1627 г. «Лексиконъ славенороссий, и именъ тлъкование»[3]. Памва Берында ратовал за этимологический принцип в орфографии, устанавливая написание имен вопреки их произношению. У него *ѳ* и *ф* распределяются по греческим нормам: *АмфІлóхїй*, *Анѳíмъ*, *Аѳанáсїй*, *Афѳóнїй*, *Дѡроѳéй*; появляются прописные буквы и буква *й*, распределение *І* и *и* также во многом следует греческому образцу: *І* — на месте «йоты»; *и* — на месте «эты»/«иты»; «омега» пишется там же, где у греков, за небольшими исключениями; «ижица» — на месте греческого «ипсилона». Деятельность Памвы Берынды способствовала стабилизации письменных форм имен и отрыву их от живого русского (и украинского) произношения. Его лексикон — славенороссий. Под *славено-* подразумеваются формы церковнославянского языка, под *росскими* — те формы нарождающегося украинского языка, которые звучали вокруг, но еще украинскими не назывались.

Большинство мужских имен у Памвы Берынды оканчивается на *-ій*, т. е. *-їй*: *Алéксїй*, *Васúлїй*, *Влáсїй*, *Генáдїй* (с одним *н*), *Геѡргїй*, *МакарІй*, *Анáнїй* и *Анáнїа*, *ЗахáрІй* и *ЗахáрІа*, *Мѡусíй* и *Мѡусéй*, *Матѳéй* и *МатѳІй*, *Исáакъ* и *ІсáкІй*.

Согласно славянской традиции, иноязычные удвоенные согласные в заимствованных словах не сохраняются. Очевидно, посредничество южнославянских языков при первоначальном заимствовании календарных имен способствовало тому, что в минеях XI—XIII вв. удвоенных согласных в именах почти нет. Их очень мало и в минеях XIV—XVII вв. У Максима Грека удвоения в русском написании имен повторяют удвоения языка-источника (латинского или греческого), но не всегда. Они достаточно часты у Памвы Берынды, но и у него есть отступления в пользу разговорной стихии: *АрхÍппъ*, *КаллúнІкъ*, *КаллÍста*, но *КалІстенъ* и *КалІсѳенъ*. У Памвы Берынды греческая «кси» закрепляется в написании таких имен, как *Алексáндръ*, *Алéксїй*, *Ксенефѡнтъ*; буква «пси» — в имени *Сампсѡнъ*, хотя в более ранних памятниках в подобных случаях стоят сочетания букв *кс*, *пс*. Таким образом, стандартизация Памвы Берынды

[3] Цит. по публикации В. В. Німчука: Лексикон словенороський Памви Беринди. Київ, 1961. Разнописания с оригиналом объясняются тем, что у В. В. Німчука язык украинский, а у Памвы Берынды — росский, не вполне русский, но еще не окончательно украинский.

сделала утвердившиеся в официальных источниках формы имен нерусскими, устанавливая написание вопреки живому произношению. Алфавитный порядок букв у него греческий, а не русский.

Написание имен, принятое Памвой Берындой, не смогло бы утвердиться в Московской Руси, если бы оно не было почти в точности воспроизведено двумя другими деятелями Юго-Западной Руси, сыгравшими большую роль в развитии культурной жизни Руси Московской. Это прежде всего Симеон Полоцкий, выпустивший в 1680 г. «Месяцесловъ» в стихах, и Димитрий Ростовский, опубликовавший «Жития святых» в 12 томах (помесячно) в конце XVII в. Эти издания были вполне официальными и тиражировались, написание имен в них было почти идентичным, и его приняли в церковной литературе, но не в живой речи.

Доказательством этого служит рукопись № 203 из фонда 228 Пискарева в Российской государственной библиотеке. Дело в том, что стихотворная псалтырь и месяцеслов Симеона Полоцкого были положены на музыку государевым певчим дьяком Василием Титовым. В Рукописном отделе РГБ обнаружились две рукописи с нотами. Первая почти точно повторяет орфографию Симеона Полоцкого, а вторая, очевидно написанная носителем московских норм, исправляет церковнославянские написания на русские московские. Конечный элемент *-ник* в именах *Андроник*, *Клеоник* воспринимается как русский суффикс *-ник*: *Андронникъ*, *Клеонникъ* (ср. *конник*, *подоконник*). У Симеона Полоцкого везде одинаково пишется имя *Геѡргїй*. В рукописи № 203 встречается написание *Георгїи* и даже *Егорїи*. «Борьба» неизвестного москвитянина с Симеоном Полоцким показана в таблице 2.

В дальнейшем московская и юго-западная традиции сосуществуют в церковной и гражданской литературе. Помимо церковных, с XVIII в. начинают издаваться гражданские календари; часть календарей издается Академией наук. В церковных календарях преобладает написание имен, восходящее к Памве Берынде. В гражданских написание варьирует. Иногда оно достаточно близко подходит к церковному, иногда носит светский характер, воспроизводя формы имен, близкие к разговорным, восходящие к московским нормам XVI—XVII вв. В XIX в. церковные формы имен переосмыслены как принадлежность высокого литературного стиля, а московские нормы становятся основой современных литературных норм.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Таблица 1

Московские и юго-западные формы имен

№ 112	№ 106	Памва Берында
Анастасье/Настасье Андрьяна	Анастасье Андрьана	АнастасІа АндрІанъ

Акоулины	—	АкулѢна
Василья	Василья	Васи́лїй
Григорья	Григорья	Григо́рїй
Дамьяна	Демияна	ДамІа́нъ
Данила	Данила	Данїи́лъ
Дмитрья	Дьмитрья	Дими́трїй
Евдокье	—	ЕѵдокІа
Ивана	Иоана	Іѡа́ннъ
Климянта/Климена	Климянта	Климе́нтъ
Козмы/Козьмы	Козмы	Косма/Козма
Кондрата	—	Кодра́тъ/Кодра́нтъ
Коупрьяна	Куприана	КѵпрІа́нъ
Наталье	Наталье	—
Николы	Николы	НІко́ла/Нїко́лай
Полуекта	Полоуеукта	Полуе́ктъ
Федора	Феодора	Ѳеѻдѡръ
Федота/Феодота	—	Ѳеодѡ́тъ
Федосья	Феодосия	Ѳеодѡ́сІй
Филипа	Филипа	ФІлІ́ппъ
Хрола	Фрола	Флѡ̑ръ
Харлампья	—	Харала́мпїй/Харала́мбїй

Таблица 2

Разные формы имен в Москве

Максим Грек, 1552—1553	Симеон Полоцкий, 1680	Рукопись № 203 (начало XVIII в.)
Авва́кум/Аввакоум	Аввакѹ́му	Авакѹ́му (2 дек)
Акинди́нъ	Акїндѵ́нъ	Акиндинъ (2 н)
Андро́никъ	АндронІ́къ	Андронникъ (9 ок)
Архиппъ/Архи́пъ	АрхІ́ппа	Архипа (6 сен)
Аѳона́сеи/Афана́сеи	Аѳана́сїй	Афона́сии (5 ил)
Афѳо́неи/Аѳонїи	Афѳо́нїй	Авфо́нїи (2 н)
—	Данїи́лъ	Данил (11 д)
Галактиѡн/Галактио́нъ/ Галаттиѡ́нъ	Галактїѡ́нъ	Галахтион (5 н)
Дороѳе́ї/Дороѳеи	Дѡроѳе́а	ДорофІа (4 ин)
—	ЕмІлїа́нъ/ЕмІлїа́номъ	Емелиан/Емелия́ном (8 ав, 8 я)
Кирил/Кири́лл	КѵрІ́ллъ	Кирил (9 ин)
Ко́ндрат/Кондрантъ/ Кодра́тъ	Кодра́тъ	Кондрат (10 мр)
Лаврентеи/Лаврентїи	Лавре́нтїй	Лавре́нтии (10 ав)
—	Ма́вра	Ма́вра (3 мая)

—	Олу́мпа	Олимпа (10 н)
—	Пата́пїй	Пота́пїи (8 д)
Порѳиреи	Порфу́рїй	Порфи́рIи (9 н)
—	Ру́фъ	Руѳ (8 ап)
—	Севирїа́нъ	Севериан (9 с)
—	Сумеѡ́нъ	Симеон (2 ф)
Три́фон	Тру́фѡна	Трофи́ма (!) (1 ф)
ѳеѡкти́ст/ѳеѳктис	ѲеоктÍста	Феѳктиста (4 я)
ѳеѳпентъ/ѳеѡ́пентъ/ Феѡ́пемптъ	Ѳеопе́мптъ	Феопентъ (?) (5 я)

Литература

Месяцесловъ. Стихотворилъ Сумеѡнъ Полоцкий. М., 1680.

Татарский И. Симеон Полоцкий, его жизнь и деятельность. М., 1886.

Харлампович К. В. Малороссийское влияние на великорусскую церковную жизнь. Казань, 1914. Т. 1.

ШКОЛА

П. С. Жедек
Лос-Анджелес

ФОНОЛОГИЯ И ШКОЛЬНАЯ МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ОРФОГРАФИИ

В 60-х годах в одной из школ Харькова под руководством психологов начался эксперимент по выяснению условий, в которых младший школьник успешно включается в учебную деятельность. Понятие учебной деятельности не тождественно учению, понимаемому как процесс накопления знаний и умений под влиянием требований со стороны взрослых. Согласно концепции Д. Б. Эльконина, В. В. Давыдова, В. В. Репкина, учебная деятельность рассматривается как особая форма активности ученика, направленная на самоизменение, на удовлетворение потребности в знаниях, расширяющих интеллектуальные и иные возможности личности.

Одним из предметов, на материале которых велось исследование, был русский язык. Предстояло наметить программу обучения. Долго считалось, что младшие школьники не в состоянии осваивать теоретические знания. К концу 60-х годов последователи Л. С. Выготского доказали, что учащиеся начальных классов могут содержательно анализировать учебный материал [Возрастные возможности... 1966]. В совместной деятельности со взрослыми и друг с другом у них зарождаются основы теоретического сознания и мышления. При этом в классе возникает необычная для традиционной школы обстановка радостного поиска интеллектуальных «открытий», появляется собственная точка зрения на предмет и желание отстаивать ее.

Одновременно выяснилось, что далеко не всякие знания, которые считаются научными, пригодны для такого обучения. Здесь требуется системный, а не классификационный анализ учебного материала. Источником развивающего обучения было признано содержательное обобщение, т. е. «некоторая закономерность, необходимая взаимосвязь особенных и единичных явлений с общей основой целого» [Давыдов 1986: 127].

Для построения программы по языку, ориентированной на развитие личности, нужно было найти исходное теоретическое обобщение, из которого можно было бы вывести все многообразие проявлений частных языковых закономерностей. Задача серьезно осложнялась тем, что, какие

бы цели ни ставили перед собой авторы программы, начинать надо было с обучения детей грамоте.

О том, что книга, по которой дети учатся читать, должна оцениваться прежде всего по тому, какие знания о языке приобретают дети и развивается ли у них интерес к языку, писал ученик Л. С. Выготского, известный советский психолог Д. Б. Эльконин. Он создал букварь, который сначала вводит ребенка в мир звуков, а затем знакомит с буквами в таком порядке, который наиболее последовательно раскрывает слоговой принцип русской графики. Однако на вопрос, как объединить обучение чтению с развивающим обучением письму, он не отвечал. Эту задачу поставили перед собой харьковские психологи.

В поисках ответа составители программы открыли для себя удивительную книгу. Необычным было в ней все: содержание, стиль изложения и даже оформление. Уже само название как бы приглашало к доверительному разговору с человеком, над которым не властны стандарты. Для всех, кому посчастливилось однажды взять в руки эту книгу, ясно, что речь идет о книге М. В. Панова «И все-таки она хорошая!» [Панов 1964]. Увлекательная, как детектив, логичная, как теорема, она оказалась созвучной идеям психологической теории учебной деятельности.

Была найдена исходная закономерность, которая, с одной стороны, позволила эффективно решить практическую задачу обучения языку на его первоначальной ступени, а с другой — сделать предметом изучения действительно теоретические лингвистические знания. Мы имеем в виду фонематический принцип правописания, блестяще обоснованный в книге М. В. Панова.

Обращение к фонематическому принципу позволяет преодолеть недостатки, которые и сегодня заставляют педагогов разного уровня искать новые варианты школьных программ. Главная причина непрекращающихся поисков названа в одной из вновь созданных концепций: «Курс обучения родному языку, концентрируясь, как правило, на обучении правописанию и формальной грамматике, не достигает даже этих целей» [Концепция... 1989: 3].

Отличительная черта традиционной подготовки по языку — бессистемность знаний. Сведения по грамматике и правописанию воспринимаются как рядоположенные, но внутренне не связанные между собой, а правила орфографии представляются хаотичным набором предписаний, которые существуют только потому, что «есть такое правило». Если задать ученику (да и учителю) вопрос: «Зачем нужны правила правописания?» — высшей точкой озарения окажется ответ: «Потому что по-русски пишут не так, как говорят».

Учителя искренне возмущаются, если среди учеников оказывается такой, который пишет «спЕна», «сОпоги», «гЕганД» и т. п. Объясняя детям их ошибки, педагоги повторяют: «Как можно было так написать: ведь это слово пишется так, как слышится». Они забыли, что с первых

дней пребывания ребенка в школе ему внушают: «По-русски пишется не так, как слышится». Так что, допуская подобные ошибки, дети строго следовали указаниям своего учителя.

Обобщение, которое производится по форме **звук-буква** (точнее, **буква-звук**), соответствует эмпирическому типу мышления [Давыдов 1972].

Непосредственное соотнесение письменной и устной форм языка, минуя фонемный уровень, приводит к недостаткам традиционной системы обучения правописанию, которые отражаются на результатах освоения всех других разделов науки о языке и самым плачевным образом сказываются на отношении детей к предмету. Известно, например, что уроки математики вызывают у младших школьников значительно больший интерес, чем уроки родного языка. И это не удивительно.

Как правило, в младших классах лингвистические термины лишены их действительного содержания. Говоря о слове, «соскальзывают» на обсуждение предметного мира: прошедшее время трактуется как указание на то, что происходило вчера, а одушевленность/неодушевленность — как характеристика живого и неживого и т. п.

Научные термины используются, а содержание их подменяется житейским толкованием соответствующего наименования. В результате школьники не владеют способами лингвистического анализа, они не улавливают системной взаимосвязи лексических и грамматических значений слова и, в конечном итоге, не умеют пользоваться всеми богатствами языка при построении самостоятельных высказываний. А первоисточник всех этих бед — установившийся порядок обучения орфографии, когда лингвистические характеристики слова — лишь средство распознавания в нем признаков, которым подчиняется его правописание.

Эмпирический уровень теории орфографии закреплен в ее морфологическом принципе, в самой формулировке которого письменная форма языка непосредственно соотносится со звуковой: «принцип орфографии заключающийся в том, что общие для родственных слов морфемы сохраняют на письме единое начертание, несмотря на различия в произношении» [Ахманова 1969: 294].

В соответствии с этим принципом складывалась методика обучения письму, отправной точкой которой является слово написанное. А поскольку орфографическая задача начинается с ответа, у ученика не возникает желания ее решать. Куда проще подогнать требуемое решение под известный ответ: «Пишу *полёт*, потому что *поле*», «Конечный согласный в слове *дворов* проверяю словом *корова*» и т. п. К тому же, когда человек видит слово, вопрос о том, почему оно так пишется, для него не актуален: в этот момент он уверен, что сумеет написать правильно всегда, когда это понадобится.

Конечно, никто не станет отрицать, что орфографические навыки могут формироваться не только на сознательной, но и на чувственно-интуитивной основе. Кто не знает счастливых людей, которым стоит однажды увидеть слово, как оно «фотографируется» на всю жизнь.

Не отвергая ни одного из возможных путей освоения орфографии, психологи и методисты согласились на том, что наилучшие условия для обучения орфографии создаются в том случае, если вначале навыки правописания складываются как действия, полностью сознаваемые. Только при этом условии человек может проконтролировать себя в случае затруднений.

Однако потребность в самоконтроле испытывает далеко не каждый. Учителя заметили, что первоисточником ошибок очень часто бывает неумение сомневаться в правильности написанного. О таких учениках говорят, что у них не развита орфографическая зоркость. Когда методист А. И. Кобызев предложил своим ученикам пропускать «сомнительные» буквы во время диктанта, а потом спрашивать, что писать, то оказалось, что почти никто ни в чем не сомневался. Как показал опыт, мало разрешить пропускать буквы, если ты в них не уверен: надо еще научить сомневаться.

Действующая школьная программа строится так, что детей учат контролировать себя с момента, когда вводится правило. Например, ученик изучает правописание безударных гласных в корне. В это же время он пишет слова, в которых есть безударные гласные в других морфемах. Но об этом умалчивает учитель, значит, и ученики не обращают внимания. В результате, когда те же ученики приступают к изучению правописания безударных гласных в окончаниях, у них резко возрастает количество ошибок в этой части слова по сравнению с тем периодом, когда они писали по интуиции. Получается, что детей не столько учат грамотно писать, сколько объяснять то, что стало навыком.

Согласно установившимся представлениям, чтобы научиться правильно писать, нужно помнить каждое правило. Заглянем в учебник, изданный в 1989 году. Учащимся рекомендуют пользоваться такой памяткой: «Чтобы правильно написать безударное окончание существительного, надо:

1. Определить падеж.

2. Определить склонение.

3. **Вспомнить** (выделено мной. — *П. Ж.*) окончание существительного этого склонения в нужном падеже» [Рамзаева 1989: 84].

В свое время психолог Д. Н. Богоявленский подсчитал, что, идя таким путем, ученик для определения одного безударного падежного окончания должен выполнить более 12 умственных операций. Стоит ли удивляться, что взрослые люди, обучавшиеся по такой методике, и не пытаются вспомнить правила, на которые уходили годы тренировок.

Любопытная деталь. В том же учебнике сказано, что проверять безударные падежные окончания можно по ударным. Но так как это дополнение никак не влияет на характер знаний, которые остаются упражнениями для тренировки памяти, учащиеся даже не догадываются, что им подсказан более рациональный прием.

Эти и другие недостатки современной системы обучения родному языку показывают, что дофонологический этап языкознания исчерпал свои возможности как основа методики преподавания языка. Иное содержание и иная методика получают теоретическое обоснование в работах ученых Московской фонологической школы (МФШ).

Программа для младших классов, которая строилась на основе психологической теории учебной деятельности и концепции МФШ, создавалась в Харькове под руководством одного из теоретиков учебной деятельности В. В. Репкина [Репкин 1976]. Одновременно в Москве под редакцией М. В. Панова и И. С. Ильинской вышли программы [Проект... 1972] и учебники для средней школы, в которых последовательно реализован системный подход с позиций МФШ на всех языковых уровнях [РЯ 1979, 1980].

В тесном контакте с москвичами В. В. Репкин и его сотрудники подготовили букварь [Жедек и др. 1978] и учебники по русскому языку для начальных классов [Репкин, Левин 1978; Репкин 1979]. Учебники В. В. Репкина заслуживают специального обсуждения. В данном случае речь пойдет о некоторых следствиях методического характера, вытекающих из сущности фонематического принципа русского правописания.

Для осознания фонематичности русской орфографии необходимо было открыть школьникам звуковой состав языка со стороны составляющих его функциональных единиц, проанализировать отношение между фонемой и звуками, представляющими ее в потоке речи, между фонемным составом морфемы и ее значением; наконец, привести школьников к выводу о закономерной связи между фонемным составом морфемы и ее буквенным составом.

Ведущим понятием, позволяющим обнаружить единонаправленность всех ярусов языка, стало понятие позиции: позиции звука в слове, позиционного чередования звуков (в отличие от непозиционных), ряда позиционно чередующихся звуков, сильной и слабой позиции фонемы и т. д.

Поскольку основное значение (сильная позиция) фонемы находится в результате выяснения тождества морфем в проверяемом и проверочном слове, фонемный анализ оказывается неразрывным с морфемным. А так как отождествление морфем производится не только по общности грамматического, но и по общности словообразовательных и грамматических значений, обучение правописанию связывается с морфемикой и грамматикой не формально, а по существу. Другими словами, создаются предпосылки для построения целостной, системной программы по языку.

Системность знаний неразрывна с анализом их происхождения. Уже у И. С. Ильинской и В. Н. Сидорова отчетливо выражен генетический подход к правописанию: «Каждая морфема, **коль скоро она содержит одни и те же фонемы** (выделено мной. — *П. Ж.*), пишется всегда одинаково» [Ильинская, Сидоров 1953: 8]. Отсюда всеобщий способ построения письменной формы значимой части слова: от звука к фонеме, а от нее — к букве.

Обучение по формуле **звук-фонема-буква** [Кузьмина 1981] позволяет формировать орфографическое действие как осознанное во всех его звеньях. Психологи сознательным действием признают преднамеренную активность человека, направленную на достижение осознаваемой цели. Это, кстати, отличает действие от навыка, который представляет собой автоматизировавшийся компонент деятельности. Сознательное действие в орфографии имеет место тогда, когда пишущий намеренно обращается к правилу, так как сознает наличие орфограммы в слове. Другими словами, орфографическое действие складывается из двух ступеней: а) постановки орфографической задачи и б) ее решения.

С методической точки зрения первая ступень — это умение находить места, которые пишутся по правилам, т. е. выделять орфограммы, а вторая — это умение выбрать нужное правило и писать, руководствуясь им. Лингвисты, психологи, методисты настойчиво подчеркивают зависимость результатов обучения правописанию от того, насколько развита у ученика орфографическая зоркость, которую можно охарактеризовать и как умение отличить «знаю» от «не знаю». Без этого умения нечего и говорить о сознательном переходе к решению орфографической задачи.

Нужно сказать, что современная методика, когда в упражнениях заранее выделены тем или иным способом (пропущены, подчеркнуты и т. п.) орфограммы, не способствует воспитанию орфографической зоркости: нельзя научить решать задачу того, кто не научен формулировать ее исходный вопрос. Более того, понятия орфограммы и правила в методике практически не разграничены. В школьном учебнике дано такое определение: «В словах бывают буквы, выбор которых определяется правилом. Например, букву О в слове *вода* пишем по правилу о безударных гласных. Такие буквы называются орфограммами» [РЯ 1985: 7]. Как видим, уже тут запрограммирован ход обучения, при котором ученик знакомится с правилом раньше, чем учится находить соответствующую орфограмму.

Фонематическая трактовка правописания позволяет привести в соответствие логику формирования действия и последовательность обучения. В этом случае школьник может научиться находить основную массу орфограмм до изучения конкретных правил. Фундаментом орфографической зоркости становится умение давать позиционную оценку каждому звуку (фонеме) в звуковой последовательности, составляющей слово.

С позиционным характером русского письма школьники знакомятся, осваивая правила графики, т. е. способы передачи на письме твердости-мягкости согласных и фонемы ⟨j⟩. Правила графики не допускают выбора, а потому легко усваиваются и автоматизируются ко времени завершения обучения грамоте.

Переход к орфографии происходит в тот момент, когда ученику нужно найти букву для того элемента звучащего слова, который может быть «представителем» разных фонем, т. е. когда нужно обозначить фонему в

слабой позиции. Знание позиций, в которых возможно позиционное чередование звуков, становится одновременно знанием наиболее общих признаков орфограмм. На этой основе у младших школьников развивается «орфографический слух»: ученик научается слышать в звуковой последовательности места, которые могут быть обозначены по-разному при том же звучании.

С точки зрения методики орфограмма — это написание, которое не может быть установлено на слух. В соединении с позиционной характеристикой гласных и согласных такое определение приобретает операциональный характер, иначе говоря, превращается в руководство к действию.

Например, младший школьник не знает грамматических значений слова *нараспашку*. Возможно, и лексическое значение этого слова не вполне ему ясно, а записать слово почему-то нужно. С помощью одной только позиционной характеристики звуков, составляющих слово, первоклассник найдет в нем (не зная ни одного правила!) четыре орфограммы: две — на месте слабых позиций гласных фонем ⟨а⟩ и две — на месте согласных фонем ⟨с⟩ и ⟨ш⟩, а также, возможно, и орфограмму, не связанную с обозначением звуков буквами (слитное написание *на* со словом).

Незаданность произношением — признак, свойственный всем типам орфограмм: по слуху выбрать прописную или строчную букву, слитное или раздельное написание невозможно. И пока у первоклассника нет еще средств, чтобы по правилу выбрать «сомнительные» буквы, он обратится за ответом к учителю, родителям, посмотрит в книгу. В этой потребности узнать, что писать, и заключается орфографическая зоркость.

Правда, из-за несовершенства действующего свода правил в русском письме есть орфограммы, которые невозможно научить находить до знакомства с правилом. Это орфограммы сильных позиций (*цирк*, но *огурцы* и т. п.), это традиционные написания, утратившие смысл в современном языке (*настежъ*, но *уж* и т. п.) и нек. др. Зато обсуждение с учениками «нарушений», которые эти правила вносят в общую систему, помогают непроизвольно их запоминать.

Для методики существенно и то, что понимание орфограммы как письменного знака, который на слух не устанавливается, позволяет знакомить детей с конкретными правилами в ситуации орфографического затруднения. Например, изучение правописания безударных личных окончаний глагола начинается с того, что предлагается заметить, различаются ли на слух окончания слов *замечает* и *готовит*. Затем учащиеся смотрят, как они пишутся. Убедившись, что по звучанию безударные окончания совпадают, а по написанию могут не совпасть, школьники делают вывод о том, что безударные личные окончания глаголов на слух писать нельзя. Таким образом, учитель получает возможность каждый раз показывать объективную необходимость в правиле, или, как говорят психологи, создавать мотивационную основу для изучения программного материала.

Свое собственное содержание получает и правило с точки зрения фонематического принципа правописания. Три главных правила русской орфографии (правописание безударных гласных, согласных, парных по звонкости-глухости, и согласных, парных по мягкости-твердости) есть не что иное, как развернутые указания на последовательность операций, которые необходимо выполнить для того, чтобы перевести звучание в положение, по которому устанавливается письменный знак.

Понимание правила как своеобразной инструкции по нахождению сильной позиции позволяет организовать отработку орфографических навыков на основе единого алгоритма: а) нахождение звука в слабой позиции; б) выяснение, в какой части слова находится данная орфограмма; в) подбор других слов, имеющих в своем составе ту же морфему; г) выделение среди подобранных слов того, в котором нужная фонема находится в сильной позиции; д) обозначение звука в слабой позиции буквой, которой обозначается эта фонема в сильной позиции.

Так, например, на основе позиционной характеристики звуков ученик выделил орфограммы в слове *в* [галоф'к'и] (*в головке*): в г..ло..к.. . Затем он определил, что первые две орфограммы находятся в корне, а третья — в окончании. Путем подбора слова с тем же корнем определяет сильные позиции для гласного и согласного в этом корне: *го́ловы*. Принципиально то же самое он проделает, определяя орфограмму в окончании: найдя среди существительных женского рода на *-а* (*-я*) слово с ударением на окончании, ученик подставит его в словосочетание взамен проверяемого слова и таким образом узнает, что́ писать в слабой позиции: *в руке́*, следовательно — *в голо́вке*.

Важно, что обращение к сильной позиции избавляет ученика от необходимости запоминать окончания каждого из падежей и даже устанавливать сам падеж, ибо, подставляя одно слово взамен другого в то же словосочетание, мы автоматически придаем ему форму нужного падежа.

Заметим, что основной закон русского правописания открывался в обучении, ориентированном на теорию МФШ, в общем виде еще до того, как школьники научились членить слова по составу и начали изучать грамматику. На простейших непроизводных словах было показано позиционное чередование звуков и различие между сильной и слабой позицией. Для этого учащимся достаточно было владеть той первоначальной суммой фонетических знаний и умений, с которых начинается обучение языку по любой программе. А по мере того, как дети знакомились со структурой слова и системой его грамматических значений, общий принцип постановки и решения орфографических задач конкретизировался по отношению к морфеме. В результате осознание ребенком основополагающей закономерности русского правописания становится исходным моментом в обучении орфографии, а не его заключительным этапом.

Все последующее обучение строилось таким образом, чтобы убедить школьников во взаимосвязи правил, показать, что орфография — это «не

свалка разношерстных правил, а исторически сложившееся единство» [Панов 1989: 155]. При этом конкретизация основного принципа орфографии не только мотивировала переход к изучению грамматики, но и служила своеобразной моделью системного анализа лингвистических закономерностей на других языковых ярусах.

Благодаря хорошей фонологической подготовке происходят качественные изменения в содержании знаний по морфемике, морфологии, синтаксису. Так, младшим школьникам оказывается по плечу эмпирический уровень лингвистического анализа: они без труда отличают звук от фонемы, морф от морфемы, словоформу от слова, что, кстати, невозможно в условиях, когда не только ученики, но и учителя не различают позиционные и непозиционные чередования.

Содержательный набор языковедческих понятий, опирающийся на умение действовать со словом с целью обнаружения его грамматических свойств, развивает познавательное отношение к языку и создает предпосылки для многообразных форм продолжения обучения. Мы имеем в виду как тех, в чьей жизни знания по языку будут выполнять обслуживающую функцию, так и тех, кто захочет удовлетворить возникший интерес к филологии путем продолжения специального образования.

Итак, главные достоинства программы, построенной на основе теоретических положений МФШ, следующие: а) все используемые в обучении лингвистические понятия наполняются их действительным научным содержанием; б) программа развертывается как последовательность учебных задач, обеспечивающих необходимую учебную мотивацию; в) формируются обобщенные способы постановки и решения лингвистических задач не только в орфографии, но и в морфемике, морфологии и т. д.; г) удается связать решение практических задач обучения языку со стратегией развития ребенка.

В настоящее время под руководством В. В. Репкина в разных городах СНГ по программе и учебным пособиям развивающего обучения работают многие учителя. Есть и такие педагоги, которые стараются использовать хоть часть такой программы. Особенно это касается обучения правописанию в младших классах. В связи с этим мы хотели бы обратить внимание на то, что переход на позиции МФШ требует серьезной перестройки мышления учителя, его постоянной работы над собой.

В противном случае наблюдаются казусы, подобные вот какому. Одна учительница гордо заявила, что ее ученики знают, что такое сильная и слабая позиция. Ее попросили разъяснить, как же дети понимают эти термины. Ответ был таким: «Сильная позиция — это когда звук хорошо слышится, а слабая — когда он слышится нечетко, слабо». Понятно, что подобный уровень «осознания» основополагающих понятий программы может только дискредитировать ее.

Справиться с задачей обучения на фонемной основе могут те учителя, которые не торопятся перенимать «ученые слова», а стремятся понять

источник происхождения знаний, те, кто не формально, а по существу разбирается в теории Московской фонологической школы. И, конечно, неоценимую помощь в этом оказывают им книги Михаила Викторовича Панова.

Литература

Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М., 1969.

Возрастные возможности усвоения знаний (младшие классы школы) / Под ред. Д. Б. Эльконина, В. В. Давыдова. М., 1966.

Давыдов В. В. Виды обобщения в обучении. М., 1972.

Давыдов В. В. Проблемы развивающего обучения. М., 1986.

Жедек П. С., Репкин В. В. и др. Букварь (экспериментальный). Харьков, 1978.

Ильинская И. С., Сидоров В. Н. Современное русское правописание // Уч. зап. Мос. гор. пед. ин-та им. В. П. Потемкина. 1953. Т. 22. № 2.

Концепция обучения предметам языкового цикла. М., 1989.

Кузьмина С. М. Теория русской орфографии. М., 1981.

Панов М. В. И все-таки она хорошая! Рассказ о русской орфографии. М., 1964.

Панов М. В. Теория письма. Орфография // Современный русский язык / Под ред. В. А. Белошапковой. М., 1989.

Проект программы по русскому языку для средней школы / Под ред. М. В. Панова. М., 1972.

Рамзаева Т. Г. Русский язык. Учебник для 4 класса четырехлетней начальной школы. М., 1989.

Репкин В. В. О понятии учебной деятельности // Вестник Харьковского университета. Психология. 1976. № 132. Вып. 9.

Репкин В. В. Русский язык. Учебные задания и упражнения для 2 класса. Ч. 1, 2. М., 1979.

Репкин В. В., Левин В. А. Русский язык. Учебные задания и упражнения для 1 класса. Харьков, 1978.

РЯ 1979, 1980 — Русский язык: экспериментальные учебные материалы для средней школы. Ч. 1, 2, 3, 4 / Под ред. И. С. Ильинской, М. В. Панова. М., 1979, 1980.

РЯ 1985 — Русский язык. Учебник для 4 класса. М., 1985.

Л. Б. Парубченко
Барнаул

УЧЕНЫЙ, УЧИТЕЛЬ, ХУДОЖНИК

Самые известные имена русской филологической науки принадлежат не только науке, но и школе. Ф. И. Буслаев, Бодуэн де Куртенэ, Ф. Ф. Фортунатов, Д. Н. Ушаков, Н. Н. Дурново, А. М. Пешковский, М. Н. Петерсон, В. И. Чернышев, Л. А. Булаховский, А. Б. Шапиро, С. И. Карцевский, С. И. Абакумов, А. В. Миртов, В. В. Виноградов, Л. В. Щерба, Р. И. Аванесов, В. Н. Сидоров, И. С. Ильинская... В этой славной чреде — и имя Михаила Викторовича Панова. Крупнейший русский ученый, автор фундаментальных научных трудов практически во всех областях русского языкознания, автор университетских учебников, он создал и целый ряд прекрасных книг для школы. Это научно-популярные издания об орфографии: «И все-таки она хорошая!» (1964), «Занимательная орфография» (1984), ценнейшая книга для учителей «Изучение состава слова в национальной школе» (1979), «Энциклопедический словарь юного филолога» (1984). Это учебники для средней школы, написанные под его руководством и при активном авторском участии [Панов 1995, 1996, 1998], для педагогических училищ [Панов, Сабаткоев 1993]. Педагогическое наследие М. В. Панова еще только ждет своего описания, и настоящая статья — одна из первых его попыток.

Несколько слов о фоне, на котором идет работа М. В. Панова для школы. Известно, что любой школьный учебник содержит в себе ответ на три вопроса: ч т о?, к а к?, з а ч е м?, а именно: какую научную теорию несет данный учебник детям, какими методическими средствами он это делает и какую преследует образовательно-воспитательную цель, или, иными словами, какую исповедует «концепцию личности».

Особенность современного состояния дел со школьными учебниками русского языка заключается в том, что первый из этих вопросов — вопрос о научном содержании школьного курса русского языка — более чем полстолетия находится вообще в стороне от обсуждения. Большинство школьных учебников заключают в себе логико-грамматическую теорию языка, восходящую к Ф. И. Буслаеву. Разница между учебниками только в объеме лингвистического содержания, представленного в них, и в степени достоверности, с которой это содержание излагается. Обсуждение

этих учебников в учительской среде сводится, как правило, к тому, удобно или неудобно то, что «теория» — в одной книге, а «практика» — упражнения — в другой, сложно или несложно по данному учебнику преподавать, и к другим подобным, внешним и поверхностным, вещам. «Учебник (т. е. все учебники) из руководства, составляемого с мыслью о предмете, стал переходить в руководство, составляемое с мыслью об ученике и учителе», — так более ста лет назад определил эту ситуацию В. В. Розанов [Розанов 1899—1990: 185].

Следствием (а может, и причиной) пренебрежения к научному содержанию явилась другая особенность школьных учебников и программ: подчеркнутое, исключительное внимание к методике. Нельзя сказать, что это явление — проблема только нашего времени: еще в 1914 г. А. М. Пешковский, разграничивая собственно языковое содержание и способы его представления детям (речь шла о «вопросах» как школьном методическом приеме), призывал различать «методы изучения» и «методы обучения» (цит. по: [Пешковский 1925: 60]). Однако в современной школе авторитет методики настолько велик, что произошла ее «автономизация» от научного содержания курса, утрата методикой ее обусловленности лингвистическим содержанием. А в последние десятилетия «школьная методология» вообще разработала свою, автономную от конкретных предметов систему понятий и терминов, способы действий с учебным материалом, единые для всех преподаваемых в школе наук (программы так называемого «развивающего» обучения). Отрыв методики от научной теории может быть поставлен в упрек и «традиционным» школьным программам — здесь он выражается в установке на орфографическое и пунктуационное правило как самодостаточное, без грамматической поддержки, средство обучения правописанию. Схоластичность — давно известный грех школьных программ, в современном же образовательном пространстве разрыв между лингвистикой и методикой настолько велик, что они зачастую оказываются в отношениях «дополнительного распределения»: в вузах — лингвистика, в школе — методика, «приправленная» лингвистикой.

Самодовлеющий характер современной методики, ее приоритетное положение по отношению к научному содержанию школьного курса приводят к деградации этого содержания. «Почему-то учебник, чтобы иметь распространение, должен быть непременно несколько глуп; он во всяком случае должен быть поверхностен относительно своего предмета; нужно, чтобы предмет этот, данная наука, не особенно занимал его составителя, и всего лучше, если он ему не очень хорошо знаком. С любовью, интересом, с тонким пониманием написанное руководство непременно будет выброшено школой, в условиях которой, следовательно, есть что-то непреодолимо противящееся введению всего подобного» [Розанов 1899—1990: 112]. Абсолютизация методологических установок приводит к разрушению и самих этих установок [Парубченко 2000].

Если мы обратимся к истории преподавания русского языка в школе — к лучшим ее страницам, мы не увидим того разрыва между лингвистической наукой и школьной методикой, перед которым школа стоит сегодня. Более того, методические основы преподавания лингвистики в школе и методологические основы собственно научного исследования были едиными. Так, А. М. Пешковский в статье с примечательным названием «Проблемы взаимоотношения методологии и методики языковедения», выделяя два отдела науки: историческое и описательное языковедение, утверждал, что «внутренняя контрастность» этих двух отделов сказывается «резче всего и ярче всего именно как раз на м е т о д е» [Пешковский 1930: 82]. Этим двум отделам соответствует две методологии. Для исторического языкознания это метод реконструкции языков, сравнительно-исторический метод, и автор считает полезным в старших классах школы «п о в о з м о ж н о с т и осуществить его» [там же: 83], опираясь на близкие друг другу восточнославянские языки и хорошо знакомые детям диалекты. В описательном языковедении, писал А. М. Пешковский, борются два методологических направления: «от звуков к значениям» и «от значений к звукам». Оба эти направления нашли выражение в его собственных учебниках для школы.

Методология научного исследования и методика школьного преподавания русского языка в 20-е годы не были противопоставлены друг другу. «Методы изучения» и «методы обучения», к разграничению которых А. М. Пешковский призывал в 1914 году, в 1920-м оказались слиты-ми воедино в «методе наблюдений над языком», воплотившемся в программе, разработанной Д. Н. Ушаковым, М. Н. Петерсоном и Н. М. Соколовым [Программа 1920, 1921]. По целому ряду причин, среди которых не последнюю роль играли причины общественно-политические, «методу наблюдений» не была суждена долгая жизнь, и начиная с 30-х годов было в основном восстановлено догматическое преподавание русского языка. Как всегда бывает при полном отрицании чего-либо, с «методом наблюдений над языком» было сметено и забыто на долгие годы важнейшее его достижение: именно то, что м е т о д и к а п р е п о д а в а н и я л ю б о й г р а м м а т и ч е с к о й т е м ы о п р е д е л я е т с я л и н г в и с т и ч е с к о й с у щ н о с т ь ю э т о й т е м ы, и н и ч е м и н ы м. И последующие десятилетия стали в истории школьного курса русского языка эпохой конструирования автономного от лингвистической теории методического аппарата: рядом с лингвистической теорией, но в подчеркнутом обособлении от нее. Утверждение в школьных курсах методики над лингвистикой облегчалось тем, что крупнейшие ученые-лингвисты, активно работавшие для школы, были выброшены из научной и педагогической работы политическими репрессиями.

Прерванная традиция восстановилась в конце 70-х годов, когда трудами М. В. Панова и его учеников и коллег была начата разработка нового, отвечающего современному состоянию науки о языке учебника —

большая наука снова повернулась лицом к средней школе. Сегодня этот учебник [Панов 1995, 1996, 1998], несущий в школу теорию Московской лингвистической (фортунатовской) школы, перерабатываемый и улучшаемый от издания к изданию, постепенно, но прочно завоевывает признание учителей. Менее, как кажется, известен вышедший неоправданно малым тиражом учебник для национальных педагогических училищ, написанный М. В. Пановым в соавторстве с Р. Б. Сабаткоевым. Именно этому последнему учебнику — той его части, которая написана М. В. Пановым, — «Фонетика. Теория письма. Морфология» — посвящена эта статья. Мы будем говорить о необычности и своеобразии этого учебника, о его лингвистической, педагогической и методической многогранности, а также о его сказочной, ренессансной яркости, богатстве и красоте.

Методологические установки учебника изложены в предисловии. 1. Обучение должно быть научным, оно должно «ввести будущих учителей в мир идей современного языкознания. Эти идеи связаны с пониманием языка как целостной системы; истоки такого направления мысли даны в трудах И. А. Бодуэна де Куртенэ, Ф. Фортунатова, Ф. де Соссюра и успешно развиваются в науке наших дней». 2. Изучение теории должно быть связано с практическими задачами развития речи учащихся. 3. «Успешное овладение языком связано с его эстетическим восприятием. Хорошо говорить и писать по-русски может тот, кто способен оценить красоту русского языка» [Панов, Сабаткоев 1993: 3]. Все эти установки, в полной мере претворенные в учебнике, представляют большой интерес для анализа, при этом особо настоятельным является разговор о лингвистической теории, излагаемой учебником, о соотношении в ней нового и традиционного (нельзя удержаться от замечания о научной терпимости автора, главы современной фортунатовской школы, к другим научным школам), о месте этого учебника в истории русской школьной учебной литературы. Однако мы будем говорить не о «научно-объективной», а о «личностно-субъективной» стороне учебника: об отношении к воспитанию, о внимании к личности, о гуманности, доброте и о многом другом, чего вообще нет «в списке задач» автора, но что удается прочесть «между строк» и что составляет исключительное, неповторимое своеобразие этой уникальной книги.

Первое, что сразу же обращает на себя внимание в этом учебнике, — тексты, используемые автором в качестве «дидактического материала» для упражнений, — то, какие они разные и интересные. Это воспоминания, размышления, рассказы разных авторов: А. Голубкиной о важности хорошего каркаса для скульптуры, А. Ферсмана о камнях, Ю. Никулина о клоуне А. Сергееве, художника В. Сурикова о своем детстве, Ю. Олеши о В. Маяковском и др.; это фольклорные тексты: пословицы, скороговорки, рассказы, шуточные песенки; тексты познавательного характера: о художественной галерее сельского учителя Лунева; о юной художнице Наде Рушевой; о том, как делается конфета; как изготавливаются пельмени; как улучшить свою память. Есть газетная статья, есть фрагменты из науч-

ных трудов лингвистов, лингвистические сказки и загадки; есть тексты педагогического содержания: о детях и о том, как их учить и воспитывать. Но самое большое место занимают на страницах учебника, конечно, тексты художественные — отрывки из произведений А. Пушкина, М. Лермонтова, П. Вяземского, Ф. Тютчева, А. Фета, Н. Языкова, М. Пришвина, А. Ремизова, А. Ахматовой, К. Паустовского, А. Платонова, И. Анненского, Н. Заболоцкого, Ю. Казакова, С. Маршака, Н. Асеева, П. Киле, А. Вампилова, А. Твардовского, И. Сельвинского, А. Тарковского, Е. Шварца, В. Шукшина, Ч. Айтматова, Ф. Искандера, Т. Одулока, Ю. Рытхэу, Р. Гамзатова, Д. Гулиа, К. Кулиева, Ю. Шесталова и др.

Как видно из перечисления, языковой материал учебника отличается исключительным богатством. Однако во всем этом многообразии есть общее: это очень хорошие тексты. Они написаны прекрасным русским языком. И еще — они очень добрые, они взывают к лучшему, что есть в человеке. И потому обладают большой воспитательной силой.

Еще не отцвела черемуха, и ранние ивы еще не совсем рассеяли свои семена, а уж и рябина цветет, и яблоки, и желтая акация — всё догоняет друг друга, всё разом цветет этой весной.

Начался массовый вылет майских жуков.

Тихое озеро по раннему утру все засыпано семенами цветущих деревьев и трав. Я плыву, и след моей лодки далеко виден, как дорога по озеру. Там, где утка сидела, — кружок, где рыба голову показала из воды, — дырочка.

Лес и вода обнялись.

Я вышел на берег насладиться ароматом смолистых деревьев. Лежала большая сосна, очищенная от сучьев до самой вершины, и сучья тут же валялись, на них еще лежали сучья осины и ольхи с повялыми листьями, и всё это вместе, все эти поврежденные члены деревьев, тлея, издавали приятнейший аромат на диво животным тварям, не понимающим, как можно жить и даже умирать благоухая.

М. Пришвин (№ 587)

Этот текст дан к упражнению по теме «Краткие формы причастий». К нему предлагаются самые обычные грамматические задания: найти в этом отрывке причастия, определить, от какого глагола они образованы, найти в тексте слова, внешне похожие на причастия, и объяснить, почему их нельзя считать причастиями; найти краткие причастия, от полных форм причастий образовать краткие и т. п.

Умолкнут все звуки былого,
Исчезнут все призраки мимо,
Лишь вечно горящее слово
Навеки неиспепелимо.

Н. Асеев (№ 119)

Задание к тексту такое: «Найдите здесь губные согласные. Помните: надо искать не буквы, а звуки. Не пропустите звук [ф] (он встречается дважды)».

Не предусмотрено здесь, как и в предыдущем упражнении, никаких «наводящих» вопросов, наподобие «Обратите внимание, как автор удачно выразил...» и т. д., просто звучит прекрасный текст. Текст звучит, и совершается благое воздействие на душу.

Или читаешь, например, такое задание:

1. Перескажите текст. Пересказывая его, можете просматривать его, но ищите свои выражения для передачи смысла. Стремитесь сохранить в пересказе возвратные глаголы. Правильно их употребляйте. 2. Найдите в тексте возвратные глаголы. Есть ли среди них такие, которые имеют страдательное значение? 3. В приведенном отрывке много возвратных глаголов (с отвлеченным значением). Это — признак книжного стиля речи. Найдите здесь другие показатели книжного стиля речи.

Задание как задание. Но ему предшествует — Текст.

В природных процессах всюду устанавливается известное равновесие, известная гармония, и часто она достигается не так, как нам желательно. Два года назад, на скатах реки Красной, установившихся столетиями и вполне приноровившихся к условиям жизни местности, я велел обрыть от скота кусты дубов.

Совершенно неожиданно этим самым нарушился вековой строй. Началось размывание, начали образовываться овраги, и местность прорылась так глубоко, как никогда, появились ниже ледникового слоя лежащие зеленые пески...

Совершенно то же самое устанавливается и в почве. Всякая неверная обработка, всякая дурная обработка отражается не в этом году, а на все последующие годы. Совершенно так, как хорошая скрипка только годами в руках хорошего игрока наигрывается, точно так же постепенно укладывается и почва. Нужны годы, чтобы путем правильной культуры дать почве правильные, нужные свойства. Почвы культурных стран Запада выше наших. Они несут в себе след разумной, строго выдержанной работы многих поколений, и его надо поддерживать и передать дальше.

Но общие пути должны быть даны наукой, и горе той стране, где знание мало развито, где оно мало проникло в рабочие массы. Каждый шаг, каждый год накладывают свою руку на почву и передают ее обезображенной, с фальшивыми свойствами, следующим поколениям. Кто исчислит тот великий вред и то ужасное наследство, которое мы оставляем будущему благодаря задержке и слабому распространению образования, благодаря неверной трате средств, благодаря стеснению свободной, благородной человеческой личности?

В. Вернадский (№ 384).

Скупая справка об авторе: «В. И. Вернадский (1863—1945) — великий ученый: геолог, минералог, кристаллограф, почвовед. Основоположник ряда наук: геохимии, биогеохимии, радиогеологии. Историк науки, философ».

И вот тут-то и начинается работа души и разума, вовсе «как бы не предусмотренная» грамматической темой. Возвратность-то она возвратность, но почему-то вспоминается, что латинский глагол colo, colui, cultum, cultere, от которого слово *культура*, в первичном, исконном своем значении переводится как «обрабатывать, возделывать», что слова *культура* в выражениях *культура славянская* и *культура злаковая*, выходит, не омо-

нимы, и то, и другое — результат «возделывания»; что человеческая культура не создается за 10 лет, и даже за 70, а потому выражения *советская культура* или *пролетарская культура* — бессмысленны. Тут же вспоминается что-то наподобие анекдота: «Что нужно, чтобы стать культурным человеком? — Нужно закончить Оксфордский университет. — Но я закончил Оксфордский университет! — Я хотел сказать, сэр, что для того, чтобы вам стать культурным человеком, нужно, чтобы ваш прадед закончил Оксфордский университет». И еще что-то подобное, только речь идет о газоне, за которым, чтобы он был хорошим, еще прадед должен начать ухаживать.

Если мы попытаемся раскрыть «педагогические секреты» М. В. Панова и описать его «воспитательные приемы», то как главную их особенность должны будем выделить н е п р я м о е, о п о с р е д о в а н н о е воздействие на учащегося. Опосредованное — Текстом.

Когда-то я считал собственным наблюдением (и действительно сам заметил это, когда жил «под немцами», а потом ушел к партизанам) то, как не умели мы, как трудно нам давалась роль победителей, суд творящих, даже когда суд правый. Даже если это каратели. В романе «Сыновья уходят в бой» — как Толя с пойманным шпионом рубят дрова. И вдруг, много лет спустя, читаю у Достоевского о том, что́ победитель не может не стыдиться побежденного, и именно за то, что одержал над ним верх.

Нет, у нас было совсем не так: мы не побежденных стыдились. Вот этого как раз не было! После всего, что натворили они на нашей земле, такое испытывать мы во. именно стыдились бы. Но и в роли «божков» над поверженным, хотя и ненавидимым противником выступать не умели. Сказывалось, очевидно, довоенное воспитание на самой гуманной из гуманных русской литературе. Зато хорошо помню, какими бездушно-уверенными «богами» и как натурально чувствовали себя в роли хозяев чьей-то жизни и смерти «пришельцы из Европы», когда перед ними были пленные или заключенные. А для нас подобная роль была все же чужая, сколько ни длилось ожесточение войны.

Да, вырастали мы в мире не безоблачном. Отнюдь. Но мир книг, нас окружавших, был самый светлый: Пушкин, Толстой, Некрасов, Колас, Гюго... Ясность, гармония, простота, обещание впереди обязательного счастья, добра, любви!

А. Адамович (№ 597)

У А. Чехова есть чудесный рассказ, который мог бы быть пособием по педагогике для начинающих (и не только начинающих!) учителей, — это рассказ «Дома» — о том, как прокурор Евгений Петрович Быковский, вернувшись из суда домой, узнает, что его сын Сережа, **«мальчик лет 6—7»**, курил. Прокурор пытается провести воспитательную беседу, основанную на разумных доводах против курения, — безуспешно. Слова прокурора натужны и Сереже не интересны. Только одно остановило на себе его внимание: то, что у слабых людей табачный дым производит чахотку и другие болезни. Незадолго до того умерли от чахотки мать Сережи и дядя Игнатий, который хорошо играл на скрипке, и мальчик стал думать о смерти, о том, что **«смерть уносит на тот свет матерей и дядей, а их дети и скрипки остаются на земле...»**.

А прокурор в это время мучился от своей беспомощности:

...Евгению Петровичу казалось странным и смешным, что он, опытный правовед, полжизни упражнявшийся во всякого рода пресечениях, предупреждениях и наказаниях, решительно терялся и не знал, что сказать мальчику.

Перед сном прокурор, как всегда, стал рассказывать Сереже сказку (сказок он не знал и поэтому придумывал свои):

— Слушай, — начал он, поднимая глаза к потолку. — В некотором царстве, в некотором государстве жил-был себе старый-престарый царь с длинной седой бородой и... с этакими усищами. Ну-с, жил он в стеклянном дворце, который сверкал и сиял на солнце, как большой кусок чистого льда. Дворец же, братец ты мой, стоял в большом саду, где, знаешь, росли апельсины.., бергамоты, черешни... цвели тюльпаны, розы, ландыши, пели разноцветные птицы... Да... На деревьях висели стеклянные колокольчики, которые, когда дул ветер, звучали так нежно, что можно было заслушаться. Стекло дает более мягкий и нежный звук, чем металл...

И так далее. Естественно, у царя был сын, такой же маленький мальчик, как Сережа, и, естественно, он был очень хороший: «Он никогда не капризничал, рано ложился спать и ничего не трогал на столе и ... вообще был умница». Но у него был один недостаток — он курил! От курения царевич заболел чахоткой и умер, когда ему было двадцать лет. Старый царь остался без всякой помощи. Пришли неприятели, убили старика, разрушили дворец, и нет уж там теперь ни сада, ни птиц, ни колокольчиков...

Такой конец самому Евгению Петровичу казался смешным и наивным, но на Сережу вся сказка произвела сильное впечатление. Опять его глаза подернулись печалью и чем-то похожим на испуг; минуту он глядел задумчиво на темное окно, вздрогнул и сказал упавшим голосом:

— Не буду я больше курить...

Когда он простился и ушел спать, его отец тихо ходил из угла в угол и улыбался.

«Скажут, что тут подействовала красота, художественная форма, — размышлял он, — пусть так, но это не утешительно. Все-таки это не настоящее средство... Почему мораль и истина должны подноситься не в сыром виде, а с примесями, непременно в обсахаренном и позолоченном виде, как пилюли? Это ненормально... Фальсификация, обман... фокусы...»

Вспомнил он присяжных заседателей, которым непременно нужно говорить «речь», публику, усваивающую историю только по былинам и по историческим романам, себя самого, почерпавшего житейский смысл не из проповедей и законов, а из басен, романов, стихов...

«Лекарство должно быть сладкое, истина красивая... И эту блажь напустил на себя человек со времен Адама... Впрочем, быть может, все это естественно и так и быть должно... Мало ли в природе целесообразных обманов, иллюзий...»

Замечательные строки! Но прокурор все-таки не прав. На мальчика подействовала отнюдь не «красота, художественная форма» — относительно этих достоинств своего рассказа прокурор, как кажется, обольщается; подействовал, мы думаем, *непрямой способ убеждения*.

В «Плане жития великого грешника» Ф. М. Достоевского есть такие строки:

1. ПЕРВЫЕ СТРАНИЦЫ. 1) Тон, 2) втиснуть мысли художественно и сжато.

Первая NB *Тон* (рассказ *житие* — т. е. хоть и от автора, но сжато, не скупясь на изъяснения, но и представляя сценами. Тут надо гармонию). Сухость рассказа иногда до Жиль-Блаза. На эффектных и сценических местах — *как бы* вовсе этим нечего дорожить.

Но и владычествующая идея жития чтоб видна была — т. е. хотя и не объяснять словами всю владычествующую идею и всегда оставлять ее в загадке, но чтоб читатель всегда видел, что идея эта благочестива, что житие — вещь до того важная, что стоило начинать даже с ребяческих лет. — Тоже — подбором того, об чем пойдет *рассказ*, всех фактов, как бы беспрерывно выставляется (*что-то*) и беспрерывно постановляется на вид и на пьедестал будущий человек [цит. по: Бахтин 1979: 114. Разрядка и курсив сохранены].

В этих строках Ф. М. Достоевского заключена важнейшая не только для писателя, но и для любого педагога идея: самым сильным воздействием на душу читателя (и слушателя!) является непрямое, *опосредованное* воздействие. Ведь и Христос учил притчами!

Я вошел в аудиторию, сказал тихо: «Здравствуйте!» — и взял билет. У меня что-то спрашивали, я не мог понять что. Наконец взяли у меня билет и посмотрели, какой номер. Я сел на свободное место у окна, вынул авторучку, попробовал перо и только потом взглянул на вопрос — так! Нельзя было не знать. Но я ничего не помнил. Это как водится.

Прошло немало времени, может, целый исторический период, прежде чем я собрал все, что я знаю о «медном бунте» и о нэпе, и тщательно отсеял все неясности. Расчет был основан на том, чтобы сказать несколько точных фраз, и все. Я был готов вовремя и даже мог выбирать, к кому идти. Экзамен принимали три человека: старичок, который уже прослыл дотошным и опасным, молодой человек, который явно скучал, стало быть, вредничал, и молодая женщина, которая была приветлива и ко всем добра. Я в подобной ситуации выбираю самого опасного экзаменатора, нарочно. Старичок улыбнулся и ждал, ждал, а я никак не могу начать от волнения; он, старый интеллигент, встал и сказал: «Извините, я сейчас», словно с сожалением прервал мой ответ, через минуту вернулся, я начал... Точные, выверенные с точки зрения истории, и особенно русской стилистики, несколько фраз произвели на старика весьма приятное впечатление, он несказанно обрадовался и заторопился с переходом на следующий вопрос. Про нэп я читал Ленина, поэтому и второй вопрос не был дослушан.

— Вы нанаец? — спросил он.

— Да, — выдохнул я.

Старичок мечтательно повел головой и сказал, что был в наших краях, а был он в юности, стало быть, память о Дальнем Востоке — это его юность. Он с удовольствием поставил мне «отлично». Я пробормотал «спасибо» и выбежал вон сам не свой. Меня обступили: «пять», «пять», «пять» — пронесся по коридору ветер удачи.

Это не был экзамен. Между нами взаимоотношения «экзаменатор—абитуриент» были переключены снисходительностью старого интеллигента во взаимоотношения

чисто человеческие. И так всегда было, когда я встречал на своем жизненном пути настоящих русских интеллигентов.

П. Киле (№ 795)

Как вы думаете, какие вопросы прилагаются к этому тексту?

1. Найдите в тексте местоимения. Какие из них изменяются по падежам, какие — по падежам и родам, какие — не изменяются? Если местоимение изменяется по падежам, дайте свой пример, где бы то же местоимение стояло в другом падеже. 2. Найдите в тексте глаголы в неопределенно-личной форме. Почему здесь уместны глаголы именно в этой форме? 3. Найдите в тексте глаголы первого, третьего, четвертого, шестого продуктивного класса.

И все! Вот это и есть то самое — «на эффектных и сценических местах *как бы* вовсе этим нечего дорожить», это и есть тот самый подход к образованию, когда «подбором того, о чем пойдет рассказ, всех фактов, как бы беспрерывно выставляется (*что-то*) и беспрерывно постановляется на пьедестал будущий человек».

Таким же образом — непрямо, опосредованно, приемом *как бы — как бы вовсе этим нечего дорожить* — вводится и специальная, педагогическая информация — ведь учебник адресован будущим педагогам. Она вводится также при помощи текстов к упражнениям, посвященным разным грамматическим темам, как бы невзначай, как сопутствующая. Однако из этих текстов будущий педагог узнает многое, что относится к его специальности. Так, он узнает, каковы дети, чем они отличаются от взрослых. И тут оказывается:

Дети все решают прямо и до конца. Если говорится, что храбрый, это — кто никого не боится. Лев, например. Никого! Это уж, извольте, чтобы было настоящее «никого», абсолютное. И тогда — восторг. И восторженно думать, что вот идет тигр, а лев — хоть бы что! На тигра идет, как на муху...

И тут начинают с упоением строиться всякие комбинации: лев — а на него бык. А лев: «Ха-ха! подумаешь» — и прямо ка-ак... И если ребят дюжина, то наперебой представляют случай, чтобы насладиться этой абсолютной храбростью. Попробуй они спросить взрослого. Начнет с того: «То есть как вам сказать? Более или менее, конечно». Лев погиб, а с ним — наслаждение абсолютным.

Вот как все равно: расти — росток, а цвести? Так не цвесток, а цветок. Вот: загореть — загорел. Почему же не позволяют говорить: запереl? В грамматике детский ум так же схематически логичен и прям, как и в своих абсолютных жизненных решениях. А взрослый ум тяжел и неясен, и он боится прямых выводов, знает, что может напороться на «запереl». И не решается представить — ну, хоть на время! — абсолютно храброго льва и знает, что никогда не бывает «никогда».

Б. Житков (№ 794)

Авторы текстов дают будущим педагогам советы, как нужно работать с детьми. Например, как руководить чтением детей (Н. Крупская. № 534); как их воспитывать:

Главное дело — как можно меньше сентенций, нравоучений и резонерства: их не любят и взрослые, а дети просто ненавидят, как и все наводящее скуку, все сухое

и мертвое. Они хотят видеть в вас друга, а не угрюмого наставника. Пусть дитя шалит и проказит — лишь бы его шалости и проказы не были вредны и не носили на себе отпечатка физического и нравственного цинизма, пусть оно будет безрассудно, опрометчиво — лишь бы оно не было глупо и тупо; мертвенность же и безжизненность хуже всего. Но ребенок благоразумный, ребенок-резонер, ребенок, который всегда осторожен, никогда не сделает шалости, ко всем ласков, вежлив, предупредителен, и все это по расчету... горе вам, если вы сделали его таким!

В. Белинский (№ 733)

Можно *как бы* между делом найти и решение одной из самых болезненных педагогических проблем — проблемы дисциплины:

В школьной скуке скрывается источник множества детских проступков и даже пороков: шалостей, лени, капризов, отвращения от учения, хитрости, лицемерия, обманов и тайных грехов. Уничтожьте школьную скуку — и вся эта смрадная туча, приводящая в отчаяние педагога и отравляющая светлый поток детской жизни, исчезнет сама собой.

В школе должна царствовать серьезность, допускающая шутку, но не превращающая всего дела в шутку, ласковость без приторности, справедливость без придирчивости, доброта без слабости, порядок без педантизма и, главное, постоянная разумная деятельность. Тогда добрые чувства и стремления сами собой разовьются в детях, а начатки дурных наклонностей, приобретенные, может быть, прежде, понемногу изгладятся.

К. Ушинский (№ 687)

К текстам, само собой разумеется, даны конкретные, собственно грамматические задания: проанализировать формы творительного падежа (№ 669); заменить краткие прилагательные полными и осмыслить, как изменился от этого текст, образовать формы сравнительной степени от качественных прилагательных (№ 733) и т. п. Лишь изредка автор вступает в беседу с учеником по поводу содержания текста:

С чем вы согласны и с чем не согласны в словах В. Г. Белинского? Станете ли вы следовать его советам, когда будете учителем? Вспомните о тех ваших учителях, которые умели влиять на своих учеников без нравоучений и резонерства. Расскажите о них. (№ 733)

Отсутствие «сентенций», «нравоучений» и «резонерства» — важная черта педагогики самого М. В. Панова.

* * *

Пожалуй, самая яркая особенность учебников М. В. Панова, кому бы они ни предназначались — студентам ли, школьникам ли, — внимание к личностному началу. Оно проявляется во всем. В языковом материале упражнений, который представляет собой по преимуществу связные, цельные тексты, а не отдельные предложения из разных авторов: цельный текст вводит учащегося в «духовную ауру» автора, и ученик сразу же приглашается к сопереживанию и диалогу: «**Встре-**

чали ли вы людей "тихого постоянного мужества"? Расскажите о них», — после рассказа Ю. Казакова о старухе-почтальонше (№ 551); **«Опишите, какие бывают облака. Сначала понаблюдайте за ними — утром, днем, вечером...»** — после отрывка из К. Паустовского о том, какие бывают дожди (№ 752). В цитировании первоисточников — текстов лингвистов (в школьном учебнике, заметим, к текстам лингвистов и рассказам о них причитается еще и портрет!). Прибавим к этому обязательные справки об авторах: годы жизни, какие-либо важные подробности из их биографии — все это должно вызывать у учеников интерес и уважение к Личности. Внимание к индивидуальному — и в постоянно повторяющихся заданиях, требующих выразительного — в соответствии с художественными особенностями текста — чтения.

М. В. Панов умеет воспитывать у учеников внимание к Другому, показывая, как устроена чужая речь. Ведь для чего нужна вся эта фонетика, лексика, грамматика? — Для того, чтобы лучше понять другого, поняв, как устроено его Слово.

В Сибири народ другой, чем в России: вольный, смелый. И край-то какой у нас. Сибирь западная — плоская, а за Енисеем у нас уже горы начинаются: к югу тайга, а к северу холмы, глинистые, розово-красные. И Красноярск — отсюда имя; про нас говорят: «Краснояры сердцем яры».

Горы у нас целиком из драгоценных камней — порфир, яшма. Енисей чистый, холодный, быстрый. Бросишь в воду полено, а его бог весть уж куда унесло. Мальчиками мы, купаясь, чего только не делали. Я под плоты нырял: нырнешь, а тебя водой внизу несет. Помню, раз вынырнул раньше времени: под балками меня волочило. Балки скользкие, несло быстро, только небо в щели мелькало — синее. Однако вынесло. А на Каче — она под Красноярском с Енисеем сливается — плотины были. Так мы оттуда — аршин шесть-семь высоты — по водопаду вниз ныряли. Нырнешь, а тебя вместе с пеной до дна несет — бело все в глазах. И надо на дне в кулак песку захватить, чтобы показать; песок чистый, желтый. А потом с водой на поверхность вынесет.

Об авторе: «В. И. Суриков (1848—1916) — великий русский художник. Его устные рассказы о своей жизни, яркие и сильные, записал поэт и художник М. А. Волошин, сохранив своеобразие устного рассказа, всю выразительность речи В. И. Сурикова».

Задания к тексту:

1. Выразительно прочитайте этот отрывок. Для этого предварительно «примерьтесь» — найдите те живые интонации, на которые рассчитан этот текст.

2. Подумайте, чем создается динамичность рассказа. Не тем ли, что особенную роль в тексте играет глагол? И его грамматические значения постоянно меняются. То и дело глагол совершенного вида уступает место глаголу несовершенного вида, соседствуют формы настоящего-будущего и прошедшего времени. Проверьте это: найдите случаи, где глаголы совершенного и несовершенного вида стоят рядом, по соседству, создавая видо-временные контрасты в описании действия.

3. Многие предложения в этом тексте — без подлежащего (неполные, безличные, неопределенно-личные), это тоже выдвигает глагол на первый план, подчеркивает действенное начало в предложении. Найдите такие предложения.

Подумайте, чем еще создается динамичность текста. (№ 394а)

А рядом — совсем другой текст — Б. Пильняка, в котором динамичность создается иными способами, чем у В. И. Сурикова:

Там — грамматические контрасты глагольных форм. Здесь — повторение, нагнетание, сгущение определенного грамматического значения в ряду одинаковых грамматических форм: целый «пласт» глаголов обладает одинаковыми морфологическими характеристиками, они усиливают друг друга. Например, последние глагольные формы в отрывке такие: (*матросы*) *крепят*, *идут*, (*вода*) *летит*, (*бочка*) *бегает*, (*прожектор*) *шарит*... И только дальше — контраст: один глагол совершенного вида: *вспомнит*. (№ 395)

После таких упражнений ученик (и учитель!) понимает, что все эти виды, времена, лица и т. п. — отнюдь не отвлеченные грамматические категории, это то, что строит нашу речь и что отличает речь одного от речи другого. Мы ведь отличаемся друг от друга не тем, ч т о мы говорим — говорим мы в течение многих тысячелетий примерно одно и то же, — а тем, к а к мы говорим, т. е. ф о р м о й нашей речи. Содержание универсально, уникальна форма, в которую мы это содержание облекаем.

Формой речи отличается один человек от другого, одна эпоха от другой. Формы речи — речевые жанры — являются знаками определенных ситуаций. Уметь понять грамматику текста в ее связи с внеязыковой ситуацией, в ее обусловленности этой ситуацией — это и есть, наверное, высшая филологическая задача.

Прочитайте отрывок из речи Н. И. Вавилова перед учеными в 1939 году. «Позиция Всесоюзного института растениеводства (ВИР)» — это позиция Н. И. Вавилова и его единомышленников. «Позиция Одесского института» — это взгляды Т. Д. Лысенко и его сторонников.

...Надо сказать, что у нас здесь получается разноголосица очень серьезная. Существует две позиции — позиция Одесского института и позиция ВИРа. При этом надо сказать, что позиция ВИРа — это позиция современной мировой науки, в этом нет никакого сомнения, науки, написанной не фашистами, а просто передовыми тружениками... И если бы мы собрали здесь аудиторию, состоящую из самых крупных селекционеров, практиков и теоретиков, то я уверен, что они голосовали бы с вашим покорным слугой, а не с Одесским институтом. Это дело очень сложное. Приказом, хотя бы наркома, такое дело не решается. Пойдем на костер, будем гореть, но от убеждений своих не откажемся. Говорю вам со всей откровенностью, что верил, верю и настаиваю на том, что считаю правильным. И не только верю, потому что вера в науке — это чепуха, но говорю о том, что знаю, на основании огромного опыта. Это факт, и от этого отойти так просто, как хотелось бы занимающим высокий пост, нельзя... Положение таково, что какую бы вы ни взяли иностранную книгу, все они идут поперек учению Одесского института. Значит, эти книжки сжигать прикажете? Не пойдем на это. До последних сил будем следить за передовой мировой наукой, считая себя настоящими дарвинистами, ибо задачи освоения всех мировых растительных ресурсов, которые создало человечество, могут быть выполнены только при таком подходе к делу, и те клички, которые тут делаются, нужно сначала очень внимательно продумывать.

Генетика — это прежде всего физиологическая наука, и ее основная задача состоит в том, чтобы переделать организмы, для этого она и существует. Но в ходе исследований она доказывает, что не так просто изменить наследственную природу, пытались ее сломать и не сломали. Оказалось сложнее...

Справка: «Н. И. Вавилов (1887—1943) — великий ученый, создавший целую эпоху в развитии биологии. Уже после первых работ Вавилова Н. Д. Прянишников сказал в кругу ученых: "Николай Иванович Вавилов — гений, и мы должны его беречь". Н. И. Вавилов боролся против лженаучных теорий Т. Д. Лысенко, нанесших урон отечественной науке и сельскому хозяйству. Был репрессирован и погиб. Через 50 лет реабилитирован».

Задания: «1. Речь Н. И. Вавилова посвящена научным вопросам. Отсюда — черты ученого, книжного стиля. Но она взволнованна, обращена к близким людям, единомышленникам. Поэтому в ней есть и непринужденная разговорность, эмоциональная острота. Покажите стилистическую многоплановость речи Н. И. Вавилова. Какие языковые элементы сплавлены воедино?

2. Найдите в тексте формы сослагательного наклонения глаголов. Их довольно много. Подумайте, почему Н. И. Вавилов в этой речи часто прибегает к сослагательному наклонению» (№ 503). Душу щемит от этих заданий!

В учебнике М. В. Панова не только оживают и говорят с учащимся исторические лица, ученые, писатели, их персонажи — одухотворяется и наполняется жизнью и сам язык. «Оживление» грамматики достигается разными способами. Один из них — это когда те или иные грамматические явления «антропоморфируются» и ведут между собой диалоги, при этом каждое действует соответственно своему грамматическому терминуимени — например, сказка-шутка Ф. Кривина «Инфинитив» (№ 498). Другой — личные реминисценции «на грамматическую тему» автора текста, как, например, поэтические рассуждения И. Сельвинского «о женском начале» в русском языке (№ 538). Или предлагаются тексты, из которых ученик узнает, что и великие размышляли над падежами (М. Булгаков, рекомендующий писать *в десятках экземпляров*, а не *в десятках экземплярах* — № 772). Или же, как в только что приведенных примерах из В. Сурикова, Б. Пильняка, Н. Вавилова, показывается, как в грамматических формах выражает себя личность, время, судьба. И высшие уроки — это когда анализ значений местоимений в стихотворениях И. Ф. Анненского: «Т о и Э т о» (№ 798) и А. Ахматовой («**И я стала всех сильней на свете, Так что даже э т о мне не трудно...**». № 799) выводит учащихся на уровень философского мышления о языке.

Мы привыкли считать, что отсутствие личностного начала в научной и учебной литературе является нормой, стилистическим признаком этого жанра, отличающим его от других жанров — художественных текстов, писем, устных высказываний и др. Однако так думали не всегда. В част-

ности, В. В. Розанов считал, что безличностный, «анонимный» текст препятствует образованию, что требование индивидуальности является одним из главных требований к обучающему тексту. «Кажется, на начале индивидуальности, — писал он, — основано и то, что все созданное человеком в истории может быть понято и почувствовано, только когда к нему прикасаешься в том самом виде, в каком оно было создано. ⟨...⟩ Это потому, что во всяком создании, где шевельнулся творческий дух, непременно отражается в неуловимых особенностях личность его создателя, не сливающаяся ни с каким другим лицом в истории. Творит человек, т. е. приносит новое в мир, всегда не общим, что есть у него с другими людьми, но исключительным, что принадлежит ему одному» [Розанов 1899—1990: 14]. Сам В. В. Розанов осуществление принципа индивидуальности в образовании видел в замене учебников первоисточниками: вместо учебника истории Д. Иловайского — «Синопсис», вместо параграфа учебника литературы о Гомере, «Борисе Годунове», «Слове о полку Игореве» — сам Гомер, «Борис Годунов», «Слово о полку Игореве».

Однако мы видим, что «индивидуальным», несущим напечатленье личности своего Творца, может быть и учебник — если он написан Ученым, Учителем, Художником.

* * *

Обсуждение вопроса о «личностном начале» в учебнике русского языка может быть плодотворно продолжено и при анализе его «методического аппарата». Когда пытаешься «реконструировать» методическую систему М. В. Панова, первое, что обращает на себя внимание, — это то, что умственная работа учащегося над темой строится как научное исследование. С чего начинается обычное лингвистическое исследование? С анализа языкового материала. С чего начинается упражнение в учебнике? Задается материал для наблюдения: текст, группа слов, предложений и т. п. — и предлагаются формы работы с этим материалом. И композиция большинства упражнений М. В. Панова такова, что вначале дается языковой материал, а затем — задание к нему.

1) Готовлюсь, готовится, готовилась, готовился, готовились, готовься, готовьтесь, готовимся, готовишься.

Сравните эти предикативные формы и определите, в каких случаях употребляется частица *-ся*, в каких — *-сь*. Возьмите другой возвратный глагол и проверьте, верны ли ваши выводы.

2) Сравните несколько форм возвратных причастий (*готовящихся*, *готовящимися*) и решите, так ли употребляется *-ся* в причастиях, как в предикативных формах, или по-другому.

3) Можно ли у деепричастий найти частицу *-ся* после согласных? Какой вариант (*-ся* или *-сь*) употребляется в деепричастиях? (Сравните деепричастия от глаголов разных типов и ответьте на этот вопрос.) (№ 386)

При этом задания сформулированы так, чтобы ученик воспроизвел ход рассуждения, который ведет (и привел в свое время науку) к открытию того или иного грамматического явления. Ученик сам должен открыть, что *-ся* употребляется в глагольных формах после согласных, а *-сь* — после гласных, но это не относится к причастиям.

Методологический принцип М. В. Панова — установка на живой язык, на языковую материю, приоритет языкового материала над его описанием. Ведь основания классификации языковых единиц, система, структура — все заложено в языке, и задача учителя — дать ученику такие способы работы с языком, при помощи которых он мог бы все это обнаружить. И автор дает — ход рассуждения, последовательность действий:

Прочитайте перевод шуточной даргинской песни.〈...〉 Найдите такие грамматические признаки, которые объединяли бы все глаголы в этом тексте.

Начало рассуждения: Возьмем для анализа глагольную форму *бери*. У нее значение повелительного наклонения; но такого грамматического значения нет у формы *говорила*. Следовательно, значение повелительного наклонения — не общее для всех глаголов в этом тексте... (№ 370)

И прилагательные, и глаголы обозначают признак, но различие между ними в том, что прилагательные обозначают признак статический, а глаголы — динамический, изменяющийся во времени. Сказать об этом ученику — забудет. А вот пусть сделает открытие сам!

Объясните, почему надо считать, что *умелы* — прилагательное (краткая форма), а *умели* — глагол. Ср.: *умелый, зрелый, мерзлый, исхудалый* 〈...〉; *умели — умеют, зрели — зреют, мерзли — мерзнут, исхудали — исхудают* 〈...〉. (№ 367)

А. М. Пешковский, один из основоположников «метода наблюдений над языком» как способа обучения школьников русскому языку, писал о том, что основная цель учителя — «поставить ученика в условия настоящего научного (хотя и не углубленного) исследования» [Пешковский 1930: 92; разрядка автора. — *А. П.*]. «Ведь вся суть тут в том, что ребенок повторяет в сокращенном и облегченном руководителем виде процесс научного исследования. Следовательно, задача методиста здесь сводится именно к тому, как сократить и облегчить этот процесс» [там же: 91]. В учебнике М. В. Панова перед нами предстает целая система методов «сокращения и облегчения» процесса непривычной и трудной для школьника «научной» работы.

Автор «помогает» ученику: ставит задачу, а затем дает ключ к ее решению:

Докажите, что глаголы *переписываться, разрушаться* в одном из своих значений относятся к страдательному залогу. Для этого составьте два предложения: одно с данным глаголом, другое с парным переходным. (№ 373)

В особо трудных случаях он требует от ученика буквального воспроизведения хода рассуждения:

Объясните, как образованы глаголы совершенного и несовершенного вида: *петь — запеть — запевать, жить — прожить — проживать, делать — переделать — переделывать.* Образец объяснения: Глагол *петь* непроизводный, он несовершенного вида. От него образован с помощью приставки *за-* глагол *запеть*. Это первая ступень видового словообразования. Глаголы первой ступени всегда совершенного вида. От глагола *запеть* с помощью суффикса *-ва-* образуется глагол *запевать*. Это глагол второй ступени видового словообразования и, как все глаголы этой ступени, принадлежит к несовершенному виду. (№ 405)

Автор постоянно дает ученику образец, как ему действовать, причем образцу придается исключительное значение: встречаются упражнения, в которых образец включает больше слов, чем в самом упражнении (№ 377, 378). Образец у М. В. Панова не только «для образца», он учит — многократным повторением одного и того же языкового отношения учит грамматической форме.

Автор предвидит ситуации, где ученик может встать в тупик, и оказывает ему помощь:

Найдите возвратные глаголы. Найдите среди них глаголы страдательного залога (при них не обязательно должны быть дополнения в Тв. падеже со значением действующего лица: важно, что такое дополнение могло бы стоять при них в данном контексте). (№ 383)

Сам характер грамматических заданий к упражнениям ориентирован на возможные затруднения учеников. Одно из таких типичных затруднений, хорошо известное всем преподающим русский язык — и русским, и нерусским, — различение совершенного и несовершенного вида у глагольных форм. Поэтому предусмотрено упражнение:

Найдите инфинитив следующих глагольных форм: *возьмем, поймут, жмем, соберу, собиравший, оденут, ползет, засох, останься, запрягут, завяли, ведут, бредете, застрянут.* (№ 499)

Анализ грамматических заданий к упражнениям позволяет говорить о такой педагогической установке М. В. Панова, как оберегающая позиция по отношению к ученику. Он никогда не ставит ученика в дискомфортную ситуацию выбора решения, в мучительную ситуацию сомнения. В задачах, имеющих опасность ошибочного решения, он сразу отметает ошибочный вариант и объявляет правильный, а ученику остается только, поразмыслив, доказать, что это так.

Докажите, что причастие *рожденный* — от глагола *родить*, а не *рождать*. Докажите, что *отчаянный* — не причастие. (№ 580)

Он специально предупреждает о возможности ошибки:

Найдите в этом отрывке причастия, определите, от каких глаголов они образованы. Почему неправильно считать, что причастие *очищенная* образовано от *очищать*? (№ 587)

Дано задание определить, какого падежа формы *чулок, сапог, ботинок, валенок, глаз, волос, человек, солдат, турок, грузин, башкир, цыган*. Почему нельзя выполнить это задание? (№ 628)

Презумпция: задание выполнить нельзя. Ученику лишь остается понять почему.

Автор все время ставит ученика на твердую почву. Уверенность, психологический комфорт — вот что, судя по заданиям, автор считает важным условием в обучении. Никаких «проблемных ситуаций», никаких «постановок познавательных задач» и даже никаких «пропущенных букв»! Вместо «пропущенных букв» — приглашение к размышлению:

Почему надо писать *зреющий, седеющий, борющийся, колющий, видящий, ненавидящий*? (№ 556)

Педагогическая позиция М. В. Панова такова, что всю ответственность за выбор решения Взрослый берет на себя, ученику же остается только пройти по проложенному для него пути, не сбившись, и об этом тоже позаботился Взрослый: он ведет учащегося за собой, и ведет, надо сказать, очень твердой рукой. Лишь изредка, там, где путь к правильному ответу ученику уже хорошо известен, автор дает задания «под его полную ответственность»:

«Существительное *трава* — одушевленное или нет?» — спросил учитель. — «Этого узнать нельзя, — сказал ученик. — Какое существительное, одушевленное или нет, мы определяем по его совпадению с другой формой. А здесь форма винительного падежа не совпадает ни с какой другой: "*траву*"». Прав ученик или нет? (№ 614)

Можно с полным основанием говорить об о б р а з е а в т о р а, который может быть «реконструирован» при внимательном изучении любого учебника, при анализе его грамматических заданий. В одних учебниках перед нами предстает автор-«экзаменатор»: «вставьте пропущенные буквы», «расставьте знаки препинания», «сделайте фонетический/морфологический/синтаксический разбор», «назовите...», «укажите...», «обозначьте...», «подчеркните...» и т. п.; в других — манипулятор, формирующий «новое мышление». Образ автора в учебнике М. В. Панова — это образ р у к о в о д и т е л я в буквальном, лучшем смысле этого слова: автор р у к о в о д и т учеником, т. е. в е д е т его з а р у к у по грамматическим лабиринтам темы. При этом «образ автора» в учебнике М. В. Панова — это образ руководителя с чувством повышенной ответственности за руководимого, потому что учит не только грамматике, но и «жизни»: пробуждает «чувства добрые», воспитывает эстетическое отношение к языку и к жизни.

В той же мере, в какой можно говорить об образе учителя, можно говорить и об о б р а з е у ч е н и к а, который проявляется между строк грамматических заданий, обращенных к нему. Это не «саморазвивающийся и самоизменяющийся субъект» — конструкт и монстр «развивающего» обучения, это и не подконтрольное, механическое, безличное и безвидное существо «традиционных» учебников — это окруженное заботой дитя, терпеливо и любовно воспитываемое и пестуемое, Ученик и, одновременно, полноценный Собеседник автора: весь учебник — это не-

прекращающийся д и а л о г между автором и учеником. **«Как вы думаете? Каково ваше мнение об этом предмете?»** — автор постоянно обращается к ученику, проявляет интерес, внимание и уважение к его личности, к его опыту: **«Вспомните ваши яркие впечатления детства»** (№ 394а); **«Расскажите, что можно увидеть в ваших родных местах, что особенно памятно вам»** (№ 582) и др. При этом яркая особенность и этого, и других учебников М. В. Панова — то, что он обращается к ученику напрямую, без посредника-учителя, и учителю, осваивающему учебники М. В. Панова, еще предстоит, заметим, найти свое собственное место в этом общении-диалоге.

В наше смутное время среди педагогических фантомов так называемой «педагогики самоопределения», провозгласившей принцип самостоятельности школьника в обучении, вплоть до права самому определять и способы обучения, и даже содержание необходимого ему образования, учебник М. В. Панова, восстанавливающий лучшие традиции российского образования, в центре которого — фигура Учителя, проясняет наш разум, в очередной раз помутившийся «в безумстве гибельной свободы», воспитывает и ставит на твердую почву не только ученика, которому учебник непосредственно адресован, но и учителя.

* * *

Корень учения горек, наука трудна. Прочитать написанный другим параграф и даже выучить его — еще не значит *усвоить* его, т. е. *сделать своим* заключенное в нем содержание — для этого нужна большая работа с языковым материалом. Поэтому и назначение упражнений — проработка теоретического содержания темы. Формы этой проработки в учебнике — самые разнообразные, составить «реестр» невозможно в принципе, поэтому просто назовем хотя бы некоторые.

Упражнения, иллюстрирующие теоретическую суть темы. Дана классификация частей речи — на основе их словоизменительных характеристик.

Определите, к какой части речи относятся слова *дом*, *кричать*, *злой*, *медведь*, *дядин*, *книга*. Докажите правильность вашего ответа с помощью рассуждения.

О б р а з е ц р а с с у ж д е н и я : Слово *дом* изменяется по падежам: *дом*, *нет дома*, *к дому*... Оно мужского рода (*мой дом*), по родам не изменяется. Слова, которые изменяются по падежам и не изменяются по родам, — это существительные. Значит, слово *дом* — существительное. (№ 293)

Докажите, что слово *кричать* — глагол, а слово *крик* — существительное. (№ 294)

Упражнения на узнавание: предлагается найти глаголы страдательного залога в тексте, при этом показано, как их различать среди других возвратных глаголов (№ 383); предлагается найти предикативные и непредикативные формы глагола (№ 369). Упражнения-трансформации,

помогающие усвоить грамматическую форму залога: «**Превратите страдательные обороты в действительные, действительные, где можно, — в страдательные**» (№ 375). Грамматико-стилистические: исправьте текст (№ 374, 394, 655). Классификационные: расставить глаголы по их ступеням в видовой цепочке (№ 406, 407). Восстанавливающие языковое отношение: найти парный по виду глагол (№ 399); воспроизвести недостающее звено видовой цепочки (№ 408). Требующие семантического анализа: определить, в каких глаголах суффикс *-ну-*1, в каких — *-ну-*2 (№ 401). Взывающие к наблюдательности: ученик должен отличить форму сослагательного наклонения среди форм прошедшего времени (№ 538). Рассчитанные на «грамматическую догадку»: почему в форме *дяде* ошибки делают чаще, чем в форме *брату*? (№ 666) и др. И особенно много заданий типа «составьте предложения», требующих применения полученных знаний (№ 381, 478, 662, 668 и др.).

Автор любит первоисточники и приводит пространные цитаты из В. В. Виноградова, А. А. Шахматова, А. М. Пешковского, В. Н. Сидорова, как бы отдавая своих подопечных «в ученье» к самим авторам теории — лингвистам. Они и учатся: конспектируют сложный текст и подбирают собственные примеры на эту тему (№ 537 — текст В. В. Виноградова о глаголах ультрамгновенного действия); закрепляют новое путем составления примеров (№ 692 — текст В. Н. Сидорова об относительных прилагательных в переносном качественном употреблении); «соучаствуют» в научной мысли: «**Замените примеры А. Шахматова своими собственными**» (№ 619 — текст А. Шахматова о существительных singularia и pluralia tantum).

Ярчайшая особенность учебника — каскад заданий, цель которых — развитие речи во всех ее формах:

Разыграйте этот отрывок. Произнесите последние реплики эмоционально выразительно, с разными интонациями. Придумайте свой короткий диалог... (№ 246); Приготовьтесь сыграть роль собеседника Зилова (№ 247); Прочитайте текст. Сначала — про себя; продумайте интонационную партитуру текста (№ 245); Прочитайте диалоги. В каких ситуациях они уместны? В каких отношениях говорящие? (№ 774); Опишите, какие бывают облака. Сначала понаблюдайте за ними — утром, днем, вечером... (№ 752); Прочитайте стихотворение. Обратите внимание на звуковую инструментовку. Помогите слушателям заметить ее. Однако своим чтением не делайте ее назойливой (№ 252); Когда вы знакомитесь с новым для вас большим поэтом, бывает ли у вас период «экстатического увлечения» его творчеством? Расскажите об этом (№ 244); Прочитайте стихотворение так, чтобы и смысл торжествовал, и стиховая мерность не была разрушена (№ 729); Расскажите о ваших впечатлениях от какого-нибудь весеннего (зимнего, осеннего) дня (№ 587); Научитесь хорошо читать отрывок. Постарайтесь почувствовать внутренний лад, ритмику гоголевского текста (№ 241)...

При нынешних методических «свычаях и обычаях», когда основным содержанием и основной целью упражнений в большинстве школьных учебников является контроль («вставьте пропущенные буквы», «укажите тип спряжения», «разберите слово по составу» и т. п.), учебник М. В. Панова производит впечатление настоящего методического пиршества!

* * *

Школьные учебники пишут взрослые, и очень часто эти учебники бывают составлены так, словно их адресат — тоже взрослый человек, у которого уже развито логическое мышление и основной вид памяти тоже логический. Не таковы дети, и учебный материал должен подаваться с опорой не только на логическое, но и на образное мышление, с опорой на все виды памяти. Именно так — «на разных языках» — подается грамматический материал в учебнике М. В. Панова: на языке научного описания, наиболее привычном для учебников, на языке графических схем (№ 468), зрительных образов (№ 472), на языке «жизненного опыта» (№ 387), на метафорическом языке (№ 222, 498, 773). М. В. Панов придает большое значение в преподавании игре; **«...ребенок остается ребенком, значит, мы должны с ним играть, когда занимаемся таким серьезным делом, как обучение русскому языку»**, — учит он студентов педагогического университета [Панов 1995/96: 3]. И показывает, как это делать:

Обычно очень скучно проходят занятия, посвященные тематическим группам. Учитель дает задание: придумайте слова, которые называют разные виды спорта. Ученики придумывают: *хоккей*, *футбол*, *пятиборье* и т. д. А что если это развить и дать ряд слов, в котором есть слова, относящиеся к спорту. Задание: записать ряд слов и подчеркнуть слова, которые относятся к спорту. Начать хорошо с такого слова, которое приведет учеников в удивление, потому что оно явно к спорту не относится: *борода*, *хоккей*, *сиреневый*, *футбол*, *стадион*, *промокашка*, *пловец* (у учителя всегда на уме орфография: *пловец* очень важен, потому что пусть пишут *о*, предупредить надо, чтобы писали *о*), *гитара*, *пятиборье*... Вот с *гитарой* может быть целый разговор. Один скажет: а если это конкурс, когда соревнуются на исполнение песен, — спорт или не спорт? Учитель скажет: нет, это все-таки конкурс, но не спортивный, а артистический, так что *гитара* не относится к спорту. *Троллейбус* (для смеха надо ввести), *теннис*, *суматоха* (для спора), *кукушка*, *тренер*, *спартакиада* (для орфографии хорошо, что только *а* есть, хотя бы, казалось, *спорт*, и ученики готовы написать с *о*, а надо *а*), *Олимпийские игры* и т. д. Кончить надо словом *обоняние* или *одеяло* — для того чтобы было смешно. [Панов 1995/96: 8—9]

Целый фейерверк упражнений-игр в учебниках для средней школы! Адресаты учебника, о котором идет речь у нас, — постарше, но тоже *детишки* (любимое слово М. В.), и здесь тоже целая куча игровых заданий и веселых, с чудесным юмором текстов: Е. Шварца, Ф. Искандера, В. Драгунского, К. Чуковского... — «чтобы было смешно».

Многоногая загадка

Две ноги на трех ногах,
а четвертая в зубах.
Вдруг четыре прибежали
и с одною убежали.
Подскочили две ноги,
ухватили три ноги,
закричали на весь дом —

да тремя по четырем!
Но четыре завизжали
и с одною убежали.
К. Чуковский

О т г а д к а: две ноги — мальчик, три ноги — табуретка, четыре ноги — собака, одна нога — куриная.

1. Определите, в каком падеже стоят числительные и в каком — связанные с ними существительные. 2. *Да тремя по четырем...* Здесь опущены существительные. Вставьте их, определите падеж. (№ 771)

Вот так-то: играем, смеемся, а между делом усваиваем грамматические формы словосочетаний с числительными *два, три, четыре*. Как мы видим, методическим приемом *как бы — как бы вовсе нечего этим дорожить* — М. В. Панов пользуется не только «для воспитания», но и «для обучения».

Как строится сказ? Сплошь на инверсии. Глагол выносится перед подлежащим. Вот тут и отгадка, почему этим интересно заниматься ученикам. Какое нудное занятие: дети, дети, найдите подлежащее и сказуемое и подчеркните: одно одной линией, другое двумя линиями. Ух, тощища! *Володя любит сметану. Володя* подчеркиваете, *любит* — подчеркиваете. После того как вы сделали это упражнение 20 раз, румянец со щек учеников сходит, и взгляд у них как у рыбы, приготовленной на закуску. А тут загадка опять: а отгадайте, как строится сказ? Подумают они и скажут: как-то все вывернуто наизнанку... А что вывернуто наизнанку? Ну, они догадаются, что сказуемое поставлено до подлежащего, а слова, относящиеся к глаголу, поставлены до глагола: *Вышел я. Снегу навалило!* (Обычно дополнение после глагола). *Следы заячьи. Заячьи* — инверсия: прилагательное-то должно быть до, а тут вот его взяли и загнали после. *Надел я лыжи — я.* Ну, и дальше вы будете разбирать весь этот текст с учениками и наслаждаться тем, что здесь иной порядок слов. А учитель радуется: все время тренируются определять подлежащее и сказуемое... [Панов 1995/96: 151]

Предложение можно измерять от головы к хвосту и от хвоста к голове, причем второе измерение — от хвоста — позволяет думать о средствах выражения грамматического значения. Вы знаете из школьных анекдотов рассказ о том, что кошку измеряли от головы к хвосту и от хвоста к голове — и получили разные результаты. Вот у нас немножко так же получилось: изучая от хвоста к голове, мы выделяем поневоле все эти окончания, флексии, обращаем на них внимание, рассказываем о том, что может быть при этих окончаниях, и ученик учится тому, что эти флексии очень важны: видите, они — предсказатели. [Там же: 122]

* * *

Наше время дает большую свободу школе. Вводятся новые программы, выходят новые учебники. Каждый учитель выбирает то, что ему по душе. Для учителя, неравнодушного к своей работе, к лингвистической науке и к родному языку, щедрая книга М. В. Панова является и бесценным источником научного знания о русском языке, и бесценным пособием по методике его преподавания, и учительной книгой о Жизни и о Красоте.

Литература

Бахтин М. Проблемы поэтики Достоевского. 4-е изд. М., 1979.

Панов М. В. Лингвистика и преподавание русского языка в школе: Спецкурс, прочитанный в Московском государственном открытом педагогическом университете в 1995/96 уч. году. Машинопись.

Панов М. В. (ред.) Русский язык. Учебник для средней школы. 5 класс / И. С. Ильинская, М. В. Панов, С. М. Кузьмина, Н. Е. Ильина и др.; Под ред. М. В. Панова. М., 1995.

Панов М. В. (ред.) Русский язык: Учебник для средней школы. 6 класс / Е. В. Красильникова, Л. Н. Булатова, Н. Е. Ильина, С. М. Кузьмина, Т. А. Рочко, И. А. Крупская; Под ред. М. В. Панова. М., 1996.

Панов М. В. (ред.) Русский язык: Учебник для средней школы. 7 класс / М. В. Панов, Л. Н. Булатова, С. М. Кузьмина, Н. Е. Ильина, Е. В. Красильникова, Т. А. Рочко, Е. А. Земская; Под ред. М. В. Панова. М., 1998.

Панов М. В., Сабаткоев Р. Б. Русский язык: Лексика. Фонетика. Теория письма. Морфология. 2-е изд. СПб., 1993.

Парубченко Л. Б. Почему «развивающее обучение» не развивает и не обучает // Учительская газета. 2000. 9 мая.

Пешковский А. М. Школьная и научная грамматика. 5-е изд. М., 1925.

Пешковский А. М. Проблемы взаимоотношения методологии и методики языковедения // Вопросы методики родного языка, лингвистики и стилистики. М.; Л., 1930.

Программа 1920 — Занятия языком на II ступени. 1920.

Программа 1921 — Родной язык в школе I ступени. 1921.

Розанов В. В. Сумерки просвещения. М., 1899—1990.

О. В. Синёва
Москва

«ЗЛОСТНОСТНОСТЬ» БЕЗГРАМОТНОСТИ СОВРЕМЕННЫХ ВОВ БУТУЗОВЫХ

(или О РОЛИ ТЕКСТА НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА)

Встретились на перемене десятиклассники Петя Иванов и Ваня Петров и спрашивают друг друга:

П е т я. Я так и не понял, о каком лишайнике шла речь в диктанте.

В а н я. Разве лишайник — это кусты? Ведь в тексте было: «Сквозь колышущиеся кусты...» — я написал — «альшайника», но что это такое, я тоже не знаю.

Неподалеку стояла пятиклассница Настя Кувшинчикова и, услышав эти рассуждения, воскликнула:

«Ольшаника»! Заросли ольхи! Это такой кустарник: ольха — ольховник — олешник — ольшняк. Эх вы, «Русский язык» для 5-го класса почитайте! О критерии Винокура не знаете?

(Почти... достоверный случай)

Можно посочувствовать десятиклассникам, ведь тогда, когда они учились в пятом классе, учебник «Русский язык» под редакцией Михаила Викторовича Панова прокладывал себе путь в образовательной системе России. Впрочем, любознательные Вовы и Насти, прототипы положительных персонажей диалогов о языке, могли читать рассказ о русской орфографии «И все-таки она хорошая!» уже в 60-е годы [Панов 1964]. Однако при том, что этот учебник превосходит все известные доселе живостью, увлекательностью преподнесения сложнейшего теоретического материала, на практике он используется в основном в гимназиях, где филология — «профильное» направление. Диалогичность, повествовательность и аналитичность учебника — вот те три «-ость», которые должны были бы победить *злостностность*[1] безграмотности современных Вов Бутузовых. Что же происходит на практике?

---

[1] Персонажи учебника «Русский язык» Вова Бутузов и Настя Кувшинчикова, подавая сверстникам пример любознательности и приемов «интеллектуального» общения, рассуждают о необычных случаях образования слов и их значениях, среди которых цепочка *злой — злость — злостный — злостность — злостностный — злостностность* [Красильникова 1995: 45].

Приведу фрагмент моего диалога с учителем общеобразовательной московской школы:

— Учебник Панова используете в работе?

— Он же для углубленного изучения. Нашим (учителям) хорошие книжки давать?! Когда нагрузка 36 часов в неделю, им проще по накатанной...

А дети? Современные дети много слушают и смотрят видеофильмы, но мало читают, и это отражается на их лексическом запасе, а вышеприведенный пример с «ольшаником» — прежде всего такой случай. Образ слова не зафиксировался зрительной памятью. Современный способ структурирования информации, «клиповый» принцип построения видеоряда, когда образы мелькают, не оставляя возможности для неспешного, вдумчивого восприятия, формируют привычку «файлового» (фрагментарного) усвоения знаний, которые быстро теряются, «стираются из памяти», если нет ассоциативных связей. Объем сведений, который ученики получают на уроках истории, географии, биологии, огромен, и эти сведения второпях конспектируются... с ошибками, закрепляющимися из конспекта в конспект. Таковы образ жизни и информационный фон, на котором изучается родной язык (я не касаюсь других причин безграмотности: социальной депрессии, с одной стороны, и вседозволенности в речи в средствах массовой информации и безответственного отношения к слову в издательском деле — с другой).

Современная программа преподавания русского языка построена на основополагающем принципе дидактики — ведущей роли теоретических знаний. Учебники русского языка соответствуют этому принципу: главная их цель — дать теоретическое представление о структуре языка как о системе социально закрепленных знаков и правил их употребления. Естественно, что при таком подходе темы курса распределяются в соответствии с теоретическим структурированием системы языка на уровни (ярусы): фонетику, морфологию, лексику, синтаксис — что само по себе вносит ощущение стройности и логичности и не может полностью отрицаться. Однако увлечение идеей о языке как системе в области методики преподавания русского языка сказывается на обучении грамоте. Создается эффект сороконожки, задумавшейся, с какой ноги она ходит. В качестве материала для закрепления теории ученик получает отвлеченные от контекста слова, словосочетания или предложения, и это первый этап в усвоении знаний. Закрепить же орфографический материал можно при многократной его встречаемости в текстах, «в многомерном пространстве языка». На практике тексты подбираются лишь с целью иллюстрировать функционирование изучаемых языковых фактов либо для контроля. При этом под текстом, как правило, подразумевается достаточно большой фрагмент (150—200 слов) из художественного произведения, а необходимо включать для письменной работы тексты всех книжных стилей. Итак, в основном орфограммы осваиваются на словах или словосочетаниях, группируемых на уроках в таблицы, схемы, а в качестве контрольных ра-

бот предлагается текст для диктанта, изложения или списывания (в младших и средних классах), несмотря на то что ученик не получил достаточных навыков подмечать изучаемые факты языка в нем.

Такова практика, сложившаяся за десятилетия (например, учебники 80-х годов). Учащиеся выполняют упражнения, составляемые из слов, словосочетаний и предложений, по наглядному, запомнившемуся, в лучшем случае, алгоритму, т. е. формально. Написание текстов, направленное на обдумывание и объяснение случаев употребления тех или иных языковых средств, практически отсутствует либо недостаточно, и эта недостаточность обычно легко объясняется учителями соотношением объема информации, который учащиеся должны усвоить по школьной программе, и количеством учебных часов, отведенных на освоение материала.

В учебниках «Русский язык» под редакцией М. В. Панова предложен комплекс заданий, выявляющих и развивающих лингвистическую эрудицию. Учащиеся получают навыки анализа и учатся продуманно выстраивать аналогии. Вот для иллюстрации пример из практики. В разделе «Словообразование» в теме «Производное и исходное слово» учебника «Русский язык. 6 класс» есть задание под магическим номером 13. Нужно назвать, что делают с помощью разных предметов и приспособлений. Дана аналогия: «бороной — боронят, штемпелем — ?». Около 40% шестиклассников гимназии ответили правильно — «штемпелюют», остальные — «штемпелят»; верный ответ дали только около 2% десятиклассников (основная масса ответила — «штампуют»); первоклассники ответили «штемпелят». Опросила я и взрослых, среди которых врачи, учителя-нерусисты: неизменным был ответ «штампуют»; очевидно, привычное для их слуха слово «штамповать» породило недоверие к предлагаемой аналогии.

Выполнение одного задания является шагом к решению следующего и в конечном итоге предполагает возможность обобщения и систематизации сведений, полученных в каждом упражнении. Ученики неплохо справляются с этим видом работы, как правило в устной форме или выписывая примеры из предложенного текста. Текст здесь выступает как средство обучения. Затем предлагаются творческие задания: придумать и записать рассказ... Однако материал для промежуточного этапа между этими двумя видами учебной деятельности, необходимый для выработки навыков грамотного письма, учитель должен подбирать сам, а это непросто при обычно большой часовой нагрузке. На мой взгляд, в помощь учителю необходимо приложение к учебнику «Русский язык» — сборник текстов разного уровня сложности с точки зрения насыщенности орфограммами, словообразовательными моделями и т. д. Такая работа должна проводиться на каждом уроке. Вот фрагмент подобного текста на правила написания *о/е* после шипящих: «*Чопорный черт в черной шелковой одежонке сидел на жестком диване и пил дешевый желудевый кофе, изредка чокаясь со своим отражением в тяжелом глянцевитом самоваре, стоящем на парчовой скатерти шоколадного цвета. Черт был большой обжора и, несмотря на изжогу и больную печенку, объедался крыжовником со сгущенным молоком...*»

[Ткаченко 1998]. Тексты, насыщенные орфограммами *-н-/-нн-*, — яркий пример их использования для закрепления знаний в области словообразования, морфологии и синтаксиса.

Однако еще важнее использовать текст как предмет обучения, и тогда работа над текстом на уроке делится на три этапа, хорошо известные в методике и редко комплексно используемые на практике:

1) предтекстовая работа (словарная работа: толкование слов; выявление исходных слов для производных; обращение внимания на самые сложные случаи написания; орфограммы и пунктограммы, еще не изучавшиеся. Предтекстовая работа — очень важный этап, так как здесь предупреждаются ошибки учащихся. Мы избегаем возможности закрепления неправильного написания слова, т. е. включается осознанное, а не механическое употребление языковых средств. Ключевой вопрос — ЧТО ПИШЕМ? На этот этап уходит 10—13 минут урока;

2) собственно текстовая работа (написание текста и короткое объяснение орфограмм и пунктограмм, поиск синтаксических связей и родственных слов). Однако теоретическими вопросами на данном этапе увлекаться не стоит, чтобы не отвлекать от содержания текста. Ключевой вопрос — КАК ПИШЕМ? Этап занимает 20—25 минут;

3) послетекстовая работа (выделение главной мысли, работа над логикой текста, озаглавливание, подбор введения и заключения и т. д.). Ключевой вопрос — О ЧЕМ ТЕКСТ? и ДЛЯ ЧЕГО автор выразил мысль именно таким образом? Третий этап работы над текстом — творческий. Для него надо много времени: на обдумывание, на формулирование собственной точки зрения. Поэтому работа над текстом может продолжаться вне урока, однако требует последующего взаимодействия с учителем (обязательные проверка и редакция формулировок; обсуждение и пр.). Особое значение придается текстам литературоведческой, культурологической направленности, что позволяет осуществить принцип межпредметных связей, расширить лексический запас учащихся, необходимый для анализа художественных произведений. Такие тексты, составленные по работам филологов-классиков[2], особенно важны в средних и старших классах, когда ученики активно пишут сочинения. Тема обусловливает определенные закономерности употребления языковых средств. Следовательно, сквозные темы текстов обеспечат должную повторяемость лексических, грамматических, стилистических средств.

Работа над текстом не исключает теоретическое объяснение и освоение нового материала, использование в качестве обучающего средства слов и словосочетаний, словарных диктантов и прочие привычные формы работы на уроках русского языка. Меняются лишь пропорции объема подобной работы. Например, изучая тему «Правописание аффиксов» по

[2] Мой опыт составления текстов показал, что практически любой фрагмент работ Д. С. Лихачева может быть использован на уроках русского языка. Интересны с этой точки зрения работы Г. О. Винокура, М. М. Бахтина, Ю. М. Лотмана, Ю. Н. Тынянова.

предлагаемым упражнениям в учебнике «Русский язык. 6 класс», составленным из отдельных слов, можно дополнительно предложить следующий текст:

Знакомый трехпалый мохнатый листик, трогательная звездочка цветка, изогнутая веточка и, конечно, маленькая капелька лесной сладости — земляничка... Хохломские художники любят рисовать на поверхностях своих изделий земляничку, малинку, ежевичку, крыжовничек, черную и красную смородинку, рябинку. Называют они ягоды ласково, и никогда не напишут их одинаково. Одно и то же растение под рукой мастера изменчиво, становится чуть другим от утра к вечеру [по Н. Бедник 1980: 8].

1-й этап (предтекстовая работа). Толкование слова «хохлома»: Хохлома — большое торговое село в Нижегородской губернии. Составьте словосочетания из прилагательного от слова «хохлома» + *художники, роспись, товар, изделия*. Какой суффикс вы используете для образования прилагательного? (Это задание на опережение программы, однако ученики справляются с ним легко.)

В данном случае нет необходимости задерживаться на рассказе о том, что такое хохломская роспись. Составленные словосочетания создадут фоновые знания для восприятия текста.

2-й этап (вариантов здесь несколько, вот один из возможных). А) Что сказано в тексте об отношении художников к ягодам, растениям? (Ответ: *Называют художники ягоды ласково*). Б) Какими средствами передается такое отношение? (Ответ: ...словообразовательными суффиксами). В) Вставьте и выделите соответствующие суффиксы вместо пропусков. Г) Назовите исходные слова для слов *земляничка, ежевичка, крыжовничек, малинка* (исходные слова можно записывать в тексте в скобках после производного в процессе выполнения письменной части, а можно просто проговорить. Это зависит от работоспособности класса). Г) (Вопрос на повторение изученного в 5-м классе: тема 56 — «Чередование».) Какое явление мы наблюдаем, когда соотносим исходное и производное слова в предыдущем задании? (*крыжовник—крыжовничек*). Д) (Это задание может быть дополнительным для тех, кто записал текст раньше других; а можно задать на дом.) Из предложенного ряда слов составьте пары «исходное слово + производное»: *Лист, листочек, листок, листик*; *Цвет, цветочек, цветок, цветик*.

3-й этап (послетекстовое задание). А) Не пострадает ли стиль текста, если последнее предложение будет звучать так: *Одно и то же растеньице под рукой мастерицы изменчиво, становится чуточку другим от утра к вечеру*? Обоснуйте свой ответ. Б) (Обычно в качестве домашнего задания.) Придумайте зачин для данного текста. Озаглавьте текст.

Подобный текст и задания к нему благодаря повторяемости языковых фактов позволяют выстроить аналогии, подметить систему и узус и не требуют пространных теоретических построений.

Таким образом, грамотность письменной речи основывается на трех китах: пропедевтике (опережении), повторении и мотивации (осознании

«для чего»). Выполняя поэтапно комплекс заданий по тексту, ученики трижды сталкиваются с употреблением языковых средств в письменной и устной форме.

Литература

Бедник Н. Хохлома. Л., 1980.

Красильникова Е. В. Словообразование // Русский язык. Учебник для средней школы. 6 класс / Под ред. М. В. Панова. М., 1995.

Панов М. В. И все-таки она хорошая! Рассказ о русской орфографии, ее достоинствах и недостатках. М., 1964.

Русский язык. Учебник для средней школы. 5 класс / Под ред. М. В. Панова. М., 1995.

Русский язык. Учебник для средней школы. 6 класс / Под ред. М. В. Панова. М., 1996.

Ткаченко Н. Г. 300 диктантов для поступающих в вузы. М., 1998.

* * *

Е. Г. Бирбраер, Н. А. Иванова
Москва

НАШ ШКОЛЬНЫЙ УЧИТЕЛЬ

Собрались мы как-то, несколько школьных подруг, и стали вспоминать далекое время — 1950—52 гг. — когда последние два школьных года учились у Михаила Викторовича Панова. В нашей — самой обычной — московской школе собралось тогда немало хороших учителей, и увлечения у нас были самые разнообразные. Почему же тогда мы бóльшую часть времени и сил вдруг стали тратить на русский язык и литературу? Надо сказать, что собственно уроков русского нам уже не полагалось, но Михаил Викторович то выкраивал на него время из часов на литературу, то давал нулевые уроки до начала занятий; на них ходили не только по обязанности — просто жалко было пропустить хоть что-то из его наставлений.

Чем же он нас за душу брал? Конечно, не одним только профессионализмом. Да и вообще, обучить своему предмету — это, наверное, все же только первая задача учителя (хотя и очень нелегкая). Вторая задача — обучить верному отношению к реальностям жизни во всей ее полноте. И здесь решающую роль играет личность педагога. А само обучение может происходить одновременно и параллельно с выполнением первой задачи.

Михаил Викторович быстро определил недостатки нашего предыдущего образования, но не сказал ни слова упрека в адрес прежних наших учителей. У нас и грамота хромала, и сочинений писать мы не умели. И вот взялся он нас щучить, но и себе задал лишнюю работу — хоть эти нулевые уроки. А наименее грамотных обязал ежедневно переписывать в особые тетради солидные отрывки из классиков; на полях следовало проставлять номера правил для каждого знака препинания. Тетради ему приходилось периодически просматривать, и горе тем, у кого они оказывались недостаточно аккуратными.

Сочинений он задавал массу, по всем темам программы; иногда заставлял написать только план. В планах-то, оказывается, и была вся суть. Кроткие пункты «вступление», «заключение» вызывали его праведный гнев. Мы должны были мыслить (!), и эти мысли выражать членораздельно и последовательно, логически связывая их одну с другой. И в планах эти мысли должны были быть кратко сформулированы. Не возбранялись попытки мыслить самостоятельно, на основе прочитанных произведе-

ний, с помощью картотеки цитат. Но можно было и использовать чужую мудрость — для этого пришлось найти дорогу в библиотеки. Естественные попытки цитирования без кавычек тут строго пресекались. Запрещено нам было и пользоваться школьными учебниками по литературе — видимо, уж очень они были и бездарными, и идейными.

На летние каникулы Михаил Викторович задал нам прочесть целую гору книг: по-моему, всех разрешенных тогда русских советских поэтов. Потом, на уроках, он читал нам вслух по два-три стихотворения раннего Тихонова, раннего Асеева — и нам в них открывалась поэзия. Для многих, может быть, впервые в жизни. Блока он нам «открыл» всерьез: однажды он нам читал его два часа подряд, без всяких комментариев. Если бы не эти часы, может быть, Блок остался бы для многих автором лишь «Двенадцати», которые были в программе. И у Багрицкого нам запомнилась не бедная замороченная девочка Валя, а живые контрабандисты с их арбузами.

Сцену смерти князя Андрея он читал нам по-другому, более сдержанно что ли. Никакого актерства он, конечно, не допускал, но текст проникал в душу. Говорят, одна «пятиклашка» (он недолго заменял у них заболевшую учительницу) горько разрыдалась при чтении «Муму». Тогда он сел рядом и стал ее утешать. Бывшие «пятиклашки» теперь сознаются, что с трепетом ждали его уроков русского языка, на которых «летели колы», но очень любили уроки литературы. Однажды он устроил им даже веселое представление: изображая ученицу, опаздывающую на урок, начал носиться по классу громадными шагами. На дружный хохот заглянула проходившая мимо завуч, казавшаяся нам очень строгой; но она ничего не сказала, покачала головой, улыбнувшись, и тихо закрыла дверь.

У нас, в девятом, шутки были более изысканные. Так, он однажды нарисовал на доске человечка: голова отдельно, ручки-ножки отдельно, туловище тоже отдельно, — и пояснил, что это не портрет, но художественный образ, отражающий идею (одной из учениц, девушки очень умной и прилежной, но несколько рассеянной). Тогда мы как раз изучали эстетические воззрения Чернышевского, и такие вольные пояснения к эстетике могли послужить хотя бы слабым противоядием последующему соцреализму, миновать который было, конечно, никак нельзя.

Приходилось Михаилу Викторовичу и это горе-горькое нашей литературы преподавать. Мы должны были знать не только Горького и Маяковского, но и массу произведений, удостоенных сталинской премии. Он знакомил нас с ними весьма просто: добровольцам поручалось прочесть по одному «шедевру» и затем вкратце пересказать содержание оного в классе. И никакого разбора, никакого копания. Правда, перед экзаменами он нам, кажется, продиктовал, что именно мы должны отвечать о каждом, ежели спросят. Зато сочинение о художественных достоинствах повести «Степь» мы слушали в торжественной обстановке, облачившись в белые фартуки — тогда это было признаком парадной формы.

Уроки Михаила Викторовича всегда шли по два подряд, и частенько он просил нас остаться в перемену для выполнения фонетических упражнений: мы или записывали под его диктовку слова с транскрипцией, или сами читали по карточкам разные слова. Казалось бы, скучное занятие, и переменка пропадала, а эти занятия любили! А кому-то запомнились и такие рассказанные им диковинки, как «дыр, бул, щир». Или вот раз надо было найти наиболее неприемлемое ударение в слове «комендатура». Это было уже похоже на занимательные задачки.

Ну и, конечно, он открывал для нас, в значительной степени замкнутых в школьном мирке, много нового, и вширь, и вглубь. Вширь — например, когда поощрял нас знакомиться по появившимся тогда научно-популярным книжкам с новыми открытиями в физике или когда заставлял читать и пересказывать статьи из новой тогда и интересной «Литературки». Вглубь — потому что свой предмет, литературу, он сумел раскрепостить хоть в какой-то степени от господствовавших тогда ложных догм. Одной из важных характеристик того времени была именно всепоглощающая ложь: крайне агрессивное зло тогда прикидывалось добром, а разобраться в этом одни не умели, а другие не смели. А Михаил Викторович и умел, и смел.

Часто дело было в расстановке акцентов, ориентиров. Не могу утверждать, что он тогда больше всех русских поэтов любил Пушкина, и прошли мы его еще в 8-м классе, но, обнаружив наше вопиющее невежество, Михаил Викторович целый год отрывал от других занятий по часу в неделю и рассказывал нам о Пушкине. И в этом был громадный нравственный смысл.

И дело было не в самом Пушкине, а в том, что вот ради Пушкина надо тратить столько времени, что он очень нужен и важен нам.

И было общее вживание в гармонию мира — через гармонию искусства: только так можно было нащупать брод в окружавшем нас море лжи и получить верное направление для всей нашей будущей жизни.

Спасибо Вам, Михаил Викторович!

Л. А. Шкатова
Челябинск

СЛОВО ОБ УЧИТЕЛЕ

У нас, в России, учитель — не просто тот, кто учил, учит или собирается учить; скорее, это духовный наставник, пример для подражания на всю оставшуюся жизнь. Для меня Михаил Викторович Панов — Учитель с большой буквы, человек, во многом определивший судьбу и жизненный путь.

Именно ему я обязана тем, что получила возможность учиться в аспирантуре Института русского языка АН СССР. Мне, ассистенту кафедры русского языка Челябинского государственного педагогического института, в 1964 г. было отказано в приеме с мотивировкой, странной с позиции сегодняшнего времени, но тогда вполне реальной: в академическом институте предоставляются места только для аспирантов из союзных республик. Очень хотелось работать под руководством Е. А. Земской, перед которой я благоговела, но... Поступила в аспирантуру МГПИ имени Ленина, начала заниматься. Через два месяца там встретила Елену Андреевну, которая сообщила, что у нее есть вакансия, и предложила перейти в ИРЯз. Это было очень лестное предложение, однако я боялась не подойти и попросила испытать меня. Вот так и произошла моя первая встреча с Михаилом Викторовичем, бывшим тогда заведующим сектором современного русского языка.

В институте тогда директорствовал В. В. Виноградов, в числе сотрудников были С. И. Ожегов, Д. Н. Шмелев, Т. Г. Винокур, И. С. Ильинская и другие легендарные личности. Но и среди них М. В. Панов был заметен. На его лекции буквально «ломились» студенты и аспиранты, преподаватели других вузов, и я не раз занимала заранее место в 11 аудитории МГУ, чтобы насладиться глубокой, метафоричной, вдумчивой и несколько ироничной его речью. Однако когда узнала о личной встрече, душа моя ушла в пятки: при всей кажущейся простоте и обаянии Михаила Викторовича всегда существовали ощущение величия его личности и определенная дистанция, нарушить которую представлялось кощунственным.

И вот — назначенный день. Поднимаюсь по лестнице на третий этаж института, а ноги не идут, сомнения гложут, стыдно за затеянное, состояние — хуже некуда. Спасибо Елене Андреевне: «Не трусьте, Люся, все будет как следует». Михаил Викторович уже ждал. Смотрит с прищуром,

внимательно, слегка склонив голову, с улыбкой; дав осмотреться, начинает расспрашивать: «Кто? Откуда? Почему хотите заниматься словообразованием? Есть ли материал? Научная гипотеза? Какого мнения о Ваших работах Елена Андреевна?» Спокойная, мягкая манера вести разговор, паузы на раздумья, неспешность и уважительность в тоне успокаивают. Поражает при всей обыденности беседы внутреннее ощущение академического уровня: глубоко симпатизируя «своим» в педагогических вузах, ни разу там не почувствовала того особого «духа», который царил в небольшой комнате сектора. До сих пор замирает сердце, когда вхожу в наш «храм науки» напротив теперешнего храма Христа Спасителя. Обидно разрушение первого храма на фоне роскоши второго. Возрождения России без науки не может быть, и доро́га к обоим храмам должна быть торной. Оторванность научной молодежи от академических институтов так же губительна, как «новых русских» — от почвы отечественной культуры. Все больнее осознаю, что разрыв поколений происходит там, где нет Учителей — духовных наставников, которым следуешь, которыми гордишься, перед именем которых до старости готов «преклонить колени».

«Лицом к лицу лица не увидать — большое видится на расстоянии». Действительно, время и пространство все больше разделяют нас с родным институтом, и взгляд издали помогает понять неодолимую силу влияния академической науки и ее великих представителей.

Естественность, улыбчивость, обаяние Михаила Викторовича поразили с первых минут разговора, стало легко и радостно. Однако вопрос: «Кого Вы считаете своим учителем?» — поставил в тупик: многих я считала своими учителями, но, явно, спрашивалось не о тех, кто в разное время дал мне счастье расти при их поддержке. «В. А. Звегинцев, — ответила я неожиданно для себя. — Я знакомилась по его хрестоматии со многими лингвистическими учениями. Это основа». Думаю, от меня ожидался другой ответ, но замечаний я не услышала, только слова: «Вы нам подходите».

Теперь я думаю, что мне еще долго надо было доказывать это «подхо́дите», но доверие окрыляет, и я летела на крыльях к родным, у которых тогда жила. Правда, пришлось еще пережить вступительные экзамены, конкурс, но обнадеживающее «Подходите!» давало мне силы. Несмотря на прогнозы министерских чиновников: «Куда Вы уходите, оставайтесь в педе. В академии никто вовремя не защищается», — работа над диссертацией шла довольно успешно. Этому способствовала не только требовательность моего научного руководителя Е. А. Земской, но и ответственное отношение всех «секторских» к нам, аспирантам. Мы должны были присутствовать на всех заседаниях, принимать участие в обсуждениях, в выполнении планов. А планы были грандиозными: сектор готовил монографии «Русский язык и советское общество», собирал материал, нарабатывал основные теоретические положения, скрупулезно выверял напрашивавшиеся выводы. Во главе всего этого «кипенья дел» стоял Михаил Викторович. Он был требователен и бескомпромиссен, его суждения подчас были очень жесткими, но никогда не направленными против

отдельных личностей, хотя слезы и жалобы в кулуарах не были редкостью. Нам, аспирантам, поручили развести по различным регионам СССР вопросники, подготовленные тогда юным и уже подающим надежды социолингвистом Л. П. Крысиным. Наши реципиенты отвечали на несколько сотен вопросов, а затем привезенные материалы обрабатывались на «машинах» — первых и очень громоздких ЭВМ. М. В. Панов сам просматривал вопросники, подлежавшие обработке, и приходил в состояние гнева, недоумения, раздражения от малейших признаков лености или научной недобросовестности участников опроса, но добросовестность, ответственность, «тщание» ценились очень высоко. Мы старались: мнение руководителя сектора стоило в наших глазах очень дорого, и сказать «А Михаил Викторович мне сказал...» — значило приковать к себе внимание.

Это были 60-е годы, когда активизировалась работа Орфографической комиссии, подготавливавшей новую реформу русской орфографии. М. В. Панов был заместителем В. В. Виноградова — председателя этой комиссии — и ее признанным идеологом. Я и сейчас с горечью думаю о трагическом влиянии «экстралингвистических» факторов на судьбу готовившейся реформы и ее творцов. Как и все, чего касался наш зав. сектором, это было грандиозно и неподвластно многим умам. Эти умы сопротивлялись, а облеченные властью их носители предприняли много усилий, чтобы «похоронить» революционные предложения. Особенно тяжко стало, когда неожиданно для комиссии, летом, в период отпусков, предложения по реформе орфографии, подлежавшие, по общему мнению, еще длительной обработке, были опубликованы. Маленькое здание института буквально «осадили» разгневанные москвичи и гости столицы: «Хотите испортить русский язык? Не выйдет! Все на борьбу...»

Носителем мятежного духа науки в Институте русского языка и был в ту пору Михаил Викторович. Именно он был идеологом планировавшейся реформы, ее душой и «закоперщиком». Основные положения предстоящего изменения орфографии были изложены им в книге «И все-таки она хорошая! Рассказы о русской орфографии», которую я считаю одной из лучших, если не лучшей, популярной книгой о русском языке.

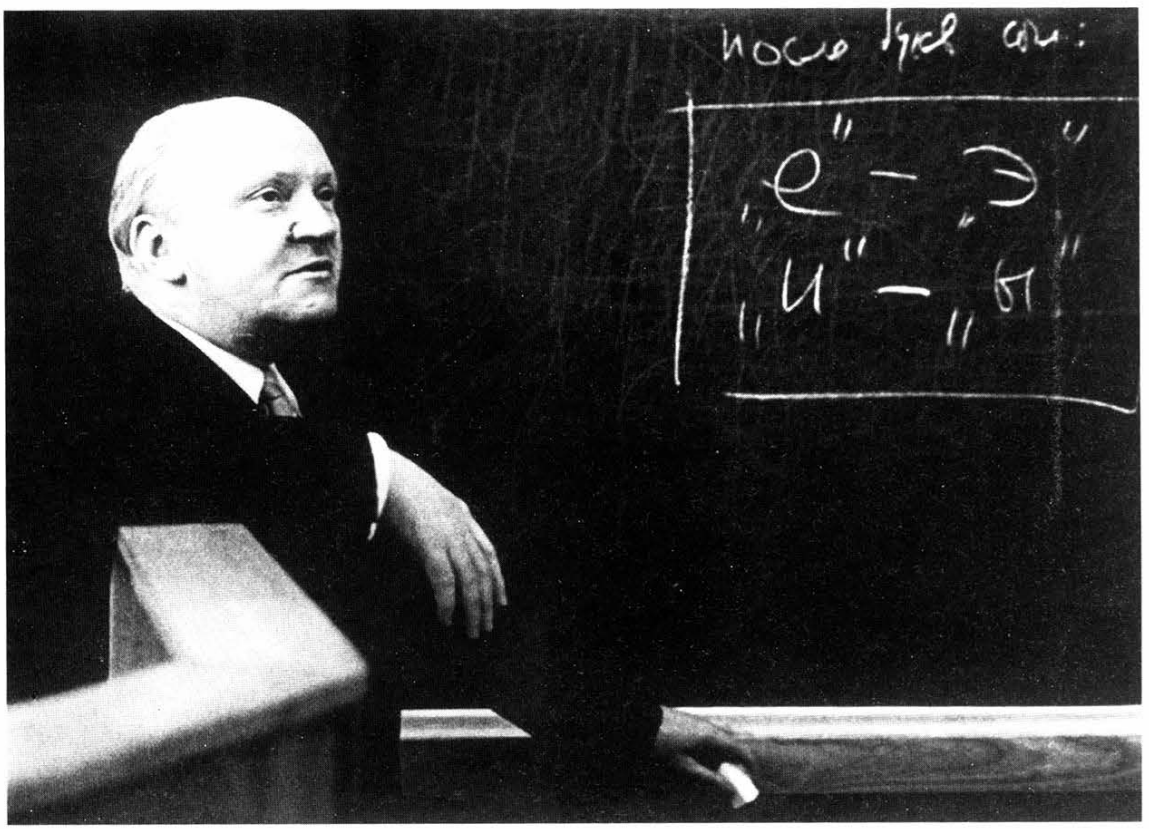
Когда я сама писала свою первую книгу для школьников, рукопись отважилась показать «самому» Панову и получила «разгромный» отзыв, который заканчивался словами: «Вы сможете». Смогла. Книга, значительно переработанная, была впоследствии издана «Просвещением».

Как зеницу ока берегу подаренную М. В. Пановым его «Фонетику» с дарственной надписью. Поражает, что все незначительные опечатки в книге тщательно выверены автором. Стыжусь, но меня на такое уважительное отношение к собственным трудам хватает далеко не всегда. Уроки, к сожалению, не все усваиваются. Но очень хотелось бы, чтобы все-таки усваивались. Тем более те, которые даются в учебниках под редакцией Михаила Викторовича: глубокие по содержанию и оригинальные по

форме преподнесения, они представляют родной язык как великолепную и интересную для изучения структуру. Такие учебники с восторгом принимаются учениками, но они не по зубам ремесленникам, которые прикрываются высоким званием «учитель». Учитель — это тот, кто всегда впереди и выше. Впереди современного общества и выше его «типичных представителей». Перед таким Учителем, как М. В. Панов, можно и нужно преклонить колени.

Фото Л. А. Капанадзе

На лекции в МГУ *Фото Л. Л. Касаткина*

Вклейка. Заказ № 1178

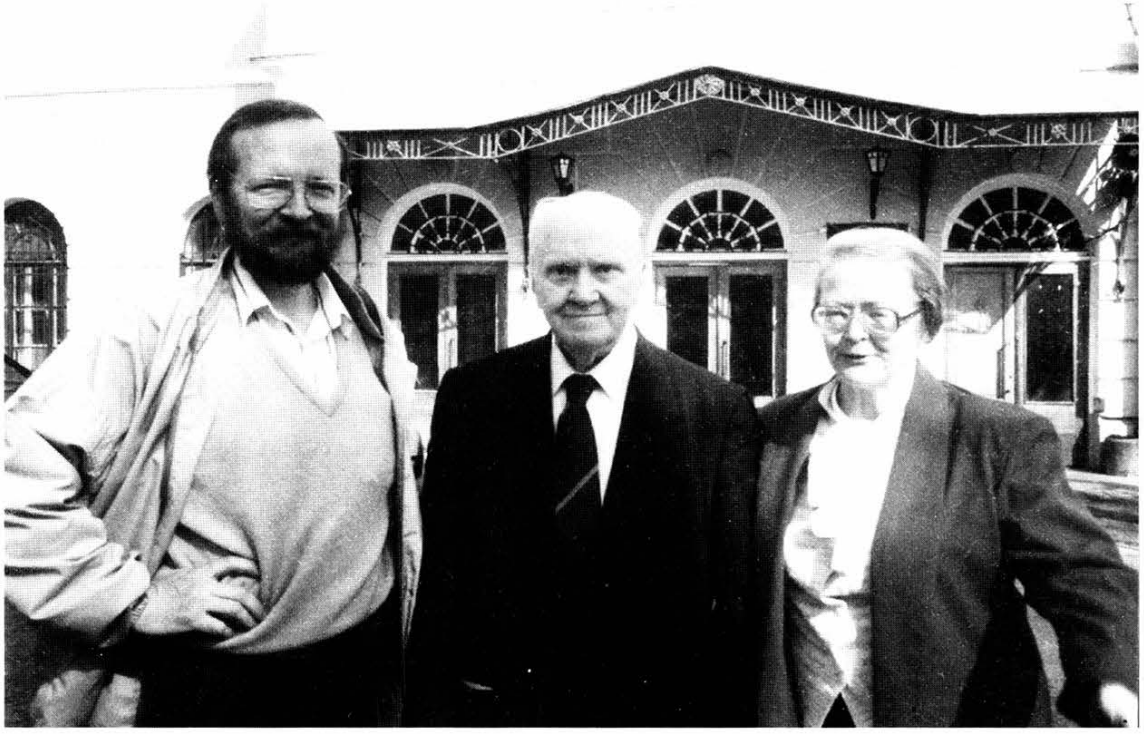

Авторы учебника для средней школы «Русский язык»
Слева направо: В. А. Ицкович, Е. В. Красильникова, Н. А. Еськова,
Н. Е. Ильина, М. В. Панов, С. М. Кузьмина, Л. Н. Булатова,
И. С. Ильинская, Е. Н. Ширяев

Фото Л. Л. Касаткина

М. В. Панов дома, 1983 г. *Фото Е. А. Земской*

Патрик Серио, М. В. Панов, Е. А. Земская
во дворе здания МПГУ (педагогического университета), апрель 1995 г.

Фото из архива Е. А. Земской

М. В. Панов с друзьями
Слева направо: Л. Л. Касаткин, Е. Н. Ширяев, М. В. Панов,
С. М. Кузьмина, Р. Ф. Касаткина

Фото Е. А. Земской

Во время беседы М. В. Панов с Е. А. Земской, октябрь 1993 г. *Фото из архива Е. А. Земской*

М. В. Панов и Е. В. Красильникова *Фото С. М. Кузьминой*

На конференции в Казани

На юбилее М. В. Панова (75 лет) в Московском государственном педагогическом университете им. М. А. Шолохова, осень 1995 г. Слева направо: М. В. Панов, Г. Н. Иванова-Лукьянова, Е. В. Красильникова, С. М. Кузьмина, Е. А. Земская, Е. И. Диброва, Л. П. Крысин

Фото из архива С. М. Кузьминой

* * *

БЕСЕДЫ С МИХАИЛОМ ВИКТОРОВИЧЕМ ПАНОВЫМ

Текст представляет собой авторизованную расшифровку магнитофонных записей двух бесед М. В. Панова с Е. А. Земской, Е. М. Сморгуновой и В. Ф. Тейдер.

Записи производились в квартире М. В. Панова. Обстановка — дружеская, непринужденная. Хозяин рад гостям, угощает их чаем. Рассказ М. В. Панова иногда переходит в общую беседу, много смеха и шуток.

При подготовке текста к публикации М. В. Панов несколько дополнил его.

Запись и компьютерный набор — В. Ф. Тейдер.

Расшифровка — М. В. Радзишевская и В. Ф. Тейдер.

Подготовка текста к печати — Е. А. Земская.

Оригинал хранится в отделе фонодокументов Научной библиотеки МГУ.

Принятые сокращения:

П. — Михаил Викторович Панов.

З. — Елена Андреевна Земская.

С. — Елена Михайловна Сморгунова.

Т. — Валентина Федоровна Тейдер.

Первая беседа — 18 апреля 2000 года

Кафедра русского языка Мосгорпединститута: Р. И. Аванесов, В. Н. Сидоров, А. И. Селищев. О А. М. Сухотине; его отношение к учению Марра, его лингвистический кружок. Знакомство с А. А. Реформатским. Его взгляды на язык («язык как отношение, а не штука»). О поступлении в аспирантуру пединститута: А. Б. Шапиро, А. А. Реформатский, П. Я. Черных, И. А. Василенко. А. А. Реформатский о Марре.

Е. А. Земская о поведении М. Н. Петерсона и В. В. Виноградова в 1948 г. («не стали каяться»). Общественная атмосфера тех лет.

Лекции А. А. Реформатского. Оппоненты по диссертации М. В. Панова — П. С. Кузнецов и А. А. Реформатский. О первых студентах. Разногласия Р. И. Аванесова и В. Н. Сидорова в связи со статьей И. Сталина. Реакция на это В. В. Виноградова. Встречи с А. А. Реформатским. Поиск синтеза Московской и Пражской школы в поздних работах Р. И. Аванесова. Отношения с В. Н. Сидоровым. О взгляде на проблему фонем. Мнение об этом А. А. Реформатского. О ситуации в лингвистике в связи с марризмом, скетч о «руке». Немного о В. Д. Дувакине, о родителях.

П.: ⟨...⟩ Я всех знакомых прошу рисовать весну.

Т.: Хорошо ⟨*смеется*⟩.

З.: Это потом. Сначала мы будем записывать.

П.: Как я познакомился с Реформатским, как я узнал Реформатского? Я учился в Московском городском педагогическом институте. Это был замечательный институт! Там заведующий кафедрой русского языка Аванесов собрал такую удивительную кафедру! На этой кафедре работали такие слоны, как сам Рубен Иванович, как Алексей Михайлович, мой дорогой Сухотин, мой первый учитель (он очень любил возиться со студентами), и другие мощные лингвистические силы: Владимир Николаевич Сидоров, Абрам Борисович Шапиро...

Аванесов был *безумно смел*. Он пригласил на кафедру двух каторжников, только что они вернулись из лагеря,—это Владимир Николаевич Сидоров и Афанасий Матвеевич Селищев. Они не могли устроиться, их временно устраивал у себя на работе Ушаков, на временной службе. И вот—Аванесов! Сейчас забыта обстановка времени. Иметь на кафедре двух политически, так сказать, «неблагонадежных» работников—это было страшно смело.

Я, значит, прославляю свой Мосгорпединститут, который очень люблю, а люблю, главным образом, кафедру русского языка, потому что кафедра литературоведения, хотя там преподавали такие ученые, как Леонид Петрович Гроссман, Аникст и другие, но это была замухрыга совершенная. О ней, о кафедре литературоведения, ничего говорить не хочу.

Значит, о лингвистах. На этой кафедре работал дорогой, замечательный, чудесный Алексей Михайлович Сухотин. Человек, который был дипломатом, он окончил какую-то высокую дипломатическую школу, еще до революции...

З.: Училище правоведения, нет?

П.: Наверное, да. Да-да. И был посланцем нашим, работал в Сербии, а потом во Франции, но вернулся в Россию и стал учеником Николая Феофановича Яковлева, который к Московской школе лингвистов имеет близкое отношение. И вот его Рубен Иванович Аванесов пригласил. До чего любил Алексей Михайлович студентов! Беседовать с ними, разговаривать, объяснять им, шутить с ними. Сижу в Исторической библиотеке, на столе у меня 4 тома Марра «Избранных работ». И рядом «Четыре фонетических романа» Алексея Крученыха—футуриста. То-оненькая книжка. Вдруг слышу над собой голос: «А я и не знал, что есть фонетические романы!» Оборачиваюсь—это Сухотин. Он в библиотеки ходил и смотрел на своих студентов—что они читают? Полистал... Крученых—не заинтересовался. Увидел у меня Марра—руками как всплеснет! «Да зачем же вы это читаете?!»

З.: Я тоже хотела сказать: «И не жалко было время тратить?»

П.: Ну, я скажу почему. Алексей Михайлович был *страшно* увлекающийся человек. И вот по программе надо было читать про Марра. Это был создатель «нового учения о языке», марксистской лингвистики. Сухотин прочел нам одну лекцию. С таким воодушевлением! С такой страстью! Как будто он сам был марристом. Но он марристом не был. Был че-

ловеком увлекающимся: вдруг его увлекла эта самая яфетидология. Но я только потом понял, что он говорил о *первом* периоде творчества Марра, когда еще наука там была, о том, что существует семья яфетических языков. Это оказалось тоже неверным, но тем не менее там все-таки это была не пустышка. Он нам *так рассказал* про Марра, что я сейчас же бросился в библиотеку и эти 4 тома выписал. И вдруг Алексей Михайлович на 180 градусов повернул: «Да не читайте вы этого путаника, у него ничего интересного нет!» У меня просто чуть ли не шок от удивления. «Пойдемте, пойдемте поговорим», — и, значит, меня утащил из читального зала. Говорит: «Вы знаете, у него же ничего нет ценного». Я слушал и поражался. Это, наверное, все-таки явление эпохи, то есть человек мог метаться от одних взглядов к другим, увлекаться одним, потом разочаровываться. Сухотин сказал: «Вот, например, он пишет, — я его пример помню до сих пор, — что все языки имеют скрещенный характер. Приводит пример: чувашское "му-зем", что означает "земля", будто бы это синтез, скрещение "му" — чувашское и "земь" — славянское. Но вы знаете, "му" в чувашском языке имеет совсем другое значение». И тут он улыбнулся своей острой, я бы сказал, русско-французской улыбкой, и сказал: «Но самое-то главное, что и слова "музем" нет» ⟨*общий смех*⟩. Он меня, значит, возвращал к истинным взглядам, говорил о том, что это совершенно вульгарно представлять все языки скрещенными, что творчество Марра нацелено против сравнительно-исторического метода. Полчаса он со мной говорил. Вот такой был Алексей Михайлович Сухотин.

Сухотин вел лингвистический кружок. У нас были всякие семинары, были всякие спецкурсы, но Алексею Михайловичу этого было мало, и он завел со студентами лингвистический кружок, где студенты делали доклады. Вернулись из диалектологической экспедиции... Аванесов каждый год устраивал для студентов диалектологическую экспедицию вместе с Институтом языкознания. Вернулись детишки, стали читать доклады. Или — какую-нибудь прочел человек книгу — доклад. Был такой увалень — Юрковский (к сожалению, после войны не вернулся), он был член нашего кружка. Вот он встал, говорит: «Алексей Михайлович, *в прошлом году* был Соссюр». Это означает, что предлагали тему по Соссюру. Алексей Михайлович — воплощенная живость, воплощенная динамика — вскочил с места, подлетел к этому Юрковскому, говорит ⟨*весело, живо, передавая манеру А. М.*⟩: «Соссюр был в прошлом году! Соссюр есть в этом году! Вообще, Соссюр — явление не сезонное!» ⟨*смеются*⟩. Вот так весело и хорошо он вел свои кружки. Так же и лекции замечательно вел.

З.: А можно спросить? Он сам умер или что-то с ним случилось?

П.: Шел на лекции и умер от разрыва сердца. Между прочим, передавал моим родителям (когда я уже был в армии), что он хочет узнать мой войсковой адрес, чтобы со мной переписываться. Это для меня очень дорого... не забыл меня.

З.: А сколько ему лет было, когда он умер?

П.: Ему было немного лет, ему было лет 45, приблизительно.

Вдруг на наше заседание кружка входит Сухотин, а с ним какой-то такой коротенький, очень солидный (сразу мы зауважали его) дядя. Под руку взял этого... Реформатского, и — отчеканивая шаг, маршируя рядом с ним — затейник Алексей Михайлович... Я говорю «затейник» — вы не думайте... он был очень строгий, очень серьезный, очень ученый человек. Боже мой! Сколько он знал! Наверное, все тюркские языки. Он окончил аспирантуру по тюркскому языкознанию у Яковлева. Так вот, отбивая шаг, говорит: «Это Ре-фор-мат-ский, это фо-не-мат-ский, он про фонему вам расскажет всё!»

З.: Разве Реформатский такой коротенький был? Я его не воспринимала как коротышку.

П.: Ну, вы от уважения его видели высоким.

З.: Нет. Может быть, по сравнению с Сухотиным?

П.: Сухотин был средне-высокого роста. По сравнению с ним Реформатский был на голову ниже. Ну так вот, значит. Я помню это чувство причащения к новой лингвистической мысли. Сухотин вначале сказал, что, «вот, есть теория фонем, ее одни любят, другие не любят». А Реформатский — один из ее создателей. И я помню до сих пор этот ход мысли Реформатского, который запомнился надолго, наверное, навсегда в жизни моей. Он рассказал нам о том, что «современное языкознание в языке видит *отношения. Не вещь, не штуку* (он так сказал), а отношения. Если я скажу: в этом языке есть звук "а", что я вам сказал? Ничего не сказал. А я должен показать, как это "а" относится к другим гласным, с какими чередуется, различитель оно слов или, может быть, это "а" — просто обычное эканье — "э-э-э-э" между высказываниями, которое ничего не означает. Это различитель слов, он входит в целую цепь превращений в языке». И вот эта мысль о том, что язык есть отношение, — на самом же деле самая главная современная мысль, идущая от Соссюра, Бодуэна де Куртенэ и Фортунатова. И он очень нам дельно рассказал об этом новом взгляде.

Это было первое знакомство с Реформатским, очень сильное впечатление. Второе было такое. Я поступил в аспирантуру. Как-нибудь вам расскажу, это очень смешной случай. Я вернулся из армии, восемь лет был учителем в школе и в аспирантуру поступил... Между прочим, кафедра мне выхлопотала, зная, что я не могу существовать на стипендию аспиранта (у меня были папа, мама, племянник, я их должен был кормить), выхлопотали для меня разрешение одновременно учительствовать и быть очным аспирантом. В Мосгорпединституте после войны.

Я вернулся с войны... Я хотя был лейтенант, но шинель у меня была солдатская, кирзовые сапоги, погоны спороты, конечно, шапка вот такая, из опилок сделанная... Пришел, стою, такой непрезентабельный, около окна, вдруг вижу — идет Абрам Борисович Шапиро, старенький-старенький... Я-то его оставил человеком средних лет! А тут он... ножками передвигает старенькими... Прошел мимо меня, поглядел, прошел еще раз, поглядел, потом подошел, ⟨*волнуясь*⟩ говорит: «Миша?» Сказал ⟨*с волнени-*

ем): «Поступайте к нам в аспирантуру. Вот будет прием — мы вас примем». Но прошло еще несколько лет, прежде чем я стал поступать. Так вот...

З.: А почему не стал сразу поступать? Они бы, может, сразу выхлопотали...

П.: Я не был подготовлен. Четыре года войны очень много, особенно в английском языке, растрясли. Хотя у меня нагрузка была очень большая в школе, но я, придя домой, каждый вечер полчаса с отцом занимался английским языком. Я понял, что если я это запущу, то — всё, я не смогу больше подготовиться.

Ну, вот, я занимался в школе. Школа тоже мне нравилась. Я с удовольствием был учителем, хотя, скорее всего, плохим ⟨...⟩

Значит, пошел, подал заявление в аспирантуру. У меня экзамен по русскому языку. Когда я уходил, мама меня благословила и спросила: «Боишься?» ⟨*Смеется.*⟩ Оцените мою наглость. Я сказал: «Мама, я буду отвечать блестяще». Я сказал это затем, чтобы успокоить ее. Ну вот. Экзамен проходил так. Иван Афанасьевич Василенко был заведующим кафедрой, чудесный человек...

З.: А куда же они дели Аванесова?

П.: Было какое-то решение, и он ушел в университет. Он там занимал ответственные места, а два ответственных места он не мог занимать. Но он еще долго преподавал. В это время он уж не был членом кафедры. Ну вот, значит, отвечаю я по древнерусскому языку, рассказываю, почему можно говорить «нет кваса» и «нет квасу», почему эти два окончания... Я сказал, что это влияние *у*-склонения на *о*-склонение. А принимает комиссия: Василенко — зав. кафедрой, Реформатский, который сразу меня приободрил своим видом, и Черных. Черных — это человек, у которого больная печень. Аспирантке Аванесова дал он внешний отзыв — раз-дробительный! Аванесов с ним говорит: «Ну, зачем же ты девочку так обидел? Ведь неплохая диссертация». — ⟨*подражая Черныху, как бы жалуясь*⟩ «Ты знаешь, Рубен, у меня такой приступ печени был». ⟨*Смеются.*⟩ Ну, погубил. На самом деле пришлось еще несколько отзывов организовать, чтобы нейтрализовать этот отзыв.

Так вот, этот самый Черных сидит. Я говорю, почему два окончания: «квасу» — «кваса». Он говорит: «А *как* это получилось?» Я ему объясняю, что два склонения, значение окончания одно и то же — родительного падежа, одно окончание влияло на другое. «А *как* это получилось?» Говорю: «Говорящие как бы решали пропорцию: скажем, если окончание в дательном падеже такое-то, а в родительном такое-то, то в другом склонении окончание дательного падежа относится к "иксу". Ну, ясно, что они этот "икс" из другого склонения взяли». — «А *как* это получилось?» Я говорю, что, поскольку значение было одинаковое, говорящие отождествили падежные формы разных склонений. Склонений было очень много. И история русского языка состоит в том, что количество склонений уменьшалось. Это был один шаг, который позволил сделать какое-то уменьше-

ние различий. — «А *как* это получилось?» ⟨*Весело*⟩ Ну, я все время выдумывал разные...объяснения, по-разному одно и то же говорил. Тут Василенко рассердился, сказал: «Ну хватит, пойдем дальше» ⟨*смеются*⟩. Я потом уже, когда поступил в аспирантуру, спрашивал Реформатского, чего он хотел... ⟨*весело*⟩ Реформатский сказал: «Не обращайте внимания — у него печень больная». ⟨*Все смеются.*⟩ Ну, я потом прочел его статью. Черных вообще-то был не маррист, но «подмарривал» немножко. Марр-то считал, что на язык непосредственно влияет экономика. Почему меняется грамматика? — Экономика, экономика. А у Черных была в этом отношении такая хвостовилятельная статейка.

З.: Слабина, так сказать.

П.: ...о том, что Русь торговала медом, а мед — это *у*-склонение и поэтому из *у*-склонения переносили на другие склонения.

З.: Социальная значимость слова «мед» способствовала влиянию...

П.: Да, вот вы правильно поняли их, Елена Андреевна. Он прямо из экономической роли выводил грамматику, что явный вульгаризм. Он требовал, чтобы я был знаком, еще только поступающий в аспирантуру, с его этой статьей. Потом я вдруг на экзамене говорю: «В Остромировой летописи, по словам Соболевского...» А Василенко: «Вы оговорились!» Я говорю: «Я тоже думал, что речь должна идти об "Остромировом евангелии", но у Соболевского написано "летопись"». — «Нет! У Соболевского этого не может быть!» Я говорю: «Я тоже удивился, но вот написано». Это проходило в кабинете русского языка. Василенко: «Ирина Матвеевна, дайте лекции Соболевского». У меня память зрительная, и я эту страницу просто зрительно всю вижу. Я ее быстро нашел, говорю: «Вот — "летопись"». У Василенко были двойные очки, низ и верх. Он так набычился через верх: «Верно. "Остромирова летопись". Но это он ошибся! Это он оговорился». Я говорю: «Я тоже думаю. И знаете, — говорю, — Иван Афанасьевич, у него еще в одном месте такая же ошибка». — «Ну ладно, ладно!». На самом деле, два раза у него вместо «Остромирово евангелие» написано «Остромирова летопись». Пошли дальше. ⟨*Смеется.*⟩ Тоже приключение, которое стоило нервов. Сказать «Остромирово евангелие», когда у Соболевского «летопись»? Вдруг еще какая-то есть и «летопись»... Так с приключениями я отвечал. У меня были уроки в этот же день, и я, не дожидаясь, уехал к себе в школу и приехал, наверное, дней через десять. Приезжаю. Ирина Матвеевна, лаборант, выбегает навстречу, говорит: «Панов, вы отвечали блестяще!» ⟨*Все смеются.*⟩ Она в комиссии слушала, знает. Мне было очень приятно, что я маму...

З.: Мама обрадовалась.

П.: ...не обманул. Значит, это была вторая моя встреча с Реформатским, когда он главным образом молчал. Но, как человек очень симпатичный и мне любезный, он действовал в плюс. *Очень* я захотел быть его аспирантом и Василенке все докучал. «Нет, нет, у вас будет руководителем Аванесов. Знаете, какой это...» Ну, я знал, что это генерал в лингвис-

тике, но тем не менее какие-то внутренние симпатии... Говорю: «Иван Афанасьевич, ну почему нельзя попросить Реформатского? Он вам отказал?» Василенко как рассердится: «Ну что вы твердите, твердите! Вы не понимаете, в каком положении Реформатский. Я его держу по секрету! на кафедре». Оказывается, вот в чем дело. Вышла в 47-м году книга Реформатского «Введение в языковедение». Там о Марре было страницы четыре или пять. Невозможно было без Марра, он в программе был, учебник бы не утвердили, если бы там не... Но твердый и неколебимый Александр Александрович сделал таким образом: «Новое учение о языке Н. Я. Марра», и дальше — сплошь цитаты. Четыре или пять страничек только... ну, какое-то введение: «Марр пишет о скрещенном характере всех языков» — цитата; «Марр говорит о распадении каждого слова на элементарные части» — цитата. Всё только цитаты. И в заключение он не сказал, что Марр марксист, что он светило, что надо делать вид, будто мы все марристы...

Организовали травлю Реформатского. Было заседание всех кафедр. И Реформатский, естественно, признавал свои ошибки, что вот он неверно указал такие-то даты, ошибся в таком-то примере и так далее. Но о Марре он не сказал ни слова. Вот где сказалось, что это был человек-кремень! Он не расхвалил его, он в пляс перед Марром не пустился. Ну, то ли все сделали вид, что не заметили, то ли на самом деле... поскольку очень плотно покаялся, — Александр Александрович, что там он дату неверно назвал, там название произведения... В общем, его отпустили. Но, как говорится, «оставили на подозрении».

И вот Иван Афанасьевич говорит: «Я не могу сказать на ученом совете, что он у меня на кафедре работает. Он по ведомости получает в бухгалтерии. А если вы будете аспирант — это ведь надо на ученом совете утверждать, и я должен буду открыто сказать, что у меня вредный Реформатский работает». Ну я в общем...

З.: Смирился, да?

П.: Не был убит, потому что Аванесова я тоже глубоко уважал.

З.: А можно я сейчас вставку сделаю или не хорошо?

Т.: Можно, конечно.

З.: Вот я хочу рассказать про своего учителя Михал Николаича Петерсона. Ведь моих учителей — это Петерсон и Виноградов — тоже прорабатывали за отношение к «Новому учению о языке». Я помню, я была девчонкой, еще студенткой, в Институте языкознания было общее какое-то собрание всего института, и их заставляли каяться. Михал Николаич Петерсон вышел и сказал: «Я всю жизнь занимался сравнительно-историческим изучением языков. Я *не буду* менять свою точку зрения и *не буду* переходить на сторону учения Марра». Прямо так, вслух...

П.: Это героизм был.

З.: Да, это было совершенно героически. Потом вышел Виноградов, которого тогда же... Я говорю, наверное, о 47-м или 48-м годе... Вышла вот эта разгромная статья «Нет, это не русский язык» в «Литературной

газете», статья Агапова и Зелинского. И его заставляли тоже каяться. Он очень остроумно и едко сказал... Он вообще отличался таким вот остроумием, остротой; и он, значит, кончил свое выступление так — процитировал Минаева, сказал в адрес Корнелия Зелинского: «Свежим воздухом дыши, / Не имей больших претензий. / Если глуп, так не пиши, / А особенно рецензий». Представляете, что было? Зал замер. Я в ужасе пошла домой. Думаю: «Ну, арестуют, арестуют». Ну, слава Богу... Вот такие были учителя! ⟨...⟩

З.: Простите, я еще одну фразу скажу. А шавками, которые лаяли вот на этих великих ученых, были Гухман и Москальская, обе германистки.

Т.: Мирра Моисеевна?

З.: Да, Мирра Моисеевна; я помню, они сидели обе в первом ряду и всячески наскакивали и выступали ⟨...⟩

П.: Я стал ходить на лекции Александра Александровича Реформатского. Это были замечательные лекции. Во-первых...в двух отношениях: расчет на аудиторию. Он читал на первом курсе введение в языковедение. Это, значит, вчерашние десятиклассники, робкие или напротив.

З.: Наглые.

П.: Наглые. И Александр Александрович все время рассчитывал на эту аудиторию, в общем наивную, незнающую. Он читает, возвышаясь на кафедре, вдруг сходит с кафедры, подходит к доске, говорит: «Я сейчас напишу неприличное». У всех у них, бедных, сердце захолонуло: «Боже мой! Как вести себя в этом случае?» И он пишет: «Люблю». ⟨*Смеются.*⟩ Это, значит, расчет на тех, кто еще недавно были детьми и считали, что это слово очень опасное. Ему слово нужно было для разбора. Он мог *целую лекцию* посвятить ответу на какую-то записку: «Эту записку я получил и понял: это написано с умом, я на нее подробно отвечу». И отвечал — всю лекцию. Он любил очень щеголять французским и английским языком. Он меня учил произносить некоторые французские слова, например enjambement — термин русского стиховедения. ⟨...⟩

Я защитил диссертацию, он был у меня *оп-по-нентом*, о чем пошутил (весьма, по-моему, неуместно) — сказал: «Вот раньше был индус Панини, а теперь русский Панов» ⟨*смеются*⟩ ⟨...⟩

Реформатский ушел, потому что глупые чинуши выдвинули такое решение, что *совместительство* у работников Академии недопустимо. Ну он остался, естественно в Академии наук, а не в Институте педагогическом. Тут я бы поблагодарил Ивана Афанасьевича Василенко. Около него бродили разные лица, всякие члены партии; между прочим, я тогда тоже был членом партии, я на фронте вступил, меня «вступили» на фронте, просто сообщили — мы вас принимаем в партию... Но там были люди более высоких научных званий, и Иван Афанасьевич им отвечал: «Лекции будет читать ... Миша». Большое ему спасибо! Первый курс был тот, на котором Светочка Кузьмина и Галя Лукьянова. Я *как* ее первый раз узнал? Сидит сто студентов, первый курс. Я рацею развел насчет того, что существительное обладает полнотой грамматического значения, а прила-

гательное — нет. В том смысле, что, если сказать «дом, зима» — ну, все понятно. Это может быть названием произведения, началом какого-то рассказа; а если я вам скажу: «светлый, но холодный» — вы поглядите на меня с удивлением — о чем это такое? Вы не можете догадаться, про что я сказал. Вдруг подымается беленькая ручка, и девчоночка говорит: «Это про наш зал!» ⟨*смеются*⟩. Света Кузьмина ⟨*весело*⟩ взяла и догадалась ⟨*смеется*⟩. Я как-то выворачивался, но я ее заметил: вот эта беленькая — это очень опасная студентка! ⟨*смеются*⟩.

С этим курсом у меня были неприятности. Какие? Сплошь отвечают отлично — там около ста или девяноста человек. Сплошь ставлю «отлично», ну не могу меньше! Дополнительные вопросы задаю... Нет, только «отлично»! Отвечает последняя студентка. Ну, думаю, нехорошо: ведь все скажут — ставит подряд, не умея отличить одно от другого, неопытный преподаватель, не способен вести экзамен. И я последней студентке — мытарил ее, мытарил — поставил четверку.

З.: А кто это была, бедная?

П.: Не запомнил. Она потом не стала лингвистом и поэтому ушла из памяти. И я все лето ее вспоминал, меня совесть мучила. А на следующий год она отвечала мне уже не по введению в языкознание, а по фонетике, отвечала на четверку с минусом. И я ей сказал: «В прошлом году вы отвечали на "пять", а я вам несправедливо поставил "четверку". В этом году вы отвечаете на четверку, а я вам несправедливо поставлю "пять"» ⟨*смеется*⟩. И вдруг она расплакалась: «Вы мне отравили все лето, потому что я так хотела "пятерку"!»

З.: Действительно, нехорошо! Мне даже сейчас стало нехорошо.

П.: Экзаменатор должен быть добрым.

З.: Да. Мой отец всегда говорил: «Ошибаться надо в сторону ученика, в пользу ученика».

П.: Когда Реформатский узнал, что я читаю введение, которое он раньше вел, он при встрече сказал: «Как хорошо, что вы все мои лекции прослушали. Теперь вы просто возьмете мои записи и будете читать». ⟨*Усмехаясь*⟩ Я подивился его наивности: как можно читать по чужим лекционным записям! И сказал, ну, комплиментарно, но и с другим значением: «Александр Александрович, так читать, как вы, я не смогу». Ну и он был очень доволен, и я был очень доволен. Но читать, конечно, по шпаргалке невозможно.

З.: А мне даже не понравилось, что он так сказал, как-то это нехорошо.

П.: Ну, это наивность. Он знал, что он очень хорошо читает лекции. И правильно знал.

Потом было *очень много встреч* с ним. Ну, например, известно, что Аванесов и Сидоров очень сильно поссорились. Эпизод был такой: 50-й год, статья Сталина по языкознанию. Все ей радовались, потому что он вернул языкознание к традиционным понятиям. Освободил от Марра. ⟨...⟩ Компаративизм, сравнительно-исторический метод — все это было

восстановлено в правах. И лингвисты, действительно, *ликовали*. И при этом Владимир Николаевич (как человек все-таки не может привыкнуть к тому, что ему надо говорить по писаному), он сказал: вот Сталин сказал, что в основе русского языка лежит... Какой [диалект] он там сказал?

З.: Орловско-курское ...

П.: Орловско-курское наречие. Это надо понимать расширительно, сказал Сидоров: это надо понимать как южнорусское наречие, которое, конечно, играло очень большую роль наряду с северным в формировании языка. Выходило, дезавуировал Сталина. Это надо было обойти молчанием. Вдруг Аванесов выступает: «Владимир Николаевич думает, что Сталин ошибся...» Как можно было сказать, будто Сидоров считает, что Сталин ошибся. Жуковская все время кричала, что Аванесов хотел погубить более талантливого современника. Нет, Аванесов был не такой. Просто он был ученый-недотепа. Вот я сам ученый-недотепа, могу что-нибудь ляпнуть, и для ученого это обычно, и он ляпнул. Ничего вредного не хотел. Владимир Николаевич сидел, просто дрожал от гнева. Но тут очень мудро выступил ваш учитель ⟨*обращаясь к З.*⟩, Виктор Владимирович Виноградов. Он сказал: «Смотрите, какая новость — возродилась *дискуссия лингвистическая*! Мы все *верны* учению товарища Сталина, но в пределах этого учения — какой *простор* для мысли! Вот выступает Сидоров, строго следуя работам Сталина. Ведь ***так***, Рубен Иванович?» Рубен Иванович, конечно: «Да, да, да, так». Снял, значит, напряжение. «И выступает потом Аванесов! Против Сидорова! У них *разные* мнения, но в *одинаковой степени* они выступают в защиту, — не в защиту, он сказал, — в духе учения Сталина». Ну, миновало! Сидоров сказал: «Я был в лагере, и я не хочу еще раз туда попасть». После этого Сидоров ушел из сектора Аванесова, и с ним перестал разговаривать.

Прихожу я в университет по каким-то делам, наверное, к Аванесову. На диванчике сидят Реформатский и Сидоров. Подхожу, здороваюсь с Реформатским. Сидоров встает и уходит. Как заорет Реформатский! Вообще-то он был не «оральный» — в смысле *óра*. Реформатский: «Во-ло-дя! Миша же ни в чем не виноват! Ну нельзя же...» Сидоров повернулся разом вот так, на 180 градусов, подал мне сухо руку, сухо пожал и сейчас же все-таки ушел. Значит, Реформатский все-таки обо мне заботился и не хотел, чтобы Сидоров видел во мне врага. Мы после этого здоровались с Сидоровым, конечно, но очень он холодно, и в разговор он не вступал со мной. В 56-м году Аванесов выпустил книгу «Фонетика современного русского литературного языка», где дал иное понимание теории фонем. Московская школа раскололась: одни пошли за *новым* Аванесовым, другие — за старым Аванесовым—Сидоровым. Аванесов мне объяснял мотивы своего пересмотра фонологической позиции. Понимаю, он хотел найти *синтез* Московской и Пражской школ. Но я сказал Рубену Ивановичу, что не могу с его новыми взглядами согласиться.

Я не скрывал, что я не сторонник новых взглядов Аванесова, тем более что появились *фанатичные* сторонники его новых теорий.

З.: Интересно, кто... Я не фонетист.

П.: Нет, Елена Андреевна и фонетист, об этом говорят ее книги, но это... не главная ее симпатия — фонетика. Она ⟨*весело*⟩ извозом занимается в фонетике. Это у нее побочная профессия.

З.: А также из любви к друзьям, так скажу.

П.: Все наши друзья — они все сидоровцы.

Вдруг ко мне подходит ⟨*весело*⟩ Сидоров и говорит: «Я слышал, вы тоже не согласны с новыми аванесовскими теориями?» Ну и стал уже говорить со мной не враждебно. И после этого пригласил меня в гости, и я очень часто к нему ходил в гости. Но я сам тоже еретик. Я написал в 67 году «Русскую фонетику», где взгляды «москвичей» и «пражцев» пытался синтезировать, но по-другому, чем Аванесов — Пражскую и Московскую (сидоровскую) школу. Не путем *внедрения* одного взгляда в другой, а наоборот, доказывая, что это две совершенно разные сто́роны языка, стороны́ языка — вот, видите, попало неправильное ударение в запись.

З.: Это называется — учение о парадигмо-фонемах и синтагмофонемах. Это я пояснение даю для того, кто будет потом слушать.

П.: Но эта теория помогла сохранить в учении о парадигмо-фонемах целиком сидоровское понимание. Получилось так, что эти две теории — это две половинки разборного яйца. Можно яичко одно открыть — верх и низ, значит. Но Реформатскому это *очень не понравилось*! Он об этом писал даже в отзыве на мою книгу. И он мне прислал открытку: «Некрасивые теории не бывают верными». Есть такое обывательское, вы знаете, высказывание, что красивые женщины не бывают верными, а он переделал: «Некрасивые теории не бывают верными» ⟨*смеются*⟩.

З.: Но, может быть, это он переделал математиков, которые считают, что красота теории есть доказательство ее верности?

П.: Да, да. Но я с ним согласился, что громоздко получилось, некрасиво. Но он-то звал к взглядам классическим. Но я решил, что можно идти и вперед, т. е. доказать, что эти же отношения свойственны морфологии, а в таком случае это будет уже не громоздко, поскольку пронизывает весь язык. Ну и вот написал свою книгу «Позиционная теория морфологии» — 1999 год ⟨...⟩

Если говорить о том, какова была обстановка в связи с марризмом, то я вспоминаю такой случай с одним неприличным, но допустимым словом. Это мне рассказывали. Я-то не был свидетелем, но рассказывали. Это еще до войны, Аванесов — зав. кафедрой, но марристы наступают уже изо всех сил. С кафедры марксизма-ленинизма пришла делегация на кафедру русского языка. И во главе ее — какая-то *ехидная толстая*, вот такая бочка в шелковом платье, которое обнимает ее эти жирные складки, и все на ней трясется очень неприятно, и язык у нее, и интонация у нее ехидная. Она обращается к Рубену Ивановичу ⟨*подражая, гнусавя*⟩: «Рубен Иванович, вы не можете отрицать, что Марр — это новая эпоха в языкознании, что студенты должны получить *очень серьезные* сведения об уче-

нии Марра. Ведь Марр учил о том, о сем...» Начинает нелепо излагать его учение. Аванесов сидит, ногу положил на ногу и все время нервно ею покачивает: видно, что ему невмочь ⟨*смеясь*⟩.

Вдруг звонок позвонил. Аванесов вскакивает и говорит: «Простите, мне на лекцию». Остались без Аванесова. Эта самая особа обращается теперь, как к самому солидному, к Реформатскому: «Вот ведь Марр учил такому очень важному для нашего марксистского мировоззрения пониманию языка, что все слова русского языка произошли от слова "рука"». Но она переврала. Как Поливанов остроумно сказал: «"У Марра все в языке протекает в сумерках доистории". Это в доистории Марр считал, что все слова произошли от слова "рука". Не от русского слова "рука", а от какого-то там SAL-BEN-ROШ'а. А эта "путаница" думает, что все слова в русском языке произошли от слова "рука"». Тут Реформатский ⟨*весело*⟩ делает крайнее удивление на лице и говорит: «Как? Все?» — «Да! Вот вы, профессор, и не знаете, что все слова русского языка — от слова "рука"!» Реформатский, вытянув руки: «Неужели — и "жопа"?!» ⟨*Смеются*⟩ Ну, тут другие ее со.., — ⟨*весело*⟩ хотел сказать «сохлебники» — сокафедральники стали быстро прощаться и ушли. Пошел слух о том, как Реформатский срезал эту самую тетушку ⟨...⟩

⟨*После небольшого перерыва речь идет о беседе В. Дувакина с А. Реформатским.*⟩

П.: Это Дувакин записал?

Т.: Да.

П.: А кто с ним говорил?

Т.: Реформатский с Дувакиным разговаривают.

П.: Александр Александрович Реформатский? О-о-о! Как это ценно! Дувакин — это блестящий все-таки деятель культуры. Я был очень, можно даже сказать, расстроен, когда узнал, что он выступал на процессе Синявского, и его поэтому больше не допускали к преподаванию. А теперь вижу, что он сумел из своего остракизма сделать полезное дело очень.

Т.: 15 лет он занимался этим. А здесь — фрагмент. Александр Александрович рассказывает о вас, как вы слушали эти лекции.

З.: Когда мы будем пить чай, может быть, послушаем?

⟨*Фотографируются, перерыв в записи.*⟩

П.: Есть поэт Левитанский (умер он, к сожалению. Талантливый поэт)... У него есть стихотворение «Маугли», и он говорит: «Почему я всему верил? Я был Маугли. Вокруг меня было окружение — это пантера Багира, медведь Балу и все прочее...» То есть он был окружен определенными лицами. Так вот скажу: я не был Маугли, я был окружен людьми... Не только мои родители, но и их знакомые... У меня был папа очень верующий. Мама тоже была верующей, но свободомыслящей. Мой отец был не только гостеприимным, но, как он сам говорил, *гостелюбивым* человеком. И у него часто были гости. Он был офицером царской армии, которая с немцами воевала, с 14-го года.

Т.: Как его звали?

П.: Виктор Васильевич. Вот он ⟨*показывает фотографию*⟩, Виктор Васильевич. Но это он в старости, а с немцами он воевал молодым и, придя с войны, значит, ⟨*весело*⟩... сделал меня.

Т.: А мама кто была?

⟨...⟩

П.: Мама была художницей. Она училась в Строгановском институте, но полюбила отца (а отец был военным), и отец ее увез, не дал окончить Строгановский институт. Но она была профессиональным художником. В голодное время, в 18—19-х годах, она зарабатывала тем, что продавала новым господам разные украшения: металлопластику там и всякую прочую вещь... роспись по фарфору...

Т.: Как ее звали, Михаил Викторович?

П.: Вера Алексеевна. Я вам сегодня подарю книжку стихов. Я стих пишу, написал и издал книжку. Вот там есть стихи, посвященные Вере Алексеевне Хорошковой, это моя мама. Я там написал в книжке «Хорошковой», чтобы не повторять свою фамилию. А она была Панова, по фамилии отца. Она была очень для своей среды *неординарным* человеком. Когда она дала согласие на замужество моему отцу, она сказала: «В церковь ходить не буду. Не принуждай». А отец был *страшно религиозен*, и это ему было очень тяжело, но любил больше... Его семья (там были просто фанатики) не пожелала дать благословение, и я свою бабушку вот с этой стороны, отцовской, просто не знал, она не приезжала. А другую бабушку, со стороны мамы, очень любил.

Вот, видите, какая самостоятельность поведения, необычная для ее среды. А среда у нее такая. Отец ее был специалист по текстилю, крупный очень специалист. Его по контракту нанимали разные фабриканты. Он на Запад ездил, закупал партии текстиля.

Так вот, я не был Маугли, потому что я все время... Потом отец и в Красной Армии служил. Он был ранен в 16-м году, вернулся из госпиталя — вокруг советская власть, и наступают опять немцы. Брестский мир сорвался. Он пошел в Красную Армию. У него там еще были сослуживцы... Так что я был окружен очень разными папиными гостями. Один, по фамилии Полковников, как придет: «Эти сволочи коммунисты, эти негодяи большевики...» Папа говорит: «Ну, потише, это коммунальная квартира». ⟨*Смеется*⟩ У него фамилия была Полковников, и детская несмышленость — никак не мог понять... Я говорю: «Папа, ведь сейчас же нет полковников». Он говорит ⟨*весело*⟩: «Да он и не был никогда полковником, у него фамилия такая». Приходили и сослуживцы по Красной Армии. Вы думаете, они очень довольны были Красной Армией? Они все недовольны, красные недостаточно оценили, они тоже о советской власти ⟨*усмехаясь*⟩ недоброжелательно отзывались. ⟨...⟩

Т.: Семья в Москве жила, наверное, всегда?

П.: Да.

Т.: А были братья и сестры?

П.: Брат один умер... Он на войне погиб. Есть племянник, его сын.

Т.: Давайте, мы еще раз придем и запишем семейную историю ⟨...⟩

З.: Мишенька! Ты блестяще рассказал! Почти так, как сдал экзамен.

Т.: Когда поступали в аспирантуру.

З.: А мы не вели себя как Черных. Я думаю, что он был просто злой человек.

Т.: У него, наверное, был просто приступ очередной.

П.: У него на самом деле печень была ... не в порядке.

З.: Я его знала не как учителя, но немного. Но все считали, что он просто желчный и злой. ⟨...⟩ Я тоже целый год вместе со студентами первого курса слушала курс фонетики Михаила Викторовича Панова! Очень аккуратно, я не пропустила ни одной лекции!

П.: А мне было очень приятно, когда видел вас на лекции.

З.: Я записывала. Я целый курс фонетики прослушала. ⟨...⟩ Я не считаю себя при этом ученицей Михал Викторовича, ни в коей мере! Но я слушала фонетику, потому что я не фонетист, еще раз говорю. Мои учителя тоже не были фонетистами! И мне хотелось узнать, во-первых, как читает Михал Викторович, а во-вторых, просто прослушать курс фонетики хороший.

П.: Черныха спрашивали — он ведь он был на кафедре, где было большинство Московской лингвистической школы, и он отвечал: «Я их ценю, но они, — он вспомнил Козьму Пруткова, — подобны всем специалистам, полнота их одностороння, полнота их, как у флюса, одностороння».

З.: Мой учитель, Виноградов, отнюдь не был фонетистом, хотя у него есть блестящая работа «История звука "ять"». А Михал Николаич Петерсон, тоже мой учитель, я у него училась санскриту, он занимался синтаксисом, и он тоже не был фонетистом. Так что фонетика как бы никогда не была для меня... Михал Викторовича я слушала в 70-м году. Да-да! Когда построили новое здание университета, гуманитарное.

Т.: До сих пор на филфаке ходят легенды о лекциях Михаила Викторовича...

З.: Представляете, огромная 9-я аудитория, она была полна. Надо было занимать место!

Т.: Все сбегались слушать. Жалко, надо бы разыскать эти записи...

П.: Как-нибудь, когда вы еще будете меня записывать, надо будет записать одну шутку Реформатского. Вообще прямо о Щербе он не писал. Фонология Щербы — это, попросту говоря, фонетика. Фонема — это звуковой тип, но ведь все фонетисты изучают звуковой тип, а не то, что вот — звук один, который во столько-то часов, столько-то секунд сказал такой-то человек. Конечно, тип изучают звуковой! И когда Щерба говорит, что фонема — звуковой тип, — это фонетика, а не фонология. Реформатский с ним в спор не вступал, т. е. не говорил, что его работы не настоящая фонология, но любил шутить: «Существует у-ЩЕРБная фонология ⟨*смеются*⟩, когда за фонему принимается звук».

Вторая беседа — 25 апреля 2000 года

О родителях. О раскулачивании. Процесс промпартии. Журнал «Ёж». Учение в школе. В Мосгорпеде. А. Б. Шапиро и доклад о творительном падеже. Отец — переводчик. Семинар Н. П. Сидорова. Об ОПОЯЗе. Д. Н. Ушаков.

Артиллерийское училище. Армия и война. Учитель в школе. Преподавание в Мосгорпеде. Об экзаменаторах: Р. И. Аванесов, А. А. Реформатский. Статья Сидорова и Ильинской о правописании. Язык — «не штука, а отношение». О фонеме. И. С. Ильинская навещает Н. П. Сидорова. О П. С. Кузнецове.

Обиды жизни. Смерть Маяковского. Театр В. Э. Мейерхольда. Покупаем пятитомник В. Хлебникова. О театрах — Камерном, Мейерхольда, МХАТе. Радуга.

Работа в ИРЯ. О В. В. Виноградове. Орфографическая реформа 1964 г. Московская теория фонем. Конфликт с В. В. Виноградовым. Засилье марризма. В. В. Виноградов-литературовед.

Собирание частушек летом. Журнал «Ёж». Любимые поэты. О сущности искусства. ОПОЯЗ и структурализм. Отношения с К. И. Чуковским. Общая мысль лингвистических работ. Педология. М. В. Панов не одинок.

П.: Мой отец был профессиональным военным. Он вольноопределяющимся участвовал в войне против Японии. Видите, какая даль — начало века. Вернулся в 906-м году, увидел маму, полюбил, сделал ей предложение, получил согласие. Но оцените необычность для той среды — ответ моей мамы. Она тоже его полюбила, но сказала: «В церковь ходить не буду. Не принуждай». Это были православные обычные московские семьи — и отца, и матери, но вот она проявила свой самостоятельный характер — «не принуждай!». Но семья отца... там, наверное, что-то было вроде фанатиков. Они представляли собой фанатическую какую-то религиозность. Они не дали ему благословения, и я не знал семью отца. Они не приезжали, они и не пожелали знакомиться с ней.

З.: Из-за того, что мама так сказала?

П.: Да. Из-за того, что она не ходила в церковь.

С.: И не было венчания?

З.: Нет, венчание было. (*Панову*) Они венчались?

П.: Ну, конечно!

З.: Конечно, венчались, что вы, Лена! Тогда просто... *Часто* не ходила... Я это знаю.

П.: Венчались. Они оба были религиозные люди. Я очень любил свою бабушку, но только одну, со стороны матери.

30-й год. Раскулачивание. Папа на лето снимал комнату в подмосковном селе, оно около Звенигорода, Игнатьево. Мы на лето выезжали вроде как бы на дачу. Это была не дача, а что-то вроде временного такого пристанища. Раскулачивание в деревне идет. Хозяин дома пришел вечером страшно довольный, притащил полушубок — это они делили имущество кулаков. Мама спросила сына хозяина, уже взрослого парня: «А тебе

не жалко кулаков?» — «Нет, — сказал он, — у нас в Подмосковье очень мало земли на человека, а теперь будет больше».

Кулаков сейчас же арестовали. Они в товарном поезде, который стоит на каких-то запасных путях — там, около этой деревни, железная дорога. Стоят день, стоят другой. Им дают воду, больше ничего не дают. С продуктами везде было уже очень плохо, но папа что-то набрал, хлеб там и что было, и пошел к этому поезду с корзиной. Нет-нет-нет-нет его. Стало смеркаться. Мама места себе не находит. Наконец, уже в сумерках, он вернулся, говорит: «Невозможно подойти. Окружено кордоном солдат на расстоянии нескольких метров от вагонов, так что не добросишь, да и двери закрыты. Видно, что... — там в товарных вагонах маленькие окошки, — ⟨*с волнением*⟩ видно, что детей к окнам подносят». Еще сутки стоял поезд. Прошли сутки, потом сказали: «Поезд ушел». Перед отъездом мимо поезда прошел грузовик, двери вагонов открывали, и ⟨*волнуясь*⟩ мертвых детишек выбрасывали. Впечатления детства.

Из этого видно, что наша семья была не ортодоксальная. Она не была антисоветская. Например, построили Днепрогэс, ну мы радовались, что электричество будет в селах. А я был уже ⟨*весело*⟩ конструктивист, и я все расхваливал эту дугу плотины: действительно — красотища! Ее строил архитектор Александр Веснин, конструктивист, лефовец. Туксиб провели — Туркестано-Сибирскую железную дорогу, опять — очень положительно оценили. Но с другой стороны — не ортодоксальная была семья.

Промпартия — процесс. Промпартия, или, может быть, был какой-то менее известный процесс, я вот уже не помню о нем. Сообщение в газетах о том, что один заключенный во время следствия умер. Фамилия его стоит у меня в памяти — Александров; детская память цепкая, но, может быть, я перепутал. Александров умер, остальные обвиняемые признали себя виновными. Папа был дальнозорким в этом отношении и сказал: «Одного замучили, другие поспешили признаться». Я ему говорил: «Ну, что ты. У нас этого быть не может».

Марк Захаров, руководитель Ленкома, говорит: «Вот сейчас все пишут о Павлике Морозове, все порицают, а *что* бы вы сказали 40 лет назад?» Я отвечаю: «То же самое, что сейчас: что это подлец, что доносить на отца нельзя, тем более что отец не убивал же!» Формулировки менялись: вначале — его вина в том, что давал послабления кулакам сосланным, потом поняли, что эти слова не звучат, усилили: «брал, давал льготы за взятки». Потом поняли — какие взятки у сосланных кулаков? Значит — «готовил заговор против Советской власти». В северной деревнюшке — какой заговор против Советской власти? Ясно, что это все ложь.

Вся жизнь моя была полосатая: светлая полоса, темная полоса. Детство — это с мамой. С отцом. Невероятная светлизна! Оно все залито солнцем. Я вспоминаю: на пригорке с мамой сидим, вокруг — цветы! Мама себе венок плетет, а я бегаю вокруг и дружу с этими букашками и цветами. А папа был *ходун* по лесу, и мы в такие дебри забирались!

Да! А я забыл сказать о журнале «Ёж»! Солнцем моего детства был журнал «Ёж». Папа выписал его. Это журнал необыкновенный! Я вот жалею, что я его то раздарил, то он просто пропал, сейчас только несколько номеров осталось. Это журнал, в котором, в каждом номере участвовали Хармс, Олейников, Маршак, Чуковский, Бианки, Евгений Шварц, Лидия Чуковская. Ну, я мог бы еще продолжать и продолжать. Замечательные писатели! И я упивался этим журналом. А в следующем году мне папа опять выписал. В 29-м году редактором был Олейников. Это был журнал обэриутов. Ну, я такого слова, естественно, не знал, но я наслаждался стихами и прозой *игровой*. Это была сплошная игра. Это было одно из «счастьев». Вот мое детство.

Дальше пошла полоса черная. Это — школа на улице Мархлевского. Там очень много было детей энкаведэшников, они были заносчивы и вызывающе неприятны. Сейчас ученики богатенькие приезжают на машинах, а тогда была не машина, а велосипед. И вот эти привилегированные дети чиновников приезжали на «велике», и учителя подхалимски шутили: «Если не выполнишь еще раз задание, скажу отцу, чтобы отобрал велосипед». Моя семья была, я бы сказал, ниже среднего по материальному положению. Чиновничество стремилось потрафить этим детям чекистов. Но были замечательные учителя. Вот я до сих пор помню — Надежда Александровна Шершнева. Один эпизод я могу рассказать, но так как Надежда Александровна Шершнева не знаменитая, то, может быть, вы будете беречь пленку?

Т.: Нет-нет-нет.

П.: Надежда Александровна Шершнева. Она нам преподавала литературу та́к, что ее можно любить. Тогда господствовала в истории школа Покровского. И надо было преподавать ученикам русскую историю, и в том числе русскую литературу, по академику Покровскому. Через некоторое время он был разоблачен, пошла борьба со школой Покровского. А тогда была борьба *за* школу Покровского. Это — вульгарная социология. И вот Надежда Александровна нам рассказала о декабризме в духе школы Покровского ⟨*монотонно, бесстрастно*⟩: «В начале века цены на хлеб в Западной Европе очень сильно поднялись. У дворянства было стремление продавать много хлеба за границу. Они поняли, что крепостное хозяйство не выгодно, они стали сторонниками освобождения крестьянства. Поэтому возникли декабристские общества. Одни более радикальные, другие менее радикальные. Северное и Южное. Но к 25-му году цены на хлеб на Западе упали. Освобождать крестьян было уже невыгодно, поэтому декабристское восстание потерпело поражение. Дворяне его не поддержали». И вот она, я бы сказал, ровным безэмоциональным голосом это все рассказала. На следующем уроке мальчишечка, очевидно из сообразительных, иронически и даже кривляясь, рассказал вот всю эту историю. И она ему сказала: «Я вам все это рассказала *серьезно*, и ты мне рассказывай *серьезно*». Она не хотела, чтобы пошел какой-то слух, что она издевается над взглядами Покровского... но — какое педагогическое мастерство! Она не сказала ни слова о том, что для нее это неприемлемо, но по особой отрешенности тона, по безэмоциональности ее рассказа мы по-

няли, что это ей не близко. Ученики схватили эту «неблизость», но, кроме того, и сами были не такие уж глупые и поняли, что, кроме ⟨*смеясь*⟩ цен на хлеб, для культуры важны еще и другие соображения. Я хочу сказать о том, что были хорошие учителя... Ведь это высокое мастерство: показать тоном своего рассказа, что ей он по мысли чужд! Что для нее Пушкин — вовсе не «среднепоместный капитализирующийся землевладелец». Вот. Это все про школу. Школа — это темное пятно. Она на Лубянке помещалась, и там было много детей чекистов.

С.: Вы знаете, что там учился Якобсон?

П.: Но он в другое время учился, когда чекистов еще не было.

С.: Раньше. Еще раньше, да.

П.: А потом мой замечательный Мосгорпединститут! Это все залито солнцем. Это опять я на солнечной цветочной лужайке. Только на другой. Были *такие* лекции, что с отчаянием думаешь: «Вот сейчас кончится! Сейчас кончится!» Лекции Николая Павловича Сидорова, это отец Владимира Николаевича. Когда он к концу года не уложился в сроки, то ему дали дополнительно *целый день лекций!* И шесть часов он дочитывал курс. Он был очень старенький, ка́к он вынес такую нагрузку — шесть часов! Как он шесть часов вынес! Скажете: как студенты вынесли? Был *за-ахва-тывающий* интерес! Сидели как немые эти шесть часов. Это было высокое эстетическое наслаждение. Много было очень хороших лекторов, но я два курса слушал так, что это было *высочайшее эстетическое наслаждение*. Эти два курса... где-то рядом с Чеховым, рядом с... — хотел сказать — с Тютчевым, но немножко себя сдерживаю.

З.: А кто второй?

П.: Второй был Александр Александрович Реформатский! Спрашивают, почему я слушал весь его курс? И думают, что из каких-то корыстных целей. Нет! Моя цель была *на-сла-жден-чес-тво!* Слушать его лекции — это сидишь и упиваешься именно *искусством*, и думаешь: «А вот время-то уже к концу, к сожалению, снова еще только через неделю будет».

Нас очень сильно опекали в самом хорошем смысле слова. Вот хочу сказать об этих опекунах. Два случая. Их было очень много, но я о двух. Подходит ко мне на перемене Абрам Борисович Шапиро. Надо сказать, что я со второго курса получал Сталинскую стипендию. И выдвинула меня на Сталинскую стипендию кафедра русского языка. На кафедре русского языка меня знали. А почему? Потому что я в студенческом журнале (издавался на машинке) напечатал статью — «Ритм прозы». Это любимая моя тема в течение всей жизни. И когда через два десятилетия у меня появилась первая аспирантка Галенька Иванова (тогда она была Лукьянова), я ей дал с замиранием сердца, потому что сам хотел написать, тему «Ритм прозы». И она блестяще написала диссертацию. Когда я напечатал свой «Ритм прозы», то Алексей Михайлович поместил в стенгазете рецензию на этот журнал и на мою статью и про меня написал так (отчасти ничего, отчасти обидно): «Панов умеет думать ⟨*смеясь*⟩, но не умеет доказы-

вать свою мысль». ⟨*Смеются*⟩ Когда Галя Лукьянова написала свою диссертацию, то она написала лучше, потому что она умела и думать, и доказывать свою мысль. А потом я делал всякие доклады и на семинарах и на лингвистическом кружке, например «Слоговые согласные в русском языке» — на первом курсе. Можно сказать Пет Петрович, а можно Пет^{ъ}р — со слоговым «р». И стих это показывает своим ритмом. Я русскую-то поэзию уже почитал и знал много... выписал много всяких случаев. У меня — об этом доклад. Другой доклад, это уж, наверное, на втором, может быть на третьем курсе — «Зубные согласные перед мягкими губными в русской поэзии». Это вот какая тема — Пастернак:

Ты в ветре, веткой пробующем,
Не время ль птицам петь,
Намокшая воробышком (*произносит «воробушком»*),
Сиреневая ветвь! (*ветьфь*)

Конечно, рифма: *петь—ветьфь*. Ушаковское произношение: все зубные смягчаются перед мягкими губными — *-тьвь, -тьфь*. И вот этих я случаев тоже набрал. Ну, в общем, я делал всякие доклады фонетические.

Подходит ко мне Абрам Борисович Шапиро. Шапиро — такой человек: это английский джентльмен. Тщательно отглаженный костюм, не только на брюках складка, но на рукавах складка! Строго выдержан стиль всей одежды. Жесты крайне экономные, сдержанные. В общем, представитель высочайших каких-то слоев интеллигенции. Подходит ко мне и говорит: «Вот вышла книга, второй выпуск большой толстой книги Виктора Владимировича Виноградова "Современный русский язык"». Это та книга, которую он потом переработал в свою знаменитую книгу «Русский язык» 47 года. А я рассказываю о 38-м годе. «Замечательная статья о значениях творительного падежа. Это тончайшая классификация оттенков значения. Вы сделаете (в какой категорической форме! Не "хорошо бы сделали", а "вы сделаете"!) доклад по этой части книги». Оцените мое самодовольство не похвальное: я сказал: «Не-ет, Абрам Борисович! Я про творительный падеж не буду делать доклад! Я фонетист!» ⟨*Смеются*⟩ И он сказал *со сталью* в голосе: «Именно потому, что вы фонетист, вы сделаете доклад о творительном падеже!» ⟨*Весело*⟩ Делать нечего! Я вот сказал: я получал Сталинскую премию и считал себя обязанным слушаться старших. Между прочим, эта Сталинская премия была страшно большая! И мне было стыдно, что я приношу в дом больше, чем зарабатывает отец.

Отец был... — это потом, я перескакиваю, это перед тем, что я сейчас сказал. Отец был в армии, но в 25-м году ему сказали: «Панов! Ты поступай в партию, хоть ты и был офицером, но мы тебе дадим хорошие характеристики». Он сказал: «Не могу». — «Как так не можешь! С нашими характеристиками легко поступишь!» Он сказал: «Не могу, я верующий». — «О-о, это мы тебе все разъясним!» Он говорит: «Ну, как вы мне разъясните? Не могу». — «Тогда надо уходить». И в 25-м году отец ушел из армии и работал по разным местам, в том числе инженером-электри-

ком. А потом нашел для себя работу в Бюро технического перевода при Наркомтяжпроме. Он хорошо очень знал немецкий и французский язык. У него были способности к языкам. Нет, французский он как раз плохо знал. Немецкий и английский язык! И вот очень часто — проснешься мальчишкой и вижу: папа сидит ночь — значит, попался трудный перевод, и он не смог нужное количество страниц перевести. Это был трудный хлеб. А я-то жил танцуючи и получал больше. Стыдно было очень!

Ну вот, пришлось мне делать доклад ⟨*весело*⟩ про творительный падеж. Страшно был обижен и бесчувственно тараторил текст по книге Виноградова: *та*-та-*та*-та, та-та-та-та, та-*та*, та-*та*, *та*-*та*-*та*. Вот так примерно ⟨*механически, безо всякого выражения и без пауз*⟩: «Творительный падеж имеет значение образа действия: *Еще в полях белеет снег, А воды уж весной шумят...*» Тут всполошился Сухотин (наверное, это был скорее кружок, чем семинар): «Постойте, постойте! Почему "образа действия"? А воды уж *весной* шумят! — *Когда?*» Я стал в тупик. ⟨*Смеются*⟩ Я хотел сказать: «Так у Виноградова написано», но, спасибо, вовремя спохватился — уж очень глупо вышло бы. Запнулся. И тут мне на помощь поспешил Абрам Борисович. Говорит ⟨*подражая А. Б., деликатно*⟩: «Алексей Михайлович, а вы послушайте, послушайте:

«Еще в полях *белеет снег*,

— и он тут развел руками и стал вглядываться в этот снег, —

А воды уж *вес-но-ой шумят!*»

Ну, тут я понял ⟨*весело*⟩, что — *снег*, *зима* — и *весной* — это обстоятельство образа действия, и Алексею Михайловичу это доходчиво (со смехом) объяснил ⟨*смеются*⟩. Когда расходились, меня мои однокурсники поддевали: «Ловко тебя поймал Алексей Михайлович!»

А второй случай — это семинар у Николая Павловича Сидорова. (Это отец Владимира Николаевича.) Он был сторонником сравнительно-исторической школы. Вот где-то рядом с Пыпиным, с Веселовским, с Венгеровым. А у меня был доклад по Карамзину. Я уже *очень* любил опоязовцев и доклад сделал в духе вот моих любимых Тынянова, Шкловского, Эйхенбаума, Томашевского. Хотел бы добавить Якубинского и Поливанова, но это будет вранье, потому что тогда мои глаза еще не дошли до Поливанова. Ну вот, я сделал доклад. Обратите внимание — это было время, когда начали бороться с вульгарной социологией везде, в том числе и в литературе, в литературоведении. Школа Переверзева была уже сильно разоблачена, хотя не до конца. Поэтому вот был такой перелом. Можно было еще вульгарно социологичничать, но это было уже... — не так сильно поощрялось. Доклады были в таком духе, что вот такой-то писатель... Пушкин — представитель среднепоместного капитализирующегося дворянства. Но на это не очень надо было напирать, а в то же время говорить, что он представляет собой и общенародную ценность. Вот так ⟨*усмехаясь*⟩ сочетались несочетаемые величины. А я что? А я о языке, о композиции, о том, о сем в духе ОПОЯЗа — Общества изучения поэтического языка, в духе «формализма». Другие участники семинара, студенты, стали меня клевать, говорить, что я умаляю общественную роль литера-

туры, я не показал *идейное* значение произведений Карамзина, я, значит, сосредоточился на внешних, формальных особенностях; это какая-то дискредитация Карамзина. Я в защиту вспомнил слова Шкловского. Говорю: «Шкловский правильно сказал: "Мы не *развенчиваем* писателей, а мы их *развинчиваем*"». И тут подал голос Николай Павлович, до этого молчавший, и сказал: «Вот и плохо, что "развинчиваете"! "Развинчиваете", а "свинтить" не умеете!» *(смеется)*. Ну, явно, ему были формалисты чужды и непонятны. Но в какой-то степени он потом сменил гнев на милость, потому что на экзамене... Я ему сдавал экзамен, и присутствовал какой-то чинуша из верхов, и вот после моего ответа Николай Павлович меня ему, чинуше какому-то высокому, рекомендовал: «Он мне хороший сделал доклад на семинаре». Значит, не то что простил, но как-то примирился с опоязовским докладом.

Однажды подходит ко мне Сухотин и говорит: «Сегодня на кафедру приедет Ушаков. *(Голосом, интонацией сделал восклицательный знак.)* Будет интересно. После лекции приходите».

Алексей Михайлович иногда приглашал двух-трех студентов на заседание кафедры. Мы садились около Алексея Михалыча (чтобы никто нас не обидел) и были молчаливыми участниками дискуссий.

Спор на этот раз шел о немаркированных (тогда говорили: неотмеченных) грамматических единицах. Понятия эти ввели «пражцы» — Трубецкой и Якобсон. Многие молодые ученые с энтузиазмом его поддержали, в том числе члены кафедры Мосгорпединститута — Сидоров, Шапиро; вероятно, Аванесов. *Бежал* — форма прошедшего времени. *Буду бежать* — будущего. А форма *бегу*, хоть и называется формой настоящего времени, не приурочена ни к какому времени. *Бегу* — вне временных рамок. *Вчера бегу я наперегонки с Сергеем... Завтра бегу на стадионе в Сокольниках... Хорошо мне: бегу по дорожке, а рядом бежит Наташенька...* Называется «форма настоящего времени», но может работать для обозначения любого времени. Она — особая; по значению времени не маркирована.

Кафедра поддерживала этот (тогда новый) взгляд. Ушаков же считал, что никакого особого разряда немаркированных форм нет; есть только особое употребление обычных грамматических форм в условиях некоторых контекстов. На все доводы Сидорова или Шапиро Ушаков отвечал: «Употребление!» — медленно, веско, и приводил основания своего мнения.

Я был полностью на стороне своих учителей, хотел, чтобы они победили в споре... Высказал Сухотину свою досаду на Ушакова... Он ответил: «Ушаков имел резон».

Да, Ушаков имел резон. Потом стало ясно, что его взгляд полнее отвечает Московской (фортунатовской) лингвистической теории. У грамматической формы есть значение, которое не выражается другими грамматическими формами (например, значение настоящего времени), оно и является для формы определяющим, и оно минимально зависит от контекста. Другие значения у этой формы появляются под влиянием определенных контекстов, они позиционно обусловлены... Но позиционно обу-

словленные изменения не создают особых единиц. Например, каких-то особых немаркированных... Это я сейчас говорю. Тогда казалось, что Ушаков в своем упорстве не прав.

Читали лекции Леонид Петрович Гроссман, Аникст — это по литературоведению. Много было совершенной дряни социологической, политической, но были и хорошие лекторы. А по языкознанию! Боже мой! — какое сверкание! Сухотин, Шапиро, Реформатский, отбывший каторгу Селищев и отбывший каторгу Сидоров, Ильинская, Винокур... замечательные были преподаватели.

З.: А Петра Саввича Кузнецова там не было? Он там не работал?

П.: Кузнецова мы слушали — диалектологию, но лектором он был плохим. Он все время отвлекался, вот как я сейчас: вдруг вспомнил и назад побежал. Он все время в стороны отвлекался, хотя он старался уснастить всякими шутками свои лекции, вот. Скажем — северные говоры: будто бы приходит в северную столовую какой-то работник, кассирша его спрашивает: «Гуляш?» — «Да нет, на работу нанялся» *(смеются)*. Ну, это разнообразило лекции, все же была чересполосица большая, но интересно.

Дальше полоса *очень* черная — это артиллерийское училище. Началась война, я в армии. Артиллерийское училище. Сплошной мат, сплошное издевательство старших над младшими. Воровство невероятное! Но сказать: «Ночью своровали четыре простыни» — нельзя: в Красной Армии воровства нет, поэтому — особая формула... Человек пошел оправиться ночью, приходит, а простыни нет! За время отсутствия украли. Доклад был на линейке: «У четырех простыней было потерпение». Это означает *(смеется)* — «их своровали».

Там была в училище библиотека. *Какая* это библиотека! Они получали *все новинки*. И вот, *полчаса* свободного времени в конце дня — я среди книг... Знаете, бывает сильный ожог, но смажешь маслом — и боль схлынула. Я в этой библиотеке оказываюсь на полчаса среди книг, и вот *(волнуясь)* боль схлынула. Чувствую себя опять человеком! Но — на полчаса. Книг был подбор замечательный, и главное, их никто не спрашивал, потому что курсантам было не до того.

А дальше — полоса в войсковых частях. Это полоса была невероятного тоже света. На войне плохо то, что могут убить. Так вот у меня была глупая, невероятно дикая уверенность, что меня не убьют. И поэтому я ничего не боялся. Ведь ты со своими солдатиками (я был командиром взвода) — получаешь полную самостоятельность! Покажут по карте: вот здесь поставь пушки и — никакого учета! Приезжаешь с пушками, их окапываешь, с солдатиками ждешь, когда танки появятся. Мой взвод, а рядом — другие пушки. В общем, это была счастливая пора.

Меня два раза штрафовали, давали взыскание за панибратство с солдатами. А панибратство в чем выражалось? В том, что я *обедал* вместе с солдатами в блиндаже. Но, представляете, приехала, когда уже темно, полковая кухня. У меня был ординарец, причем по положению нет у командира взвода ординарца, но Сотников (я до сих пор помню этого маль-

чика, только что со школьной скамьи)—он брал мою манерку и шел к этой самой кухне (она не на позиции, а где-то рядом) и приносил мне то, что положено. И что же: я должен по траншее бежать в сторону от солдат и где-то в одиночестве есть то, что все едят?! Это такая дикость. И я ел вместе с солдатами... Я понимаю, как это случилось. Политотдел спустил указание: «Замечены случаи панибратства командиров с солдатами в полевых условиях. Ни в коем случае это допускать нельзя! Назначать взыскания тем командирам, которые это допускают». Но каждый командир это допускает. Выбрали меня и еще, наверное, некоторых и влепили мне два раза «за панибратство с солдатами». Но мне это было тяжело, потому что за «панибратство с солдатами» меня на «губу»-то нельзя отправить. *(Усмехаясь)* Какая—*«губа»*! Но наполовину среза́ли пособие семье, а я посылал в Москву пособие. У родителей денег не было, у них были какие-то грошовые пенсии. И им платили наполовину меньше! И мне это было очень горько. Вот.

Прошла война, очень хорошая, в смысле том, что я любил свою противотанковую артиллерию. Когда папа узнал, что я в артиллерии, он сказал: «Как это замечательно! Твой дед был артиллерист. Твой отец был артиллерист. И ты артиллерист. Это семейная традиция». Но на самом деле *(усмехаясь)* я не просился в артиллерию, а просто назначили.

Надо сказать, что мне в последний период войны попался очень хороший командир—Световой. Вот видите, я людей, которые мне кажутся достойными, не забываю. Это был достойный командир. Вначале капитан, потом подполковник. Про войну можно много рассказывать, но я не буду.

Теперь немножко про школу. Я был учителем в школе. В школе—хорошие девчоночки, очень милые и славные. Я издавал девчачий журнал. И там девочки писали стихи. До чего детство способно к писанию стихов! Выпустили большой журнал, посвященный «Слову о полку Игореве», где девочки славянской вязью многие страницы заполнили. И всякие свои сообщения о «Слове о полку Игореве», в том числе—«Ритмика "Слова о полку Игореве"». Я до того любил «Слово о полку Игореве», что я им древнерусский текст полностью читал наизусть, а они по хрестоматии потом смотрели перевод. Я его читал *ритмически*, я только для этого читал, чтобы указать, как ритмично он звучит.

Меня два раза снимали с учительства. Один раз—страшно интересно для современного взгляда. Я только что зачислен учителем—46-й год. На газеты денег не было, мы не выписывали. На стенде я на улице прочел доклад Жданова. Я пришел домой и лег навзничь. В отчаянии. Думал: «Что делать? Что делать?» Я так хотел деткам рассказать о русских писателях, о русском языке... Было понятно, что это начался погром. Но я в восьмом классе преподавал, так что до Ахматовой и Зощенко у меня два года было в запасе. Вдруг меня вызывают в райком. Вызывают вместе с Ольгой Ивановной Ли́маревой. Ольга Ивановна Лимарева—это «луч света в темном царстве». Это учитель, районный методист, он за весь район отвечает. У нее *все* уроки открытые. На каждый урок тащат стулья: значит, учителя со всего района могут приходить у нее учиться. У нее

училась Марина Яковлевна Гловинская. И она Лимаревой дала аттестат, о котором только может мечтать учитель. Она училась у Лимаревой в самые темные ждановские годы, и она сказала, тем не менее: «Ольга Ивановна нас раскрепощала!» Это надо же суметь так преподавать! Она давала, конечно, неизбежную порцию отравы. Нельзя было не давать порцию ждановщины, но, тем не менее, всем своим преподаванием она детей раскрепощала.

Меня вызвали в райком с Лимаревой в качестве, значит, надзирателя. Оказывается, на меня — донос: я провел вечер Батюшкова с учениками. Они с таким энтузиазмом учили стихи Батюшкова, в том числе патриотические о 1812 годе! С большим удовольствием учили, рисовали какие-то картинки. Ну, в общем, это был, на мой взгляд, один из удачных моих вечеров. Призывают в райком. «Вот вы проводили вечер Батюшкова?» — «Да, проводил». — «А мы тут взяли вузовский учебник и прочли — про Батюшкова мелким шрифтом! Вы знаете, что такое мелкий шрифт?» Я говорю: «Это петит. ⟨*Смеются.*⟩ Это означает, что читать не нужно! Вы представляете: *студентам* читать не нужно, а вы Батюшкова тащите в школу!», то есть у них эта ждановщина отразилась еще гадостнее, чем она была в газетах. И вот: «А они у вас Лебедева-Кумача знают?» Я говорю: «В программе есть». — «А они *всего* Лебедева-Кумача знают?» Я говорю: «Собрания сочинений нету». ⟨*Усмехаясь*⟩ Этот допрос омерзительнейший, гнусный... на полчаса... «Идите и больше так не поступайте!» И после этого они «тянули» меня, назначили ревизора, который на всех моих уроках присутствовал. Я человек благодарный. С одной стороны, запоминаю людей, которым благодарен. С другой стороны, я страшно злопамятен. И я запомнил. Фамилия его, тоже учитель из какой-то школы, должен был меня контролировать, фамилия его Половинкин. Мы его назвали Полбутылкин ⟨*смеется*⟩.

Я уж не помню, два или три раза меня в райком вызывали и все поучали, и все выспрашивали, как я идейно воспитываю... Я не вытерпел и им сказал: «Ну почему вы думаете, что я должен преподавать так, как вы хотите? Каждый человек имеет право на несогласие!» Они не обратили на это внимания. Вышел я из их комнаты — а вы знаете, райкомовские двери — это в каком-то особняке — во-о-от какие тяжеленные! Ольга Ивановна Лимарева, мой сопроводитель, прикрыла дверь и сказала... скрестила руки на груди: «Михаил Викторович! Я вас *умоляю, я вас прошу* — не говорите им "каждый имеет право на несогласие!" Они вас не поймут и вам сделают плохо». Так по-детски сказала.

А почему я им сказал: «Они имеют право на несогласие»? Когда я спорил с отцом... У нас были, например, споры о театре Мейерхольда. Я очень любил театр Мейерхольда, а папа мой не любил театр Мейерхольда, а любил Малый театр, а я Малый театр, за исключением Турчаниновой и Рыжовой — гениальных... а всех остальных не любил. И диалоги были такие: «Вот, твой Пров Садовский, что ни жест, то все — наигрыш, все это неестественно, все — театральщина!» А папа мне: «А у твоего Мейерхольда — все штукарство. Все переделывает классику, не уважает классику!» И мама вмешивалась в наш спор всегда ⟨*весело*⟩ на *моей* стороне! И

говорила отцу: «Зачем ты так ожесточенно споришь? Каждый имеет право на несогласие». Это слова мамы, но так как она их говорила не один раз, я и решил, что это нечто вроде народного присловия, что все так думают! *(Смеется.)* И я им, райкомовцам, это выдал! А Ольга Ивановна Лимарева меня просила больше так не говорить им. И после этого я понял, что Лимарева — это друг. Так находили друг друга люди в этой обстановке абсолютных доносов, ждановщины, избиения литературы.

Была стена. Были две половины общества. Одни были ортодоксы. В учительской меня учительница химии, парторг, спрашивает *(передразнивая)*: «Михаил Викторович! А вы "Роман-газету" выписываете?» Я говорю: «Выписываю, что поделаешь» *(усмехаясь)*. — «А вы читали Елизара Мальцева в новом номере повесть "Добро пожаловать"?» Я говорю: «Нет. Вот буду в 10-м классе преподавать, прочту». *(Усмехаясь)* Это значит, я ее должен хвалить. *(Продолжает передразнивать)* «Михал Викторович! Это *дивная вещь*! Это изумительная вещь! Вы прочтите! Вы будете в восторге». Стоило партии вынести постановление — и «шедевры» стали появляться один за другим. «Выписывайте "Роман-газету!"» Это ее совет. Я ее не читал, эту книгу, но просмотрел. Это такая соцреалистическая лакейская вещь. Между прочим, Елизар Мальцев уже в новые времена ее целиком переписал, но я сомневаюсь, что она стала лучше.

А я понял, что Лимарева — это хороший человек. Те нам видны были со своей ортодоксией, своей назойливостью, настырностью. А люди, которым не нравился Жданов и которые думали, что каждый имеет право на несогласие, — они были не видны, потому что мы для них были закрыты. Говорят, есть такое стекло: с одной стороны посмотришь — другая часть комнаты видна, а с этой стороны посмотришь — черное стекло. Вот и было — черное стекло. И я понял, что Лимарева — человек, с которым можно разговаривать. И мы потом с ней говорили о Лысенко: как раз было время, когда истязали генетиков. И мы с ней совершенно открыто говорили, что тяжелые времена настали и для генетики.

Я помню ее трагические глаза: она уходит на урок, под мышкой всякие классные журналы, и говорит: «Михаил Викторович, иду на урок...» А надо предисловие, я видите, как перескакиваю. Была такая обстановка: незадолго до статей Жданова Антокольский напечатал статью, где говорил, что Блок — это совесть русской интеллигенции, за месяц, наверное. Как принялись его толкать! Леонид Тимофеев, был такой стиховед, литературовед, гнуснейшая личность! Напечатал статью в «Правде», что Блок был поэтом кабаков. Эта статья в «Правде», руководящей. И вот Лимарева, уходя на урок, сказала — до сих пор помню ее глаза, измученные страданием: «Иду на урок *(с волнением)* и буду говорить, Михаил Викторович, что Блок — поэт кабаков». Но, тем не менее, она сумела и другое говорить. Ведь она — «раскрепощала». Я, кстати, когда надо было о Блоке говорить... Не умея преподавать так, как Лимарева, я поступил просто: я два часа читал стихи Блока и сказал: «Прочтите о нем в учебнике». Сам — ни одного слова! Но я был вознагражден: после двух часов ученики... звонок прозвенел, урок

кончился... я был вознагражден. Блок сумел за себя постоять! Ученики заорали *(весело)*: «Еще!» Ученики, которые обычно рвутся с урока...

Я с девочками поставил комедию Шекспира «Много шума из ничего». Но ученики не могут учить текст непрограммного произведения. И я изобрел особую школьную постановку: каждый ученик получает карточку, не карточку, а 20—30 карточек. Написана предыдущая реплика и та, которую он должен прочесть. Значит, он видит (по предыдущей реплике), что подошла его очередь, и свою реплику читает уже в роли. Учить роли не надо, а просто предыдущий текст показывал: твоя очередь пришла. Мы репетиции проводили, и ученики с большой радостью сыграли эту пьесу. На представление пришла директор Лидия Александровна Козлова, хорошая. Я ее имя-отчество запомнил. Ее потом «съели». Она была беспартийная, на ее место назначили партийца. Она меня поблагодарила за постановку, всех девочек поблагодарила. А я говорю: «А мы хотим еще комедию Шекспира поставить». Тут она *(весело)* в такую пришла ярость! Ногами не топала, но в голосе было топанье ногами: «Никаких Шекспиров больше не надо!!!» Она рисковала. Нужно было ставить Софронова. Но вместо того, чтобы отчитать меня... даже поблагодарила.

И вторая была попытка снять меня с учительства, когда пришел инспектор ЦК. Вы представляете, как перед ней на цыпочках ходили: инспектор ЦК! Некая Нестерова, я помню ее фамилию, Нестерова пришла, инспектор ЦК: во-от такая туша в шелковом платье в обтяжку. И вся эта желеобразная масса колышется. Очень противно было. Когда ученица ошибается во время ответа, она начинает, Нестерова, хохотать. Я пережидаю ее хохот, ученица продолжает, а я в конце ответа говорю, какие ошибки. Ученица сказала: «Тогда была такая мода — разумный эгоизм». Это о Чернышевском. Как она сказала — «мода», та [Нестерова] *(очень громко, передразнивая)*: «Ха-ха-ха-ха!!!» Расхохоталась, я ученицу прошу продолжать, а потом, в заключение, сказал, что это «не мода, а идейное течение». Но она принималась несколько раз хохотать, потом видит, что я исправляю после ответа, — в конце прекратила. Вот — наставляет. Во время беседы я обращаюсь к ней с вопросом — она отворачивается от меня, смотрит на директора и ей на мой вопрос отвечает. Вот я говорю: «Ну, почему же я не мог...» Она поворачивается... *(обращаясь к Тейдер, смеясь)* Вы будете директором! Поворачивается не ко мне, а к директору, в другой угол... и начинает объяснять. Я такого хамства никогда больше не встречал: что не к собеседнику поворачивается, а от него отворачивается! Учитель — это такое ничтожество, что не говорить же, обернувшись к нему?! Ну, в общем, Козлова меня берегла. Вдруг эта Нестерова говорит: «Принесите тетради с диктантами! Они у вас диктанты пишут?» Я говорю: «Конечно!» — «Принесите тетради с диктантами!» Она сидит в кабинете директора, самого директора выселила. А дело было... Наверное, донос-то пошел именно из-за этого. В «Пионерской правде» печатались рассказы о Петре Первом Виктора Борисовича Шкловского. Я Шкловского вообще люблю, а тут — замечательные рассказы в размере

диктантов в нескольких номерах. Это всякие фольклорные рассказы о Петре. (Я-то поступил, конечно, очень глупо: я хотел, чтобы дети писали диктант и наслаждались, во-первых, Шкловским, его лаконичным языком, а во-вторых — историческими анекдотами. Конечно, когда пишешь и дрожишь, как там надо писать — «знаешь» или «знаишь», — не до наслаждения.) Очевидно, сообщили, что я даю монархические диктанты. «Принесите диктанты!» Козлова, директор, как тигра полосатая, ходит перед своим кабинетом, куда ее инспектор ЦК не пускает, и говорит: «Что вы несете?» Я говорю: «Тетради с диктантами». Она: «Дайте мне эти диктанты». Раскрыла. Потом: «Боже мой! Боже мой!» Раз! — эти диктанты: Раз! Раз! Раз! Раз! Разорвала. Отошла далеко в сторону, бросила в урну, там, где не на виду. «Идите, скажите ей, что все ушли домой!» Она меня уберегла, спасибо. После этого вскоре Нестерова отбыла, и все это благополучно кончилось ⟨*весело*⟩.

Это про школу. Девочки были очень славные у меня, писали стихи. Скажу, что в одну девочку я был влюблен одно время. И замечаю, что у меня голова к ней все время поворачивается. Я думаю: «Это не годится!» — и, наоборот, в другую сторону стал поворачиваться. Но женщины удивительно чуткие и догадливые, и она меня спросила после этого ⟨*весело, с усмешкой*⟩: «А почему вы на меня не смотрели?» ⟨*Смеются.*⟩

⟨...⟩

Так вот, сдал я экзамены в аспирантуру. Преподавал в институте. Были студенты двух разных сортов (50-е годы). Вот один сорт — я рассказывал, что у меня был курс, на котором Света Кузьмина, на котором Галя Лукьянова. Он меня «подвел»: все сдали на «отлично». И я вел себя трусливо. Я подумал: «Никто не поверит, что все студенты сдали "отлично", и последнюю засыпал на "четверку"». И потом очень это переживал. А вот другой курс. Это было какое время? Американцы стали пускать на территорию Советского Союза шары с записывающей радиоаппаратурой. И, разумеется, это вызывало возмущение, и я тоже возмущался: «Как это, на территорию чужого государства запускают какие-то шпионские шары?!» Я сказал как-то студентам: «Вот запускают шары...» Пришел в возмущение, даже кулаком поработал, сказал: «Это безобразие! Глубоко возмутительно! Но мы с вами филологи, у нас еще другой интерес, филологический: вы по радио сотни раз слышите — "шары, шары, шары, шары". Послушайте, какое произношение преобладает: ушаковское "шыры" или новое "шары?"» Боже мой! Курс как грохнет: «Га-га-га-га!» Им показалось, что надо только пребывать в состоянии политического ожесточения. Ко мне подходили студенты и в лицо мне: «Ха-а, ха-а-а!», без всякого словесного сопровождения, один лоботряс за другим. Ну, в общем, как-то я с этим курсом не дружил, и очень был рад, когда я с ним расстался. Это был курс четвертый, а я только кончил аспирантуру. То есть, очевидно, их набор пал на время сразу после войны. Еще многие не вернулись, не созрели новые поколения. А дальше пошли хорошие студенты.

⟨*Небольшой перерыв в записи.*⟩

П.: Экзаменаторы были очень строгие. Аванесов. Когда я был студентом, то была такая шутка: его называли Рубикон Иваныч, потому что

сдать ему экзамен... Тогда говорили: у нас в институт принимают два раза. Один раз — вступительные экзамены, а другой раз — надо сдать экзамен Аванесову. По семь, по восемь раз ему ходили сдавать! А потом я, как его аспирант, ходил слушать, как он принимает зачеты. Это входит в обязанности аспирантов — слушать прием экзаменов учителем. «Ну, вот как будет по-старославянски родительный падеж *о*-склонения?» — «Дорогой товарищ профессор! У нас в каракалпакском языке нет никаких родительных падежей! У нас совершенно по-другому!» — «Ну, а как все-таки это в старославянском языке будет?» Бьется около него Аванесов — ничего товарищ не знает! Ну, наконец, какой-то проблеск — например, сказал, что «сахара» — форма родительного падежа. «Ну вот!» — Рубен Иваныч мне говорит: «Он кое-что знает!» Поставил ему «зачет». Я подумал: «Ох, Рубен Иваныч, укатали сивку крутые горки!». Но, с другой стороны, что он ему поставит? Он же все равно не будет знать старославянского языка, а ставить ему как «нацкадрам» он все равно должен отметку. Ну, это насчет экзаменов со студентами...

А экзамены сдавать Сан Санычу нужно было часто. «Вы какую музыку любите?» Ну, я на самом деле люблю Прокофьева и Стравинского. Я ему сказал. «Хорошо, Миша, хорошо! А из классиков кого вы цените?» Ну, я уже знал, что Чайковского называть нельзя. Он считает, что Чайковский — это варенье, это сладкая музыка, это музыка эклектическая. И я тоже не люблю Чайковского. Я сказал, что люблю Римского-Корсакова и Мусоргского. *(Шумно, громко, передавая манеру А. А.)* «Молодец, Миша! Молоде-ец!» Ну вот. Сидоров Владимир Николаевич: «А какой роман самый загадочный у Достоевского?» Я отвечаю: «Подросток». — «Правильно!» Все дело не в том, что они не *соглашались*, что они *тоже* так думают, а решительно утверждали, что так *правильно* думать.

Иногда были и другие экзамены. Вышла статья Ильинской и Сидорова «Русское правописание». Вообще статья — колоссального значения! Они там впервые доказали, что фонемная основа в русском правописании господствует. Она именно основа. Но там есть одно странное место, которое я не понимал и не понимаю. Странный промах этих замечательных авторов... Я уже не аспирант. Встречается Аванесов. Спрашивает мнение об этой статье. Хотя я и знал, что между Аванесовым и Сидоровым не мирные отношения, но я тут поддался восторгу: «Какая это замечательная статья! Какие чудесные глубокие мысли!» Аванесов меня прервал и говорит: «А теперь скажите, что там неверно». Я сам думал о том, что там неверно, и он врасплох меня не застал. Я сказал: «Я не понимаю, почему написание с буквой "Ы" он считает отступлением от фонемного принципа и говорит, что это написания звуковые, а не фонемные. "Ы" — это буква, которая показывает фонему "И" и твердость предшествующего согласного, твердость предшествующей согласной фонемы». Тут в конце коридора показывается Петр Саввич Кузнецов. Петр Саввич был известен тем, что он играл в бесконечную преданность Сидорову. Был такой случай. Он исписал доску какими-то формулами. Вдруг встает ехидная Жуковская и говорит: «А Сидоров думает по-другому!» И сказала как.

Кузнецов стирает все с доски и говорит: «Владимир Николаевич прав». Хотел быть бесконечно преданным Сидорову. Играл.

З.: Почему — «играл»?

П.: Ну, я думаю, что так человек не может — всегда соглашаться. Это была систематическая линия его поведения: что бы ни сказал Сидоров — он прав! Все остальные не правы! И заговорщицким тоном Аванесов меня спрашивает: «Вон в конце коридора показался Кузнецов, давайте спросим у него, как он к "Ы" относится. Только не говорите ему, *что* у Сидорова и Ильинской!» Спросил Аванесов, какое у него мнение. Ну, Кузнецов стал крутить: «Вы знаете, это сложный вопрос. Здесь могут быть разные случаи, здесь надо подходить, учитывая словарные отношения...» Ну, в общем, явно крутит. Аванесов поворачивается ко мне: «Он уже прочел!» (*Смеются.*) То есть сказать, что это написание не фонемное, он не смог, но и возразить против Сидорова тоже не мог. Аванесов со мной беседовал долго, наверное час, о своей новой теории книги 56-го года. Он пытался доказать, что это шаг необходимый. Но я ему сказал, что мне кажется, что здесь очень большие потери. *Огромная* заслуга Московской фонологической школы — то, что она считает *разные* физические звуки (скажем, звук «а» и звук «и» и даже отсутствие звуков) одной и той же фонемой. В одну фонему объединяются конкретности совершенно различные. То есть фонема — это не конкретность, она объединяет слона и носорога. В позиционном чередовании разные сущности отождествляются в одной фонеме. Мы считаем, что язык — не собрание предметов, конкретностей, данностей. Он не *штука*, которую можно обвязать веревкой и подарить, он — *отношение*. И вот когда Аванесов фонему, которая является явно единством, превратил в фонемный ряд — все-таки они стали разными сущностями («ряд!»). Это утрата очень большого достижения. Единство — фонему — «новый» Аванесов все-таки превратил в разобщенность, в ряд, во многие конкретности. Все фонологи или пошли за «новым» Аванесовым, или остались верны «старому». Я — остался. После этого получил прощение Сидорова. Он ко мне подошел и сказал: «Я слышал, вы тоже не принимаете новые взгляды Аванесова». И я стал дружить с Сидоровым, с Ильинской.

Ильинская мне тоже много рассказывала. Самый трагический ее рассказ: она в больнице, уже во время голода в Москве во время войны. «Я, — говорит, — навещала Сидорова [отца], сын был в эвакуации, у него не было других родных, и я его навещала. И он мне в последние дни сказал: "Я вам хочу рассказать мою сказку о русской литературе". И излагал свой взгляд, свою теорию, свои мнения о русской литературе».

И она часами слушала его сказку о русской литературе, но она сказала: «Я была страшно голодна, и я не только не могла запомнить, я не могла понять, что он говорит». И все это кануло в бездну.

З.: Спасибо, Михаил Викторович, сейчас мы будем пить чай и отдыхать, а я все-таки хочу спросить, почему вы думаете, что Петр Саввич «играл в преданность»? Я думаю, что...

П.: Ну не может человек...

З.: А я думаю, что человек *может так любить*ъ, что, когда ему скажут, а он не согласен, он думает: «А я *передумаю*, может быть, что-нибудь я не *так* понял...» — вот это я могу понять!

П.: Так сразу стереть с доски свой взгляд, это... надо играть...

З.: А потому что он думает: «А вдруг, а вдруг, вдруг какая-то ошибка у меня. Я должен еще раз передумать!»

С.: Это не игра, если он считает, что Владимир Николаевич гениален.

З.: Там может быть такая преданность! Вот я считаю, что это *не игра!* Я не согласна!

С.: Петр Саввич был очень *верный* человек.

З.: Зная Петра Саввича, я думаю, что он *не играл*. Просто я поняла, Михаил Викторович, что вы *не очень* из всех них любите Петра Саввича. Что вы из всех них меньше всего любите Петра Саввича.

П.: Может быть, я меньше его люблю. То есть я понимаю, что он достоин любви...

З.: Ну да, но не настолько.

П.: Я принес диссертацию на отзыв Петру Саввичу, он был мой первый оппонент. Пришел. «Нет, нет! Я не возьму!» — отпихивает меня и диссертацию. Аванесов: «Вы не отдавайте, вы просто положите на стол и уходите!» *⟨Усмехаясь⟩* При Петре Саввиче. Ну, я положил и ушел. Петр Саввич на самом деле согласился.

З.: Не знаю, у меня о нем другие воспоминания, более светлые. Он был у меня тоже оппонентом, я слушала его спецкурс на пятом курсе о глаголе. Между прочим, о глаголе, историю русского глагола, он читал *блестяще!* — не побоюсь этого слова. *Великолепно! Великолепно!*

П.: Мы слушали в разное время. Я — когда он начинал читать, а вы — когда он уже читал в полной силе.

⟨...⟩

П.: Хочется чаю, с печеньем! ⟨...⟩ Там есть в холодильнике на второй полке вет-чи-на! Пост кончился или нет?

З. и С. *⟨вместе⟩*: Нет. Нет еще.

С.: По православному — нет.

П.: Вы справляете или нет?

С.: Нет.

П. *⟨весело⟩*: Вот, все, кто не справляет, едят ветчину.

З.: А про пост ведь не говорят «справляют»! *(К Сморгуновой)* Лен, вы поститесь, нет?

П.: Постятся, да?

З.: Ну, конечно, ну что же, ну как можно справлять пост, Миша?

С.: Одного мальчика на экзамене спрашивают: «А ты какие знаешь праздники?» Он говорит: «8 марта, 1 мая, ваша Пасха, наша Пасха» *⟨смеются⟩*.

З.: Я думал, он скажет: «Поминки».

(Перерыв, пьют чай.)

П.: Меня в жизнь обижали. Вначале я любил тех поэтов, которых любили мои родители. Наверное, все дети так начинают. Пушкин, Лермонтов, Некрасов. Потом — Маршак, Чуковский, Хармс — это были мои любимцы. А потом появился поэт, которого я *сам* нашел! Ма-я-ковский! Но не его политпозиция, а его работа с рифмой, с ритмом. Его *блестящее* владение русским языком. Я помню событие в моей жизни: я все читал «Облако в штанах», не понимал, и вдруг оно стало яснеть кусками. И я эту поэму страшно полюбил. Но было время не маяковское, его все время шпыняли. Он не был пролетарским поэтом. Умер Маяковский 14 апреля 30-го года. Я утречком в день похорон выбежал на улицу и купил, наверное, 10 или 15 газет! Везде — некрологи. Боже мой! Какое это было оскорбление! Везде... «пережитки анархизма», «мелкобуржуазный социализм», «попутчик, не сумевший стать на позиции марксизма». Это РАПповская позиция. В одном случае текст запомнил дословно, потому что был страшно оскорблен. В одной газете — московская газета — сказано: «Он сам себя называл горлопаем». Боже мой! Называл себя «горланом-главарем». Какое отсутствие чутья языка! Он *никогда не называл* себя «горлопаем»! Но это было страшное оскорбление. Все статьи в газете о том, что он непролетарский. Как будто все изменилось после слов Сталина. В конце 30-х годов Сталин сказал о нем: «лучший, талантливейший поэт». Вы думаете, я обрадовался? А я к тому времени любил Хлебникова, любил Пастернака, любил Ахматову и очень многих других поэтов. И мне было уже понятно, что одного поэта восхвалять в ущерб другим, одним поэтом топтать других нельзя! (...)

До чего я любил театр Мейерхольда! Я был, значит, маяковец, лефовец, конструктивист и любил архитекторов-конструктивистов... Театр Мейерхольда был мой любимец! Мы с папой все спорили. Он был театрал и меня все время с собой в театр брал. И вдруг театр Мейерхольда ликвидировали! Тогда вот у меня не было еще родных, которых я потерял: никто не умер, и поэтому лично я гибель людей еще не переживал. Я знал, что Мейерхольду очень плохо, хотя о том, что он расстрелян, не было известно. Но это было такое горе! Бесконечное, тяжелое! Одно из самых тяжелых моих переживаний в жизни. И дальше началось всяческое издевательство. Нравился «Бубновый валет» и «Ослиный хвост»! Когда я был маленький, в Третьяковской галерее они были выставлены! Два или три зала. Игорь Эммануилович Грабарь хотя их не поощрял, но считал, что *они должны быть* в Третьяковской галерее. Он принадлежал к «Миру искусств», но вот — какая широта взглядов! Толерантный был человек. И вдруг их всех смели из Третьяковской галереи! Негде смотреть. Знаю, были после войны Музей новой западной живописи, а я там...

(После небольшого перерыва.)

П.: Я еще хочу два словечка, как мы с мамой покупали Хлебникова. Увидели [illegible] на Сретенке: продают пятитомник Хлебникова. Страшная

редкость. Я тогда уже понимал, что это редкость. Прихожу к маме. Говорю: «Мама, Хлебникова продают за сто рублей». Ну, она сразу поняла... и говорит: «Ничего, Мишенька! Покупай. Мы месяц будем... В течение месяца мы голодать не будем. Еда будет очень простая и однообразная, но мы сэкономим». И она выделила мне из общего семейного бюджета сто рублей. И я потом попросил ее билетик надписать и вклеил его на титульный... в начале книжки. Что это ее подарок. Потому что на самом деле это она мне подарила.

С.: А папы уже не было?

П.: Папы не было.

С.: А большой черный «Хлебников» у вас теперь есть?

П.: Есть, есть! Григорьев подарил. Это очень хорошее издание.

Т.: Сейчас готовится полное собрание сочинений в Институте мировой литературы.

(...)

З.: После Мейерхольда какой-нибудь театр вас радовал?

П.: После этого я стал очень любить Камерный театр... Я был мейерхольдовец! Это была моя ошибка: Мейерхольд ведь очень не любил Камерный театр! И я хотя и ходил в Камерный театр, но ходил как мейерхольдовец, то есть зная, что я не должен его очень любить. Вскоре после этого был закрыт театр Таирова, уже после войны. А после этого я перестал быть театралом. Нет! Я ходил к Любимову некоторое время. Вот меня водила Лена Андревна.

З.: Но это уже новые времена!

П.: Сами описания постановок у Мейерхольда замечательно интересны. Но я не мог у него видеть, конечно, «Учитель Бубус» — такая пьеса Файко. Но описание пьесы страшно интересно. Там не было, в пьесе, окружающих декораций, а была стена бамбуковых палок, подвешенных к потолку. Бамбуковая стена. А чего этим добивался Мейерхольд? Неожиданности — то, что артист мог войти в любом месте.

С.: Из любого места. Она была не до самого низу. Мы что-то видели...

З.: А МХАТ никогда не нравился?

П.: Это был не самый мне близкий, но мой папа очень его любил. Он меня все время водил. Я видел «Вишневый сад» 38-го года. Последняя гениальная постановка Немировича-Данченко.

З.: Можно я расскажу свое детское горькое воспоминание? Дядя Миша подарил всем членам семьи билеты на «Дни Турбиных». И все пошли: мама, две дочки, отца не было в Москве. И меня не пустили, потому что я была маленькая.

С.: А нельзя было сказать: «Я — племянница»?

З.: Вот! Мы даже просили его [Булгакова]! Но он сказал: «Нет, я просить не буду». И я горько пошла одна — жили мы далеко — к тете, которая жила в Малом Каретном переулке. Заливаясь слезами буквально, пошла одна.

С.: От обиды?

З.: От обиды, конечно! Горько, вот так...

Т.: А какие спектакли вы видели у Мейерхольда?

П.: Очень многие. Почти все. ⟨...⟩ Была большая победа: мы смотрели с папой «Лес» у Мейерхольда, а потом, спустя несколько лет, — «Лес» в Малом театре. И вот тут я торжествовал победу. Папа сказал: «Роли Восмибратовых у Мейерхольда играли лучше».

З. ⟨*весело*⟩: Это, действительно, торжество!

С.: Ну, может быть, он говорил, что *только эту* роль играли лучше.

З.: Все равно!

С.: А мама ходила в театр с вами?

П.: Маме надо было сказать — она была домосед — что такая-то пьеса замечательная. Вот, например, я «Отелло» с Остужевым смотрел сначала с папой. Пришли из театра, маму закружили: «Так замечательно!» Она сказала, что тоже хочет посмотреть *со мной!* ⟨*Все смеются.*⟩ *И я* смотрел два раза. ⟨...⟩

⟨*Обращаясь к С.*⟩ Вы в солнце сидите. Осознаете ли вы, что вы сидите в солнце?

С.: Я однажды в своей жизни, в экспедиции, входила в радугу. Это было совершенно удивительное ощущение. Она была там в горах, совсем рядом.

П. ⟨*весело*⟩: А по радуге не пошли?

С.: Нет! Я в нее вошла. Я заметила: я двигаюсь — она уходит. Тогда я заметила, что она сейчас на этом камне, и, значит, я дойду до этого камня. Я вошла туда и в одну секунду стала вся мокрая! Это капли светятся в радуге...

⟨...⟩

З.: Когда вы пришли в наш Институт русского языка, вначале это была полоса светлая или темная?

П.: Полоса светлая...

З.: Я тоже думаю, что светлая.

П.: Меня Виктор Владимирович пригласил. Вообще виноградовская школа имеет вид штанов: одна штанина — это администраторы. Виктор Владимирович очень умело подбирал людей, которые освобождали его от всякой мелкой суетни. Это такие люди, как Галкина-Федорук, Ефимов такой был. А была другая штанина. Это ученые: Белошапкова, Земская, Ковтунова...

З.: Он же взял и Апресяна!

С.: И Шаумяна. Они не были его учениками, но он [Виноградов] взял их в Институт русского языка!

П.: Вдруг я получаю известие от Ефимова, что надо с ним увидеться в Московском университете. Я тогда пошел из любопытства. Ефимов мне сообщил, что меня хочет видеть Виноградов: такая ⟨*усмехаясь*⟩ ступенчатая была система встреч. Пошел к Виктору Владимировичу, мы довольно долго, то есть ⟨*усмехаясь*⟩ минут десять, беседовали. И вдруг он мне гово-

рит: «А вы хотите преподавать в Московском университете?» Я сказал: «Виктор Владимирович, у меня тяжелое положение. Положение буриданова осла: я не знаю, куда двинуться. Либо в Институт русского языка, либо в Московский университет». — «Ну, пока это будет пусть Институт русского языка, а там — посмотрим!» ⟨...⟩

Я «оказывал влияние» на Виктора Владимировича. Это я говорю в шутку. Вдруг во время всяких орфографических дискуссий Виноградов сказал, что фонемный принцип в теории орфографии обладает большей убедительностью и широтой, чем обычное представление, будто наша орфография морфологическая. Я считаю, что это он сказал под *моим* влиянием!

З.: Несомненно!

П.: Потому что он вообще к фонологии был равнодушен.

З.: Ну, сравнительно равнодушен, конечно.

П.: Ну, чтобы сказать уж всё сегодня, скажу, как мы поссорились с Виктором Владимировичем.

З.: Этого я не знаю!

П.: Все наши орфографические занятия шли к концу. Было ясно, что по глупости общественности реформа не пройдет. И Виноградов сказал: «Фонемный принцип себя не оправдал. Я буду отчитываться на Отделении [литературы и языка], придется это признать». Меня пригласили тоже на это Отделение. Специально о работе Орфографической комиссии. Она закрывалась. Виктор Владимирович делал доклад. Ну, — рушилось все! Потому что если скажет Виноградов, что фонемный принцип не оправдал себя, все работы по фонологии будут свернуты. Я сказал Виктору Владимировичу: «Виктор Владимирович, я выступлю *против* вашего слова». Пошел домой, спрашиваю маму. Говорю — вот такое положение. Виноградову я очень многим обязан. Про себя, по секрету, я считаю себя учеником не только Аванесова, Сидорова, Реформатского, но и Виноградова.

З.: Это я слышу первый раз! Обратите внимание! Nota bene! — это высказывание.

П.: Говорят: ученик или не ученик, решает учитель. (Я это слышал от Кузнецова.) Но так как Виноградов меня не признал...

З.: Как?!

П.: Он никогда не говорил, что я его ученик.

З.: Мне он *говорил*! Не что — ученик, а что ставит Панова очень высоко. Мне он не один раз это говорил!

П.: Ну, я пошел к маме. «Вот, — говорю, — мама, вот так. Ты знаешь, что Виноградов очень много для меня значит, что он очень много сделал для меня. Для науки. Делает добро. Но тут такое критическое положение: он выступит против той теории, которая для меня — жизнь. И если он скажет, то при его колоссальном авторитете это означает: фонология на десять лет или больше будет закрыта». И мама мне сказала ⟨*волнуясь*⟩: «Не делай этого! Ты потом всю жизнь будешь об этом сожалеть!» Я решил: раз мама говорит, я не буду этого делать. Но потом меня все сильнее грызли сомнения: все-таки наука тоже существует!

Московская теория фонем была золушкой в советском языкознании. К ней приклеили ярлык: идеализм. Эта теория признавала фонему рядом позиционно чередующихся звуков, функционально определенным отношением. Фонема у «москвичей» не конкретный звук, не «штука». К идеализму это никакого отношения не имеет, но им нужен был ярлык.

Вышла книга Реформатского «Из истории отечественной фонологии» (1970). Некто серый печатает в «Известиях АН. Серия литературы и языка» рецензию: эта книга — идеализм, и почему-то еще добавил, уже нетрадиционно: и агностицизм. (Имел в виду, наверное, гиперфонему.)

Пример из своей жизни. Вышла моя книга «Современный русский язык. Фонетика» (1979)... Иду по Ленинской библиотеке, нагружен книгами. Мне преграждает путь «лингвист» Д., кричит: «Я опубликую рецензию, что ваша книга — идеализм!» Я сошел с дорожки и обогнул его. Через месяц: опять он. Встал в дверях, ведущих в читальный зал: «Я опубликую, что вы антимарксист». Я положил книги на витринку около дверей, жду. Он потоптался в дверях, потом ушел. Фонология у них, примитивных, вызывала злобу.

Виноградов — действительно великий ученый, авторитет из авторитетов. Если он скажет что-то порицательное о фонологии — как взыграют все погромщики! Поэтому были мучительные сомнения. Мама знала общечеловеческую сторону дела, но не знала фонологической...

Я пошел советоваться к Сидорову. Спрашиваю: как поступать? — «Я понимаю, что положение у вас трудное, Виноградов очень много значит для науки, но я бы на вашем месте выступил».

Я сказал Виктору Владимировичу, что на заседании Президиума Академии буду ему возражать. Виноградов после этого стал со мной здороваться вот так! ⟨*показывает, едва кивнув головой*⟩. Едва кивал головой. Очень обиделся. Отношения у нас сложились такие: входит секретарь: «Елена Андреевна! Виктор Владимирович вас просит!» Идет Елена Андреевна к Виктору Владимировичу, возвращается: «Михал Викторович! Виктор Владимирович просил вам передать, что надо сделать то-то и то-то!» ⟨*смеются*⟩.

З.: Этого я не помню.

П.: Это было довольно долгий промежуток! Это было, наверное, год, когда вы, Елена Андреевна, были связующим звеном между Виноградовым и мною. Он не хотел меня видеть. Но потом вышла его книжка. Он вызвал меня, эту книжку подарил. Я-то ему все книжки, конечно, дарил! Ну, и между нами дипломатические отношения были восстановлены. ⟨*Усмехаясь*⟩ Это уже спустя долгое время.

З.: Ну, может, я тогда была заместителем директора?

С.: Ну, конечно.

П.: Нет-нет-нет-нет-нет-нет... вы были обыкновенная ⟨*весело*⟩ филологиня.

З.: Нет, я его ученица просто-напросто! Поэтому — со мной — проще.

П.: Нет, он вас вызывал, чтобы мне что-нибудь передать! Ну, раз десять, наверное!

С.: А почему Сидоров сказал: «Я бы на вашем месте..?» Разве это не было и *его место*?

П.: По его мнению, надо было поступить так-то.

З.: Нет, я вполне понимаю, почему он так сказал. Я бы тоже *совет* давала в такой же форме.

П.: Он сказал: «Я бы на вашем месте все-таки решился». Но я подготовил свое выступление и на самом деле пошел на Президиум АН, мне прислали приглашение.

С.: И вы выступили, да?

П.: Виноградов, уже в здании Президиума, он так вот мне... еле кивнул... Но Виктор Владимирович не стал ничего говорить о фонологии, и я, естественно, выпустил это место в своем докладе... Не на что было возражать мне. Он сказал просто о работе Орфографической комиссии без упоминания о фонологии. Он правильно сделал: зачем делать вывод, который вовсе не вытекал из работы Орфографической комиссии. Это ему Крючков нажужживал!

С.: Я не понимаю: вы же не против Виноградова хотели выступить, только не согласились с его мнением о значении фонологии...

П.: Вы забываете о времени, Елена Михайловна. Тогда любое выступление оценивалось как действие *за* или *против* кого-нибудь, лица. У Виноградова было много врагов, завистников, которые ненавидели его из-за своей бездарности. Возражение могли использовать во вред ему. Он это знал и поэтому был раздражен. Его волновала и моя неблагодарность: в ответ на его заботу обо мне я в серьезной обстановке ему возражаю.

З.: Я думаю, что он во многом как администратор был человек благородный.

П.: Очень. Да. Во всем.

З.: А кто взял Левина? Тоже он — взял Левина. В Институт. А кто взял Оссовецкого, который был на оккупированной территории?

П.: Один случай у него был жестокий, но я считаю, очень справедливо жестокий! Это не последняя дискуссия, не 50-го года, а какая-то предпоследняя. Ведь компаративистов все время травили. И вот Филин сделал доклад, на котором восемь языковедов предложил лишить права преподавания, в том числе Виктора Владимировича, и Аванесова, и Реформатского... В общем, человек восемь...

С.: Доклад где был?

П.: На Академии наук, Президиуме Академии наук. Это был, наверное, 47-й, что ли, год. Еще за несколько лет до дискуссии 50-го года. Это место в докладе Филина цитирует Алпатов в своей статье о московской «шпионской» школе. Шпионской — в кавычках. «Дело московского центра» — что-то такое; его статья была. И он приводит эту цитату: лишить

восемь человек права преподавания.... И Алпатов делает интересное замечание: «Какой замечательный вкус у Филина! Ни одного пустого имени!» — он назвал только прекрасных ученых. Ну вот, после доклада Филина везде стали этих восьмерых прорабатывать, и один какой-то дядя-филолог сказал: «Виноградову надо дать по кумполу».

З.: Да-а.

П. ⟨*весело*⟩: Сразу виден ученый! ⟨*Усмехаясь*⟩ Когда стал директором Института русского языка Виноградов, он его уволил. И я считаю, что это было необходимо...

З.: Как же фамилия этого типа? Я вот не знаю.

П.: Я не знаю, и Алпатов не приводит фамилии. Но я думаю, что это было необходимо. Ученый разве может сказать, что другому ученому, которому тем более так плохо приходится, — что его надо ударить по кумполу. Вы представляете, чтобы Ньютон сказал о ком-нибудь: «Ему ⟨*весело*⟩ надо ударить по кумполу!»

З.: Виноградов вообще мог не соглашаться с научными взглядами, но административных выводов он не делал. Ну, Михал Викторович, вас он очень уважал, и даже, я бы сказала, и любил. Во всяком случае, мне он несколько раз говорил, какой прекрасный лингвист Панов.

П.: Я любил его и очень ценил.

З.: Не зря же он вас раскопал, а ведь у вас тогда было не так мн работ...

П.: Немного, немного.

З.: ...когда он вас пригласил.

П.: И причем, они все были в Ученых записках... малочитаемых... малотиражных...

Среди высоких талантов Виноградова — талант литературоведческий замечательный! Прошла у этих структуралистов незаметной его книга... Как его первая книга о Гоголе называлась?

З.: «Гоголь и натуральная школа».

П.: Да. Он же там замечательную вещь открыл! Он показал, что в так называемой *низовой* литературе, в лубке, понемногу накапливались *все элементы поэтики* Гоголя! И внимание к маленькому человеку, и сочувствие к нему, и вещизм. То есть, иначе, он показал, что вот это важнейшая идея ОПОЯЗа о самодвижении искусства... хотя Виноградов не принадлежал к ОПОЯЗу... Это одна из выдающихся работ русской поэтики, понимаемой как саморазвивающаяся сущность. Он показал, как в самой литературе, в ее поэтике накапливаются силы для дальнейшего шага. *Постепенно* литература приближалась к какому-то порогу, за которым можно было уже создавать шедевры Гоголя. Это самодвижение искусства. В последней своей книге он опять взял ходовой сюжет, как прятала любовника купеческая дочь, а он задохнулся в сундуке. И показал путь его развития в фольклоре, в низовой литературе. Он опять вернулся к этой идее — о внутреннем саморазвитии искусства. Сюжет движется не пото-

му, что он очень идейный, а потому, что в нем есть художественная какая-то целесообразность.

З.: Я очень рада, Михал Викторович, что вы цените моего учителя... *⟨С улыбкой⟩* Вы знаете, что в тюрьме, когда он был накануне ссылки в Вятку и сидел, кажется, в Нижнем, он там писал «Стиль "Пиковой дамы"». С собой Надежда Матвеевна ему передала томик Пушкина, и он там, сидя в камере, работал. То есть он *всегда* работал. И делал то, что ему было интересно. Это я опять же в защиту Виктора Владимировича.

П.: Он мне предлагал, я, наверное, вам говорил, быть его заместителем — заместителем директора. Но я не чувствовал в себе таланта администратора. Сказал, что не могу. «Вольному воля!» — сказал Виктор Владимирович.

З.: Это *когда* он предлагал, Михал Викторович?

П.: Это до того, как вы стали заместителем.

З.: А-а, а я по глупости согласилась. И даже не так по глупости, сколько из любви к ...

П.: Нет, у вас есть талант организатора!

З.: Нет, я из любви к учителю, я как-то не могла ему отказать!

С.: Конечно, вы не могли!

П.: Нет. У вас есть талант организатора и администратора, потому что вы много... Сколько коллективов организовали! Очень много. А я мог *⟨весело⟩* организовать только расчет своего взвода для двух пушек! *⟨усмехаясь⟩*.

З.: Нет, мы до сих пор, наш сектор живет вашими идеями. В значительной мере.

П. *⟨весело, с шутливым пафосом⟩*: А я идеями *сектора* живу!

С.: А я всегда жалею, Елена Андревна... Вот как-то, когда мы ехали из Пскова в поезде, вы мне сказали, что вот вы начинаете такую-то тему: «Идите к нам!»

З.: А вы не пошли.

С.: А я сказала так же: вот я как бы фонетист и диалектолог! И теперь очень жалею! Потому что важно — не *что* делать, а *как* делать и *с кем* делать.

З.: *С кем* и *как*. Очень важно — *с кем*. Ну, Лена, я вас не звала больше не потому, что как-то я раздумала, а раз вы так резко и твердо сказали...

⟨...⟩

П.: А как это называется *⟨указывая на стоящую в вазочке вишневую веточку в цвету⟩*?

Т.: Вишня.

П.: Как?

З., С. *⟨хором⟩*: Вишня! Ви-шня!

З.: Вишня, ягода. Варенье... Будем варить варенье!

П.: Вишня. Хорошо.

Т.: Русская сакура. *⟨...⟩*

П.: Когда я учился в старших классах (это был конец 30-х годов) — открыл для себя еще один интересный мир. Лето проводил в деревне — мы снимали комнату в избе (деревня Игнатьево около Звенигорода). Стал записывать фольклор — частушки. Записал их около 4000. Были среди них просто прекрасные: *Коля-Коля, твои кони / Под горою воду пьют. / Коля-Коля, твои очи / Мне покою не дают...* Частушки создаются обычно по принципу оксюморона: две строчки глядят на нас, а две — в Арзамас. Семантический разрыв. Только один поэтический воздух струится между двустишиями. «Коля-Коля, твои кони...» — именно такая частушка. А какое замечательное звуковое строение!

Из частушек на деревенских гулянках строятся диалоги, тоже с контрастом. Девушка поет: *Что ж ты, Коля, не пришел! / Я душой болела. / До двенадцати часов / Лампочка горела.* А парнишка ей отвечает: *Потому я не пришел, / Что штанишек не нашел. / Хотел надеть папанины / — Оказались мамины!* На лирический призыв — ответ озорной, шутливый.

Недавно Н. Старшинов издал два сборника частушек, будто бы народных. Сплошь похабщина! И крайне бесталанные. Поневоле подумаешь, что эти «народные» частушки сочинил сам Старшинов. Частушки поют — на улицах, в домах — вместе девушки и молодые люди. Парни хотят понравиться — конечно, не похабщиной. Девушки на выданье, берегут свое имя — похабщина им ни к чему. Некоторые литературоведческие дамы любят похабщину, старшиновские частушки им очень понравились, но они далеки от народной речи.

У меня были еще другие информанты: девчатки-дошкольницы. Они пели мне частушки, которые слышали от взрослых, а я славных девочек кормил конфетами. Пели-пели, да вдруг! Вот какие запели... особые! Я похолодел, их слушая: *Ераплан летит, / Крыло приставлено. / Убили Кирова, / А надо Сталина... Ераплан летит, / Крыло прилеплено. / Ах ты, Оська-бандит, / Продал Ленина... Ераплан летит, / Крыло приварено. / Оська Кирова сожрал / И жует Бухарина...* (Видимо, придумана во время процесса Бухарина). *Самолет летит-летит, / А потом спакировал. / Ах ты, Оська, бандит, / Укокошил Кирова!* (Какая замечательная организация звука! *Спакировал* — вместо *спикировал*.)

Тут одна малышка говорит: «Ты, дядя, зачеркни посильнее эти песни, их петь нельзя».

Я зачеркнул и дома даже всю страницу сжег, но песенки запомнил.

Это соприкосновение с народным словом было мне дорого. Народ не безмолвствует, создает свою живую речь — от любовной до отважно-политической...

В годы моего детства педагогика знала только слова: «должен», «обязан», «как все!», «равняйся на передовиков!», «По указанию!», «Под водительством!». Какая тоска, как ноют в памяти все эти торжественные линейки, праздничные сборы, школьные культпоходы, массовые смотры... И надо по команде ликовать, по команде ненавидеть, потрясая в воздухе кулаком... Ведь должна быть отдушина! Для меня такая отдушина была — книжка, журнал. С картинками и стихами.

Папа приходит с работы... Всегда приносит гостинцу: пачку печенья, шоколадку, но особенно хорошо — если книжку или журнал. Сидеть у него на коленях и вместе с ним радоваться смешным рисункам и упиваться стихами.

(А где-то недалеко — хозяева жизни: «Не умеешь — научим... Не хочешь — заставим». Елейным, иудушкиным голосом.)

Папа выписал мне журнал «Ёж». Ка-а-акой это был журнал! Стихи и проза Чуковского, Маршака, Хармса, Олейникова, Шварца, Заболоцкого, Житкова, Пантелеева, Бианки, Михаила Ильина, Чарушина... Если меня кто-нибудь захочет определить по самой моей сути, короче всего, пусть скажет: это человек, который в детстве читал Хармса и на всю жизнь полюбил его стихи — и детские, и для взрослых.

З.: А имена авторов вы тогда, в детстве, помнили? Фамилии?

П.: Конечно! Они мои любимцы — как не помнить... Потом протоптал тропинку к другим русским поэтам. Первые поэты, которых *я сам* полюбил — Маяковский, Пастернак, Хлебников. Маяковский в то время был не в чести. В 1930 году, в апреле, в день похорон, я утром выбежал — купил 10 или 15 газет с некрологами Маяковского. Сплошь упреки — не тот поэт! Не пролетарский! Потом отзыв Сталина о нем... Полегчало? Нет! «Лучший, талантливейший»... А я уже, кроме лучшего, любил Пастернака, Хлебникова, Ахматову... Общими усилиями началось вытаптывание поэтов вокруг Маяковского.

Уже в институте. Однокурсники спрашивают: каких поэтов любишь? Говорю: Хлебникова, Маяковского, Пастернака. Хлебникова они пропустили мимо ушей, Маяковского одобрили, но Пастернак вызвал шок: «Как? да он же отщепенец! Внутренний эмигрант! Противопоставил себя народу! Гнилой эстет!» Один — с напором: «А почему он все свои стихи посвящал Бухарину?» Говорю, что нет у него стихов, посвященных Бухарину. «Нет, я видел! Откроешь его книгу — стих — "Посвящается Бухарину", откроешь еще — опять — Бухарину!» И напрасно я его уверял, что нет в книгах Пастернака посвящений Бухарину — опять всё то же: посвящал врагу народа. Потом интересовались: «Ты всё еще за Пастернака?»

З.: Что же, сами-то не читали?

П.: В программах не было. А с Бухариным у меня вышло так. 1934 год. Первый съезд писателей. Сколько пропагандистской дребедени — начиная с доклада Горького! Вдруг — прекрасный подарок: доклад Бухарина о поэзии. Похвалил Маяковского, посмеялся над Демьяном Бедным... и восславил Пастернака! Видно, что любит, что понимает, что готов идти против шаблонов. Полюбил я Бухарина. На всю жизнь... (А когда узнал, что он пытался защитить российское крестьянство, — еще больше стал уважать.) В 1938 году, процесс Бухарина... В классе читают газеты со стенограммами процесса, их поручают читать передовикам. Когда передают речь прокурора, голос трубный, кулак властно машет в воздухе... Когда читают выступления Бухарина — визжат, хрюкают, чтобы показать, как им ненавистен этот негодяй!

З.: Да-а...

П.: В чем роль искусства? В чем его суть? Нельзя передохнуть от общего смрада: искусство обязано служить, способствовать, соответствовать, укреплять, следовать по пути, выполнять. Но ясно, что это ложь: все эти повелители искусства, художественной литературы — исчезают, а искусство остается, и только ему дано в удел бессмертие. Среди мракобесия — набрел на ОПОЯЗ. Покорила его верность искусству, глубина проникновения в глубину искусства. Книги В. Б. Шкловского, Ю. Н. Тынянова, Б. В. Томашевского, Б. М. Эйхенбаума, позже — Е. Д. Поливанова стали дневать и ночевать у меня на письменном столе, на парте, в портфеле. Сейчас часто говорят, что современные литературоведы-структуралисты продолжают дело опоязовцев, поднимают его на более высокий уровень. Нет, не продолжают и не поднимают. Действия этих двух направлений мысли прямо противоположны.

Главная задача литературоведов-структуралистов — подвести произведения искусства под общие семиотические законы, показать, что и художественное произведение подчиняется всеохватывающим велениям семиотики. Это — главное. Даже у талантливого Ю. М. Лотмана специфичность искусства не получает достаточного освещения.

ОПОЯЗ движется в противоположную сторону. Знаковая природа искусства не отрицается, но искусство — это *особая* семиотическая система, и внимание у опоязовцев обращено на ее специфику. Девиз опоязовцев: искусство не подверстывается под иные стороны культуры, оно — особо и отдельно. Б. В. Эйхенбаум заявлял: мы не формалисты, мы спецификаторы. Поскольку искусство страдает больше всего от попыток подогнать, приспособить его для рабствования у неискусства, такая точка зрения особенно ценна.

З.: А Лотман? Разве он не так же значителен, как опоязовцы?

П.: Талантлив. Из наших современников-литературоведов ровня опоязовцам — только Борис Андреич Успенский, с его «Поэтикой сюжета»....

Отец мой работал переводчиком технической литературы. По каким-то делам перевода был знаком с К. И. Чуковским. Он показал Чуковскому мои писания (видимо, вроде рассказов) — я несколько раз встречался с писателем, что-то ему показывал. Когда был уже студентом, послал ему толстоватую тетрадь — труд о русской литературе. Написано было в духе ОПОЯЗа. Через некоторое время позвонил ему по телефону, хотел узнать его мнение. Он мне ответил совсем не в духе прежних благожелательных отзывов: «Я ваше писание разорвал и выбросил!»

Я был обескуражен. Я не знал о напряженных отношениях между литературоведом К. И. Чуковским и литературоведами-опоязовцами: они взаимно не принимали друг друга. А было бы интересно сейчас прочесть, что я там писал. Мысль была та же, что и впоследствии, когда я, три десятилетия спустя, читал курс истории русской поэзии, сначала на филфаке МГУ, а потом в Московском Открытом педуниверситете.

Это мысль о том, что поэзия не нуждается в своем движении сквозь время, чтобы ее подпихивали со стороны социологии, политики, морали,

религии и т. д. Она обладает мощным началом саморазвития: эстетически значимо само ее строение — звуковое-ритмическое, словесное-изобразительное, образное. Самодвижение этого строения и есть русская поэзия в ее непрестанной жизни. Мог бы сказать вместо «строения» — «структура», но не стоит: могут принять за структуралиста.

З.: Не уверена, что надо так резко отделять структурализм от предшествующих филологических направлений... А ваши лингвистические работы — в них была общая мысль?

П.: Вначале это было Броуново движение: туда, сюда, в стороны. Постепенно стала вырисовываться общая цель, она представлена в «Истории русского произношения». В чем единонаправленность всей массы изменения русского говорения? Колоссальная масса самых разнородных фактов! Но они складываются в общую картину: система гласных различителей упрощается, система согласных различителей усложняется. Происходит — по крайней мере в XVIII—XX веках — перераспределение, переинтеграция различительных элементов в языке. Потом я старался показать — это тоже моя итоговая работа, «Позиционная морфология русского языка», — что особенности строения, которые важны для системы произношения, существенны и для грамматического строя...

Еще одну каплю воспоминаний... Существовала педология. Она изучала детство и детей. Потом ее ликвидировали, и бедные Л. С. Выготский и П. П. Блонский подверглись многолетнему шельмованию. Но в мои школьные годы педология была в силе. В 7 классе надо было пройти педологический «досмотр», на нас составляли особую характеристику. Педологи и учителя решали, учиться ли школьнику дальше, в 8—10 классах. Эти характеристики можно было тайком подсмотреть. В них все школьники были разбиты на типы: каждый — либо вожак, инициатор, застрельщик, активный исполнитель, либо пассивный исполнитель, представитель середины, участник массовых действий... Я, когда меня вызвали в кабинет педолога, скосил глаза в бумаги и увидел, кто я: «Стоит в стороне от коллектива». Умный классный руководитель! Верно меня увидел!

Но теперь, вспоминая жизнь, скажу: не прав мой классный руководитель! У меня всё время был коллектив, мне близкий: мои учителя — лингвисты и литературоведы, мои друзья — ученые, преподаватели, студенты... и просто друзья, но тоже очень хорошие. И еще: поэты, художники, ученые — люди разных веков.

З.: У вас надежные друзья.

АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ РЕФОРМАТСКИЙ:
Тут и Пименом себя в некотором роде представишь:
«Прошедшее проходит предо мною...»

(Из беседы с Виктором Дмитриевичем Дувакиным[1]*)*

21(24?) ноября 1973 года

Запись сделана в квартире А. А. Реформатского (Москва, улица Черняховского, дом 4, квартира 132).

Запись В. Д. Дувакина

Расшифровка Т. В. Жуковой

Подготовка к печати В. Ф. Тейдер

Оригинал фонозаписи (касс. № 347) хранится в отделе фонодокументов Научной библиотеки МГУ.

Принятые сокращения:

Р. — А. А. Реформатский

Д. — В. Д. Дувакин

Р.: Когда у вас будет вопрос, Виктор Дмитриевич, пожалуйста, перебивайте и задавайте, а я так или иначе постараюсь придумать, что вам ответить. ⟨...⟩

---

[1] Дувакин Виктор Дмитриевич (1909—1982) — педагог, архивист, исследователь биографии и творчества Маяковского, более 40 лет проработал на филологическом факультете Московского университета. Автор книг: Радость, мастером кованная. М., 1964; Rostafenster. Majakowski als Dichter und bildender Kunstler. Dresden, 1967; 2-е изд. 1975. Последние 15 лет своей жизни посвятил созданию в МГУ фонда звуковых мемуаров по истории русской науки и культуры первой половины XX в. Подробнее о фонде см.: Записка В. Д. Дувакина «О моей работе на кафедре научной информации МГУ» // Археографический ежегодник за 1989 год. М.: Наука, 1990. С. 306—313.

В 70-е годы В. Д. Дувакиным были записаны воспоминания более 300 человек (среди них — П. С. Александров, М. М. Бахтин, И. М. Гронский, Р. Я. Плятт, А. А. Реформатский, Н. В. Тимофеев-Ресовский, В. Б. Шкловский, Д. Д. Шостакович, В. В. Шульгин, Р. О. Якобсон), собраны материалы к биографиям поэтов, писателей, архитекторов, художников, музыкантов. За последние годы по материалам фонда осуществлено более 50 публикаций, изданы книги: *Тимофеев-Ресовский Н.* Воспоминания. М., 1995; 2-е изд. 2000; Беседы В. Д. Дувакина с М. М. Бахтиным. М., 1996; Анна Ахматова в записях Дувакина. М., 1999.

Д.: Вы свою биографию, так сказать, довели... Тут у вас такая маленькая пауза: ну, разные курсы. В общем, ясно, что после этого вы работаете в педагогическом институте. Вы работаете в нем до какого времени?

Р.: Это где?

Д.: В МГПИ.

Р.: Ах, в МГПИ! Двадцать лет я работал, с тридцать четвертого до пятьдесят четвертого года.

Д.: До пятьдесят четвертого года. Тогда-то я вас и услышал. И были там заведующим кафедрой?

Р.: Это было во время войны. Я был заведующим кафедрой, когда вот после 16 октября тут все разбежались, а кто эвакуировался, и вообще надо было спасать положение.

Д.: А вы в Москве оставались?

Р.: Да, я в Москве был. А потом я Михаилу Николаевичу Петерсону эту кафедру передал, а сам перешел заведовать кафедрой уже в Литературный институт. Но это был уже сорок второй год.

Д.: А после войны?

Р.: Дак вот, я в Литературном институте был до пятьдесят первого года. И в пятьдесят первом я из Литературного института ушел, потому что меня пригласили в Академию наук, в Институт языкознания. Я там уже работал, но у меня получилась комическая ситуация: я имел ставку в Литературном, ставку в Академии и полставки еще в городском. Это уже подсудное дело. Поэтому я в конце концов умолил дирекцию Литературного института меня отпустить, чтобы у меня были нормальные полторы ставки.

Д.: Только вы увели у него студентку, да? ⟨*смеясь*⟩ Наталью Иосифовну.

Р.: Да. Ну так она ведь продолжала там заканчивать свое образование, а я уже оттуда ушел. Так что это все новая, другая эпоха.

А вот что касается этой «Технической редакции»... Действительно, вскрыл этот вопрос Панов. Как ни странно, этот Панов — один из продолжателей — второе поколение нашей Московской школы, наш ученик с Алексей Михайловичем, человек очень большой одаренности. Он написал *очень забавную* книжку про русскую орфографию в виде такого рассказа под названием «А все-таки она хорошая!». И в этой книжке он как раз и вернулся к моей «Технической редакции книги» и показал, что там многое есть то, что позднее отшлифовалось как теория информации и семиотические ⟨нрзбр.⟩ А я тогда и слова «семиотика» не знал, а так вот инстинктом куда-то такое шел и чего-то находил.

Д.: Значит, вы один из, так сказать, зачинателей теории информации?

Р.: Уж невольно получилось так, но хотя это... А как официальная дисциплина она пошла от математиков и от представителей точных наук. Это уже другая статья, и туда я не вмешивался. А вот про Панова я должен сказать, что достоин всякого уважения, Панов. Значит, начинал он до войны.

Д.: Это брат шахматиста?

Р.: Нет

Д.: И не поэт?

Р.: Это не тот и не другой, а совсем, как говорится, даже и не однофамилец. *(смеясь)* Так вот, одним словом... А тот шахматист-то был тоже мой ученик, но по другой линии, по Дому печати. А Михаил Викторович Панов — поступил он до войны. Потом его война оторвала. Он на войне серьезно пострадал. Вернулся, закончил свое образование вузовское, прошел аспирантуру у Рубена Ивановича Аванесова. Защитил диссертацию. Оппонентами были Петр Саввич Кузнецов и я. *Великолепная* диссертация, надо сказать. А потом, когда он начал преподавать в том же городском педагогическом институте, он обратился ко мне с просьбой дать ему разрешение прослушать мой курс «Введения в языкознание». И он целый год, будучи кандидатом наук, вместе со студентами первого курса слушал. И тогда, когда в пятьдесят четвертом году я вынужден был уйти из городского пединститута (меня тогда в университет пригласили, а уже совмещать было невозможно), то я мог со спокойной совестью передать свой курс, который двадцать лет там читал, Михаилу Викторовичу Панову. Вот... что значит научная скромность. Будучи кандидатом наук, сидеть с первокурсниками и внимательно весь курс слушать. Это достойно всякого уважения.

Д.: Да, конечно, конечно. Это редко... Ну, а в университете ... Курс ведь не вели?

Р.: Нет, видите ли, в университете у меня было три встречи, как пишет Тургенев в одной из чудесных своих повестей. Первая встреча была в ИФЛИ, когда меня Ушаков пригласил на свою кафедру, и я там читал, и «Введение» читал, правда, на философском факультете. А потом читал часть курса Дмитрия Николаевича [Ушакова] о современном русском языке, но война это прервала, поскольку ИФЛИ закрылся.

Д.: ИФЛИ уехал и вливается в университет.

Р.: Да, это позднее. А пока еще было два университета. Один находился в Свердловске, первоначально в Ашхабаде, а другой оставался в Москве.

Д.: Восстановился в январе?

Р.: Да, и было два ректора, один тамошний, а другой тутошний. Вообще это была ситуация довольно нелепая. Ну так вот, тутошняя дирекция меня тогда пригласила. А в это время в Москве жил Щерба, который со мной дружил, чему я был очень рад, и всячески хотел, чтобы я преподавал в университете. А вот Обнорский не хотел этого, и...

Д.: А какое отношение имел Обнорский, ведь он заведовал классической кафедрой?

Р.: Нет, не классической, а русской как раз, а общей кафедрой Щерба заведовал в это время. Понимаете? А мне хотелось именно на русскую кафедру. Ну в результате компромисса я попал в заочное отделение, об чем я уж, по-моему, говорил прошлый раз.

Это была настолько нудная, неинтересная, поденная работа, что я через два года плюнул и ушел. Сам, по собственному желанию. А вот по-

следний раз — это уже было в пятьдесят третьем году, когда меня пригласили заведовать фонетической лабораторией, и я ею заведовал до пятьдесят восьмого года. Это был последний мой...

Д.: Налет в университет.

Р.: Да, заход в университет я бы сказал. Вот.

Д.: И что же? Это печально для нашего деканата, конечно...

Р.: А закон же был выпущен, что нельзя совмещать, потом его отменили, но уже все — дело было сделано. Да так, что уже поздно было после драки кулаками махать. Поэтому я в пятьдесят восьмом году простился с университетом.

Д.: Значит, вам предложили проститься, да?

Р.: Да нет, я, помню, я пришел к декану...

Д.: Тогда деканом был?..

Р.: Самарин был. И я говорю ему: «Роман Михайлович, все-таки, по-моему, и меня касается, это постановление». — «Да, — говорит, — к сожалению, касается и вас». — «Ну, — я говорю, — ладно, что ж, так — так так...»

Д.: А основная работа ваша?

Р.: А она была уж в Академии, в Институте языкознания.

Д.: В Академии наук?

Р.: Да.

Д.: Вы уже в это время доктором были?

Р.: Нет, в пятьдесят восьмом я еще не был. Я докторскую получил в шестьдесят втором году только степень. А там я был очень в корню в это время. Как раз самые горячие были годы работы.

Д.: Последняя попытка... реформы, которую потом прихлопнули, она вас не коснулась?

Р.: Это реформа орфографии?

Д.: Да.

Р.: Да, я был членом этой комиссии под председательством Виноградова. Но у меня никаких хороших воспоминаний об этой работе нет, потому что это было хаотично, бесплановo и беспринципно, я бы сказал, вот в основе. Одним словом, настал момент, когда Аванесов, Панов и я — мы подали заявление, что мы выходим из этой комиссии, потому что больше мы не могли в сотый раз пережевывать один и тот же вопрос, который решался каким-то большинством голосов. А кто эти голоса тут были? Главным образом — представители, а не личности и не ученые, а — *от* такого-то института, *от* такого-то института...

Д. *(смеется)*.

Р.: Ну, это несерьезно.

Д.: Научные вопросы так не решаются.

Р.: Да. Так что это никуда не годилось все дело.

Д.: И вообще вся постановка этой...

Р.: Да, конечно. Публикация была сделана в газетах без предварительного разъяснения, плохо отредактированная. Пункты, которые были не приняты, попали вместе с принятыми, одним словом, все это была никуда не годная работа. Ну, остались вот некоторые книжечки вокруг этого дела, в которых те или иные вопросы осветили участники, и это полезно. А сама деятельность комиссии... даже протоколов не сохранилось. Вот до чего это плохо. А вот когда мы работали с Ушаковым, то у нас точно все протоколы были подобраны один к одному с подробным перечнем: *что* разбиралось, *кому* поручено, *к какому* сроку. Да, так было при Ушакове.

Д.: А как вы считаете вообще эту затею саму по себе: было это нужно или не надо?

Р.: Что?

Д.: Русская орфография.

Р.: Конечно, она... та реформа, которая в семнадцатом году, — она не вышла. Даже тот проект, который был опубликован в девятьсот двенадцатом году Академией наук, он осуществлен был меньше, чем на пятьдесят процентов. А это проект, который был под эгидой Фортунатова еще сделан! А вообще в семнадцатом году — рожки да ножки... Даже смешно сказать, когда двадцать третьего декабря девятьсот семнадцатого года *первая* была публикация, то было тринадцать пунктов. А десятого октября восемнадцатого года уже только было одиннадцать пунктов. Два пункта сократили на ходу. А что делать с ними? — так и осталось неясным. Эти вопросы так до сих пор не ясны, потому что та кодификация, которая была сделана в пятьдесят шестом году, она никого, конечно, не удовлетворяла: ни учителей, ни учащихся.

Д.: Вот у меня справочник есть корректора — пятьдесят шестого года.

Р.: Ну, это все попытка ⟨нрзбр.⟩ ⟨...⟩ Надо было, конечно, провести может, не коренную реформу, но целый ряд вещей привести к единообразию. Но тут, понимаете, все дело еще, конечно, испакостили эти литераторы и писатели: Леонов со своим ⟨нрзбр.⟩ — люди, которые ничего не понимают. Кирпотин со своими заявлениями и такие, как Геннадий Николаевич Поспелов, который тоже написал... У меня хранятся эти документики. Это как люди, не понимая сути дела, авторитетно обсуждают, и что-то отрицают, что-то признают. Ужасно странно. Ведь я же не буду лезть как лингвист в споры о том, что такое *пафос в трагедии*. Не буду. Это не моего ума дело. Этим пускай Геннадий Николаевич занимается, Поспелов.

Д. ⟨*смеется*⟩.

Р.: А он бы уж лучше не лез в орфографию, а уж тем более Леонов, Кирпотин и прочие. Это уж такая была невежественность! Просто диву даешься, что они там такое пороли в своих статьях. Ну, всё это потому, что плохо было сделано. А плохо было сделано потому, что возглавлявший академик Виноградов сам не орфо́граф. Он не болел этим душой. И все это шло как по течению, а так нельзя: орфография — вещь строгая. Сейчас опять, кажется, начинают об этом разговоры, последнее вот заседание ОЛЯ там было. Ну, не знаю, к чему это приведет. Вот так.

Д.: Ведь это же *общественное* было обсуждение, ведь от этого очень страдает школа, тут вопросы практические: нужна ли вообще реформа, исходя из того, что огромное количество людей надо переучивать и огромное количество бумаги тратить.

Р.: Хорошо, но, когда переучивали в семнадцатом-восемнадцатом году, это же, казалось, — совершенный пустяк и ничего не надо было тратить, потому что старую печать с ятями читаешь совершенно так же, как и новую. Никакого труда это не составляет. Нет, это вообще *трудности* изменения орфографии — это в значительной мере всё *выдумка*. Это несерьезно. Мы же знаем, как и алфавит менялся. Возьмите в Турции в двадцать девятом году, когда провели латинизирование. Возьмите — с нашими народами как было. Некоторые народы меняли по несколько алфавитов даже. Вот, допустим, у дунган — это мне близкое дело, я принимал участие в одной из комиссий по этому делу. Дунганы имели сперва китайскую письменность, потом арабскую письменность, потом русскую письменность, потом латинскую письменность и вот опять русскую письменность. Ну, и ничего, люди грамотные.

Д.: Ну так их всего-то, наверное, несколько тысяч.

Р.: Ну, их там считают кто двадцать две, кто двадцать восемь — это, так сказать, неважно. Важен тот уровень, на котором... У меня много приятелей дунган есть, очень высоко интеллигентных и развитых людей, хороших лингвистов, поэтов, литераторов и так далее, и так далее.

Очень плохо, что обычно считается, что об орфографии может любой человек говорить любую дурь. Вот это ужасно. Потому что орфография — это есть вещь строгая, поддающаяся *нормированию*, поддающаяся *точности*. И тут нужна *наука, наука и наука*, прежде всего для того, чтобы практика получила *хороший* продукт, а не ублюдка, не какое-то... гомункула ⟨гомункулуса⟩, короче.

Д.: Очень интересно.

Р.: Вот так дело обстоит.

Д.: Ну, значит, ваша биография дальше продолжилась... Из университета вы ушли и работали до... Вы сейчас уже на пенсии, нет?

Р.: Я и на пенсии, и не на пенсии, потому что я вот с пятьдесят восьмого по семидесятый год заведовал организованным мною же сектором структурной и прикладной лингвистики. Это отвечало всем моим давнишним интересам и включало ту проблематику, которая меня интересовала. В семидесятом году, опять же по некоторым приказаниям свыше... я был вынужден уйти от заведования, но остаться при данном секторе в виде профессора-консультанта, каковым и пребываю до сих пор.

Д.: Сектор структурной и прикладной лингвистики... или как это называется?

Р.: Институт языкознания Академии наук.

Д.: Институт языкознания ОЛЯ Академии наук СССР?

Р.: Да, да, да, да.

Д.: Ага, понятно. Ну, значит, вас в этом смысле ⟨*усмехаясь*⟩, так сказать... закруглили. Ну, а ваши основные научные интересы в это время — все-таки за пределами орфографии?

Р.: Дак орфография — одна из ипостасей, которой надо было заниматься. Именно это-то и есть прикладная лингвистика. А основная была фонология все-таки. И вот — определение основных понятий фонологии, что я постарался изложить в одной книге, которая была издана как раз в семидесятом году. Это — «Из истории отечественной фонологии». А кроме того...

Д.: Термин «фонология» вам принадлежит?

Р.: Нет! Термин употреблял еще Бодуэн де Куртенэ в девяностых годах прошлого века. А вообще говоря, он и раньше употреблялся в несколько другом значении.

Д.: Петерсон его никогда не употреблял.

Р.: Да, но потом это стало обще- таким употребительным. Это как и на Западе, и в Америке, и у нас: «фонология», «фонология» — и больше никого это не смущает уже.

Ну а у меня было несколько таких направлений, которым я отдавал так или иначе свое внимание, кроме фонологии. И вопросы грамматики, правда, не синтаксиса, а именно вот морфологические вопросы меня заинтересовали. Кроме того, в области лексикологии я занимался терминологией, ономастикой, собственными именами. Целый ряд работ у меня был на эту тему. Ну, транскрипцией, транслитерацией — тоже все это опубликовано, так что тут много линий, которые надо было, так или иначе, в виде полифонического такого рисунка, чередуя эти темы и сплетая их в одно что-то целое. Ну, не знаю, не мне судить, как мне удалось эт сплести все, но плел я усердно, одно могу сказать.

Д.: Аванесова предисловие к этому сборнику, вам посвященному, или..?

Р.: Это Панов писал. Аванесов тут только свою фамилию дал. Это Михаил Викторович Панов. Это его *стиль*, его *манера*, его любимые темы. И эти все рассказы студентов — это его запись была.

Д.: Очень интересная статья, так что это уже дополнение к моей записи...

Р.: Да, безусловно. Хотя эта статья несколько хвалебного свойства, но в ней много рассказано того, что обо мне не знают, хотя со мной тесно соприкасаются. Ну, с Михаилом Викторовичем мы продолжаем тесную связь, хотя он сейчас не работает в стенах Академии, но это неважно.

Д.: Александр Александрович, вы еще уж дополните... Очень сожалею, что вы так все-таки мало университету отдали. Я попутно в своей деятельности стараюсь быть *возможно больше* историком Московского университета. Но вот ваши, эти самые... формальные...пути... Когда вы стали кандидатом, когда доктором и на чем?

Р.: Я обе степени получал honoris causa. Никакой диссертации я не защищал никогда. Один раз меня представил Дмитрий Николаевич

[Ушаков] в Ученый комитет Наркомпроса, который тогда этим заведовал, и мне было, значит, присвоено звание доцента в тридцать седьмом, а в тридцать восьмом, в начале, — ученая степень кандидата.

Д.: А можно было ученую степень кандидата так получать, без...?

Р.: Можно. Многие так получали. А некоторые почему-то такое получали профессора без кандидата. Таким был мой покойный друг Смирницкий Александр Иванович, который на вопрос, когда его спрашивали: «Вы доктор или..?» — «Нет, — отвечал, — мы — фельдшер».

Д.: Хм!

Р.: Потому что он, будучи официально профессором, не имел даже кандидатской степени. Вот такие курьезы бывали.

Д.: Да, возможно, так бывало.

Р.: Ну, ему тоже как-то было неудобно защищать какую-нибудь, значит, кандидатскую диссертацию при его известности и его имени. Это было бы нелепо. А вот ему не помогли. А мне добрые друзья помогли, и те, значит, институты... Это поддержал покойный академик Конрад Николай Иосифович, человек, которого я очень любил. И вот в Институте иностранных языков единогласно мне присудили эту докторскую степень, что и утвердил ВАК. Вот так дело мое и сложилось. А университет, собственно, тут ни при чем был абсолютно. И в университете когда я был в последнее время — вот пять лет, с пятьдесят третьего по пятьдесят восьмой, я занимался тем, что я был заведующий фонетической лабораторией. Она была плохо оснащена. Я обивал пороги, бил челом и так далее, но все это шло очень медленно. Но зато все, значит, кафедры, которые были связаны с обучением иностранцев русскому языку, приходили ко мне. Вот приходил руководитель со своими учениками. И каждую субботу они мне отчитывались, что они за неделю сделали. И я очень многое тут почерпнул именно на ошибках моих этих вот подведомственных учеников. Это мне дало возможность написать пять больших статей на эти темы: о роли фонологии при обучении...

Д.: Иностранному языку.

Р.: ...при обучении русскому языку как иностранному.

Тут были корейцы, и индийцы, и китайцы, и болгары, и кто угодно. И вот я сравнивал эти все... И французы, немцы — одним словом, масса было разных. Это было *чрезвычайно* полезно. Так что я эти занятия в университете вспоминаю с большим удовольствием. А читать — я только читал кусок курса, который просил меня Владимир Андреевич Звегинцев. Он читал «Общее языкознание». Он просил меня прочитать «Фонологию». Я на первой лекции, вводной, спросил, что они знают про Соссюра. На это мне один бойкий студент сказал: «Нам вот объясняли, что Соссюр — это вредный буржуазный ученый и что его — не надо». Я говорю: «Прямо так и сказали?» — «Так и сказали». — «Ну, хорошо, — я говорю, — вас обучали. Тогда мне придется следующую лекцию специально вам прочитать о Соссюре». И я им прочитал лекцию на следующей неде-

ле, посвященную Соссюру. Надеюсь, у них мозги немножко прояснились после этого.

Д.: (*смеясь*) Это в каком же году?

Р.: Это было... Ну да, это было — пятьдесят седьмой, что-нибудь вот такое...

Д.: Еще в то время... еще, да. Немножко запоздали. Да, университет запаздывает вообще.

Р.: Вот это было в этой Коммунистической аудитории тогда, бывшей Богословской, где я когда-то сам студентом сидел слушал лекции. А тут, значит, вот, докладывал. Народу много было. Это был старший, правда, курс, но тут многие ходили, оказывается, и с других курсов, как мне потом передавали. Ну, это было несколько лекций, в конце концов, часть курса Звегинцева. Вот я его прочитал — и все, потом остальное он сам уже читал.

Д.: А Звегинцев — серьезный ученый?

Р.: Серьезный. И очень образованный человек. Немножко сноб. Но это было многих славных путь. Вот был покойный Михайловский Борис Васильевич. Это были друзья. Они балетоманы оба и книголюбы страшные.

Д.: И живопись прекрасно знают.

Р.: Вот. Вот и в них был такой снобизм, который мне лично чужд. Но Михайловского я знал мало, поскольку мы с ним почти не сталкивались нигде. Правда, в гимназии были в разных классах, но я его помню как гимназиста. А со Звегинцевым мы вместе работали в Институте языкознания, пока он оттуда не ушел в университет, и в университете, значит, совместно. А потом также по его очень полезной деятельности, когда он воскресил вот эту традицию Шор и Сухотина по изданию классиков зарубежного языкознания. Вот тут я участвовал как редактор Марузо́ словаря, как редактор Словаря пражской терминологии, как автор послесловия к «Основам фонологии» Трубецкого и в целом ряде других начинаний. Но честь и слава Владимиру Андреевичу, который свои хрестоматии издавал и эти серии «Новое в лингвистике». Это *очень нужные* вещи.

Д.: Да, лингвистика у нас... не очень была сильно поставлена уж в то время, когда я работал в университете, но литературоведение еще хуже. Ну, это уже в сторону. Ну что ж, Александр Александрович, пленка, кажется, кончается.

Р.: Вот, как сказано в одном романсе Даргомыжского — «Расстались *гордо* мы».

Д.: Да.

Р.: Вот. Ну, что ж...

Д.: «Мой костер в тумане светит...»

Р.: Вот и пусть...

Д.: «Искры гаснут на лету» ⟨*весело*⟩.

Р.: Вот. Пусть из этой искры не то что возгорится пламя, а чтобы это где-то сохранилось.

Д.: Постараюсь, Александр Александрович, я *всё сделаю*.

Р.: Сделайте так, потому что вот умрешь, и умрет всё, что накопилось в голове. Всего не напишешь.

Д.: Вот именно.

Р.: А в такой вот живой беседе — конечно, тут и то вспомнишь, и это вспомнишь, и люди как-то проходят. Так что тут и Пименом себя в некотором роде представишь: «Прошедшее проходит предо мною...»

Д. ⟨*смеется*⟩.

Р.: «...волнуяся, как море-океан». Да. Вот.

Д.: «Давно ль оно неслось, событий полно?»

Р.: Да, да.

Д.: «Теперь оно безмолвно и спокойно». Хорошо бы, чтобы безмолвно и спокойно пролежали эти записи, ну, хотя бы...

Р.: Да. Главное, чтобы их *материально* сохранить, чтобы их не постигла печальная судьба валиков Сергея Игнатьевича Бернштейна. ⟨...⟩

СПИСОК ТРУДОВ М. В. ПАНОВА

Заударный вокализм современного русского литературного языка: Автореф. ... дис. канд. филол. наук / МГПИ им. В. П. Потемкина. М., 1952. 15 с.

О значении морфологического критерия для фонологии // Изв. АН СССР: Отд-е лит. и яз. 1953. Т. 12. Вып. 4. С. 373—377; то же // Реформатский А. А. Из истории отечественной фонологии: Очерк. Хрестоматия / Отв. ред. Р. И. Аванесов; АН СССР: Ин-т языкознания. М.: Наука, 1970. С. 368—373.

Контрольные работы по современному русскому языку. (Лексика и морфология). Для студ.-заочников II курса учит. ин-тов / Гл. упр. подгот. учителей М-ва просвещения РСФСР: Науч.-метод. каб. по заоч. обучению учителей. М.: Учпедгиз, 1954. 55 с. [В соавт. с М. С. Буниной.]

Об особенностях артикуляции некоторых редуцированных звуков (в свете учения акад. И. П. Павлова) // Уч. зап. МГПИ им. В. П. Потемкина. 1954. Т. 33. Каф. рус. яз. Вып. 3. С. 3—18.

О слове как единице языка // Уч. зап. МГПИ им. В. П. Потемкина. 1956. Т. 51. Каф. рус. яз. Вып. 5. С. 129—165.

Современный русский язык: Сб. упражнений [для пед. ин-тов] / Под ред. И. А. Василенко. М.: Учпедгиз, 1956. 232 с.; то же. 2-е изд., доп. 1961. 244 с.; то же. 3-е изд., доп. М.: Просвещение, 1982. 255 с. [В соавт.]

О влиянии грамматической аналогии на произносительные нормы в современном русском литературном языке // Уч. зап. МГПИ им. В. П. Потемкина. 1957. Т. 42. Каф. рус. яз. Вып. 4. С. 3—34.

О преподавании «Истории отечественного языкознания» // Вопросы языкознания. 1957. № 3. С. 84—93.

О грамматической форме // Грамматика современного русского языка. М., 1959. С. 5—39. (Уч. зап. МГПИ им. В. П. Потемкина. Т. 73. Каф. рус. яз. Вып. 6).

Вопросник по современному русскому литературному произношению: (Инструкция). АН СССР: Ин-т рус. яз. М.: Изд-во АН СССР, 1960. 23 с.; то же. 1961; то же с некот. изм. М.: Наука, 1964. 22 с.; то же на англ. яз: Aids for describing the Russian sound system. Pennsylvania: Univ. Press, 1964. 34 p.

О некоторых тенденциях в развитии фонетической системы русского литературного языка // Совещание по проблемам изучения истории рус-

ского литературного языка нового времени: 27—30 июня 1960 г. Тез. докл. / АН СССР: Ин-т рус. яз. М.: Изд-во АН СССР. 1960. С. 25—31.

О частях речи в русском языке // Науч. докл. высш. шк.: Филол. науки. 1960. № 4. С. 3—14.

О разграничительных сигналах в языке // Вопросы языкознания. 1961. № 1. С. 3—19.

О некоторых общих тенденциях в развитии русского литературного языка XX в. // Всесоюз. конф., посвящ. закономерностям развития лит. языков народов СССР в сов. эпоху: Тез. докл. / Науч. совет по компл. пробл. «Закономерности развития нац. языков в связи с развитием соц. наций»; Ин-т языкознания АН СССР; Ин-т рус. яз. АН СССР. Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1962. С. 26—31.

О развитии русского языка в советском обществе (к постановке проблемы) // Вопросы языкознания. 1962. № 3. С. 3—16.

Сост. Словообразование. Словоизменение. Синтаксис. Фонетика. Письмо (графика и орфография). Стилистика // Русский язык и советское общество. Проспект. (Материалы Всесоюз. конф., посвящ. закономерностям развития лит. языков народов СССР в сов. эпоху) / Отв. ред. С. К. Кенесбаев. АН СССР: Ин-т рус. яз. Алма-Ата: Изд-во КазССР, 1962. С. 23—108. [Совместно с др.]

О некоторых общих тенденциях в развитии русского литературного языка XX в. (Основные позиционные изменения в фонетике и морфологии) // Вопросы языкознания. 1963. № 1. С. 3—17.

О стилях произношения (в связи с общими проблемами стилистики) // Развитие современного русского языка: Сб. ст. АН СССР: Ин-т рус. яз. М.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 5—38.

Об усовершенствовании русской орфографии // Вопросы языкознания. 1963. № 2. С. 81—93.

В каква степен стихосложението в славянските езици зависи от техните прозодически особености? // Славянска филология. Материали за V Международен конгрес за славистите / Бълг. акад. на науките; Бълг. ком. на славистите. София: Изд-во на въпросите за научната анкета по литературознание, литературно-лингвистични проблеми, народно поетическо творчество, общославистични историко-филологически проблеми. 1963. С. 238—240.

Ред. Развитие современного русского языка: Сб. ст. АН СССР: Ин-та рус. яз. М.: Изд-во АН СССР. 1963. 172 с. [Совместно с С. И. Ожеговым.]

И все-таки она хорошая! Рассказ о русской орфографии, ее достоинствах и недостатках / АН СССР: Ин-т рус. яз. М.: Наука, 1964. 167 с. (Науч.-поп. сер.)

О дефисных написаниях. (Замеч. к предложениям проф. А. А. Реформатского) // О современной русской орфографии: [Сб. ст.] / Редкол.: В. В. Виноградов (отв. ред.) и др.; АН СССР: Ин-т рус. яз. М.: Наука, 1964. С. 150—154.

О правописании глагольных окончаний // Там же. С. 125—128.

О слитных и раздельных написаниях // Вопросы русской орфографии: Сб. ст. // Редкол.: В. В. Виноградов и др.; АН СССР: Ин-т рус. яз. М.: Наука, 1964. С. 100—119.

Сост. и отв. ред. Вопросник по современному русскому литературному произношению. (Для деятелей театра) / АН СССР: Ин-т рус. яз. М.: Наука, 1964. 40 с. [Сост. совместно с др.]

Ред. Развитие грамматики и лексики современного русского языка / АН СССР: Ин-т рус. яз. М.: Наука, 1964. 364 с. [Совместно с И. П. Мучником.]

О строении заударной части слова // Проблемы современной филологии. Сб. ст. к 70-летию акад. В. В. Виноградова / Под ред. М. Б. Храпченко и др.; АН СССР. Отд-е лит. и яз. М.: Наука, 1965. С. 208—214.

Руководитель и один из авторов работы. Обзор предложений по усовершенствованию русской орфографии (XVIII—XX вв.) / Отв. ред. В. В. Виноградов; АН СССР: Ин-т рус. яз. М.; Л.: Наука, 1965. 500 с.

О восприятии звуков // Развитие фонетики современного русского языка / Под ред. С. С. Высотского и др.; АН СССР: Ин-т рус. яз. М.: Наука, 1966. С. 155—162.

О тексте для фонетической записи // Там же. С. 173—181.

Русский язык // Языки народов СССР. Т. I: Индоевропейские языки / Редкол.: В. В. Виноградов и др.; АН СССР: Науч. совет по компл. пробл. «Закономерности развития нац. языков в связи с развитием соц. наций»; Ин-т языкознания. М.: Наука, 1966. С. 55—122; Библиогр.: с. 117—122.

Русский язык и советское общество. (План моногр.). Фонетика // Русский язык и советское общество: Тез. докл. на открытом расш. заседании сектора совр. рус. лит. яз. / АН СССР: Ин-т рус. яз. М.: Наука, 1966. С. 27—31.

Русский язык и советское общество. (Постановка проблемы и основные задачи изучения) // Там же. С. 52—53. [В соавт. с И. П. Мучником.]

Социальные и внутриязыковые факторы развития фонетической системы русского литературного языка советской эпохи // Там же. С. 60—61. [В соавт.]

Характеристика социальных факторов по их воздействию на развитие русского языка советской эпохи // Там же. С. 61—69.

Ред. Развитие фонетики современного русского языка. М.: Наука, 1966. 182 с. [Совместно с др.]

Ред. Языки народов СССР. Т. 1: Индоевропейские языки. 659 с. [Совместно с др.]

Русская фонетика. М.: Просвещение, 1967. 438 с.; Библиогр.: с. 415—436.

Соавт. и ред. Русский язык и советское общество: Социолого-лингвистическое исследование. Лексика современного русского литературного языка. АН СССР: Ин-т рус. яз. М.: Наука, 1968. 187 с.

Соавт. и ред. Русский язык и советское общество: социолого-лингвистическое исследование. Морфология и синтаксис современного русского литературного языка. АН СССР: Ин-т рус. яз. М.: Наука, 1968. 367 с.

Соавт. и ред. Русский язык и советское общество: Социолого-лингвистическое исследование. Словообразование современного русского литературного языка. АН СССР: Ин-т рус. яз. М.: Наука, 1968. 300 с.

Соавт. и ред. Русский язык и советское общество: Социолого-лингвистическое исследование. Фонетика современного русского литературного языка. Народные говоры. АН СССР: Ин-т рус. яз. М.: Наука, 1968. 213 с.

О наложении морфем // Вопросы филологии: К 70-летию со дня рождения... проф. И. А. Василенко / Редкол.: А. Н. Стеценко (отв. ред.) и др. М., 1969. С. 274—282 (Уч. зап. МГПИ им. В. И. Ленина. № 341).

Об изучении русского словообразования: [О книге Н. М. Шанского «Очерки по русскому словообразованию». М., 1968] // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1970. Т. 29. Вып. 3. С. 258—264.

Александр Александрович Реформатский. (Вступ. ст.) // Фонетика. Фонология. Грамматика: К 70-летию А. А. Реформатского / Редкол.: Ф. П. Филин (отв. ред.) и др.; АН СССР: Ин-т языкознания. М.: Наука, 1971. С. 5—17. [В соавт. с Р. И. Аванесовым.]

О грамматических факторах развития фонетической системы современного русского языка // Развитие фонетики современного русского языка: Фонологические подсистемы / Редкол.: С. С. Высотский (отв. ред.) и др.; АН СССР: Ин-т рус. яз. М.: Наука, 1971. С. 20—32. [В соавт.]

О русской орфоэпии // Рус. яз. в нац. шк. 1971. № 3. С. 8—16.

О том, как кодировался фонетический вопросник // Развитие фонетики современного русского языка: Фонологические подсистемы. С. 302—314. [В соавт. с Г. А. Бариновой.]

О том, как составлялся вопросник по произношению // Там же. С. 294—301.

О членимости слов на морфемы // Памяти академика Виктора Владимировича Виноградова: Сб. ст. / Редкол.: В. Г. Костомаров (отв. ред.) и др.; МАПРЯЛ: Науч.-метод. центр рус. яз. при МГУ им. М. В. Ломоносова. М.: Изд-во МГУ, 1971. С. 170—179.

Об аналитических прилагательных // Фонетика. Фонология. Грамматика: К 70-летию А. А. Реформатского / Редкол.: Ф. П. Филин (отв. ред.) и др.; АН СССР: Ин-т языкознания. М.: Наука, 1971. С. 240—253.

Поведение конечного двусонория // Развитие фонетики современного русского языка: Фонологические подсистемы. С. 259—261. [В соавт. с С. М. Кузьминой.]

Русские гласные, просеянные сквозь испанское фонетическое сито // Развитие фонетики современного русского языка: Фонологические подсистемы. М.: Наука, 1971. Вып. 2. С. 264—267. [В соавт. с О. И. Чечиным.]

Реф. Русский язык и советское общество. М.: Наука, 1969. Т. I—IV (The Russian Language and the Soviet Society. M.: Nauka Publischers, 1969.

V. 1—4 // Social Sciences/ [Moscow]. 1971. № 4 (6). P. 203—205. [Журн. выходит также на фр. и исп. яз.]

Ред. Развитие фонетики современного русского языка: Фонологические подсистемы. М.: Наука, 1971. 344 с. [Совместно с др.]

О литературном языке // Рус. яз. в нац. школе. 1972. № 1. С. 9—19.

О синтагматике гласных в говорах с диссимилятивным якањем // Русское и славянское языкознание: К 70-летию чл.-кор. АН СССР Р. И. Аванесова / Редкол.: Ф. П. Филин (отв. ред.) и др.; АН СССР: Ин-т рус. яз. М.: Наука, 1972. С. 218—226.

Р. И. Аванесов-фонолог // Там же. С. 13—23.

Сост. и ред. Проект программы по русскому языку для средней школы / АН СССР: Ин-т рус. яз. М., 1972. 171 с. [Сост. совместно с др.]

Рец. К проблемам грамматики современного русского литературного языка [На кн.: Грамматика современного русского литературного языка / Отв. ред. Н. Ю. Шведова. М.: Наука, 1970] // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1972. Т. 31. Вып. 4. С. 328—339. [В соавт.]

Об одном из возможных описаний фонетической системы русского языка // Проблемы теоретической и прикладной фонетики и обучение произношению. (Материалы межвуз. науч.-метод. конф.). Ун-т дружбы народов им. П. Лумумбы. М., 1973. С. 8—10.

Единый орфоэпический минимум при обучении русскому языку // Оптимальные методы преподавания языка и теория русского языка: Тез. межвуз. конф. МВиССО. Науч.-метод. совет по рус. яз.; Высш. шк. профдвижения ВЦСПС. М., 1974. Ч. 2. С. 34—36.

О культурно-историческом подходе к орфографии // Исследования по славянской филологии: Сб., посвящ. памяти акад. В. В. Виноградова / Отв. ред. В. А. Белошапкова, Н. И. Толстой. М.: Изд-во МГУ, 1974. С. 247—255.

Об изучении русских падежей в национальной школе // Русский и родной языки в школах народов РСФСР. НИИ нац. шк. М-ва просвещения РСФСР. Л.: Просвещение, 1974. Вып. 4. С. 32—48.

Теория фонем Н. Ф. Яковлева и создание новых письменностей в СССР // Народы Азии и Африки. 1974. № 4. С. 210—223.

Из истории отечественного языкознания 20—40-х гг.: Н. Ф. Яковлев (1892—1974) // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1975. № 4. С. 362—367. [В соавт.]

О переводах на русский язык баллады «Джаббервокки» Л. Кэрролла // Развитие современного русского языка. 1972; Словообразование. Членимость слова / Отв. ред. Е. А. Земская; АН СССР: Ин-т рус. яз. М.: Наука, 1975. С. 239—248.

О степени членимости слов // Там же. С. 234—238.

Об одном из возможных описаний фонетической системы русского языка // Теоретическая фонетика и обучение произношению: Сб. ст. Посвя-

щается А. А. Реформатскому в связи с его 75-летием / Редкол.: С. А. Барановская и др.; Ун-т дружбы народов им. П. Лумумбы. М., 1975. С. 11—20.

Фонетические «фантомы F» // Проблемная группа по экспериментальной и прикладной лингвистике: Предвар. публикации / АН СССР: Ин-т рус. яз. М., 1975. Вып. 74. С. 30—36.

Die Entwicklung der russischen Sprache in der sowjetischen Gesellschaft (zur Problemstellung) // Sprache und Gesellschaft in der Sowjetunion. München, 1975. S. 137—153.

Два анализа? (Об изучении состава слова в школе) // Русский и родной языки в школах народов РСФСР / НИИ нац. шк. М-ва просвещения РСФСР. Л.: Просвещение, 1976. Вып. 5. С. 105—112.

О «Российской грамматике А. А. Барсова» // Вопросы русского языкознания / Под ред. К. В. Горшковой. М.: Изд-во МГУ, 1976. Вып. 1. С. 113—130.

О двух типах фонологических систем // Проблемы лингвистической типологии и структуры языка. Л.: Наука. 1977. С. 14—24.

Об использовании моделей при обучении русскому языку // Вопросы преподавания русского и родных языков в национальной школе / НИИ нац. шк. М-ва просвещения РСФСР. М.: Просвещение, 1977. С. 83—92.

Совершенствование методики обучения русскому произношению в национальной школе РСФСР // Родной и русский языки и литературы в национальной школе РСФСР / НИИ нац. шк. М-ва просвещения РСФСР. М.: Просвещение, 1977. С. 90—91.

Изучение состава слова в национальной школе. Махачкала: Дагучпедгиз, 1979. 192 с.

Разные суффиксы или один? // Русский и родные языки в школах народов РСФСР / НИИ нац. шк. М-ва просвещения РСФСР. М.: Просвещение, 1979. С. 48—65.

Соавт. и ред. Русский язык: Эксперимент. учеб. материалы для средней шк. М.: Педагогика, 1979. Ч. 1—4. Ч. 1. 191 с.; Ч. 2. 176 с.; Ч. 3. 143 с.; Ч. 4. 239 с. [Ред. совместно с И. С. Ильинской.]

Современный русский язык: Фонетика. М.: Высш. шк. 1979. 256 с.

Сост. Программа курса «Современный русский язык» для гос. ун-тов / Отв. ред. В. А. Белошапкова. М.: Изд-во МГУ, 1979. 27 с. [В соавт.]

Какая нужна теория на уроках русского языка в национальной школе? // Совершенствование преподавания русского языка и литературы в национальных школах РСФСР: Тез. докл. науч.-практ. конф. / [Редкол.: Н. М. Хасанов и др.]. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1980. С. 137—141.

О парадигматике и синтагматике // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1980. Т. 39. Вып. 2. С. 128—137.

О позиционных чередованиях в фонологии и морфонологии // Вопросы русского языкознания. Вып. 3: Проблемы теории и истории русского языка / Под ред. К. В. Горшковой. М.: Изд-во МГУ, 1980. С. 68—79. [В соавт. с С. М. Кузьминой.]

Введение; Фонетика // Современный русский язык / Под ред. В. А. Белошапковой. М.: Изд-во МГУ, 1981. С. 5—132.

Русский язык: Лексика. Фонетика. Теория письма. Морфология: Учеб. пособие для учащихся нац. пед. уч-щ РСФСР. Л.: Просвещение, 1982. С. 50—471. [В соавт. с Р. Б. Сабаткоевым.]

Русский язык: Синтаксис. Учеб. пособие для нац. пед. уч-щ РСФСР. Л.: Просвещение, 1983. С. 137—156. [В соавт. с Р. Б. Сабаткоевым.]

О значении вида у глагола // Рус. яз. в нац. шк. 1983. № 4. С. 93—94.

Занимательная орфография: Кн. для внеклас. чтения учащихся 7—8-х классов. М.: Просвещение, 1984. 159 с., ил.

О разграничении сегментных и суперсегментных единиц // Исследования по славянскому языкознанию / Под ред. В. П. Гудкова. М.: Изд-во МГУ, 1984. С. 58—66.

Типология лексических ошибок, вызванных взаимодействием языковых систем // Лексические ошибки в русской речи учащихся национальных школ РСФСР / Отв. ред. Х. Х. Сукунов; НИИ нац. шк. М-ва просвещения РСФСР. М.: Просвещение, 1984. С. 81—93.

Сост. и один из авторов ст. Энциклопедический словарь юного филолога (языкознание). М.: Педагогика, 1984. 352 с.

Приемы обучения русскому произношению учащихся финно-угорской языковой группы // Методика обучения русскому языку в 4—10-х классах школ народов финно-угорской группы. Л.: Просвещение, 1985. С. 98—141.

Приемы изучения состава слова и словообразовательных типов // Там же. С. 165—187.

Попытка сопоставления основных понятий московской и пражской фонологических теорий // Проблемы фонетики и фонологии: Материалы Всесоюз. совещ. / АН СССР: Ин-т языкознания. М.: Наука, 1986. С. 80—84.

Сценическая речь и театральные системы // Русское сценическое произношение / Под ред. С. М. Кузьминой. М.: Наука, 1986. С. 20—33.

Рец. Орфоэпический словарь русского языка / Под ред. Р. И. Аванесова // Вопросы языкознания. 1986. № 2. С. 131—136.

Сост. Программа дисциплины «Современный русский язык»: Для гос. ун-тов / Отв. ред. В. А. Белошапкова. М.: Изд-во МГУ, 1986. 29 с. [В соавт.]

Сост. Программа по русскому языку для национальных педагогических училищ РСФСР // НИИ нац. шк. М-ва просвещения РСФСР. М., 1987. 64 с., табл. [В соавт. с Р. Б. Сабаткоевым.]

Воспоминания об Алексее Михайловиче Сухотине // Предварительные публикации Проблемной группы по экспериментальной и прикладной лингвистике / АН СССР: Ин-т рус. яз. М.: 1988. Вып. 182. С. 21—37.

Из наблюдений над стилем сегодняшней периодики // Язык современной публицистики: Уч. пособие / Отв. ред. М. В. Шульга; Госкомиздат СССР: Всесоюз. ин-т повышения квалификации работников печати. Каф. лингвистики. М., 1988. С. 4—27.

О причинах фонетических изменений // Влияние социальных факторов на функционирование и развитие языка / Отв. ред. Ю. Д. Дешериев, Л. П. Крысин. М.: Наука, 1988. С. 41—55.

Лингвистика и методика преподавания русского языка // Вопросы языкознания. 1989. № 1. С. 31—43.

Ритм и метр в русской поэзии // Проблемы структурной лингвистики: 1985—1987 / Отв. ред. В. П. Григорьев. М.: Наука, 1989. С. 340—371.

История русского литературного произношения XVIII—XX вв. / Отв. ред. Д. Н. Шмелев; АН СССР: Ин-т рус. яз. М.: Наука, 1990. 453 с.

О балансе внутренних и внешних зависимостей в развитии языка // Res philologica. Филологические исследования. Памяти академика Георгия Владимировича Степанова / (Ред. Д. С. Лихачев). М., 1990. С. 200—207.

Ритм и метр в русской поэзии. Образный строй // Поэтика и стилистика 1988—1990. М., 1991. С. 3—23.

Фонетика поэзии // Проблемы фонетики 1. Issues in Phonetics. М., 1993. С. 135—151.

Русский язык. Лексика. Фонетика. Теория письма. Морфология. [В соавт. с Р. Б. Сабаткоевым]. Уч. пособие для учащихся нац. пед. уч-щ. 2-е изд., дораб. СПб., 1993.

О скрытых грамматических значениях // Семантика языковых единиц. Материалы III-й межвуз. науч.-исслед. конф. Ч. 2. Фразеологическая семантика. Словообразовательная семантика. Морфологическая семантика. М., 1993. С. 159—164.

Предисловие // Толковый словарь русского языка / Под ред. Д. Н. Ушакова. М., 1994.

Ред. Русский язык. Учебник для средней школы. 5 класс. М., 1994.

Вступление. Фонетика [в соавт. с С. М. Кузьминой]. Лексика [в соавт. с И. С. Ильинской] // Русский язык. Учебник для средней школы. 5 класс. М., 1994. С. 5—9, 94—208.

О слогоделении в русском языке // Проблемы фонетики. 2. М., 1995. С. 29—42.

Числительные в новом учебнике // Русская словесность. 1995. № 2. С. 49—55.

Рассказы о русском стихе. 1. Пиррихий // Русская словесность. 1995. № 1.

Вступление. Фонетика [в соавт. с С. М. Кузьминой]. Лексика [в соавт. с И. С. Ильинской]. Синтаксис // Русский язык. Учебник для средней школы. 5 класс. 2-е изд., доп. М., 1995.

Ред. Русский язык. Учебник для средней школы. 5 класс. 2-е изд., доп. М., 1995.

Д. Н. Ушаков. Жизнь и творчество (вступ. ст.) // Ушаков Д. Н. Русский язык. М., 1995. С. 8—40.

Сост. и подгот. текста. Ушаков Д. Н. Русский язык. М., 1995.

Даниил Хармс // Очерки истории языка русской поэзии XX века. Опыты описания идиостилей. М., 1995. С. 481—505.

Рассказы о русском стихе. 2. Цезура // Русская словесность. 1996. № 1.

Московская лингвистическая школа. 100 лет // Русистика сегодня. 1996. № 3. С. 5—37.

Морфологическое обозначающее // Семантика языковых единиц. Докл. V Междунар. конф. Т. 1. М., 1996. С. 244—247.

Ред. Русский язык. Учебник для средней школы. 6 класс. М., 1997. 400 с.

Ред. и один из авторов. Русский язык. Учебник для средней школы. 7 класс. Числительное. С. 5—36; Причастие. С. 79—81; 184—186. М., 1998.

Как устроен язык. С. 10—50; Состав слова. С. 132—135, 151, 153 // Энциклопедия для детей. Т. 10. Языкознание. Русский язык. М.: Аванта+, 1998.

Трансформы и нейтрализация // Лики языка. К 45-летию научной деятельности Е. А. Земской. М.: Наследие, 1998. С. 275—284.

Динамика русского языка в XVIII—XIX—XX веках (фонетика и морфология) // Семантика языковых единиц. Докл. VI Междунар. конф. М., 1998. С. 28—31.

Значение трудов Д. Н. Ушакова и Н. Н. Дурново для становления фонологии // Язык: Изменчивость и постоянство. М., 1998. С. 218—224.

Ред. и один из авторов. Русский язык. Учебник для средней школы. 7 класс. Числительное. С. 5—36; Причастие. С. 79—81, 184—186. 2-е изд. М., 1999.

Позиционная морфология русского языка. М., 1999. 276 с.

Позиционные мены значений у слов в зависимости от текста // Структура и семантика художественного текста. Докл. VII Междунар. конф. М., 1999. С. 296—300.

Тишина. Снег. М., 1999. 128 с.

Из рассказов о русском стихе. Тактовик // Русская словесность. 2000. № 3. С. 72—76.

Из рассказов о русском стихе. Тактовик // Русская словесность. 2000. № 4. С. 74—79.

Сочетание несочетаемого // Мир Велимира Хлебникова. Статьи и исследования 1911—1998. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 303—337.

Московская фонологическая теория сегодня // Фортунатовский сборник. М., 2000. С. 344—348.

Позиционные чередования в лексике. (В печати.) 8 с.

Ред. Русский язык. Учебник для средней школы. 8—9 классы. М., 2000.

Отношение частей речи к слову // Традиционное и новое в русской грамматике: Сб. ст. памяти В. А. Белошапковой. М.: Индрик, 2001.

Фонологические взгляды К. В. Горшковой // Языковая система и ее развитие во времени и пространстве: Сб. науч. ст. к 80-летию К. В. Горшковой. М.: Изд-во МГУ, 2001. С. 411—415.

ЖИЗНЬ ЯЗЫКА

Сборник статей к 80-летию М. В. Панова

Издатель А. Кошелев

Художественное оформление обложки
Наталии Прокуратовой и Сергея Жигалкина

Корректор Н. М. Берестова

Подписано в печать 10.03.2001. Формат 70×100 1/16.
Бумага офсетная № 1. Печать офсетная. Гарнитура Баскервилл.
Усл. печ. л. 44,505. Заказ № 1178. Тираж 1500 экз.

Издательство «Языки славянской культуры».
129345, Москва, Оборонная, 6–105; № 02745 от 04.10.2000.
Тел.: 207-86-93. Факс: (095) 246-20-20 (для аб. М153).
E-mail: mik@sch-Lrc.msk.ru
Каталог в ИНТЕРНЕТ
http://www.lrc-mik.narod.ru

Отпечатано с готового оригинал-макета в ГУП ордена «Знак
Почета» Смоленской областной типографии им. В. И. Смирнова.
214000, г. Смоленск, проспект им. Ю. Гагарина, 2.

*

Оптовая и розничная реализация — магазин «Гнозис».
Тел.: (095) 247-17-57, Костюшин Павел Юрьевич (с 10 до 18 ч.).
Адрес: Зубовский б-р, 17, стр. 3, к. 6.
(Метро «Парк Культуры», в здании изд-ва «Прогресс».)

Foreign customers may order this publication
by E-mail: koshelev.ad@mtu-net.ru
or by fax: (095) 246-20-20 (for ab. M153).